

БОСПОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. L

BOSPOROS STUDIES

Vol. L

Керчь
Kerch

Симферополь
Simferopol

2025

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол №1 от 16.01.2025 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Абрамзон М.Г., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., проф., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Зубарев В.Г., д.и.н., проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)

Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма (Симферополь)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Смекалова Т.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция).

*Состав редколлегии утвержден Научно-техническим советом Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 14.03.2023 г.)*

Боспорские исследования. Вып. I / Отв. ред. В.Н. Зинько. —
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2025. — 448 с.
ISBN 978-5-6046127-9-8

В юбилейном выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Северного Причерноморья, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры Крыма.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6046127-9-8

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2025
© Авторы, текст, 2025

СТАТЬИ

В. Г. ЛАЗАРЕНКО
V. G. LAZARENKO

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕТКИ (РЕШЕТКИ) НА ГРАФФИТИ, НАЙДЕННЫХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

SEMANTICS OF GRID IMAGES ON GRAFFITI FOUND DURING THE STUDY OF ANCIENT MONUMENTS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Миф всегда был для греков воплощением
высшей реальности, начиная с гомеровских времен
и кончая последними веками античности
[А. А. Тахо-Годи, 1999, с. 563].

Граффити, изображающие сетки (решетки) давно и регулярно обнаруживаются при исследованиях значительного круга античных памятников Северного Причерноморья – от Ольвии до Азиатского Боспора. Однако, как авторы этих находок, так и специалисты, включающие их в свои публикации, как правило, либо оставляют подобные изображения без каких-либо комментариев (тем более, семантических), либо предполагают их магическое предназначение, не вникая в детали. Правда, иногда допускается, что сосуды с подобными граффити «могли использоваться для неких ритуальных целей» (Емец, 2005, с. 141). А. С. Намойлик, в отличие от других авторов, которые рассматривают в качестве таких знаков лишь решетки, считает, что к апотропеическим знакам относятся и «различные комбинации из пересекающихся прямых, которые могли иметь вид бессистемных перекрестий» [Намойлик, 2018, Т. 1, с. 131]. Некоторые исследователи даже избегают термина «сетки» или «решетки», говоря лишь о тех или иных линиях, пересеченных (или соединенных) другими линиями [напр. Русяева, 2010, с. 124-125 № 81, табл. 45, 7; Русяева и др., 2021, с. 97, № 25, рис. 3, 25].

Между тем, привлечение к исследованию таких граффити данных сравнительной мифологии и лингвистики может способствовать расширению наших знаний о духовном мире Северного Причерноморья античного времени, в том числе – в контексте возможного взаимовлияния сакральных представлений греков-колонистов и местного населения.

Знак решетки или сетки существовал еще до возникновения земледелия, перейдя затем в неолит и последующие эпохи [Голан, 1993, с. 88]. Например, при исследова-

нии верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи¹ открыты многочисленные (!) пластины из кости с выгравированными на них сложными изображениями, в т. ч. больших сеток, имеющих правильные ячейки разной формы (рис. 1). Примечательно, что эти находки сопровождали сделанную из кости женскую статуэтку (рис. 2) [Ефименко, 1953, с. 527, рис. 260 и 261]. Все они были извлечены из ямы в конструкции из черепов мамонта² 1935 г. (№ 7), и датируются по данным радиоуглеродного анализа 13905 ± 55 лет тому назад [Хлопачев и др., 2017]. П. П. Ефименко полагал, что скульптурки женщин в верхнем палеолите представляли собой «образ женщины-родоначальницы, женщины – хранительницы домашнего очага и вместе с тем... хозяйки и покровительницы окружающей природы (например, мать и хозяйка зверей)» [Ефименко, 1953, с. 403]. При этом исследователь указал, что в мадленское время³ (к которому относится и стоянка Елисеевичи), «могла быть уже изобретена сеть, сплетенная из волос, сухожилий или волокон некоторых растений (крапивы)» [Ефименко, 1953, с. 515]. А значение изображения сетки прекрасно сформулировал А. Голан: «Решетчатый знак, приобрел значение символа некой магической силы. Этой магической силой была богиня, образ которой запечатлен еще в палеолитической скульптуре. Она, будучи богиней природы, матерью и хозяйкой зверей, допускала или не допускала, чтобы охота была успешной» [Голан, 1993, с. 89].

Особое развитие культ Богини получил в неолите, с появлением земледелия. Это не случайно – например, Б. А. Рыбаков, рассуждая о сущности мировоззрения древних земледельцев, подчеркивает, что женщина и земля были сопоставлены и уравнены на основе древней идеи плодovitости, плодородия [Рыбаков, 2014, с. 186]. Одним из приобретений неолита было искусство прядения и изготовление тканей. Об этом свидетельствуют, в частности находки остатков вертикальных ткацких станков во всех культурных группах неолита Балкан, в т. ч. в культуре Винча. Последнее мы выделили особо, потому что с началом именно этой культуры произошли существенные изменения, ярче всего выразившиеся в керамическом искусстве. И значительное место в нём заняли скульптурные изображения Богини невиданного прежде облика, которые обнаружены в значительном количестве (чего не было ранее) при раскопках памятников культуры Винча [Гимбутас, 2006, с. 72, 73, 77, 79-82, рис. 3-12, 3-13, 3-19, 3-20, 3-21, 3-22]. Что касается ткачества, то, поскольку изготавливали пряжу и ткани женщины, эти занятия ассоциировались с Богиней. Великолепным свидетельством этого является полноценное двухэтажное святилище (приблизительно 5000 г. до н. э), найденное и раскопанное в Радинграде в окрестностях Разграда (Северно-Восточная Болгария). На его верхнем уровне располагались алтарь, а ря-

¹ Елисеевичи 1 – стоянка эпохи верхнего палеолита, открытая в 1930 г. на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десны) у с. Елисеевичи Брянской области.

² Конструкция из черепов указывает на культовое назначение данного объекта.

³ Мадленское время – период 15-10 тыс. лет до н. э., названный в честь типового объекта «Ла Мадлен», каменного убежища на площади Плазак в Дордони (Франция).

дом с ним – ткацкий станок, что указывает на сакральный смысл самого ткачества [Гимбутас, 2006, с. 281]. Как отметил А. Голан, женские статуэтки времен палеолита и неолита дают основание полагать, что «в те эпохи женское божество считалось главенствующим в пантеоне» [Голан, 1993, с. 167, 171]. Другими словами, речь идет о Великой богине. Функции её были разнообразны, в т. ч. она представлялась не только богиней возрождения, но и как Богиня-смерь [Гимбутас, 2006, с. 260-267]. При археологическом исследовании памятников культуры Винча изображения решетки (реже – сетки) встречались достаточно часто, причем как на небольших круглых предметах, имеющих явное ритуальное назначение, так и на бесформенных фрагментах керамики [Деретић, Антић, 2014, с. 26 рис. 3; с. 32 рис. 7, 10, 12, 22; с. 38 рис. 13, 31-35; с. 66 рис. 28]. Примечательно, что данные изображения включены в число знаков, являющихся протописьменностью, причем, как считают некоторые исследователи, более древней, чем шумерская [Peshich, 2008 p. 70-71].

Поскольку мы рассматриваем граффити, найденные в Северном Причерноморье, напомним, что именно здесь имели место главные события формирования и разделения индоевропейской языковой общности, происходившие в течение IV–III тысячелетий до н.э. на огромной территории, от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей. Только представляя эти процессы можно понять мировоззренческую, в т. ч. – знаковую, преемственность неолитических культур Балкан и последующих по времени культур Северного Причерноморья. Культура Лепенски Вир (9400-8200 лет назад) может считаться исходным регионом миграций будущих ариев, в частности, в связи с тем, что в неолитическое время у насельников этой культуры появляется новая традиция захоронения умерших – скорченно на боку⁴. Кроме того, есть основания полагать, что люди Лепенского Вира и Винчи были носителями гаплогруппы R1a. Дело в том, что графические изображения, символы этих древних культур сопровождают все дальнейшие миграции ариев, имеющих эту же гаплогруппу [Klyosov, Mironova, 2013]. Широких исследований ДНК-генеалогии ранних индоевропейцев пока не проводилось, тем не менее, имеющиеся данные показывают, что около 5000 лет назад в Северное Причерноморье со стороны Балкан и Дуная проникают племена носителей гаплогруппы R1a – главного генетического маркера ранних индоевропейцев [Klyosov, Tomezzoli, 2013; Клёсов, 2016]. В любом случае, хронологически первыми в процессе формирования индоевропейской языковой общности оказываются балканские племена [Klyosov, Rozhanskii, 2012].

Сейчас твердо установлено, что основными генетическими компонентами культуры Прекукутени-Триполья А были дунайские культуры линейно-ленточной керамики и Боян при некоторых элементах культур Криш, Хаманджии, Винчи» [Бурдо, 2003, с. 14-15]. Очень важно в связи с этим заключение О. Н. Трубачева: «Сюда,

⁴ Лепенски Вир – культура, включающая в себя не менее 20 поселений по обоим берегам Дуная в Сербии и Румынии на протяжении 150 км. Захоронение в скорченном положении, характерно для носителей гаплогруппы R1a [Haak et al, 2008].

в Среднее Поднепровье, тянулись через Ю. Буг из восточной части Балканского полуострова очень древние связи, о стабильности которых свидетельствуют явные следы в местной гидронимии. Эти восточно-балканские-южнобугские-среднеднепровские связи в гидронимии нетрудно поставить в связь с ареалом трипольской культуры в археологии, который, как известно, тоже простирался от Среднего Поднепровья на Балканы» [Трубачев, 2009, с. 686]. Безусловно, в отношении Трипольской культуры Балканы выступают как сторона, у которой заимствуют [Топоров, 1972, с. 24]. Другими словами, культура Кукутени-Триполья (примерно с 5400 по 2700 гг. до н. э.) – археологическая общность (область) энеолита на территории современных Румынии, Молдавии и Украины, является наследницей более ранних балкано-дунайских земледельческих культур. В итоге изучения мировоззренческого значения орнамента трипольской керамики Б. А. Рыбаков давно и убедительно продемонстрировал неразрывную связь плетения, представленного сложными спиральными клубками (В. Л. – что вполне можно отнести также к процессу ткачества), и образа Великой матери, а также их космический масштаб. Об этом говорят следующие заключения исследователя: «На трипольских широких сосудах спиральный обтекающий узор занимает самое видное срединное положение, составляя основу всей орнаментальной композиции (рис. 3)... Главной идеей энеолитического спирально-солнечного орнамента с его ритмичным многократным повторением бега нескольких солнц, с его мастерским показом непрерывности этого бега, я считаю идею времени. Вторым способом рисования “спирали времени” является изображение змей, изгибающихся точно так же, как и спиральные ленты», а также: «Из элементов-идеограмм, при посредстве которых изображали Вселенную, образуется лик божества. Меняется, точнее, обогащается и заполнение среднего пояса: кроме стандартных спиралей и солярных знаков появляются змеиные спирали, фигуры людей, что знаменует “рождение богов”... небо, и воздушное пространство вытеснено гигантскими ликами, как бы поднимающимися из земли... Это божество несомненно женского рода, так как солярные знаки в ряде случаев имеют форму рельефно обозначенной женской груди» (рис. 4) [Рыбаков, 1965 №1, с. 42-44; 1965 № 2, с. 18-19].

Именно в Северном Причерноморье лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков к началу II тысячелетия до н. э. Это было не просто соседство, а родство, поскольку в этих языках имелись значительное сходство грамматического строя и обширная общая лексика; особенно многочисленны одинаковые выражения в терминологии земледелия [Порциг, 2003, с.234, 238; Шрадер, 2003, с. 189]. Это время катакомбной культурно-исторической общности (ККИО), существовавшей в период 2500–1950 гг. до н. э. в причерноморских степях после исчезновения Трипольской культуры. Катакомбная культура является, относительно изобразительной символики, в определенной степени наследницей культуры Винча. Доводом в пользу этого служит сопоставление выявленных катакомбных знаков с доиероглифическим письмом Двуречья, которое показало, что совпадают всего лишь немногим больше 1% знаков. С другой стороны, гораздо больше совпадений у катакомбных знаков-символов со знаковой системой культуры Винча – 18% [Пустовалов, 1996, с. 45-46]. В т. ч., это знаки

решетки, который мы видим на стенках и доньях керамических сосудов майкопской культуры⁵ [Кореневский, 2004, рис. 14, 25; 2013, с. 67-68, рис. 2, 21, 29; 3, 2]. Кроме того, появляется орнамент в виде больших сеток на тулове и доньях сосудов данной культуры (рис. 5) [Кореневский, 2004, рис. 16, 7; 58, 2; 72, 2; 112, 11]. Характерно, что для майкопской культуры поза погребенных однозначна – скорчено на боку [Кореневский, с. 19], что, как мы помним, может указывать на носителей гаплогруппы R1a, ранних индоевропейцев. В Крыму знак сетки встречается на росписях каменных ящиков погребений (кстати, также в скорченном положении на боку), обнаруженных в им. Черкес и Пионерском-95 (2,2), расположенных в предгорном районе недалеко от Симферополя и относящихся к Кемь-обинской культуре⁶, при этом сетки покрывают всю плиту [Тощев, 2007, рис. 35, 2, 10; 36, 1]. Очень интересны другие находки в Крыму: на поселении начала средней бронзы Планерское I обломка молоточковидной булавки с изображением сетки (рис. 6), а также глиняного кубика, на одной из сторон которого изображена сетка, в катакомбном погребении к.5 п. 10 курганной группы «Рясные могилы» у с. Балки в Белогорском районе [Тощев, 2007, с. 110, рис. 21, 22; рис. 38, 1].

Знак сетки (решетки) присутствовал и на керамике следующего за ККИО феномена – срубной культурно-исторической общности (XVIII-XII вв. до н. э., по другим оценкам – XVI-XII вв. до н. э.)⁸. Например, знак решетки мы видим на глиняных сосудах, найденных на поселениях лесостепной срубной культуры (Мосоловское и I Сусканское), на лесостепном могильнике в окрестностях Богучара, в степных могильниках (Ровное к. 15 п. 1; Политотдельское к. 12 п. 9), а также на степном поселении Чесноково-1 [Захарова, 2000, с. 103 рис. 4, 5; с. 105 рис. 6, 2 и 9; с. 107, рис. 8, 9; с. 121 рис. 22, 6; с. 122 рис. 23, 4 и 7; с. 129 рис. 28, 5]. Изображение решетки в срубное время было достаточно распространенным. Так, по результатам одного из специальных исследований, из 308 сосудов со знаками⁹ 57 (т. е. 18,5%) имеют изображе-

⁵ Майкопская культура (майкопско-новосвободненская общность, майкопско-новосвободненская культура) – археологическая культура, распространённая в предгорьях Северного Кавказа в раннем бронзовом веке. Названа по Большому Майкопскому кургану, исследованному в 1897 г. Н. И. Веселовским. Основная территория распространения – равнины и предгорья Предкавказья от Таманского полуострова до Чечни.

⁶ Кемь-обинская культура – археологическая культура раннего бронзового века, существовавшая на территории Нижнего Приазовья, Нижнего Поднепровья и Крыма в III тысячелетии до н. э.

⁷ Поселение Планерское I расположено на небольшом возвышении, у подножья Кара-Дага, который ограничивает долину с юга.

⁸ По данным ДНК-генеалогии, памятники срубной культуры (середина II тыс. до н. э.), поскольку там обнаружена ископаемая гаплогруппа R1a, – это памятники «хвоста» миграции ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли из Северного Причерноморья на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 149-150].

⁹ В это число исследовательница включила 205 сосудов со знаками, происходящих с 79 памятников (поселений и могильников) срубных культур лесостепи, а также 103 сосуда со знаками с 74 памятников (в подавляющем большинстве – курганных могильников) степной зоны распространения срубной общности [Захарова, 2000, с. 44, 52].

ние решетки (В. Л. – термин наш, автор исследования почему-то использует термин «рамка») [Захарова, 2000, с.142 рис. 40]. Исследовательница не включила в это число изображения беспорядочной сетки, хотя сосуд с таким знаком найден, например, на Мосоловском поселении донской лесостепной срубной культуры [Захарова, 2000, с.107 рис. 8, 8].

Вернемся к распаду индоевропейской языковой общности в Северном Причерноморье на рубеже III–II тысячелетий до н. э. и началу больших миграций. Перемещение прагреков и близких к ним генетически и ареально племен открывает путь хеттам, которые по Причерноморским степям и Кавказу, через Дербентский проход Прикаспия (около 1900 г. до н.э.) продвигаются в центральные районы Анатолии. После чего по всему Северному Причерноморью распространяются, вероятно, уже разделившиеся арии [Гиндин, 1992, с. 57-58, 60]. Последнее будет иметь значение при констатации наличия реликтовых ариев в период колонизации греками Северного Причерноморья (см. ниже).

Впервые мы видим письменное сообщение о Богинях-пряхах в одном фрагменте хеттского ритуального текста¹⁰ (KUB XXIX, 1¹¹, I, 39-48): «Загляни в зеленую рощу и (посмотри), кто находится там... Я заглянул. Истустая и Папаия, древние богини Нижнего (мира)... стоят на коленях... Одна держит прялку, (и обе) держат полные веретена. И они прядут годы царя. И годам (царя) не ни конца, ни счета» – перевод В. Г. Ардзинба [Ардзинба, 1982, с. 88]. Следует согласиться с выводом В. П. Горана, что «образ богинь судьбы – Прях – отражает у хеттов прежде всего силы плодородия, жизни» [Горан, 1990, с. 66], то есть они представляют собой ипостась Богини-матери (Великой богини)¹². Г. О. фон Хеннинг, изучая символизм хеттских орнаментов, установил, что еще до их прихода знак двух переплетенных змей в Эламе был «символом магического представления материального или трансцендентного порождения и, таким образом, является ли это символом вечной жизни», но «с появлением хеттов переплетающийся мотив внезапно занимает ведущее место в качестве орнамента и должен рассматриваться как характеристика всего искусства». Исследователь обозначил этот мотив как «хеттское переплетение» и показал его неразрывную связь с изображениями (на хеттских печатях-цилиндрах со второй половины II тысячелетия до н. э.) маленькой обнаженной богини, считая, что «это не что иное, как

¹⁰ Архив из более, чем 25 тысяч клинописных текстов на глиняных табличках из Богазкёя (древней столицы Хеттского царства Хаттусы) является единственным из сохранившихся памятником документального наследия хеттской цивилизации, существовавшей на Среднем Востоке во II тысячелетии до н.э.

¹¹ KUB XXIX, 1 – Ehelhof H. Keilschrifturkunden aus Boğhazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts.

¹² Во II тыс. в результате религиозной политики хеттских правителей малоазийская Великая богиня – Кубаба включается в пантеон хеттов как одна из богинь, завоеванных хеттами. Любопытна происшедшая затем контаминация образа этой древней сирийской богини с главной богиней хеттов – хаттской по происхождению Вурунсему.

олицетворение плодородия» [Henning, 1926, p. 408-409, 413-415]. Фон Хеннинг не использует здесь определение «Великая богиня», но смысл этого ясен.

Р. В. Кинжалов предложил обозначать переплетающийся мотив орнамента греческим словом «плексис» (плетение, сплетение, ткань), привел наиболее часто встречающиеся формы: двойной переплетающийся жгут или шнур, две спирали или два клубка, соединенные между собой нитью, и моток нитей, переплетенных в определенном сложном порядке, подчеркнув, что особенно часто плексис встречается в искусстве хеттов и минойского Крита [Кинжалов, 1990]. О высшем положении женского божества, как известно, свидетельствует искусство древнего Крита. Не исключено, что микенцы заимствовали у хеттов образ богинь судьбы как Прях, и для этого имелась почва в собственной культурной традиции микенцев, содержащей близкие представления. Традиции связывать эти представления с образами прядения и нити применительно к хеттской и микенской традициям обусловлен принадлежностью их носителей к индоевропейским народам и географической близостью, обусловившей их контакты и взаимовлияние [Горан, 1990, с. 74-75]. Греческая мифология связывает древний образ Пряхи с крито-микенским прошлым, поскольку Ариадна как раз на Крите спасла жизнь Тесею в Лабиринте именно с помощью нити (Псевдо-Аполлодор Э I, 8-9), да и сам Лабиринт – не что иное, как запутанная нить, определяющая сроки жизни и смерти. Гомер, повествуя (II. XVIII, 590-602): «Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный, / Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе / Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой», говорит, по сути, о Лабиринте. Далее же он в некоторой степени сравнивает танцы в гефестовом творении с процессом ткачества: «Пляшут они, и ногами искусными то закружатся... / То разовьются и пляшут рядами, одни за другими» (пер. Н. И. Гнедича).

Диодор Сицилийский (V, 76, 3-4) сообщает: «Бритомартида, прозванная Диктинной, как гласит миф, родилась в Кено на Крите и была дочерью Зевса и Кармы, дочери Эвбула, рожденного Деметрой. Изобретя используемые на охоте сети (δίκτυα), она получила прозвище Диктинны и проводила время с Артемидой, почему и считают, будто Диктинна и есть Артемида. Эту богиню критяне почитают жертвоприношениями и сооружают в ее честь храмы. Те же, кто считает, будто Диктинной она названа потому, что спряталась в рыболовных сетях, спасаясь от объятий Миноса, грешат против истины¹³. Ведь невозможно поверить, что богиня оказалась настолько бессильна, что прибегла к помощи людей, будучи дочерью величайшего из богов» (пер. О. П. Цыбенко). В самом деле, Диктинна просто обязана быть могущественной богиней, ведь, как мы видим из приведенного мифа, Диктинна не только дочь Зевса, но по матери еще и внучка Деметры. Так что, отождествление её с Артемидой вполне адекватно по значимости родословной. Прообразом Афины и Артемиды была неолитическая богиня, микенская Ма-Дивиа, которая мыслилась Матерью мира [Голан, 1993, с. 170]. Письменные данные указывают на то, что Великая богиня (или

¹³ Имеется ввиду рассказ Павсания (II 30, 3).

Великая Матерь, Mater Magna), как именуется она в дошедших до нас текстах греков и римлян, считалась главным божеством [Голан, 1993, с. 167].

В греческой литературе первое сообщение о богинях-пряках принадлежит Гомеру (Od. XIII, 95-112). Поэт достаточно подробно рассказывает, где на берегу залива «старца морского Форкина» в «земле итакийской» находится «пещера прелестная, полная мрака. / В ней – святилище нимф; наядами их называют. / ... Много и каменных длинных станков, на которых наяды / Ткут одеянья прекрасные цвета морского пурпура. / Вечно журчит там вода ключевая. В пещере два входа: / Людям один только вход, обращенный на север, доступен. / Вход, обращенный на юг, – для бессмертных богов. И дорогой / этою люди не ходят, она для богов лишь открыта» (пер. В. В. Вересаева). Для Гомера, очевидно, этот залив и пещера нимф имела особое значение, поскольку он еще раз упоминает о них (Od. XIII, 344-348), почти копируя начало приведенного выше фрагмента: «Дай же тебе покажу я Итаку, чтоб ты убедился. / Это вот старца морского Форкина¹⁴ залив пред тобою. / Там, где кончается он, длиннолистую видишь оливу? / Возле оливы – пещера прелестная, полная мрака. / Там святилище нимф; наядами их называют» (пер. В. В. Вересаева). Этот рассказ Гомера вызывал большой интерес еще в античное время. Квинтэссенцией этого интереса стал труд Порфирия «О пещере нимф», где он освещает символический смысл этого рассказа Гомера. Главы 5-9 этого труда толкуют пещеру в недрах земли как космос и средоточие мировых потенций, а в главах 13-14 указывается, что пурпурные ткани, которые ткут на каменных станках нимфы, – «сотканная из крови плоть», облекающая кости (камень) и приобщавшая душу к телесной смертной материи [Порфирий, 1999]. А. А. Тахо-Годи, анализируя труд Порфирия, приводит один из орфических гимнов (LI Abel), который описывает нимф – «потаенно живущих» дочерей Океана, населяющих «влажно-дорожные ущелья земли». Это хтонические существа, «радующиеся гротам и пещерам». Вместе с Паном нимфы «пляшут на горах», бродят по ним и «бросают камни» [Тахо-Годи, 1999, с. 567]. Последнее обстоятельство заставляет вспомнить миф о Девкалионе и Пирре, которые после всемирного потопа создали новых людей – соответственно, мужчин и женщин, бросая себе за спину камни (Овидий. Метаморфозы, I, 348–413). Поэтому не стоит расценивать «бросание камней» нимфами как простую забаву, может быть, это символизирует творение людей. И ничего странного в том, что станки у гомеровских нимф каменные. Камень в древ-

¹⁴ Упоминанием Форкина подчеркивается глубокая древность и особый статус всего связанного с данным заливом, в том числе – обсуждаемой пещеры нимф. Дело в том, что Форкий (Форкин) – морское хтоническое божество, бог бурного моря, бог чудес. Он сын Понта и Геи (Гесиод. Теогония 237), либо сын Урана и Геи (Первый Ватиканский мифограф III, 1, 2), либо сын Понта и Тефии (Орфика, фр. 117 Керн). Брат и супруг Кето – злобной богини пучины. Их дети: Горгоны и Грайи (Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека I, 2, 6; II, 4, 2; Пиндар. Пифийские песни XII, 13), столбавый дракон Ладон, сторожившего золотые яблоки Гесперид (Гесиод. Теогония 333-336). От союза Форкиса и Гекаты (или Ламии) родилась Скилла (Аполлоний Родосский. Аргонавтика IV, 818; Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека Э VII 20). Всё это – важнейшие персонажи доолимпийской мифологии.

негреческой культуре наделялся магической силой. И на каменном станке можно было ткать нити, сплетение которых символизировало жизнь и смерть. Нимфам, похоже, вообще было свойственно ткачество. Так, у Гомера в «Одиссее» есть фрагмент о Калипсо (V, 61-62), где говорится: «С золотым челноком обходила / Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным» (пер. В.В. Вересаева). Нонна Панополитанский повествует (VI, 130-142) о том, как Деметра прячет Персефону в «пещере скалистой со столбами из камня, там жили соседние нимфы»¹⁵, и приводит туда Каллигенейю, «чадолюбивую няньку / С пряжей и всем, что потребно для рукоделья Паллады / Женскому роду в тяжелой и кропотливой работе» (пер. Ю. А. Голубца).

Однако наиболее древними Богинями-пряжами у греков были Мойры (от μοῖρα, букв. «часть», «доля», отсюда «участь», которую получает каждый при рождении) – богини судьбы. В олимпийской религии наиболее распространено суждение, что это три сестры. Первым сообщает о них Гесиод, приводя в своей «Теогонии» две версии их происхождения. Сначала он говорит, что они были дочерьми Эреба (Тьмы) и Никты (Ночи) и сёстрами Танатоса и Гипноса (ст. 217-222), хотя позже (ст. 901-906) уже о том, что они – дочери Зевса и Фемиды. Последнее поддерживает Псевдо-Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» (I, 3, 1), но есть также версия, что они дочери Кроноса (Эпименид, фр. 7 Якоби). Согласно орфикам (Орфика, фр. 126 Керн) и Платону (Государство X, 617c), Мойры – дочери Зевса и Ананке (см. ниже). В любом случае Мойры – очень древние богини. Характерны их имена: Клото (Κλωθώ, «Пряха») – прядущая (нить жизни); Лахесис или Лахеса (Λάχεσις, «Судьба», «дающая жребий») – определяющая судьбу; Атропос, также Атропа (Ἄτροπος, «Неотвратимая») или Айса – неумолимая, неотвратимая участь, т. е. смерть, которая уравнивается с «нитью, разорванной Мойрой» Атропос (Нонн. Деяния Диониса XII, 140-142). Н. П. Обнорский прекрасно резюмировал функции Мойр. Первая из них, в образе прядущей женщины, олицетворяет собой неуклонное и спокойное действие судьбы, вторая – её случайности, третья – неотвратимость её решений. Клото сплетает нить судьбы из всего, что попадёт ей в руки. Лахесис не глядя сплетает нити судеб разных людей между собой. А третья – Атропос, расстригает нити судьбы, таким образом, убивая их. В архаике этим именем обозначался высший закон природы, боги же являлись его исполнителями; наряду с выражением Διός αἵμα, «божественное предопределение», часто встречается выражение μοῖρα θέων. На основе этого возник отдельный от других божеств культ мойр. Рождение и смерть стоят под особым покровительством мойр. Они определяют срок жизни человека и момент его смерти и заботятся, чтобы он не прожил дольше положенного ему срока. Как дочери Ночи, мойры – сёстры и союзницы Эриний, которые считались не только силами мрака, но и неумолимыми духами мести и кары и отсюда – смерти. Представляясь как дочери Фемиды, мойры выступают богинями закономерности и порядка [Обнорский, 1896].

¹⁵ А. А. Тахо-Годи считает, что этот фрагмент следует перевести так: «Там был каменный станок, о котором заботились соседние нимфы» [Тахо-Годи, 1999, с. 572].

Но еще более впечатляюще выглядит версия, что Мойры – дочери Ананке (Орфика, фр.126 Керн; Платон. Государство X, 617с), почитаемой в орфических верованиях и являющейся, в свою очередь, дочерью Афродиты Урании (Orph. h. LV4). Само имя Ананке (Ἀνάγκη) означает «неизбежность, судьба, необходимость»), и ей поклонялись как божеству необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше (Orph. h. III, 13). У Нонна Панополитанского в «Деяниях Диониса» (II, 678) даются такие рекомендации Кадму, «Дабы судьбыны горькой тебе отныне избегнуть, / Участи, мойриной нити, что свита из пряжи Ананке, / Если только возможно нить Мойры смягчить». Ананке и Мойры предстают образами вселенского масштаба, а их веретено – Мировой осью. Об этом говорит, в частности, один фрагмент Платона (Государство X, 616с–617с), который, ввиду его особой значимости, приведем почти полностью: «Посреди этого столпа света свешивающиеся с неба концы связей: ведь этот свет – узел неба; как брус на кораблях, так он скрепляет небесный свод. На концах этих связей висит веретено Ананки, придающее всему вращательное движение... Вращается же это веретено на колесах Ананки. Сверху на каждом из кругов веретена восседает по Сирене; вращаясь вместе с ними, каждая из них издает только один звук, всегда той же высоты. Из всех звуков – а их восемь – получается стройное созвучие. Около сирен на равном от них расстоянии сидят, каждая на своем престоле, другие три существа – это Мойры... В лад с голосами сирен Лахесис воспекает прошлое, Клото – настоящее, Атропос – будущее. Время от времени Клото касается своей правой рукой наружного обода веретена, помогая его вращению, тогда как Атропос своей левой рукой делает то же самое с внутренними кругами, а Лахесис поочередно касается рукой того и другого» (пер. А. Н. Егунова).

Исследования в области сравнительного индоевропейского языкознания показали, что образ Великой богини как Богини-пряжи сложился, очевидно, еще в период индоевропейской языковой общности. И приведенные выше античные сведения о Мойрах вполне коррелирует с индоевропейскими понятиями, связанными с ткачеством. Так, представление о «прядении шерсти» как источнике «богатства» и символе «судьбы» отражается в этимологически соотносимых друг с другом формах индоевропейских диалектов: ср., напр. *др.-исл.* váð «пряжа», «ткань с ткацкого станка», при *др.-исл.* auðna «судьба», «удача» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 583]. Такую связь значений можно объяснить представлением о «прядущей или ткущей богине судьбы», распределяющей «богатство». Характерно, что видный лингвист Юлиус Покорный, указывая об этом, использовал понятия не только «ткань», но и «натяжная сетка» [Pokorny, 1959, S. 76]. Данные индоевропейского сравнительного языкознания показывают также, что большинство слов со значением «ткать» соотносятся со значением «ударять, вонзать, резать». Это объясняет, почему в индоевропейских языках слово «ткать» может означать не только «строить», но и соотноситься с понятием «убитый» [Маковский, 2012, с. 186]. Это проясняет, почему Богини-пряжи оказываются связанными не только с жизнью, но и со смертью. В индоевропейских

языках с древнейших времен значение «плести» соотносится со значением «вода»; речь идет о мифопоэтическом образе тканья, «плетения вод», образе воды как сети: *и.-е.* *(s)ne- или *(s)nei- «переплетать нити, ткать», но *и.-е.* *sna- «течь, сырость»; ср. также *и.-е.* *ǵeid- «крутить, переплетать нити»¹⁶, но *хет.* water «вода» [Маковский, 1996, с. 347]. Это имеет огромное значение, поскольку еще в трипольском орнаменте образ Великой богини связывался с водой, в частности – с дождем, без которого невозможно плодородие [Рыбаков, 1965 №1, с. 39-41, рис. 19]. Понятие «узел» тесно связано с ткачеством. В древности узел считался магическим символом: посредством узла можно было «связать» как добро, здоровье и счастье (т. е. нанести им вред) так и зло, что означало избавление от болезней, страданий [Маковский, 1996, с. 334-335]. Более того, *и.-е.* *nek- «узел» являлся для ранних индоевропейцев символом целостности Вселенной [Киндя, 2015, с. 103], что вполне гармонирует с космическим масштабом Богини-ткачихи. Эти данные следует обязательно учитывать, поскольку греки-колонисты, придя в Северное Причерноморье, вернулись, по сути, на свою индоевропейскую прародину, где полагают соседство греческого и арийского языков (к началу II тысячелетия до н. э. (см. выше). Кроме того, они пришли не на пустое место, в т. ч. в плане идеологии, потому что здесь, как давно показал О.Н.Трубачев, всё еще обитали реликтовые арии, оставшиеся в Приазовье, в Крыму и в низовьях Днепра после масштабных миграций их предков при распаде индоевропейской языковой общности на рубеже III-II тысячелетий до н. э. [Трубачев, 1977].

Богини-ткачихи – достаточно частый образ античной мифологии. Р. В. Кинжалов отметил, что в последующем (после хеттского и минойского) мифологическом и эпическом материале греческие богини, связанные по происхождению с комплексом Богини-матери (Афродита, Гера, Артемида, Кирка, Калипсо, Пенелопа, Арахна, Афина), занимаются прядением и ткачеством [Кинжалов, 1990]. Обратимся к античным источникам. Например, у Афиней (XV, 30, 682 е) читаем об Афродите: «Тело свое облачила в покровы: Хариты и Оры / Их сотворили, украсив цветами внешнего луга» (пер. Н. Т. Голинкевича). Оры (Ὠραί – «времена») богини времён года, ведающие порядком в природе. Они – дочери Зевса и Фемиды (Гесиод. Теогония 902) либо Гелиоса и Селены (Квинт Смирнский. После Гомера X, 337), а также стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота (их называют привратницами неба) и запрягающие коней Гелиоса (Овидий. Метаморфозы II, 118). Другими словами, Оры – это богини космического масштаба. С другой стороны, обычно Хариты (др.-греч. Χάριτες от χάρις, «изящество, прелесть») – это три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности, соответствующие римским грациям. Однако функция ткачих выводит их на гораздо более высокий уровень, тем более, что они – дочери Зевса и Эвриномы, дочери Океана и Тефиды (Гесиод. Теогония 359, 909). Диодор Сицилийский сообщает (V, 73, 8), что Афина «научила людей... изготовлению одежды... а также многим другим зна-

¹⁶ И.-е. * означает индоевропейский корень слова.

ниям. Изобрела она... вообще множество всяких художественных ремесел, за что её и прозвали Эрганой (Труженицей)¹⁷» (пер. О. П. Цыбенко). Из «Илиады» (XIV, 178-179) узнаем, что Гера «тою душистой оделася ризой, какую Афина / Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров» (пер. Н. И. Гнедича). Диодор Сицилийский (V, 3, 4) приводит следующее: «Миф гласит, что вместе с Корой росли здесь (на Сицилии) удостоившиеся наряду с ней сохранить девственность Афина и Артемида, и все вместе богини собирали цветы и ткали пеплос для своего отца Зевса» (пер. О. П. Цыбенко). Нонн Панополитанский в «Деяниях Диониса» (VI, 145-155) в деталях повествует о том, как Персефона прядет нити, затем приступает к тканью и при этом «первой ткачихе, Афине, хвалебную песнь запекает» (пер. Ю. А. Голубца). При анализе древнейших памятников с изображениями сплетений разного вида четко определяется, что символика их связана с культовым комплексом великой Богини-матери, и эти символы можно истолковать как бегущую с веретена шерстяную нить, моток пряжи; процессы прядения и ткачества, по древним представлениям, имели магическую связь с плодородием и здоровьем, что являлось главными функциями Богини-матери [Кинжалов, 1990]. Глубокое исследование мифологии и символизма всех перечисленных выше богинь невозможно без учета базовой позиции, четко сформулированной замечательным знатоком античного мировоззрения В. И. Ивановым: «Исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоименная, под именем Артемиды или Афродиты, или Афины, или Астарты, или Исиды, – наводит нас на следы первоначального фемин-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» (Иванов, 1994, с. 332). Как говорит сама Исида у Апулея в «Метаморфозах» (XI, 5): «Вот я... мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики – Минервой Кекропической, здесь кипряне, морем омываемые, – Пафийской Венерой, критские стрелки – Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы – Стигийской Прозерпиной, элевсинцы – Церерой, древней богиней, одни – Юноной, другие – Беллоной, те – Гекатой, эти – Рамнузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем – царственной Изидой» (пер. М. Кузмина).

¹⁷ В Пантикапее найдено граффито с посвящением Афине Эргане (рис. 7), что может указывать на почитание её на Боспоре в качестве Богини-ткачихи. Одной из ипостасей Афины Эрганы была Пэнитис (Πηνίτις) – «Ткачиха».

Приступая к рассмотрению граффити античного Северного Причерноморья, имеющих обсуждаемое нами изображение, для единства терминологии предлагаем следующую рабочую классификацию (без какой-либо претензии на её совершенство), положив в её основу термин «сетка»:

1) регулярная сетка (много прямых линий, взаимно пересекающихся, перпендикулярно или под углом, на примерно равном расстоянии друг от друга, и не ограниченных какой-либо геометрической фигурой¹⁸);

2) регулярная сетка малая (вместо термина «решетка», когда количество взаимно пересекающихся линий составляет от 4 до 6 (остальные признаки те же, что и в п. 1);

3) нерегулярная сетка (много прямых и/или не прямых линий, пересекающихся бессистемно, под разными углами);

4) нерегулярная сетка малая (признаки те же, но сетка расположена на небольшой площади);

5) циркулярная сетка (радиальные прямые линии, выходящие из одного центра и пересеченные регулярно или нерегулярно любыми линиями).

Для осмысления таких граффити следует учитывать, прежде всего, что еще в неолите Богине-пряхе приносили в дар кусок ткани, который со временем стал одним из олицетворений богини, её символом [Голан, 1993, с. 171]. Нет оснований полагать, что в античное время такой обычай исчез, поэтому мы считаем возможным расценивать изображение сеток как обозначение, символ подносимого богине куска ткани. При этом мы допускаем, что изображение регулярной сетки символизировало целый, добротный кусок ткани, предназначенный для умиротворения Богини с целью реализации ею какой-либо просьбы с благотворными целями. Напротив, изображение нерегулярно, беспорядочной сетки могло означать скомканную или даже изорванную ткань, что служило уже, по законам симпатической магии, для зловредных действий посредством обращения к Богине, которая могла не только способствовать плодородию и благополучию, но и нанести вред, вплоть до того, что оборвать нить жизни.

Между тем, в рассмотренных нами многих публикациях граффити Ольвии, Херсонеса и Боспора ни один из предлагаемых нами вариантов толкования изображений сетки ни разу не рассматривался. Некоторое исключение может составить только осторожное замечание, высказанное авторами капитального свода граффити хоры Боспора в отношении граффито, найденного при раскопках поселения Артезиан и представляющего собой два рисунка в виде перекрещенных квадратов на стенке красноглиняного сосуда (рис. 8). Уважаемые специалисты в качестве основного толкования указали с сомнением: «схемы земельных участков (?)», но затем

¹⁸ Считается, что перекрещенный квадрат – это символ земли, и даже символ божества земли. При этом символы, представляющие собой квадрат (или ромб), пересеченный как прямым, так и косым крестом, по-видимому, равнозначны. Решетчатый ромб или квадрат представляют собой обозначение земли, расчерченную на возделанные участки» [Голан, 1993, с. 87].

при обсуждении упомянули, что «сетки, лесенки, квадраты могли быть связаны с магическими представлениями о добре и зле. Это, возможно, также обычные учебные упражнения в геометрии», а также «вполне вероятно, что публикуемое граффито, как и ему подобные, означало схематичное изображение покрывала или ковра». Цитируемое нами обсуждение данного граффито завершается так: «Более правильная, однако, трактовка подобных сеточек на ранней керамике из Гордиона во Фригии, предложенная Л. Ролле. Она полагает, что это «неалфавитные метки» владельцев, поставленные после обжига сосудов для обозначения личной собственности (Roller, 1987, p. 10–15, fig. 5, 2A-9, 2A-12; 2A-18; fig. 6. 2A-19–2A-25). Вполне возможно, что аналогичный смысл вкладывали в подобные изображения и на периферии Боспорского царства» [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 30 № 63, с. 257 рис. 68]. На граффити изображение малой регулярной сетки встречается достаточно часто, но их толкование как обозначения земельных участков вызывает сомнения по двум причинам. Первое, нельзя ведь считать обломок посуды или амфоры надежным хранилищем сведений и наличии какого-то земельного участка. Во-вторых, если за пределы квадрата линии выходят за его пределы, то это чрезвычайно неаккуратная схема данного участка, тем более что квадрат в подобных граффити вообще часто отсутствует, а имеется только малая регулярная сетка. Предложение же считать подобные граффити «схематичным изображением покрывала или ковра» в некоторой мере напоминает предлагаемое нами толкование такого граффито как символа подносимого Богине-ткачихе куска ткани, поскольку и покрывала, и ковры – вещи тканые. Но исследователи имели в виду, скорее всего, орнамент этих изделий.

Трудно признать соответствующим распространенным суждениям о «схемах» и «метках» изображение малой сетки на граффито с посвящением Тарге, сохранившемся на небольшом ($3 \times 3,5$ см) фрагменте обломке стенки сосуда и найденном в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут [Сапрыкин 2014, с. 21 рис. 26]. Здесь было обнаружено святилище божества, само имя которого ранее не встречалось в источниках, но оно сохранилось здесь в нескольких граффити II в. до н. э. на тонкостенных сосудах и амфорах. Мы полностью поддерживаем суждение С. Ю. Сапрыкина: «Нет сомнения, что в основе почитания местной богини Тарги – Тарки лежал культ Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших... Поскольку в иранских языках не удалось найти параллели этимологии имени этой богини, есть большая вероятность, что ее культ восходит к пласту доскифских религиозных представлений. Близость характера расположения Джангульского святилища местоположению известных таврских горных святилищ в окрестностях Ялты заставляет связывать богиню с исконным таврским населением Крыма. В этом, как представляется, скрывается причина популярности Тарги среди херсонеситов, которые могли воспринимать ее в отдельных ипостасях так, как они привыкли делать это по отношению к своей верховной богине Деве, Артемиде или Афродите» [Сапрыкин 2014, с. 23]. То есть Тарга – это местный вариант Великой богини, которой, как и всем её перечисленным

здесь греческим ипостасям, присуща функция Пряхи, поэтому посвящение ей сопровождается изображением сетки как символа подносимого Богине-ткачихе куска ткани, её собственного символа.

Еще больше утверждают нас в возможности такого толкования граффити в виде сетки, связанные тем или иным способом с формой конуса. Так, мы поддерживаем толкование граффито на фрагменте горла красноглиняной амфоры боспорского производства II-I вв. до н. э. из Кеп¹⁹, которое предложил И. А. Емец: «внутри конуса, который являлся древнейшим символом Афродиты, прочерчена “сетка”» [Емец, 2012, с. 176 № 779, рис. 779] (рис. 9). Но к сожалению, исследователь не раскрыл суть как самого символа Афродиты, так и наличия в нем сетки. Между тем, Корнелий Тацит, повествуя о храме Афродиты в Пафосе на Кипре, указывает (II, 2 и 4) «...как выглядит изображение богини, нигде не имеющее себе подобных... Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах – круглый снизу и постепенно сужающийся кверху» (пер. Г. С. Кнабе). Другими словами, речь идет об олицетворении Афродиты в виде каменного конуса, который вполне можно сравнить с веретеном, имеющим, как показано выше, не только применение в прядении и ткачестве, но и космическое значение в древних верованиях. Важно, что культ Афродиты развился из почитания локальной кипрской богини, следы которого обнаружены в поселении Хирокития – неолитическом поселении на Кипре (недалеко от Ларнаки), существовавшем в VII–IV тысячелетиях до н. э., и датируются шестым тысячелетием до н. э. Таким образом, конус (веретено или ткацкий челнок) действительно играет важнейшую роль в культе Афродиты, особенно в ипостаси Урании [Suhr 1969, p. 101-103]. Эпиклеза «Небесная» подчеркивает космический масштаб образа Афродиты, недаром Павсаний указал (I, 19, 2), что в афинском храме Афродиты была надпись, которая «объясняет, что это Небесная Афродита, старшая из Мойр». И это не удивительно, если вспомнить, что Мойры – дочери Ананке, являющейся, в свою очередь, по одной из версий, дочерью Афродиты Урании. Наиболее отчетливо Афродита Урания представлена в качестве Великой богини всего сущего в одном из орфических гимнов (Orph. h. LV), именуясь в нём, кроме прочего, «владычицей мира» и «Богиней-Матерью», а также «матерью Ананке» «госпожой Мойр». Космический масштаб Ананке и Мойр показан нами выше, и Афродита в орфических верованиях встанет даже над ним. Предметы же конической формы являлись символом Великой богини-ткачихи. Как говорил Прокл в комментариях к Платоновскому «Кратилу» (LVI, 24, 17): «Челнок является изображением различительной силы богов, [той силы, которая различает] целостные и частные [вещи], ведь он отображает ее действие в основной ткани [космоса]». Веретено также имеет важное религиозно-магическое значение, находясь под покровительством женских божеств, причем тех, которые связаны с

¹⁹ В Китейском зольнике обнаружены орудия ткачества, прядения и шитья [Молева 2007]. И. Ю. Шауб обосновал, что, служили вотивами скорее не эллинской Афродите, а местной Великой богине, одну из ипостасей которой варвары видели в Афродите [Шауб, 2018, прим. 9].

комплексом Богини-матери [Кинжалов, 1990]. Например, И.Ю.Шауб убедительно показал, что предмет, найденный в кургане Куль-Оба, несомненно, изначально являясь веретеном, одновременно имел функцию ритуально-магического жезла, а погребенная в этом кургане скифская «царица» была жрицей Великой богини [Шауб, 2018]²⁰.

Если не учитывать всего этого, то при оценке граффито, изображающего сетку, будет сделан очередной, ни о чем не говорящий, вывод о его «магическом содержании», не более того. Так и случилось при публикации трех граффити с сетками, обнаруженные на Южном теменосе Ольвии в углублении № 413, причем в одном комплексе (!) с несколькими посвящениями Афродите, на двух разных фрагментах от дна одной чернолаковой чаши (последняя четверть VI – первая четверть V в. до н. э.), а также граффито на фрагменте стенки амфоры (конец VI – первая четверть V в. до н. э.), удостоились определения от автора их публикации лишь как «граффити магического содержания» [Русяева, 2015, с. 33 №№ 22, 27, рис. 3, 22, 27]. На одной из сторон двух обломков чаши изображены неясные знаки, а на обратной – сетки; на фрагменте стенки амфоры – сплетение параллельных линий (рис. 10, 22, 27), которое можно расценить как вариант нерегулярной сетки. И если учесть коническую форму все этих трех фрагментов керамики с граффити, изображение на них сеток и, главное – находку их в одном комплексе с посвящениями Афродите, трудно отказаться от мысли, что данные граффити также представляют собой обращение к Афродите-ткачихе, ипостаси Великой богини. Нерегулярность изображенных на этих граффити сеток может свидетельствовать о зловедной магии, поскольку Богини-ткачихи, как показано выше, управляли даже смертью.

Поскольку конус является древнейшим символом Афродиты, считаем необходимым обратить внимание также на граффити, сделанных на керамических грузилах, представляющих собой усеченный конус. Изображения на них в виде сетки обнаруживаются в Северном Причерноморье достаточно редко, но имеют, на наш взгляд, особое значение. Дело в том, что достаточно давно В. Ф. Гайдукевич подверг специальному рассмотрению глиняные пирамидальные грузила, найденные на Боспорских поселениях, и пришел к заключению о принадлежности их в основном к ткацкому производству, где они служили гириями для натягивания основы в ткацких станках и применялись в качестве подставок при разматывании нитей с веретен. Некоторые грузила, использованные с культовой целью, были связаны с их основным назначением и должны были обеспечить успех в ткацком производстве²¹ [Гайдукевич, 1952, с. 395-398, 401]. Это заключение получило блестящее подтверждение в ходе архео-

²⁰ Веретена в боспорских могилах и в скифских женских захоронениях встречаются довольно часто (см. с литературой Шауб, 2021).

²¹ В. Ф. Гайдукевич, конечно же, указал и другие сферы применения пирамидальных глиняных грузил: в качестве тяжести для рыбацких сетей, в качестве подставок для посуды при варке пищи. Он допустил также связанность некоторых грузил с культом огня. Но все эти предназначения исследователь полагал далеко не основными [Гайдукевич, 1952, с. 397-398].

логических исследований Илурата, где практически в каждом доме была обнаружена хотя бы одна глиняная пирамидальная подвеска для натягивания нитей основы в ткацком станке. Характерно, что В. Ф. Гайдукевич даже в разделе «Основные выводы» своей капитальной работы об Илурате значительное место уделил решению проблемы этих «грузил», убедительно показав, что они имеют отношение не к рыболовству, а к ткацкому производству. Приведем дословно итог его остроумной и доказательной полемики с оппонентами, которым придется «считать главным занятием населения Илурата рыболовство, а основной контингент илуратцев – рыбаками, ибо, как уже отмечалось, глиняные пирамидки имеются во всех домах. Останется, правда, одно трудно преодолимое препятствие – отсутствие остатков самих рыб в культурных отложениях Илурата, как в самом поселении, так и на зольниках. За шесть лет раскопок остеологические сборы дали всего лишь несколько рыбьих костей. Со своей стороны, полагаем, что Илурат наилучшим образом подтверждает назначение глиняных пирамидок в качестве принадлежности ткацкого ремесла, свидетельствуя о существовании в Илурате в каждой семье домашнего ткацкого производства. Преобладание крупных подвесок говорит об изготовлении преимущественно грубых тканей. Небезынтересно, что в Афинах пирамидальные “грузила” бытовали с VII в. до н. э. по I в. н. э., позднее они исчезают, их потом больше не изготавливали. Значит ли, что после I в. прекратили заниматься рыболовством? Нет, просто пирамидальные “грузила” стали ненужными, т. к. вертикальный ткацкий станок, для которого предназначались эти “грузила”, был вытеснен более совершенным горизонтальным станком. На Боспоре же вертикальный станок, очевидно, продержался до конца античной эпохи» [Гайдукевич, 1958]. Впечатление правоты этого заключения усиливается тем, что сама Н. А. Онайко, с которой и дискутировал В. Ф. Гайдукевич, при публикации фанагорийских грузил указала, что на некоторых из них имеются «изображения, оттиснутые по сырой глине геммами... Таковы оттиски с изображением женщины, стоящей у какого-то предмета, и двух обнаженных фигур, вероятно, Харит» [Онайко, 1956, с. 160, рис 3, 5-6]. Такие изображения вряд ли связаны с рыболовством, а вот с ткачеством – вполне вероятно. Когда археологический контекст позволяет соотнести грузила с конкретным культом, оказывается, что чаще их посвящали женским божествам, к ведению которых относятся прядение и ткачество [Носова, 2005, с. 203].

Мнение В. Ф. Гайдукевича в части преимущественной принадлежности глиняных пирамидальных грузил к ткачеству поддержала Э. И. Соломоник при публикации ею грузил с надписями, найденных в Херсонесе и хранящихся в Херсонесском музее и Государственном Эрмитаже. Среди них обнаружены грузила с сокращенными именами богинь, связанных с ткачеством. Это надпись АФРОΔΙ на одном из грузил, которая читается как посвящение Афродите. Монограммы ΑΡΤ на одном грузиле и ΑΡ на четырех грузилах могут расцениваться как посвящение Артемиде. К сожалению, данных о конкретном месте Херсонеса и археологическом контексте этих находок (кроме отнесения некоторых из них к эллинистическому времени) не сохранилось. В итоге изучения херсонесских грузил с надписями исследовательница

пришла к очевидности их использования не только в производстве, но и в качестве votивных даров [Соломоник, 1994, с. 142, 144, 147-148, №№ 6-9, 11, 12]. Любопытно, что при раскопках святилища Афродиты в Нимфее, в фависсе среди посвяtitельных предметов IV в. до н. э. найдены три пирамидальных глиняных грузила со следами розовой обмазки [Худяк, 1962, с. 26].

Что касается изображения сеток на грузилах, то его мы видим на стенке terra-cottового грузила первых веков н. э. из Тиритаки [Зинько, Зинько, Пономарев, 2020, с. 120, рис. 117, 2, с. 121, рис. 118]. Н. А. Онайко указывает, что на грузилах Фанагории часто можно видеть геометрический орнамент, особенно в III-IV вв. н. э., который иногда покрывает всю поверхность грузила [Онайко, 1956, с. 160]. К сожалению, исследовательница не привела этих изображений, но возможно, среди них были изображения сетки – символа Великой богини. Тем более, что на Боспоре вертикальные ткацкие станки существовали до конца античной эпохи [Гайдукевич, 1958], т. е. в хронологических рамках, указанных Н. А. Онайко. К этому же периоду относится граффити на заготовке под грузило из мелового известняка, найденное в помещении 6 (слой середины III – первой четверти IV в. н. э.) поселения у с. Белинское. Издатель этого артефакта И. А. Емец указывает, что «все четыре боковые стороны, а также его нижняя грань, испещрены неясными рисунками. Вполне вероятно, что перед нами просто детские рисунки, аналогии которым без труда можно найти и в наши дни» [Емец, 2012, с. 123 № 485, рис. 485]. На наш взгляд, среди этих изображений можно выделить нерегулярную сетку (рис. 11 слева), а также конусовидную нерегулярную сетку (рис. 11 справа), весьма напоминающую сетки на votивах из Ольвии, найденных в комплексе с посвящениями Афродите (см. выше, рис. 10 слева). Они, как и остальные не «детские» рисунки вполне могли быть предназначены для вредоносной магии. Нет сомнений, что требуется специальный подход к изучению изображений сеток именно на грузилах. Примером использования таких votивов служит святилище Деметры в Митилене на Делосе, которое включало в себя пять алтарей для жертвоприношений Деметре и Коре, а позже также Кибеле, великой Матери богов. Среди огромного числа различных посвящений богиням были найдены много грузил, в том числе и миниатюрных для ткацких станков. Важным наблюдением является предположение обусловленности выбора такого votива его формой (пирамида, конус) [Носова, 2005, с. 203].

В связи с этим следует обратить внимание на изображения сетки, нанесенные на предметы, имеющие форму, напоминающие конус или пирамиду. Это, например, граффито, представляющее собой почти регулярную сетку (рис. 12), на внешней стороне фрагмента крышки краснофигурной леканы из Аттики (V-IV вв. до н. э.) размером $9,6 \times 4,5$ см, обнаруженное при раскопках Нимфея [Намойлик, 2017, с. 207 № 16, рис. 2, 16]. Его любопытно сравнить с подобным граффито (рис. 13) на фрагменте мраморной облицовочной плитки размером 93×55 мм, найденной в слое второй четверти IV – первой половины V в. н. э. на поселении у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 484, рис. 484]. Как форма и размеры обоих артефактов, так и сами изображения

сеток удивительно схожи, несмотря на многовековую разницу в их изготовлении. Видимо, это обусловлено тем, что они представляют собой вотивы Богини-ткачихе, которой могла быть любая из почитаемых в соответствующее время на Боспоре богинь, вероятно, с целью благотворной магии, о чем может свидетельствовать регулярность изображенных на этих вотивах сеток.

Возможно, что подобные изображения имели более широкое назначение, чем защитная функция, которую констатирует А. С. Намойлик относительно граффити в виде «решеток» или «сеток» [Намойлик, 2017, с. 203]. Впечатляет изображение регулярной сетки, нанесенной, видимо, с той же целью на горле частично сохранившейся гераклеийской амфоры эллинистического времени из Неаполя Скифского. Весьма примечательно, что на тулове данной амфоры, прямо под изображением сетки нанесен символ плодородия в виде перечеркнутого косым крестом прямоугольника [Зайцев, Пуздровский, 1994, рис. 3, 1/]. Вся эта символика и форма самой амфоры, напоминающая женскую фигуру, приводит к мысли об обращении здесь с помощью соответствующих знаков на амфоре к Богине-матери с благотворными целями.

Мы не согласны с утверждением А. С. Намойлик, о том, что к «апотропеическим граффити относятся различные комбинации из пересекающихся и параллельных линий, по своему виду напоминающие знаки или рисунки либо представляющие собой хаотические перекрестия» [Намойлик, 2017, с. 203]. Такие нерегулярные сетки видятся смысловой противоположностью регулярных сеток, защитную функцию которых постулировала уважаемая исследовательница (см. выше). Так, процесс зловредной магии могут отражать два изображения нерегулярной сетки на фрагментах плеч амфор, найденных при раскопках Нимфея на участке М в слое IV–III вв. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 200, №№ G102, G103, рис. II.62]. Примечательно, что оба фрагмента амфор имеют форму, приближенную к конусу (рис. 14). Изображение нерегулярной сетки нанесено также на остракон трапецевидной формы, аккуратно вырезанный из стенки серолощенного сосуда, размером 5,10 × 3,50 см, найденный на западной окраине Ольвии (участок «Некрополь 4», углубленная структура 30; вторая половина V – начало IV в. до н. э.) [Русяева и др., 2021, с. 97, № 25, рис. 3, 25]. Из находок в Нимфее интерес в контексте нашего исследования вызывают также два граффити, обнаруженные в святилище Деметры. Это изображение конусовидной нерегулярной сетки на фрагмент дна аттического чернолакового килика середины V в. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 115, № B80, рис. II.45], что может быть вотивом Богине-ткачихе с целью зловредной магии (рис. 15, 1). Изображение же петли на фрагменте чернолакового аттического канфара последней четверти IV в. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 114, № B78, рис. II.45] может иметь двоякое назначение, если это изображение магического узла (рис. 15, 2). Напомним, что в древности узел считался магическим символом; при этом посредством узла можно было «связать» как добро, здоровье и счастье (т. е. нанести им вред) так и зло, что означало избавление от болезней, страданий [Маковский, 1996, с. 334–335].

Особую группу составляют граффити, где нерегулярная сетка как бы зачеркивает

буквы, расположенные в неопределенном порядке или вообще плохо различимые греческие буквы или их фрагменты. Например, это граффити на трех фрагментах поддона чернолаковой чаши первой половины V в. до н. э., найденных в Ольвии, в помещении № 243 северо-восточного района Нижнего города [Русяева, 2010, с. 173 № 37, табл. 61, 2]; граффито неправильно сетки зачеркивающей несколько букв на фрагменте чернолаковой тарелки середины IV в. до н. э. из раскопок Карантинной бухты Херсонеса [Соломоник, 1978, с. 133-134, № 1747 табл. XXXI]; два граффити из Нимфея: на дне аттической чернолаковой чаши на кольцевом поддоне (V–IV вв. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 137, № C18, рис. II.49] и на фрагментированной аттической чернолаковой чашечке (V в. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 137, № C17, рис. II.49]. К этой же группе следует отнести граффити в виде перекрещивающихся линий и нечитаемого набора букв, найденные при исследовании археологических комплексов VI–V вв. до н. э. Тиритаки [Русяева, 2014, с. 487-490]. А. С. Намойлик допускает возможность, что в таких случаях «перед нами еще один образчик вредоносной магии» [Намойлик, 2017, с. 201]. На наш взгляд, все подобные граффити представляют, обращение к какой-то из Богинь-ткачих с целью зловредной магии в отношении конкретного лица или нескольких лиц.

Изображение радиальных сеток на граффити достаточно редки. Их примером может служить граффито на фрагменте подставки аттического чернолакового килика (1-я половина V в. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 138, № C19, рис. II.49]. Оно может быть сравнимо с граффити с хоры Херсонеса (Балка Бермана) на донце сероглиняного сосуда: на внешней стороне которого – в форме расходящихся от центра лучей и окружности, на внутренней – в форме сетки из пересекающихся линий. Автор публикации считает, что «все особенности этого граффито позволяют отнести его к группе магических» [Соломоник, 1984, с. 33, 96, табл. II № 43]. Мы присоединяемся к мнению уважаемой исследовательницы, считая возможным добавить, что такие граффити, видимо, также служили подношением Богине-ткачихе – ипостаси Великой богини.

Использование изображения сетки – универсального символа Великой богини в любом её проявлении давало возможность совершить подношение или обращение к ней неграмотным представителем местного населения²². Последнее весьма существенно, поскольку заметная часть ариев осталась в Северном Причерноморье после миграции их основной массы оттуда на рубеже III-II тысячелетий до н. э. в процессе распада индоевропейской языковой общности. Их потомки (тавры, дандарии, синды и меоты) составили основу варварского населения, современного грекам колонистам, на территории Приазовья, Крыма и низовий Днепра, где затем постепенно появились близкородственные иранцы (скифы, сарматы) [Трубачев, 1977]. Мало того,

²² Если дедикант был грамотным греком (а грамотность среди колонистов была достаточно высокой), то, скорее всего, он использовал при обращении к богине письменные формулировки или их сокращения, что подтверждают многочисленные находки подобных граффити.

что греки, например, на Боспоре всегда жили буквально в окружении «варваров», но в период расцвета Боспорского царства многие их племена вошли в его состав. С.Р.Тохтасьев, изучая титулы царей в боспорских надписях, показал, что в титулатуру Левкона I (389/388 – 349/348 гг. до н. э.) вошел список из синдов, торетов, дандариев и псессов, у Перисада I (348–310 гг. до н. э.) названы синды, «все меоты», фатей и досхи, а во времена Аспурга (7/8 – 37/38 гг. н. э.) в перечень покоренных Боспором «варваров» входили синды, меоты, тореты, псессы, тарпиты и танаиты. [Тохтасьев, 2017, с. 159, табл. 1]. О существовании в Северном Причерноморье культа Великой богини может свидетельствовать одинаковая структура верований, связанных с важнейшими женскими персонажами причерноморской мифологии (гилейской змеедевой, боспорской Афродитой Апатурой и херсонесской Девой), а также обосновал предположение, что все персонажи мифа об Афродите Апатуре скрывают за греческими именами свою исконную местную основу. Афродита – это Великая богиня синдо-меотских племен [Шауб, 1999, с. 216-218]. Владычица – местная богиня, покровительница природы и всего сущего, была аналогична Великим богиням других народов, в т. ч. эллинским Афродите, Артемиде, Деметре, Коре-Персефоне. И в результате взаимодействий между ними в Боспорском царстве в течение III-II вв. до н. э. сложился синкретический культ Верховной богини с чертами Кибелы, малоазийской Кубабы, Артемиды, Афродиты и Гестии [Сапрыкин, 2009, с. 321-322]. В Скифии костяные веретена как в «царских», так и в рядовых женских могилах встречаются довольно часто. Погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, главной ипостасью которой на Боспоре была Афродита Урания, владычица святилища с негреческим названием Апатур [Шауб, 2018; 2021]. На сосуде из Куль-Обы (равно как и на подобных скифских «кубках», где фигурирует плексис) Великая богиня – прародительница скифов выступает в виде своего символа – плетёнки [Шауб, 2021], которая, по сути, является той же самой сеткой, символика изображений которой рассматривается в данной работе.

Таким образом, есть немало доводов считать изображение сетки на граффити не только универсальным символом ткани, посвящаемой Великой богине-ткачихе (либо в одной из её ипостасей, либо без персонификации, как архетипическому образу), но и олицетворением самой Богини. Вероятно, такие граффити выполнялись для обращения к ней с различными просьбами – благотворными, в т. ч. о защите или вредоносными, учитывая противоположные стороны образа Великой богини, животворящую или смертоносную. Это делалось, очевидно, в расчете изменить судьбу, свою или другого человека, которую плела (ткала) Великая богиня. Делать изображения сетки на вотивах могли как греки, так и соседствующие с ними «варвары», поскольку основа верований в Великую богиню у всех них была весьма похожа. Значение могла иметь также форма вотива и/или рисунка, напоминающая предметы, относящиеся к ткачеству (веретено, челнок, грузило). Граффити с изображением сетки (решетки, плетенки) заслуживают большего внимания, чем им уделялось до настоящего времени. Изучение подобных граффити с учетом деталей археологического контекста их

находок может привести к заключениям гораздо более существенным, чем простая, ни к чему не обязывающей констатация об их магическом назначении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.
- Бурдо Н. Б. Історія дослідження проблеми походження Тріпілья-Кукутені у світлі нових даних // Археологія. 2003. № 4. С. 5-18.
- Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. В кн. Боспорские города, I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 395-414 (МИА СССР № 25).
- Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. В кн. Боспорские города, II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 9-148 (МИА СССР № 85).
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкции и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1426 с.
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / Пер. с англ. М.: РОС-СПЭН, 2006. 572 с.
- Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54-64.
- Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 334 с.
- Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Спутник, 2005. 242 с.
- Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник+, 2012. 477 с., ил.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. 663 с.
- Зайцев Ю.П., Пуздровский А. Е. Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн. В кн. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С.217-237.
- Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: ЦКЧИ, 2000. 163 с.
- Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. 704 с.
- Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 344 с.
- Кинжалов Р. В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре. В кн. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры / Отв. ред. Б.Н. Путилов Л.: Наука. 1990. С. 82–88.
- Клёсов А. А. Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. №2. С. 127-156.
- Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК–генеалогия, археология и лингвистика. Часть 1 // Вестник Академии ДНК–генеалогии. 2016. Т. 9. №1. С. 2-29.
- Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК–генеалогия, археоло-

- гия и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК–генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187-240.
- Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Корневский С. Н. О понятиях «цивилизация, протоцивилизация» и знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока в V–III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 230. 2013. С. 63-84.
- Маковский М. М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
- Молева Н. В. Орудия ткачества, прядения и шитья как votivные подношения в Китайском святилище // Из истории античного общества. К 60-летию проф. Е. А. Молева / Ред. А.В.Махлаюк. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 80–85.
- Намойлик А. С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа) Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. СПб., 2018. 224 с.
- Намойлик А. С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 2 (приложения). СПб., 2018. 310 с.
- Намойлик А. С. Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 23. 2017. С. 198-210.
- Носова Л. В. Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 201-216.
- Обнорский Н. П. Мойры // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XIXа. СПб., 1896. С. 612.
- Онайко Н. А. О фанагорийских грузилах. В кн. Фанагория. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 154–160 (МИА СССР № 57).
- Порфирий. О пещере нимф. В кн. Тахо-Годи А. А, Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетей, 1999. С. 577–591.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
- Пустовалов С. Ж. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной общности Северного Причерноморья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): материалы Международной конференции. Ч. 1. Донецк, 1996. С. 44-46.
- Русяева А. С. Граффити из южного теменоса в Ольвии // ВДИ. 2015. № 2. С. 22-40.
- Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. 288 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 8).
- Русяева А. С. Каталог граффити Тиритаки // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI-V вв. до н. э. Киев: АДЕФ, 2014. С. 481-512.
- Русяева А. С., Кузміщев О. Г., Форнасьє Й. Графіті з західної околиці Ольвії Понтійської // Археологія і давня історія України. 2021. Вип. 3 (40). С. 89-103.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // ВДИ. 1965. № 1. С. 24-47.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // ВДИ. 1965. № 2. С. 13-33.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 640 с.

- Сапрыкин С. Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск XIV / Ред. В. А. Кутайсов и Т. Н. Смекалова. Симферополь: Феникс, 2014. С. 7–32.
- Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Триумф принт, 2009. 425 с.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Киев: АДЕФ-Украина, 2007. 320 с. (Боспорские исследования. Supplementum 1).
- Соломоник Э. И. (отв. ред.). Граффити античного Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1978. 140 с., табл.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
- Соломоник Э. И. Херсонесские глиняные грузила с надписями. В кн. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 138–158.
- Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». В кн. Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. С. 557–576.
- Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. Предварительные материалы Первого симпозиума по балканскому языкознанию. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1972. С. 24–38.
- Тохтасьев С. Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // Scripta antiqua: вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 6. 2017. С. 137–279.
- Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2007. 304 с.
- Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–29.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. В кн. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 381–649.
- Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Кулькова М. Н., Сапелко Т. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и времени существования // Stratum plus. 2017. № 1. С. 41–57.
- Худяк М. М. Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 63 с.
- Шайб И. Ю. Культ великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–223.
- Шайб И. Ю. О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Записки Института истории материальной культуры РАН. Вып. 19. 2018. С. 103–111.
- Шайб И. Ю. Плетеный орнамент на электроном сосуде из Куль-Обы, Великая богиня и скифские прорицатели-энареи // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021. Вып. XIII, 1 / Глав. ред. И. Ю. Шайб. С. 67–78.
- Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история / Пер. с нем. Изд-е 2-е. М. Едиториал УРСС, 2003. 496 с.
- Деретић Ј. И., Антић Д. П. Српско писмо – дар човечанству. Београд: Ганеша клуб, 2014. 110с.
- Ehrlhof H. Keilschrifturkunden aus Boğazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1938. 60 S.

- Haak W., Brandt G., de Jong H. et al.* Ancient DNA, Strontium isotopes and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. In: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. Vol. 105. Pp. 18226-18231.
- Henning von der H. Osten.* The Snake Symbol and the Hittite Twist // American Journal of Archaeology. 1926. Vol. 30. No. 4. P. 405–417.
- Klyosov A. A., Mironova E. A.* A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics Across the World // Advances in Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 164-172.
- Klyosov A. A., Rozhanskii I. L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Anthropology. 2012. V. 2. No. 1. Pp. 1-13.
- Klyosov A. A., Tomezzoli G.* DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 101-111.
- Peshich R.* The Vincha script. And other papers in grammatology. Beograd: Pešić i sinovi, 2008. 121 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1. Bern, Munchen: A. Francke, 1959. 1183 S.
- Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.

REFERENCES

- Ardzinba V. G.* Ritualy i mify Drevnej Anatolii. Moscow, Nauka Publ., 1982, 252 p.
- Burdo N. B.* Istoriya doslidzhennya problemi pohodzhennya Tripillya-Kukuteni u svitli novih danih. Arheologiya. 2003, no. 4, pp. 5-18.
- Деремух J. И., Антунь Д. П.* Српско писмо – дар човечанству. Београд: Ганеша клуб, 2014. 110 с.
- Efimenko P. P.* Pervobytnoe obshchestvo. Ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni. Kiev, 1953, 663 p.
- Ehelhof H.* Keilschrifturkunden aus Boğazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1938. 60 S.
- Emec I. A.* Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Bospora Kimmerijskogo: Tipologiya i metodika issledovaniya. Moscow, Sputnik Publ., 2005, 242 p.
- Emec I. A.* Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu). Moscow, Sputnik+ Publ., 2012, 477 p.
- Gajdukevich V. F.* K voprosu o tkackom remesle v bosporskih poseleniyah. In: Bosporskie goroda, I. Itogi arheologicheskikh issledovanij Tiritaki i Mirmekiya v 1935-1940 gg. Moscow, Leningrad, 1952, pp. 395-414.
- Gajdukevich V. F.* Ilurat. Itogi arheologicheskikh issledovanij 1948–1953 gg. V kn. Bosporskie goroda, II. Moscow, Leningrad, 1958, pp. 9-148
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs.* Indoevropskij yazyk i indoevropejcy. Rekonstrukcii i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury. Tbilisi, 1984, 1426 p.
- Gimbutas M.* Civilizaciya Velikoj Bogini: mir Drevnej Evropy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 572 p.
- Gindin L. A.* Prostranstvenno-hronologicheskie aspekty indoevropskoj problemy i «Karta predpolagaemyh prarodin shesti nostraticheskikh yazykov» V. M. Illich-Svitycha. Voprosy yazykoznavaniya. 1992, no. 6, pp. 54-64.

- Golan A. Mif i simvol. Moscow, Russlit Publ., 1993, 375 p.
- Goran V. P. Drevnegrecheskaya mifologema sud'by. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 334 p.
- Haak W., Brandt G., de Jong H. et al. Ancient DNA, Strontium isotopes and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. In: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. Vol. 105. Pp. 18226-18231.
- Henning von der H. Osten. The Snake Symbol and the Hittite Twist // American Journal of Archaeology. 1926. Vol. 30. No. 4. P. 405–417.
- Hlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Kul'kova M. N., Sapelko T. V. Pozdnepleoliticheskaya stoyanka Eliseevichi 1: novye dannye o vozraste i vremeni sushchestvovaniya. Stratum plus, 2017, no. 1, pp. 41-57.
- Hudyak M. M. Iz istorii Nimfeya VI–III vekov do n.e. Leningrad, Ermitazh, 1962, 63 p.
- Ivanov V. I. Dionis i pradionisijstvo. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ., 1994, 344 p.
- Kinzhalov R. V. Simvolika «pleksisa» v mife, obryade, izobrazitel'nom iskusstve drevnosti i v sovremennom fol'klore. In: Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury / Otв. red. B.N. Putilov. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 82–88.
- Klyosov A. A. Migracii ariev po dannym DNK-genealogii. Istoricheskij format. 2016, no. 2, pp.127-156.
- Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK–genealogiya, arheologiya i lingvistika. Chast' 1. Vestnik Akademii DNK–genealogii. 2016, T. 9, no. 1, pp. 2-29.
- Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK–genealogiya, arheologiya i lingvistika. Chast' 2. Vestnik Akademii DNK–genealogii. 2016, T. 9, no. 2, pp. 187-240.
- Klyosov A. A., Mironova E. A. A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics Across the World // Advances in Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 164-172.
- Klyosov A. A., Rozhanskii I. L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Anthropology. 2012. V. 2. No. 1. Pp. 1-13.
- Klyosov A. A., Tomezzoli G. DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 101-111.
- Korenevskij S. N. Drevnejshie zemledel'cy i skotovody Predkavkaz'ya: Majkopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Moscow, Nauka Publ., 2004, 243 p.
- Korenevskij S. N. O ponyatiyah «civilizaciya, protocivilizaciya» i znakah na keramike v kul'turah Podunav'ya, Kavkaza i Perednego Vostoka v V–III tys. do n. e. Kratkie soobshcheniya instituta arheologii Issue 230, 2013, pp. 63-84.
- Makovskij M. M. Kratkij etimologicheskij slovar'-tezaurus indoevropskikh yazykov. Izd-e 3-e. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012, 200 p.
- Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i mir obrazov. Moscow, VLADOS Publ., 1996, 416 p.
- Moleva N. V. Orudiya tkachestva, pryadeniya i shit'ya kak votivnye podnosheniya v Kitejskom svyatilishche. Iz istorii antichnogo obshchestva. K 60-letiyu prof. E. A. Moleva. Ed. A.V.Mahlayuk. Nizhnij Novgorod, 2007, issue 9–10, pp. 80–85.
- Namojlik A. S. Graffiti na keramicheskikh izdeliyah iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha) Diss. ... kand. ist. nauk. T.1. Sankt-Petersburg, 2018, 224 p.
- Namojlik A. S. Graffiti na keramicheskikh izdeliyah iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo

- goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha). Diss. ... kand. ist. nauk. T. 2 (prilozheniya). Sankt-Petersburg, 2018, 310 p.
- Namojlik A. S.* Magicheskie graffiti iz raskopok Nimfeya v kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arheologicheskie vesti*. Issue 23, 2017, pp. 198-210.
- Nosova L. V.* Grecheskie kul'ty na zapadnoj okraine ol'vijskogo polisa. Bosporskij fenomen. Problema sootnosheniya pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov. Sankt-Petersburg, 2005, pp. 201-216.
- Obnorskij N. P.* Mojry. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. V 86 t. (82 t. i 4 dop.). T. XIXa. Sankt-Petersburg, 1896, p. 612.
- Onajko N. A.* O fanagorijskikh gruzilah. V kn. Fanagoriya. Moscow, 1956, pp. 154–160.
- Peshich R.* The Vincha script. And other papers in grammatology. Beograd: Pešić i sinovi, 2008. 121 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1. Bern, Munchen: A. Francke, 1959. 1183 S.
- Porfirij.* O peshchere nimf. In: Taho-Godi A. A, Losev A. F. Grecheskaya kul'tura v mifah, simvolah i terminah. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ., 1999, pp. 577–591.
- Porcig V.* Chlenenie indoevropskoj yazykovoj oblasti. Izd-e 2-e, ispravl. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 332 p.
- Pustovalov S. Zh.* K voprosu o nalichii znakovoj sistemy u naseleniya katakombnoj obshchnosti Severnogo Prichernomor'ya. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evrazijskikh drevnostej (eneolit-bronzovyj vek): materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Ch. 1. Doneck, 1996, pp. 44-46.
- Rusyaeva A. S.* Graffiti iz yuzhnogo temenosa v Ol'vii. Vestnik drevnej istorii 2015, no. 2, pp. 22-40.
- Rusyaeva A. S.* Graffiti Ol'vii Pontijskoj. Simferopol', 2010, 288 p.
- Rusyaeva A. S.* Katalog graffiti Tiritaki. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Arheologicheskie komplekсы VI-V vv. do n. e. Kiev: ADEF Publ., 2014, pp. 481-512.
- Rusyaeva A. S., Kuzmishchev O. G., Fornas'e J.* Grafiti z zahidnoї okolici Ol'vii Pontijs'koї // Arheologiya i davnya istoriya Ukraїni. 2021. Issue 3 (40), pp. 89-103.
- Rybakov B. A.* Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita. Vestnik drevnej istorii. 1965, no.1, pp. 24-47.
- Rybakov B. A.* Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita. Vestnik drevnej istorii. 1965, no.2, pp. 13-33.
- Rybakov B. A.* Yazychestvo drevnih slavyan. 2-e izd. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2014, 640 p.
- Saprykin S. Yu.* Pamyatniki maloj epigrafiki Severo-Zapadnogo Kryma antichnoj epohi. Istoriya i arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy k arheologicheskoy karte Kryma. Vypusk XIV. Eds. V. A. Kutajsov, T. N. Smekalova. Simferopol', Feniks Publ., 2014, pp. 7–32.
- Saprykin S. Yu.* Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni. Moscow, Tula, Triumf print Publ., 2009, 425 p.
- Saprykin S. Yu., Maslennikov A. A.* Graffiti i dipinti hory antichnogo Bospora. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2007, 320 p.
- Shaub I. Yu.* Kul't velikoj bogini u mestnogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya. Stratum plus. 1999, no. 3, pp. 207-223.
- Shaub I. Yu.* O ritual'noj funkcii veretena iz pogrebeniya «caricy» v kurgane Kul'-Oba. Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. Issue 19, 2018, pp. 103-111.

- Shaub I. Yu.* Pletenyj ornament na elektrovom sosude iz Kul'-Oby, Velikaya boginya i skifskie proricateli-enarei. *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedeniya i medievistiki.* 2021. Issue XIII, 1. Ed. I. Yu. Shaub. Pp. 67-78.
- Shrader O.* Sravnitel'noe yazykovedenie i pervobytnaya istoriya. Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 496 p.
- Solomonik E. I.* (Ed.). Graffiti antichnogo Hersonesa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 140 p.
- Solomonik E. I.* Graffiti s hory Hersonesa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
- Solomonik E. I.* Hersenesskie glinyanye gruzila s nadpisyami. In: Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju epohu. Kiev, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa, 1994, pp. 138-158.
- Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.
- Taho-Godi A. A.* Hudozhestvenno-simvolicheskij smysl traktata Porfiriya «O peshchere nimf». In: Taho-Godi A. A., Losev A. F. Grecheskaya kul'tura v mifah, simvolah i terminah. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ, 1999, pp. 557-576.
- Toporov V. N.* K drevnim balkano-baltijskim svyazyam v oblasti yazyka i kul'tury. Antichnaya balkanistika. Predvaritel'nye materialy Pervogo simpoziuma po balkanskomu yazykoznaniiyu. Moscow, 1972, pp. 24-38.
- Tohtas'ev S. R.* Varvarskie plemena, sosedi grecheskih gorodov Bospora. Scripta antiqua: voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury. T. 6, 2017, pp. 137-279.
- Toshchev G. N.* Krym v epohu bronzy. Zaporozh'e, 2007, 304 p.
- Trubachev O. N.* Lingvisticheskaya periferiya drevnejshego slavyanstva. Indoarijcy v Severnom Prichernomor'e. Voprosy yazykoznaniiya. 1977, no. 6, pp. 13-29.
- Trubachev O. N.* Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy: Slovoobrazovanie. Etimologiya. Etnicheskaya interpretaciya. In: Trubachev O. N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 4. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2009, pp. 381-649.
- Zajcev Yu. P., Puzdrovskij A. E.* Neapol' Skifskij v epohu diofantovyh vojn. In: Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju epohu. Kiev, 1994, pp. 217-237.
- Zaharova E. Yu.* Sosudy so znakami srubnoj obshchnosti epohi pozdnej bronzy. Voronezh, 2000, 163 p.
- Zin'ko V. N., Zin'ko A. V., Ponomarev L. Yu.* Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arheologicheskie komplekсы второй половины III–VII vv. Simferopol', Kerch', 2020, 704 p.

Резюме

Исследование семантики изображений сетки на граффити показывает её специальное значение. Сетка являлась как универсальным символом ткани, посвящаемой Великой богине-ткачихе, так и символом самой Богини. Вероятно, такие граффити выполнялись для обращения к ней с различными просьбами – благотворными, в т. ч. о защите или вредоносными, учитывая противоположные стороны образа Великой богини, животворящую или смертоносную. Делать изображения сетки на вотивах могли как греки, так и соседствующие с ними «варвары» (реликтовые арии, скифы и сарматы), поскольку основа верований в Великую богиню у всех них была весьма похожа. Значение могла иметь также форма вотива и/или рисунка, напоминающая предметы, относящиеся к ткачеству (веретено, челнок, грузило).

Ключевые слова: граффити, сетка, Северное Причерноморье, Великая богиня, ткачество, реликтовые арии, скифы, Афродита, Артемида.

Summary

A study of the semantics of grid images in graffiti shows its special significance. The net was both a universal symbol of the fabric dedicated to the Great goddess-weaver, and a symbol of the Goddess herself. Probably, such graffiti was made to appeal to her with various requests – beneficial, including for protection or harmful, given the opposite sides of the image of the Great Goddess, giving life or deadly. Both the Greeks and the neighboring «barbarians» (relict Aryans, Scythians and Sarmatians) could make grid images on votives, since the basis of beliefs in the Great Goddess was very similar for all of them. The shape of the votive and/or pattern, resembling objects related to weaving (spindle, shuttle, sinker), could also be important.

Key words: graffiti, grid, Northern Black Sea Region, Great goddess, weaving, relict Aryans, Scythians, Aphrodite, Artemis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор,
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего
образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский
государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
lazvgr@yandex.ru
+7(912)853-06-67.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor,
Federal state-financed educational institution
of higher education “Izhevsk’ state technical
University named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
lazvgr@yandex.ru
+ 7(912)853-06-67.

Рис. 1. Пластина с сетчатым орнаментом со стоянки Елисеевичи 1 (масштаб не соблюден). Из археологического фонда (МАЭ № 5298-2850) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Рис. 2. Женская статуэтка из кости со стоянки Елисеевичи 1 (масштаб не соблюден). Из археологического фонда (МАЭ № 5298-2848) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

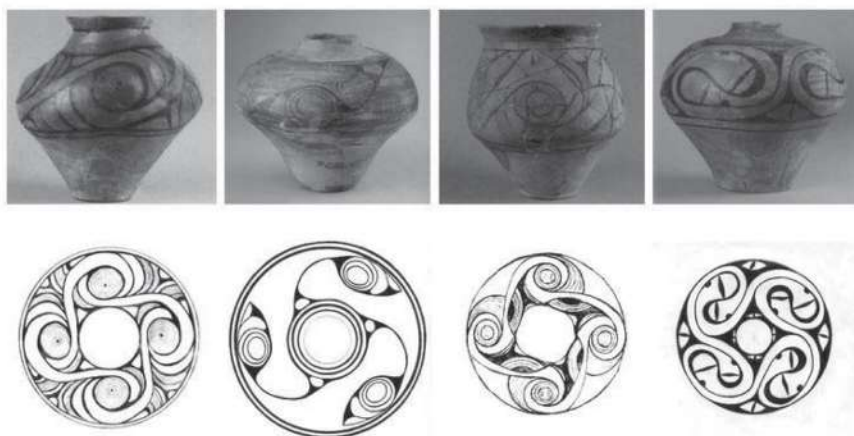

Рис. 3. Спиральный орнамент трипольских сосудов.

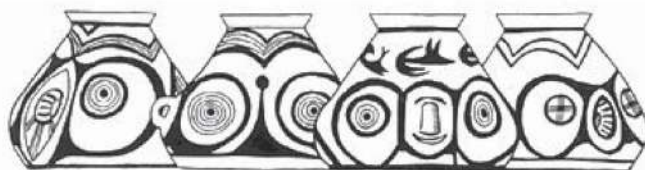

Рис. 4. Лики Великой богини на трипольских сосудах [Рыбаков, 1965, № 2, рис. 31].

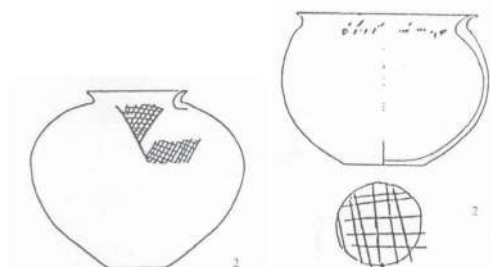

Рис. 5. Изображение сетки на керамике Майкопско-свободненской общности [Корневский, 2004, рис. 58, 2; 72, 2].

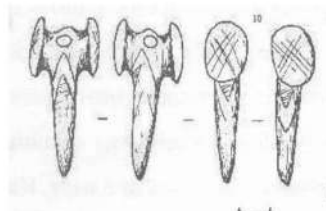

Рис. 6. Изображение сетки на костяной булавке из катакомбного слоя поселения Планерское I в Крыму [Тощев, 2007, с. 110, рис. 57, 13].

Рис. 7. Посвящение Афине Эргане из Пантикапея [Шелов-Коведяев, 2023, рис. 1. Фотография В. П. Толстикова].

Рис. 8. Граффито на стенке красноглиняного сосуда с поселка Артезиан [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 30 № 63, с. 257 рис. 68].

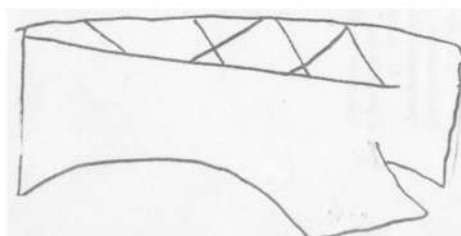

Рис. 9. Граффито на фрагменте горла красноглиняной амфоры боспорского производства II-I вв. до н. э. из Кеп [Емец, 2012, с.176 № 779, рис. 779].

Рис. 10. Граффити с Южного теменоса Ольвии [Русяева, 2015, с. 33 №№ 22, 27, рис. 3, 22, 27].

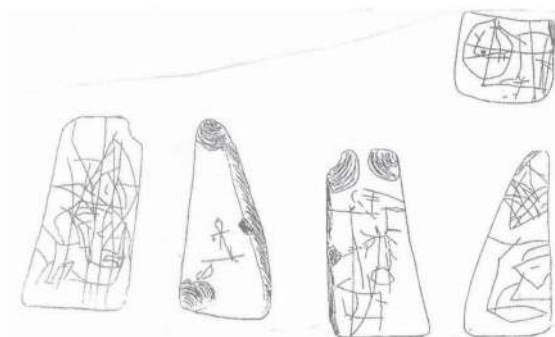

Рис. 11. Граффити на заготовке для грузила из поселения у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 485, рис. 485].

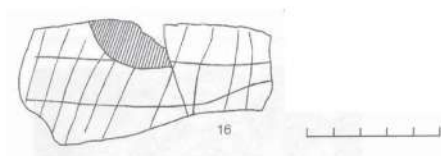

Рис. 12. Граффито из Нимфея [Намойлик, 2017, с. 207 № 16, рис. 2, 16].

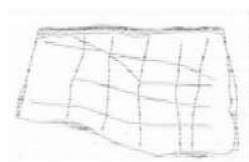

Рис. 13. Граффито с поселения у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 484, рис. 484].

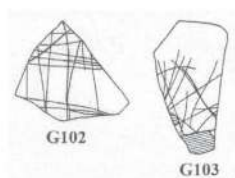

Рис. 14. Граффити на конусовидных вотивах из Нимфея [Намойлик, 2018 II, с. 200, №№ G102, G103, рис. II.62].

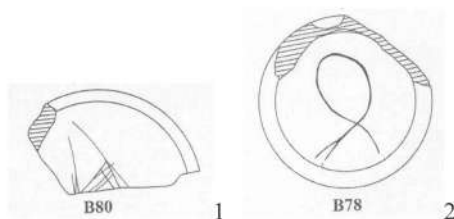

Рис. 15. Граффити из святилища Деметры в Нимфее [Намойлик, 2018 II, с. 115, №№ B80 и B78, рис. II.45]

А.Е. ПЕТРАКОВА
A.E. PETRAKOVA

**ФРАГМЕНТЫ КРАСНОФИГУРНЫХ АТТИЧЕСКИХ ЧАШ ИЗ
РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ 1867–68 И 1875 ГОДОВ В СОБРАНИИ
ЭРМИТАЖА: МАСТЕРСКАЯ МАСТЕРА ЙЕНЫ И МАСТЕР Q**

**FRAGMENTS OF RED-FIGURE ATHENIAN CUPS FROM THE
EXCAVATIONS OF PANTIKARAION IN 1867–68 AND 1875 IN THE
COLLECTION OF THE HERMITAGE: THE WORKSHOP OF THE
JENA PAINTER AND THE Q PAINTER**

Продолжающиеся в Пантикапее раскопки знакомят нас с новыми материалами, которые позволяют расширить и дополнить представление о вывозе на Боспор изделий аттических гончаров и вазописцев, в том числе работавших в мастерской Мастера Йены [Тугушева 2023]. Вместе с тем, имеются и материалы старых раскопок, многие из которых ранее не вводились в научный оборот. При подготовке очередного тома рукописи Corpus Vasorum Antiquorum, посвященного аттическим чашам в собрании Эрмитажа, в материалах из старых раскопок Пантикапея была выявлена группа фрагментов, которые следует связать с работами мастерской Мастера Йены и Мастера Q. Автор благодарен хранителю Пантикапейской археологической коллекции Д. Е. Чистову, который любезно разрешил изучать и публиковать материалы из его хранения.

Под названием «мастерская Мастера Йены» в настоящее время принято объединять нескольких гончаров и вазописцев, работавших в Афинах в последние годы V – первой четверти IV века до н.э. Их подлинных имен мы не знаем: Мастер Йены, Мастер Диомеда, Мастер Q – условные имена, данные вазописцам учеными. Подробно об истории изучения изделий этой мастерской и связанных с этим проблемах рассказано в специальной публикации [Петракова 2024], здесь же остановлюсь лишь на тех моментах, которые представляются важными в связи со специфическим материалом, которому посвящена статья.

В 1853 году во время возведения в Афинах новых домов были открыты остатки античной постройки, в которой обнаружили фрагменты краснофигурной и чернолаковой керамики [Jahn 1857, Sp. 106]. Часть из них была вскоре куплена Карлом Вильгельмом Гёттлингом для Археологического музея, созданного в 1845 году при Йенском университете [см. об этом: Der Jenaer Maler 1996, S. 1–8]. Среди них были такие фрагменты, «рисунки на которых показались [ему – А.П.] хорошо выполненными», также, по его собственным словам, «было интересно приобрести что-то из настоящих аттических горшков» [письмо Гёттлинга цит. по: Kathariou 2016a, S. 149].

В Йенском музее было достаточно античных расписных ваз, в т. ч. изготовленных в Афинах [Göttling 1854, Kat. №№ 183–245], но они были найдены, преимущественно, на территории Италии [Göttling 1854, S. 34–38]. Фрагменты же, открытые в 1853 году, помимо качества росписей, привлекли внимание еще и тем, что были обнаружены непосредственно в Афинах. Любопытно, что уже в публикации 1857 года в связи с этими фрагментами упоминается Пантикапей. Рассуждая о сенсационной находке, авторитетный специалист по древнегреческой вазописи Отто Ян отметил: «по стилю рисунка эти фрагменты... мало похожи на те, что находят в этрусских некрополях [...] больше всего они напоминают те, что найдены в Адрии [...] и Пантикапее» [Jahn 1857, Sp. 109].

«Множество фрагментов, хранящихся в выдвижных ящиках» [Göttling 1854, S.34], в музее Йенского университета, привезенных туда Гёттлингом, привлекли внимание Дж. Бизли – основоположника системы классификации аттической черно- и краснофигурной керамики по мастерским, классам и группам. Уже в публикации 1928 года он отметил: «множество фрагментов в Йене, хороших и плохих, ранних и поздних, но однородных, похоже, найденных в [керамической] мастерской являются работой одного человека или же мастера и его подчиненных» [Beazley 1928, p. 127].

В 1930 и 1931 гг. Вальтер Халанд, незадолго до того защитивший диссертацию об аттической вазовой живописи около 400 г. до н.э., использовал термин «Мастер Йенских чаш» и описал стилистические особенности росписей этого вазописца [Hahland 1930, S. 16–17, 20–21; Hahland 1931, S. 58–68]. Он назвал его «одним из наиболее строгих хранителей стиля рисования в вазописи рубежа [V и IV – А.П.] веков» до н.э., «постоянство в рисунках» которого «нельзя переоценить, ведь они были созданы в эпоху, когда ни один другой художник–вазописец не шел четким и последовательным путем»; «его линии плавны, одновременно, и спокойны, и энергичны... полны внутренней напряженности, наполняющей росписи жизнью, которую не способны вдохнуть в свои росписи другие мастера», он «смог избежать излишеств и дерзостей в технике исполнения и в облике фигур», в отличие от других мастеров, следовавших за Мастером Диноса, работавшим в последней четверти V в. до н.э. [Hahland 1930, S. 16].

Карл Шефолд не интересовался специально Мастером Йены, но, отметил определенную близость работам Мастера Геракла [Schefold 1934, S. 82] и, как и Халанд, указал на влияние Мастера Йены на дальнейшее развитие аттической краснофигурной вазописи во второй-третьей четверти IV в. до н.э., значительное количество примеров которой Шефолд изучил во время своего пребывания в Эрмитаже.

В книге 1942 года Дж. Бизли употребил название «Мастер Йены» [Beazley 1942, p. 880–884]. Не только потому, что «Мастер Йенских чаш» выглядит более длинно, но и потому, что этому вазописцу также были атрибутированы и вазы других форм. При этом, в отличие Халанда, который воспевал «постоянство» вазописца, Бизли отметил, что «качество росписей варьируется от изящнейших до убогих», при этом, однако, предположил, что «даже худшие из них [являются] работой той же руки, что [выполнила] и наилучшие» [Beazley 1942, p. 880].

В издании 1963–68 гг. вместо «Мастера Йены» Бизли писал уже о «мастерской» [Beazley 1963–1968, p. 1510–1511], в которой выделил работы самого вазописца, так называемые «стиль Б» и «стиль С». Также Бизли описал «манеру Мастера Йены»: туда вошли Мастер Диомеда и росписи просто «в манере» Мастера Йены, без выделения индивидуальной руки. Среди последних есть и такие, в которых изображение фигур «имеет отношение» к Мастеру Йены, в то время как орнамент характерен для вазописцев, работавших под влиянием Мастера Мидия¹ [Beazley 1963–1968, p. 1516–1518].

В той же главе книги² ученый поместил и Мастера Q, отметив, что это «забавное имя» (fancy name). По поводу одной из чаш сказано, что роспись внутри очень похожа на росписи Мастера Йены, «но я не уверен, что рука та же самая: я думаю, что скорее это [рука] Мастера Q» [Beazley 1963–1968, p. 1521]. В настоящее время Мастера Q определяют, как «мастера чаш, который был, вероятно, частью мастерской Мастера Йены» и чья работа была «обильна, но не высокого качества» [см., например: <https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIOG60195>]. В отличие от Мастера Диомеда, которого называют «компаньоном» Мастера Йены [Boardman 1989, p. 169], про Мастера Q пишут, что он работал, вроде бы, «самостоятельно» [Paul-Zinserling 1994, S. 12], но, совершенно очевидно, что и сюжетно-тематический репертуар, и орнаменты внутри и снаружи чаш, и определенные позы, жесты, костюмы, композиции из фигур, в работах Мастера Q сходны с теми, что характерны для Мастера Йены и его круга. По словам Дж. Бордмана «Мастер Диомеда – компаньон Мастера Йены (если это не один и тот же художник), а Мастер Q – единственный другой вазописец, расписывавший чаши в те же годы, которого вообще можно выделить» [Boardman 1989, p. 169–170]. По мнению Мартина Робертсона вазы, атрибутированные Мастеру Q, «показывают продолжение стиля Мастера Йены в более слабой и менее интересной форме», более того, «нет ничего невозможного в том, чтобы считать [эти росписи] последней фазой самого Мастера Йены. В любом случае, они являются наиболее поздней продукцией той же самой мастерской» [Robertson 1992, p. 270]. В целом время работы Мастера Q разные ученые определяют между 400/390 и 370/366 гг. до н.э. То есть он начал работать чуть позже, чем Мастер Йены (который начал не позже 404/403 гг. до н.э.), и закончил также чуть позже (работы Мастера Йены датируют обычно не позднее 380 г. до н.э.).

¹ Имя Мастера Мидия звучит рядом с именем Мастера Йены не только в трудах Дж. Бизли [Beazley 1963–1968, p. 1518], но уже в работах В. Халанда – речь идет об определенной стилистической близости и возможном влиянии, коль скоро время работы первого – это последняя четверть V в. до н.э., а время работы второго – последние годы V – первая четверть IV в. до н.э. Некоторые росписи, в которых наблюдается сходство с работами обоих вазописцев, даже становятся предметом полемики по поводу их атрибуции одному из них [см., например: Tugusheva 2009].

² Глава 89, «Мастер Йены и Мастер Q». Глава входит в книгу XX, «Fourth-Century Painters of Cups and Stemlesses», в которой, как явствует из ее названия, речь идет о вазописцах, специализировавшихся, преимущественно, на росписи чаш (на высокой и низкой ножке). Следующая за ней глава 90 посвящена «последним чашам», которые датируют второй четвертью IV в. до н.э.

Надо сказать, что окончательной ясности по поводу того, как именно разделять внутри выделенной мастерской индивидуальные манеры разных вазописцев не было и у самого Дж. Бизли. С одной стороны, он характеризовал работы самого Мастера Йены, как «легкие и красивые (light and pretty) рисунки, выполненные тонкими линиями, главными образом, но не исключительно, внутри чаш». С другой стороны, он отмечал, что росписи на внешней стороне чаш или оборотной стороне пелик (так называемый «стиль Б») «гораздо чаще выполненные в грубом, торопливом (rough, hasty) стиле, толстыми линиями» тоже могут быть выполнены рукой Мастера Йены [Beazley 1963–1968, p. 1510]. Как «близко связанный со стилем Б» охарактеризован Бизли «стиль С», описан он, однако, как «грубый стиль, характерной чертой которого является использование толстых змеевидных (thick snake-like) коричневых полосок для обозначения краев гиматиев» [Beazley 1963–1968, p. 1511]. Помимо этого, говоря о конкретных предметах, например, чаше в Вюрцбурге и чаше с изображением Паралоса в Энсерюне [Beazley 1963–1968, nos. 18 и 19; BAPD 230974 и 230975], Бизли полагал, что изображение внутри выполнено самим Мастером Йены, а «грубые» фигуры на наружной стороне «несколько отличаются от трех стилей уже описанных, хотя невозможно быть уверенным в том, что рука не та же самая» [Beazley 1963–1968, p. 1511]. На двух других чашах [Beazley 1963–1968, nos. 48–49] при том, что роспись внутри сделана Мастером Йены, росписи снаружи выполнены «в другом стиле, который не связан с Мастером Йены». Получается, что критерии разделения внутри мастерской на индивидуальные манеры вазописцев смутны. Не лучше дело обстоит с «манерой» Мастера Йены. Так росписи Мастера Диомеда – это «недурная работа» (pretty work), близкая Мастеру Йены [Beazley 1963–1968, p. 1516], однако в чуть более поздней публикации речь уже идет о том, что Мастер Диомеда «может быть тем же самым вазописцем, что и Мастер Йены». В то же время тому же Бизли принадлежат атрибуции, звучащие как «близко Мастеру Диомеда и Мастеру Йены» [Beazley 1971, p. 499–500]. Также Бизли оперировал понятиями «похожие» (akin to) и «близкие» (near) Мастеру Йены росписи. При этом отдельно от них отмечены «имеющие отношение» (related to) к нему [Beazley 1963–1968, p. 1517] и «грубоватая имитация» (heavy-handed imitation) работ Мастера Йены [Beazley 1963–1968, p. 1518].

Разный характер росписей, атрибутированных Дж. Бизли Мастеру Йены вызывал вопросы уже у его современников. Например, у Анни Юр, которая изучала штампованный орнамент внутри аттических чаш конца V – первой четверти IV вв. до н.э. и в связи с этим затрагивала вопросы атрибуции росписей на них [Ure 1936; Ure 1944]. Так, она отметила, что на ряде йенских чаш имеется сходный штампованный декор, «живопись снаружи во всех случаях поспешная и небрежная (hasty and negligent). Бизли, тем не менее, расценивает эти чаши в качестве некачественной работы (poor work) самого Мастера Йены» [Ure 1944, p. 70]. Спустя пятьдесят лет, ранее работавшая хранителем в Археологическом музее Йенского университета Верена Пауль-Цинзерлинг, призвала помимо изученных ей самой вопросов иконографии росписей мастерской Мастера Йены и Мастера Q также «обратить внима-

ние на развитие и изменение форм ваз», «критически подойти к тому корпусу памятников с фигуративными росписями и орнаментами, который прирос со времен Бизли» и «более четко определить» «стилистические особенности, характерные для работ этой мастерской» [Paul-Zinserling 1994, S. 125]. К сожалению, запланированная Клеопатрой Катариу монография об этой мастерской до сих пор не вышла, однако есть опубликованный ею уточненный список ваз с атрибуциями разным членам мастерской [Καθάρου 2002, σ. 240–260, JEN 1–167] и ряд статей, в том числе – о гончарах и разных вазовых формах, которые расписывали вазописцы этой мастерской [Kathariou 2009; 2014; 2015; 2016a; 2016b и др.]. По мнению исследовательницы, разное качество приписанных мастерской Мастера Йены изделий определяется желанием охватить клиентов с разными финансовыми возможностями. Так, вазы, вроде гидрии в Берлине [BAPD 231037], пелики в Эксетере [BAPD 231036], скифоса с тремя ручками в Национальном археологическом музее в Афинах [BAPD 231052], чаши в Бостоне [BAPD 231041] – изделия, «очевидно, более дорогие: на изготовление что формы, что декора [...] требовалось гораздо больше времени и, следовательно, это влекло за собой гораздо более высокую цену» [Kathariou 2016a, p. 149; 159 note 8] чем та, которую можно было определить для «ваз меньших размеров и с более простым декором», вроде самых простых чаш на низкой ножке, украшенных краснофигурным медальоном с однофигурной композицией и с росписью «стиля С» [Beazley 1963–68, p. 1515 nos. 68 и 69; Kathariou 2016a, fig. 10 right; fig. 11] «которые, очевидно, были изделиями массового производства» [Kathariou 2016a, p. 149].

Если при атрибуции изделий мастерской Мастера Йены и Мастера Q имеются определенные расхождения во мнениях относительно *определения индивидуальной руки мастера*, то с датировкой подобных проблем не возникает. Все специалисты, занимавшиеся этим вопросом, согласны друг с другом в том, что «Мастерская Мастера Йены начала свою деятельность в то время, когда Афины потерпели поражение в Пелопоннесской войне, произошло свержение олигархии 404/403 гг. до н.э. и восстановление демократии» [Paul-Zinserling 1994, S. 10]. Помимо общих рассуждений, базирующихся на представлениях о стилистической эволюции росписей и преемственности одной мастерской по отношению к другой, есть и более весомые аргументы в пользу того, что мастерская Мастера Йены уже работала в последние годы V века до н.э. Так, на чаше типа «Асросип»³ с рифленным туловом в Бостоне [Beazley 1963–68, p. 1516; Sparkes, Talcott 1970, p. 95, no 9 – ca 400 BC; Καθάρου 2002, σ. 247, JEN 55 – ранний период; BAPD 231041], которая всеми учеными признана в каче-

³ «Асросип» – название, которое дал классу чаш Дж. Бизли, упростив название «Akropolisgruppe», использованное Блешем [Bloesch 1940, S. 141–144]; речь идет о форме, «восходящей к чаше Дропа (the Droop cup), которая, в свою очередь, является лаконским изобретением. Возможно, не будет слишком фантастичным предположить, что филолаконские чувства того времени выражались как гончарами, так и вазописцами, и выбор формы был продиктован уважением к Спарте» [подробнее см.: Sparkes, Talcott 1970, p. 95]. Рифленное тулово у таких чаш встречается достаточно редко [см. подробнее: Sparkes, Talcott 1970, p. 92–96].

стве изделия мастерской Мастера Йены (вне зависимости от того, считают ли они Мастера Диомеда самостоятельным вазописцем или ранней фазой Мастера Йены), в медальоне представлена уникальная для иконографии афинской вазописи персонализация Спарты (Рис. 4, ж; 13, а). Это изображение позволило предположить, что чаша была расписана в период правления Тридцати тиранов в Афинах (404–403 гг. до н.э.). И оно подтверждается благодаря находке вазы такой же редкой формы (т.е. изьячная чаша типа «Асросир» с рифленным туловом), по-видимому, «производившейся специально для мастерской Мастера Йены» [Kathariou 2016a, 149], в *убедительно датированном археологическом комплексе*. Чаша типа «Асросир», по форме похожая на бостонскую, только без краснофигурного декора [Stroszeck 2006, S. 108, Abb. 6a–b], была найдена среди подношений спартанским воинам, погибшим в Афинах во время гражданской войны, положившей конец Тирании тридцати, и погребенным в так называемой Гробнице Лакедемонян [Stroszeck 2006]. Бостонская чаша и чаша из Гробницы Лакедемонян «очень близки по форме и деталям» что, «несомненно, предполагает работу одной и той же мастерской, если вообще не одной и той же руки» [Sparkes, Talcott 1970, p. 94–95].

Среди форм, которые расписывали вазописцы мастерской Мастера Йены, выявлены гидрия, пелика, скифос, лекана, пиксида, лекиф, но очевидным предпочтением вазописцев была чаша – их к настоящему моменту известно больше всего. Помимо чаш-киликов на высокой ножке (чаще всего – типа Б), значительное количество составляют чаши-скифосы (cup-skyphos) и чаши на низкой ножке (stemless cup, преимущественно с четко отделенным и выгнутым венчиком⁴. В собрании Государственного Эрмитажа хранится значительное число фрагментов таких чаш из материалов раскопок, проводившихся в XIX веке, и тогда же переданных в собрание Императорского Эрмитажа через Императорскую археологическую комиссию. В отличие от некоторых других фрагментов краснофигурных аттических чаш из находок в Пантикапее того же времени⁵, фрагменты, которым посвящена статья, не попали на страницы Отчетов Императорской Археологической комиссии, что и не удивительно, ведь в те годы находили целые и гораздо более эффектные краснофигурные аттические вазы. Также интересующие нас фрагменты не были исследованы ни Дж. Бизли, ни К.Шефолдом, хотя оба они приезжали в Эрмитаж и работали там достаточно продолжительное время. Бизли «пренебрег четвертым веком», поскольку «не имел времени уделить внимание всему» [Beazley 1963–68, p. 1406]. Что касается Шефолда – фрагменты чаш на низкой ножке просто не входили в сферу его интересов. Вместе с тем, несколько целых чаш из собрания Эрмитажа, атрибутированных Мастеру Йены и

⁴ Есть также варианты без выделенного венчика или с венчиком, который обозначен только внутри [см. примеры: Kathariou 2009; 2014; 2015; 2016a; 2016b]

⁵ Вроде, к примеру, фрагментов П.1867/68.958 [CVA The State Hermitage Museum 11, pl. 57, 1–3; BAPD 220671] и П.1867/68.953 [CVA The State Hermitage Museum 11, pl. 58, 1–3; BAPD 220672] связанных с творчеством вазописца конца V в. до н.э. Мастера Мидия и опубликованных в ИАК за 1869 год в виде контурного изображения [Табл. 4, 13 и 4, 8].

Мастеру Q, были изучены и включены Дж. Бизли в его труд о краснофигурных аттических вазописцах [Beazley 1963–68, p. 1520 nos. 23, 25, 34; p. 1520 no 44]. Те из них, на которых есть штампованный орнамент, были также исследованы Анни Юр – по фотографиям, которые «любезно ей предоставила А.А. Передольская» [Ure 1944, p.70, footnote 6]. Все целые чаши мастерской Мастера Йены и Мастера Q, хранящиеся в Эрмитаже, кроме одной, опубликованы в каталоге эрмитажной вазовой коллекции за авторством Лудольфа Стефани, вышедшем из печати в 1869 году [Stephani 1869, Kat. 1446, 1447, 1454, 1622, 2094]. Одна из них (инв. № Б.1280) некогда входила в коллекцию Н.Ф. Хитрово, где она найдена мы не знаем. Три (инв. № Б.244, Б.283, Б.284) некогда входили в коллекцию Дж.-А. Пиццати и были найдены на территории Италии в Санта Агата де Готи, о чем сказано в рукописном каталоге коллекции [подробнее см.: Bukina, Petrakova, Phillips 2013, St. 1446, 1447, 1454, 1622]. Только одна из опубликованных Стефани чаш (инв. № Пан.198) числится, как найденная в Пантикапее [Ure 1944, pl. IV, 41; Beazley 1963–68, p. 1520 no 23; Paul-Zinserling 1994, S. 57 no. 7; Καθάρτου 2002, σ. 257, JEN 137; BADB 231082]. Еще одна чаша (инв. №Б.2263), не попавшая в каталог Стефани, поскольку поступила в собрание позже (в 1900 году) числится, как происходящая из коллекции Новикова, т.е. может иметь причерноморское происхождение [Ure 1944, p. 74 no 32, pl. IV, 32; Beazley 1963–68, p.1520 no 25; Paul-Zinserling 1994, S. 49 no. 24; 57 no. 9; 75 no. 4; Καθάρτου 2002, σ.257, JEN 139; BADB 231084].

В отличие от перечисленных пяти целых чаш, представляемые в настоящей статье фрагменты из раскопок Пантикапея в 1867–68 и 1875 гг., которые могли бы быть ассоциированы с работами мастерской Мастера Йены и Мастера Q, ранее не вводились в научный оборот. Стоит упомянуть, что в публикации, посвященной так называемому Мастеру Керченских фрагментов с горы Митридат, А.А. Передольская в одной из сносок [Передольская 1963, с. 47, сноска 5] перечислила через запятую ряд инвентарных номеров фрагментов, также из находок на горе Митридат, которые, по ее мнению, следует атрибутировать Мастеру Q. Однако, фотографий, рисунков профилей, размеров, даже описаний перечисленных фрагментов в статье нет, как нет и аналогий, которые могли бы подкрепить суждение об атрибуции. Именно с фрагментов, которые могут быть сопоставлены с работами Мастера Q мы и начнем.

Все фрагменты (за исключением нескольких, о которых будет сказано отдельно) имеют характерную форму: это чаша на низкой профилированной ножке и с выгнутым, четко отделенным от тулова венчиком (профили приведены на Рис. 14–17, там же дан предполагаемый диаметр, если его можно измерить). Во всех случаях, когда венчик сохранился, с внутренней стороны он украшен изображением стилизованной ветви плюща: листья характерной формы оставлены в цвете глины, а стебли и грозди ягод выполнены белой краской по черному фону (иногда белая краска плохо видна на фотографиях; в большинстве случаев фотография также представлена).

На нескольких фрагментах сохранилось характерное для работ Мастера Q изображение женского персонажа (интерпретация в качестве «женщины» или «менады»

зависит от сопутствующих фигур и атрибутов, которые на фрагментах не всегда присутствуют). На фрагменте инв. № П.1867/68.574 (5,4 x 3,7 см) (Рис.1,а; 14,а) снаружи сохранилось изображение пальметты, верхней части фигуры женщины, ориентированной влево в три четверти и оборачивающейся назад; справа – правая кисть руки и часть лица юноши влево. Похожее изображение пальметты и женщины (зеркально) можно видеть на чаше инв. № 79.АЕ.199 в собрании Музея П. Гетти в Малибу (Рис.1,б) [BAPD 28749], атрибутированной Мастеру Q. Эта же чаша может служить аналогией для фрагмента инв. № П.1875.237 (5,1 x 5,5 см) (Рис.1,в; 14,б) на котором сохранилось изображение части фигуры сидящей в три четверти вправо женщины, оборачивающейся назад; справа от нее пальметта, слева – кисти рук персонажа, подходящего к ней. Руки могут принадлежать юноше [ср. BAPD 231077], но также сатиру или даже Эроту – как на другой чаше Мастера Q, хранящейся в Варшаве (Рис. 2,б) [Beazley 1963–68, p. 1520 no 24; Paul-Zinserling 1994, Taf. 36,1; Καθάρτου 2002, σ. 257, JEN 138 – поздний период; BAPD 231083], на одной стороне которой представлен сатир подходящий к сидящей в такой же позе менаде, а на другой – подлетающий к убегающей женщине Эрот. Еще одну женщину в похожей одежде и с аналогично убранными волосами можно видеть справа от пальметты на фрагменте инв. № П.1867/68.587 (6,1 x 3,3 см) (Рис. 1,г; 14,в); она стоит, склонившись вправо, по-видимому, опираясь локтем о выставленную вперед и согнутую в колене левую ногу. Поза напоминает ту, в которой изображена женщина на обеих сторонах чаши Мастера Q в Бонне [Paul-Zinserling 1994, Taf. 41,3; Καθάρτου 2002, σ. 258, JEN 152 – поздний период; BAPD 231097]. Также пальметту и женщину, помимо приведенных аналогий, можно сравнить на атрибутированном этому же вазописцу чаше в Женеве [CVA Geneva 1, pl. 11,1, 12,10–11; Beazley 1963–68, p. 1519 no 18; Καθάρτου 2002, σ. 256, JEN 132; BAPD 231077]. На фрагменте инв. № П. 1867/68.591 (6,2 x 5,6 см) (Рис. 1,д; 14,г) сохранилось изображение пальметты характерного типа, а справа от нее – часть фигуры менады с тирсом; прическа и одежда трактованы так же, как и в описанных выше случаях. Еще два фрагмента – инв. № П.1867/68.590 (5,1 x 4,3 см) (Рис. 1,е; 14,д) и инв. № П.1867/68.588 (4,3 x 1,6 см) (Рис. 1,ж) – также могут быть сопоставлены с чашами, атрибутированными Мастеру Q. На обоих сохранилась часть пальметты, справа от нее – женщина, ориентированная вправо, держащая в вытянутой вперед правой руке, вероятно, фиалу, над которой изображен диск с крестом. На первом также сохранилось лицо и правое плечо юноши, стоящего справа. Помимо уже перечисленных аналогий, изображения на этих двух фрагментах также можно сопоставить с теми, что украшают чаши в Лейдене [CVA Leiden 4, pl. 174,1–2; 177,4,8; BAPD 44383] и в Руво [Beazley 1963–68, p. 1519 no 20; Καθάρτου 2002, σ. 256, JEN 134 – средний период; BADB 231079], обе атрибутированы Мастеру Q. Также с работами этого вазописца можно связать фрагмент инв. № П.1867/68.607 (5,4 x 3,3 см) (Рис. 1,з), на котором сохранилась изображение обнаженного юноши, ориентированного вправо; он оборачивается назад, к женщине, от фигуры которой сохранилась лишь часть одежды. Композиция и типы фигур похожи на те, что характерны

для Мастера Q, также и на фрагменте инв. № П.1875.242 (8,2 x 3,6 см) (Рис. 1,и; 14,е): на нем сохранилось изображение головы сатира вправо, перед ним – тимпан; справа от сатира – голова и плечи менады влево, перед ней – тирс, за ней – пальметта.

Несколько фрагментов из старых раскопок Пантикапея, по-видимому, являются частями чаш, украшенных композициями, состоящими из сатира и менады (как описанный выше) или женщины и Эрота. Оба варианта регулярно встречаются на чашах, атрибутированных Мастеру Q. Сатир и пальметта на фрагменте инв. № П.1867/68.634 (4,6 x 3,5 см) (Рис. 2,а; 14,о), похожи на сатира и пальметту на чаше в Варшаве (Рис. 2,б) [Beazley 1963–68, p. 1520 no 24; Paul-Zinserling 1994, Taf. 36,1; Καθάρου 2002, σ. 257, JEN 138 – поздний период; BAPD 231083]. Этот фрагмент попал в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. Также сатира на нем можно сравнить с тем, что изображен на фрагменте в Энсерюне [CVA Enserune, pl. 24,12; BAPD 22519], также атрибутированном Мастеру Q. Композиция из Эрота и женщины на оборотной стороне чаши в Варшаве (Рис. 2,б) может быть сопоставлена с той, что сохранилась на фрагменте инв. № П.1867/68.613 (6,6 x 4,7 см) (Рис. 2,в; 14,ж): видна голова, часть крыла и правая рука Эрота, протянутая к голове женщины, представленной влево в профиль, справа от пальметты. Крылья и затылок Эрота, ориентированного вправо, и часть пальметты слева от него можно видеть на фрагментах инв. № П.1875.202 (5,4 x 4,4 см) (Рис. 2,г; 14,з) и инв. № П.1875.207 (6,2 x 4,5 см) (Рис. 2,д; 14,и). Фрагменты имеют близкие размеры, профиль, оба принадлежат чаше с предполагаемым диаметром около 13 см, орнамент на венчике внутри также похож. Фрагмент инв. № П.1867/68.376 (9,3 x 5,8) (Рис. 2,е; 14,к) попал в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. Снаружи, справа от пальметты, сохранилось изображение менады, ориентированной вправо; в левой руке у нее тимпан, правая отведена назад, кисть находится у затылка; перед менадой – сидящий в развороте вправо сатир, оглядывающийся назад. Лица можно сравнить на атрибутированной Мастеру Q чаше, некогда выставленной на Sotheby's [BAPD 8511]; похожий тимпан изображен на чаше в Вене [Beazley 1963–68, p.1519 no 15; Paul-Zinserling 1994, Taf. 75,1-2; Καθάρου 2002, σ. 252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074]. На фрагменте инв. № П. 1867/68.389 (7 x 4 см) (Рис. 2,ж) сохранилось изображение нижней части пальметты, характерной для чаш, атрибутированных Мастеру Q, справа от нее – Эрот (утрачены верх крыльев, голова, плечи, верх правой руки), подлетающий к стоящей женщине в длинной одежде (сохранилась фигура ниже пояса и правая рука). Композиция из Эрота и женщины характерна для разных чаш, атрибутированных вазописцу: она представлена на чаше в Варшаве (Рис. 2,б), фрагменте в ГМИИ (Рис. 3,д) и проч.

Также среди фрагментов из старых раскопок Пантикапея имеются и те, изображения на которых связаны с более редко встречающимися в сюжетно-тематическом репертуаре Мастера Q сценами. Например, на фрагменте инв. № П.1867/68.642 (6,5 x 3,5 см) (Рис. 3,а) частично сохранилось изображение быка и человеческой фигуры, справа – пальметта. Фрагмент попал в список Передольской [Передольская 1963,

с.47, сноска 5]. Роспись сильно потерта, но, вполне вероятно, что изображен юноша, ведущий быка, как на чаше инв. № 79.АЕ.202 в Музее П. Гетти в Малибу (Рис. 3,б) [BAPD 28746], атрибутированной Мастеру Q, или как на атрибутированной ему же чаше в Марцаботто (Рис. 3,з). Последняя по композиции является наиболее близкой аналогией; юноша назван в публикациях Тезеем с быком [Ure 1944, no 29, pl. III,a; Beazley 1963–1968, p. 521 no 48]. С юношей на чаше в Малибу (Рис. 3,б), представленным справа от быка, может быть сопоставлен юноша, изображенный справа от пальметты на фрагменте инв. № П.1875.205 (7,8 x 4 см) (Рис. 3,в). Фрагменты инв. № П.1875.223 и П.1875.231 (размер вместе 10,8 x 5,4 см) (Рис. 3,г; 14,л), очевидно, являются частями одной чаши. На них снаружи сохранились части вертикальных пальметт у ручек, а также фигуры обнаженного юноши, наклонившегося вправо и женщины в подпоясанной одежде и с головной повязкой, ориентированной вправо и оборачивающейся к юноше. Хотя на фрагменте в собрании ГМИИ [CVA Moscow 5, pl. 35,6; BAPD 9004148] слева изображен не юноша, а Эрот (Рис. 3,д), женщина и пальметта очень похожи. Любопытно, что фрагмент из ГМИИ не только атрибутирован Мастеру Q, но и найден в Пантикапее. На фрагменте инв. № П.1867/68.636 (5,3 x 2,8 см) (Рис. 3,е; 14,м), который также попал в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5], сохранилась верхняя часть пальметты, справа – голова юноши вправо и перед ним – правая рука и лицо женщины. Типы персонажей характерны для чаш, атрибутированных Мастеру Q. На фрагменте инв. № П.1867/68.637 (6,5 x 5,4 см) (Рис. 3,ж; 14,п) сохранилось изображение пальметты, слева от нее – обнаженный юноша, движущийся влево, вокруг правой руки обернут плащ; перед ним – крылья Ники или Эрота. Похожие юноша и пальметта украшают атрибутированную Мастеру Q чашу в Вене [CVA Wien 1, Taf. 27,1–4; Καθάρου 2002, σ. 249, JEN 72 – средний период; BAPD 231061].

Как более редкие в сюжетно-тематическом репертуаре мастерской следует охарактеризовать изображения всадников-юношей и всадников-Эротов. На фрагменте инв. № П.1867/68.611 (4,9 x 3,9 см) (Рис. 4,а; 14,р) сохранилось изображение головы с частью шеи коня, ориентированного вправо, и части пальметты справа. Вероятно, на фрагменте представлен всадник, как на чаше в Женеве (Рис. 4,б), атрибутированной Мастеру Q [Beazley 1963–68, p.1519 no 18; CVA Geneva 1, pl. 11,1, 12,10–11; Καθάρου 2002, σ. 256, JEN 132; BAPD 231077). Похожие изображения головы коня и пальметты сохранились также на фрагменте в ГМИИ (Рис. 4,е) [CVA Moscow 5, pl. 35,5; BAPD 9004147], происходящем из Пантикапея и атрибутированном Мастеру Q. Чаша в Женеве (Рис. 4,б) является аналогией и для фрагмента инв. № П.1867/68.544 (2,8 x 2,2 см) (Рис. 4,в), на котором сохранилось изображение части коня и обнаженного всадника. Фрагмент есть в списке Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. Поскольку на этом фрагменте от фигуры юноши сохранились только руки, держащие поводья, часть правой ноги и низ тела с гениталиями, сложно судить, было ли это изображение именно обнаженного всадника, как на чаше в Женеве, или же всадника-Эрота, как на еще одном фрагменте в собрании ГМИИ (Рис. 4,д) [CVA

Moscow 5, pl. 35,4; BAPD 9004146] или на еще одном фрагменте из Эрмитажа с инв. № П.1867/68.620 (5,2 x 2,2 см) (Рис. 4,г). На нем справа от пальметты виден круп коня с частью хвоста, на коне сидит Эрот: видны оба крыла, спина, затылок. В более ранних работах мастерской изображение всадника на коне тоже встречается: например, в медальоне чаши в Бостоне (Рис. 4,ж), в связи с которой звучат имена Мастера Диомеда и Мастера Йены [Beazley 1963–68, p.1516; Paul-Zinserling 1994, Taf. 43,1; Καθάρειου 2002, σ.247, JEN 55 – ранний период; BAPD 231041]. Несколько непривычными на фрагментах из Эрмитажа и ГМИИ выглядят заостренные крылья Эрота, расположенные почти горизонтально, однако, и это можно сопоставить с росписями, ассоциированными с изделиями мастерской, связанными с именами Мастера Диомеда и Мастера Йены. Так, положение, близкое к горизонтальному, можно видеть на чаше в Вене (Рис. 4,з) [CVA Wien 1, Taf. 28,1–4; Beazley 1963–68, p.1518 no 4; Καθάρειου 2002, σ. 249, JEN 74 – средний период; BAPD 231063], а близкие по характеру концы крыльев – на чаше в Оксфорде (Рис. 4,и) [Beazley 1963–68, p. 1516 no 1; Paul-Zinserling 1994, Taf. 18,1–2; Καθάρειου 2002, σ. 252, JEN 96 – ранний период; BAPD 231038].

Ряд фрагментов из старых раскопок Пантикапея, очевидно, является частью чаш, украшенных композициями с шествиями обнаженных мужчин и юношей с факелами и фиалами в руках. На фрагменте инв. № П.1875.251 (4,2 x 3 см) (Рис. 5,а) сохранилась часть пальметты, справа от нее – часть фигуры обнаженного бородатого мужчины в венке, идущего вправо; в левой руке у него факел (пламя передано белой краской), через запястье перекинут плащ, развевающийся край которого виден за его ягодицами; правая рука отведена к затылку; перед мужчиной – кисть руки другого персонажа. Очень похожего мужчину можно видеть на приписанной Мастеру Q чаше в Вене [Beazley 1963–68, p.1519 no 15; CVA Wien 1, Taf. 26,1–4; Καθάρειου 2002, σ.252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074] и на чаше инв. № 79.ΑΕ.200 в музее П.Гетти в Малибу (Рис. 5,б), также атрибутированной Мастеру Q [BAPD 28748]. Чаши в Вене и в Малибу могут быть названы аналогиями к еще нескольким фрагментам из Пантикапея. Это – фрагмент инв. № П.1875.200 (4,6 x 4 см) (Рис. 5,в; 14,н), на котором сохранились части пальметты и фигуры юноши слева от нее; в левой руке у юноши, вероятно, фиала; красной краской (что необычно) нарисован веночек и имитация букв между его затылком и пальметтой. Также это фрагмент инв. № П.1867/68.548 (3,6 x 4 см) (Рис. 5,г; 14,с), включенный в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. На нем сохранилось изображение части пальметты и слева от нее – обнаженного юноши влево, плащ обернут вокруг согнутой в локте левой руки, которой он упирается в поясницу; веночек на его голове и дискообразный элемент с крестом за его затылком выполнены белой краской. Еще один – это фрагмент инв. № П.1867/68.541 (6 x 5 см) (Рис. 5,д); внутри на нем сохранилась часть штампованного декора: в центре – композиция из пальметт, соединенных стеблями, а обрамляет медальон ряд ов. Штампованный орнамент можно сопоставить с похожим орнаментом на чашах Мастера Q в Касселе [Beazley 1963–1968, p. 1520 no

31; BAPD 231090], в Альтенбурге [Beazley 1963–1968, p. 1520 no 32; BAPD 231091] и в Лувре (указано происхождение «из Феоодосии») [Ure 1944, no 26, pl. VI, 26; Beazley 1963–1968, p. 1521 no 49]. Снаружи на нашем фрагменте сохранились изображения нижних частей фигур, идущих вправо обнаженных мужских персонажей, и часть пальметты справа. Очевидно, это части фигур, подобных центральной и правой на чаше в Малибу (Рис. 5,б); также их можно сравнить с фигурами на чаше в Касселе [Beazley 1963–68, p.1520 no 31; CVA Kassel 1, Taf. 38,3–4, 39,4; Καθάρου 2002, σ. 257, JEN 145 – средний период; BAPD 231090], тоже атрибутированной Мастеру Q. На фрагменте инв. № П.1867/68.539 (6,8 x 6 см) (Рис. 5,е) внутри также имеется штампованный декор (рамка из ряда ов и композиция из соединенных стеблями пальметт – в центре); его можно сравнить с тем, что украшает чаши Мастера Q в Лувре [Ure 1944, no 29, pl. III; Beazley 1963–68, p. 1521 no 48] и в Эрмитаже [Ure 1944, no 31, pl. VI,31; Beazley 1963–68, p. 1520 no 34]. Снаружи сохранились ноги крайнего правого персонажа и низ пальметты справа от него, также имеется граффито в виде лука со стрелой и креста на донце. Оба фрагмента включены в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. На фрагменте инв. № П.1867/68.610 (3,1 x 1,8см) (Рис. 5,ж) сохранилось изображение части обнаженного бородатого мужчины (голова и верх тела), ориентированного влево: перед лицом в правой руке он держит фиалу; аналогиями могут служить уже названные чаши в Малибу и Вене.

На фрагменте инв. № П.1867/68.595 (6,8 x 4,3 см) (Рис. 6,а; 15,а) справа от пальметты сохранилось изображение обнаженного юноши, идущего вправо: в левой руке у него факел (пламя нарисовано белой краской), правая отведена к затылку, через локти перекинут плащ; справа от него – часть фигуры другого юноши, ориентированного вправо и оборачивающегося назад (сохранилось лицо, правое плечо и рука, часть туловища). Трактовку тела, головы, факела, драпировки можно сопоставить с теми, что украшают уже упомянутую чашу в Малибу (Рис. 5,б) и чашу в Вене [Beazley 1963–68, p.1519 no 15; CVA Wien 1, Taf. 26,1–4; Καθάρου 2002, σ. 252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074]. На включенном в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5] фрагменте инв. № П.1867/68.643 (11,8 x 3,5 см) (Рис. 6,б; 15,б) сохранилось изображение верхней части композиции из двух обнаженных юношей между пальметтами: слева представлен юноша, идущий вправо, в левой руке у него тимпан, правая отведена к затылку; справа от него – еще один юноша, оборачивающийся к нему, правая рука у лица. Позы юношей на этом фрагменте можно сопоставить с позами мужчины и правого юноши на еще одной чаше в Музее П. Гетти в Малибу, также атрибутированной Мастеру Q – инв. № 79.АЕ.201 (Рис.6,в) [BAPD 28871]. На фрагменте инв. № П.1867/68.589 (2,8 x 3,8 см) (Рис. 6,г; 15,в) сохранилось изображение головы юноши влево, перед ним – тимпан; и то, и другое можно сравнить на атрибутированной Мастеру Q чаше, некогда выставленной на Sotheby's [BAPD 8511], а отдельно тимпан – на чаше в Вене [Beazley 1963–68, p.1519 no 15; Paul-Zinserling 1994, Taf. 75,1–2; Καθάρου 2002, σ. 252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074]. Фрагмент инв. № П.1875.158 (5,3x3,7 см), попавший в список

Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5] и фрагмент инв. № П.1875.219 (3,8 x 5,8 см), не попавший в него, очень как по орнаменту на внутренней стороне, так и по изображению головы и верха туловища обнаженного бородатого мужчины – на наружной. На фрагменте инв. № П.1875.158 (Рис. 6,е; 15,д) он обращен влево, правая рука вытянута вперед, на левом плече драпировка. На фрагменте инв. № П.1875.219 (Рис. 6,д; 15,г) он обращен вправо, правая ладонь поднята вверх за затылком, в левой – тимпан. Похожего бородатого мужчину можно видеть на все той же чаше в Вене [Beazley 1963–68, p.1519 no 15; CVA Wien 1, Taf. 26,1–4; Καθάρειον 2002, σ. 252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074] и на чаше инв. № 79.ΑΕ.201 в Малибу (Рис. 6,в). На фрагменте инв. № П.1867/68.542 (5 x 4,3 см) (Рис. 6,ж) сохранилась часть изображения характерной пальметты, справа – нижняя часть фигуры обнаженного юноши, ориентированного влево, через левое плечо перекинут плащ, он спускается за спину, а край – у юноши в правой руке, в левой руке – факел; справа – ноги еще одного юноши. Изображение можно сравнить с изображением на атрибутированной Мастеру Q чаше, некогда выставленной на Sotheby's [BAPD 8511]. Внутри на фрагменте сохранилась часть штампованного орнамента: рамка медальона в виде ряда ов. Фрагмент попал в список Передольской [Передольская 1963, с. 47, сноска 5].

Помимо фрагментов, которые находятся убедительные аналогии среди чаш, атрибутированных Мастеру Q, среди материалов старых раскопок Пантикапея также имеются фрагменты, аналогии которым находятся среди ваз, атрибутированных различным представителям мастерской Мастера Йены. К ним относится, например, фрагмент инв. № П.1867/68.646 (предполагаемый диам. базы 7,5 см; сохр. высота 4,7 см) (Рис. 7,а; 15,е). С внутренней стороны фрагмент украшен штампованным орнаментом: в центре несколько пальметт, соединенных стеблями, вокруг медальона – поясok из таких же пальметт. Подобное встречается на чашах, атрибутированных Мастеру Q, например, на чаше из Музея Агоры [Beazley 1963–1968, p. 1521 no 45; BAPD 231104]. Снаружи на нашем фрагменте сохранилось изображение нижней части пальметты, характерной для этой мастерской формы, слева от нее – изображение ступней, справа – нижней части фигуры в одежде. Похожее трактовку складок и пальметты можно видеть на чаше Йене (Рис. 7,б) [Paul-Zinserling 1994, Taf. 24,1–2; Καθάρειον 2002, σ. 255, JEN 124 – средний период; BAPD 231016], отнесенной Бизли к работам мастерской Мастера Йены, так называемому «стилю С» [Beazley 1963–68, p.1515 no 60]; чуть сложнее пальметты на другой чаше в Йене [Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2; Καθάρειον 2002, σ. 252, JEN 97 – ранний период; BAPD 231039], отнесенной Бизли к работам Мастера Диомеда [Beazley 1963–68, p.1516 no 2]. На фрагменте инв. № П. 1867/68.554 (6,5 x 4,6 см) (Рис. 7,в; 15,ж) сохранилось изображение женщины в подпоясанном хитоне идущей влево и оборачивающейся назад; слева от нее – часть пальметты, справа – часть фигуры обнаженного юноши (правая рука и нога сохранились целиком, виден живот и часть лица). Фигуры подобного типа можно видеть на уже упомянутой чаше в Йене (Рис. 7,б). На фрагменте инв. № П.1875.243 (4 x 3,6 см) (Рис. 7,г) сохранилось изображение юноши в плаще влево, в правой, не покрытой

плащом, руке, – арибалл; слева от него – рука другого персонажа, вероятно, со стригилем. Помимо уже названной чаши в Йене (Рис. 7,б) роспись на нашем фрагменте можно сопоставить с росписью на фрагменте в Йене [Beazley 1963–68, p.1515 no 64; Καθάρειο 2002, σ. 256, JEN 128; BAPD 231020], который атрибутирован так же – «стиль С». На фрагменте инв. № П.1875.214 (3,8 x ,5 см) (Рис. 7,д; 15,з) сохранилась часть изображения юноши в плаще влево и пальметты. Несмотря на потеки лака и плохую сохранность тип пальметты и складок похожи на те, что можно видеть в изделиях мастерской Мастера Йены, определенных как «стиль С», вроде еще одного фрагмента в Йене [Beazley 1963–68, p.1515 no 61; Paul-Zinserling 1994, Taf. 25,1; Καθάρειο 2002, σ. 255, JEN 125 – средний период; BAPD 231017]. На фрагменте инв. № П.1875.216 (2,6 x 2,3 см) (Рис. 7,е) сохранилась часть изображения фигуры в плаще влево. Похожую трактовку лица и складок можно видеть, например, на чаше в Британском музее [Καθάρειο 2002, σ. 246, JEN 51 – средний период; BADB 231000], которую Бизли аттестовал, как выполненную в «стиле Б» [Beazley 1963–68, p.1514 no 44]. Фрагмент инв. № П.1875.236 (8,2 x 4,3 см) (Рис. 7,ж) сильно потерт, на нем сохранилось изображение верхней части пальметты; справа от нее – фигуры юноши в плаще, из-под которого видна рука, выставленная вперед, а перед ним – обнаженного юноши со стригилем в руке. Эти фигуры могут быть сопоставлены с боковыми фигурами на упомянутой выше чаше в Йене (Рис. 7,б).

Также среди фрагментов из старых раскопок в Пантикапее есть и такие, которые вызывают ассоциации и с росписями, атрибутированными Мастеру Q, и с росписями, которые связаны с тем, что определятся, как «манера» Мастера Йены. Так, из фрагментов инв. № П.1867/68.596 и инв. № П.1867/68.540 (вместе – 7 x 9,3 см) собирается часть стенки чаши на низкой ножке (Рис. 8,а; 15,и). Внутри, помимо традиционной росписи на венчике в виде ветвей плюща, сохранилась часть штампованного декора – ряд ов, обрамляющих медальон. Снаружи представлена двухфигурная композиция между пальметтами. Слева нагой юноша с плащом, перекинутым через сгибы локтей и свисающим за спину, стоит в три четверти влево, оборачиваясь назад; в левой руке факел, правая ладонь у затылка. Справа к нему движется обнаженный бородастый мужчина, с правого плеча которого свисает плащ, развеваясь за спиной, обеими руками перед собой он держит тимпан. Передольская определила оба фрагмента в список работ Мастера Q [Передольская 1963, с. 47, сноска 5]. Действительно, сходную композицию, только зеркальную, можно видеть, например, на чаше в Вене (Рис. 8,б) [CVA Wien 1, Taf. 26,1–4; Paul-Zinserling 1994, Taf. 75,1–2; Καθάρειο 2002, σ.252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074], отнесенной Бизли к работам Мастера Q [Beazley, 1963–68, p. 1519 no 15]. В то же время, композиция из шагающего со скругленной спиной персонажа (мужчины или сатира), который, слегка пританцовывая, движется на полусогнутых ногах, вытягивая одну ногу и обе руки вперед (с атрибутами или без), и стоящего перед ним в три четверти другого персонажа (юноши или менады) характерна для изделий мастерской, в том числе тех, которые атрибутированы самому Мастеру Йены, как, например, фрагмент в Йене (Рис. 8,в) [Beazley

1963–68, р. 1511 no 2; Paul-Zinserling 1994, Taf. 8,2; Καθάρου 2002, σ. 240, JEN 5 – ранний период; BAPD 230958]. Наш фрагмент представляется более близким к работам Мастера Йены, в частности, это касается типа лица юноши, его позы, трактовки тела и прихотливого рисунка складок – все это можно сравнить, например, с тем, что мы видим в медальоне чаши в Вюрцбурге (Рис. 8,ж), которая была помещена Бизли и его последователями среди изделий мастерской Мастера Йены с идеями либо о самом вазописце, либо о «стиле Б» [Beazley 1971, р. 500; Paul-Zinserling 1994, Taf. 4,1; Καθάρου 2002, σ. 244, JEN 29 – ранний период; BAPD 340164]. На фрагменте инв. № П.1867/68.626 (5,6 x 3,4 см) (Рис. 8,г; 15,к) внутри также сохранилась часть штампованного орнамента в виде ряда ов, а снаружи – часть росписи: пальметта, справа от нее – низ женской фигуры в длинном хитоне, к которой подходит, очевидно, обнаженный персонаж мужского пола все в той же характерной позе (сохранилась выставленная вперед левая нога, кисть левой руки, часть правой ноги). Форма пальметты характерна для чаш, атрибутированных Мастеру Q, например, чаши в Вене [CVA Wien 1, Taf. 27,1–4; Beazley 1963–68, р. 1518 no 2; Καθάρου 2002, σ. 249, JEN 72 – средний период; BAPD 231061] или в Манчестере [Beazley 1963–68, р. 1519 no 11; Paul-Zinserling 1994, Taf. 7,1; Καθάρου 2002, σ. 250, JEN 81 – ранний период; BAPD 231070]. Вместе с тем, прихотливый изгиб складок хитона, будто закручивающегося вокруг ног, и тщательный рисунок ступни пританцовывающего персонажа ближе к росписям, ассоциированным с Мастером Йены: в росписях Мастера Q эти элементы выполнены проще. На фрагменте инв. № П.1875.166 (5,6 x 4,5 см) (Рис. 8,е; 16,б) снаружи частично сохранились изображения двух фигур: слева нагой юноша с головой вправо в профиль, в левой руке – фиала; справа от него – нагой юноша с факелом в правой руке; у обоих за спиной плащ, перекинутый через локти, на головах венки. Передольская включила фрагмент в список тех, что она бы атрибутировала Мастеру Q [Передольская 1963, с. 47, сноска 5] и, действительно, похожую трактовку руки с фиалой можно видеть, например, в медальоне атрибутированной Мастеру Q чаши в Вене [Beazley 1963–68, р. 1518 no 2; CVA Wien 1, Taf. 27,1–4; Καθάρου 2002, σ. 249, JEN 72 – средний период; BAPD 231061]; голову юноши с факелом можно сравнить с головой юноши с факелом в медальоне еще одной чаши в Вене [Beazley 1963–68, р. 1518 no 3; CVA Wien 1, Taf. 26,5, 28,5–7; Καθάρου 2002, σ. 249, JEN 73 – средний период; BAPD 231062], также атрибутированной ему. Но и на фигуры на уже упомянутой чаше в Вюрцбурге (Рис. 8,ж) они тоже похожи. На фрагменте инв. № П.1875.203 (3,3 x 4,5 см) (Рис. 8,д; 16,а) снаружи сохранилась часть пальметты и фигуры справа от нее: голова и плечи, по-видимому, сатира вправо, изображение можно сравнить с тем, что украшает упомянутую выше чашу в Вюрцбурге снаружи, но также и с сатирами в росписях, атрибутированных Мастеру Q, например, в медальоне чаши в Вене (Рис. 9,г).

Фрагмент инв. № П.1867/68.621 (5,1 x 3,2 см) (Рис. 9.а; 16,в) в отличие от большинства фрагментов из Пантикапея, описанных в этой статье, принадлежал чаше на низкой ножке не с выгнутом венчиком, а с венчиком визуальнo не выделенным

– наподобие тех чаш, что хранятся в Оксфорде [Beazley 1963–68, p. 1516 no 1; Paul-Zinserling 1994, Taf. 18,1–2; Καθάρειου 2002, σ.252, JEN 96 – ранний период; BAPD 231038] и Лондоне [Beazley 1963–68, p. 1520; Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2; Καθάρειου 2002, σ. 252, JEN 97 – ранний период; BAPD 231039]. К. Катариу охарактеризовала эти чаши как «почти идентичные в отношении формы и размера», профиль оксфордской чаши [Kathariou 2016a, p. 152, Fig. 5] и профиль лондонской чаши [Kathariou 2015, Fig. 5] опубликованы в ее статьях – их можно сравнить с профилем нашего фрагмента, у которого имеется такая же легкая профилировка по кромке; росписи обеих чаш связывают с Мастером Диомеда. На нашем фрагменте сохранилось изображение части фигуры сатира, идущего вправо с тимпаном в руках (Ил. 9,а), перед тимпаном – рука другого персонажа, с вытянутым предметом (возможно с тирсом), слева от сатира – часть пальметты. Сатира с похожим образом трактованными лицом и телом (Ил. 9,в) можно видеть в медальоне фрагментированной чаши в Йене [Beazley 1963–68, p.1511 no 6; Paul-Zinserling 1994, Taf. 21,1; Καθάρειου 2002, σ. 241, JEN 9 – ранний период; BAPD 230962] которая атрибутирована Мастеру Йены, и на наружной стороне чаши в Утрехте [Paul-Zinserling 1994, Taf. 23; BAPD 231007] (Ил. 9,д), также атрибутированной этому вазописцу [Beazley 1963–68, p. 1514 no 51; Καθάρειου 2002, σ. 254, JEN 115 – конец раннего-начало среднего периода; BAPD 231007]. Траковка головы сатира в медальоне чаши в Лондоне (Рис. 9,б) [Beazley 1963–68, p. 1513 no 43; Paul-Zinserling 1994, Taf. 19,2; Καθάρειου, 2002, σ. 246, JEN 50 – средний период; BAPD 230999], описанной Бизли, как «стиль Б», проще, зато фигура представлена в профиль, как и на нашем фрагменте. С одной стороны, наша фигура выглядит чрезмерно скованной для росписей мастера Йены, с другой, трактовка лица сатира кажется более близкой в работах Мастера Йены, чем в росписях Мастера Q – можно посмотреть, например, сатира в медальоне чаши в Вене (Рис. 9,г) [Beazley 1963–68, p. 1519 no 15; Paul-Zinserling 1994, Taf. 22,1; 75,1–2; Καθάρειου 2002, σ. 252, JEN 98 – поздний период; BAPD 231074]. На фрагменте инв. № П.1875.224 (5,5 x 2,9 см) (Рис. 9,е; 16,г) снаружи сохранилась голова сатира вправо и голова менады в чепце, лицом к нему, между ними белой краской – три элемента, напоминающие буквы. Голову сатира можно сопоставить с головой сатира в медальоне уже упомянутой чаши в Вене (Рис. 9,г); также определенное сходство композиции и трактовки голов сатира и менады можно увидеть на наружной стороне чаши в Руво [Beazley 1963–68, p. 1519 no 20; Καθάρειου 2002, σ. 256, JEN 134 – средний период; BAPD 231079] и уже упомянутой чаши в Варшаве [Beazley 1963–68, p. 1520 no 24; Paul-Zinserling 1994, Taf. 36,1; Καθάρειου 2002, σ. 257, JEN 138 – поздний период; BAPD 231083], обе они атрибутированы Мастеру Q; вместе с тем надписи более характерны для ранней фазы работы мастерской Мастера Йены. Фрагмент инв. № П.1875.208 (Рис. 9,ж; 16,д) близок по профилю, характеру орнамента на венчике внутри и изображению части головы сатира и элементов, напоминающих буквы, по сторонам, к фрагменту инв. № П.1875.224 (Рис. 9,е; 16,г).

Три следующие фрагмента явно объединяет характерная поза, представленно-

го на них персонажа. На наружной стороне фрагмента инв. № П.1867/68.612 (3,5 x 3 см) (Рис. 10,а) сохранилось изображение фигуры обнаженного мужского персонажа, шагающего влево, выставив вперед согнутую в колене правую ногу, также виден плащ, по-видимому, развевающийся за спиной, вероятно так же, как у сатира в медальоне чаши в Лондоне (Рис. 10,б), атрибутированной Бизли как «Манера Мастера Йены (i), Мастер Диомеда» [Beazley 1963–68, p. 1520; Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2; Καθάρτου 2002, σ. 252, JEN 97 – ранний период; BAPD 231039]. На фрагменте инв. № П.1867/68.338 (4,8 x 4,1 см) (Рис. 10,в) в медальоне сохранилась часть изображения обнаженной мужской фигуры в похожей позе и с близкой трактовкой деталей, но без драпировки. К этому же ряду мы добавим стыкующиеся фрагменты инв. № П.1875.254 и инв. № П.1875.249 (размеры вместе – 5,6 x 5,3 см) (Рис. 10,г). Сохранилась нижняя часть обнаженной мужской фигуры с плащом – поза и плащ похожи на те, что у сатира в медальоне на упомянутой чаше в Лондоне (Рис. 10,б), в левой руке – фиала; справа стоит обнаженный бородатый мужчина с факелом в левой руке (пламя обозначено белой краской), плащ так же перекинут через руки с свисает за спину, справа – часть пальметты у ручки. Трактовка тела мужчины близка той, что у сатира на наружной стороне чаши в Лондоне (Рис. 10,б); форма пальметты, трактовка мускулатуры и складок также характерны для изделий этой мастерской Мастера Йены.

К работам мастерской Мастера Йены следует отнести также два довольно редких, если говорить о сюжетно-тематическом репертуаре, фрагмента из Пантикапея. Фрагмент инв. № П.1867/68.681 (7,8 x 5,5 см) представляет собой часть чаши на низкой ножке диаметром около 7,5 см (Рис. 11,а; 16,е). Внутри сохранилась часть медальона: нагой воин в шлеме с гребнем, щитом в левой руке и копьем в правой движется вправо. Снаружи можно видеть спиралевидные завитки, которые обычно располагаются на таких чашах под вертикальной пальметтой у ручки, правее – ноги женского персонажа в длинном хитоне влево, шагающего влево, и правая ступня еще одного персонажа, очевидно, движущегося вправо. Композицию в медальоне можно сравнить с той, что украшает фрагмент чаши в Йене (Рис. 11,б) [Paul-Zinserling 1994, Taf. 45,3; Καθάρτου 2002, σ. 247, JEN 56 – ранний период; BAPD 231043], она атрибутирована Бизли «в манере» Мастера Йены – в разделе «ii» (после раздела «i, Мастер Диомеда») [Beazley 1963–68, p.1517 no 1], воина интерпретируют в качестве Ахилла. Трактовку складок женской одежды и рисунок ступней можно сравнить с теми, что имеются на фрагменте чаши в Йене [Paul-Zinserling 1994, Taf.8,2; Καθάρτου 2002, σ.240, JEN 5 – ранний период; BAPD 230958], роспись которой Бизли атрибутировал самому Мастеру Йены [Beazley 1963–68, p.1511 no 2] (Рис. 8,в). Спиралевидные завитки под пальметтой, как на нашем фрагменте, характерны для чаш мастерской: их можно видеть в чуть более простом [BAPD 398, 230963, 231038, 231039] и чуть более сложном вариантах [BAPD 230958]; наиболее похожи они именно на тех вазах, которые атрибутированы Мастеру Диомеда или «в манере» Мастера Йены без уточнения. Фрагмент инв. № П.1867/68.746 (6,5 x 3 см) (Рис. 11,в; 16,ж) также является

частью дна чаши на низкой ножке, диаметром около 7,5 см. В медальоне частично сохранилось лицо персонажа в мягкой шапке, вероятно, амазонки. Тип лица характерен для работ мастерской Мастера Йены; композиция в виде головы или прото-мы амазонки/молодого перса (встречаются разные варианты интерпретации) также встречается, например, в медальоне чаши в Бонне (Рис. 11,г) [CVA Bonn 1, Taf. 11,3–4; Paul-Zinserling 1994, Taf. 68,2; Καθάρειου 2002, σ. 251, JEN 87 – средний период; BAPD 231004] и медальоне чаши в Лондоне (Рис. 11,д) [Beazley 1963–68, p.1514 no 49; Paul-Zinserling 1994, Taf. 68,3; Καθάρειου 2002, σ. 251, JEN 88 – средний период; BAPD 231005]. Говоря про эти две чаши, роспись в медальоне Бизли атрибутировал самому Мастеру Йены, роспись снаружи чаши – одному и тому же вазописцу, «не из Группы Йены» [Beazley 1963–68, p.1514 nos. 48–49].

Вероятно, к ранним, с качественно выполненным изделиям мастерской Мастера Йены, следует отнести фрагмент инв. № П.1867/68.374, который представляет собой часть медальона чаши на низкой ножке (7,1 x 6,8 см) (Рис. 12,а; 16,з) с диаметром базы примерно 9,4 см. В медальоне сохранилось изображение сидящего на плаще, наброшенном на скалу (несколько белых линий обозначают ее очертания) обнаженного Диониса с тирсом в левой руке, он ориентирован влево и, по-видимому, оглядывается на стоящую справа менаду в длинном подпоясанном хитоне с орнаментом в виде морских коньков на груди; менада опирается левой рукой на тирс; правая рука, судя по положению плеча, протянута в сторону Диониса. Позу, трактовку деталей тела и драпировки Диониса на нашем фрагменте можно сопоставить с аналогичными элементами в изображении юноши на гидрии в Берлине (Рис. 12,б) [CVA Berlin 9, Taf. 40,1–4, 41,1–3; Καθάρειου 2002, σ. 240, JEN 3 – очень ранний период; BAPD 231037], которую Дж. Бизли атрибутировал Мастеру Йены, указав, что особенно эту роспись следует сравнить на росписи чаши с Прокридой, «обе скучнее (duller), чем другие работы мастера, но, похоже, выполнены его рукой» [Beazley 1963–68, p. 1516 no 81]. Трактовку одежды менады на нашем фрагменте, включая прихотливый рисунок складок и орнамент, можно сопоставить с теми, что имеют: менада на чаше в Лондоне (Рис. 12,в) [Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2; Καθάρειου 2002, σ. 252, JEN 97 – ранний период; BAPD 231039], женщина с зеркалом на чаше в Оксфорде [Beazley 1963–68, p. 1516 no 1; Paul-Zinserling 1994, Taf. 18,1–2; Καθάρειου 2002, σ. 252, JEN 96 – ранний период; BAPD 231038], обе они атрибутированы Мастеру Диомеда, а также на фрагменте крышки леканы в Чикаго [Kathariou 2016a, Fig. 12,left; BAPD 5163], расписанной, по мнению Катариу, «в манере Мастера Йены, если не его рукой» [Kathariou 2016a, p. 156]. Качество исполнения росписи на нашем фрагменте позволяет говорить о руке кого-то из ведущих мастеров (Мастер Йены, Мастер Диомеда). Позу Диониса на нашем фрагменте также можно сопоставить с позой Диониса на фрагменте чаши в Йене (Рис. 12,г) [Paul-Zinserling 1994, Taf. 8,2; Καθάρειου 2002, σ.240, JEN 5 – ранний период; BAPD 230958], который Бизли атрибутировал Мастеру Йены [Beazley 1963–68, p. 1511 no 2]. С работами мастерской Мастера Йены, несомненно, следует связать и фрагмент инв. № П.1867/68.627 (4,4 x 3,8 см) (Рис. 12,д)

на котором сохранилось изображение нагого юноши, сидящего в позе, весьма похожей на позу Диониса, на предыдущем фрагменте, слева видны лепестки пальметты у ручки чаши. На фрагменте инв. № П.1867/68.639 (5,5 x 7,8 см) (Рис. 12,е; 17,а) представлена женщина вправо, видна верхняя половина фигуры, в левой руке, вытянутой вперед – фиала, на теле – хитон с напуском, на голове – чепец с узором, в ухе сережка; слева сохранилась часть пальметты у ручки. Трактовка костюма и лицо похожи на те, что у менады уже упомянутом фрагменте в Йене (Рис.12,г). Также похожую трактовку одежды можно видеть в медальоне чаши в Йене [Paul-Zinserling 1994, Taf. 10,1; Καθάρου 2002, σ. 241, JEN 8 – ранний период; BAPD 230961], роспись которого Бизли атрибутировал Мастеру Йены [Beazley 1963–68, p. 1511 no 5]. На фрагменте инв. № П.1875.227 (4,1 x 4,4 см) (Рис. 12,ж; 17,б) снаружи сохранилась голова Диониса в венке из плюща влево, часть вытянутой вперед правой руки и тирса. Они похожи на те, что можно видеть на все том фрагменте в Йене (Рис. 12,г), а также в медальоне чаши в Вюрцбурге [CVA Würzburg 2, Taf. 6,3, 7,1–5; Καθάρου 2002, σ. 244, JEN 29 – ранний период; BAPD 340164], атрибутированной Бизли в качестве изделия мастерской Мастера Йены [Beazley 1971, p. 500]. На фрагменте инв. № П.1867/68.622 (4,6 x 4,4 см) (Рис. 12,з) снаружи на тулове сохранились части двух фигур и пальметты справа от них: обнаженный юноша, стоит, обратившись вправо, локтем левой руки опирается на стелу; перед ним менада с тирсом в левой руке, правую она подносит к лицу, одета менада в длинный подпоясанный хитон с орнаментом на груди, на голове – чепец, в ухе сережка. Эту менаду можно сравнить с женщиной на описанном выше фрагменте из Пантикапея (Рис. 12,е). На фрагменте инв. № П.1867/68.556 (2,9 x 2,4 см) (Рис. 12,и) сохранилась часть изображения обнаженного юноши: тело представлено в три четверти, голова повернута влево в профиль, правая рука, покрытая плащом, вытянута влево. Трактовка лица, тела, драпировки характерны для работ мастерской Мастера Йены. На фрагменте инв. № П.1867/68.578 (3 x 1,5 см) (Рис. 12,к) сохранилось изображение части фигуры безбородого сатира (можно разглядеть ухо характерной формы), справа от него – часть пальметты. Трактовка лица похожа на трактовку лиц персонажей в медальоне упомянутой выше чаши в Вюрцбурге (Рис. 8,ж).

Помимо описанных в этой статье фрагментов, являющихся частями чаш на низкой ножке, в материалах старых раскопок Пантикапея имеется и некоторое количество достаточно необычных краснофигурных чаш, которые также должны быть ассоциированы с мастерской Мастера Йены. Это – чаши с ребристым туловом типа «Асгосир» и на низкой ножке. Чаша типа «Асгосир» в Бостоне [Beazley 1963–68, p. 1516; Καθάρου 2002, σ. 247, JEN 55 – ранний период; BAPD 231041] является великолепным примером целой вазы такого типа (Рис. 13,а), она многократно опубликована в качестве изделия мастерской Мастера Йены, например, Бизли описал ее так: «перекликается» с теми вазами, которые он атрибутировал Мастеру Диомеда, «близко» Мастеру Йены [Beazley 1963–68, p. 1516]. Подобные вазы «отличающиеся высоким качеством работы, при создании и формы, и декора, требовали большего

времени для изготовления, что влекло за собой и более высокую цену» в отличие от «ваз меньших размеров и с более простым декором, которые были, по-видимому, изделиями массового производства» [Kathariou 2016a, p. 149].

Фрагмент инв. № П.1875.69⁶ (10,2 x 6 см) (Рис. 13,б; 17,в), несомненно, является частью чаши типа «Асросир», близкой к чаше в Бостоне (Рис. 13,а) не только по профилю, но и по орнаменту на внутренней стороне венчика. От медальона сохранилось обрамление в виде окружности в цвете глины и часть росписи в виде двух ног влево, низа длинного предмета, типа шеста (может быть копье, тирс и проч., в зависимости от того, кто изображен); под ногами горизонтальная полоска в цвете глины, обозначающая условную линию земли в нижнем сегменте медальона; справа – волнистая белая линия для очерчивания рельефа местности. Ноги близкой трактовки и в похожей позиции можно видеть, например, в медальоне чаши в Вюрцбурге (Рис. 8,ж) или снаружи на чаше в Оксфорде (Рис. 4,и). Стыкующиеся фрагменты инв. № П. 1875.348 и инв. № П.1875.359 (размер вместе 8,3 x 8,1 см) (Рис. 13,в; 17,г) также, без сомнений, являются частью чаши типа «Асросир»: помимо низа ребристого тулова также сохранилось начало уступа при переходе к тонкой изящной ножке – все эти элементы хорошо видны на чаше в Бостоне (Рис. 13,а). Внутри можно видеть часть краснофигурного медальона с обрамлением в виде окружности в цвете глины. В медальоне маленький Эрот, летящий вправо в профиль, протягивает руки к голове, вероятно, сидящего персонажа (сохранились пряди волос и часть венка), справа от Эрота часть какого-то предмета (возможно – спинка стула, на котором персонаж сидит спиной к Эроту). Композиции, состоящие из миниатюрного Эрота и сидящей женщины, встречаются на чашах, атрибутированных кругу Мастера Мидия [BAPD 220674], но также бывают и чашах мастерской Мастера Йены, например, в медальоне на фрагменте чаши в Энсерюне, атрибутированной Бизли самому Мастеру Йены [Beazley 1963–68, p. 1512 no 17; Paul-Zinserling 1994, Taf. 34,2; BAPD 230973]. Похожую трактовку кончиков крыльев в виде длинных отдельных перьев можно видеть у Ники на фрагменте в Музее Агоры [Beazley 1963–68, p. 1512 no 32; Paul-Zinserling 1994, Taf. 42,4; Καθάρου 2002, σ. 245, JEN 39 – ранний период; BAPD 230988], также атрибутированном Мастеру Йены. Фрагмент инв. № П.1875.358 (6,8 x 3,8 см) (Рис. 13,г) относится к чаше все той же формы; на внутренней стороне сохранилась часть медальона с обрамлением в виде окружности в цвете глины и сегментом внизу, как на чаше в Бостоне (Рис. 13,а); на сегменте – левая нога, левая кисть руки и кончик крыла Эрота, вероятно, движущегося вправо в характерной для ряда работ мастерской Мастера Йены позе (ср. зеркально Рис. 10,а-г), а также левая ступня еще одного персонажа; возможно, они идут в обнимку, как Геракл и Дионис в медальоне чаши в Марцаботто (Рис. 13,ж) [Paul-Zinserling 1994, Taf. 4,2].

Фрагмент инв. № П.1875.354 (8,8 x 7,2 см) (Рис. 13,д; 17,д) принадлежал чаше

⁶ Склеен с фрагментом, имевшим ранее отдельный инв. № П.1875.101, этот номер упразднен в результате склейки.

с ребристым туловом, но, по-видимому, на низкой ножке, как фрагментированная чаша в Йене (Рис. 13,е), от которой, к сожалению, сохранился лишь низ. Внутри на венчике фрагмента чаши из Пантикапея сохранилась часть характерного орнамента в виде ветви плюща: листья, оставленные в цвете глины, хорошо видны на фотографии, а выполненные белой краской стебли и грозди ягод почти стерлись. Также сохранилась часть медальона с обрамлением в виде окружности в цвете глины. В медальоне – верх головы мужчины в лавровом или оливковом венке, часть его левого плеча с драпировкой. Хотя венок, трактовка глаза и складок вызывают определенные ассоциации с работами Мастера Мидия, можно найти и аналогии на чашах, атрибутированных Мастеру Йены, например, Триптолем в медальоне чаши в Ватикане [Paul-Zinserling 1994, Taf. 29,1, 47,1, 83,2; Καθάρου 2002, σ. 243-244, JEN 28 – ранний период; BAPD 230980]; медальон Бизли атрибутировал самому Мастеру Йены, роспись снаружи – как «стиль Б» [Beazley 1963–68, p.1513 no 24].

Помимо описанных четырех фрагментов, на которых сохранилась краснофигурная роспись, в собрании Эрмитажа есть и другие фрагменты чаш с ребристым туловом, происходящие из раскопок Пантикапея того же времени. Не совсем понятно, были ли они чернолаковыми или краснофигурными, от которых сохранились не украшенные декором части. У коллег нет сомнений, что «в этой конкретной мастерской изготавливали вазы в обеих техниках [т.е. чернофигурные и чернолаковые – А.П.] по соответствующей стоимости» [Kathariou 2016a, S. 149]. Указанным фрагментам, а также нескольким фрагментам чаш на низкой ножке с ребристым туловом и краснофигурными росписями иной стилистики будет посвящена отдельная статья.

Вопрос о принадлежности краснофигурных и чернолаковых чаш на низкой ножке, декор которых дополнен штампованным орнаментом, работам одних и тех же мастерских (в том числе – Мастера Йены и Мастера Q), затрагивался еще в 1930-40х гг. в публикациях Анни Юр. Пребывая в Йене в 2010 году, и, «открывая ящик за ящиком» Клеопатра Катариу обнаружила ряд чернолаковых фрагментов, которые одинаковы по форме, штампованным орнаментам и росписям на наружной стороне донца с теми, что имеют краснофигурный декор и происходят из раскопок мастерской Мастера Йены [Kathariou 2016a, S. 149]. Фрагменты, на которых сохранился штампованный орнамент, но не сохранились росписи, также есть в собрании Эрмитажа. Как представляется, настоящая и планирующиеся публикации материалов из старых раскопок Пантикапея позволят расширить и углубить наши представления об изделиях мастерской Мастера Йены и Мастера Q.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Передольская А.А.* Мастер Керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // *Archeologia* XIV, 1963, *Ossolineum* 1964, pp. 41–48 (French and Polish summary 48).
- Петракова А.Е.* Редкий краснофигурный скифос из мастерской Мастера Йены в собрании Эрмитажа // Сим победиши. Сборник статей к 75-летию Георгия Вадимовича

- Вилинбахов» СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. С. 437–455.
- Тугушева О.В. Мастерская мастера Йены: новые материалы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 1. Ч. 2. С. 181–195.
- Καθάρειο Κ. Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Παρατηρήσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2002.
- BAPD – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>.
- Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford, 1963–1968.
- Beazley J. D. Paralipomena: Additions to Attic black-figure vase-painters and to Attic red-figure vase-painters. Oxford (UK), 1971.
- Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1942.
- Beazley J.D. Review on Corpus Vasorum Antiquorum, France 6 = Collection Mouret (Fouilles d'Ensérune), by Felix Mouret, Paris, 1927. // The Journal of Hellenic Studies, Vol. 48, Part 1 (1928), P. 126–127.
- Blöesch H. Formen attischer Schalen von Exekias bis zum ende des Strengen Stils. Bern, 1940.
- Bukina A., Petrakova A., Phillips C. Greek Vases in the Imperial Hermitage Museum: the History of the Collection 1816–69, with Addenda et corrigenda to Ludolf Stephani, Die Vasen – Sammlung der Kaiserlichen Ermitage (1869). Oxford, 2013.
- CVA – Corpus Vasorum Antiquorum. Union Académique Internationale, 1921–.v.
- Der Jenaer Maler – Der Jenaer Maler. Eine Töpferwerkstatt im klassischen Athen. Fragmente attischer Trinkschalen der Sammlung Antiker Kleinkunst der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Eine Ausstellung des Lehrstuhls für Klassische Archäologie / Hrsg. A. Geyer. Wiesbaden: Reichert, 1996. S. 1–8.
- Göttling K.W. Das archäologische Museum der Universität Jena, gegründet im Jahre 1845. Jena, 1854.
- Hahland W. Studien zur attischen Vasenmalerei um 400 v. Chr. Hestia, Athen u. a. 1931 (Marburg, Universität, Dissertation vom 24. Januar 1928). S. 58–68.
- Hahland W. Vasen um Meidias (Forschungen zur antiken Keramik. Reihe 1: Bilder griechischer Vasen. H. 1). Keller, Berlin 1930.
- Jahn O. I, Scherben bemalter Vasen aus Athen. // Archäologische Zeitung, Jahrgang XV, № 108, December 1857, Sp. 105–109.
- Kathariou K. Fragments of History: I. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // Otium cum dignitate. Festschrift für Archäologie und Rezeptionsgeschichte der Antike / Eds. D. Graen, M. Rind, H. Wabersich. Oxford: Archaeopres, 2014 (BAR Series; Vol.2605). P. 23–29.
- Kathariou K. On the quest for the missing link in Late Classical Athenian Kerameikos: A study of the Jena Painter's Workshop // Töpfer – Maler – Werkstatt: Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion / Hrsg. N. Eschbach, S. Schmidt. München: Verlag C.H. Beck, 2016a (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 7). S.149–161.
- Kathariou K. The Jena Deposit under glass: investigating the production of a ceramic workshop in late Classical Athens // Keramos, Ceramics: a Cultural Approach, Proceedings of the Frist International Conference at Ege University, Izmir. Ankara: Bilgin Kültür Sanat, 2015. P. 166–172.
- Kathariou K. The Jena Workshop Reconsidered: Some New Thoughts on Old Finds // Athenian Potters and Painters. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II / Ed. J. H. Oakley, O. Palagia. P.73–89.

- Kathariou K.* Fragments of History: II. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // Τμητικός τόμος για την καθηγήτρια Στέλλα Δρούγου / Eds. M. Giannopoulou, Ch. Kallini. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 20166. P. 454–466.
- Paul-Zinserling V.* Der Jena-Maler und sein Kreis, Zur Ikonologie einer attischen Schalenwerkstatt um 400 v. Chr. Mainz, 1994.
- Robertson M.* The art of vase-painting in classical Athens. Cambridge, Cambridge University Press, 1992.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertcher Vasen. Berlin – Leipzig, 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV).
- Sparkes B. A., Talcott L.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
- Stephani L.* Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage. St. Petersburg, 1869.
- Stroszeck J.* Lakonisch-rotfigurige Keramik Aus Den Lakedaimoniergräbern Am Kerameikos Von Athen (403 V. Chr.) // Archäologischer Anzeiger, 2006, 2 (2006). S. 101–120.
- Tugusheva O.* The Meidias Painter and the Jena Painter Revisited // Athenian Potters and Painters / Ed. J. H. Oakley, O. Palagia. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II. P. 291–296.
- Ure A. D.* Red-Figure Cups with Incised and Stamped Decoration II // The Journal of Hellenic Studies, vol. 64 (1944). P. 67–77.
- Ure A.D.* Red Figure Cups with Incised and Stamped Decoration I // The Journal of Hellenic Studies, vol. 56 (1936) part 2. P. 205–215.

REFERENCES

- Peredolskaya A.A.* Master Kertchenskikh fragmentov, naidennikh na gore Mitridat // Archeologia XIV, 1963, Ossolineum 1964. P. 41–48 (French and Polish summary 48).
- Petrakova A.E.* Redkiy krasnofigurniy skifos iz masterskoy Mastera Jeni v sobranii Ermitazha // Sim pobedishi: sbornik statey k 75-letiju Geroriya Vadimovicha Vilinbakhova. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2024. P. 437–455.
- Tugusheva O.V.* Masterskaya mastera Jeni: novie materialy // Vestnik RGGU. Seria «Literaturovedenie. Jazikoznanie. Kulturologiya». 2023. № 1. Part. 2. P. 181–195.
- Καθάριον Κ.* Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Παρατηρήσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2002.
- BAPD* – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>
- Beazley J. D.* Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford, 1963–1968.
- Beazley J. D.* Paralipomena: Additions to Attic black-figure vase-painters and to Attic red-figure vase-painters. Oxford (UK), 1971.
- Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1942.
- Beazley J.D.* Review on Corpus Vasorum Antiquorum, France 6 = Collection Mouret (Fouilles d'Ensérune), by Felix Mouret, Paris, 1927. // The Journal of Hellenic Studies, Vol. 48, Part 1 (1928), P. 126–127.
- Bloesch H.* Formen attischer Schalen von Exekias bis zum ende des Strengen Stils. Bern, 1940.
- Bukina A., Petrakova A., Phillips C.* Greek Vases in the Imperial Hermitage Museum: the History of the Collection 1816–69, with Addenda et corrigenda to Ludolf Stephani, Die Vasen – Sammlung der Kaiserlichen Ermitage (1869). Oxford, 2013.
- CVA* – Corpus Vasorum Antiquorum. Union Académique Internationale, 1921–.
- Der Jenaer Maler* – Der Jenaer Maler. Eine Töpferwerkstatt im klassischen Athen. Fragmente

- attischer Trinkschalen der Sammlung Antiker Kleinkunst der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Eine Ausstellung des Lehrstuhls für Klassische Archäologie / Hrsg. A. Geyer. Wiesbaden: Reichert, 1996. S. 1–8.
- Göttling K.W.* Das archäologische Museum der Universität Jena, gegründet im Jahre 1845. Jena, 1854.
- Hahland W.* Studien zur attischen Vasenmalerei um 400 v. Chr. Hestia, Athen u. a. 1931 (Marburg, Universität, Dissertation vom 24. Januar 1928). S. 58–68.
- Hahland W.* Vasen um Meidias (Forschungen zur antiken Keramik. Reihe 1: Bilder griechischer Vasen. H. 1). Keller, Berlin 1930.
- Jahn O. I.* Scherben bemalter Vasen aus Athen. // Archäologische Zeitung, Jahrgang XV, № 108, December 1857, Sp. 105–109.
- Kathariou K.* Fragments of History: I. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // *Otium cum dignitate. Festschrift für Archäologie und Rezeptionsgeschichte der Antike* / Eds. D. Graen, M. Rind, H. Wabersich. Oxford: Archaeopres, 2014 (BAR Series; Vol.2605). P. 23–29.
- Kathariou K.* On the quest for the missing link in Late Classical Athenian Kerameikos: A study of the Jena Painter's Workshop // *Töpfer – Maler – Werkstatt: Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion* / Hrsg. N. Eschbach, S. Schmidt. München: Verlag C.H. Beck, 2016a (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 7). S.149–161.
- Kathariou K.* The Jena Deposit under glass: investigating the production of a ceramic workshop in late Classical Athens // *Keramos, Ceramics: a Cultural Approach, Proceedings of the First International Conference at Ege University, Izmir. Ankara: Bilgin Kültür Sanat, 2015. P. 166–172.*
- Kathariou K.* The Jena Workshop Reconsidered: Some New Thoughts on Old Finds // *Athenian Potters and Painters*. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II / Ed. J. H. Oakley, O. Palagia. P.73–89.
- Kathariou K.* Fragments of History: II. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // *Τμητικός τόμος για την καθηγήτρια Στέλλα Δρούγου* / Eds. M. Giannopoulou, Ch. Kallini. Θεσσαλονίκης: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 2016b. P. 454–466.
- Paul-Zinserling V.* Der Jena-Maler und sein Kreis, Zur Ikonologie einer attischen Schalenwerkstatt um 400 v. Chr. Mainz, 1994.
- Robertson M.* The art of vase-painting in classical Athens. Cambridge, Cambridge University Press, 1992.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertcher Vasen. Berlin –Leipzig, 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV).
- Sparkes B. A., Talcott L.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
- Stephani L.* Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage. St. Petersburg, 1869.
- Stroszeck J.* Lakonisch-rotfigurige Keramik Aus Den Lakedaimoniergräbern Am Kerameikos Von Athen (403 V. Chr.) // *Archäologischer Anzeiger*, 2006, 2 (2006). S. 101–120.
- Tugusheva O.* The Meidias Painter and the Jena Painter Revisited // *Athenian Potters and Painters* / Ed. J. H. Oakley, O. Palagia. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II. P. 291–296.
- Ure A. D.* Red-Figure Cups with Incised and Stamped Decoration II // *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 64 (1944). P. 67–77.
- Ure A.D.* Red Figure Cups with Incised and Stamped Decoration I // *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 56 (1936) part 2. P. 205 –215.

Резюме

В статье впервые вводятся в научный оборот фрагменты чаш на низкой ножке из раскопок Пантикапея в 1867–68 и 1875 гг., которые можно отнести к работам мастерской Мастера Йены и Мастера Q. Помимо фрагментов, находящихся несомненные аналогии среди изделий, атрибутированных Мастеру Q, есть также и те, которые можно сопоставить с работами ведущих мастеров мастерской Мастера Йены, как сам Мастер Йены и Мастер Диомеда. Также есть те, в отношении которых можно лишь просто говорить о принадлежности к изделиям этой мастерской. Кроме того, в статье представлены три фрагмента чаш типа «Асросир» и один – чаши на низкой ножке; все они имеют ребристое тулово; на всех частично сохранился краснофигурный медальон. Чаши типа «Асросир» с ребристым туловом считаются примером редкой и более дорогой продукции мастерской. Благодаря находке такой чаши в так называемой Гробнице Лакедемонян (403 г. до н.э.) их можно датировать более точно, чем прочую продукцию мастерской, время работы которой определяют с конца V по начало второй четверти IV в. до н.э.

Ключевые слова: аттические краснофигурные вазы, аттическая чаша на низкой ножке, чаша типа «Асросир» с ребристым туловом, мастерская Мастера Йены, Мастер Диомеда, Мастер Q, проблемы атрибуции фрагментов, штампованный орнамент внутри чаши, аттические вазы в Пантикапее.

Summary

The article deals with the fragments of stemless cups and cup-skyphoi from the excavations in Pantikapaion in 1867–68 and 1875. These fragments can be connected with the Workshop of the Jena Painter and the Q Painter. The fragments have never been published before. Some items find persuading analogies among the items attributed to the Q Painter. Several items can be compared with the works of the leading vase-painters like the Jena Painter of the Diomed Painter. Other items can be just described as belonging to the Jena workshop without specifying the master. In addition the author presents three fragments of Acrocups with grooves and one of a stemless cup with grooves; these cups had red-figure medallions, parts of which have preserved. Acrocup with grooves is perceived as a rare and more expansive type of cups, produced in the Jena workshop during not long period of time. Thanks to the find of one of such cups in the so-called Tomb of Lacedaemonians (403 BC) we can date these fragments more precisely than the other items of the workshop (the workshop production is dated in general between the end of the 5th and the very beginning of the 2nd quarter of the 4th century BC).

Key words: Athenian red-figure vases, Attic stemless cup, Acrocup, workshop of the Jena Painter, the Q Painter, problems of attribution of fragments, stamped decoration inside the cup, Athenian vases in Pantikapaion.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петракова Анна Евгеньевна
доктор искусствоведения, доцент
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира,
старший научный сотрудник
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Anna, Dr. Hab.,
associated professor
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome,
Senior scientist
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

Рис. 1: а – инв. № П.1867/68.574; б – чаша в Малибу инв. № 79.АЕ.199 (фото с сайта музея: <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TR6>); в – инв. № П.1875.237; г – инв. № П.1867/68.587; д – инв. № П. 1867/68.591; е – инв. № П.1867/68.590; ж – инв. № П.1867/68.588; з – инв. № П.1867/68.607; и – инв. № П.1875.242.

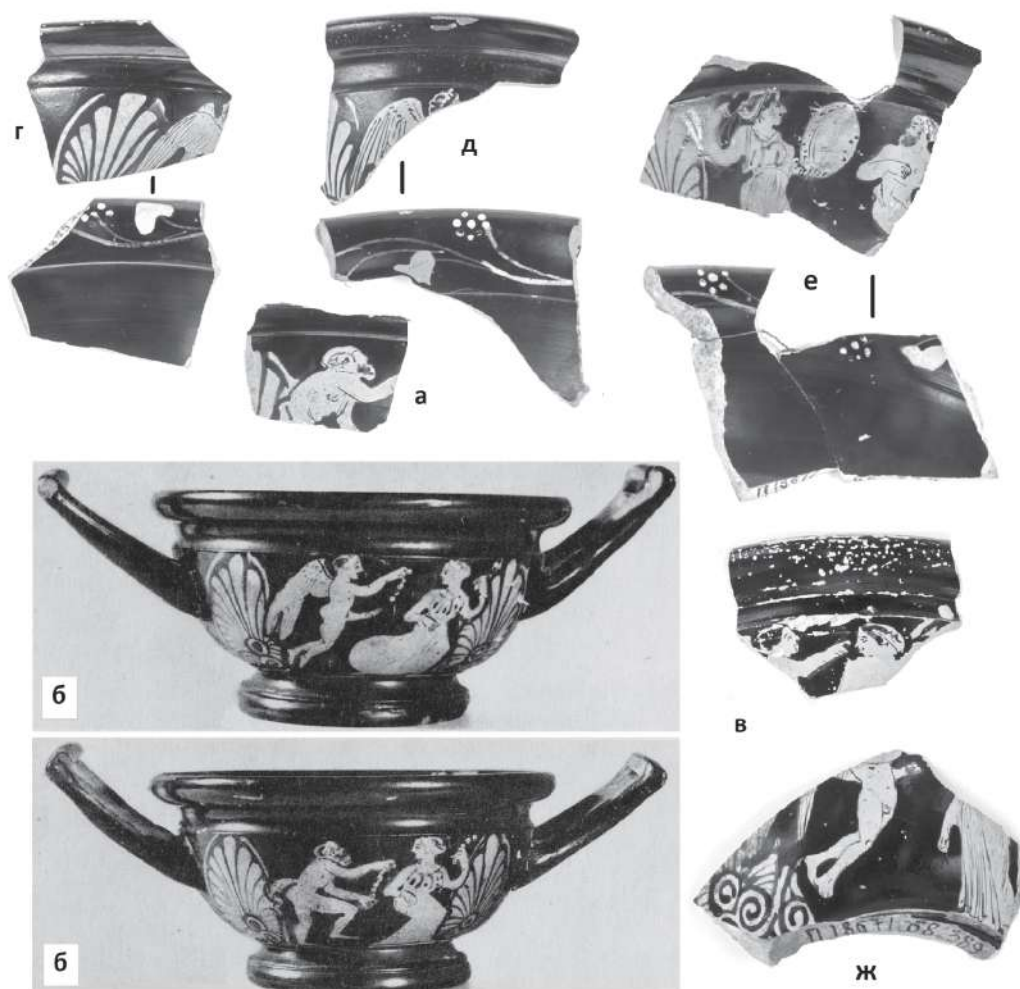

Рис. 2: а – инв. № П.1867/68.634; б – чаша в Варшаве (фото: CVA Varsovie 3, pl. 9,1 и 3); в – инв. № П.1867/68.613; г – инв. № П.1875.202; д – инв. № П.1875.207; е – инв. № П.1867/68.376; ж – инв. № П. 1867/68.389.

Рис. 3: а – инв. № П.1867/68.642; б – чаша в Малибу инв. №79.АЕ.202 (фото с сайта музея: <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TRA>); в – инв. № П.1875.205; г – инв. № П.1875.223 и инв. № П.1875.231; д – фрагмент в ГМИИ (фото: СВА Moscow 5, pl. 35,6); е – инв. № П.1867/68.636; ж – инв. № П. 1867/68.637; з – чаша в Марцаботто (фото: Ure 1944, no 29, pl. III,a) .

Рис. 4: а – инв. № П.1867/68.611; б – чаша в Женеве (фото: CVA Geneva 1, pl. 12,11); в – инв. № П.1867/68.544; г – инв. № П.1867/68.620; д – фрагмент в ГМИИ (фото: CVA Moscow 5, pl.35,4); е – фрагмент в ГМИИ (фото: CVA Moscow 5, pl. 35,5); ж – чаша в Бостоне (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 43,1); з – чаша в Вене (фото: CVA Wien 1, Taf. 28,2); и – чаша в Оксфорде (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 18,2).

Рис. 5: а – инв. № П.1875.251; б – чаша инв. № 79.АЕ.200 в Малибу (фото с сайта музея: <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TR7>); в – инв. № П.1875.200; г – инв. № П.1867/68.548; д – инв. № П.1867/68.541; е – инв. № П.1867/68.539; ж – инв. № П.1867/68.610.

Рис. 6: а – инв. № П.1867/68.595; б – инв. № П.1867/68.643; в – чаша в Малибу инв. № 79.АЕ.201 (фото с сайта музея: <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TR9>); г – инв. № П.1867/68.589; д – инв. № П.1875.219; е – инв. № П.1875.158; ж – инв. № П.1867/68.542.

Рис. 7: а – инв. № П.1867/68.646; б – чаша в Йене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 24, 1–2); в – инв. № П. 1867/68.554; г – инв. № П.1875.243; д – инв. № П.1875.214; е – инв. № П.1875.216; ж – инв. № П.1875.236.

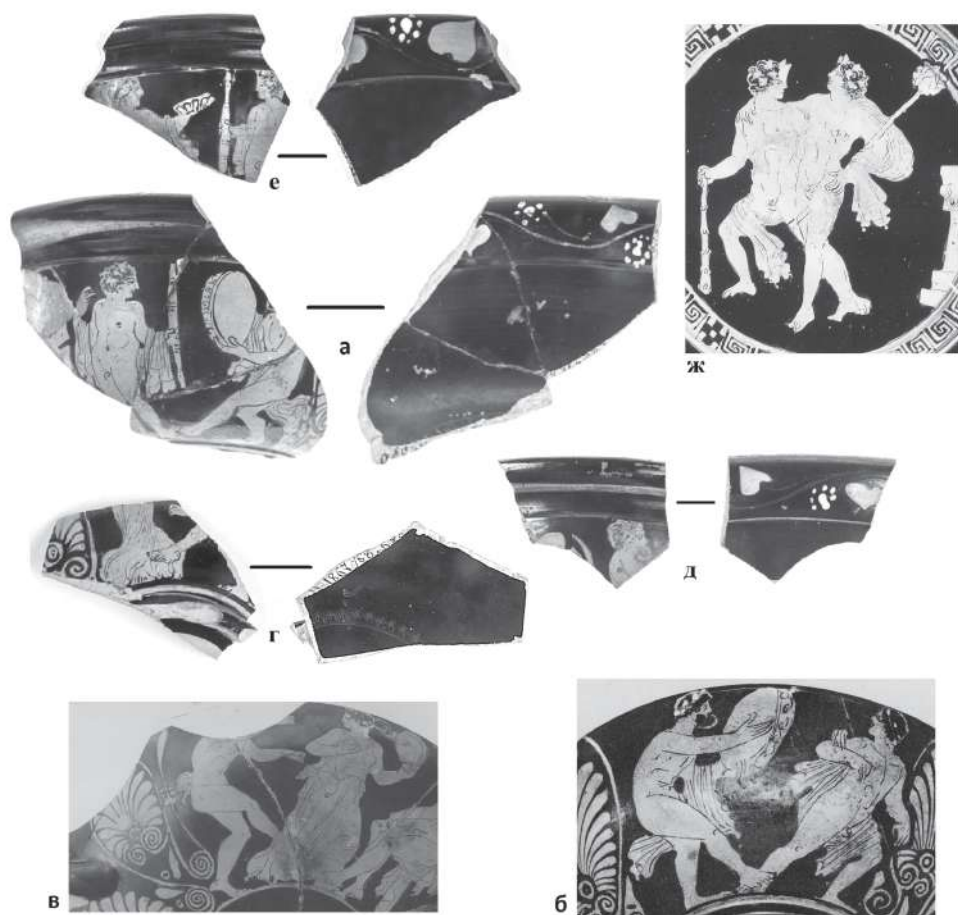

Рис. 8: а – инв. № П.1867/68.596 и инв. № П.1867/68.540; б – чаша в Вене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 75,1); в – фрагмент в Йене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 8,2); г – инв. № П.1867/68.626; д – инв. № П.1875.203; е – инв. № П.1875.166; ж – чаша в Вюрцбурге (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 4,1).

Рис. 9: а – инв. № П.1867/68.621; б – чаша в Лондоне (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf.19,2); в – фрагмент в Йене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 21,1); г – чаша в Вене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 22,1); д – фрагмент чаши в Утрехте [фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 23); е – инв. № П.1875.224 ; ж – инв. № П.1875.208.

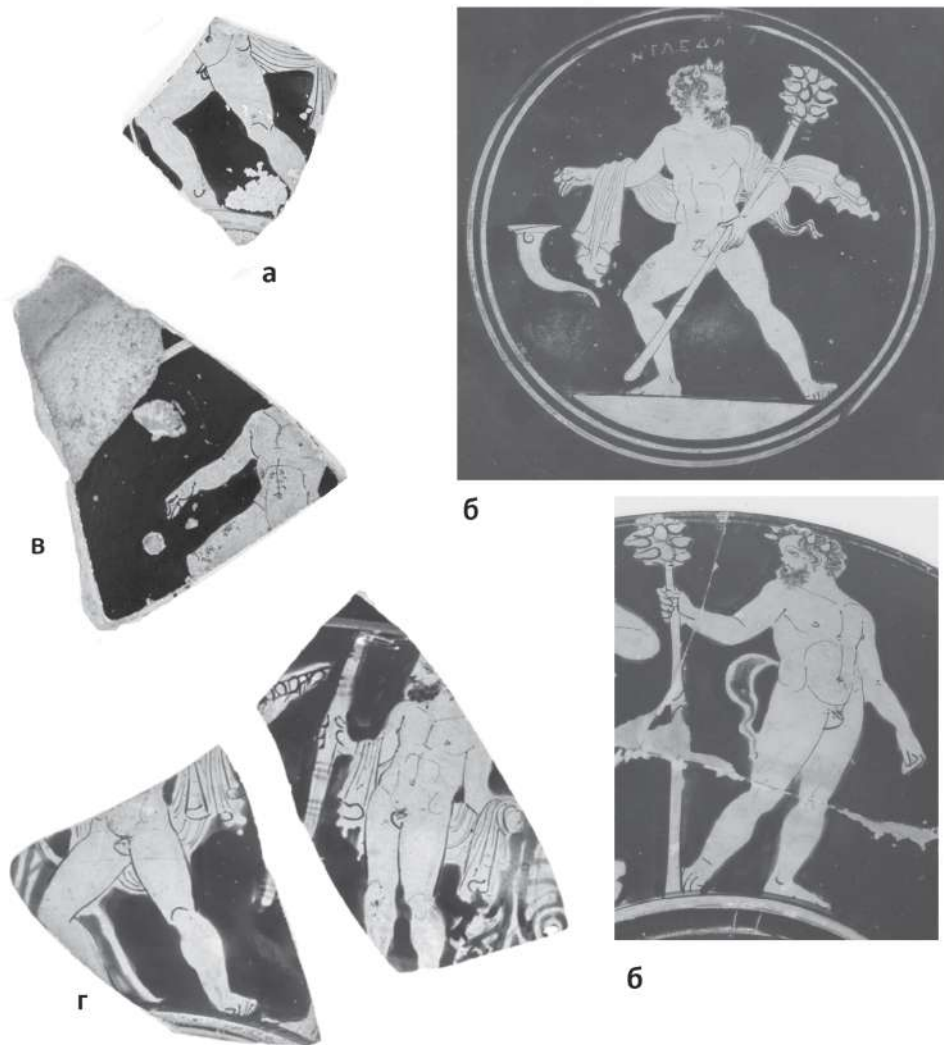

Рис. 10: а – инв. № П.1867/68.612; б – чаша в Лондоне (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2); в – инв. № П.1867/68.338; г – инв. № П.1875.254 и инв. № П.1875.249.

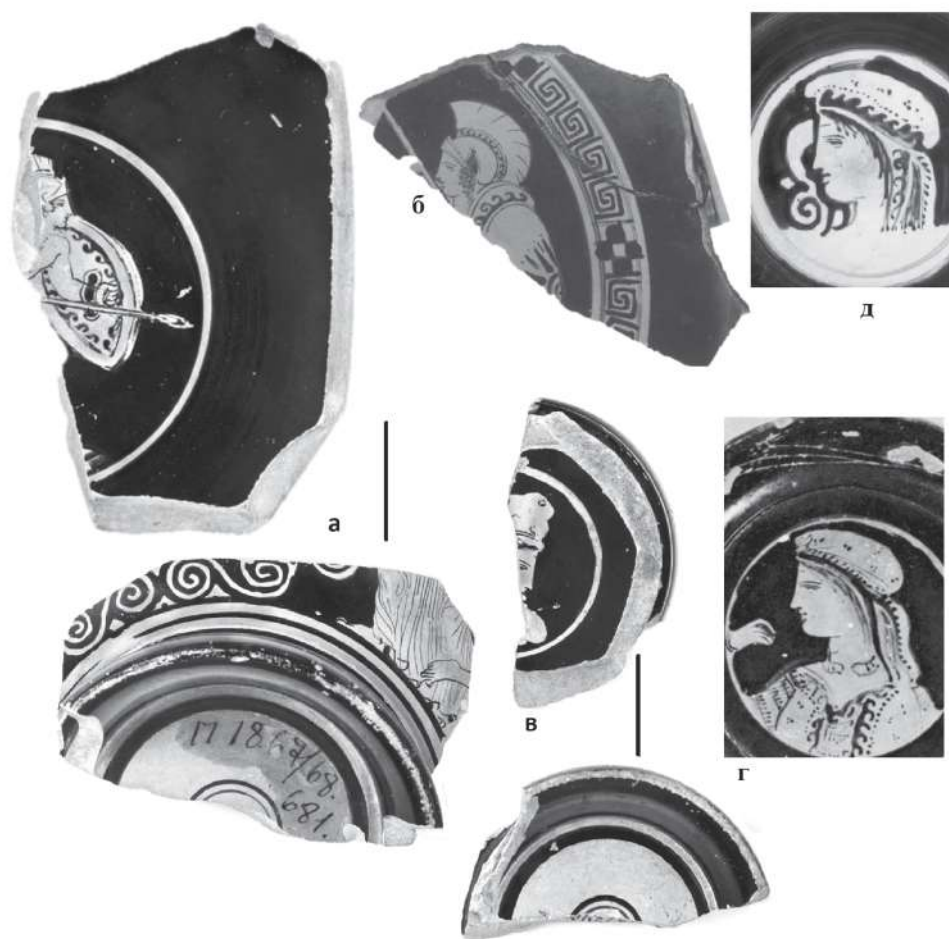

Рис. 11: а – инв. № П.1867/68.681; б – фрагмент чаши в Йене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 45,3); в – инв. № П.1867/68.746; г – чаша в Бонне (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 68,2); д – чаша в Лондоне (фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1859-0216-80).

Рис. 12: а – инв. № П.1867/68.374; б – фрагмент росписи гидрии в Берлине (фото: CVA Berlin 9, Taf. 42,5); в – фрагмент чаши в Лондоне (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 13,2); г – фрагмент чаши в Йене (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf. 8,2); д – инв. № П.1867/68.627; е – инв. № П.1867/68.639; ж – инв. № П.1875.227; з – инв. № П.1867/68.622; и – инв. № П.1867/68.556; к – инв. № П. 1867/68.578.

Рис. 13: а – чаша типа «Астосир» в Бостоне (фото: Kathariou 2016a, Fig. 9); б – инв. № П.1875.69; в – инв. № П.1875.348 и П.1875.359; г – инв. № П.1875.358; д – инв. № П.1875.354; е – фрагмент чаши в Йене (фото: Kathariou 2016a, Fig. 8); ж – чаша в Марцаботто (фото: Paul-Zinserling 1994, Taf.4,2).

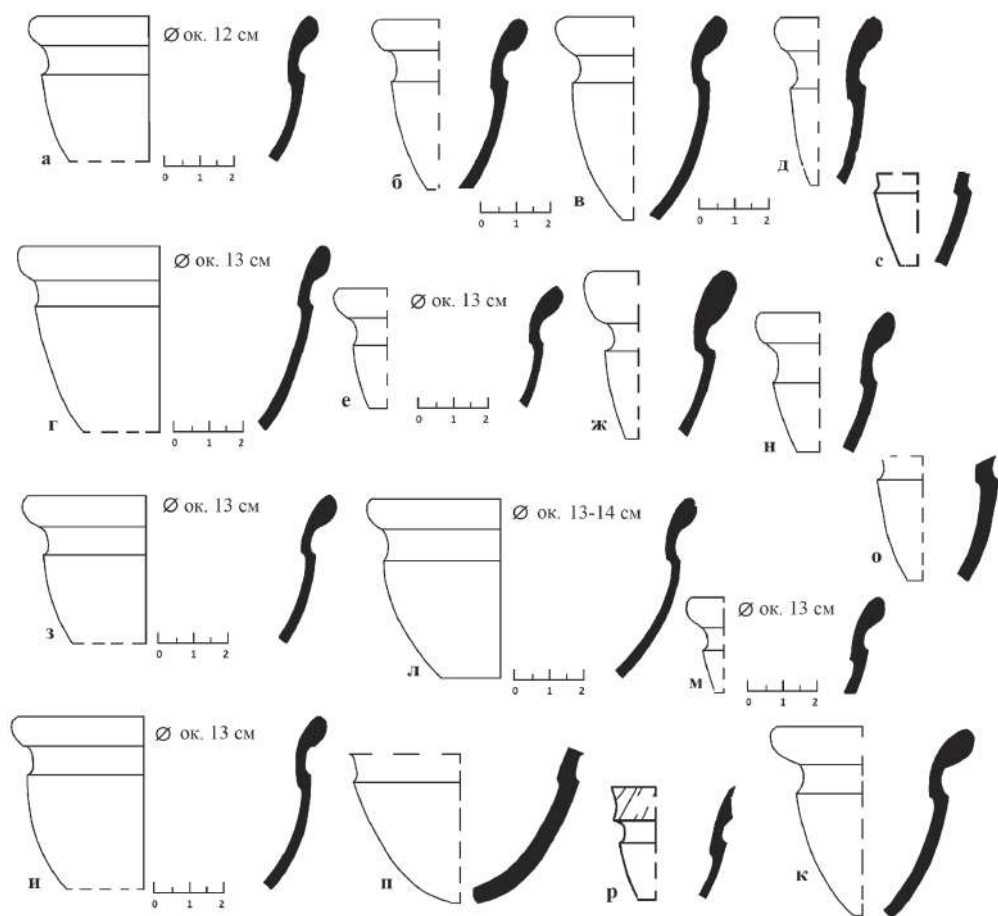

Рис. 14: а – инв. № П.1867/68.574; б – инв. № П.1875.237; в – инв. № П.1867/68.587; г – инв. № П. 1867/68.591; д – инв. № П.1867/68.590; е – инв. № П.1875.242; ж – инв. № П.1867/68.613; з – инв. № П.1875.202; и – инв. № П.1875.207; к – инв. № П.1867/68.376; л – инв. № П.1875.223 и инв. № П.1875.231; м – инв. № П.1867/68.636; н – инв. № П.1875.200; о – инв. № П.1867/68.634; п – инв. № П. 1867/68.637; р – инв. № П.1867/68.611; с – инв. № П.1867/68.548.

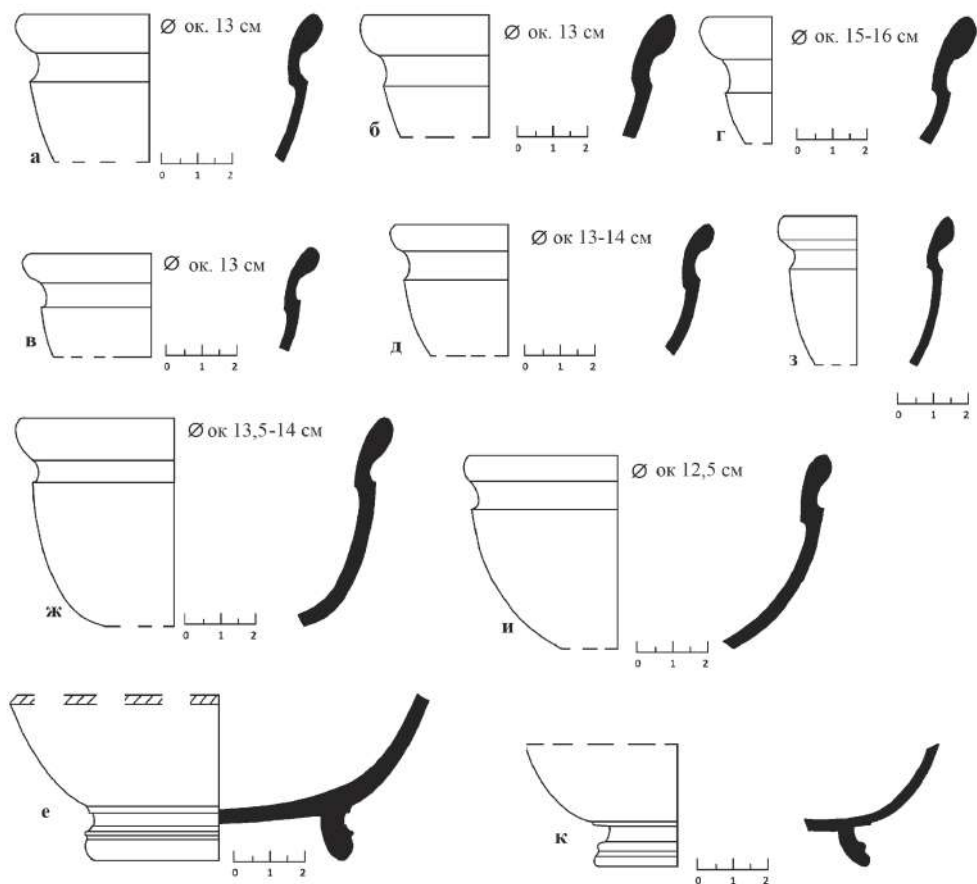

Рис. 15: а – инв. № П.1867/68.595; б – инв. № П.1867/68.643; в – инв. № П.1867/68.589; г – инв. № П.1875.219; д – инв. № П.1875.158; е – инв. № П.1867/68.646; ж – инв. № П.1867/68.554; з – инв. № П.1875.214; и – инв. № П.1867/68.596 и инв. № П.1867/68.540; к – инв. № П.1867/68.626.

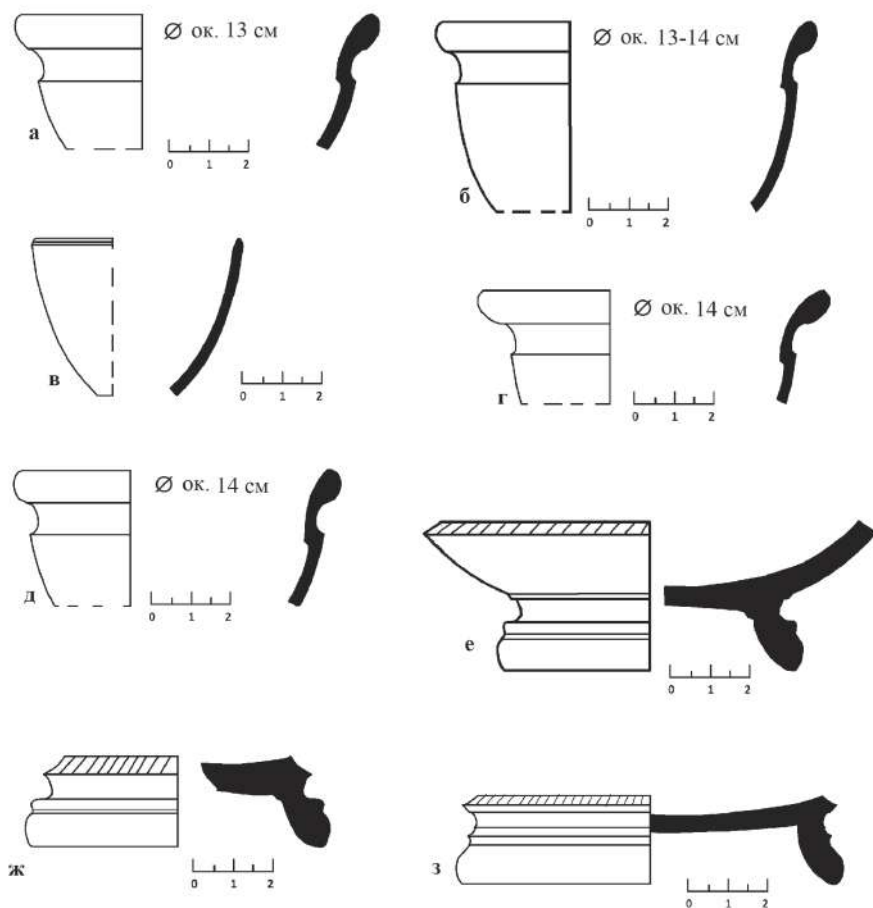

Рис. 16: а – инв. № П.1875.203; б – инв. № П.1875.166; в – инв. № П.1867/68.621; г – инв. № П.1875.224; д – инв. № П.1875.208; е – инв. № П.1867/68.681; ж – инв. № П.1867/68.746; з – инв. № П.1867/68.374.

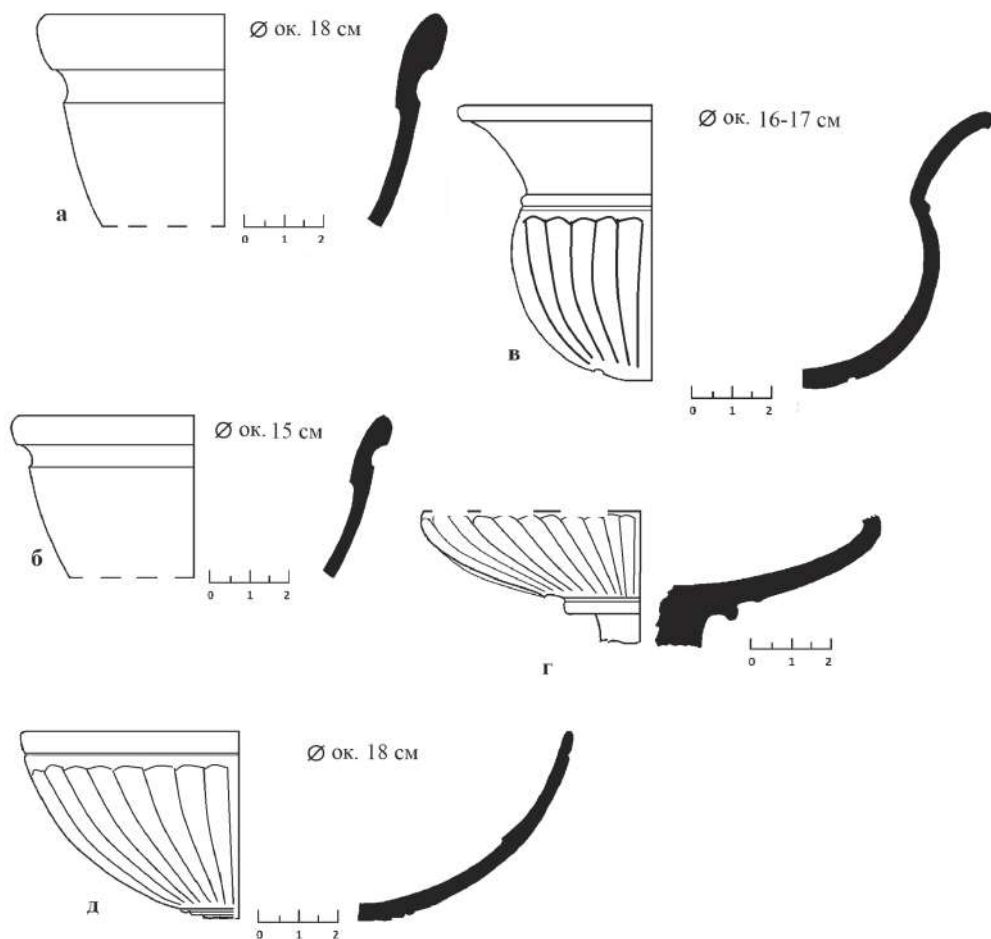

Рис. 17: а – инв. № П.1867/68.639; б – инв. № П.1875.227; в – инв. № П.1875.69; г – инв. № П.1875.348 и П.1875.359; д – инв. № П.1875.354.

К.А. АНИСИМОВ
K.A. ANISIMOV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОДРИСОВ И СКИФОВ В V – IV ВВ. ДО Н.Э. В СВЕТЕ ДАННЫХ ПИСЬМЕН- НЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

POLITICAL AND GENEALOGICAL TIES BETWEEN THE ODRYSIANS AND SCYTHIANS IN THE 5TH-4TH CENTURIES B.C. IN THE LIGHT OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Данная статья является расширенным вариантом доклада, представленного на Боспорских чтениях в 2024 году [Анисимов, 2024, с. 16-22]. Тогда внимание было сосредоточено лишь на генеалогическом аспекте рассматриваемой темы. Здесь будет предпринята попытка рассмотреть проблему на более широком фоне, с привлечением археологических данных.

Проблема изучения внешней политики античных государств всегда являлась проблемой, ввиду отсутствия или ограниченности письменных источников. Одрисское царство здесь не является исключением. Наши сведения о внешней политике одрисских царей зачастую ограничиваются информацией, носящей случайный характер. Однако, в случае с одрисами дополнительные возможности для расширения наших знаний относительно их дипломатии открывают археологические находки, а также имена некоторых представителей царского рода. Особенно перспективным в этом отношении представляется тема одрисско-скифских связей.

Скифское царство в Северном Причерноморье появляется практически одновременно с Одрисским царством во Фракии, в конце VI – начале V вв. до н.э.¹ Судьбы правителей этих варварских держав оказались связаны самым тесным образом. К счастью, эти контакты привлекли внимание Геродота. «Отец истории» сохранил информацию о трех эпизодах скифо-фракийских контактов в интересующий нас период: это скифское вторжение во Фракию в 494 г. до н.э. (возможно, таких вторжений было несколько между 513 – 494 гг. до н.э.: Hdt. VI, 40; VI, 83), брак скифского царя Ариапифа и дочери одрисского царя Тереса (Hdt. IV, 80), а также история сыновей Ариапифа и Тереса, датируемых приблизительно между 490 – 440 гг. до н.э. (Hdt. IV, 78 – 80). Обстоятельства событий 513 – 494 гг. до н.э., с которыми мы также связываем заключение брака Ариапифа и одрисской царевны, уже были рассмотрены нами

¹ В это время появляется целый ряд крупных политических объединений на периферии греческого мира и Ахеменидской империи, столкнувшихся тогда же друг с другом. Едва ли мы ошибемся, предполагая прямое или косвенное влияние этих двух сил, на процесс образования государства у фракийцев и скифов. При этом, мы не склонны видеть в этом влиянии причину развития государственности [Анисимов, 20206].

в специальной работе [Анисимов, 2022а]. Политическим итогом этих событий стало то, что усиливающееся давление скифов на юго-западном направлении столкнулось с одрисской экспансией, вследствие чего устанавливается граница между этими державами по Истру. Эта граница была уже реальностью во времена царя одрисов Ситалка (Hdt. IV, 80; Thuc. II, 97), но очевидно сформировалась еще при царе Тересе, в 90-е – 70-е гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 208; Анисимов, 2022а, с.24].

Согласно сведениям Геродота (Hdt. IV, 78-80), у царя скифов Ариапифа было трое сыновей от разных жен. Первая была родом из греческой колонии Истрия, ее сыном был Скил. От дочери одрисского царя Тереса был сын Октамасада. Наконец, от скифской жены был сын Орик. После убийства Ариапифа агафирсами, Скил стал его наследником. Однако, недовольные приверженностью нового царя греческим обычаям матери, скифы свергли Скила. Власть перешла к Октамасаду. Скил бежал во Фракию, укрывшись у одрисов, которыми правил сын Тереса Ситалк. Скифы преследовали беглеца до реки Истр, где встретились с войском одрисов. Там Октамасада вступил в переговоры со своим дядей, царем Ситалком. Как оказалось, в Скифии скрывался брат Ситалка. В итоге цари договорились об обмене. Ситалк получил своего брата и ушел с ним, а Скил был выдан Октамасаду, который казнил его на месте. Большинство исследователей сходятся во мнении, что данные события имели место не позднее 440 г. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 222-224]. Этот захватывающий рассказ демонстрирует насколько стали переплетены судьбы аристократии двух народов: эллинофил Скил бежал к одрисам, рассчитывая на сочувствие «филафиня» Ситалка. Странствия Скила и брата Ситалка, показывают, что на самых высоких уровнях контакты между царскими скифами и одрисами не были чем-то необычным в описываемое время [Archibald, 1998, pp. 103-105].

Державы одрисов и скифов управлялись аристократическими кланами, которые сосредоточили в своих руках значительную власть над соплеменниками и огромные богатства. Символом экономического и политического могущества этой аристократии как при жизни, так и после смерти стали их курганы. Исследование захоронений позволило существенно уточнить картину взаимодействий этих двух правящих группировок.

Данные археологии и письменной традиции свидетельствуют о том, что связи одрисов и царских скифов осуществлялись почти исключительно на дипломатическом или династическом уровне. В течении V-IV вв. до н.э. практически не было найдено ничего ни в поселениях, ни в захоронениях, что могло бы указывать на регулярные связи между рядовыми фракийцами и скифами. В тоже время, начиная с конца V в. до н.э., захоронения одрисской и скифской аристократии имели много общих внешних символов богатства и власти. Предполагается, что и образ жизни у этих элит, красочно описанный для фракийцев Геродотом, был также близок [Archibald, 1998, pp. 103-105]. Прекрасные изделия из драгоценных металлов, которые находят в их монументальных курганных захоронениях, демонстрируют близкие вкусы и несомненные контакты двух элитных групп в это время. Говоря о культурных связях

двух народов, традиционно отмечалось скифское влияние на фракийцев. Когда речь заходила об общих чертах в культуре фракийцев и скифов, в зарубежной и советской литературе как правило рассматривали эти явления как влияние скифов². О фракийском влиянии на скифов говорится куда реже. Эта проблема получила свое развитие в советской историографии в третьей четверти XX века³. В частности, советскими и болгарскими учеными было выявлено фракийское влияние на скифский звериный стиль IV – III вв. до н.э. (это проявлялось в первую очередь в стиле парадных украшений конского убора из золота и серебра). Советскими археологами в скифских памятниках V – IV вв. до н.э. степной и лесостепной зоны были выявлены несомненные заимствования ряда украшений и предметов быта из Фракии. В свою очередь, ряд предметов вооружения и конского убора из Фракии были определены как скифские или сделанные во Фракии по скифским образцам⁴.

Одним из наиболее интересных памятников Скифии, раскрывающим эту тему, является курган Солоха, расположенный на левом берегу Днестра близ Каменки-Днепровской (Запорожская область). В 1912-1913 гг. он был исследован Н.И.Веселовским. Курган является одним из наиболее репрезентативных в вещественном плане скифским царским курганом, занимая уникальное место среди других подобных памятников. Уникальность его неоднократно отмечалась исследователями [Алексеев, 2003, с. 231]. Это объясняется как тем, что он оказался не полностью разграбленным, так и особенностями предметов, сохранившихся в этом кургане. Много лет коллекцию находок из Солохи изучала А. П. Манцевич (1899 - 1982), посвятившая этому более 40 лет. Лишь в 1987 г., после смерти исследовательницы, были опубликованы материалы кургана. В предисловии Анастасия Петровна отмечала: «Комплекс кургана Солоха — документ огромной важности. Для его изучения потребовалось использование специальной литературы в различных отраслях исторической и археологической науки. Поиски привели к интересным и важным результатам. Они открыли тесные связи Северного Причерноморья с областью на севере Балканского полуострова» [Манцевич, 1987, с. 7]. Изучение кургана Солоха способствовало началу обширной и дискуссионной проблемы взаимосвязей Скифии и Фракии в V – III вв. до н.э. Многие идеи Анастасии Петровны относительно этих контактов, их материального воплощения, не встретили одобрения ее коллег

² Иранские черты проявляются в искусстве, а также находят отражение и в других аспектах культуры одрисов [Archibald, 1998, p. 5].

³ В этот период рассматривались различные аспекты роли фракийцев в истории скифских степных племен в разные исторические периоды. Однако, многие важные вопросы так и остались нерешенными. Главным образом речь шла о фракийском субстрате в Северном Причерноморье, который рассматривался в рамках «киммерийской проблемы». Между тем, не меньшее значение имеет также проблема контактов фракийцев во Фракии со скифами [Мелюкова, 1975, с. 63].

⁴ В рамках этих исследований также проходила дискуссия вокруг происхождения высокохудожественных произведений торевтики из скифских царских курганов конца V – начала III вв. до н.э., в которой А.П. Манцевич отстаивала гипотезу о их фракийском и/или македонском происхождении [Мелюкова, 1975, с. 66].

[Мелюкова, 1975, с. 66], однако, как было отмечено в послесловии все той же книги Манцевич редакцией, подготовившей ее к изданию: Анастасия Петровна «оказалась, несомненно, права в одном: взаимовлияние скифского и фракийского мира было значительно более глубоким, чем это обычно представлялось» [Манцевич, 1987, с. 124].

Курган Солоха датируется сегодня концом V в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 231]. Набор предметов из кургана демонстрирует близкие аналогии фракийским памятникам, хотя эти изделия не идентифицируются как собственно фракийские. Особенное внимание привлекает серебряный килик с надписью ЛΥΚΟ и гравированным рисунком из первичной могилы [Манцевич, 1987, с. 34, 35]. По мнению исследовательницы, это имя скифского аристократа, похороненного в первичной погребальной камере [Манцевич, 1987, с. 118]. А. Ю. Алексеев отметил, что надписи на скифской парадной посуде весьма редки, но чрезвычайно широко распространены во Фракии в конце V – первой половине IV вв. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 231]. Также, он привел аргументы в пользу того, что курган Солоха является погребением братьев Октамасада и Орика [Алексеев, 2003, с. 232]. В таком случае, возможно, эти предметы вполне уместно рассматривать, как дары фракийского аристократа своему скифскому родичу. В любом случае, не свойственные скифам традиции подписи драгоценных предметов, по всей видимости, отражают тесные контакты между аристократическими кругами Северного Причерноморья и Северных Балкан в конце V в. до н.э. Это не вызывает удивления, учитывая данные античной письменной традиции, раскрывающей ряд важных эпизодов истории этих регионов в предшествующий период. Сближение правящей верхушки двух держав стало, в свою очередь, результатом тех событий, которые имели место в предшествующий период, наполненный военными столкновениями и дипломатическими контактами.

Археологический материал, как мы видим на примере кургана Солоха и других подобных памятников в Скифии и Фракии, свидетельствует, что эти контакты были более разносторонними и активными, нежели засвидетельствовано письменной традицией. В свете этих данных особый интерес представляют династические связи скифской и одрисской аристократии.

Генеалогическая история правящего рода Одрисского царства во Фракии полна темных и белых пятен. Наши источники довольно редко предоставляют связные сведения о родственных связях фракийских царей. Между тем, понимание генеалогических связей позволяет понять сложные хитросплетения внутривосточной жизни фракийцев, что объясняет неослабевающий интерес к этой теме исследователей, изучающих фракийскую историю (вот лишь краткий перечень трудов, посвященных в той или иной степени этому вопросу: Höck, 1891, S. 76-117; Добруски, 1897; Head, 1911; Михайлов, 1972 (переиздание 2015); Archibald, 1998; обзор историографии: Топалов, 2014, с. 221-258.). В равной степени, перед нами открываются перспективы раскрытия через генеалогию внешнеполитической истории. И здесь особенно перспективными видятся именно скифо-одрисские связи.

Более-менее ясно перед нами предстает семейное древо первых трех поколений

этой державы (рис. 1). Геродот называет нам царя одрисов Терей и его детей: царя Ситалка, его безымянного сына и дочь, ставшую женой скифского царя Ариапифа и мать царя скифов Октамасада (Hdt. IV, 80). Фукидид уточняет, что родоначальника династии правильно называть Тересом, а не Тереем, и что он был «первым основателем великого Одрисского царства» (Thuc. II, 29, 1-2). Историк добавляет к этому списку имена членов семьи царя Ситалка: его сына Садока (Thuc. II, 29, 5), племянника и наследника Ситалка – Севта I, а также его отца Спарадока⁵ (Thuc. II, 101, 5). Он же упоминает о браках Ситалка на сестре Нимфодора из Абдер (Thuc. II, 29, 1) и Севта на Стратонике, сестре македонского царя Пердикки II (Thuc. II, 101, 6). О Садоке, афинском гражданине и сыне Ситалка, упоминает также Аристофан (Aristoph. Acharn. 145-147), а сходя к 145 строке «Ахарнян» (Aristophanes, Acharn. Scholia Ad 145) приводит невнятную информацию о том, что сына Ситалка звали Садоком, Ситалком и Тересом. Традиционно, эту странную фразу трактуют как указание на то, что у Ситалка было три сына [Archibald, 1998, pp. 104].

В отрыве от этой стеммы находятся сведения Ксенофонта, Демосфена, других авторов IV в. до н.э., эпиграфических и нумизматических источников, называющие целый ряд представителей царского дома одрисов в период с 407 по 340 гг. до н.э. Сочетание данных письменной традиции, эпиграфики и нумизматики позволяет нам с относительной точностью восстановить родственные связи этих правителей конца V – IV вв. до н.э. Начиная с конца V столетия на монетах одрисских правителей начинают появляться символы, которые можно условно охарактеризовать как династические [Златковская, 1971, с. 231]. Изучение этих символов и их сопоставление с другими данными указывают на то, что в этот период фракийской истории особенное значение приобретают две ветви царского рода потомков Тереса (далее – Тересиды), которые характеризуются С. Топаловым как «старший» и «младший» кланы. Монеты «старшего клана» (к которому принадлежали Гебридзельм, Котис I и Керсеблепт) были сосредоточены соответственно к востоку от нижнего течения реки Марицы и Тунджи, в районе Эдирне и на побережье Пропонтиды. Их семейным символом служил сосуд с двумя ручками⁶. Относительно происхождения этой ветви Тересидов в историографии нет единого мнения. Часть исследователей традиционно связывает этих правителей с упомянутым Ксенофонтом «архонтом Приморской области» Севтом II сыном Месада (Xen. Hell. III, 8.25-8.28; Anab. VII). Другие исследователи, к числу которых принадлежит также автор этих строк, склонны возводить правителей «старшего клана» к Спарадоку и его сыну Севту I⁷.

⁵ Спарадок, очевидно, приходился братом Ситалку. Его часто отождествляют с безымянным братом Ситалка, упомянутым Геродотом, однако это представляется нам не верным [Анисимов, 2022б, с. 183-198]. Не все согласны с тем, что Спарадок и Ситалк были братьями [Котова, 2016, с. 161-168].

⁶ Наиболее подробно эта проблема была разработана С. Топаловым [Топалов, 1994].

⁷ Проблемы генеалогии этой ветви царей одрисов были рассмотрены автором в специальной работе [Анисимов, 2022в, с. 12-18].

Сложнее обстоит дело со второй линией одрисских царей, символом которых был двусторонний топор лабрис. К этой линии принадлежали цари с именами «Медок», «Амадок» и «Терес», действующие в 407 – 340 гг. до н.э. Родственные связи этих правителей друг с другом частично выявляются на основании прямых указаний письменных источников, частично реконструируются на основании нумизматических данных и последовательности правления (рис. 2).

Основная проблема состоит в определении количества правителей этой линии. Феопомп упоминал, что было два правителя по имени «Амадок», которые приходились друг другу отцом и сыном (Theop. fr. 109). Амадок – сын (далее Амадок II) надежно отождествляется с правителем, который правил одной из частей распавшегося Одрисского царства 357 – 352 гг. до н.э. (Dem. XXIII, 8, 10-11, 171-179, 183). В свою очередь, Амадок – отец отождествляется со «старым Амадоком», которого восхваляет Исократ в речи к Филиппу II (Isoc. V, 6) и «царем Амадоком», упоминаемым Ксенофонтом в «Греческой истории» (Xen. Hell. IV, 8, 26) и Аристотелем (Arist. Pol. V, 1312a). Договор, упомянутый Ксенофонтом, и датируемый 389\388 г. до н. э. сохранился во фрагментарной надписи из Афин (IGr II (2), 1, 22a).

Широко распространено мнение, что Амадок Старый – это царь одрисов Медок, оказывающий покровительство Алкивиаду (Diod. XIII, 105, 3) и Севту II (Xen. Anab., VII, 2, 32; VII, 2, 16). Известны также монеты с именем «Меток» (МНТОК) и две отличные друг от друга серии монет с именем «АМАТОКО» [Тачева, 2006, с. 88-96, 106-121]. Исходя из того, что с одной стороны Ксенофонт в одном труде упоминает «Медока», а в другом «Амадока», а с другой стороны у нас есть монеты, отчеканенные от имени одного и второго, можно уверенно говорить, что «Амадок Старый» и «Медок» – разные лица. М. Тачева показала, что именно с Амадоком I (Амедоком) необходимо связывать также надпись с одрисско-афинским договором (IGr II (2), 1, 22a), где перед именем правителя (-МНДОК--) сохранилась лакуна для еще одной буквы, как и в упомянутом в той же надписи имени «Ситалк» (-ΙΔΑΛΚ) [Тачева, 2006, с. 109-110]. В свою очередь указание Феопомпа делает необоснованными попытки связывать все серии монет АМАТОКО с одним правителем. Таким образом, можно уверенно говорить о существовании трех царей: Медока, Амадока Старого и Амадока II.

Как показал С. Топалов, монеты этих трех правителей, а также монеты царя Тереса II (Dem. XII, 8, 10) объединены не только символикой, но также локализованы на одной территории в верхнем течении рек Марица и Тунджа [Топалов, 2006, с. 29-45]. Таким образом, хронологическая последовательность их правления (Медок – Амадок Старый – Амадок II – Терес II) вполне уверенно позволяет восстановить родственную связь между этими правителями. Терес II мог быть сыном или братом Амадока II⁸.

Намного сложнее определить место этой династической линии на родовом древе

⁸ Т.Д. Златковская ошибочно причисляет к числу правителей этой ветви также еще одного Тереса, называя его Терес II, а Тереса II, преемника Амадока, считает Тересом III [Златковская, 1971, с. 231].

одрисских царей. Решение этой проблемы представляется на первый взгляд делом безнадежным. Медока представляли сыном Тереса, Ситалка, Спарадока, Садока, некоего безымянного сына Тереса и т.д. [Топалов, 2014, с. 221-258]. В большинстве случаев все это носило умозрительный характер.

Нам представляется, что ключ к решению этой проблемы кроется в имени «Амадок». Помимо именослова фракийской аристократии это имя встречается также в связи с образом мифического народа гипербореев⁹, а также в перечне племен Северного Причерноморья. Гелланик Лесбосский, современник Геродота, называет амадоков среди скифских племен (Hellan. fr. 170). Позднее амадоков, одноименные город, озеро и горы вновь упоминает Клавдий Птолемей во II в. н.э. (Kl. Ptol. III. 5. 5-6, 10, 14). Из данных римского географа следует вывод, что амадоки проживали в лесостепной зоне от Среднего Поднепровья до истоков Южного Буга, примерно там же, где Геродот помещал своих «скифов-пахарей» [сравните: Зубарев, 2005, с. 178 след.]. Озеро Амадока соответствует озеру в истоках Гипаниса, о котором сообщает «отец истории». Вероятно, Птолемей мог получить сведения о стране амадоков из некоего более раннего источника. На то, что амадоки или их часть могли покинуть Среднее Поднепровье, указывают координаты города Амадока, который мы можем отождествить с одним из т.н. «позднескифских городищ» Нижнего Поднепровья.

Данные Гелланика однозначно указывают на то, что скифские амадоки были древнее одрисских царей с этим именем. В связи с этим, представляется более чем вероятным, что Амадок I получил имя в честь скифского народа амадоков. Аналогичным образом получил свое имя аристократ Скифодок, похороненный в кургане V в. до н.э. Голямата могила у с. Дуванлий [Лазаренко, 2015, с. 88; Анисимов, 2022а, с. 20-30]. С иранским влиянием связывают некоторые исследователи появление целого ряда т.н. «царских имен». К ним относятся «Спарадок», «Спарток», «Медок», «Амадок», «Садок», «Берисад» («Перисад»), «Садал», «Сараток» [Тачева, 2006, с. 25; Гиндин, 1981, с. 62-63; Крыкин, 1993, с. 78-79]. Скифские корни гипотетически иранских имен представляются более надежными, тем более, что о родственных связях между одрисской и скифской знатью сохранилось прямое указание источников (Hdt. IV, 80). Логично предположить, что браком скифского царя Ариапифа на дочери одрисского царя Тереса I в первой половине V в. до н.э. дело не ограничилось.

Наиболее вероятным временем заключения подобного династического союза одрисского аристократа со знатью далекого скифского племени было пребывание в Скифии безымянного сына Тереса I, что открывает перед нами возможность идентификации этого представителя одрисского царского рода с родоначальником той ветви Тересидов, к которым принадлежал Амадок Старый. В отечественной историографии уже предпринимались попытки отождествления «Безымянного сына» с одрисским правителем Спарадоком, известным благодаря Фукидиду и монетам [Виноградов, 1989, с. 117; Алексеев, 2003, с. 222-223; Anochin, 1998, S. 41-42;

⁹ Призрак гиперборея Амадока защищал по преданию Дельфы от вторжения галатов (Paus. IV, 4).

Сапрыкин, 2018, с. 547]. Слабость подобных построений со всей очевидностью продемонстрировал А.Н. Васильев [Васильев, 1999, с. 106-111]. Критику этой гипотезы, а также возможное объяснение родственных связей между Спарадоксом и Спартоком Боспорским предложил в свое время также автор этих строк [Анисимов, 2022б, с. 183-198].

Учитывая все сказанное выше о родственных связях этого царя, на роль «Безымянного» царевича в первую очередь логично предложить Медока. Об этом царе известно очень немного. Он впервые упоминается около 407 г. до н.э., как один из фракийских царей, оказавших покровительство Алкивиаду (Diod. XIII, 105, 3). Около 400 г. до н.э. он отпустил Севта II, дав ему отряд воинов, чтобы попытаться вернуть утраченные прежде земли восставших в прежние времена против одрисов племен (Xen. Anab. VII, 2, 32). Восставшие изгнали одрисского правителя Месада, который вскоре умер, а его сына Севта II взял на воспитание Медок, еще не бывший тогда царем. Учитывая, что уже в 391 г. до н.э. царем одрисов выступает Амадок I, против которого восстал Севт II, смерть Медока должна датироваться около 399-391 гг. до н.э.

Косвенные данные указывают на значительный возраст Медока в период его правления. Довольно длительное время он воспитывал Севта II¹⁰. В описании Ксенофонта Медок выглядит явно не слишком активным политиком, в сравнении со своими предшественниками и преемниками. Правление его едва ли было длительным (он должен был прийти к власти незадолго до 407 г. до н.э.), что косвенно подтверждается и немногочисленностью его монет. Его наследник именуется «старым». Все это позволяет предполагать, что Медок мог быть одним из младших сыновей Тереса I (рис. 3), а, следовательно, тем безымянным братом, который боролся с Ситалком в начале его правления около 447-444 гг. до н.э. [Анисимов, 2023, с. 5-11]. Поражение в этой борьбе, бегство в Скифию и последующее насильственное возвращение обратно объясняют, почему Медок не унаследовал власть непосредственно после гибели Ситалка в 424 г. до н.э., уступив первенство сыну Спарадока Севту I (Thuc. II, 101; IV, 101). Высокое положение сына Спарадока при дворе Ситалка, а также монеты самого Спарадока указывают на то, что он был царем, правящим между Тересом I и Ситалком [Анисимов, 2022б, с. 187-188]. Медок, таким образом, оказался отесненным более могущественными и влиятельными родичами. Кризис, охвативший Одрисскую державу в последней четверти V в. до н.э. вновь открыл ему и его потомкам дорогу к престолу.

В свете сказанного о династических связях Медока и Амадока «Старого» со скифами можно было бы ожидать какого-то оживления контактов Одрисского царства с Северным Причерноморьем. Однако, насколько можно судить по письменным источникам и доступным публикациям раскопок, наблюдается лакуна

¹⁰ События, которые привели к изгнанию и смерти Месада, отца Севта II, мы склонны датировать около 424-416 гг. до н.э. [Анисимов, 2017, с. 109-112; Анисимов, 2020а, с. 179-187].

в сведениях о таких контактах именно в период первой половины IV в. до н.э.

По мнению С.И. Андрух, устойчивые политические связи двух царств, сложившиеся во второй четверти V в. до н.э., сменились конфликтами между ними в конце этого столетия или начале следующего [Андрух, 1995, с. 93]. Однако, следует отметить, что у нас нет каких-либо непосредственных указаний на подобные конфликты. Сама исследовательница приводит в качестве аргумента упоминание о победе фракийцев в ожесточенном сражении над скифами в трагедии «Рес», включенной в античные времена в состав пьес Еврипида. Однако, мы не можем с уверенностью судить о том, насколько исторично описание античного трагика, а также к какому времени его следует относить. В литературе высказывались мнения как в пользу того, что трагедия в такой форме зафиксировала столкновение Ситалка со своим племянником [Goossens, 1965, p. 252; Vickers, 2010], так и то, что сражение нужно относить ко времени правления Котиса I [Радциг, 1982, с. 273-274; Андрух, 1995, с.15-16]. К сказанному можно, впрочем, добавить, туманное заверение Фукидида о превосходстве скифов над фракийцами в военном отношении (Thuc. II, 97, 5). К сожалению афинский историк не упоминает о том, на основании чего он делает такое умозаключение – имели ли место какие-то конкретные события, либо это его субъективное мнение.

В литературе высказывалось, что в IV в. до н.э. фракийское влияние на скифскую элиту становится более определенным [Алексеев, 2003, с. 231]. Речь идет как об отдельных предметах, так и о влиянии художественного стиля. Впрочем, на деле речь идет о конкретных находках из элитных скифских захоронений. Весьма любопытно, что это влияние особенно сильно проявляется в последней трети столетия, судя по датировкам таких скифских памятников, как курганы Огуз (центральное погребение - 340 – 315 гг. до н.э.; позднейший комплекс - 330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Козел (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Краснокутский (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.), Хомина Могила (330/325 – рубеж IV – III вв. до н.э.) и другие [Алексеев, 2003, с. 277].

Логичным было бы связывать это явление с тем, что часть скифов в этом столетии проникает во Фракию. Вероятно, около 350-340 гг. до н.э. в Северо-восточной Фракии пытался закрепиться скифский царь Атей, боровшийся с трибаллами (Polyen. VII. 44, 1; Front. II, 19). Ему удалось наладить тесные отношения с рядом западнопонтийских полисов, но с византийцами у него возникли какие-то противоречия [Андрух, 1995, с. 71 след.]. В 339 г. до н.э. Атей был вынужден вести тяжелую войну с загадочным народом истриан, а сразу после этого с македонским царем Филиппом II. В ходе последней войны скифский царь погиб, а скифы были вынуждены покинуть Фракию (Just. IX, 2). В 331 или 324 г. до н.э. скифы столкнулись с македонским наместником Фракии Зопирионом, войско которого было разгромлено в ходе похода в Северное Причерноморье (Trog. Ep. Prol. XII; Just. II, 3.4; XII, 1.4-1.5; XII, 2.16; XXXVII, 3.2; Curt. X, 1.43–1.45). Уже в 313 г. до н.э. они снова присутствуют в Добрудже, поддерживая восстание западнопонтийских полисов против македонско-

го военачальника Лисимаха, одного из диадохов Александра Великого. Лисимаху удалось нанести поражение своим противникам и изгнать их за Дунай (Diod. XIX. 73, 5). Однако, находки из курганов скифских аристократов, на наш взгляд, скорее указывают не на военную добычу, а на свидетельство мирных контактов с фракийской элитой. Ярким примером того, что связи одрисов со скифами не канули в Лету после того, как одрисы потеряли независимость в следствии разгрома их царей Филиппом II в 342 - 340 гг. до н.э., служат события 313 г. до н.э., когда против Лисимаха выступают и скифы, и одрисский царь Севт III (Diod. XIX. 73, 5). К аналогичному выводу пришла в свое время А.И. Мелюкова [Мелюкова, 1995, с. 36]. Там же исследовательница отметила возможность изготовления фракийскими мастерами некоторых изделий, сочетающих скифские и фракийские черты. Появление таких мастеров в 340-х – 310-х гг. до н.э. представляется вполне вероятным, учитывая македонское завоевание Одрисского царства и последующие за этим военные операции македонских царей против скифов и трибаллов.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в полной мере тема скифо-фракийских и особенно скифо-одрисских контактов еще не раскрыта. Для достижения этой цели предстоит большая работа. Необходимо внимательно анализировать вещевой состав скифских и фракийских аристократических курганов. При этом внимание следует уделять драгоценным сосудам балканского происхождения. Практика дипломатических контактов фракийцев включала дары такой формы. Это хорошо видно на примере находок из Нижнего Подунавья, представляющих собой дары одрисских царей вождям трибаллов и гетов. К той же серии находок, возможно, следует отнести драгоценные сосуды из кургана Солоха. Письменные источники позволяют говорить о достаточно тесных связях скифов и одрисов в V в. до н.э. и во второй половине IV в. до н.э. Геродот зафиксировал полуфракийское происхождение скифского царя Октамасада, однако есть основания, позволяющие утверждать также полускифское происхождение ряда одрисских царей и их родственников (Скифодок, Амадок I и его потомки Амадок II и Терес II). Имя «Амадок» при этом свидетельствует о том, что родственные связи существовали не только с правящим царским родом скифов, но и с локальными элитами отдельных скифских племен. Уже в силу этого, как думается, нам пока предстоит в полной мере оценить значение фракийско-скифских связей в их политической истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. 417 с.
- Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье: Запорожский государственный университет, 1995. 199 с.
- Анисимов К.А. Кризис Одрисского царства: проблемы датировки // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» «Тулское Образовательное Пространство». 2017. №1. С. 109-112.
- Анисимов К.А. Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна // Древний мир: История и археология: рецензируемый сборник научных статей. Труды

- Международной научной конференции «Дьяковские чтения», Москва, МПГУ, 7 декабря 2019 г. Москва, 2020. С. 179-187.
- Анисимов К.А.* Внутренние и внешние аспекты образования Одрисского царства и проблема локализации первоначальной племенной территории одрисов // Исторический Формат. №4. 2020. С. 98-114.
- Анисимов К.А.* Дипломатия одрисов: между скифами и персами // Тульский научный вестник. Секция История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 20-30.
- Анисимов К.А.* Забытый фракийский царь Спарадок // Thracia Balcanica. № 1. 2022. С. 183-198.
- Анисимов К.А.* Котис I. Происхождение // Классическая и византийская традиция. 2022: сборник материалов XVI международной научной конференции. С. 12-18.
- Анисимов К.А.* К вопросу о распаде Одрисского царства в начале правления царя Ситалка // Византийский альманах. Белгород, 2023. С. 5-11.
- Анисимов К.А.* Амадоки и Одрисы. Об одном вопросе генеалогии одрисских Тересидов // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России: Материалы научной археологической конференции. Симферополь, Керчь, 2024. С. 16-22.
- Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспоре? // Боспорский Феномен. 1999. С. 106-111.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София: Изд-во Болгарской АН, 1981. 240 с.
- Добруски В.* Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе. София: Държавна печатница, 1897. 85 с.
- Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. М.: Наука, 1971. 267 с.
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки Славянской Культуры, 2005. 504 с.
- Котова Д.* Спарадок и родство му със Ситалк // Thracia XXI. София, 2016. С. 161-168.
- Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 330 с.
- Лазаренко И.Ю.* Скитите в Тракия (VII в. ПР. Н. Е.—I в. ОТ Н. Е.). Том. Част 1. Варна: Онгъл, 2015. 406 с.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство: Ленинградское отделение. 1987. 141 с.
- Мелюкова А. И.* Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских скифских племен с фракийцами в советской науке // Фрако-скифские культурные связи. София: Издательство Болгарской Академии наук, 1975. С. 54 – 68.
- Мелюкова А. И.* Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV – III вв. до н.э. // Российская Археология, 1995. №1. С. 28 – 36.
- Михайлов Г.* Траките. София: Изд-во Нового Българского университета, 2015. 588 с.
- Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1982. 487 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.-СПб: Изд-во РХГА, 2018. 743 с.
- Тачева М.* Царете на древна Тракия. Книга първа. София: АГАТО. 2006. 248 с.
- Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.э. Ч. I. София: Самиздат, 2006. 459 с.

- Топалов С.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София: Самиздат, 2014. 687 с.
- Топалов С.* Одриското царство от края на V до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване на монетосеченето и историята му. София: Самиздат, 1994. 188 с.
- Топалов С.* Племена и владетели от земите на Одриското царство и граничните му югозападни територии от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване монетосеченето и историята на Древна Тракия. София: Самиздат, 1998. 359 с.
- Anochin V.* Die Pontische Expedition des Perikles der Kimmerische Bosphoros (437 v Chr) // Stephanos Nomismatikos. 1998. S. 33-43.
- Archibald Z.* The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford: Clarendon Press, 1998. 371 p.
- Goossens R.* Euripide et Athènes. Brussels: Palais des Académies, 1962. 772p.
- Head B. V.* Historia numorum, a manual of Greek numismatics. Oxford, 1911. 813 p.
- Höck A.* Das Odrysenreich in Thrakien: Im Fünften und Vierten Jahrhundert v. Chr // Hermes 26 (1). 1891. P. 76-117.
- Vickers M.* Hagnon, Amphipolis and Rhesus // Ergasteria: Works Presented to John Ellis Jones on his 80th Birthday. Gdank, 2010. P. 75-81.

REFERENCES

- Alekseev A.Iu. Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII-IV vv. do n.e. Sankt-Peterburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. 417 p.
- Andrukh S.I. Nizhnedunaiskaia Skifiia v VI – nachale I v. do n.e. (etnopoliticheskii aspekt). Zaporozh'e: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet, 1995. 199 p.
- Anisimov K.A. Krizis Odrisskogo tsarstva: problemy datirovki. Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO» «Tul'skoe Obrazovatel'noe Prostranstvo», 2017, №1, pp. 109-112.
- Anisimov K.A. Siuzhet afinsko-frakiiskogo voennogo stolknoveniia v proizvedenii Poliena. Drevnii mir: Istoriiia i arkheologiiia: retsenziruemyi sbornik nauchnykh statei. Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «D'iakovskie chteniia», Moskva, MPGU, 7 dekabria 2019 g. Moskva, 2020, pp. 179-187.
- Anisimov K.A. Vnutrennie i vneshnie aspekty obrazovaniia Odrisskogo tsarstva i problema lokalizatsii pervonachal'noi plemennoi territorii odrisov. Istoricheskii Format, №4, 2020, pp. 98-114.
- Anisimov K.A. Diplomatiiia odrisov: mezhdru skifami i persami. Tul'skii nauchnyi vestnik. Sektsiia Istoriiia. Iazykoznanie, 2022, vol. 2 (10), pp. 20-30.
- Anisimov K.A. Zabytyi frakiiskii tsar' Sparadok. Thracia Balcanica, 2022, № 1, pp. 183-198.
- Anisimov K.A. Kotis I. Proiskhozhdenie. Klassicheskaiia i vizantiiskaiia traditsiia: sbornik materialov XVI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Belgorod 2022, pp. 12-18.
- Anisimov K.A. K voprosu o raspade Odrisskogo tsarstva v nachale pravleniia tsaria Sitalka. Vizantiiskii klub. Al'manakh. 2023, pp. 5-11.
- Anisimov K.A. Amadoki i Odrisy. Ob odnom voprose genealogii odrisskikh Teresidov. XXV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy issledovaniia drevnostei iuga Rossii: Materialy nauchnoi arkheologicheskoi konferentsii. Simferopol', Kerch', 2024, pp. 16-22.
- Vasil'ev A.N. Odrisskii dinast vo glave Bospore? Bosporskii Fenomen. 1999, pp. 106-111.

- Vinogradov Iu.G. Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII-I vv. do n.e. Moskva, Nauka, 1989, 288 p.
- Gindin L.A. Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan (frako-khetto-luviiskie i frako-maloaziiskie izoglossy). Sofiia, Izd-vo Bolgarskoi AN, 1981, 240 p.
- Dobruski V. Istoricheski pogled v»rkuh numizmatikata na trakiiskite tsare. Sofiia, D»rzhavna pechatnitsa, 1897. 85 p.
- Zlatkovskaia T.D. Vozniknovenie gosudarstva u frakiitsev VII-V vv. do n.e. Moskva, Nauka, 1971. 267 p.
- Zubarev V.G. Istoricheskaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii. Moskva, Iazyki Slavianskoi Kul'tury, 2005, 504 p.
- Kotova D. Sparadok i rodstvo mu s»s Sitalk. Thracia XXI. Sofiia, 2016, pp. 161-168.
- Krykin S.M. Frakiitsy v antichnom Severnom Prichernomor'e. Moskva, Prometei, 1993. 330 p.
- Lazarenko I.Iu. Skitite v Trakiia (VII V. PR. N. E.–I V. OT N. E.). Tom. Chast 1. Varna, Ong»,l, 2015, 406 p.
- Mantsevich A.P. Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektsii. Leningrad, Iskusstvo: Leningr. ot-dnie, 1987, 141 p.
- Meliukova A. I. Itogi i zadachi izuchenii vzaimosviazei kimmeriiskikh skifskikh plemen s frakiitsami v sovetskoi nauke. Frako-skifskie kul'turnye sviazi. Sofiia: Izdatel'stvo Bolgarskoi Akademii nauk, 1975, pp. 54 – 68.
- Meliukova A. I. Novye dannye o skifo-frakiiskikh vzaimootnosheniiakh v IV – III vv. do n.e. Rossiiskaia arkhologiiia, 1995, №1, pp. 28 – 36.
- Mikhailov G. Trakite. Sofiia: Izd-vo Novogo B»lgarskogo universiteta, 2015, 588 p.
- Radtsig S.I. Istoriia drevnegrecheskoi literatury. Moskva, Vysshiaia shkola, 1982. 487 s.
- Saprykin S.Iu. Drevnee Prichernomor'e. Moskva - Sankt-Peterburg, Izd-vo RKhGA, 2018, 743 p.
- Tacheva M. Tsarete na drevna Trakiia. Kniga p»rva. Sofiia, AGATO, 2006, 248 p.
- Topalov S. K»m politicheskata istoriia na Odriskoto tsarstvo ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Ch. I. Sofiia, Samizdat, 2006, 459 p.
- Topalov S. K»m politicheskata istoriia na Odriskoto tsarstvo ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Ch. II. Sofiia, Samizdat, 2014. 687 p.
- Topalov S. Odriskoto tsarstvo ot kraia na V do sredata na IV v. pr. n.e. Prinosi k»m prouchvane na monetosecheneto i istoriata mu. Sofiia, Samizdat, 1994, 188 p.
- Topalov S. Plemena i vladeteli ot zemite na Odriskoto tsarstvo i granichnite mu iugozapadni teritorii ot kraia na VI do sredata na IV v. pr. n.e. Prinosi k»m prouchvane monetosecheneto i istoriata na Drevna Trakiia. Sofiia, Samizdat, 1998, 359 p.

Резюме

Статья посвящена проблеме дипломатических и династических связей фракийцев – одрисов со Скифским царством и элитами отдельных скифских племен в V – IV вв. до н.э. Как правило эти связи рассматриваются сквозь призму данных письменных источников о судьбе скифских царей и войн скифов с македонскими военачальниками последней трети IV в. до н.э. Материальные свидетельства, указывающие на такие тесные связи, чаще используются в специальных работах по вопросам скифского и фракийского искусства. Общую картину дополняют имена одрисских аристократов, которые демонстрируют куда более тесные и разносторонние связи верхушек Одрисского царства и скифских племен. Помимо широко известного в узких кругах имени «Скифодок», к числу таковым относится имя «Амадок». В

статье предлагается гипотеза, что изучение скифо-одрисских связей позволяет также полное восстановить пробелы в генеалогии царского рода одрисов.

Ключевые слова: Фракия, фракийцы, одрисы, скифы, Амадок, генеалогия, амадоки.

Summary

The article is devoted to the problem of diplomatic and dynastic relations of the Thracian Odrysians with the Scythian Kingdom and the elites of some Scythian tribes in the 5th - 4th centuries BC. As a rule, these ties are considered through the prism of written sources about the fate of the Scythian kings and the wars of the Scythians with the Macedonian commanders in the last third of the 4th century BC. Material evidence pointing to such close ties is more often used in special works on Scythian and Thracian art. The general picture is supplemented by the names of Odrysian aristocrats, which demonstrate much closer and more versatile ties between the upper classes of the Odrysian kingdom and the Scythian tribes. In addition to the name "Scythodokos", which is widely known in narrow circles, the name "Amadokos" is among them. The article proposes a hypothesis that the study of connections Scythian and Odrysian also allows to restore more fully the gaps in the genealogy of the royal family of Odrysian.

Key words: Thrace, Thracians, Odrysians, Scythians, Amadokos, genealogy, Amadoks.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Константин Александрович
преподаватель кафедры
истории и археологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
аспирант кафедры всеобщей истории
НИУ «БелГУ».
+7 – 950 – 909 – 5908
anisimov.cos@yandex.ru

AUTHOR INFORMATION

Konstantin A. Anisimov
Lecturer at the Department
of History and Archaeology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
postgraduate student
of the Department of General History
Belgorod State University
+7 – 950 – 909 - 5908
anisimov.cos@yandex.ru

Рис. 1. Родственные связи известных представителей Одрисского царского Дома по данным Геродота, Фукидида, Аристофана и его схолиаста.

Рис. 2. Предполагаемая стемма т.н. «Младшего клана» одрисских царей.

Рис. 3. Генеалогическое древо царского Дома одрисов V – IV вв. до н.э.

Н. И. СУВОРОВА
N. I. SUVOROVA

**К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР
ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО И НЕДВИГОВСКОГО ГОРОДИЩ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРЕДМЕТОВ КОРОПЛАСТИКИ)**

**TO THE QUESTION OF CONTINUITY OF CULTURE OF
ELIZAVETOVSKOYE AND NEDVIGOVSKOYE SETTLEMENTS
(ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF COROPLASTICS OBJECTS)**

С середины XIX века в античной исторической науке ведется полемика о существовании двух Танаисов: «Древнего» Танаиса, находившегося на Елизаветовском городище, и «Возобновленного» Танаиса, расположенного у хутора Недвиговка (рис.1). Автор этой гипотезы П. М. Леонтьев предполагал, что более ранний «дополемоновский» Танаис следует искать на месте Елизаветовского городища, а поздний «послеполемоновский» - у хутора Недвиговка [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 12]. А. А. Миллер также связывал Елизаветовское городище с ранним Танаисом, позже перенесенным к хутору Недвиговка в связи с изменением гидрографического режима дельты Дона [Книпович, 1934, с. 195]. Эту гипотезу поддерживала и Т.Н.Книпович [Книпович, 1949, с. 123]. Д. Б. Шелов считал, что Елизаветовское городище и Танаис два разных поселения, некоторое время сосуществовавших рядом [Шелов, 1970, с. 75]. В. П. Копылов полагал, что именно Елизаветовское поселение следует считать «Древним» Танаисом, а после его гибели роль основного торгового центра в Северо-Восточном Приазовье переходит к поселению, находившемуся у хутора Недвиговка [Копылов, 2008, с. 62]. В статье «Два Танаиса: миф или реальность (античная письменная традиция и археологические реалии)» В. П. Копылов и А. Н. Коваленко провели всесторонний анализ имеющихся письменных и вещественных источников: нумизматического материала, амфорных клейм, чернолаковой керамики, обнаруженных при исследовании этих двух городищ. Авторы пришли к выводу о том, что в Дельте Дона вначале существовал крупный торговый центр на Елизаветовском городище, который назывался Танаис, а после его гибели это название было перенесено на боспорскую колонию, основанную на месте Недвиговского городища [Копылов, Коваленко, 2013, с. 254].

Вопрос о существовании двух Танаисов и сейчас является актуальным. Он однозначно не решен на сегодняшний день. О гибели Большой греческой колонии на Елизаветовском городище не позже середины 70-х гг. III в. до н. э. в настоящее время можно говорить достаточно определенно [Копылов, Коваленко, 2013, с. 243]. Однако, для уточнения времени основания боспорской колонии у Недвиговского городища мы не располагаем пока подобными данными. Если эти поселения сосу-

существовали некоторое время, то мы имеем дело с двумя разноименными колониями. Однако, если после гибели одной, появляется вторая - речь может идти о преемственности населенных пунктов, в том числе, и в названии. Сравнительный анализ предметов коропластики, происходящих из Елизаветовского городища и Танаиса, возможно, внесет определенные коррективы в решение вопроса об установлении преемственности культур этих двух античных поселений. Особый интерес для нашего исследования будут представлять терракоты, обнаруженные в слоях Большой греческой колонии конца IV – начала III вв. до н. э. на Елизаветовском городище и в эллинистических слоях Недвиговского городища.

Во время археологических раскопок на двух поселениях античного времени в дельте Дона было обнаружено 267 предметов коропластики: 131 – на Елизаветовском и 136 – на Недвиговском городище. Небольшое их количество можно объяснить, прежде всего, удаленностью данных памятников от крупнейших центров Боспорского царства и, вследствие этого, ослаблением влияния античной культуры. Однако, не стоит забывать и о том, что оба памятника исследованы далеко не полностью. По мере их изучения, безусловно, будет увеличиваться и коллекция терракотовых статуэток.

Остановимся отдельно на характеристиках найденных терракот на каждом вышеупомянутом памятнике: происхождении, иконографии и морфологии. Рассмотрим сначала предметы глиняной мелкой пластики, обнаруженные на Елизаветовском городище.

Одна глиняная лепная антропоморфная статуэтка была найдена на городище случайно (рис. 2, 1). По-видимому, она относится к раннему периоду существования Елизаветовского городища и имеет близкие аналогии в материалах Бельского городища [Копылов, 2000, с. 160, рис. 5, 12]. Шесть других глиняных лепных предметов, датирующиеся второй половиной IV – первой третью III в. до н. э. и происходящие из слоев Большой греческой колонии, имеют, по-видимому, местное происхождение. Один из них изображает мужскую статуэтку (рис. 2, 2). Она была обнаружена в 1983 году в северной части «акрополя» - центральной части греческого эмпория первой трети III в. до н. э. [Язовских, 2009, с. 509]. Вторым предметом – фрагмент животного (коня?) – был обнаружен в слое IV – начала III вв. до н. э. также в центральной части городища в 1972 году (рис. 2, 3) [Брашинский, Марченко, 1972, с. 14]. Остальные четыре – глиняные лепешки разных форм (рис. 2, 4-7). А. Г. Язовских считает, что они имеют отношение к негреческим религиозным культам [Язовских, 2009, с. 510]. Однако, вполне возможно, жители Большой греческой колонии могли использовать их в качестве вотивов для приношения и эллинским богам, например, Деметре. Не вызывает сомнения их ритуальный характер: четыре «лепешки» были обнаружены в помещении строительного комплекса № 1, интерпретируемого, как культовое сооружение конца IV – первой трети III в. до н. э. [Язовских, 2010, с. 83]. Однако, подобные предметы не были обнаружены при исследовании эллинистических слоев Недвиговского

городища. Лепные статуэтки, изображающие всадников и животных, найденные там, датируются более поздним временем: II – III вв. н. э.

Сто двадцать четыре терракоты, обнаруженные на Елизаветовском городище, были отмыты в формах в соответствии с античной традицией и представляют для нас особенный интерес. 35 терракотовых предметов хранятся в ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко», 56 – в ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», 33 – в Учебном музее археологии Института истории и международных отношений Южного Федерального университета.

Три терракотовых предмета, обнаруженных в строительном комплексе 7, существовавшем до середины IV в. до н. э., по датировке выходят за рамки нашего исследования. Это статуэтка сидящей богини архаического типа, датирующаяся началом IV в. до н. э., фрагмент ритона в виде головы коня и часть женской полуфигуры середины IV в. до н. э. (рис. 3, 1-3).

Остальные терракоты были обнаружены в слоях и помещениях второй половины IV – первой четверти III вв. до н. э. Большинство из них найдено на территории Большой греческой колонии, основанной, вероятно, после победы Эвмела в династической борьбе за боспорский престол в 310-309 гг. до н. э. [Копылов, 2008, с. 219]. Эвмел был умелым и дальновидным политиком, он смог укрепить государство и расширить его границы [Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 95]. Ему удалось очистить Понт от пиратов, что способствовало укреплению торговых связей, в том числе, и с Афинами [Завойкин, 2004, с. 67]. Обнаруженные на Елизаветовском городище постройки из камня и сырцового кирпича, образующие регулярную застройку в античной традиции, подтверждают масштабное наземное строительство по единому, заранее разработанному плану. Большой интерес вызывает открытый не так давно эллинский культовый комплекс, функционировавший в IV- начале III в. до н. э., где были обнаружены культовые предметы, в том числе и терракотовые статуэтки. Последние археологические исследования позволяют сделать вывод о том, что боспорская колония на Елизаветовском городище была центральным поселением Нижнего Подонья – Северо-Восточного Приазовья, культовым, а также ремесленным центром и крупным пунктом оптовой международной торговли [Коваленко, 2024, с. 117]. Ее не могли обойти вниманием в своих трудах античные историки и географы. Вполне логично, что они именовали эту боспорскую колонию по названию реки, в устье которой и располагалась – Танаисом.

Большинство найденных предметов коропластики конца IV – первой трети III в. до н. э. было изготовлено на Боспоре: сто восемь предметов. Одна терракота была произведена в Коринфе, пять привезены из Малой Азии, одна – из Ольвии и шесть – из Херсонеса.

По морфологическим признакам предметы коропластики из Елизаветовского городища, отмытые в форме, можно разделить на несколько групп: большая протома; малая протома; полуфигура; женская объемная статуэтка, мужская объемная стату-

этка; статуэтка, изображающая животное; фигурный сосуд и рельеф. При этом подавляющее большинство предметов (59%) – протомы небольших размеров. Их широко использовали на Боспоре в домашних святилищах и в качестве вотивов в храмах. Еще одну многочисленную группу составляют женские объемные статуэтки, которые, по-видимому, также имели ритуальное значение.

Изучая иконографию терракот, мы можем сделать вывод о том, что среди найденных на Елизаветовском городище предметов, подавляющее большинство можно отнести к изображениям Деметры, богини плодородия и земледелия. Это объясняется огромной популярностью данного культа, связанной с хозяйственной деятельностью Боспора: в IV в. до н. э. он поставлял половину необходимого хлеба для Афин [Гайдукевич, 1949, с. 81].

Второй по популярности, вероятно, была Кибела, одна из главных малоазийских божеств, которая почиталась под именем Великой Матери богов или Фригийской Матери. Она считалась прародительницей всего сущего и олицетворяла мать-природу. Ее культ был широко распространен в IV-III вв. до н. э. в Малой Азии, Греции и на Боспоре. К культу Кибелы можно отнести также статуэтку Аттиса, считавшегося ее сыном и возлюбленным, богом плодородия, а также умирающей и возрождающейся природы, покровителем стад и пастбищ. Две статуэтки дароносиц, найденных вместе с Кибелой и Аттисом в эллинском святилище, подтверждают существование этого мистериального культа на Елизаветовском городище.

Еще один культ был популярен в это время на Боспоре и Елизаветовском городище, в том числе, – культ Диониса, бога виноградарства и виноделия. Известна была и его хтоническая ипостась. Это подтверждают целая статуэтка этого божества и найденный фрагмент, а также статуэтки, изображающие менад, спутниц Диониса. Фрагмент ритона, изображающий протому коня, относится также к ритуальной симпосиальной керамике, связанной с культом Диониса.

Две обнаруженные статуэтки изображают Афродиту, богиню красоты и любви. С IV в. до н. э. происходит усиление культа Афродиты Урании и Пандемос на Боспоре, строятся храмы и святилища. Многие исследователи связывают эти процессы с усилением контактов с Афинами, где существовало особое почитание этой богини. В это же время происходит и слияние ее культа с культом Диониса [Русяева, 2005, с. 304].

Найденное изображение Приапа, бога плодородия, еще раз подчеркивает особое значение земледелия для боспорян и связь с культом Афродиты. Терракотовую фигурку петуха также можно отнести к культу Афродиты, поскольку известны ее изображения с этой птицей, помимо голубя и лебедя.

Необходимо отметить небольшое количество импортных терракот. Вероятно, они представляли собой предметы роскоши. Чего нельзя сказать о терракотах боспорского производства. Их производили в Пантикапее, Фанагории, Горгиппии. Подавляющее большинство терракот (сто тринадцать предметов) можно отнести к ритуальным. Они служили вотивами в храмах и домашних святилищах. Вероятно,

остальные восемь предметов также могли иметь ритуальное значение, однако, из-за фрагментарной сохранности в настоящее время их трудно однозначно интерпретировать.

При исследовании Танаиса¹ было обнаружено двадцать четыре терракотовых предмета эллинистического времени. Также, как и на Елизаветовском городище, большинство из них было изготовлено на Боспоре: двадцать один предмет. Одна терракота была произведена в Танагре, две привезены из Малой Азии. По морфологическим признакам предметы коропластики из Танаиса можно разделить на несколько групп: малая протомы; женская объемная статуэтка, мужская объемная статуэтка; детская объемная статуэтка, маска; фигурный сосуд, рельеф и статуэтки крупных форм. При этом подавляющее большинство предметов, как и на Елизаветовском городище, – протомы небольших размеров.

Изучая иконографию терракот, мы можем сделать вывод о том, что среди найденных в Танаисе эллинистических предметов коропластики, большинство можно отнести к изображениям Деметры, богини плодородия и земледелия. Два фрагмента глиняных статуэток принадлежат Кибеле в ипостаси хранительницы города. Шесть предметов коропластики можно связать с культом Диониса: две маски этого бога, рельеф с изображением силена, курильницу в виде головы быка, объемные статуэтки с изображением спеленатого младенца и флейтиста. В правление Митридата VI Евпатора культ Диониса на Боспоре становится государственным. Вероятно, в Танаисе существовало святилище этого божества, отправлялись религиозные культы, сопровождающиеся праздничными мистериями и театрализованными представлениями.

Большинство эллинистических терракот из Танаиса (шестнадцать предметов) можно отнести к ритуальным. Они могли служить вотивами в храмах и домашних святилищах, а также использоваться при погребении. Остальные восемь предметов, по-видимому, также могли иметь ритуальное значение, однако, из-за фрагментарной сохранности в настоящее время их трудно однозначно интерпретировать.

Таким образом, при сравнении терракотовых предметов двух памятников, Елизаветовского городища и Танаиса, можно отметить, что привозная терракота из Греции и Малой Азии была редкостью. Большинство предметов изготавливалось на Боспоре, возможно, в привозных формах. В отличие от Елизаветовского городища, в Танаисе нет терракот из Ольвии и Херсонеса. При анализе амфорного материала можно увидеть преобладание в Танаисе эллинистического времени родосского импорта, поставляемого, вероятно, через Фанагорию [Шелов, 1970, с. 159]. Причем, самый ранний амфорный материал относится к третьей четверти III в. до н. э., т. е., когда Елизаветовское городище прекратило свое существование. Что касается импортных предметов рубежа IV–III вв. до н. э., найденных на Елизаветовском городище, то первенство здесь принадлежит Синопе, оттеснившей Гераклею Понтийскую на второе

¹ Здесь и далее под названием «Танаис» мы будем иметь в виду Недвиговское городище.

место. Достаточно многочисленный импорт в это время поступал и из Херсонеса Таврического, Фасоса и Колхиды [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 258]. Таким образом, говорить о преемственности торговых отношений Елизаветовского городища и Танаиса, не приходится. Вероятно, после гибели Большой греческой колонии, были разрушены многолетние торговые отношения. А после выведения боспорской колонии в район Недвиговского городища, возникают новые направления торговли. Тезис о сосуществовании этих двух городищ также, на наш взгляд, является малообоснованным. Существенные отличия в остатках материальной культуры предполагают разные группы населения, не контактирующие друг с другом.

Сравнивая терракоты по морфологическому признаку, мы можем отметить преобладание малых протом Деметры на обоих городищах, при полном отсутствии больших протом в Танаисе. Однако, более подробный и внимательный анализ протом малых форм, найденных на Елизаветовском городище и в Танаисе, позволяет сделать вывод о не единовременном их производстве. Протомы, происходящие из Елизаветовского городища, более узкие, изображают богиню с покатыми плечами и чуть наклоненной вперед головой. Похожие протомы из Танаиса более широкие, голова богини изображена прямо, на ней невысокий широкий калаф иного типа (рис.4). Безусловно, протомы Деметры Елизаветовского городища и Танаиса были изготовлены в разных формах. Глиняные формы для отминки терракот имели определенный срок действия. В настоящее время в подобных глиняных формах мастера-керамисты могут изготавливать не больше 200-250 предметов². При интенсивном использовании форм срок их действия не превышал бы двух лет. То, что протомы из двух памятников отминались в разных формах, может свидетельствовать, как о не единовременном их существовании, так и о различных мастерских, их изготовивших, и, соответственно о разных направлениях торговли этих боспорских колоний.

Три фрагмента протомы Деметры из Танаиса происходят из эллинистических слоев улицы, ямы и помещения, датирующихся широко: III – I вв. до н. э. [Арсеньева, 1974, с. 8]. Пять самых ранних протом происходят из закрытого комплекса – подвала ИО, открытого в 1998 году [Арсеньева, 2007, с. 14]. Помимо протом там были обнаружены родосская амфора середины III в. до н. э. с клеймом фабриканта Тевдора; синопская амфора с клеймом астинома Антипатра, деятельность которого относилась, по мнению В. И. Каца, к концу 50-х гг. до н. э.; две пантикапейские монеты первой половины III в. до н. э., а также необычный чернолаковый сосуд с росписью в стиле West Slope, происходящий из аттической мастерской 70-60 гг. III в. до н. э. [Егорова, Ильяшенко, 2017, с. 113]. Таким образом, самый ранний закрытый комплекс Танаиса датируется более поздним временем, чем гибель Большой греческой колонии на Елизаветовском городище. Кроме того, Деметра на Елизаветовском городище пред-

² Выражаем глубокую признательность за консультацию В. Н. Сырову, ростовскому скульптору-керамисту, члену Союза художников России и Евразийского художественного союза, преподавателю факультета дизайна Южно-Российского гуманитарного института.

ставлена не только в виде больших и малых протом, но и в качестве объемных статуэток: стоящая, задрапированная в гиматий, и сидящая с Корой-младенцем на руках. В то время, как в Танаисе найдены изображения Деметры только в виде протом.

Такие же стилистические и морфологические отличия мы можем наблюдать и в изображении богини Кибелы. И на Елизаветовском городище, и в Танаисе, она представлена в виде объемных статуэток. Однако их детали имеют существенные отличия. На большинстве статуэтках из Елизаветовского городища в качестве головного убора изображен калаф. Лишь на одной мы можем видеть башенную корону с тремя выступами треугольной формы (рис. 5). Совсем иной головной убор изображен на двух фрагментах статуэток Кибелы из Танаиса: диадема и башенная корона в виде крепостной стены и выступающих башен прямоугольной формы. Необходимо отметить, что оба танаисских предмета не имеют точной датировки: один был обнаружен в мусорных слоях на некрополе к востоку от акрополя и датируется широко III – Пвв. до н. э. [Арсеньева, 1974, с. 9]. Второй фрагмент был обнаружен в мусорных слоях под полом башни 4 северной римского времени западной оборонительной стены и датируется III в. до н. э. [Арсеньева, Ильяшенко, Наumenko, 2010, с. 130].

Предметы, связанные с дионисийским культом, из Елизаветовского городища представлены в виде объемных статуэток Диониса и менад. В то время, как в Танаисе, это маски Диониса, фигурка миста-флейтиста и фрагмент курильницы в виде быка [Суворова, 2013, с. 184], датирующиеся более поздним временем: II – I вв. до н. э. (рис. 6).

Таким образом, мы можем констатировать стилистические и морфологические отличия предметов коропластики Елизаветовского городища и Танаиса, обусловленные, по-видимому, существованием не одной, а нескольких мастерских, возможно, одновременных, использующих разные формы для изготовления терракот, а также разные источники поступления импортных товаров.

Поскольку гибель Елизаветовского городища относят к 275 г. до н. э., а самые ранние предметы из закрытых комплексов эллинистического Танаиса датируются не ранее 70-60 гг. III в. до н. э., говорить о сосуществовании его и Танаиса не представляется возможным. Точка зрения В. П. Копылова о том, что крупнейший торговый центр IV – III вв. до н. э., находившийся на месте Елизаветовского городища, мог иметь название Танаис, а после его гибели это название было перенесено на боспорскую колонию, основанную позже на месте Недвиговского городища, представляется вполне обоснованной. Это подтверждает и анализ предметов коропластики этих двух городищ. С одной стороны, отсутствие идентичных терракотовых предметов, а с другой стороны признаки преемственности эллинской культуры - преобладание на этих двух городищах ритуальных терракот боспорского производства, связанных с куклами Деметры, Кибелы и Диониса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньева Т.М.* Терракоты из Танаиса // Археология СССР. Свод археологических источников. Г 1-11. Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. М.: Наука, 1974. Ч. IV. С. 8-10.
- Арсеньева Т.М.* Некоторые итоги работ в Танаисе // Вестник Танаиса. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2007. Выпуск 2. С. 13-22.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А.* Исследования на городище Танаис в 2007 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2010. Выпуск 24. С. 129-145.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К.* Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1972 г. // Архив археологии АМЗ, КВФ 9797/7, 68 с.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 332 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л.: издательство АН СССР, 1949. 625 с.
- Егорова Т.В., Ильяшенко С.М.* Чернолаковая ойнохойя из Танаиса // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь-Керчь, 2017. С. 109-115.
- Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. № 14. С. 58-94.
- Книпович Т.Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1928 году // ИГА-ИМК. Вып. 104. 1934. С. 111-201.
- Книпович Т.Н.* Танаис. М.-Л. 1949. 179 с.
- Коваленко А.Н.* Северо-Восточное Приазовье в скифо-античное время. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. 163 с.
- Копылов В.П.* Население дельты Дона в V – IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН. 2000. С. 157-166.
- Копылов В.П.* Большая греческая колония на месте Елизаветинского городища (к проблеме двух Танаисов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2008. № 6. С. 60-64.
- Копылов В.П.* Большая греческая колония на месте Елизаветовского городища и Танаис. Проблема двух Танаисов // Novensia. 18-19. Warszawa, 2008. С. 219-232.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н.* Два Танаиса: миф или реальность? (Античная письменная традиция и археологические реалии) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 242-257.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: ИА РАН и др., 2000. 281 с.
- Русаева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. 559 с.
- Суворова Н.И.* Случайная находка у с. Синявское // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2013. Выпуск 27. С. 184-189.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 252 с.

Язовских А.Г. Предметы глиняной пластики Елизаветовского городища (по материалам РОМК) // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2009. Выпуск 10. С. 508-513.

Язовских А.Г. Терракоты Елизаветовского городища из «цитадели» Большой греческой колонии (раскопки 1967 года) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону: Ростовский областной музей краеведения, 2010. Выпуск 17. С. 79-85.

REFERENCES

- Arsenieva T.M. Terracotta from Tanais // Archaeology of the U.S.S.R. A corpus of archaeological sources. G 1-11. Terracotta figurines. Podonje and the Taman Peninsula. M.: Science, 1974. P. IV. P. 8-10.
- Arsenieva T.M. Some results of works in Tanais // Bulletin of Tanais. X. The village Nedvigovka of the Myasnikovsky District of the Rostov Region: AMR «Tanais», 2007. Issue 2. P. 13-22.
- Arsenieva T.M., Ilyashenko S.M., Naumenko S.A. Research in Tanais settlement in 2007 // Historical and archaeological research in Azov and Lower Don in 2007-2008. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2010. Issue 24. P. 129-145.
- Brashinsky I.B., Marchenko K.K. Report on the work of the South-Don expedition in 1972 // Archeological archive of AMR, FTS 9797/7, 68 p.
- Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A. Military history and military science of the Cimmerian Bosphorus (VI century B.C. – the middle III century A.D.). SPb.: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2008. 332 p.
- Gaidukevich V.F. The Bosporan Kingdom. M., L.: publishing house of USSR Academy of Sciences, 1949. 625 p.
- Egorova T.V., Ilyashenko S.M. Black-glazed oinochoe from Tanais // XVIII Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and a barbaric world in the period of antiquity and Middle Ages. Trade: roads – goods – relationship. Simferopol-Kerch, 2017. P. 109-115.
- Zavoykin A. A. A short summary on the history of Bosphorus of VI – the first quarter of III centuries B.C. // Problems of history, philology, culture. 2004. № 14. P. 58-94.
- Knipovich T.N. The experience of characteristic of the settlement near the village Elizavetovskaya in accordance with the finds of the expedition of the State academy of history of material culture in 1928 // GAIMK bulletin. Issue 104. 1934. P. 111-201.
- Knipovich T.N. Tanais. M.-L. 1949. 179 p.
- Kovalenko A.N. North-Eastern Azov region in Scythian-ancient time. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing house of the Southern Federal University, 2024. 163 p.
- Kopylov V.P. The inhabitants of the Don River delta in V – IV centuries B.C. // Scythians and Sarmatians in VII-III centuries B.C.: paleoecology, anthropology and archeology. M.: Institute of archaeology RAS. 2000. P. 157-166.
- Kopylov V.P. Large Greek colony in the place of Elizavetinskoye settlement (to the problem of two Tanais settlements) // University bulletins. North Caucasus region. Social sciences. Rostov-on-Don, 2008. № 6. P. 60-64.
- Kopylov V.P. Large Greek colony in the place of Elizavetinskoye settlement and Tanais. The problem of two Tanais settlements // Novensia. 18-19. Warszawa, 2008. P. 219-232.

- Kopylov V.P., Kovalenko A.N.* Two Tanais settlements: myth or reality? (Ancient written tradition and archaeological realities) // Black Sea region in ancient and early medieval time: collection of scientific papers dedicated to 65th anniversary of professor V.P. Kopylov. Rostov-on-Don, 2013. P. 242-257.
- Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P.* Elizavetovskoye settlement on Don. M.: IA RAS and others. 2000. 281 p.
- Rusyaeva A.S.* Religion of the Pontic Hellenes in ancient times: Myths. Sanctuaries. The cult of Olympic gods and heroes. Kiev: Publishing house «Stilos», 2005. 559 p.
- Suvorova N.I.* Accidental find near the village Sinyakovskoe // Historical and archaeological research in Azov and Lower Don in 2011. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2013. Issue 27. P. 184-189.
- Shelov D.B.* Tanais and the Lower Don in III-I centuries B.C. M.: Science, 1970. 252 p.
- Yazovskiyh A.G.* Pieces of clay pottery from Elizavetovskoye settlement (based on materials of Rostov Regional Museum of Local History) // Don antiquities. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space: materials of IV International conference dedicated to the memory of professor of MSU G.A. Fedorov-Davidov, 30 September – 3 October 2008. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2009. Issue 10. P. 508-513.
- Yazovskiyh A.G.* Terracotta of Elizavetovskoye settlement from the citadel of a large Greek colony (excavations of 1967) // Bulletin of Rostov Regional Museum of Local History. Rostov-on-Don: Rostov Regional Museum of Local History, 2010. Issue 17. P. 79-85.

Резюме

С середины XIX века в античной исторической науке ведется полемика о существовании двух боспорских колоний в дельте Дона с одним названием: «Древнего» Танаиса, находившегося на Елизаветовском городище, и «Возобновленного» Танаиса, расположенного у хутора Недвиговка. Автор этой гипотезы профессор Московского университета П. М. Леонтьев. Археологические исследования последних лет позволили сделать вывод о том, что крупнейший торговый центр IV – III вв. до н. э., находившийся на месте Елизаветовского городища, мог иметь название Танаис, а после его гибели это название было перенесено на боспорскую колонию, основанную позже на месте Недвиговского городища. Подтверждение этого вывода можно увидеть в исследованиях предметов короoplastики, обнаруженных на двух античных городищах. С одной стороны, отсутствие идентичных терракотовых предметов, а с другой стороны признаки преемственности эллинской культуры - преобладание на обоих городищах ритуальных терракот боспорского производства, связанных с культами Деметры, Кибелы и Диониса.

Ключевые слова: Боспорское царство, Елизаветовское городище, Танаис, «Древний Танаис», «Возобновленный Танаис», предметы короoplastики, Деметра, Кибела, Дионис.

Summary

Since the middle of XIX century there is controversy in ancient historical science over the existence of two Bosporan colonies in the Don River delta with one name: «Ancient» Tanais situated in Elizavetovskoye settlement and «Renewed» Tanais situated near the village Nedvigovka. The author of this hypothesis is the professor of Moscow University P.M. Leontiev. Archaeological research of recent years have led to the conclusion that the largest trading center of IV – III centuries B.C. situated in the place of Elizavetovskoye settlement could have the name Tanais, and after

its disappearance this name was transferred to the Bosporan colony based later in the place of Nedvigovskoye settlement. Confirmation of this conclusion can be seen in study of coroplastics objects found on two ancient settlements. On the one hand, the absence of identical terracotta objects, and on the other hand, signs of succession of Hellenic culture – predominance of ritual terracotta of Bosporan manufacture on two settlements, connected with the cult of Demeter, Cybele and Dionysus.

Key words: Bosporan Kingdom, Elizavetovskoye settlement, «Ancient Tanais», «Renewed Tanais», coroplastics objects, Demeter, Cybele, Dionysus.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворова Надежда Игоревна,
старший научный сотрудник.
ГБУК РО «Азовский
историко-археологический и
палеонтологический музей-заповедник
им А. А. Горбенко»,
346780, Россия, Ростовская область,
г. Азов, ул. Московская, 38/40.
w.falke@mail.ru
+79045023587.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suvorova Nadezhda Igorevna,
Senior research associate,
GBUK RO «Azov Historical,
Archaeological and Paleontological Museum-Reserve
named after A.A. Gorbenko»,
346780, Russia, Rostov region,
Azov, Moskovskaya St., 38/40.
w.falke@mail.ru
+79045023587.

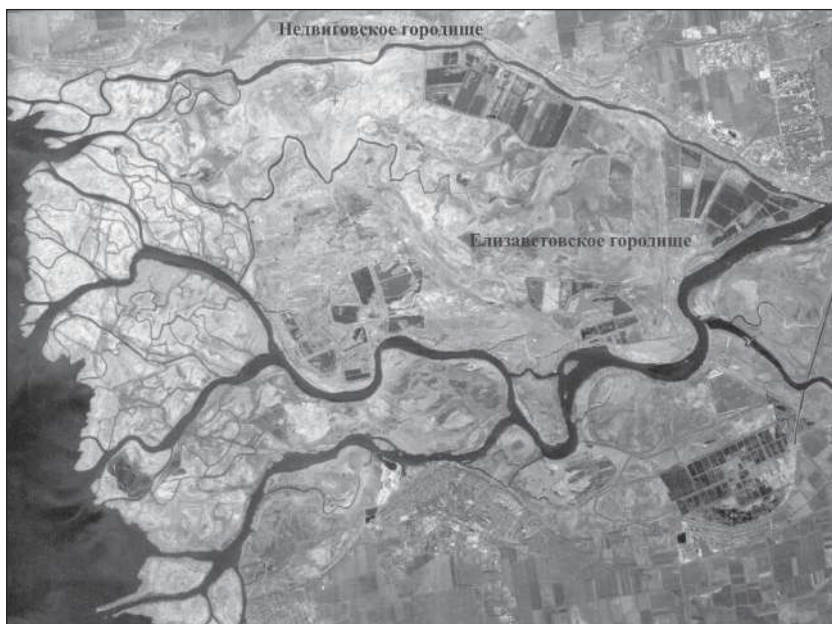

Рис. 1. Боспорские колонии в дельте Дона на месте Елизаветовского и Недвиговского городищ.

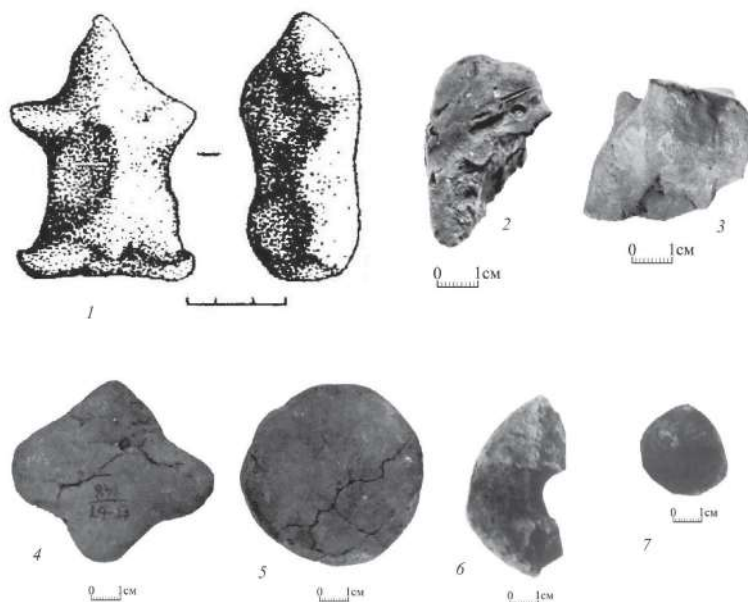

Рис. 2. Лепные статуэтки Елизаветовского городища: 1 – антропоморфная; 2 – фрагмент мужской статуэтки; 3 – фрагмент животного; 4–7 – глиняные лепешки.

Рис. 3. Терракотовые предметы Елизаветовского городища из строительного комплекса 7 начала - середины IV в. до н. э.: 1 - статуэтка сидящей богини; 2 - фрагмент ритона в виде головы коня; 3 - фрагмент женской полуфигуры.

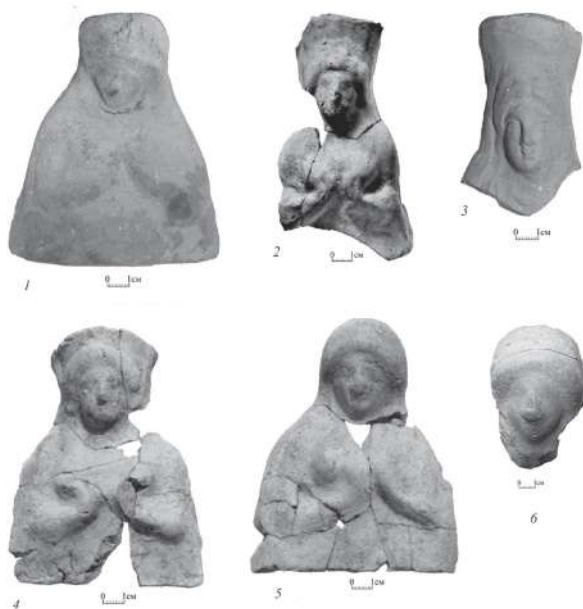

Рис. 4. Протомы Деметры: 1-3 - из Елизаветовского городища; 4-6 - из Танаиса.

Рис. 5. Статуэтки, изображающие Кибелу: 1-4 - из Елизаветовского городища; 5-6 – из Танаиса.

Рис. 6. Терракотовые предметы, относящиеся к дионисийскому культу: 1-3 - из Елизаветовского городища; 4-7 – из Танаиса.

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ
V.G. ZUBAREV, S.L. SMEKALOV

НАДО ЛИ ИСКАТЬ АНТИЧНЫЕ ДОРОГИ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ?

IS IT NECESSARY TO LOOK FOR ANCIENT ROADS ON THE KERCH PENINSULA?

Тема древних дорог на территории Боспорского царства, Крыма и, в частности, Керченского полуострова обсуждалась во многих публикациях, как других исследователей, так и авторов данной работы [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2018]. Однако, в поле зрения авторов постоянно появляется какая-то новая информация по этому вопросу, и происходит переосмысление ранее сделанных выводов.

На что мы хотим обратить внимание сейчас? Первое — определиться с понятием «дорога». Чем «дорога» отличается от «дорожки» или «тропинки». Наверное, вполне уместно привести определение дороги согласно Правилам дорожного движения: «Дорога» — обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения...».

Всаднику по дороге, наверно, тоже удобней, но он и в поле сможет проскакать, так же, как и пешеход пройти по тропинке. Т.е., это может быть и полоса, достаточная для движения телеги, условно, 2 метра шириной, и автострада по 12 автомобильных полос в каждом направлении.

В работе Я.М. Паромова [Паромов, 1998, с. 215] для Азиатской части Боспорского государства (Таманский полуостров) выделены 4 категории дорог по их значению. 1 — наиболее многочисленные дороги небольшой протяженности, соединявшие поселения с земельными наделами (связи элементарного уровня). 2 — дороги, соединявшие малые и средние по размерам поселения между собой и с большими поселениями. 3 — дороги, соединявшие большие поселения или соседние селитебные зоны. 4 — категория дорог, соединявшие города и отдельные земли Таманского полуострова, и проходящие через всю территорию полуострова (связи высшего уровня). Я.М. Паромов не выделяет номерами категории дорог, номера поставлены авторами по смыслу его работы. Последние две категории и рассматриваются Я.М. Паромовым детально. «Отображение таких дорог (категории 3, 4 по Я.М. Паромову, прим. авторов) на аэрофотоснимке представляет собой темную ленту, цвет которой обусловлен более чем двухтысячелетними накоплениями гумуса в её лощине, большей её увлажненностью по сравнению с окружающей средой и, как следствие этого, более интенсивными всходами посевов или более сильным травяным покровом» [Паромов, 1998, с. 216-217].

Для Крыма у ряда авторов также можно найти примеры разделения дорог на несколько категорий по тем или иным признакам.

С.Л. Смекалов [Смекалов, 2005, с. 11] выделяет два класса дорог. 1 — дороги, по которым проходили миграционные пути кочевого населения и дальние торговые пути, 2 — внутренние, местные дороги собственно Боспорского государства. В какой-то степени это соответствует и классификации Я.М. Паромова, с разницей, что категории 1, 2 и 3, 4 по Я.М. Паромову объединены у С.Л. Смекалова.

Д.В. Бейлин [Бейлин, 2016, с. 9] выделяет три класса античных дорог на Керченском полуострове. 1. Магистраль, связывающая центральный Крым, Пантикапей и переправы через Керченский пролив. Эта дорога проходила в районе современного шоссе Керчь-Феодосия с небольшими отклонениями к югу и северу вдоль Парпачского хребта. 2 — транспортная артерия южного направления, проходившая по южному берегу Керченского полуострова и соединявшая античную Феодосию с крупными приморскими поселениями и городами, такими как Киммерик, Китей, Акра, Нимфей. 3 — дороги северного направления, связывавшие Присивашье, Крымское Приазовье и район переправ через Керченский пролив. В.Д. Бейлин говорит фактически об основных дорогах, т. е. о дорогах 3 и 4 «по Паромову» или дорогах 1 «по Смекалову».

Кроме разделения дорог по «значимости» и типу использования, наиболее понятным является их разделение по физическим свойствам, а именно — дороги с покрытием (насыпкой, вымосткой) и без покрытия — просто как-то уплотненные полосы грунта.

Авторам представляется априорным, что ближайшие синхронные населенные пункты могли быть соединены именно такими «уплотненными полосами грунта» — дорогами категории 1 (связи элементарного уровня по Я.М. Паромову). Как найти такие «уплотненные полосы грунта» и имеет ли это значительный смысл для археологии? На настоящий момент нет достаточно полной информации о местах расположения поселений на Керченском полуострове. Число известных поселений античного и римского времени более 600 [Бейлин и др., 2014]. Однако, значительная их часть выявлена по разведкам второй половины XX в., и координаты известны с небольшой точностью, только по текстовым описаниям. Именно «поселений», которые расположены в Ленинском районе Республики Крым и г. Керчь, на государственном учете стоит не многим более полусотни [Постановление, 2017]. Авторы не принимают во внимание курганные группы и некрополи.

В базе данных, создаваемой авторами, координаты «каких-то точек» поселений на Керченском полуострове известны приблизительно для 1000 объектов. По большей части поселения выявлены также в результате разведок, без определения границ детальными шурфовками. Часть этих точек, если они расположены на расстоянии до 200–300 метров друг от друга, вероятно, может относиться к одному поселению.

Дороги «элементарного» уровня в древности, как и сейчас, могли прокладываться то в одном месте, то в другом. Пошел дождь, бывшую дорогу разбили несколько автомобилей. Следующий автомобиль объезжает разбитое место по степи.

Появилась новая дорога. То же самое можно предположить и про перемещение колесных повозок в древности. Маловероятно, что на таких дорогах можно будет найти значительное количество интересных артефактов, по которым можно дороги идентифицировать.

Теперь о специально построенных дорогах «с покрытием». Такие дороги в Крыму, конечно, существовали. Известна дорога между Хараксом и Херсонесом [Потехин, 2016, с. 36]. На Керченском полуострове были обнаружены участки позднеантичной дороги при раскопках поселения Каменка [Кислый, 1997, с. 137]. В то же время дорог «с покрытием» было, вероятно, очень мало. По мнению Е.С. Полянской: «К середине XIX в. Крым располагал примитивной транспортной системой, в основном представленной тропами и грунтовыми дорогами» [Полянская, 2016, с. 58]. «В целом, до середины XIX в. на полуострове наблюдалось наличие только грунтовых дорог... И только к 70-м гг. XIX в. появились шоссе. В обозначенный период шоссе представляли собой посыпанные щебнем грунтовые дороги...» [Полянская, 2016, с.63]. Можно, конечно, предположить, что какие-то дороги частично имели покрытие и в начале XIX в. но уже во второй половине XIX по тем же линиям прошли новые, и следы старых были уничтожены, либо погребены, и в настоящее время их исследовать уже невозможно.

Что можно сказать о линиях прохождения древних дорог на Керченском полуострове, предлагаемых разными авторами. Для примера (рис. 1, 2) приведены схемы, предлагаемые В.Г. Зубаревым [Зубарев, 2005, приложение, рис.5], А.А.Масленниковым [Масленников, 1998 с. 178, рис. 12], С.Л. Смекаловым [Зубарев, Смекалов, Ярцев. 2018, с. 116, фрагмент рис. 2]. Это именно «схемы», которые опираются на рассуждения авторов, но не на объективные координатные источники информации о дорогах и не отражают точное расположение дорог на местности. У В.Г. Зубарева и А.А. Масленникова известные, либо предполагаемые места древних поселений просто соединены линиями. С.Л. Смекалов проводит дороги по курганным цепочкам. А что мы в данной статье понимаем под «объективными координатными источниками»? Это не сведения древних авторов, а топографические карты, данные аэрофотосъемки и космической съемки.

Какую информацию о старых дорогах могут дать карты Крыма XVIII — начала XX веков? Наиболее ранняя из имеющихся у авторов карт, на которой обозначены дороги Крыма — карта Ф.О. Черного (масштаб 1:530000) [Черный, 1790; Хропов 2020, с. 108]. Первая относительно крупномасштабная и подробная карта Крыма — карта С.А. Мухина (масштаб 1:168000) [Мухин, 1817]. Эти карты еще не очень точно передают контуры Крыма. Части карт, включающие Керченский полуостров были трансформированы авторами методом марионеточной деформации в программе Фотошоп по контуру полуострова на современных картах. На карте Ф.О. Черного обозначены лишь основные дороги. На карте С.А. Мухина основные и второстепенные дороги обозначены линиями разной толщины. Наложение линий дорог по карте С.А. Мухина на карту Ф.О. Черного (рис. 3) показывает, что основная дорога

1 Керчь-Феодосия у С.А. Мухина примерно совпадает с дорогой Ф.О. Черного, а также, как будет показано далее, с главной дорогой на более поздних картах, вплоть до современных. Однако, основных дорог, которые хотя бы примерно совпадали с дорогами 2 и 3 на карте Ф.О. Черного нет ни на карте С.А. Мухина, ни на более поздних картах.

Дорожная сеть на карте С.А. Мухина на западе и на востоке Керченского полуострова представлена достаточно подробно, а в средней части полуострова второстепенных дорог почти не обозначено.

Карта С.А. Мухина, хотя и была значительным этапом картографии Крыма, но в тоже время, вызывала и серьезные нарекания. В упомянутой выше работе [Хропов, 2020, с. 110] приведены весьма нелестные отзывы о карте С.А. Мухина от директора Военно-топографического депо генерал-лейтенант Ф.Ф. Шуберта: «Карта Крыма генерал-майора Мухина составлена была им из частных рекогносцировок, глазомерных съемок и планов, в разное время и неизвестно кем и какими способами произведенных... Материалы эти как астрономические, так и геодезические, столь малонадежны, и край сей в течение последних 25 лет столь много переменялся, что неудивительно, если гравированная карта генерала Мухина не может ныне уже быть употреблена с пользою...». Вероятно, этим и объясняется отсутствие дорог в средней части Керченского полуострова на карте С.А. Мухина.

Следующие значительные топографические работы в Крыму были проведены 1836–1838 гг. под руководством Д.Д. Оберга и А.А. Бетева. По материалам этих работ были изданы карты Крыма масштаба 1:210000 [Карта, 1842] и масштаба 1:42000 [Карта, 1857] Далее в тексте для этих и более поздних карт мы будем использовать обобщенное обозначение «карта год», не уточняя год съемок для конкретного листа карты, за исключением отдельных случаев. Карты 1842 г. и 1857 г. подготовлены по результатам одних и тех же топографических съемок и дорожные сети, представленные на них схожи. На более крупномасштабной карте 1857 г. добавлено незначительное число проселочных дорог.

С уточнением на местности по более поздним рекогносцировкам была выпущена т. н. «трехверстка» - карта масштаба 1:126000 [Карта, 1876]. По отражению дорожной сети карта 1876 г. также в значительной степени совпадает с картой 1842 г. В качестве примера проведено сопоставление дорог, отображенных на картах 1842 и 1876 гг. для восточной оконечности Керченского полуострова (рис. 4).

В конце XIX – начале XX вв. по новым съемкам местности для Крыма были созданы карты масштаба 1:21000. У авторов есть лишь более известная версия этих карт в масштабе 1:42000 — т. н. «верстовка» [Карта. 1900].

На карте О.Ф. Черного все дороги обозначены одинаково — сплошной линией, параллельно которой идет линия точек. На карте С.А. Мухина имеется 3 вида обозначений: «очень жирная» линия, «жирная» линия, тонкие линии. «Очень жирной» линией выделена единственная дорога Керчь-Феодосия. На карте 1842 г. как и на карте С.А. Мухина 3 вида обозначений. Дорога Керчь-Феодосия обозначена

двойной линией, другие главные дороги — сплошной с параллельной точечной, прочие — тонкими сплошными линиями. Аналогично, и на карте 1857 г, только дорога Керчь-Феодосия обозначена «жирной» белой линией, прочие главные — двойными черными линиями, второстепенные — тонкими черными. На карта 1876 г. дорога Керчь-Феодосия обозначена «жирной» двойной линией, остальные главные дороги просто двойными, а второстепенные — одинарными черными линиями.

На карте 1900 г. явно выделена двойной линией основная дорога Керчь-Феодосия и часть дороги в пределах Керчи — Камыш Буруна (Аршинцево). Большое количество дорог, и главных, и явно не самых главных, обозначены одинарной сплошной линией, а полевые пунктирной.

Авторы пытались установить соответствие между обозначением дорог на карте 1876 г и карте 1900 г. с условными знаками 1-2-3 верстовых карт [Адрианов, 1912]. Условные обозначения для дорог разного уровня похожи. На карте 1876 г. главные дороги показаны отличающимися от проселочных дорог обозначениями, а на карте 1900 г. главные и часть проселочных, обозначены одинаково и выбирать главные пришлось проводя сопоставление с картой 1876 г.

Карта 1900 г. отображает местность практически с точностью современных карт сопоставимого масштаба. В целом, сети дорог, отраженные на карте 1876 г и карте 1900 г. схожи. Однако, они настолько густые, что пытаться сделать какие-то выводы о том, какие отображенные дороги могли соединять отдельные древние поселения весьма затруднительно. Дороги на карте 1900 г. проходят через поселения конца XIX века. Недавняя работа авторов [Зубарев, Смекалов, 2023, с. 396] показала, что, по крайней мере, восточнее Узунларского вала малые древние поселения лишь частично расположены в тех же местах, что и поселения конца XIX века. Значит, и древние дороги, соединяющие такие поселения тоже не могут в точности совпадать с дорогами конца XIX века.

Для примера (рис. 5) приведено сравнение сетей дорог по карте 1876 г и карте 1900 г. для части Керченского полуострова восточнее Узунларского вала.

Интересным представляется сопоставление расположения крупных поселений античного-римского времени в части Керченского полуострова восточнее Узунларского вала с дорогами на картах 1876 г. и 1900 гг. (рис.5). Из 7 выделенных на рисунке пунктов в части Керченского полуострова, удаленной от берега, многолетними раскопками выявлено 4 больших городища — Белинское, Артезиан, Савроматий, Илурад. Менее значительные раскопки проводились на Багерово-Северное [Винокуров, 1998, с. 25-27.] Андреевке-Южной [Сапрыкин, Масленников, 2007, с.17-18] и Огоньки-1 [Зинько, 2003, с. 205-006]. На поселении Чурубашский Маяк-2 раскопок не проводилось [Зинько, 2003, с. 214]. И тут у авторов возникают гипотезы. Каждое из 7 поселений находится на расстоянии 6-8 км до ближайшего. Огоньки-1 и Чурубашский Маяк-2 закрывают территорию восточнее Узунларского вала, не защищенную естественными рубежами. Естественные рубежи — это Узунларское и Тобечикское озера. Проход непосредственно по береговой линии

мог охраняться воинами из прибрежных поселений. Не являются ли Огоньки-1, Чурубашский Маяк-2 и Андреевка-Южная тоже крупными городищами? Эти памятники еще недостаточно изучены, но занимают по результатам проведенных исследований большую площадь.

Авторы не рассматривают дороги, проходящие по периметру Керченского полуострова. Существование такой «кольцевой» дороги, бесспорно, как и то, что она проходила, примерно там же, где и современные дороги вдоль берега. Идея дороги по периметру побережья Керченского полуострова, замыкающейся на Узунларском валу, впервые была высказана в частной беседе Я.М. Паромовым, о чем авторы уже писали [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2018, с. 104, примечание 3].

Интересным представляется «случайное» археологическое обнаружение древних дорог при открытии укрепленного прохода в Узунларском валу, получившего название «Боспорские ворота» [Супренков, 2018, с. 230-256]. По материалам раскопок мост-проезд через линию древних полевых укреплений появился при боспорском царе Савромате II и функционировал, по крайней мере, до начала XX в. Через ворота проходил почтовый тракт Керчь-Феодосия [Супренков, 2018, с. 254]. Сейчас там тоже проходит грунтовая дорога (рис. 6). На карте 1900 г. (более точно лист карты Х-28, топографическая съемка с 1 августа по 28 октября 1897 г.) через «Боспорские ворота» дорога тоже проходит, но уже не главная. Главная дорога Керчь-Феодосия совпадает с современной. Примечательно, что на карте О.Ф. Черного, где обозначены только главные дороги, линия проходит примерно 400 м севернее «Боспорских ворот». С учетом не слишком высокой точности карты О.Ф. Черного, можно почти уверенно утверждать, что дорога проходила именно через «Боспорские ворота».

После рассмотрения топографических карт возникает вопрос об аэро и космической съемке. Почему Я.М. Паромов «увидел» древние дороги на аэрофотоснимках, а авторы статьи нет? Аэрофотографии, скорее всего, у Я.М. Паромова и авторов были из архива Института археологии РАН и сделаны в 50-е годы прошлого века. В отношении полевых дорог ситуация понятная. Точные трассы постоянно менялись, как на Керченском полуострове, так и на Тамани. Я.М. Паромов малозначимых дорог и не рассматривает. Для примера (рис. 7) проведено детальное сопоставление сети полевых дорог на отдельном участке Керченского полуострова с данными различных карт аэро и космической съемки. На снимках из космоса хорошо видны современные дороги, но слишком много линейных структур, которые можно воспринимать как следы дорог, а в действительности, возможно, распахка за неделю до снимка. Частично современные полевые дороги совпадают с дорогами на старых картах, но и различий много.

В отношении главных дорог, с точки зрения авторов, определяющим фактором является рельеф местности. Рельеф Керченского полуострова представляет собой всхолмленную равнину с абсолютными высотами до 190 м [Бейлин, 2014. с. 6]. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что высоты полуострова отличаются в разных местах. По большей части береговой линии высота над уровнем моря 0-30 метров.

В срединной части полуострова — 100 и более метров (высота отдельных холмов более 150). Большая часть Таманского полуострова — равнина. Из-за сложного рельефа Керченского полуострова «главные» дороги проходили примерное по одним и тем же линиям и в античности и сейчас.

На приводимом фрагменте карты Таманского полуострова (рис. 8) по Я.М. Паромову располагались 22 крупных древних поселения, на карте масштаба 1:100000 (1988 г.) — только 10. Положение дорог существенно отличается, даже если древние поселения располагались близ современных. Древние дороги проходят, в целом, по кратчайшему расстоянию. Современные дороги могли прокладываться по каким-то другим соображениям, возможно, и оборонного значения. Поскольку рельеф равнинный, его роль не имела существенного значения. Таким образом, современные дороги не перекрывали древние и древние дороги видны на аэрофотоснимках.

Большинство главных древних дорог Керченского полуострова, скорее всего, погребено под дорогами нынешними, и культурный слой от древних дорог, вероятно, в значительной степени уничтожен строительством современных дорог. Исследования при прокладке трассы «Таврида» и модернизации дорог на Тамани привели к обнаружению многих археологических памятников...но, главным образом, памятников, расположенных близ дорог, а не древних дорог.

Специальный поиск археологическими методами древних дорог на Керченском полуострове не имеет особого смысла и физически мало возможен из-за прохождения современных дорог по тем же местам. Случайные обнаружения дорог во время раскопок, как для «Боспорских ворот», конечно, возможны. Но, в целом, археологам надо взаимно признать некие модели, опирающиеся на расположение современной дорожной сети...фантазировать можно, как угодно...

Местные дороги между небольшими поселениями могли часто менять свое положение и их археологическое обнаружение маловероятно. Для поиска таких дорог необходимо создание более точной археологической карты синхронных поселений для разных периодов античности.

Старые карты, аэро и космические снимки дают избыточно-многообразную информацию для однозначного выбора возможного расположения античных дорог.

Наиболее интересным представляется поиск следов главных дорог, обозначенных в южной части Керченского полуострова на карте О.Ф. Черного и отсутствующих на более поздних картах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианов.* Условные знаки военно-топографических карт (1, 2 и 3-х верстных) с образцами и сборными таблицами листов карт. С. Петербург. 1912:
- Бейлин Д.В., Ермолин Е.Л., Масленников А.А., Смекалов С.Л.* Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // Древности Боспора. М.-Тула. 2014. Вып. 18. С. 35-72.
- Бейлин Д.В.* К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций в первые века н.э. // Таврические студии. № 10, 2016. С. 6-12.

- Винокуров Н.И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь, 2003. – Т. IV. 320 с.
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В.* Основные дороги Европейского Боспора в римский период // Боспорские исследования. Вып. XXXVI. Керчь. 2018. С. 100-117.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л.* Сельская территория Боспора: какие населенные пункты на картах XVIII–XIX вв. совпадают с местами расположения античных поселений? // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции. СПб. 2023. С. 392-397.
- Карта, 1842.* Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. MDCCCXLII. СПб.: Военно-топографическое депо, 1842.
- Карта, 1857.* Топографическая карта полуострова Крыма со съёмки полк. Бетева 1835-1840г. Санкт-Петербург. Военно-топографическое депо. 1857]
- Карта, 1876.* Военно-топографическая карта Таврической губернии 1862–1876 гг. Масштаб 1:126000. М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1920 (переиздание).
- Карта, 1900.* Карта Таврической губернии. Масштаб 1:42000. Петроград, Военно-Топографический отдел, 1917–1920 (переиздание).
- Кислый А.Е.* Исследование поселений Каменецкого типа в восточном Крыму // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. 1997. С. 134-137.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. 304 с.
- Мухин С.А.* Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и пополненная из лучших военных съемок... СПб., 1817.
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова // Древности Боспора. М., 1998. №1. С. 216-225.
- Полянская Е.С.* Развитие транспортной системы Крыма во второй половине XIX в. - 1914 г. // Экономический журнал. 2016. № 42. С. 58-72.
- Постановление, 2017.* Постановление Совета министров Республики Крым от 24 января 2017г. № 17 «Об отнесении объектов культурного наследия к объектам культурного наследия регионального значения и выявленным объектам культурного наследия» (с изменениями и дополнениями).
- Потехин Д. В.* Харакс – римский форпост в Крыму // Таврический научный обозреватель. 2016. № 9(14). С. 35-37.
- Смекалов С.Л.* Древние антропогенные структуры Восточного Крыма: Геоинформационный и историко-картографический аспекты // автореферат, дисс. канд. ист. наук. 2005.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. – Симферополь-Керчь, 2007.
- Супренков А.А.* Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек. Древности Боспора 23. М., ИА РАН, 2018. 296 с. С. 230-256.

- Хропов А.Г.* История топографического изучения территории Крыма (ранние этапы) // Социально-естественная история. 2020. Вып. 43. М. Институт географии РАН. С. 104-116.
- Черный Ф.О.* Генеральная карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям. СПб., 1790.

REFERENCES

- Adrianov. Uslovnye znaki voenno-topograficheskikh kart (1, 2 i 3-kh verstnykh) s obraztsami i sbornymi tablitsami listov kart. S. Peterburg. 1912.
- Beilin D.V., Ermolin E.L., Maslennikov A.A., Smekalov S.L. Antichnye poseleniia Evropeiskogo Bospora ellinisticheskogo vremeni (katalog pamiatnikov) // Drevnosti Bospora. M.-Tula. 2014. Vyp. 18. S. 35-72.
- Beilin D.V. K voprosu ob osnovnykh napravleniiakh transportnykh kommunikatsii v pervye veka n.e. // Tavricheskie studii. № 10, 2016. S. 6-12.
- Vinokurov N.I. Arkheologicheskie pamiatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. M., 1998.
- Zin'ko V.N. Khora bosporskogo goroda Nimfeia // Bosporskie issledovaniia. – Simferopol'-Kerch', 2003. – T. IV. 320 s.
- Zubarev V.G. Istoricheskaiia geografiia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005. 504 s.
- Zubarev V.G., Smekalov S.L., Iartsev S.V. Osnovnye dorogi Evropeiskogo Bospora v rimskii period // Bosporskie issledovaniia. Vyp. XXXVI. Kerch'. 2018. S. 100-117.
- Zubarev V.G., Smekalov S.L. Sel'skaia territoriia Bospora: kakie naselennye punkty na kartakh XVIII–XIX vv. sovpadaiut s mestami raspolozheniia antichnykh poselenii? // Bosporskii fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb. 2023. S. 392-397.
- Karta, 1842. Topograficheskaiia karta poluostrova Kryma, sostavlena v 1/210000 doliu nastoiashchei velichiny i gravirovana pri voenno-topograficheskom depo so s"emok trigonometricheskoi gen. shtaba podpolk. Oberga, topograficheskoi gen. shtaba polkovnika Beteva. MDCCCXLII. SPb.: Voенно-topograficheskoe depo, 1842.
- Karta, 1857. Topograficheskaiia karta poluostrova Kryma so s"emki polk. Beteva 1835-1840 g. Sankt-Peterburg. Voенно-topograficheskoe depo. 1857]
- Karta, 1876. Voенно-topograficheskaiia karta Tavricheskoi gubernii 1862–1876 gg. Masshtab 1:126000. M.: Kartograficheskii otdel Korpusa voennykh topografov, 1920 (pereizdanie).
- Karta, 1900. Karta Tavricheskoi gubernii. Masshtab 1:42000. Petrograd, Voенно- Topograficheskii otdel, 1917–1920 (pereizdanie).
- Kislyi A.E. Issledovanie poselenii Kamenetskogo tipa v vostochnom Krymu // Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god. Simferopol'. 1997. S. 134-137.
- Maslennikov A.A. Ellinskaia khora na kraiu Oikumeny. M., 1998. 304 s.
- Mukhin S.A. Voennaia topograficheskaiia karta poluostrova Kryma, sostavlennaia po noveishim astronomicheskim nabliudeniiam, ispravlennaia i popolnennaia iz luchshikh voennykh s"emok... SPb., 1817.
- Paromov Ia.M. Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova // Drevnosti Bospora. M., 1998. № 1. S.216-225.
- Polianskaia E.S. Razvitie transportnoi sistemy Kryma vo vtoroi polovine XIX v. - 1914 g. // Ekonomicheskii zhurnal. 2016. № 42. S. 58-72.
- Postanovlenie, 2017. Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 24 ianvaria 2017 g. № 17 «Ob otnesenii ob"ektov kul'turnogo naslediiia k ob"ektam kul'turnogo naslediiia regional'nogo

- znachenii i vyivlennym ob'ektam kul'turnogo nasledii» (s izmeneniiami i dopolneniiami). Potekhin D. V. Kharaks – rimskii forpost v Krymu // Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'. 2016. № 9(14). С. 35-37.
- Smekalov S.L. Drevnie antropogennye struktury Vostochnogo Kryma: Geoinformatsionnyi i istoriko-kartograficheskii aspekty // avtoreferat, diss. kand. ist. nauk. 2005.
- Saprykin S.Iu., Maslennikov A.A. Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora. – Simferopol'-Kerch', 2007.
- Suprenkov A.A. Raskopki na Uzunlarskom valu v 2016 g.: khronologii i interpretatsiia osnovnykh postroek. Drevnosti Bospora 23. M., IA RAN, 2018. 296 s. S. 230-256.
- Khropov A.G. Istoriia topograficheskogo izucheniia territorii Kryma (rannie etapy) // Sotsioestvennaia istoriia. 2020. Vyp. 43. M. Institut geografii RAN. S. 104-116.
- Chernyi F.O. General'naia karta Kryma, sochinennaia po noveishim nabludeniiam. SPb., 1790.

Резюме

В статье проводится оценка перспектив археологического поиска древних дорог на Керченском полуострове. Анализируются возможности использования старых карт, данных аэро и космической съемок в сопоставлении с аналогичными работами по обнаружению древних дорог на Таманском полуострове. Основной вывод заключается в том, что в силу сложного характера рельефа Керченского полуострова, главные древние дороги проходили скорее всего, примерно, в тех же местах, что и современные. Современные дороги маскируют древние, а объективные следы древних дорог, вероятно, уничтожены строительством. В этом отличие Керченского полуострова от Таманского, где рельеф равнинный и новые дороги могли прокладываться не близ старых, а там, где это более целесообразно по современным требованиям. Существующие сейчас дороги Таманского полуострова в меньшей степени совпадают с древними. Делается вывод о нецелесообразности, в целом, проведения специальных археологических исследований по поиску древних дорог на Керченском полуострове, хотя и отмечен отдельный район, где следовало-бы провести такие исследования.

Ключевые слова: Археология, Керченский полуостров, Таманский полуостров, древние дороги, топографические карты Крыма XVIII-XX вв., аэрофотоснимки, космические снимки.

Summary

In the article evaluated the prospects for archaeological search for ancient roads on the Kerch Peninsula. It analyzes the possibilities of using old maps, aerial and space photography data in comparison with similar work on detecting ancient roads on the Taman Peninsula. The main conclusion is that due to the complex nature of the relief of the Kerch Peninsula, the main ancient roads most likely passed in approximately the same places as modern ones. Modern roads mask the ancient ones, and objective traces of ancient roads have probably been destroyed by construction. This is the difference between the Kerch Peninsula and the Taman Peninsula, where the relief is flat and new roads could be laid not near the old ones, but where it is more expedient according to modern requirements. The currently existing roads of the Taman Peninsula coincide with the ancient ones to a lesser extent. It is concluded that it is generally inexpedient to conduct special archaeological studies to search for ancient roads on the Kerch Peninsula, although a separate area is noted where such studies should be conducted.

Key words: Archaeology, Kerch Peninsula, Taman Peninsula, ancient roads, topographic maps of Crimea of the 18th-20th centuries, aerial photographs, space images.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н., профессор,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
parosta@mail.ru
+79107005455

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor G., DSc, Professor
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University »,
Russia, 300026, Tula Region, Tula,
Lenin Avenue, 125,
parosta@mail.ru
+79107005455

Смекалов Сергей Львович, к.и.н.,
старший научный сотрудник.
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
slsmek@mail.ru
+79110335490

Smekalov Sergei L., PhD,
Senior Researcher.
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University »,
Russia, 300026, Tula Region, Tula,
Lenin Avenue, 125,
slsmek@mail.ru
+79110335490

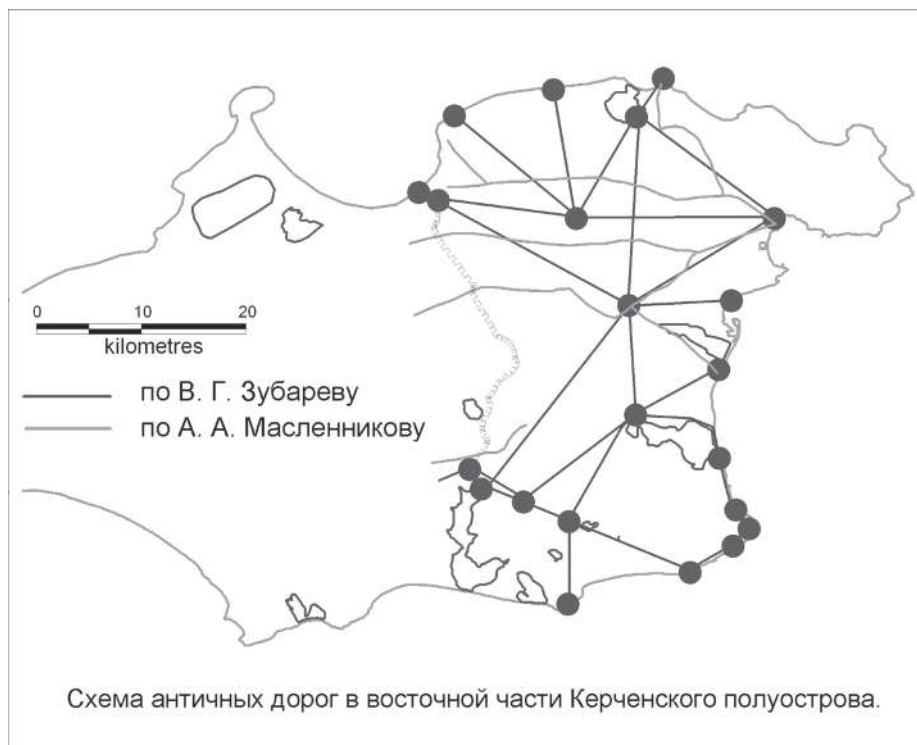

Рис. 1. Схемы древних дорог восточнее Узунларского вала, предлагаемые В.Г. Зубаревым и А.А. Масленниковым.

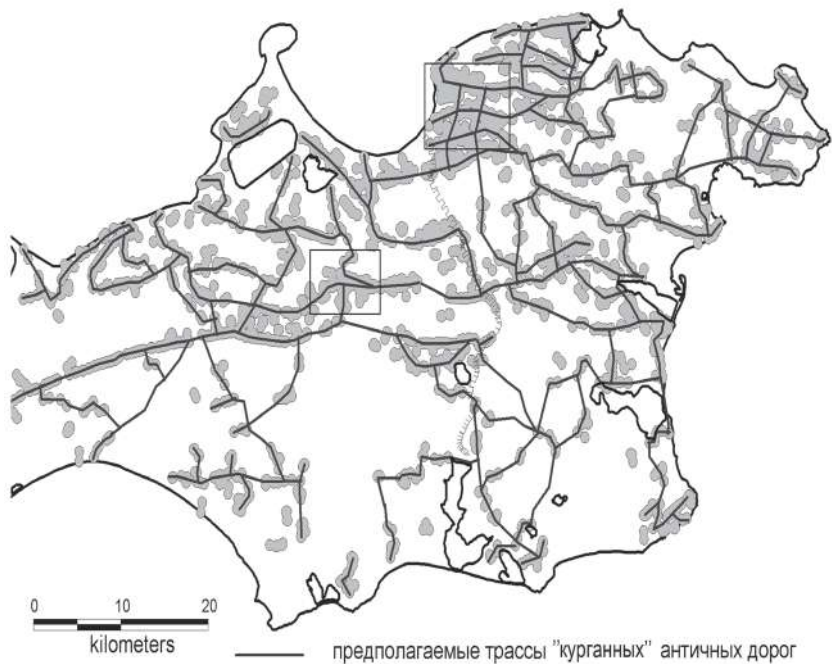

Рис. 2. Схема древних дорог, проходящих по курганным цепочкам, предлагаемая С.Л. Смекаловым.

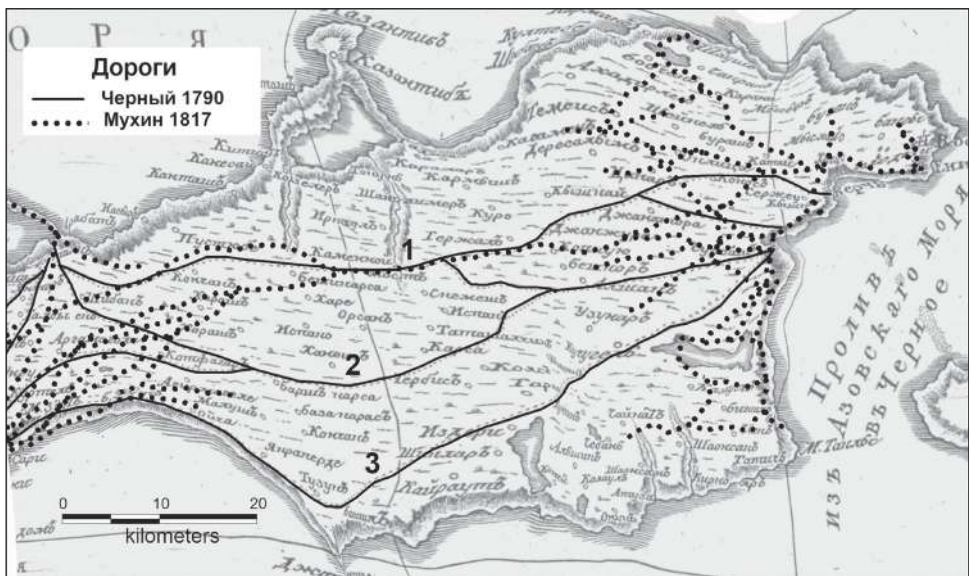

Рис. 3. Наложение дорог по карте С.А. Мухина на карту Ф.О. Черного.

Рис. 4. Дороги восточной оконечности Керченского полуострова, отмеченные на картах 1842 и 1876 гг.

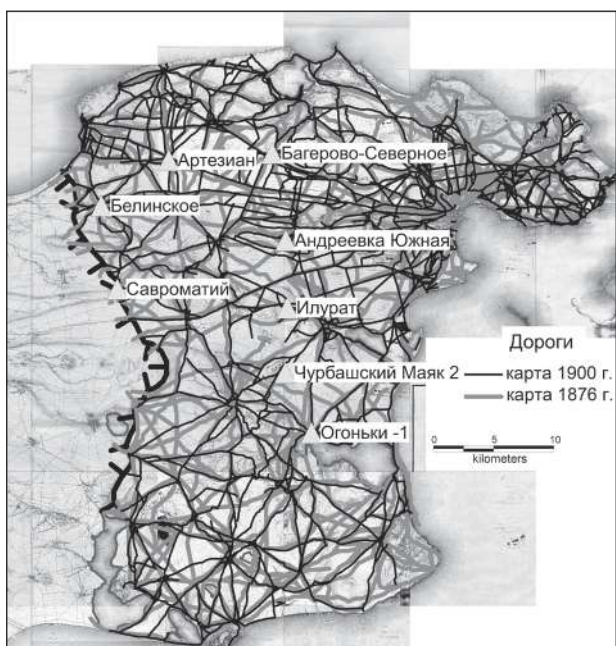

Рис. 5. Сети дороги для части Керченского полуострова восточнее Узунларского вала, отмеченные на картах 1876 и 1900 гг.

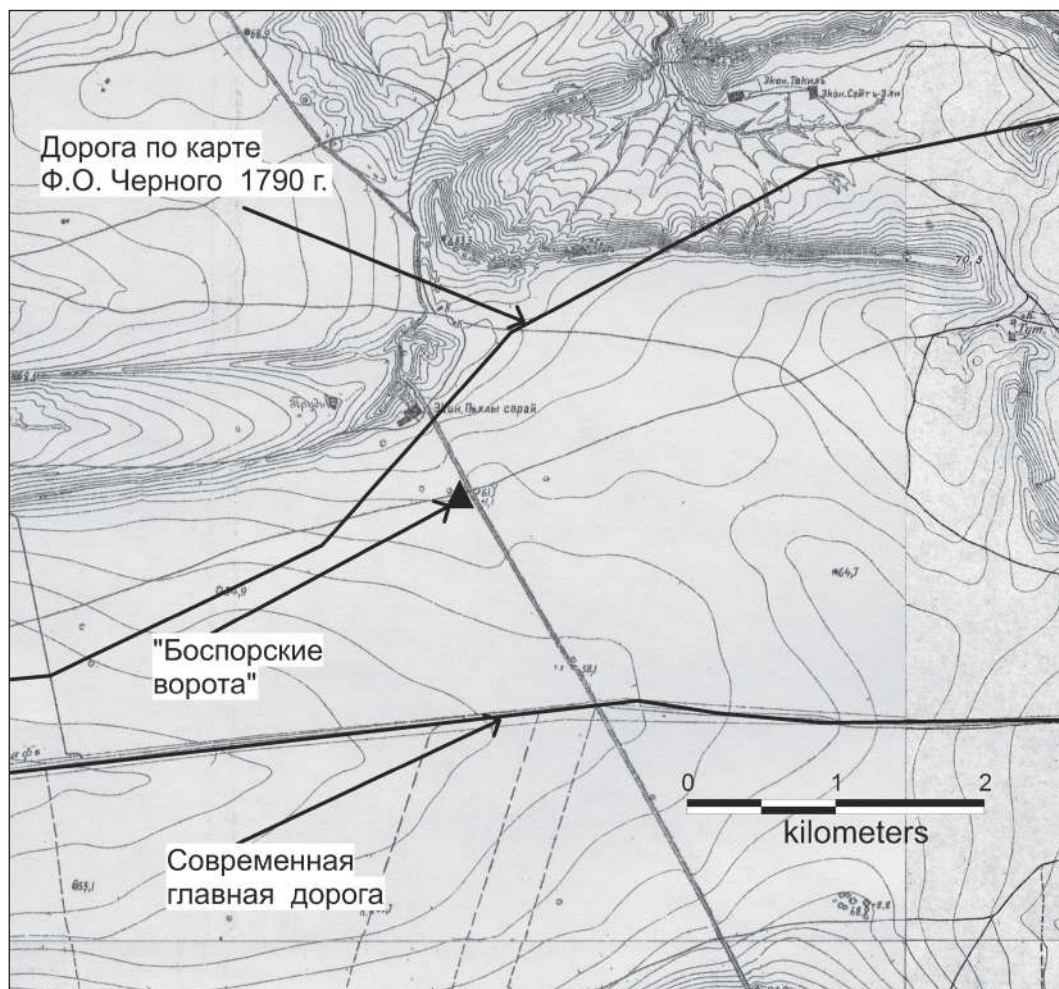

Рис. 6. Расположение дорог по различным картам в районе «Боспорских ворот».

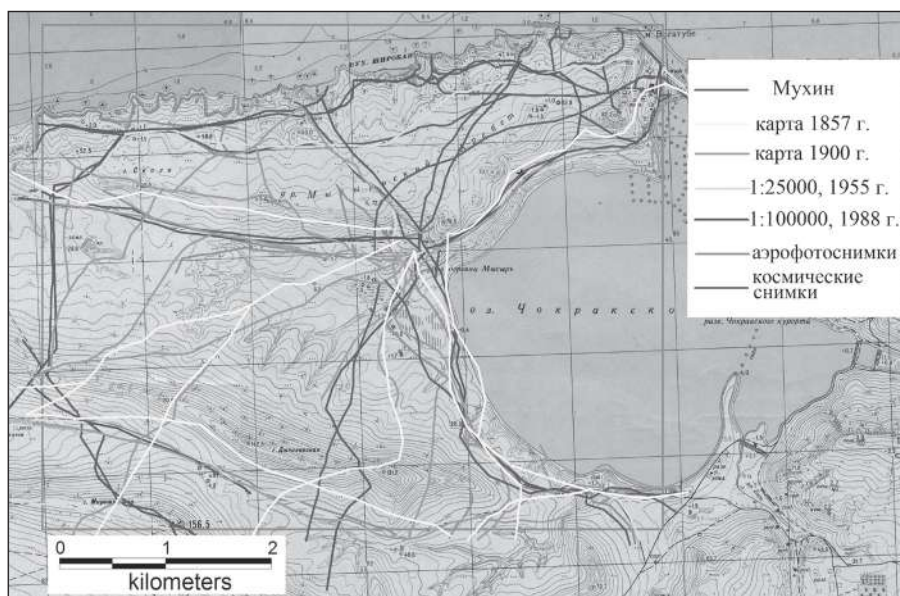

Рис. 7. Сопоставление сети полевых дорог участка Керченского полуострова в районе Чокракского озера.

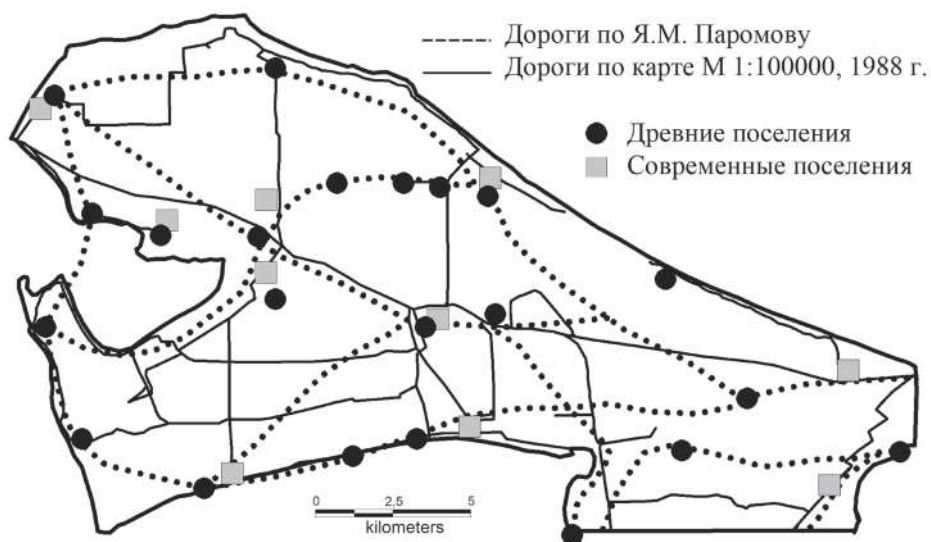

Рис. 8. Фрагмент карты Таманского полуострова, с дорогами по Я.М. Паромову и по карте масштаба 1:100000 (1988 г.).

О НАЗНАЧЕНИИ ВАРВАРСКИХ «БАЗ» РИМСКОГО ВРЕМЕНИ¹

ABOUT THE APPOINTMENT OF THE BARBARIAN «BASES» OF ROMAN TIME

«обряд тризны, характерный для погребального ритуала боспорских курганов, был присущ религиозным традициям местного населения Северного Причерноморья... Этот обряд, усвоивший много греческих черт в смысле своего внешнего оформления, что ярко выражено в погребениях Большой Близницы и Васюринском кургане, продолжал существовать вплоть до первых веков нашей эры, представляя наглядный пример культурного взаимовлияния между местным населением и боспорскими греками» [Кастанаян, 1950, с. 138].

Исследователи монументальной скифской скульптуры пришли к единому мнению о надежности использования изваяний в качестве индикатора присутствия номадов и распространения скифской культуры в целом [Белозор, 1996, с. 24; Бессонова, 2009, с. 20, 64; Ольховский, 2005, с. 11]. Подобным маркером, возможно, служил [Алексеев, 2009, с. 16-17] и другой вид каменной варварской скульптуры - т.н. «базы» или «основания-базы». Их использование отмечено В.С. Ольховским уже в VII-VI вв. до н.э., а назначение определено следующим образом: «База изваяния есть укрепляющая конструкция из одной или нескольких уложенных горизонтально каменных плит, поддерживающая изваяние в вертикальном положении» [Ольховский, 2005, с. 16]; либо так: «базы - укрепляющие элементы в виде каменной плиты со сквозным отверстием либо комбинации из нескольких плит, также образующих отверстие в центральной части конструкции. Уложенные горизонтально цельные или составные плиты-базы поддерживали изваяния, нижняя часть которых помещалась в отверстие плиты, в вертикальном положении» [Ольховский, 2005а, с. 21, 25].

Учитывая широкое распространение в Северном Причерноморье жертвенников подобной конструкции, вопрос о назначении варварских «баз» римского времени следует рассмотреть с обязательным привлечением синхронных и более ранних аналогий из курганных и грунтовых некрополей на варварской территории, территории Боспора, Херсонеса, Северо-Западного Крыма, Ольвии и ее хоры. Кроме того, несмотря на существование «баз» еще в эпоху бронзы [Ольховский, 1991, с.

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 122011200265-6) и является расширенной версией тезисов, опубликованных в сборнике XXV Боспорских чтений [Волошинов, 2024, с. 66-79].

163], существует мнение о влиянии именно греческих традиций на появление варварских алтарей подобной формы как в эллинистическое, так и в римское время. Так, И.В.Яценко, говоря об «алтарях-эсхарах»² из курганов у с. Днепровского и Белозерского могильника высказала мнение, что «греческий обычай сооружения алтарей-эсхар у могил существовал также у эллинизированного населения в районе Бугского лимана и проник к скифам-земледельцам, жившим по берегам нижнего течения Днепра» [Яценко, 1960, с. 104]. Е.А. Попова, указывая на распространенность жертвенников в эллинистическое и более позднее время в Северном Причерноморье, считает, что на их появление у варваров повлияли «греческие традиции устройства жертвенников» [Попова, 1990, с. 202]. А.Ю. Алексеев считает проблематичным появление подобных культовых конструкций у варваров для раннескифского времени [Алексеев, 2009, с. 15].

Скифские «базы» в большинстве своем представляли собой плиты аморфных в плане очертаний (рис. 1, 24, 55, 89, 99, 104, 108, 112; 2, 98, 103, 122), другие имели подпрямоугольную или округлую в плане форму (рис. 1, 16; 2, 29, 52). В центральной части плит высекалось подпрямоугольное, квадратное, трапециевидное, овальное или округлое в плане сквозное отверстие, имевшее в сечении форму квадрата, прямоугольника, либо трапеции³. Практически все отверстия [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 11, 16, 24; 17, 29; 27, 52; 29, 55; 52, 89; 58, 98, 99; 60, 104; 61, 103; 63, 108; 66, 112; 74, 122] имеют фасетированную кромку граней на лицевой, либо на обеих сторонах плиты.

При явном преобладании скифских «баз» в Причерноморье (11) и Крыму (6), на Северном Кавказе было известно только два подобных памятника скульптуры. В целом, соотношение общего количества известных скифских изваяний и девятнадцати «баз» привело В.С. Ольховского к выводу, что «почти каждое третье изваяние устанавливалось с использованием цельной или составной (из 2–3 плит) базы» [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 41; Ольховский, 2005, с. 16, 106, 108]. При этом непосредственное место находок позволяет несколько иначе взглянуть на их назначение: пять «баз» найдено на кургане, шесть – в насыпи или «грабительской воронке», одна – возле кургана, три – в кольцевом ровике, одна – в крепиде и две – в насыпи погребального сооружения [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 44, табл. 4;

² Н.П. Сорокина и О.Н. Усачева предложили именовать памятники, предназначенные для возлияний священных жидкостей на могилах термином «эсхара-хоэ», ссылаясь в качестве обоснования на то, что для возлияний «именно в честь умерших уже со времен Гомера существовал термин «хоэ» (χοή), а их отправлениями ведали «хоэфоры»». Через отверстия эсхар-хоэ могли вливаться жидкости из меда с молоком или масла, либо в чистом виде молоко, мед и вода [Сорокина, Усачева, 1997, с. 50, 54], а также вино [Котина, Симонов, 2021, с. 208]. Что же касается термина «эсхара», то он более применим к жертвенникам, на которых жертвоприношения совершались путем сожжения [Носова, 2007, с. 69-71].

³ Наличие сквозного отверстия на подобных плитах привело к тому, что археологи их именовали «мельничими камнями», «каменными точилками», «точильными плитами» [Алексеев, 2009, с. 13, 15], «каменными жерновами» и т.д.

Ольховский, 2005, с. 16, 107, табл. 2; Ольховский, 2005а, с. 2; Колтухов, 2012, с. 102]. В.С. Ольховский считал, что подобная локализация находок изваяний и «баз» говорит о первоначальной их установке на вершине кургана [Ольховский, 2005, с. 28]. Местонахождение «баз» в ровике и крепиде, указывает на своеобразное и бережное к ним отношение, и, в совокупности с особенностями морфологии, позволяет предположить иное назначение рассматриваемых предметов.

В этом отношении, показательной по своим морфологическим характеристикам является «база» из кургана у хутора Усть-Невинский (Усть-Невинка) [Соломатина, 1995, с. 105, 107, рис. 2, Б], имеющая воронкообразное сквозное отверстие (рис. 2, Б), более подходящее для жертвенных возлияний⁴. Кроме того, в работе, посвященной назначению «баз» Келермесских курганов, А.Ю. Алексеевым приведены сведения о двух каменных плитах с отверстием в центре, найденных в 1903-1904 гг. и в 1981-1995 гг. при раскопках курганов №№ 1 и 3 [Алексеев, 2009, с. 12-18; Яценко, 1960, с. 103]. Л.К. Галанина и В.Г. Петренко интерпретировали найденные памятники скульптуры как «жертвенники типа эсхаров» [Галанина, 1997, с. 72], служившие «для жертвоприношений, требовавших стока крови» [Петренко, 2006, с. 98]. Помимо Келермеса, подобные плиты найдены и в других курганах Закубанья VII–VI вв. до н.э.: в кенотафе 1-го Разменного (Костромского) кургана и в Большом Ульском кургане № 1 1898 г. (рис. 2, А). Несмотря на то, что назначение плиты из Ульского кургана также определялось исследователями в качестве алтаря или жертвенника [Яценко, 1960, с. 103], А.Ю. Алексеев высказал мнение о том, что подобные плиты являются «базами» каменных скифских антропоморфных изваяний и посчитал проблематичным использование в раннескифское время «баз» в качестве эсхар [Алексеев, 2009, с. 15]⁵.

Безусловно, первоначально назначение «баз» определить сложно, поскольку они связаны с наземным этапом погребального обряда, предусматривавшим определенный порядок действий, совершаемый с этими предметами непосредственно на древ-

⁴ Несмотря на заверения находчика, что стела найдена в насыпи кургана вставленной у «базу», ее морфологические особенности вряд ли позволили бы установить тяжелое изваяние.

Интересен и другой факт - лишь единицы скифских изваяний имеют хорошо выраженный шип для установки изваяния в «базу» [Ольховский, 1994, илл. 8, 9, 48, 83; 54, 95; 68, 115]. Нижняя часть подавляющего количества скифских изваяний заужена, либо наоборот расширяется и оканчивается подтесанной плоской гранью или криволинейной в плане поверхностью, другие имеют монолитный каменный пьедестал [Ольховский, 1994, илл. 62, 105; 74, 123; 75, 124], высота которого иногда достигала четверти всего изваяния [Белинский, Ольховский, 1996, с. 61, рис. 1]. Таким образом, можно предположить, что для установки большей части скифских изваяний баз не требовалось, они просто вкапывались в грунт.

⁵ Он указал на отсутствие на территории Закубанья находок антропоморфных изваяний при наличии находок каменных «баз», что «не согласуется со статистическими данными по Северному Причерноморью и Крыму, где базы с соответствующими им изваяниями количественно намного превосходят случаи отдельных находок баз». Акцентируя внимание на то, что, «по крайней мере, на одном из келермесских курганов, относящемся к «младшей» хронологической группе, в раннескифское время было установлено каменное изваяние», А.Ю. Алексеев предложил, таким образом, использовать находки «баз» в качестве аргумента для определения скифской принадлежности курганов Келермеса [Алексеев, 2009, с. 16, 17].

ней поверхности. Наиболее вероятно, скифские «базы» и/или жертвенники были связаны с существованием у варваров погребально-поминального ритуала. Тризна совершалась перед, во время или после сооружения насыпи курганов скифского времени⁶, либо досыпки курганов эпохи бронзы⁷.

Учитывая указанные выше условия находок скифских «баз», с особым, «бережным» к ним отношением, и морфологические характеристики некоторых памятников этого вида, можно предположить, что сквозные отверстия в «основаниях-базах» скифской скульптуры VI-III вв. до н.э. использовались не только для установки изваяний, но и для жертвенных возлияний. Таким образом, как противники, так и сторонники предположения об использовании скифских «оснований-баз» в качестве жертвенников [Алексеев, 2009, с. 12-17] абсолютно правы, учитывая двойное, в действительности, назначение памятников скульптуры этого вида⁸. При условии такого

⁶ В этой связи можно предположить, что факт находок «баз» в «грабительских воронках», возможно, является неслучайным, они вполне могли являться тризновыми ямами. Это, например, касается плиты из Большого Ульского кургана или святилища, найденной «в особой яме, вырытой возле 4-угольника, надо полагать грабителями, которые искали чего-то в материке. Три части камня лежали в беспорядке» [Алексеев, 2009, с. 16, 17]. В курганах Северо-Западного Крыма (Крыловка, Межводное, Виноградово) фиксировались объекты, которые, возможно, являлись жертвенными ямами [Колтухов, 2012, с. 103]. Так, в кургане 12 у с. Крыловка Сакского района открыто пять ям, при этом некоторые из них содержали фрагменты скифских изваяний [Колтухов, 2012, с. 60-61].

⁷ У скифов этот обряд фиксируется с архаического времени и включал трапезу, о которой свидетельствуют кости животных и фрагменты керамики. Их скопления иногда образуют жертвенные площадки, на которых фиксируются следы кострищ, им сопутствуют отдельные предметы и изредка каменные жертвенники. «При сооружении насыпи нередко устраивали погребально-поминальные трапезы, а в насыпь помещали дары (конская узда, стрелы, части повозок и т. д.)». Выполнялся, вероятно, и «ряд других археологически не фиксируемых действий, существование которых у многих древних народов подтверждают письменные данные и этнография (состязания и пр.)» [Ольховский, 1991, с. 62, 134, 154, 163, 176]. В курганах с различными типами каменных жертвенников В.С. Ольховский выделил обязательные следы тризн: обломки амфорной тары, кости животных и лошадиные черепа. Как правило, остатки трапезы находятся в непосредственной близости от жертвенников, на них или под ними. Рядом с жертвенником в кургане 14 группы Солоха находился пробитый человеческий череп. Четырежды в курганах с жертвенниками обнаруживали кострища или золу. Не исключено, что жертвенники некоторое время оставались открытыми и перекрывались насыпью в последнюю очередь [Ольховский, 1991, с. 128]. С другой стороны, наличие тризновой керамики в поверхностных горизонтах насыпей скифских курганов Северо-Западного Крыма говорит о том, что тризны могли совершаться и на их вершинах, при этом, лучше всего следы тризн сохранялись в ровиках [Колтухов, 2012, с. 117]. Именно с ровиками связана часть находок скифских «баз».

⁸ Так, в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата (V-III вв. до н.э.) поминальные обряды совершались при помощи культовых столиков и алтарей в виде квадратных известняковых блоков с четырехугольными углублениями посередине, а также, вторично использованных каменных оснований надгробий, имевших ту же форму [Панайотова, 2002, с. 5].

Использование жертвенников с отверстиями или углублениями фиксируется в курганах с эпохи бронзы [Ольховский, 1991, с. 163]. Традиция двойного использования «оснований-баз» также имеет более доскифские корни. Так, при исследовании кургана у с. Ближнее Боевое вблизи Феодосии, найдена массивная плита. В центре жертвенника прорублено прямоугольное отверстие с «обломанными» краями, а на лицевой поверхности нанесено три группы чашевидных углублений, при этом часть из них соединена желобками.

применения, плиты со сквозным отверстием в центре («базы»), т.е. по сути - эсхары-хоэ, могли использоваться самостоятельно, и, соответственно, совсем не обязательно сопровождалась установкой изваяний, как предполагалось ранее [Алексеев, 2009, с. 16]. Целесообразность использования скифских «баз» в качестве маркеров исключительно «скифской принадлежности» в настоящее время под большим вопросом, учитывая распространение эсхар-хоэ на Боспоре.

Боспорские курганы и грунтовые некрополи стали ярким примером применения плит со сквозным отверстием в качестве эсхар-хоэ⁹. Так, при исследованиях кургана Большая Близница в 1865 г. открыт жертвенник (рис. 3, 5), перекрытый плитой со сквозным округлым отверстием в центре [Ростовцев, 1913, табл. X, 1; Ростовцев, 1914, с. 12; Яценко, 1960, с. 103]. Е.Г. Кастанаян считала, что подобные жертвенники использовались при тризновых обрядах, предполагается, что через отверстие внутрь алтаря стекала кровь животных [Кастанаян, 1950, с. 125, 131, 132; Кобылина, 1984, с.222]. Из раскопок последних лет особо следует выделить эсхары-хоэ, зафиксированные при исследованиях в 2017 г. кургана «Госпитальный» в Керчи [Рукавишникова и др., 2022, рис. 23, 29, 37-41, 288-302, 306-315]. Этот комплекс является одной из лучших иллюстраций использования эсхар-хоэ в эллинистическое время. Жертвенники для возлияний с квадратными сквозными отверстиями и желобом (рис. 4-10) были установлены непосредственно на древнюю поверхность (рис. 4-9) и в двух случаях (рис. 4, 6) перекрыты каменными плитами, которые, вероятно, фиксировали/символизировали? окончание срока действия эсхар-хоэ, как культовых сооружений¹⁰. Алтари сопровождалась развалами амфор, кратера с краснофигурной

У плиты найдены кости человека, животных и птиц, а сама она, как предположил автор публикации, являлась основанием (постаментом) для установки антропоморфной стелы, датирующейся не позднее II-го тысячелетия до н.э. [Щепинский, 1973, с. 22-24, рис. 1, 3].

⁹ И.В. Яценко, по сути, выделила два типа «алтарей-эсхар» (эсхар-хоэ) в соответствии с местом находки и предполагаемым назначением. Один из них - эсхары-хоэ, связанные с обрядом тризны, открытые в полах курганов на уровне древнего горизонта (Васюринский курган, Большая Близница, курган на окраине Керчи, исследованный Веребрюсовым, курган №1 у с. Днепровского в районе побережья Днепровско-Бугского лимана). Такие жертвенники «после тризны были засыпаны при возведении насыпи курганов». Другой тип - жертвенники, составлявшие часть погребального инвентаря (Келермесский курган, курган у Ульского аула), подобно переносным алтарикам - каменным блюдам, входившим в «инвентарь погребений савроматских женщин» [Яценко, 1960, с. 103, 104]. В.С. Ольховский, говоря о скифских жертвенниках-алтарях в курганах IV—III вв. до н.э. разделяет их по конструкции на алтари-монолиты, алтари-кладки и комбинированные (монолит с кладкой); по оформлению верхней плоскости — с отверстием, с углублением, без углублений и отверстий; по плану — на подпрямоугольные и подквадратные. Он классифицировал жертвенники также по оформлению верхней плоскости независимо от размещения (на подкурганной поверхности, в ровике, вне подкурганной поверхности или в погребальном сооружении). К жертвенникам I-го типа, с отверстием (т.е. эсхарам-хоэ) В.С. Ольховский отнес только плиту из кургана у с. Днепровского [Ольховский, 1991, с. 127-129].

¹⁰ Плита, найденная у «большого кострища» кургана Большая Близница, перекрывала воронкообразное углубление «с каким-то осадком на дне». Отверстие в плите было закрыто «полукруглым камнем с вделанной в него скобой» [Ростовцев, 1914, с. 12]. Сходным образом, перекрывая отверстие, завер-

росписью, лекифов, ойнохой и были связаны с погребениями IV в. до н.э. в каменных ящиках [Рукавишникова и др., 2018, с. 158; Рукавишникова и др., 2022, с. 47-49, рис. 38, 39, 41, 289-291, 296-302, 306-315, 479].

Обряд тризны засвидетельствован не только на больших боспорских курганах, где «алтари-эсары совершенно определенно связаны с обрядом пышной тризны по погребенному с кровавыми жертвоприношениями» [Яценко, 1960, с. 103], но и в более скромных, рядовых курганах. В 1880 г. на окраине Керчи, под курганной насыпью II в. н.э. [Яценко, 1960, с. 103] обнаружена квадратная в плане, со сквозным четырёхугольным отверстием в центральной части плита, прикрывавшая верхнюю часть амфоры, вкопанной горлом в грунт. По мнению Е.Г. Кастанаян, плита, покрывавшая амфору, исполняла роль эсары, а перевернутая амфора - ботроса [Кастанаян, 1950, с. 130]. «Большие плоские камни со сквозными круглыми отверстиями диаметром 0,25-0,32 м» найдены на древней поверхности в центре каменных колец (IV в. до н.э.?) в районе с. Золотое [Масленников, Бердникова, 1977, с. 332-333]. Эсары-хоэ IV-III вв. до н.э. с отверстиями, закрытыми индивидуально подогнанными каменными пирамидальными пробками найдены в некрополе Фанагории и кургане в пос. Черноморское ([https://тамань-музей.рф/алтари и жертвенники античного времени из коллекции Таманского археологического музея | Таманский Музейный Комплекс](https://тамань-музей.рф/алтари%20и%20жертвенники%20античного%20времени%20из%20коллекции%20Таманского%20археологического%20музея%20|%20Таманский%20Музейный%20Комплекс)), а также кургане у хутора Роза Люксембург, исследованного в 2015 г., где открыт комплекс № 3 - алтарь, состоявший из двух эсар-хоэ и жертвенник в виде плиты с углублением (рис. 11, 12) [Рукавишникова и др., 2016, с. 366, рис. 5, 4]¹¹. Эсара-хоэ происходит также из кургана V-III вв. до н.э. у с. Днепровского Очаковского р-на Николаевской области [Яценко, 1960, с. 99-104, рис. 1, 2].

Находки эсар-хоэ известны и на грунтовых некрополях античных городов

шлось окончание срока действия другого вида жертвенников, зафиксированных на Боспоре. Они состояли из вертикально вкопанных горловин амфор, плотно запечатанных обломками амфорных ножек [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 60-67, рис. 6-9; Котина, Симонов, 2021, с. 205-212, рис.1-4]. Вероятно, с целью жертвенных возлияний, использовано горло амфоры, найденное над плитами перекрытия м. № 114 к.2 могильника Александровские скалы, датирующей I в. н.э. Горловина была перекрыта небольшой (30 x 45 см) известняковой плиткой [Рукавишникова, 2022а, рис. 2268, 2269, 2274, 2275]. Подобный тип жертвенников, из вкопанных горл амфор характерен и на варварских памятниках, например, на городище Чайка [Попова, 1990, с. 196-202]. Под полом мегарона на Неаполе Скифском открыт жертвенник, сооруженный из амфоры, установленной вертикально [Зайцев, 1997, с. 47]. «Ее горло было запечатано деревянной пробкой, а ножка аккуратно отбита. Образовавшееся отверстие примыкало к скале, и вино, постепенно стекая, уходило в землю. Это была жертва не только божеству (Дионису?), но и умершему обожественному династу, что в принципе соотносится с греческими представлениями о заупокойном культе. Таким образом, эллинизированные обитатели дворца приносили жертвы и совершали возлияния душам умерших предков, почитаемым в качестве хтонических божеств». Подобные алтари, как предполагается, связаны с хтоническими культами, используя для стока жертвенной крови и совершения других возлияний в землю [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 67, 83].

¹¹ Приношу благодарность с.н.с. отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН, к.и.н. И.В. Рукавишниковой, любезно предоставившей неопубликованные материалы своих работ на кургане у хутора Роза Люксембург и кургане Госпитальном.

Северного Причерноморья. Так, например, в IV-I вв. до н.э. на некрополях Кеп и Танаиса антропоморфные надгробия, целые эсхары-хоэ, трапедзы и их обломки помещались в конструкции погребальных сооружений [Беспалый, 2023, т.2, табл. 142, 1; табл. 261, 3; табл. 346, 6, 7]¹². Происходило это, как предполагается, по завершении какой-то части или всех ритуалов, и только после этого погребальная яма засыпалась грунтом. Эсхары-хоэ и столики-трапедзы различной сохранности, которых с кепского некрополя известно более четырех десятков, открыты при могилах с разным обрядом погребения, а также при тризнах [Сорокина, Усачева, 1997, с. 50, 53, 54, 57]¹³. Подобные предметы происходят из объектов 7, 25, 33 некрополя Танаиса [Беспалый, 2023. т.1, с. 409, 410; т.2. табл. 464, 3; 470, 3; 471, 2-4; 472, 1-5; 486, 3; 511, 1, 5]. Вероятно, в качестве эсхары-хоэ использовалась плита с фронтом из раскопок в 1997 г. склепа № 634 Усть-Альминского некрополя. Над погребальной камерой зафиксированы остатки каменной конструкции в виде вымостки и бутовых развалов, служивших, вероятно, основанием для горизонтальной установленной плиты [Волошинов, 2001, с. 151, рис. 3, 1].

На Боспоре известны также эсхары-хоэ в виде плит с подпрямоугольным в плане сквозным отверстием в центральной части, изготовленные из вторично использованных надгробий. Это, например, плита IV в. до н.э. с именами Артиноя, Никефора и Хабрия (рис. 3, 4), найденная в 1901 г. в Керчи, у южной подошвы г. Митридат, «над четырехугольной ямой, в которой оказались жженный остов и разбитая ваза» (кремация, ботрос?) [КБН, 1965, с. 157; CIRB 169]. Вторая плита (рис. 3, 3) - надгробие с эпитафией от имени Стораны, жены Ада, датируемое издателями КБН между 343-353 гг. н.э. [Соломоник, 1959, с. 83, №37; КБН, 1965, с. 428, 429; CIRB 744]. Переиспользование этого надгробия в качестве эсхары-хоэ, вероятно, связано с варварами, поскольку боковая грань плиты украшена грубо вырезанной головой быка и тамгой, что характерно для ряда жертвенных плит с т.н. сарматскими знаками [Волошинов, 2024, с. 70; 2024а, с. 90, 94].

Известны находки эсхар-хоэ и на боспорских городищах. Так, на городище Артезиан зафиксирован позднеантичный жертвенник, представлявший прямоугольный блок с вертикальным отверстием для стока в землю [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 67].

Находки варварских «оснований-баз» римского времени (рис. 3, 1; 13-16.) происходят с территории городищ и грунтовых некрополей Юго-Западного и Центрального Крыма. Подавляющая часть этих памятников скульптуры оказалась смещенной со своего первоначального места еще в древности, зачастую они были повреждены и разбиты на фрагменты. К сожалению, полностью задокументированы не все плиты,

¹² Подобным образом, в качестве строительного материала в конструкции погребальных сооружений использовались жертвенники и антропоморфные надгробия на некрополе Ольвии [Папанова, 2006, с. 107].

¹³ См. также <https://catalog.shm.ru/cross-search?query=%D1%8D%D1%81%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0>

известно о 24-х «базах», тринадцать из них (рис. 13, 43, 44, 46-49, 55; 14, 45, 50-54) найдено на некрополе Киль-Дере-1 [Язиков и др., 2023, с. 15-18, 79-93, рис. 5], городище Кермен-Кыр [Дашевская, 1957, с. 115, 116, рис. 46, 2], могильниках Суворово, Вишневое (рис. 13, А), Краснозорье (рис. 14, А) [Пуздровский и др., 1995, рис. 23; Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 33; Волошинов, 2001, с. 153], Озерное-II/Скалистое-III [Баранов, Гарбуз, 2013, с. 178, рис. 2] (рис. 3, 1), Заветное [Богданова, 1964, с. 10, табл. 25, рис. 2; Богданова, 1989, с. 60], Танковое [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 328, рис. 4, 2]. Одна «база» является случайной находкой на варварском Булганакском городище [Храпунов, 1991, с. 21, рис. 60]. Плита со сквозным круглым отверстием входила и состав жертвенника 5-го типа (I в. до н.э.-I в. н.э.) на городище Чайка [Попова, 1990, с. 197, 199, рис. 1, 3]. Интересным является факт полного отсутствия «оснований-баз» на территории нескольких, достаточно хорошо изученных варварских некрополей римского времени (Усть-Альма, Дружное, Опушки и т.д.).

«Основания-базы» римского времени представляют собой, как правило, подпрямоугольные и подтрапецевидные в плане каменные плиты со сквозным прямоугольным или овальным в плане отверстием в центре. Стенки таких отверстий вертикальные или покатые, они имеют фасетированные кромки граней как с лицевой, так и с тыльной стороны плит. На лицевой плоскости четырех «баз» из некрополей Суворово, Танковое, Краснозорье (рис. 4, А) и Киль-Дере 1 (рис. 3, 55)¹⁴ вместо сквозного отверстия высечены неглубокие прямоугольные пазы.

До недавнего времени предполагалось, что «базы» выполняли роль своего рода постаментов [Волошинов, 2008, с. 62]. После археологических раскопок некрополя Киль-Дере 1, в результате которых найдено тринадцать «оснований-баз» и их фрагментов (рис. 13, 43, 44, 46-49, 55; 14, 45, 50-54) [Язиков и др., 2023, с. 15-18], эти представления изменились. Наличие на лицевой плоскости плит чашевидных углублений и стоков позволяет говорить об использовании «баз» в качестве алтарей или жертвенников, т.е. как своеобразных эсхар-хоэ.

Основным конструктивным элементом и признаком варварских «оснований-баз» являлось сквозное отверстие, игравшее двоякую роль. С одной стороны, оно предназначалось для фиксации изваяния в вертикальном положении и есть примеры (рис. 13, 46; 14, 54; 3, 1), когда над пазом вырубалось два коротких и неглубоких прямоугольных плечика, на которые, вероятно, опирался нижний край вертикально устанавливаемого изваяния. С другой стороны, сквозное отверстие использовалось для жертвенных возлияний, для чего, вероятно, в отдельных случаях стенки сквозного паза сделаны намеренно покатыми (рис. 13, 43). Через отверстия, по аналогии с греческим обрядом, вливались, вероятно, жидкости из меда с молоком или масла, либо

¹⁴ Подобные прямоугольные пазы, предназначенные для установки надгробий, известны, например, в херсонесской скульптуре [Posamentir, 2011, No. B34], встречаясь также в границах херсонесской хоры [Дашевская, Голенцов, 1982, с. 92, рис. 4, 6, 7; Stolba, Rogov, 2012, pl. 57, Ga 15, 16].

в чистом виде молоко, мед и вода [Сорокина, Усачева, 1997, с. 50, 54]. Сами плиты с отверстиями, при этом, устанавливались непосредственно на грунт, о чем говорит неровная нижняя плоскость плит и неравномерная толщина отдельных из них. Тыльная (нижняя) сторона зачатую подтесывалась грубо или сохраняла природную поверхность камня, что, по-видимому, обусловлено необходимостью надежной фиксации в грунте. В отдельных случаях (рис. 14, 52), с целью компенсации неровности склона, разным сторонам плиты придавалась необходимая для горизонтальной установки толщина, а для лучшей устойчивости базы, на тыльной ее стороне делались подрубки (рис. 13, 44).

Важными элементами варварских эсхар-хоэ являются стоки и чашевидные жертвенные углубления, зафиксированные только на «базах» из могильника Киль-Дере 1. Чашевидные углубления до 10 см диаметром или длиной высечены вдоль длинной грани лицевой, обзорной стороны плиты. Они имеют округлые или овальные в плане очертания и полусферическое (рис. 13, 46, 49; 14, 45, 52; 16, 1, 4-6), подтрапцевидное (рис. 13, 43; 15, 1; 16, 2) или подпрямоугольное (рис. 14, 51) сечение. В одном случае такая лунка окаймлена рельефным ободком (рис. 14, 52; 16, 6), в другом (рис. 13, 49; 16, 4) сделана имитация ободка с помощью округлой в плане врезной линии. Поверхность чашевидных углублений всегда обрабатывалась таким образом, чтобы дно оставалось шероховатым даже в том случае, когда стенки лунки более или менее тщательно отшлифовывались (рис. 14, 45; 16, 1, 4-6). Возможно, это делалось с целью использования dna чашевидного углубления для измельчения или растирания какого-то ингредиента, либо для лучшей гигроскопичности поверхности или устойчивости помещаемого предмета.

На некоторых «базах» (рис. 13, 49; 14, 45; 16, 1, 4) из Киль-Дере 1 высечены неглубокие канавки-стоки, направленные от чашевидных углублений к сквозному отверстию. Присутствие подобных стоков дает возможность предположить, что обряд предусматривал:

а) заполнение чашевидных углублений жидкостью, и, при необходимости, их смешивание, для чего лунки соединялись между собой дополнительными канавками (рис. 14, 52; 16, 6);

б) орошение поверхности вертикально стоящего памятника через сквозное отверстие с последующим уходом жидкости в землю. Не исключен и другой вариант: сначала происходило жертвенное возлияние через сквозное отверстие, а уже потом устанавливалось изваяние. На «базе» 44 из могильника Киль-Дере 1, для выполнения жертвенных возлияний высечена округлая выемка в длинной стороне центрального отверстия (рис. 13, 44), на «базе» 51 – сквозное отверстие в боковой грани (рис. 14, 51).

Жертвенные лунки известны на варварских изваяниях римского времени: на плите из Неаполя Скифского [Ачкинази, Пуздровский, 1994, с. 253–257], рельефах и стелах римского времени из Предущельного и Заветного [Волошинов, 2012, с. 38; Волошинов, 2015, с. 254], изваяниях из Киль-Дере 1 № 6, 14, 28, 40, 56, 61 [Языков

и др., 2023, с. 19]. Аналогичные небольшие чашевидные углубления и вырубki для жертвенных возлияний встречены на ольвийских львах [Соломоник, 1959, с. 96, 97, рис. 41–42ж]. Близкие аналогии подобных лунок обнаруживаются на алтарях V–III вв. до н.э. из некрополя Ольвии, которые используются вторично и в IV–III вв. до н.э., и римское время в закладах могил и склепов, в крепидях курганов [Папанова, 2004, с. 190, рис. 1–3; Папанова, 2006, с. 151, рис. 68–74]¹⁵. Одиночные углубления со стоками-желобками характерны для V–III до н.э. и известны по алтарям некрополей Калос-Лимена [Кутайсов, 2011, рис. 141], Панское I в Северо-Западном Крыму [Stolba, Rogov, 2012, p. 310, plate 58–62], некрополя Кошары на западной границе Ольвийской хоры [Редина, 2007, с. 98]. Парные углубления известны по находкам ольвийских алтарей первого типа [Папанова, 2006, рис. 68, 69, 72]. Как предполагается, в подобные углубления устанавливались чаши, а канавки служили стоками жидкости из чаш [Папанова, 2006, с. 147, рис. 67–72]¹⁶. Однако на алтарях из Панского и Ольвии жидкость стекала на землю по канавкам, направленным к наружной стороне алтарей, а на базах из некрополя Киль-Дере 1 стоки-канавки направлены к сквозному отверстию. Вследствие этого, жидкость сначала попадала на стелу, и только потом стекала в землю. Эта особенность позволяет считать наиболее близкими по сути обряда к «основаниям-базам» Киль-Дере 1 составные алтари-надгробия, найденные в закладе могилы № 194 в некрополе Кошары [Редина, 2007, с. 98; Papuci-Władyka, Redina, 2011, p. 294, fig. 16]. Они также имели базу с чашей-углублением и стоком, а в прямоугольный паз, была вставлена антропоморфная стела (рис. 3, 2). По аналогии с алтарями из Панского, наличие на одном основании-базе сразу двух жертвенных лунок, может объясняться двойным или тройным возлиянием умершим (τρίστονδαι χοαί, из меда, молока и вина) [Stolba, Rogov, 2012, p. 310].

Таким образом, ближайшие северо-причерноморские аналогии позволяют предположить, что жертвенные углубления варварских «оснований-баз» римского времени наполнялись жидкостью для совершения возлияний, а их поверхность могла использоваться также для приношений в виде молока, а также хлеба и плодов, оставляемых после совершения тризны или возлияний [Папанова, 2006, с. 151; Сорокина, Усачева, 1997, с. 54]. Конструктивные особенности некоторых варварских «оснований-баз» позволяют утверждать, что подобные плиты являлись не просто

¹⁵ Подобное использование алтарей говорит в пользу того, что они могли выполнять функции обегов-апотропеев (Папанова, 2006, с. 151–157; Сорокина, Усачева, 1997, с. 54, 57). Не исключено, что использование алтарей в некрополе Ольвии возрождается в первые века н.э., о чем, по мнению автора, говорит алтарь II в. н.э., найденный в дромосе Зевсова кургана [Папанова, 2004, с. 190].

¹⁶ Если бы не сквозное отверстие оснований-баз Киль-Дере 1, то большинство из них можно было бы отнести к первому варианту ольвийских алтарей - известняковым или мраморным жертвенникам-столам. На лицевой стороне таких плит высечено от одного до трех прямоугольных или чашеобразных углублений, которые напоминают внутреннюю часть чаши-фиалы, используемой в культовых целях, а также специальные борозды для стоков жидкости из чаш. Из чаш жидкость вытекала на землю по стокам, имевшим в разрезе треугольное сечение [Папанова, 2006, с. 147, с. 67–72].

основанием для вертикальной установки изваяний, но и использовались для выполнения наземных ритуалов, в качестве своеобразного алтаря, где приносились жертвы в честь умерших. О выполнении этих особых функций и установки таких плит на древней поверхности с возможностью кругового обзора, говорит не только наличие чашеподобных углублений, отверстий и стоков, но и тщательность обработки лицевой поверхности (рис. 13, 46, 49; 14, 45, 54), а также, подчас, достаточно строгая геометрия плит, не свойственная скифским «базам» VII–III вв. до н.э. В целом, наличие чашевидных жертвенных лунок и шлифовка лицевой поверхности «оснований-баз» указывают на инокультурное (греческое?) влияние на внешний вид варварских жертвенников¹⁷.

«Основания-базы» римского времени, таким образом, рассчитаны на внешнее обозрение. Это подтверждается не только подтеской и шлифовкой внешних граней, но и положением одной из баз, зафиксированной *in situ* над могилой № 6 некрополя Киль-Дере 1 (рис. 13, 46; 15, 4, 5) [Язиков и др., 2023, с. 82, 83, рис. 55, илл.118]. В случае использования «оснований-баз» в качестве постаментов для изваяний, для основного обзора предусматривалась длинная сторона с одним или двумя чашевидными углублениями. На это указывают особенности расположения подобных углублений на «основаниях-базах», наличие стоков и более тщательный характер обработки этой части плиты (рис. 13, 46). Сочетание оснований-баз, рельефов и антропоморфных стел с изображением лиц, как на могильнике Киль-Дере 1, позволяет предположить, что в таком соединении создавался дополнительный акцент на персонаже, придавая общей композиции некий сакральный характер. Учитывая, тот факт, что и на самих вертикально стоящих антропоморфных стелах и рельефах основной акцент был сфокусирован на лицах, композиционная роль подобных постаментов могла быть велика. Пропорции «оснований-баз» и высеченные на их лицевой стороне чашевидные углубления со стоками, еще более акцентировали внимание зрителя на изображении лица, выделяя его из окружающего пространства.

Причины преднамеренного разрушения и повреждения «баз» римского времени (рис. 15, 1–3) неизвестны. Большая их часть расколота в древности и вторично использована в конструкции могил, отдельные обнаружены на древней поверхности, либо в заполнении современных грабительских шурфов, и лишь одна найдена *in situ*, к югу от входной ямы ограбленной подбойной могилы №6 некрополя Киль-Дере 1 (рис. 13, 46; 15, 4, 5)¹⁸.

Можно предположить, что повреждение «баз» происходило в процессе каких-то ритуальных действий, в ходе которых на поверхности таких памятников что-то

¹⁷ Так, например, шлифовке подвергались базы в Херсонесе [Колесникова, 1986, рис. 5, 2а; Posamentir, 2011, р. 328–335, по. BA1–16]. Вместе с тем, варварские «основания-базы» первых вв. н.э. менее всего напоминают херсонесские, не имеющие сквозного отверстия.

¹⁸ Благодарю автора раскопок, м.н.с. отдела сохранения археологического наследия ИА РАН С.В. Язикова, любезно предоставившего неопубликованные снимки этой базы.

рубили и резали [Язиков и др., 2023, с. 21]. Следы преднамеренного повреждения в виде ударов инструментами с шириной лезвия от 2,5 до 7 см имеют лицевые и тыльные поверхности «оснований-баз» римского времени (рис. 13, 43, 44, 46, 48, 49; 14, 45, 50, 51, 52, 54; 16, 1-3). Кроме того, на лицевой стороне одной из «баз» некрополя Киль-Дере 1 (рис. 13, 49; 15, 3) зафиксировано два воронкообразных углубления диаметром 1-2 см с засверленной центральной частью, от одной из них ведет сток в виде врезной криволинейной линии [Язиков и др., 2023, с. 85, 86, рис. 58].

Другим видом эсхар-хоэ на варварских некрополях римского времени служили плиты без следов подтески, с небольшими, иногда миниатюрными сквозными воронкообразными, либо прямоугольными отверстиями. Такие памятники использованы в конструкции могилы № 4 некрополя Скалистое III [Баранов, Гарбуз, 2012, с. 22, рис. 124–126; 134.1], могил III – начала IV в. н.э. № 6 и 10 из некрополя Фронтное 3 [Свиридов, Язиков, 2023, с. 25, 26, 32, 33, рис. 39: 2; 53: 4] и могилы № 92 некрополя Киль-Дере 1 [Язиков и др., 2023, с. 98, рис. 6: 60; 69, илл. 150]. Плита первых вв. н.э. с миниатюрным отверстием найдена и в заполнении ямы №15 Булганакского городища [Храпунов, 1991, с. 11, рис. 35, 5]. Подобные эсхары-хоэ известны и на Боспоре. Так, небольшое, прямоугольное в плане сквозное отверстие было зафиксировано в одной из плит перекрытия могилы № 108 кургана 2 могильника Александровские скалы, датирующейся, наиболее вероятно, I-II вв. н.э. [Рукавишникова, 2022а, рис. 2201, 2202; Румянцева и др., 2023, с. 265, 269, 273]. Плиты с небольшими округлыми или подквадратными сквозными отверстиями найдены в составе заклада эллинистического погребения № 507 некрополя Танаиса, и объекта 60, где плита с отверстием перекрывала горло родосской амфоры и входила в состав жертвенно-поминального комплекса эллинистического времени, а также на площади 7 [Беспалый, 2023, т. 1, с.265, 423, 424, 440; т.2, табл. 297, 4; 483, 2; 505, 6; 511, 7].

Еще одним видом варварских эсхар-хоэ, вероятно, являлись жертвенные камни, сохранившие природную поверхность, а также вторично использованные фрагменты памятников скульптуры [Язиков и др., 2023, с. 18, 19, 94, 95, рис. 6, 56, 57; 65, 66, илл. 142, 144]. Подобные эсхары-хоэ объединяет наличие сквозных отверстий. Можно предположить, что в качестве жертвенных плит на варварских некрополях римского времени применялись и каменные давилки, задействованные в конструкциях погребальных сооружений [Волошинов, 2023, с. 26-34, илл. на с. 207-209]. Использование в этот период на варварских грунтовых некрополях эсхар-хоэ, вероятно, связано с существованием обряда тризны, зафиксированном на множестве варварских могильников римского времени, например, Усть-Альминском [Высотская, 1994, с. 71; Пуздровский, 2007, с. 40, 58, 59, 82; Труфанов, 2019, с. 75], Нейзацком [Храпунов, 2011, с. 22], Заветнинском, Бельбек I, Бельбек III, Скалистое III [Богданова, 1982, с.38; Богданова, 1989, с. 21-25, 31, 32; Пуздровский, 2007, с. 39], Бельбек IV [Гущина, Журавлев, 2016, с. 15, 17, 18, 195], Дружное, Опушки, Совхоз-10 [Чарусов, 2024, с.56, 57, 63]. Обряд тризны обычно фиксируется в виде фрагментов костей животных, фрагментов жаровен, лепных, краснолаковых и стеклянных сосудов, в виде

скоплений их целых форм¹⁹ в заполнении отдельных ям [Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 50, 51, рис. 96, 97], входных ям погребальных сооружений, провалах их камер [Богданова, 1982, с. 38; Пуздровский, 2007, с. 123-125] и в непосредственной близости от погребальных сооружений. На ряде могильников отмечены жертвенные площадки, обмазанные глиной, на их поверхности, а также в заполнении тризновых ям, прослежены угли и зола [Богданова, 1982, с. 38].

Ареал распространения рассмотренных «оснований-баз» римского времени ограничен, главным образом, территорией варварских поселений и некрополей Юго-Западного и Центрального Крыма и может служить относительно надежным маркером варварского влияния в указанный период. Изваяние могло быть установлено как до, так и после выполнения жертвенных возлияний. Не исключено также, что некоторые варварские «базы» римского времени использовались на некрополях только в качестве эсхар-хоэ. Подтверждением этому является, например (рис.13, 43), малопригодная для установки изваяния воронкообразная форма отверстия «базы» № 43 некрополя Киль-Дере 1 [Язиков и др., 2023, с. 79, рис. 5, 43; 52; илл. 111]. Косвенным доказательством того, что основное предназначение подобных памятников скульптуры сводилось к выполнению роли жертвенных плит, является редкое использование шипов для установки изваяний. Из 110-ти известных к настоящему времени варварских рельефов и антропоморфных стел (без учета менгиров), наличие шипов отмечено только на 10%²⁰. На некрополе Киль-Дере 1, исследованном полностью, без учета менгироподобных изваяний найдено 28 рельефов и антропоморфных стел, но лишь 13-ть баз, при этом только рельефы №№ 31, 42 имели остатки шипов для установки [Язиков и др., 2023, с. 62, 78, рис. 40, 51]. Между тем, на рельефах №№ 33, 35, 37 этого некрополя, изображены сами шипы, переданные подпрямоугольными выемками в нижней части поля рельефа [Язиков и др., 2023, с. 65, 67, 69, 70, рис. 42, 44, 46]²¹.

¹⁹ Набор сосудов для совершения тризн, на некоторых некрополях при этом, несколько отличался от комплекса сосудов, используемых населением варварских городищ в повседневном быту [Богданова, 1982, с. 38; Труфанов, 2019, с. 76].

²⁰ Шипы встречены, в частности, на памятниках скульптуры из Кермен-Кыра [Дашевская, 1957, с.114, 116, 117, рис. 46, 1, 2], Поповки [Попова, 1974, с. 226, рис. 4], Марьино (Джан-Баба) [Шульц, 1963, с.3-10, рис. 1], могильников Къзакъ-Мезарлыкъ (Чоткара) [Дашевская, 1991, с. 27, табл. 43, 1а, 1б; Волошинов, 2012а, с. 99, 100, рис. 1, 2], Скалистое-III (3 шт. - неопубликованы) [Баранов, Гарбуз, 2013, с.178], Заветнинского (Алма-Кермен) [Богданова, 1965, с. 234, 235, рис. 2; Волошинов, 2015, с. 270–294, рис. 1, 4], стеле, найденной на городище Вилино [Колтухов и др., 1992, с. 88, рис. 2, 1].

²¹ Изображение этого конструктивного элемента, возможно, говорит о его особом, сакральном значении. Подобно упомянутым выше каменным плитам и пробкам на эллинистических эсхарах-хоэ из Госпитального, кургана у хутора Роза Люксембург и др., изображение шипа могло фиксировать/символизировать окончание некоего цикла обрядов. О продолжении существования у варваров в римское время традиции перекрытия эсхар-хоэ камнями говорят «базы» из некрополей Киль-Дере 1 [Язиков и др., 2023, с. 82, 83, рис. 55, илл. 118] и Вишневое [Пуздровский и др., 1995, рис. 23], в сквозных отверстиях которых вставлены камни.

Безусловным отличительным признаком варварских эсхар-хоэ в римское время является наличие плечиков, жертвенных лунок и стоков, что возможно, указывает на влияние инокультурных скульптурных и погребальных традиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* 2009. Каменный жертвенник или база антропоморфного изваяния? (к этнической принадлежности Келермесских курганов) // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого (Серия «Археология и древняя история Украины») / Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев-Полтава. С. 12–18.
- Белозор В.П.* 1996. Каменные изваяния и вопросы этногеографии Скифии // Първи Международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили в Югоизточна Европа». Казанлък, 4-8 юни 1993 г. В. Търново. Том II. С. 19–31.
- Бессонова С.С.* 2009. Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии. *Stratum plus*. 2005–2009. №3. С. 14–93.
- Ачкинази А.В., Пуздровский А.Е.* 1994. Плита с сарматскими знаками из Неаполя Скифского // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.А.Кутайсов. Киев: Киевская Академия Евробизнеса. С. 253–257.
- Баранов В.И., Гарбуз И.А.* 2012. Отчёт о проведении археологических исследований на могильнике Скалистое III (Озёрное 2) в Бахчисарайском районе АР Крым (Украина) в 2011 году // Научный архив ГБУ «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Ф–1. Б/н. 179 с.
- Баранов В.И., Гарбуз И.А.* 2013. Раскопки могильника римской эпохи Юго-Западного Крыма Скалистое-III в 2012 г. // Вестник СПбГУ. Сер.2. Вып. 2. С. 177–179.
- Белинский А.Б., Ольховский В.С.* 1996. Комплекс скифских изваяний со Ставрополя // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.2. Армавир, Москва. С. 59–66.
- Беспалый Г.Е.* 2023. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г.: в 2 томах / Г.Е. Беспалый; науч. ред. Б.А. Раев; Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области, ГАУК РО «Донское наследие». Ростов-на-Дону: Издательство «Алтайр». Том 1: Описание комплексов. 454, (2) с.
- Беспалый Г.Е.* 2023. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г.: в 2 томах/ Г.Е. Беспалый; науч. ред. Б.А. Раев; Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области, ГАУК РО «Донское наследие». Ростов-на-Дону: Издательство «Алтайр». Том 2: Альбом иллюстраций. 564 с.
- Богданова Н.А.* 1964. Отчет об археологических исследованиях могильника I–III вв. Скалистое III (Озерное II) в 1964 г. // Научный архив ГБУ «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Ф. 1.
- Богданова Н.А.* 1965. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА №3. С.233–237.
- Богданова Н.А.* 1982. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54. Ч. 2. Москва. С. 31–39.
- Богданова Н.А.* 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. Москва. С. 17–70.

- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. научных трудов БГИКЗ / Ред. составитель Ю.М.Могаричев. Симф.: «Таврия». С. 82–88.
- Винокуров Н.И., Крыкин С.М. 2019. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное // Проблемы истории, филологии, культуры. №4. С. 56–92.
- Волошинов А.А. 2001. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118 / Отв. ред. И.И.Гущина, Д.В. Журавлев. М. С. 147–155.
- Волошинов А.А. 2008. Скифская и позднескифская скульптура в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Выпуск 3 / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА. С. 45–81.
- Волошинов А.А. 2012. Рельеф из Предущельного // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б.Фирсов. Москва. С. 38–42.
- Волошинов А.А. 2012а. К вопросу о смене населения на Краснозоринском городище в Юго-Западном Крыму (на примере т.н. рельефа из Фоти-Сала) // Боспорские чтения. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь. с. 99–107.
- Волошинов А.А. 2015. Надгробная и votивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника // История и археология Крыма. Вып. II. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь. С. 270–294.
- Волошинов А.А. 2023. Находки переносных монолитных давлений в варварских могильниках римского времени // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 18–22 сентября 2023 года / под. ред. А.В.Зайкова, Д.А. Костромичева. Москва: Буки Веди. С. 26–34. ил. на стр. 207–209.
- Волошинов А.А. 2024. О назначении варварских оснований-баз // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России / Материалы научной археологической конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь. С. 66–79.
- Волошинов А.А. 2024а. Плита с тамгообразными знаками из некрополя Киль-Дере 1 // КСИА № 276. С. 82–98.
- Высотская Т.Н. 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Киев: Киевская Академия Евробизнеса. 207 с.
- Галанина Л.К. 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. Т. I. / Под ред. А. Иванчика, Г. Парцингера. М. 269 с.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей. Ч. 1. 272 с., ил.
- Дашевская О.Д. 1957. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. Вып.70. С.108–117.
- Дашевская О.Д., Голенцов А.С. 1982. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. Вып. 170. С.90–96.
- Зайцев Ю.П. 1997. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. № 3. С. 36–50.
- Кастанаян Е.Г. 1950. Обряд тризны в боспорских курганах //СА. Вып. XIV. С. 124–138.

- Кобылина М.М. 1984. Религия и культы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. / Отв. ред. Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. М.: «Наука». С. 220–222.
- Колесникова Л.Г. 1986. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э.: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.А. Анохин. Киев: Наук. Думка. С. 86–101.
- Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. 1992. Новый район хори Херсонеса елліністичного періоду // Археологія. С.85–95.
- Колтухов С.Г. 2012. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. № 27. Донецк: «Донбасс». 161 с.
- Корпус боспорских надписей. 1965 / Ответственный редактор В.В. Струве. М.–Л. 951 с.
- Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций [КБН-альбом]. Corpus inscriptionum regni bosporani. Album imaginum [CIRB-album]. 2004. / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana. 431 с.
- Котина А.В., Симонов В.В. 2021. Новый сакральный объект из Тиритаки // Боспорские исследования. / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. Вып. XLIII. С. 205–219.
- Кутайсов В.А. 2011. Курганный некрополь Калос-Лимена. К.: ИД «Стилос». 240 с.
- Масленников А.А., Бердникова Л.А. 1977. Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове // АО 1976 г. М. С. 332–333.
- Носова Л.В. 2007. Об античных зольниках, или, «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. Издательство Гос. Эрмитажа. С. 69–79.
- Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. / Ред. В.С. Ольховский. М. 188 с.
- Ольховский В.С. 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа / Отв. ред.: М.Г. Мошкова; Е.А. Попова. М.: Наука. 299 с.: 156 ил.
- Ольховский В.С. 2005а. Монументальная скульптура Крыма V–III вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, С. 21–29.
- Панайотова К. 2002. Поминовения усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб.: Издательство Государственного эрмитажа. С. 3–8.
- Папанова В.А. 2004. Алтари некрополя Ольвии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (До 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова). Т.ХІ. / Від. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя. С. 189–198.
- Папанова В.А. 2006. Урочище Сто могил - некрополь Ольвии Понтийской. Монография. К.: Знання України. 250 с.
- Петренко В.Г. 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи

- на Северном Кавказе. М., Степные народы Евразии. Т.3. Москва, Берлин, Бордо. 176 с. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 1).
- Попова Е.А. 1974. Рельеф с городища «Чайка» // СА. №4. С. 222–230.
- Попова Е.А. 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА № 3. С. 196–203.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. 1995. Отчет об археологических исследованиях могильников у с. Брянское и Суворово Бахчисарайского района Республики Крым. Симферополь. // Научный архив ИА Крыма РАН. Ф. О-1. ОП. 1. Д. 1800. 58 с., 41 ил.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. 2001. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь. С. 32–50.
- Пуздровский А.Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 308 с.
- Редина Е. 2007. Античная погребальная традиция в формировании сакрального пространства греческого некрополя IV–III вв. до р. хр. у с. Кошары // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Часть 2. / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 95–99.
- Ростовцев М.И. 1913. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. Табл. I–CXII. СПб. Издание Императорской археологической комиссии.
- Ростовцев М.И. 1914. Античная декоративная живопись на Юге России. Текст. Т. I. Описание и исследование памятников. СПб. Издание Императорской археологической комиссии. 537 с.
- Рукавишников И.В., Меньшиков М.Ю., Воробьев И.И., Воронков И.А. 2016. Новый античный памятник сельской округи древней Горгииппии, публикация материалов // Древности Боспора. Том 20. М. С. 365–381.
- Рукавишников И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф., Воронков И.А. 2018. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. Том 23. М., С. 151–170.
- Рукавишников И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф. 2022. Курган Госпитальный – М.: ИА РАН, 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Том 28).
- Рукавишников И.В. 2022а. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленных объектов археологического наследия «Городище 11 км», «Курган «Фонтан 1 Северный», «Курган Ленинское Север-восточное», «Курган Ленинское Северо-восточное 2», «Поселение «Кенегез Восточное», курганов №1, №2 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа «Александровские скалы 1», курганов №1, №3 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа «Александровские скалы 2», кургана №3 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа «Фонтан 1», курганов №1, №2, №5 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа «Фонтан 2», кургана №3 в составе выявленного объекта археологического наследия «Группа из 3 курганов» на участке строительства автомобильной дороги и автомобильного подхода к транспортному переходу через Керченский пролив в Ленинском районе Республики Крым. Т.12. Москва. 179 с.

- Румянцева О.С., Бейлин Д.В., Рукавишников И.В. 2023. Стекланные сосуды из детских погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму // *Stratum plus*. №4. С. 261-276.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2023. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в 3 ч. Ч. 1. М.: ИА РАН. 460 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 33, ч. 1).
- Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья / Отв. ред. П.Н. Шульц К.: Издательство академии наук Украинской ССР. 179 с.
- Соломатина В. 1995. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 1. Армавир, Москва. С. 102–109.
- Сорокина Н.П., Усачева О.Н. 1997. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып 93. Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М. С. 47–61.
- Труфанов А.А. 2019. Керамика из культурного слоя Усть-Альминского некрополя (по материалам раскопок 2008–2017 гг.) // История и археология Крыма. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Майко. Вып. IX. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 67–99.
- Храпунов И.Н. 1991. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Сб. Симф. гос. ун-т им. М.В.Фрунзе / Ред. - сост. А.И. Айбабин. Вып. 2. Симферополь: Таврия. С. 3-34.
- Храпунов И.Н. 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–22.
- Чарусов Т.А. 2024. Скопления сосудов из могильника Опушки // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И.Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква», 2024. С. 56–64. (Византийский Крым).
- Шульц П.Н. 1963. Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. Вып. III. Симферополь: Крымиздат. С. 3-10.
- Щепинський А.О. 1973. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. №9. С. 21–28.
- Язиков С.В., Волошинов А.А., Свиридов А.Н. 2023. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1. М.: ИА РАН. 204 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 32).
- Яценко И.В. 1960. О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана // Археологический сборник. К столетию со дня рождения Василия Алексеевича Городцова (1860 - 1960) Тр. ГИМ. Вып. 37. М.: «Советская Россия». С. 99–104.
- Posamentir R. 2011. The polychrome grave stelai from the early Hellenistic necropolis (Chersones studies 1). Edited by Joseph Coleman Carter. Austin: Institute of Classical Archaeology, University of Texas Press. First edition. 489 p.
- Papuci-Władyka E., Redina E.F. 2011. Ten years of The Polish-Ukrainian Koshary Project (1998-2008) // PONTIKA 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków. BAR International Series 2240 / Edited by Ewdoksia Papuci-Władyka, Michael Vickers, Jarosław Bodzek, David Braund. Oxford: Archaeopress. Publishers of British Archaeological Reports. Gordon House. P. 283–297.
- Stolba V.F., Rogov E. (edd.). 2012. Panskoye I. Vol. 2: The Necropolis. Archaeological Investigations in Western Crimea. Aarhus: Aarhus University Press, 414 pp.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu.* 2009. Kamennyy zhertvennik ili baza antropomorfного izvayaniya? (k etnicheskoj prinadlezhnosti Kelermesskih kurganov) // Epoha rannego zheleza. Sbornik nauchnyh trudov k 60-letiyu S.A. Skorogo (Seriya «Arheologiya i drevnyaya istoriya Ukrainy») / Otв. red. S.S.Bessonova. Kiev-Poltava. S. 12–18.
- Belozor V.P.* 1996. Kamennye izvayaniya i voprosy etnogeografii Skifii // Pärvi Mezhdunaroden simpozium «Sevtopolis». «Nadgrobnye mogili v YUgoiztochna Evropa». Kazanlāk, 4-8 yuni 1993 g. V. Tärnovo. Tom II. S. 19–31.
- Bessonova S.S.* 2009. Kamennye izvayaniya v kontekste etnopoliticheskoy istorii Skifii. Stratum plus. 2005–2009. №3. S. 14–93.
- Achkinazi A.V., Puzdrovskij A.E.* 1994. Plita s sarmatskimi znakami iz Neapolya Skifskogo // Severo-Zapadnyj Krym v antichnuuy epohu. Sbornik nauchnyh trudov / Otв. red. V.A.Kutajsov. Kiev: Kievskaya Akademiya Evrobiznesa. S. 253–257.
- Baranov V.I., Garbuz I.A.* 2012. Otchyt o provedenii arheologicheskikh issledovaniy na mogil'nike Kkalistoe III (Ozyornoe 2) v Bahchisarajskom rajone AR Krym (Ukraina) v 2011 godu // Nauchnyj arhiv GBU «Bahchisarajskij istoriko-kul'turnyj i arheologicheskij muzej-zapovednik». F–1. B/n. 179 s.
- Baranov V.I., Garbuz I.A.* 2013. Raskopki mogil'nika rimskoj epohi Yugo-Zapadnogo Kryma Skalistoe-III v 2012 g. // Vestnik SPbGU. Ser.2. Vyp. 2. S. 177–179.
- Belinskij A.B., Ol'hovskij V.S.* 1996. Kompleks skifskih izvayaniy so Stavropol'ya // Istoriko-arheologicheskij al'manah (Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya). Vyp.2. Armavir, Moskva. S. 59–66.
- Bespalyj G.E.* 2023. Nekropol' Tanaisa. Polevye issledovaniya uchastka zapadnogo nekropolya v 2012 g.: v 2 tomah / G.E. Bespalyj; nauch. red. B.A. Raev; Komitet po ohrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Rostovskoj oblasti, GAUK RO «Donskoe nasledie». Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo «Al'tair». Tom 1: Opisanie kompleksov. 454, (2) s.
- Bespalyj G.E.* 2023. Nekropol' Tanaisa. Polevye issledovaniya uchastka zapadnogo nekropolya v 2012 g.: v 2 tomah/ G.E. Bespalyj; nauch. red. B.A. Raev; Komitet po ohrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Rostovskoj oblasti, GAUK RO «Donskoe nasledie». Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo «Al'tair». Tom 2: Al'bom illyustracij. 564 s.
- Bogdanova N.A.* 1964. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah mogil'nika I-III vv. Skalistoe III (Ozernoe II) v 1964 g. // Nauchnyj arhiv GBU «Bahchisarajskij istoriko-kul'turnyj i arheologicheskij muzej-zapovednik». F. 1.
- Bogdanova N.A.* 1965. Skifskie i sarmatskie stely Zavetninskogo mogil'nika // SA №3. S. 233–237.
- Bogdanova N.A.* 1982. Pogrebal'nyj obryad sel'skogo naseleniya pozdneskifskogo gosudarstva v Krymu // Arheologicheskije issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy. Trudy GIM. Vyp. 54. Ch. 2. Moskva. S. 31–39.
- Bogdanova N.A.* 1989. Mogil'nik pervyh vekov nashej ery u s. Zavetnoe. // Arheologicheskije issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy. Trudy GIM. Vyp. 70. Moskva. S. 17–70.
- Vdovichenko I.I., Koltuhov S.G.* 1994. Mogil'nik rimskogo vremeni u s. Tankovoe // Problemy istorii i arheologii Kryma. Sb. nauchnyh trudov BGIKZ / Red. sostavitel' Yu.M. Mogarichev. Simf.: «Tavriya». S. 82–88.
- Vinokurov N.I., Krykin S.M.* 2019. Zhertvenniki dlya vozliyanij htonicheskim bozhestvam Bospora i Frakii: obshchee i osobennoe // Problemy istorii, filologii, kul'tury. №4. S. 56–92.
- Voloshinov A.A.* 2001. Novye pamyatniki pozdneskifskoj skul'ptury iz Yugo-Zapadnogo i

- Central'nogo Kryma // Pozdnie skify Kryma. Trudy GIM. Vyp. 118 / Otв. red. I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev. M. S. 147–155.
- Voloshinov A.A.* 2008. Skifskaya i pozdneskifskaya skul'ptura v Krymu // Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. Vypusk 3 / Red.-sost. Yu.M. Mogarichev. Simferopol': AntikvA. S.45–81.
- Voloshinov A.A.* 2012. Rel'ef iz Predushchel'nogo // Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoj. Trudy GIM. Vyp. 191 / Otв. red. D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov. Moskva. S. 38–42.
- Voloshinov A.A.* 2012a. K voprosu o smene naseleniya na Krasnozorskom gorodishche v Yugo-Zapadnom Krymu (na primere t.n. rel'efa iz Foti-Sala) // Bosporskie chteniya. Vyp. XIII. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizacii. Kerch'. s. 99–107.
- Voloshinov A.A.* 2015. Nadgrobnaya i votivnaya skul'ptura gorodishcha Alma-Kermen i Zavetninskogo mogil'nika // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. II. Sbornik statej, posvyashchennyj pamyati Aleksandra Evgen'evicha Puzdrovskogo / Otв. red. V.V. Majko. Simferopol'. C. 270–294.
- Voloshinov A.A.* 2023. Nahodki perenosnyh monolitnyh davilen v varvarskih mogil'nikah rimskogo vremeni // Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytiya, nahodki, teorii. Materialy nauchnoj konferencii, Sevastopol', 18–22 sentyabrya 2023 goda / pod. red. A.V. Zajkova, D.A.Kostromicheva. Moskva: Buki Vedi. S. 26–34. il. na str. 207–209.
- Voloshinov A.A.* 2024. O naznachenii varvarskih osnovanij-baz // XXV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy issledovanij drevnostej yuga Rossii / Materialy nauchnoj arheologicheskoy konferencii / Red.-sost. V.N.Zin'ko, A.V. Zin'ko. Simferopol'-Kerch'. S. 66–79.
- Voloshinov A.A.* 2024a. Plita s tamgoobraznymi znakami iz nekropolya Kil'-Dere 1 // KSIA № 276. S. 82–98.
- Vysotskaya T.N.* 1994. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'. Materialy po arheologii Kryma. Kiev: Kievskaya Akademiya Evrobiznesa. 207 s.
- Galanina L.K.* 1997. Kelermesskie kurgany. «Carskie» pogrebeniya ranneskifskoj epohi // Stepnye narody Evrazii. T. I. / Pod red. A. Ivanchika, G. Parcingera. M. 269 s.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V.* 2016. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. V 2 ch. M.: Istoricheskij muzej. Ch. 1. 272 s., il.
- Dashevskaya O.D.* 1957. Skifskoe gorodishche Krasnoe (Kermen-Kyr) // KSIIMK. Vyp.70. C.108–117.
- Dashevskaya O.D., Golencov A.S.* 1982. Kul'chukskij kurgan-kenotaf // KSIA. Vyp. 170. S. 90–96.
- Zajcev Yu.P.* 1997. Yuzhnyj dvorec Neapolya Skifskogo // VDI. № 3. S. 36–50.
- Kastanayan E.G.* 1950. Obryad trizny v bosporskih kurganah //SA. Vyp. XIV. C. 124–138.
- Kobyлина M.M.* 1984. Religiya i kul'ty // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya. Arheologiya SSSR. / Otв. red. Koshelenko G.A., Kruglikova I.T., Dolgorukov V.S. M.: «Nauka». S. 220–222.
- Kolesnikova L.G.* 1986. Hronologiya antropomorfnyh nadgrobij Hersonesa // Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervye veka n.e.: Sb. nauch. tr. / Otв. red. V.A. Anohin. Kiev: Nauk. Dumka. C. 86–101.
- Koltuhov S.G., Zubar V.M., Mic V.L.* 1992. Novij rajon hori Hersonesa ellinistichnogo periodu // Arheologiya. S.85–95.

- Koltuhov S.G. 2012. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII – IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamyatniki) // *Arheologicheskij al'manah*. № 27. Doneck: «Donbass». 161 s.
- Korpus bosporskih nadpisej*. 1965 / Otvetstvennyj redaktor V.V. Struve. M–L. 951 s.
- Korpus bosporskih nadpisej*. Al'bom illyustracij [KBN-al'bom]. Corpus inscriptionum regni bosporani. Album imaginum [CIRB-album]. 2004. / Otv. red. A.K. Gavrilo. SPb.: Bibliotheca classica Petropolitana. 431 s.
- Kotina A.V., Simonov V.V. 2021. Novyj sakral'nyj ob'ekt iz Tiritaki // *Bosporskie issledovaniya*. / Otv. red. V.N. Zin'ko. Kerch': Kerchenskaya gorodskaya tipografiya. Vyp. XLIII. S. 205–219.
- Kutajsov V.A. 2011. Kurgannyj nekropol' Kalos-Limena. K.: ID «Stilos». 240 s.
- Maslennikov A.A., Berdnikova L.A. 1977. Raskopki v rajone s. Zolotoe na Kerchenskom poluostrove // *AO* 1976 g. M. S. 332–333.
- Nosova L.V. 2007. Ob antichnyh zol'nikah, ili, «primenyaya atticheskuyu terminologiyu, doshedshuyu k nam cherez Pavsaniya», esharah Severnogo Prichernomor'ya // *Bosporskij fenomen: cakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahodok*. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ch. 2. SPB. Izdatel'stvo Gos. Ermitazha. S. 69–79.
- Ol'hovskij V.S. 1991. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoj Skifi (VII—III vv. do n. e.). M.: Nauka, 1991. 256 s.
- Ol'hovskij V.S., Evdokimov G.L. 1994. Skifskie izvayaniya VII-III vv. do n.e. / Red. V.S. Ol'hovskij. M. 188 s.
- Ol'hovskij V.S. 2005. Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoj chasti evrazijskih stepej epohi rannego zheleza / Otv. red.: M.G. Moshkova; E.A. Popova. M.: Nauka. 299 s.: 156 il.
- Ol'hovskij V.S. 2005a. Monumental'naya skul'ptura Kryma V-III vv. do n.e. // *Drevnosti Evrazii: ot rannej bronzy do rannego srednevekov'ya*. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'hovskogo. Sb. statej / Gl. red. V.I. Gulyaev. M.: Institut arheologii RAN, S. 21–29.
- Panajotova K. 2002. Pominoveniya usopshih v nekropole Apollonii Pontijskoj v m. Kalfata // *Bosporskij fenomen. Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha*. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ch. 2. SPB.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo ermitazha. S. 3–8.
- Papanova V.A. 2004. Altari nekropolya Ol'vii // *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ya i Krimu*. Zbirnik naukovih prac'. Materiali konferencii «Problemi skifo-sarmats'koj arheologii Pivnichnogo Prichernomor'ya» (Do 105-richchya z dnya narodzhennya B.M. Grakova). T.XI. / Vid. red. P.P. Tolochko. Zaporizhzhya. S. 189–198.
- Papanova V.A. 2006. Urochishche Sto mogil - nekropol' Ol'vii Pontijskoj. Monografiya. K.: Znannya Ukrainy. 250 s.
- Petrenko V.G. 2006. Krasnoznamenskij mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoj epohi na Severnom Kavkaze. M., Stepnye narody Evrazii. T.3. Moskva, Berlin, Bordo. 176 s. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. T. 1).
- Popova E.A. 1974. Rel'ef s gorodishcha «Chajka» // *SA*. №4. S. 222–230.
- Popova E.A. 1990. Pozdneskifskie zhertvenniki s gorodishcha «Chajka» // *SA* № 3. S. 196–203.
- Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A., Yurochkin V.Yu. 1995. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah mogil'nikov u s. Bryanskoe i Suvorovo Bahchisarajskogo rajona Respubliki Krym. Simferopol'. // *Nauchnyj arhiv IA Kryma RAN*. F. O-1. OP. 1. D. 1800. 58 s., 41 ill.
- Puzdrovskij A.E., Zajcev Yu.P., Nenevolya I.I. 2001. Novye pamyatniki III-IV vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu // *MAIET*. Vyp. VIII. Simferopol'. S. 32–50.
- Puzdrovskij A.E. 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. - III v. n.e. Simferopol': Biznes-Inform. 480 s.

- Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A.* 2016. Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg. Simferopol': IP Brovko A.A., 308 s.
- Redina E.* 2007. Antichnaya pogrebal'naya tradiciya v formirovanii sakral'nogo prostranstva grecheskogo nekropolya IV–III vv. do r. hr. u s. Koshary // Bosporskij fenomen: sakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahodok. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Chast' 2. / Otv. red. V.Yu. Zuev. SPB.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. S. 95–99.
- Rostovcev M.I.* 1913. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii. Atlas. Tabl. I–CXII. SPB. Izdanie Imperatorskoj arheologicheskoy komissii.
- Rostovcev M.I.* 1914. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii. Tekst. T. I. Opisanie i issledovanie pamyatnikov. SPB. Izdanie Imperatorskoj arheologicheskoy komissii. 537 s.
- Rukavishnikova I.V., Men'shikov M.Yu., Vorob'ev I.I., Voronkov I.A.* 2016. Novyj antichnyj pamyatnik sel'skoj okrugy drevnej Gorgippii, publikaciya materialov // Drevnosti Bospora. Tom 20. M. S. 365–381.
- Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Fedoseev N.F., Voronkov I.A.* 2018. Kurgan «Gospital'nyj» v Kerchi (predvaritel'noe soobshchenie) // Drevnosti Bospora. Tom 23. M., S. 151–170.
- Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Fedoseev N.F.* 2022. Kurgan Gospital'nyj – M.: IA RAN, 592 s. (Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij. Tom 28).
- Rukavishnikova I.V.* 2022a. Otchet o provedenii arheologicheskikh polevyh rabot (raskopok) na territorii vyyavlennyh ob'ektov arheologicheskogo naslediya «Gorodishche 11 km», «Kurgan «Fontan 1 Severnyj», «Kurgan Leninskoe Sever-vostochnoe», «Kurgan Leninskoe Severo-vostochnoe 2», «Poselenie «Kenegez Vostochnoe», kurganov №1, №2 v sostave vyyavlennogo ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannaya gruppa «Aleksandrovskie skaly 1», kurganov №1, №3 v sostave vyyavlennogo ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannaya gruppa «Aleksandrovskie skaly 2», kurgana №3 v sostave vyyavlennogo ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannaya gruppa «Fontan 1», kurganov №1, №2, №5 v sostave vyyavlennogo ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannaya gruppa «Fontan 2», kurgana №3 v sostave vyyavlennogo ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Gruppa iz 3 kurganov» na uchastke stroitel'stva avtomobil'noj dorogi i avtomobil'nogo podhoda k transportnomu perekhodu cherez Kerchenskij proliv v Leninskom rajone Respubliki Krym. T.12. Moskva. 179 s.
- Rumyanceva O.S., Bejlin D.V., Rukavishnikova I.V.* 2023. Steklyannye sosudy iz detskih pogrebenij mogil'nika «Aleksandrovskie skaly 1» v Vostochnom Krymu // Stratum plus. № 4. S. 261–276.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V.* 2023. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v 3 ch. Ch. 1. M.: IA RAN. 460 s. (Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij; t. 33, ch. 1).
- Solomonik E.I.* 1959. Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya / Otv. red. P.N. Shul'c K.: Izdatel'stvo akademii nauk Ukrainskoj SSR. 179 s.
- Solomatina V.* 1995. Dva novyh izvayaniya skifskogo vremeni iz Stavropol'skogo muzeya // Istoriko-arheologicheskij al'manah (Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya). Vyp. 1. Armavir, Moskva. S. 102–109.
- Sorokina N.P., Usacheva O.N.* 1997. Ritual'nye kamennye pamyatniki iz Kepskogo nekropolya na Tamanskom poluostrove // Arheologicheskij sbornik. Pogrebal'nyj obryad. Trudy GIM. Vyp 93. Otv. red. I.V. Belocerkovskaya. M. S. 47–61.
- Trufanov A.A.* 2019. Keramika iz kul'turnogo sloya Ust'-Al'minskogo nekropolya (po materialam

- raskopok 2008–2017 gg.) // Istoriya i arheologiya Kryma. Sbornik statej / Otв. red. V.V. Majko. Vyp. IX. Simferopol': OOO «Firma «Salta» LTD». S. 67–99.
- Hrapunov I.N. 1991. Bulganakskoe pozdneskifskoe gorodishche (po raskopkam 1981–1989 gg.) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Sb. Simf. gos. un-t im. M.V. Frunze / Red. - sost. A.I. Ajbabin. Vyp. 2. Simferopol': Tavriya. S. 3–34.
- Hrapunov I.N. 2011. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Nejzac // Issledovaniya mogil'nika Nejzac / Otв. red. I. N. Hrapunov. Simferopol': Dolya, 2011. S. 13–22.
- Charusov T.A. 2024. Skopleniya sosudov iz mogil'nika Opushki // Etnokul'turnye processy na severnyh granicah Vostochnoj Rimskoj imperii: sbornik statej / Otв. red. A.I. Ajbabin, E.A. Hajredinova. Simferopol': OOO «Antikva», 2024. S. 56–64. (Vizantijskij Krym).
- Shul'c P.N. 1963. Nadgrobnij rel'ef iz s. Mar'ino // Soobshcheniya Hersonesskogo muzeya. Vyp. III. Simferopol': Krymizdat. S. 3–10.
- Shchepins'kij A.O. 1973. Antropomorfni steli Pivnichnogo Prichornomor'ya // Arheologiya. № 9. S. 21–28.
- Yazikov S.V., Voloshinov A.A., Sviridov A.N. 2023. Kamennye izvayaniya mogil'nika Kil'-Dere 1. M.: IA RAN. 204 s. (Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy; t. 32).
- Yacenko I.V. 1960. O dvuh zhertvennikah-eskharah v kurganah poberezh'ya Dneprovsko-Bugskogo limana // Arheologicheskij sbornik. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Vasiliya Alekseevicha Gorodcova (1860 - 1960) Tr. GIM. Vyp. 37. M.: «Sovetskaya Rossiya». S. 99–104.
- Posamentir R. 2011. The polychrome grave stelai from the early Hellenistic necropolis (Chersonesus studies 1). Edited by Joseph Coleman Carter. Austin: Institute of Classical Archaeology, University of Texas Press. First edition. 489 p.
- Papuci-Władyka E., Redina E.F. 2011. Ten years of The Polish-Ukrainian Koshary Project (1998–2008) // PONTIKA 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków. BAR International Series 2240 / Edited by Ewdoksia Papuci-Władyka, Michael Vickers, Jarosław Bodzek, David Braund. Oxford: Archaeopress. Publishers of British Archaeological Reports. Gordon House. P. 283–297.
- Stolba V.F., Rogov E. (edd.). 2012. Panskoye I. Vol. 2: The Necropolis. Archaeological Investigations in Western Crimea. Aarhus: Aarhus University Press, 414 pp.

Резюме

Статья посвящена одному из видов монументальной варварской скульптуры римского времени – каменным «базам», связанным с наземным этапом погребального обряда. До недавнего времени предполагалось, что памятники этого вида выполняли роль постаментов для установки каменных изваяний. Представления о назначении этих памятников скульптуры изменились после археологических раскопок некрополя Киль-Дере 1, в результате которых найдено тринадцать оснований «баз» и их фрагменты. Наличие чашевидных углублений и стоков на лицевой плоскости плит позволяет говорить об их использовании в качестве алтарей или жертвенников, т.е. как своеобразных эсхар-хоэ. В качестве аналогий привлекаются базы и эсхары-хоэ из курганных и грунтовых некрополей на варварской территории, территории Боспора, Херсонеса, Северо-Западного Крыма, Ольвии и ее хоры.

Ключевые слова: варварские изваяния, эсхара, эсхара-хоэ, основание-база, база изваяния, жертвенник, алтарь.

Summary

The article is dedicated to one of the types of monumental barbarian sculpture of the Roman time - stone «bases» associated with the above-ground stage of the burial rite. Until recently, it was assumed that monuments of this type served as pedestals for the installation of stone sculptures. Ideas about the purpose of these monuments of sculpture changed after archaeological excavations of the Kil-Dere 1 necropolis, as a result of which thirteen foundations of «bases» and their fragments were found. The presence of cup-shaped recesses and drains on the front surface of the slabs allows us to talk about their use as altars or sacrificial altars, i.e. as a kind of eschar-khoe. Base and eschar-khoe from burial mounds and ground necropolises in the barbarian territory, the territory of the Bosporus, Chersonesos, Northwestern Crimea, Olbia and its choirs are used as analogies.

Key words: barbarian sculptures, eschara, eschara-khoe, sculpture base, altar.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волошинов Алексей Александрович,
Отдел сохранения археологического
наследия памятников,
Институт археологии РАН,
ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва,
117292, Российская Федерация;
e-mail: Voloshinov-Alexs@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Voloshinov Aleksey Alexandrovich,
Department of Preservation
of Archaeological Heritage,
Institute of Archaeology
Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova st., 19, Moscow,
117292, Russian Federation;
e-mail: Voloshinov-Alexs@yandex.ru

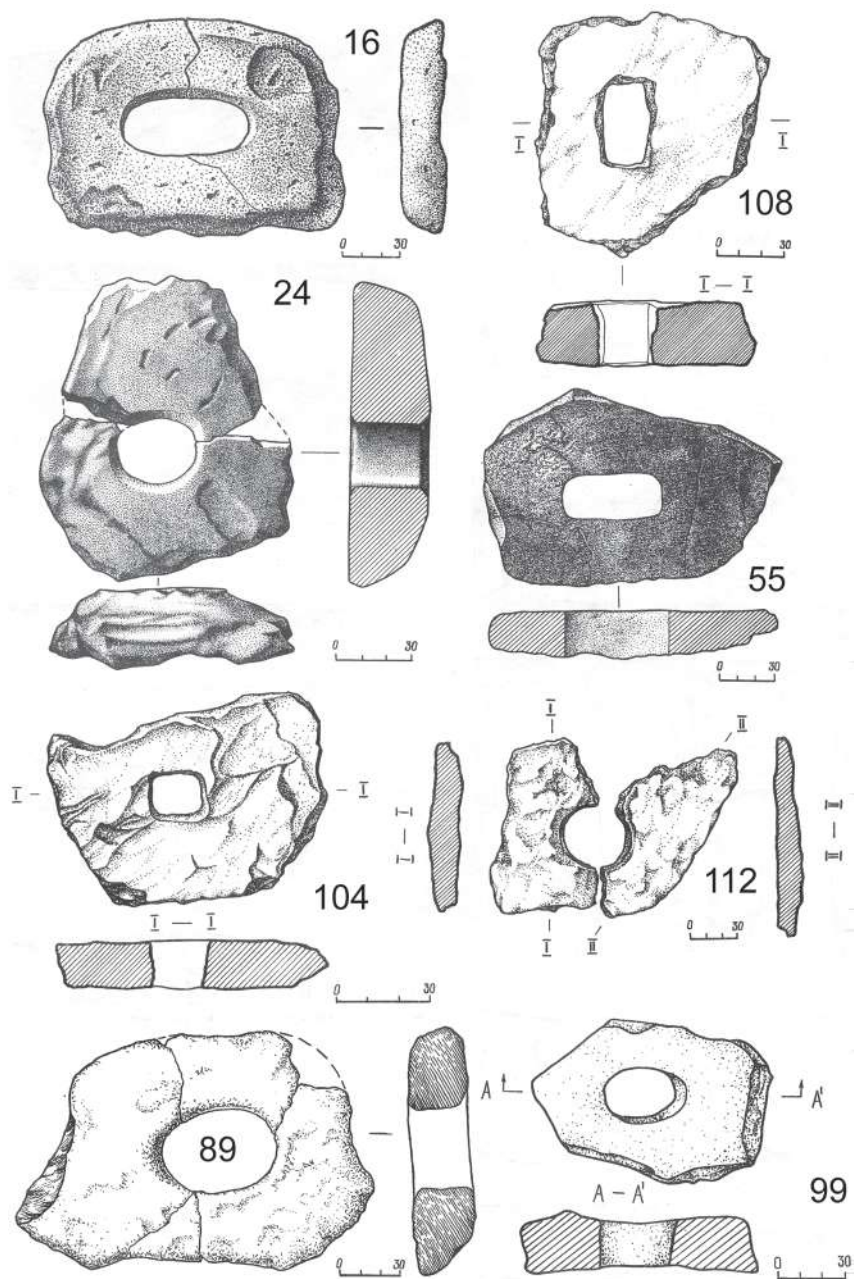

Рис. 1. «Базы» V–III вв. до н.э. №№ 16, 24, 55, 89, 99, 104, 108, 112 – по В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, 1994 (нумерация в соответствии с каталогом издания).

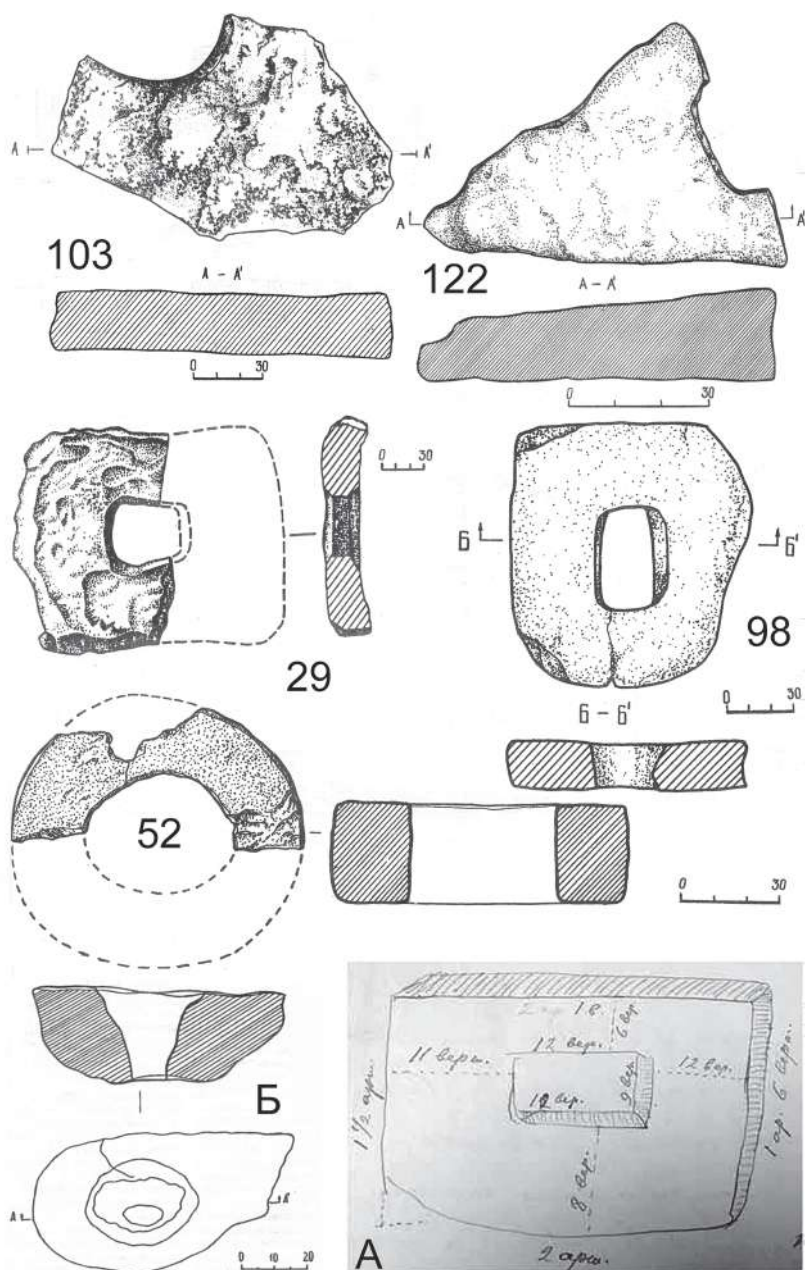

Рис. 2. «Базы» VI–III вв. до н.э.: №№ 29, 52, 98, 103, 122 – по В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, 1994 (нумерация в соответствии с каталогом издания);

А – из Большого Ульского кургана № 1 1898 г. по А.Ю. Алексееву, 2009, рис. 1, 3;

Б – из кургана у хутора Усть-Невинский по В. Соломатина, 1995, с. 105, 107, рис. 2, Б.

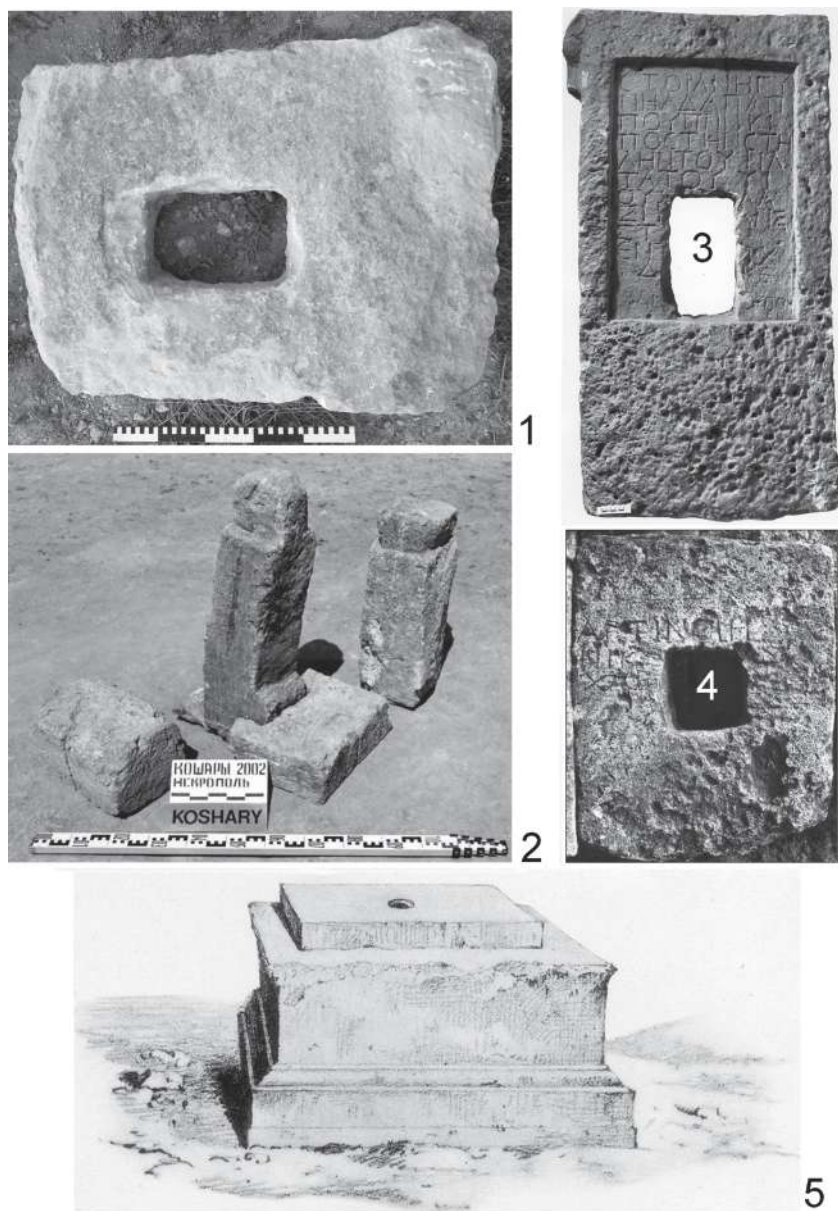

Рис. 3. 1 – «база» с территории варварского некрополя римского времени Озерное–II/ Скалистое–III по Баранов, Гарбуз, 2013, с. 178, рис. 2;

2 – составной алтарь-надгробие, найденное в закладе могилы № 194 некрополя Кошары по Rarusi-Władyka, Redina, 2011, р. 294, fig. 16;

3 – плита из Керчи с именами Артиноя, Никефора и Хабрия (IV в. до н.э.) по CIRB 169;

4 – надгробие с эпитафией от имени Стораны, жены Ада по CIRB 744;

5 – жертвенник из кургана Большая Близнаца по Ростовцев, 1913, табл. X, 1.

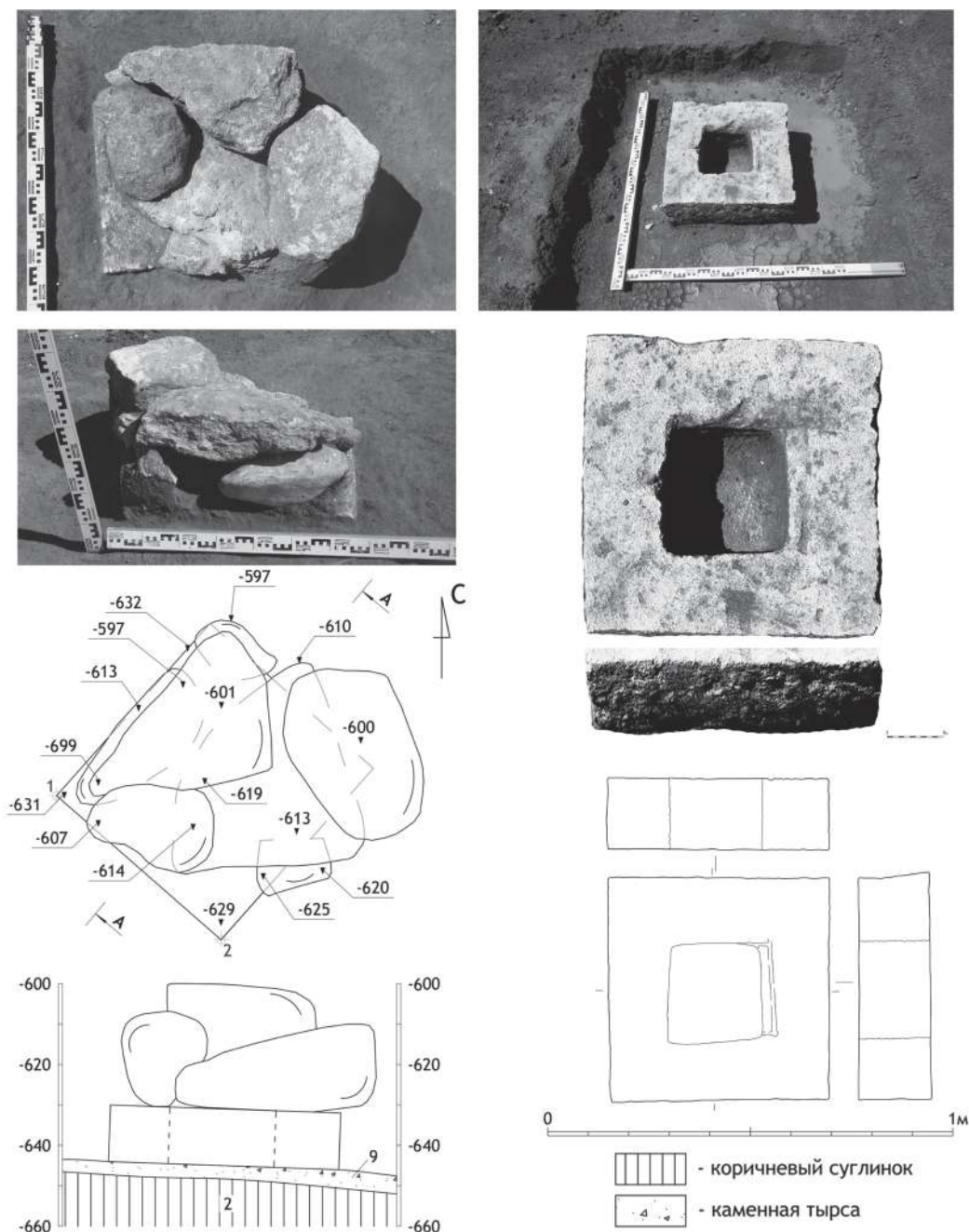

Рис. 4. Эсхара-хоэ (объект 10) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 38, 288-291.

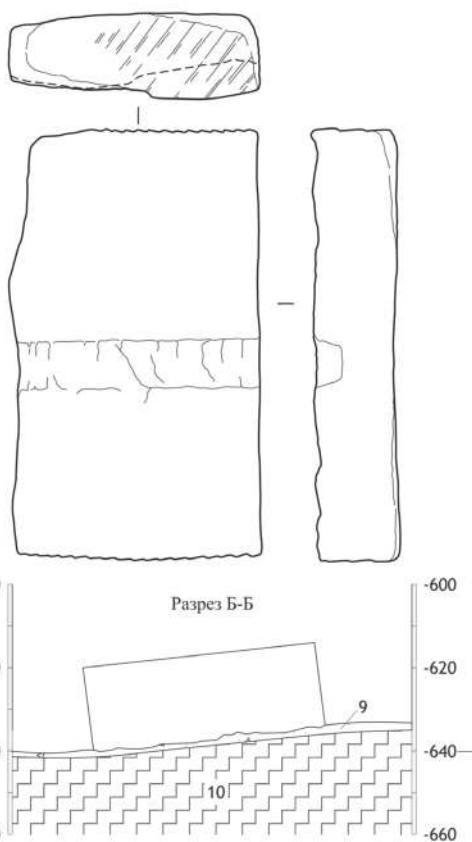
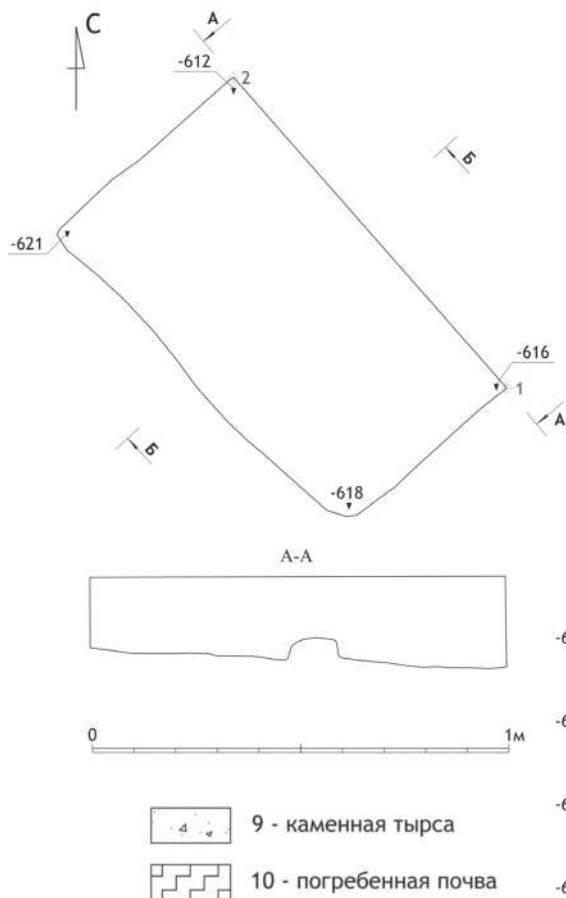

Рис. 5. Эсхара-хоз? (объект 11) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникова и др., 2022, рис. 292-295.

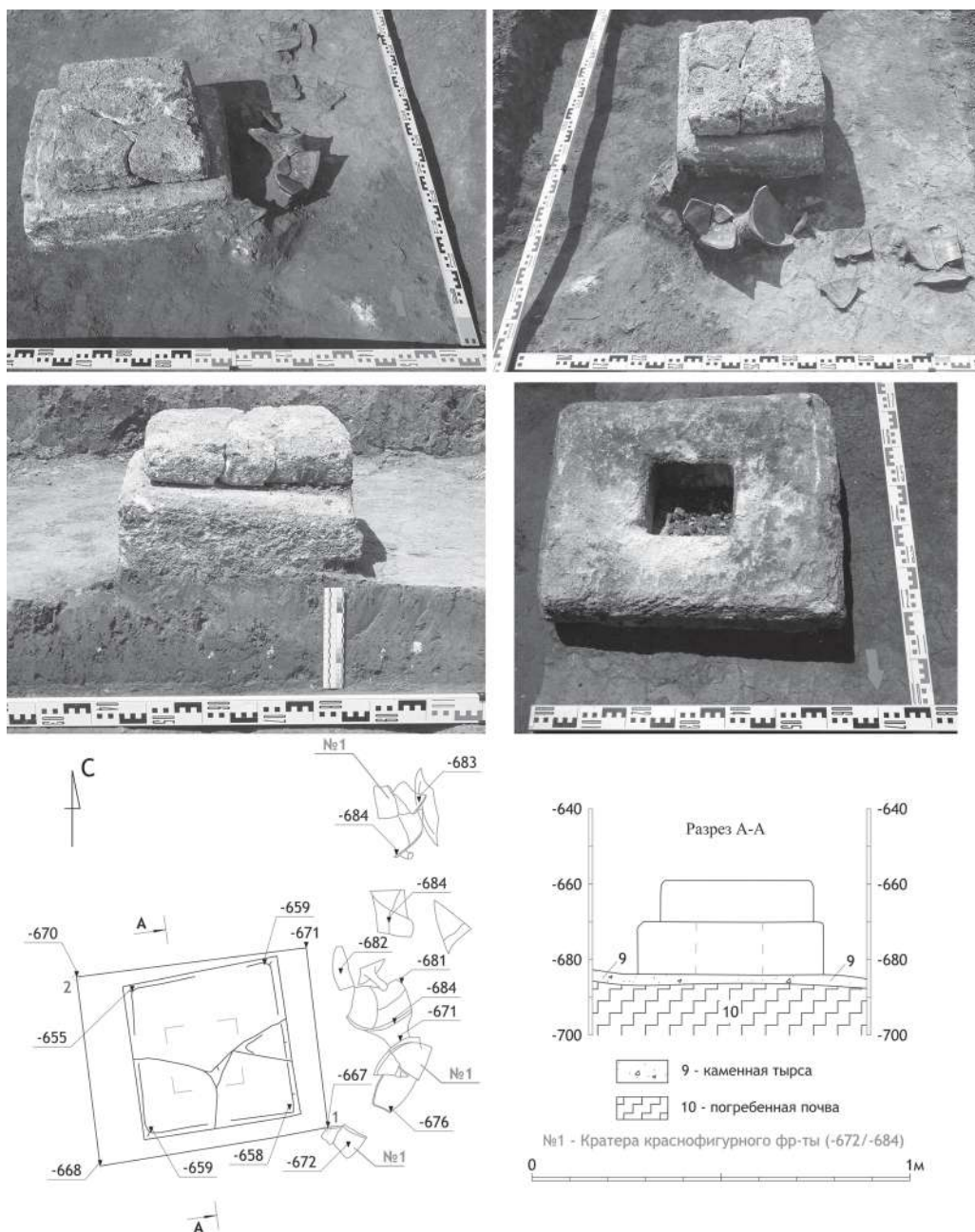

Рис. 6. Эсхара-хаз (объект 20) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 39, 296-300.

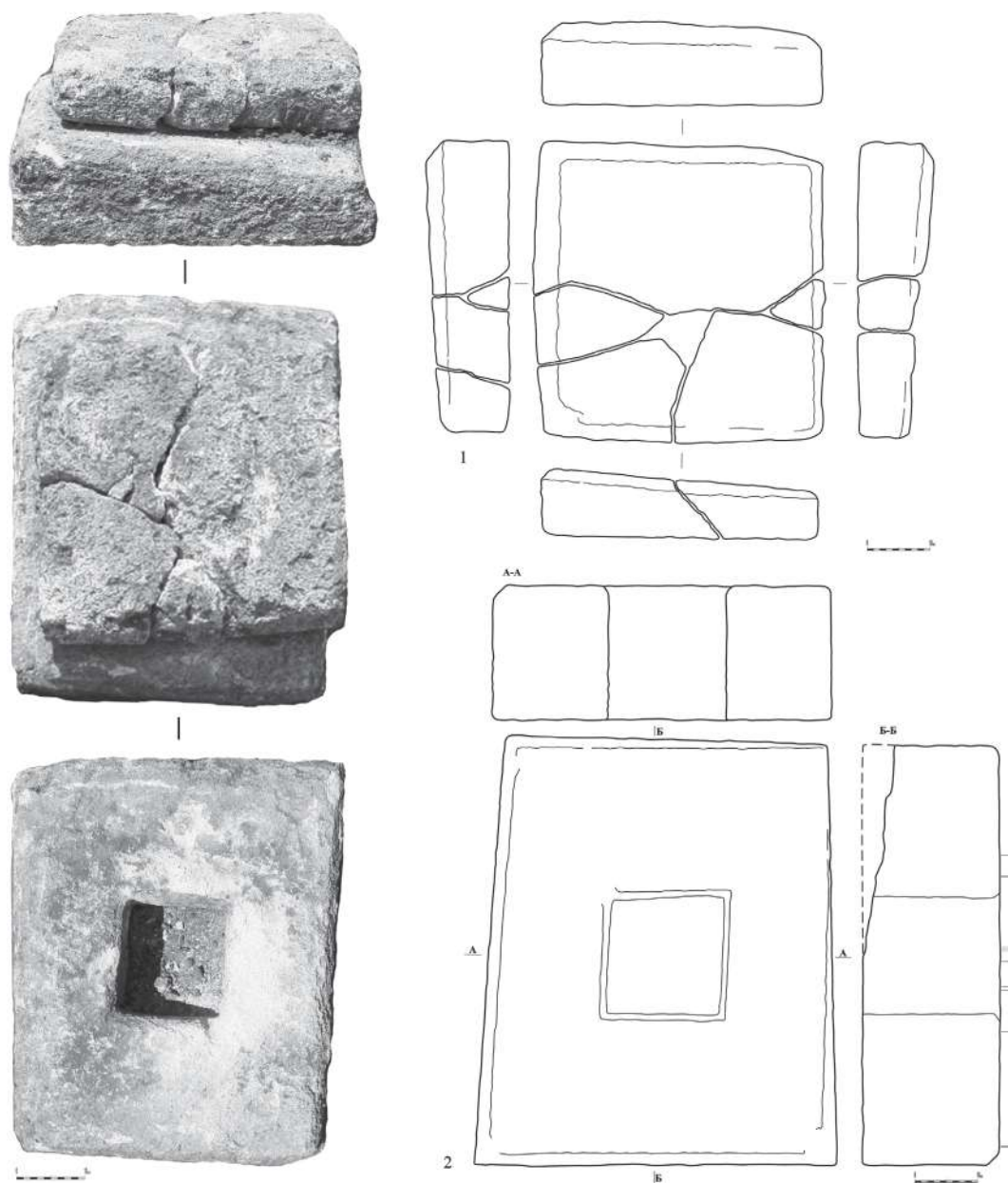

Рис. 7. Эсхара-хоэ (объект 20) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 301, 302.

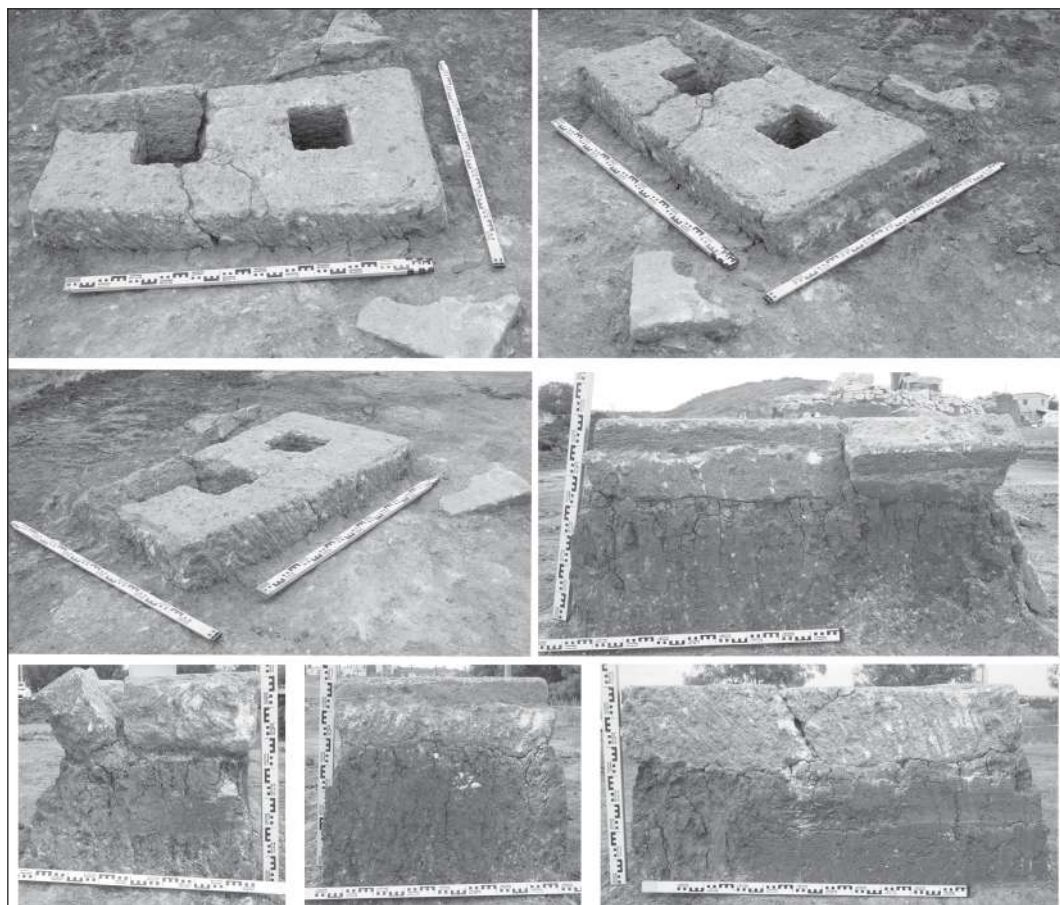

Рис. 8. Эсхара-хоэ (объект 31) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 41, 307-313.

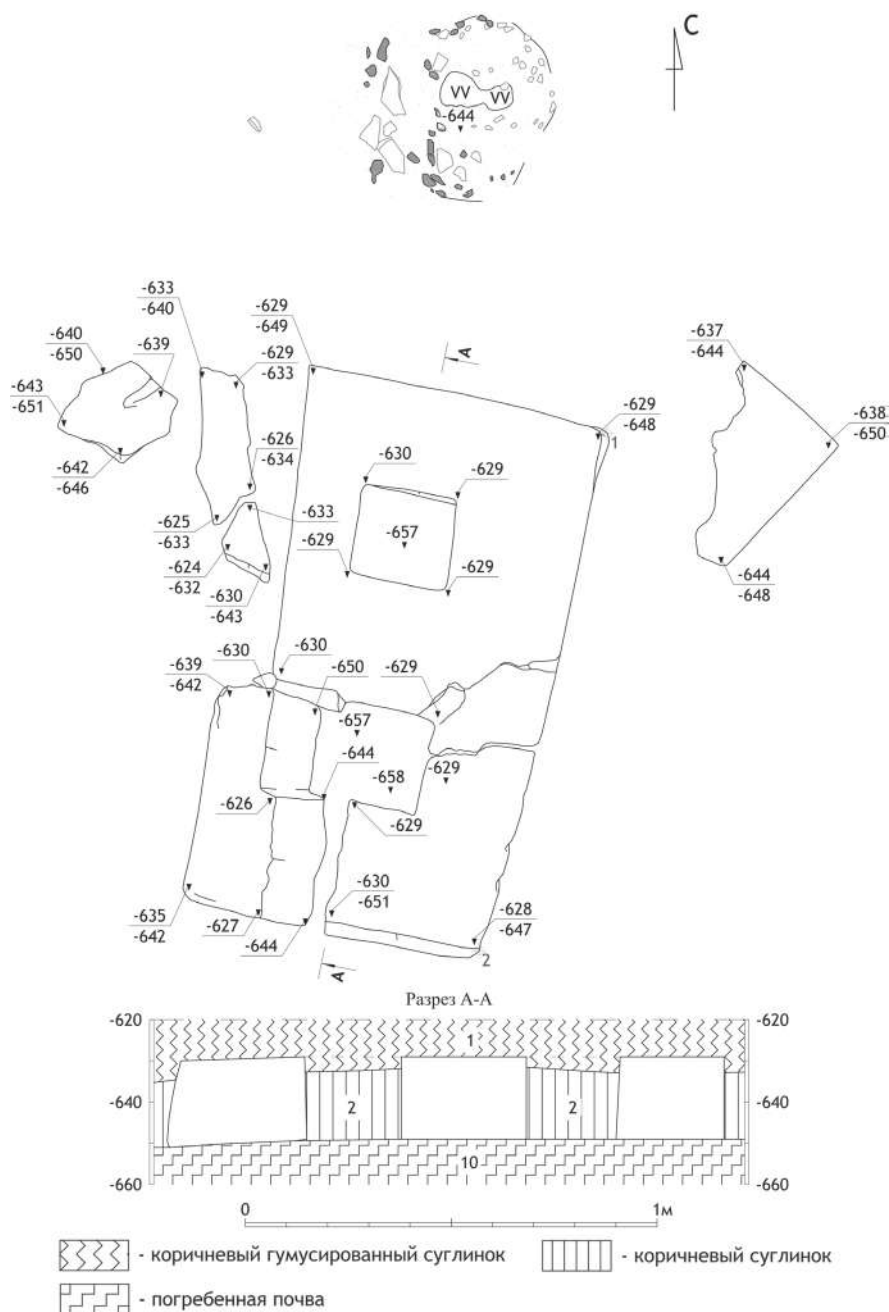

Рис. 9. Эсхара-хоэ (объект 31) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 314.

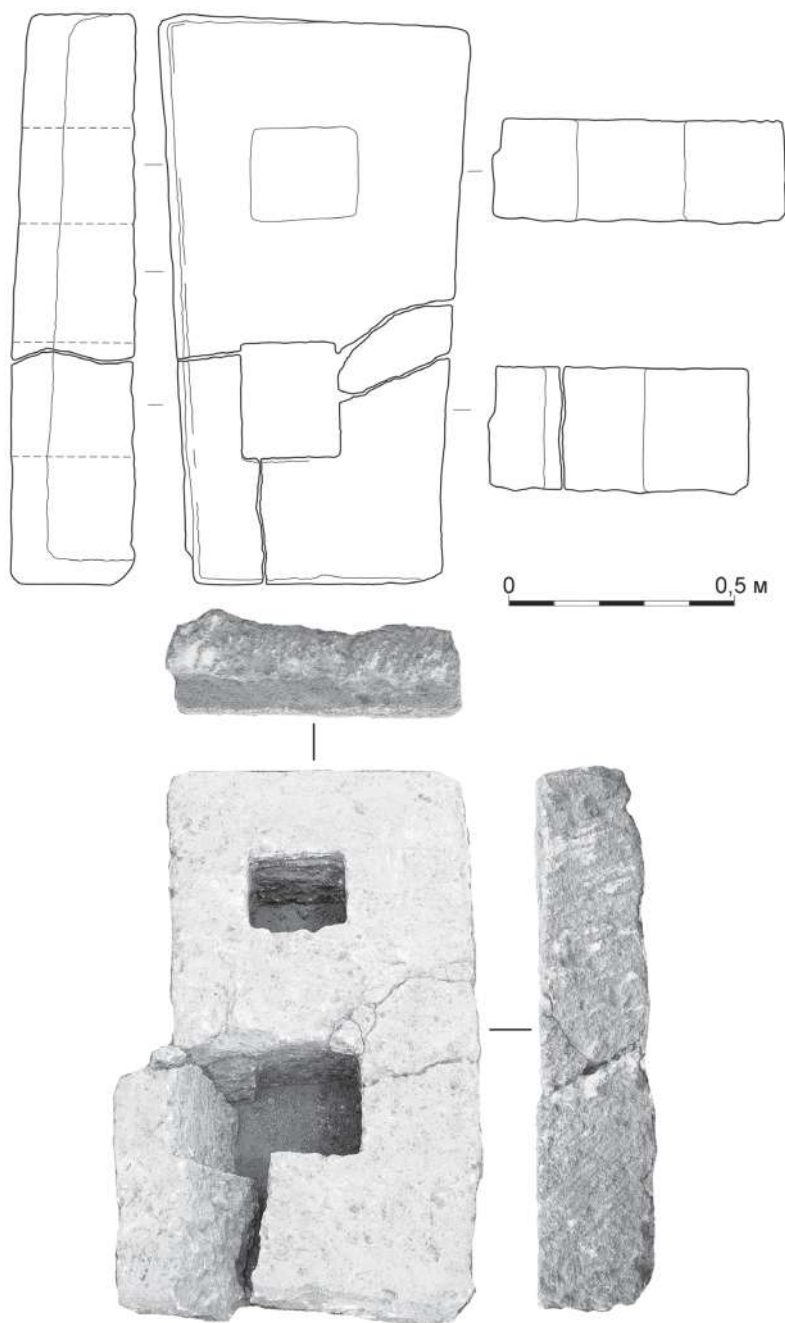

Рис. 10. Эсхара-хоэ (объект 31) из раскопок кургана Госпитальный по Рукавишникову и др., 2022, рис. 315.

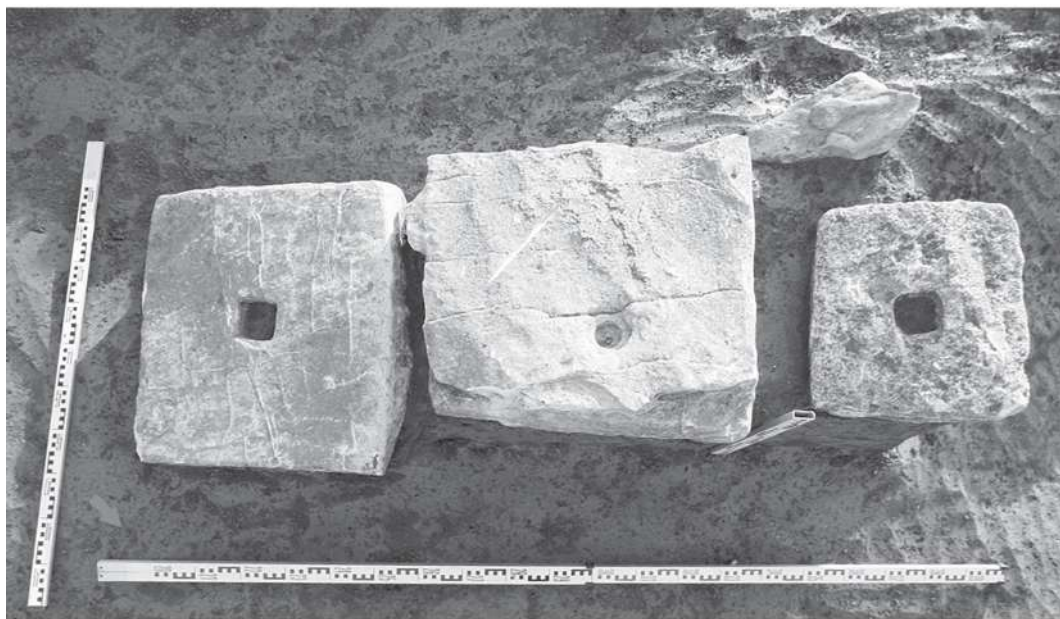
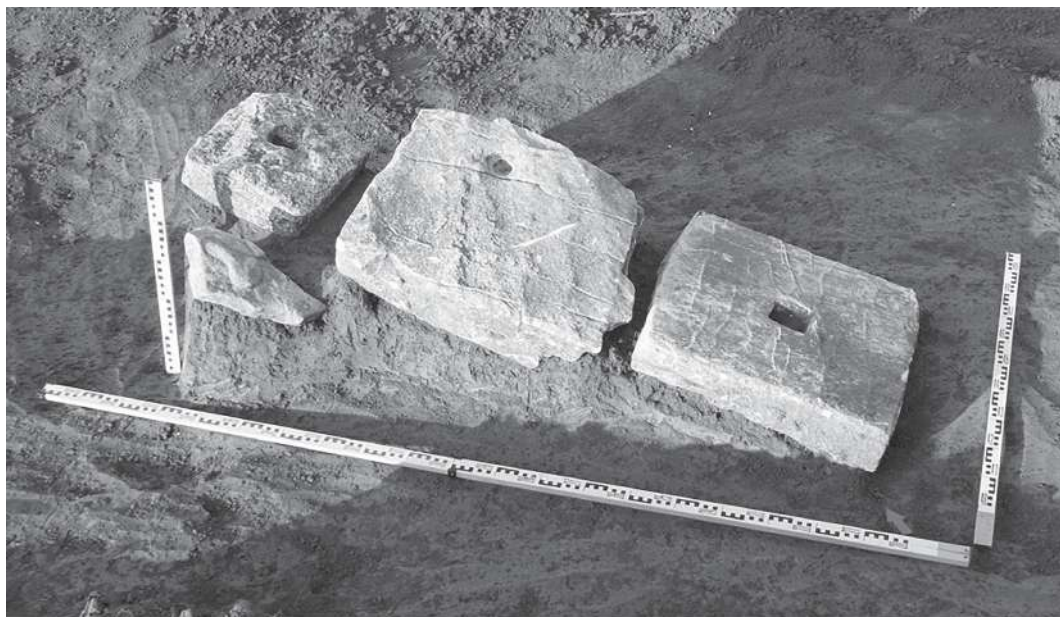

Рис. 11. Алтарь из двух эсхар-хоэ и жертвенной плиты с углублением из кургана у хутора Роза Люксембург (Раскопки И.В. Рукавишниковой в 2015 г., публикуются впервые).

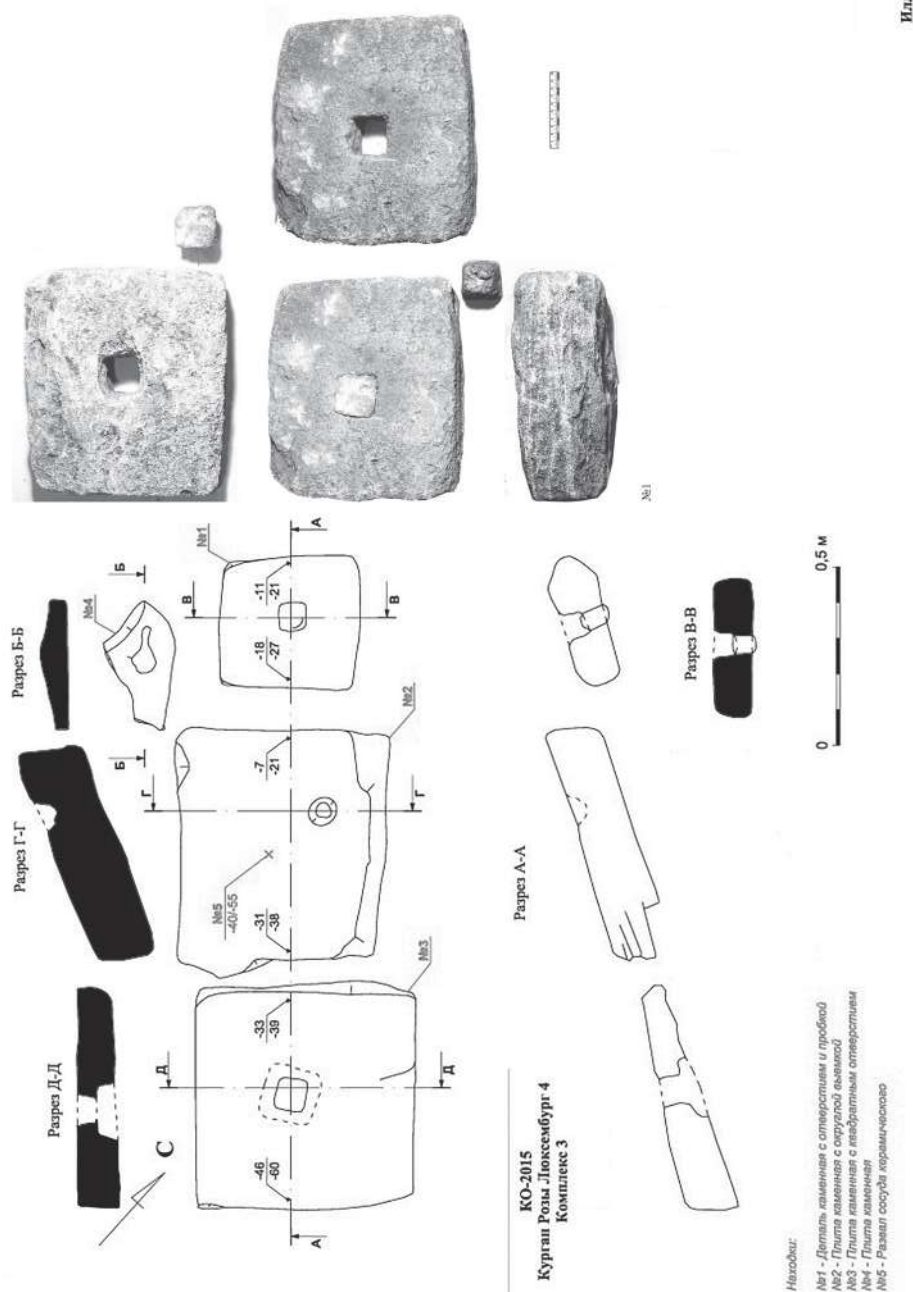

Рис. 12. Алтарь из двух эсхар-хоэ и жертвенной плиты с углублением из кургана у хутора Роза Люксембург по Рукавишникову и др., 2016, с. 366, рис. 5, 4.

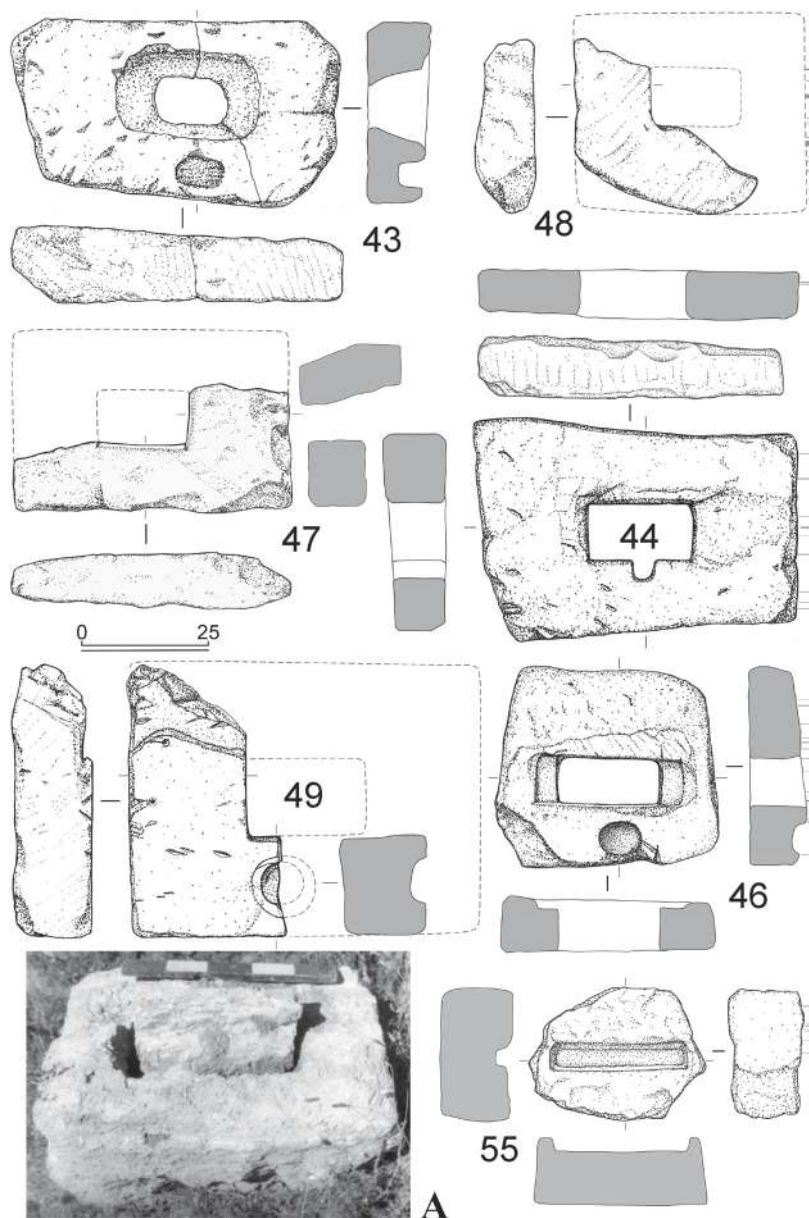

Рис. 13. «Базы» с территории варварских некрополей римского времени: 43, 44, 46-49, 55 – Киль-Дере-1 по Язиков и др., 2023 (нумерация в соответствии с каталогом издания); А – база из могильника у с. Вишневое по Пуздровский и др., 1995, рис. 23.

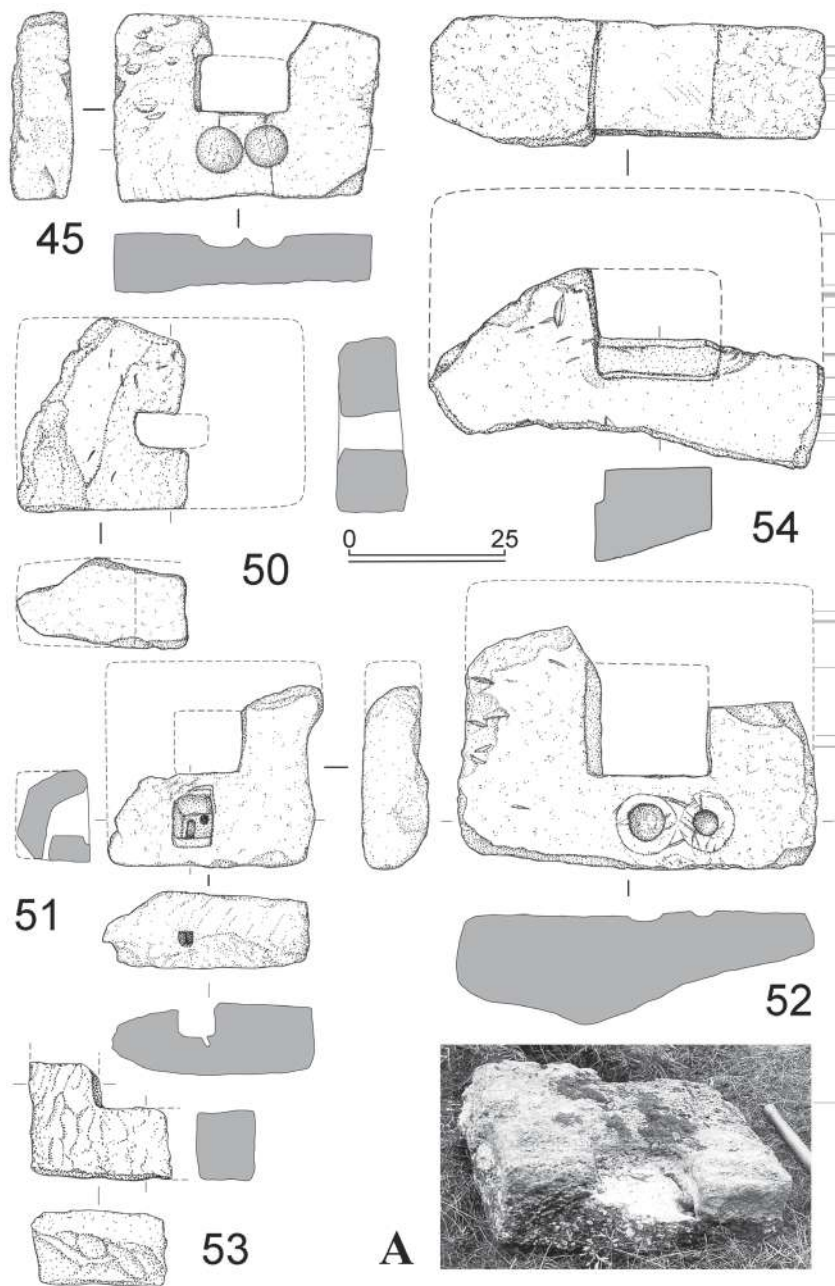

Рис. 14. «Базы» с территории варварских некрополей римского времени: 45, 50-54 – Киль-Дере–1 по Языков и др., 2023 (нумерация в соответствии с каталогом издания); А – база из могильника у с. Краснорье.

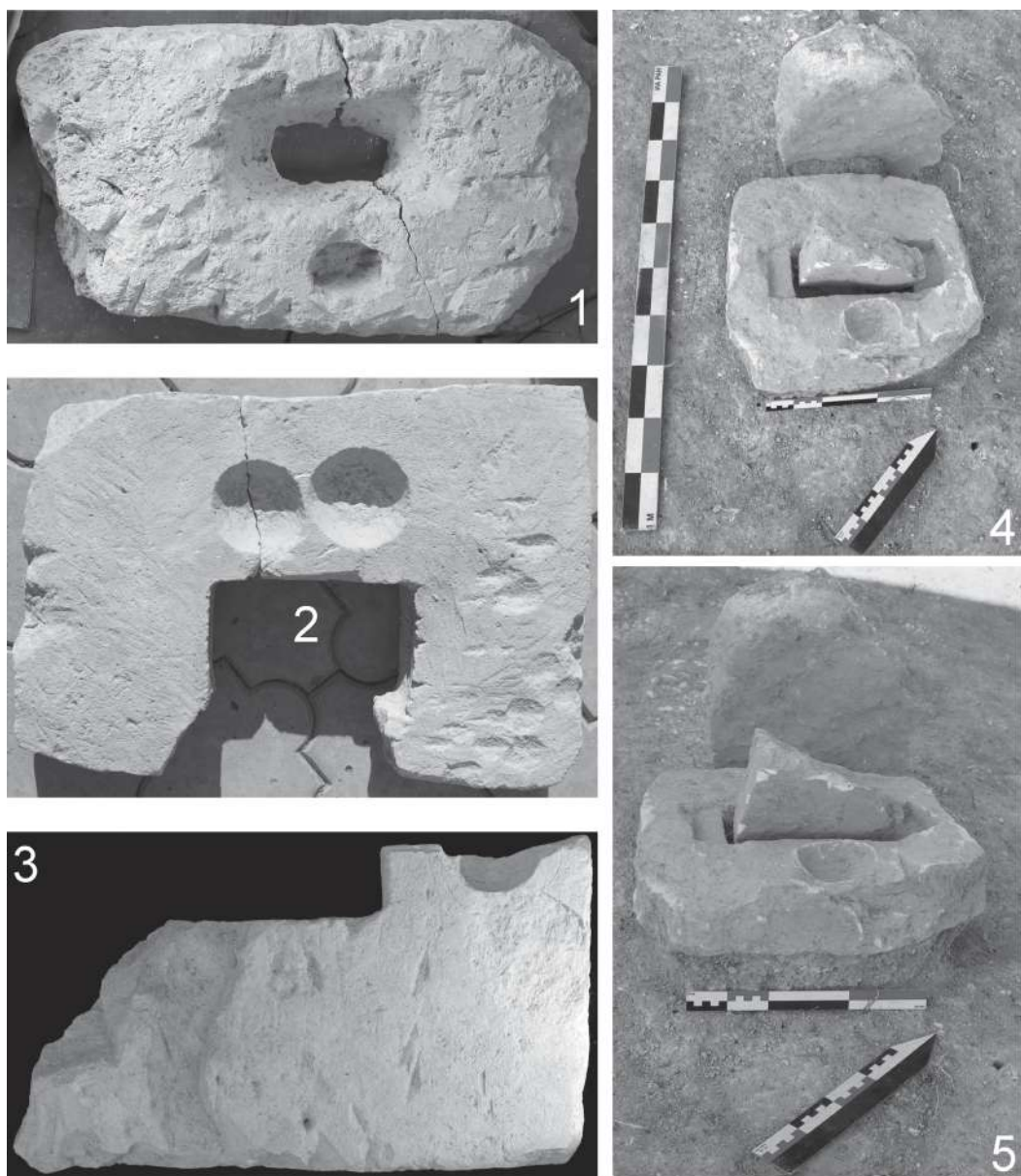

Рис. 15. 1–3 – «базы» из некрополя Киль-Дере–1 со следами преднамеренного повреждения; 5, 6 – «база» in situ у могилы №6 некрополя Киль-Дере–1.

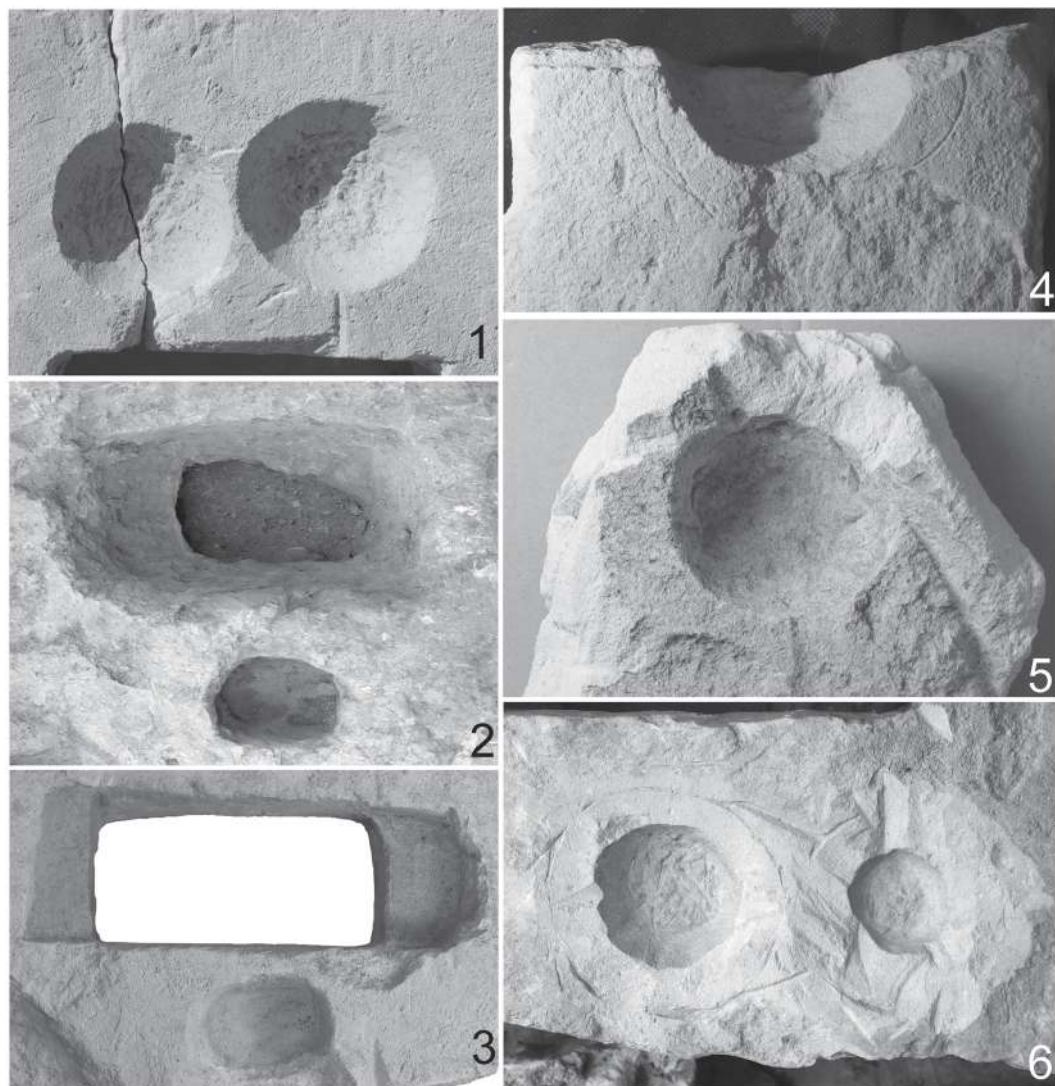

Рис. 16. 1–6 – «базы» из некрополя Киль-Дере–1 с жертвенными углублениями и стоками-желобками.

В.В. ПАНЧЕНКО
V.V. PANCHENKO

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДЕВЫ С БЛИЖНЕЙ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

(по результатам полевых исследований конца XX – начала XXI вв.)

NEW FINDS OF PARTHENOS' IMAGES FROM THE NEAR CHORA OF CHERSONESOS

**(based on the results of field researches of the late 20th – beginning of the
21st centuries)**

На протяжении последней четверти века на территории ближней хоры Херсонеса были найдены несколько изображений женских божеств, изготовленных из местного известняка, которые с разной долей вероятности могут быть атрибутированы в качестве изображений богини Девы. Прежде всего необходимо отметить, что на фоне практически полного отсутствия каменных изображений этой богини находки сами по себе представляют немалый научный интерес. Вместе с тем они позволяют внести некоторые дополнения в существующие точки зрения по ряду проблемных вопросов, касающихся культа Парthenос в Херсонесе.

Первый памятник представляет собой небольшую плитку из известняка с графическим изображением женской фигуры на лицевой поверхности (рис. 1). Он был обнаружен во время проведения раскопок в 1999 г. в Верхне-Юхариной балке на территории усадьбы земельного участка № 340 (341) в слое засыпи помещения 1 вместе с керамическим материалом II–III вв. н. э. Приблизительно достоверным *terminus ante quem* для датировки плитки является время пожара конца II – первой половины III вв. н. э., который привел к гибели помещения 1. Исследователи, опубликовавшие памятник, высказали предположение о существовании на территории усадьбы небольшого домашнего святилища. находка представляет собой известняковый алтарь трапециевидной формы размерами 10,0 x 7,0 x 5,1 см. На лицевой, плоской поверхности помещено графическое изображение богини Девы в эдикуле. Эдикула имеет ступенчатое основание, две колонны по бокам поддерживают фронтоны. Дева изображена в центре эдикулы. Она одета в длинный хитон, подпоясанный под грудью и украшенный перекрещивающимися прямыми линиями. В правой, согнутой в локте руке богиня держит дротик, в левой, далеко отведенной от тела, – лук. Обе ноги слегка согнуты в коленях. Голова богини повернута в фас, на лице прочерчены большие круглые глаза, над головой помещен высокий башенный венец. Алтарь изготовлен из местного известняка местным мастером II–III вв. н. э. Исследователи отметили, что поза богини Девы хорошо знакома по монетам херсонесского чекана [Ковалевская, Шевченко, 2003, с. 89–91]. Изображение выполнено в примитивном

стиле, что обусловлено с одной стороны уровнем мастерства художника, с другой стороны небольшими размерами алтарика и качеством материала (известняк не приспособлен для тонких художественных работ малого масштаба). Вместе с тем для изображения характерно соблюдение пропорций и внимание к деталям, таким как башенный венец, глаза, рисунок хитона.

В монетном деле Херсонеса первых веков н.э. действительно получил широкое распространение аналогичный образ богини Девы. Богиня изображается в полный рост, с луком в левой руке и дротиком в правой. Она облачена в длинное одеяние, на голове – башенная корона. Иногда слева или справа от богини присутствует лань (рис. 2). Предположительно в III–II вв. до н. э. в Херсонесе была установлена соответствующая статуя Партенос в ипостаси защитницы города, которая воспроизводилась местными резчиками штемпелей в качестве одного из основных монетных типов [Зограф, 1922, с. 353–360; Анохин, 1977, с. 60]. На большинстве выпусков верхняя часть тела Девы обращена анфас, ее голова несколько развернута влево, правая нога согнута в колене, левая – прямая, видимо, чуть отставлена назад [например, Туровский, Горбатов, 2013, № 237–238, 286–288, 306–306б]. На ряде монет Дева находится в движении влево, ее пояс развивается, иногда одеяние чуть короче обычного и соответственно видны ступни ног [Туровский, Горбатов, 2013, № 263, 266, 271, 275]. Этот ракурс часто чеканится на поздних тетрассариях, некоторые из них выделяются отменным качеством иконографии [Туровский, Горбатов, 2013, № 327, 328, 331, 335, 335а, 337, 337а]. Вместе с тем на отдельных монетах и фигура и лицо богини расположены анфас, обе ноги прямые или почти прямые. Особенно характерен такой разворот для статеров [Туровский, Горбатов, 2013, № 243, 262, 268, 270, 274, 279, 281, 282, 290]. Подобный ракурс наиболее близок фигуре на алтарике (рис. 3).

Второй памятник представляет собой рельеф, выполненный на небольшой известняковой плите (рис. 4). Он был найден летом 2018 г. при проведении археологических разведок в непосредственной близости от усадьбы блока наделов № 359 хоры Херсонеса [Николаенко и др., 2022, с. 258–259]. Усадьба расположена на крутом южном склоне балки Бермана, на мысу, образованном балками Солты. Среди подъемного материала на территории комплекса и в его окрестностях встречаются: чернолаковая и краснолаковая керамика, средневековая тарная и столовая керамика, а также черепица (в изобилии). Исходя из обнаруженного на дневной поверхности керамического материала, можно предположить функционирование усадьбы в широком хронологическом диапазоне на протяжении античности и средних веков. Плита имеет размеры 20,2 x 12,5 x 7,9 см. На лицевой плоской стороне в конусообразной нише вытесано изображение женской фигуры размерами 13,8 x 9,2 см, выполненное в достаточно высоком рельефе. Фигура в полный рост, обращена анфас (рис. 5). Она облачена в длинное до пола неширокое одеяние, скрывающее ступни ног. Крупная голова (не исключено наличие головного убора) покоится на непропорционально длинной шее. Плечи фигуры узкие и покатые. Руки приподняты и распростёрты в стороны, правая рука сохранилась частично. Мелкие детали лица, фигуры и оде-

яния не прослеживаются, что может быть вызвано либо низкими пластическими свойствами известняка, либо плохой сохранностью рельефа, а скорее всего обоими причинами. Некоторые особенности иконографии (изображение в полный рост, разворот анфас, положение рук, длинное одеяние, скрывающее ступни ног, удлиненная шея, покатые плечи, возможное наличие головного убора (короны?)) находят аналогии с обликом богини Девы на алтарике с усадьбы земельного участка № 340 (341) и на соответствующих монетах. Это позволило высказать предположение о том, что на рельефе также вытесано изображение Партенос. Рельеф выполнен в местном известняке местным мастером и может быть датирован в диапазоне от I в. до н. э. до III в. н. э. [Панченко, 2020, с. 278, 281]. Небольшие размеры рельефа с большой долей вероятности указывают на его принадлежность домашнему святилищу.

Еще один памятник по уточненным данным был обнаружен во время раскопок Г. М. Николаенко на территории комплекса укрепленных построек в балке Бермана (блок наделов № 347 хоры Херсонеса) в 2017 г. при обвале части кладки средневековой стены в пещерном помещении участка «Подземный-1» (рис. 6). Жизнедеятельность на территории комплекса укрепленных построек по данным археологии фиксируется на протяжении IV в. до н. э. – XI в. н. э. [Николаенко и др., 2022, с. 246–251]. Рельеф был вторично использован при сооружении двухслойной стены, датируемой вторым строительным периодом архитектурного комплекса «Подземный-1», время которого определяется второй половиной IX – концом XI вв. Памятник изготовлен из известняка-ракушечника сарматского яруса светло-желтого цвета относительно высокой плотности (как для ракушечника) (рис. 7). Он представляет собой прямоугольную плиту размерами 35 на 40 см, толщиной около 7 см. Углы плиты закруглены либо в ходе изготовления рельефа, либо при использовании в качестве строительного материала. Поверхность плиты в процессе использования подверглась повреждениям, вызванным различными внешними факторами: от выветривания до механического воздействия. Следы выветривания косвенно указывают на длительное нахождение рельефа на открытом воздухе. Правая часть нижней грани сколота примерно на одну треть. Небольшие механические сколы присутствуют на нижних углах лицевой стороны. На боковых, верхней и нижней гранях, а также на задней поверхности присутствуют следы первичной обработки с целью их выравнивания. Левая грань кверху незначительно сужается. На лицевой стороне вытесано изображение антропоморфной фигуры (рис. 8). Изображение имеет размеры 34 на 28 см и изначально выполнено в низком рельефе. Манера исполнения в целом грубая, без прорисовки деталей, что во многом вызвано используемым материалом – известняком-ракушечником, который в отличие от других видов известняка с трудом поддается художественной обработке. Фигура выполнена в полный рост, обращена анфас. Она облачена в длинное расширяющееся к низу одеяние, скрывающее ступни ног. Крупная голова (почти не сохранилась) покоится на короткой шее. Плечи узкие. Руки приподняты и согнуты в локтях, правая рука держит крупный круглый предмет, левая рука упирается в край видимой части рельефа. Пропорции фигуры за неболь-

шими исключениями в целом соблюдены. Мелкие детали лица, фигуры и одеяния, как и на предыдущем рельефе, не прослеживаются, несмотря на различие в размерах. Узкие плечи и хитон до пят свидетельствуют о том, что на рельефе представлена женская фигура, которая в связи с обнаружением в подземном комплексе получила условное название «Пещерная Дева». Стоит указать, что на территории комплекса обнаружены признаки существования нескольких культовых сооружений, относящихся к разным периодам. В Основном комплексе это ниши в стене Южной башни, терракотовые статуэтки Диониса и Силена, протомы Кибелы (эллинизм) [Николаенко и др., 2022, с. 246]. На расположенном менее, чем в ста метрах к северо-западу от комплекса «Подземный-1» участке «Башня СЗ-1» это рельеф с изображением Диониса и жертвенник (конструкция из поставленных на ребро плоских камней, заполненная костями животных) (римское время) [Аржанов, Панченко, 2024, с. 19].

Таким образом, в манере изготовления «Пещерной Девы» присутствует некоторое сходство с предыдущим рельефом, происходящим из окрестностей усадьбы блока земельных наделов № 359, – оба вытесаны в местном известняке в условном стиле без отображения деталей. Женская фигура обнаруживает значительное сходство по внешнему облику с изображением богини Партенос на соответствующих монетах Херсонеса (рис. 9). Вместе с тем у нее отсутствуют неизменные атрибуты Девы – дротик и лук и частый атрибут – лань. Их отсутствие может быть связано как со спецификой обработки камня, так и с ущербом, нанесенным памятнику временем и воздействием природных факторов (вероятно, плита продолжительное время находилась на дневной поверхности). Вызывает смущение два момента. Во-первых, круглый предмет, который фигура держит в правой руке. В правой руке богиня обычно держит дротик. Патера или фиала, если это она, совершенно не присуща для Партенос. При этом богиня держит фиалу нетипичным способом – высоко подняв вверх. Может быть, изображен тимпан, но он характерен скорее для Кибелы. Для которой нехарактерна поза в полный рост с разведенными в сторону руками. Более всего круглый предмет напоминает венок, который, в свою очередь, из распространенных в античном Херсонесе персонажей свойственен для Ники. При этом фигура Ники на херсонесских ассариях чеканится в профиль, и у нее всегда видны крылья за спиной [Анохин, 1977, № 223] (рис. 10). Во-вторых, в отличие от «канонического» изображения Девы на монетах и на алтарике, где она держит левой рукой лук наизготовку и предплечье соответственно располагается горизонтально, на данном рельефе левая рука богини согнута в локте более обычного, предплечье существенно приподнято, и если допустить, что в руке она держит лук, то она как бы потрясает им (т.е. лук не находится в состоянии боевой готовности). Среди аналогов, встречающихся в Северном Причерноморье, можно отметить изображения похожих фигур в склепах поклонников бога Сабазия из Пантикапея [Соколов, 1999, с. 419]. На росписях появляются «странные демоноподобные существа», которые держат в руках в основном дротики и щиты, реже – венки.

Правда, имеются некоторые отличия этих фигур от нашего рельефа, в частности их одяния намного короче – они доходят до колен, а не закрывают ступни ног.

Среди рассмотренных аналогий наиболее близким нашему рельефу представляется изображение фракийской богини Бендиды¹. Бендида (др.-греч. Βενδίδς) – фракийское божество, почитавшееся в Аттике под именем Великой богини. Во Фракии существовал оргиастический культ Бендиды – богини-охотницы, которая отождествлялась с Артемидой [Мифологический словарь, 1990, с. 93]. Она яростно преследует дичь, но вместе с тем заботится о ней и борется за ее безопасность. В стремительном движении богини на многочисленных рельефах и вотивных табличках прослеживается прямая связь и влияние Артемиды. Однако эта особенность сохраняется только для иконографии. Письменные источники указывают на идею «Потнии Терон», т.е. повелительницы животных [Попов, 1981, с. 32]. Помимо этого, в ее образе мы можем обнаружить различные ассоциации. Юное божество дикой природы можно найти рядом с Кибелой, которая представляет ярко выраженную материнскую сущность такой богини. Бендида имеет много общего с Гекатой, включая такой космический аспект, как луна: мы видим важность темноты в ее культе, пространство ночи и подземного мира. Исихий и Фотий описывают хтонический аспект Бендиды, который также может указывать на связь с Гекатой. Орфики могли идентифицировать ее с Персефоной, повелительницей подземного мира. Вместе с тем мы находим Бендиду близкой к женскому божеству, которое олицетворяет справедливость, по имени Адрастея-Немезида и Фемида [Braund, 2017, с. 592]. Среди атрибутов Бендиды, которые она держит в той или иной руке, можно выделить копье, лук, фиалу, ветвь. На рельефе, высеченном на скальной поверхности вблизи Филипп, который датируется II–III вв. н. э., богиня изображена в движении влево в полный рост (рис. 11). В левой руке она держит лук, в правой – фиалу. Под ногами у Бендиды изображена лань. Богиня в отличие от «Пещерной Девы» облачена в короткий до колен плиссированный хитон и невысокие сапожки [Попов, 1981].

Таким образом «Пещерная Дева» представляет собой изображение женского божества местного производства, которое по внешнему облику и манере исполнения относится к первым векам нашей эры. Скорее всего это синкретический образ, объединяющий отдельные элементы нескольких женских божеств, в основе которого находится популярный в Херсонесе на протяжении столетий культ Партенос. При этом в работе автора рельефа, как представляется, сказалось определенное влияние образа фракийской богини Бендиды, которая прежде всего отождествлялась с Артемидой.

Обнаружение за последнее время нескольких каменных изображений Девы, относящихся к первым векам нашей эры, является свидетельством существования культа этой богини на хоре в этот период жизни Херсонеса. Показательно, что рас-

¹ Выражаю искреннюю благодарность Константину Анисимову за высказанную идею о влиянии образа Бендиды на изображение «Пещерной Девы» и предоставленные им соответствующие материалы.

смотренные памятники происходят с усадеб, располагавшихся на периферии ближней сельскохозяйственной округи. На изображениях покровительница города представлена в ипостаси защитницы (в данном случае, видимо, границ хоры), что было актуально в течение всей античности и особенно на протяжении первых веков нашей эры (рис. 12).

Насколько известно, культ Девы в Херсонесе прежде всего носил государственный характер, причем он имел тенденцию к укреплению [Мещеряков, 1980, с. 16; Русяева, Зубарь, 2004, с. 340; Панченко, 2021, с. 309]. Об этом мы достоверно знаем из текстов декретов, относящихся к первым векам нашей эры (летоисчисление по царствованию Девы, приложение печати богини царицы Девы на декретах) и по изображениям на монетах. Сложнее ситуация обстоит с отправлением частного культа. Небольшие размеры каменных изображений Девы, которые скорее всего предназначались для исполнения соответствующих религиозных практик в домашних святилищах (здесь прежде всего имеются в виду алтарики с усадьбы земельного участка № 340 (341) и рельеф с усадьбы блока наделов № 359, хотя нельзя исключать и «Пещерную Деву»), служат свидетельством в пользу существования частного культа богини.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржанов А.Ю., Панченко В.В. Святилище римского времени в ближней округе Херсонеса // ПОΛΙΣ ΚΑΙ ΧΩΡΑ ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ : сборник статей в честь Галины Михайловны Николаенко / отв. ред. А.В. Зайков. Симферополь: ИП Пинчук А.В., 2024. С. 16–28.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
- Зограф А.Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК. 1922. Т. II. С. 337–360.
- Ковалевская Л.А., Шевченко А.В. Алтарики с изображением Девы с хоры Херсонеса // Херсонесский сборник. 2003. Вып. XII. С. 89–91.
- Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. Дисс. канд. ист. наук. М., 1980. 335 с.
- Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Воскресенская Е.Н., Лебединский В.В., Пасуманский А.Е. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Том II. (Серия «Археологические атласы Северного Причерноморья», выпуск 4). Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 312 с.
- Панченко В. В. Рельеф Девы с ближней хоры Херсонеса // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А.Зинько. Симферополь; Керчь, 2020. С. 277–284.
- Панченко В.В. Сохранение традиций в религиозной жизни Херсонеса первых веков н. э. (на примере культа Девы) // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и вар-

- варский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А.Зинько. Симферополь-Керчь, 2021. С. 303–311.
- Попов Димитър. Тракийската богиня Бендида. София: Издателство Наука и изкуство, 1981. 127 с.
- Русяева А.С., Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: очерки истории и культуры / ред. рада: П.П. Толочко (голова) и др. Харьков: Майдан, 2004. С. 333–430.
- Сайт «Монеты Тавриды». URL: <https://tauriscoins.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М.: Издательство МЭИ, 1999. 532 с.
- Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь: ДИАИПИ, 2013. 160 с.
- Braund David. The Goddess Bendis in Fifth Century Athenian Culture // ВДИ. 2017. № 77 (3). С. 574–598.

REFERENCES

- Arzhanov A.Iu., Panchenko V.V. Sviatilishche rimskogo vremeni v blizhnei okruge Khersonesa. Zaikov A.V. (Ed.). *ΠΟΛΙΣ ΚΑΙ ΧΩΡΑ ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ : sbornik statei v chest' Galiny Mikhailovny Nikolaenko*. Simferopol', IP Pinchuk A.V. Publ., 2024, pp. 16–28.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.
- Braund David. The Goddess Bendis in Fifth Century Athenian Culture. *Vestnik drevnei istorii*, 2017, № 77 (3), pp. 574–598.
- Kovalevskaia L.A., Shevchenko A.V. Altarik s izobrazheniem Devy s khory Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, 2003, vol. XII, pp. 89–91.
- Meshcheriakov V.F. *Religiia i kul'ty Khersonesa Tavricheskogo v I–IV vekakh n.e.* Diss. of kand. ist. nauk. Moscow, 1980. 335 p.
- Meletinskii E. M. (Ed.). *Mifologicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990, 672 p.
- Nikolaenko G.M., Smekalova T.N., Terekhin E.A., Voskresenskaia E.N., Lebedinskii V.V., Pasumanskii A.E. *Atlas blizhnei khory Khersonesa Tavricheskogo*. Vol. II. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2022, 312 p.
- Panchenko V. V. Rel'ef Devy s blizhnei khory Khersonesa. *XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob"ekty iskusstva v arkhologicheskoi kontekste*. Simferopol'-Kerch', 2020, pp. 277–284.
- Panchenko V.V. Sokhranenie traditsii v religioznoi zhizni Khersonesa pervykh vekov n. e. (na primere kul'ta Devy). *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty*. Simferopol'-Kerch', 2021, pp. 303–311.
- Popov Dimit'r. *Trakiiskata boginia Bendida*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1981, 127 p.
- Rusiaeva A.S., Zubar' V.M. Religioznoe mirovoztrenie. *Tolochko P.P. (Ed.). Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e.: ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2004, pp. 333–430.
- Sokolov G.I. *Iskusstvo Bosporskogo tsarstva*. Moscow, MEI Publ., 1999, 532 p.
- Turovskii E.Ia., Gorbатов V.M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel'*. Simferopol', DIAIPI Publ., 2013, 160 p.
- Website «Monety Tavridy». Available at: <https://tauriscoins.ru/> (accessed: 10.01.2025).
- Zograf A.N. Statuarnye izobrazheniia Devy v Khersonese po dannym numizmatiki. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury*, 1922, vol. II, pp. 337–360.

Резюме

На протяжении последней четверти века на территории ближней хоры Херсонеса были найдены три изображения богини Девы. Небольшой алтарик был обнаружен в Верхне-Юхариной балке на территории усадьбы земельного участка № 340 (341). Один рельеф был найден в балке Бермана в непосредственной близости от усадьбы блока наделов № 359. Второй рельеф происходит из пещерного помещения, расположенного вблизи комплекса укреплённых построек в балке Бермана (блок наделов № 347 хоры Херсонеса).

Эти находки позволяют внести дополнения в существующие точки зрения по ряду проблемных вопросов, касающихся культа Девы в Херсонесе. Каменные изображения Девы относятся к первым векам нашей эры. Они являются свидетельством существования культа богини на хоре в этот период жизни Херсонеса. Памятники происходят с периферийных усадеб ближней сельскохозяйственной округи. На изображениях покровительница города представлена в ипостаси защитницы, что было актуально в течение всей античности и особенно на протяжении первых веков нашей эры. Небольшие размеры изображений, которые скорее всего предназначались для исполнения соответствующих религиозных практик в домашних святилищах, служит свидетельством в пользу существования частного культа богини.

Ключевые слова: богиня Дева, Партенос, Херсонес, хора, усадьба, рельеф, известняк.

Summary

In Chersonesos' nearer chora for the past quarter-century there have been found three images of the goddess Parthenos. A small altar with an incised representation of Parthenos was discovered on a farmhouse at Site 340 (Verkhne-Yukharina Ravine). One relief was found in Berman Ravine in the immediate vicinity of the estate of farmsite 359. The second relief comes from a cave room located near a complex of fortified buildings in Berman Ravine (at Site 347).

These findings significantly add to our knowledge about cult of Parthenos in Chersonesos. All stone images of Parthenos date back to the first centuries AD. They verify the cult of this goddess in the chora during this period. The artefacts come from peripheral estates at the nearer surrounding countryside. The images depict the goddess in the role of the main patron and protector of city and chora, which was relevant throughout antiquity and especially during the first centuries of AD. The small size of these images, which were intended for the religious practices in home shrines, support the existence of the private cult of this goddess.

Key words: goddess Parthenos, Chersonesos, chora, estate, relief, limestone.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Панченко Вадим Владимирович,
научный сотрудник Отдела
междисциплинарных исследований,
ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь)
vad_panchenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panchenko Vadim Vladimirovich,
Researcher at the Department of Interdisciplinary Studies,
State Historical-archeological Museum-reserve
«Tauric Chersonesos» (Sebastopol)
vad_panchenko@mail.ru

Рис.1. Алтарь Девы с усадьбы блока наделов № 340 (341) (фото К.В. Заковой).

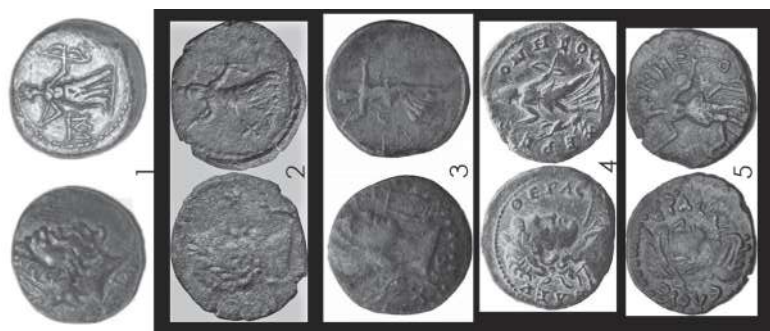

Рис.2. Монеты Херсонеса с изображением Девы: 1 – тетраха́лк, вторая половина I в. до н.э. (<https://tauriscoins.ru/index.php/catalog-monety-khersonesa/204-2044-detail>); 2 – тетраха́лк, первая половина I в.н.э. (<https://tauriscoins.ru/index.php/catalog-monety-khersonesa/212-2121-detail>); 3 – тетрасса́рий, 96 г. н.э. (<https://tauriscoins.ru/index.php/catalog-monety-khersonesa/238-2381-detail>); 4 – тетрасса́рий, 212–217 гг. н.э. (<https://tauriscoins.ru/index.php/catalog-monety-khersonesa/286-2870-detail>); 5 – дупондий, 253–268 гг. н.э. (<https://tauriscoins.ru/index.php/catalog-monety-khersonesa/306-3061-detail>).

Рис.3. Золотой статер Херсонеса, 95 г. н.э. [Туровский, Горбатов, 2013, № 274].

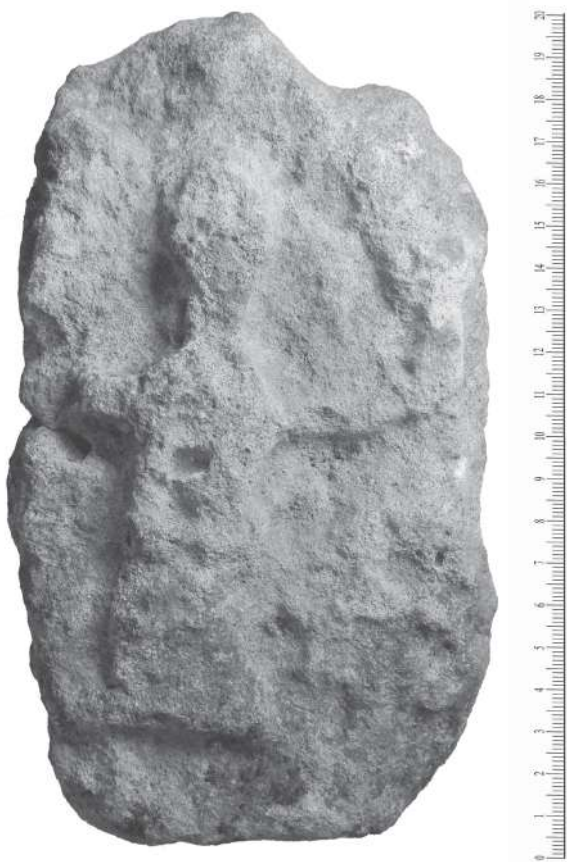

Рис.4. Известняковый рельеф Девы с усадьбы блока надельов № 359 (фото К.В. Зыковой).

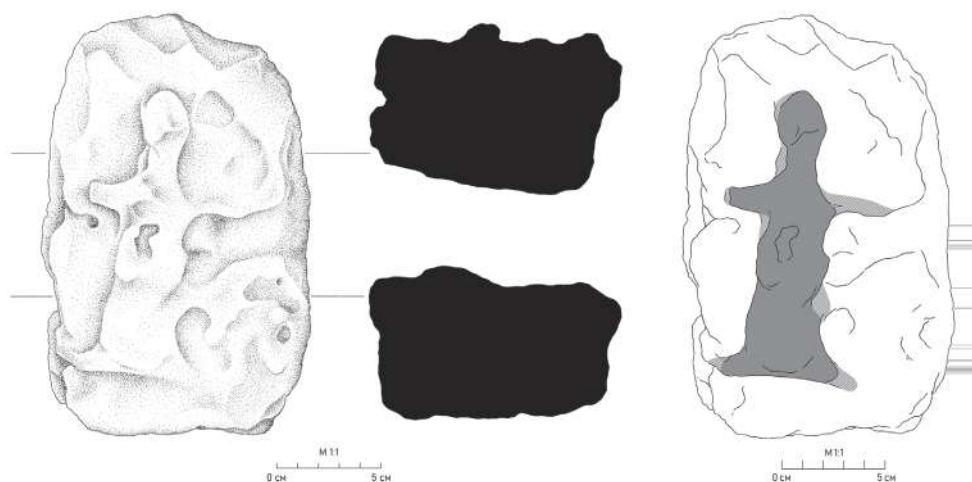

Рис.5. Известняковый рельеф Девы с усадьбы блока наделов № 359 (прорисовка Д.В. Чмыхова).

Рис.6. Аэрофотография комплекса укрепленных построек в балке Бермана (блок 347) (фото А.Ю. Аржанова).

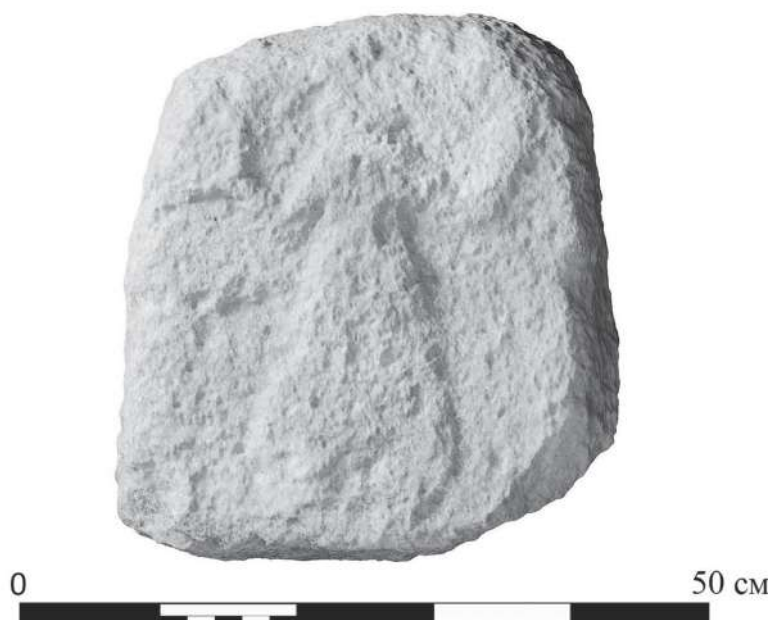

Рис.7. «Пещерная Дева», рельеф из пещерного помещения участка «Подземный-1» комплекса укрепленных построек в балке Бермана (блок наделов № 347) (фото К.В. Зыковой).

Рис.8. «Пещерная Дева» (прорисовка Д.В. Чмыхова).

Рис.9. Сравнение изображений Девы.

Рис.10. Ассарий Херсонеса, 63–68 гг. (<https://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/monety-khersonesa/225-2251-detail>).

Рис.11. Наскальный рельеф фракийской богини Бендиды вблизи Филипп [Попов, 1981].

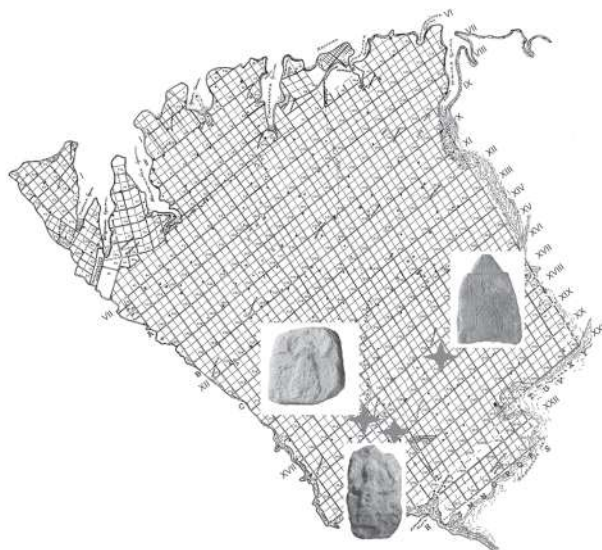

Рис.12. Карта ближней хоры Херсонеса с указанием мест находок изображений Девы.

К.О. МАРКОВА
K.O. MARKOVA

**К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ БЫТОВАНИЯ АМФОР
БОСПОРСКОГО ПРОИЗВОДСТВА**

(по результатам раскопок городища «Белинское» в 1996-2024 гг.)

**ON THE QUESTION OF THE TIME OF THE EXISTENCE
OF BOSPORAN AMPHORAE**

**(based on the results of excavations of the Belinskoye settlement
in 1996-2024)**

При исследовании античных памятников основную массу находок составляют амфоры и их фрагменты (70 – 80% от общего числа материала). Для археологов и историков они служат не только отличным датирующим материалом, но и являются надёжным источником по изучению античной торговли в течение определенного хронологического промежутка.

Новаторские добавки к амфорной таре могут быть использованы только в том случае, если удастся точно определить время появления на поселении отдельно взятых амфор, период наиболее активного использования и исчезновения из обращения. Особенно сложно определить последнее, так как отдельные амфоры могли использоваться длительное время даже после прекращения производства данного типа. Из опыта работы с таким материалом видно, что если можно связать один из этих этапов с конкретным событием в истории поселения, то новаторские добавки впоследствии могут быть использованы самостоятельно. Несколько примеров этому приведены ниже.

Городище «Белинское» расположено в Восточном Крыму в 4 км от Азовского моря и в непосредственной близости от северного участка Узунларского вала, являясь одним и наиболее крупных сельских поселений римского и позднеантичного периода. Керамический комплекс городища в настоящий момент насчитывает более 3000 обработанных и внесенных в опись профильных фрагментов амфорной тары, а также условно целых сосудов. В результате исследования 1997 – 2024 гг. была вскрыта большая площадь памятника и выявлено несколько стратиграфических уровней залегания керамического материала, сосредоточенного в основном массовыми скоплениями.

На Боспоре во II – III вв. н.э. также складывается своеобразный локальный производственный центр, в котором были выработаны оригинальные формы тары. С момента основания Белинского городища во II в. н.э. и вплоть до его запустения местные боспорские амфоры являлись второй по численности группой, при наличии значительной доли импорта из южно-понтийских центров (Гераклея и Синопа).

Амфоры типа 75 по И. Б. Зеест, типа 76–77 по И. Б. Зеест, типа 76–77 по И.Б. Зеест представлены на городище менее чем 5%, поэтому речь в данной работе о них не идет.

В слое первой половина II – середины III вв. н.э. 21,6% составляет группа амфор боспорского производства 83–89 по И.Б. Зеест, объединенные цветом глины (розово-глиняные с различными вариантами оттенков).

Амфоры типа 83 по И.Б. Зеест (рис. 2) часто встречаются в европейских и азиатских частях Боспора в комплексах второй четверти II – III вв. н.э. [Абрамов, 1993, с. 49, рис. 6,27; Внуков, 2006, с. 124; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 139, рис.15, рис.39].

На Белинском городище амфоры типа 83 по Зеест представлены широким горлом от 13 до 21 см, вытянутым с вертикальным или вогнутым венчиком. На внешней стороне венчик имеет: западину/заостренный верхний край/ скошенный внутренний край. Ручки округлые, реже овальные. Разнообразие оформления, диаметр венчиков и ручек связано с различными вариантами внутри одного типа. Данные морфологические особенности, позволяющие выделить среди типа несколько вариантов, уже отмечались исследователями [Смокотина, 2008, с. 113].

В амфорах этого типа четкая профилировка венчика отсутствует, а также можно видеть различия в глине. Вероятно, к середине III в. н.э. значение стандартизации этой тары исчезало, к тому же интересы торговли требовали огромного количества амфор, контролировать выпуск которой становилось всё сложнее.

Амфоры типа 84 по И.Б. Зеест (рис. 3) встречаются в контекстах II – III вв. н.э. [Зеест, 1960, с. 116. табл. XXXV, рис.84, а и б; Абрамов, 1993, с. 48-49, рис. 6.30-6.33; Кленина, 2004, с. 29-30, рис. 4.24-26], IV в. н.э. [Крапивина, 1993, с. 98, рис. 30, 11-14].

В Танаисе эти амфоры широко представлены, главным образом, в закрытых комплексах, погибших в середине III в. н.э. [Науменко, 2012, с. 70]

На Белинском городище амфоры этого типа представлены пухлым горлом, венчиком с округлым валиком или с клювообразным выступом, неглубоким желобком под ним. На горле под венчиком имеются три мелкие бороздки (является часто определяющим признаком). На внутренней стороне также имеются вдавливания. Ручки крупные овальные в сечении формы. Коническое дно с пологими стенками. Глина красно-розовая с серой сердцевинной, плотная, с примесью известняка, редких железистых частиц и мелкой слюды.

Амфоры типа 85 по И.Б. Зеест (рис. 1, 5) схожи с амфорами типа 83, 84. Датируют данные сосуды II – III вв.н.э. [Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXV, 85], конец II – первая половина III вв. н.э. [Абрамов, 1993, с. 49].

Общая высота подобных сосудов чуть меньше, чем у типов 83 и 84. Ширина же в диаметре венчика больше и в плечах – 50 см. Корпус яйцевидный, с коническим дном. Горло прямое, невысокое, с пухлым валикообразным венцом. Ручки меньшего размера, чем у предыдущих типов (около 3,5 см).

На Белинском городище розовоглиняные боспорские амфоры типа 83, 84, 85 в большом количестве встречаются в заполнении помещений, хозяйственных ям, слое пожара и в верхнем горизонте слоя серо коричневого суглинка в сочетании со светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа (С IV С по С. Ю. Внукову) и (С IV D по С. Ю. Внукову). Причем их доля возрастает ко времени первого разрушения в середине III. Преодолеть кризис на Боспоре удалось лишь в середине 80-х годов III в. н.э. Амфоры типа 83 и 84 по И.Б. Зеест обнаружены на городище в комплексах засыпи ям, зачистки стен и на полу помещений в слоях желто-коричневого суглинка последней четверти III – конце первой четверти IV вв. н.э. Именно в это время начинаются восстановительные работы на городище. Какой-то один вариант типа 83 или 84 по И.Б. Зеест продолжил свое бытование после разрушений середины III в. н.э., но уже в меньшем количестве (10,6%).

Амфоры типа 72 по И.Б. Зеест (рис. 4, 1. 3,4). Местом их производства, как считается, был Боспор (Пантикапей, Мирмекий), судя по составу глины, которая похожа на глину боспорских амфор с довольно пестрым минеральным составом. [Крапивина, 1993, с. 97; Сазанов, 2012, с. 349; Внуков, 2006, с. 88-89]. Амфоры типа 72, являются одним из наиболее массовых типов амфор в комплексах боспорских городов и поселений. В отличие от розовоглиняных амфор 83-89 имевших преимущественно региональное распространение, амфоры типа 72 найдены и в комплексах южного, юго-западного Крыма, центральной части крымских предгорий.

Амфоры типа 72 в разное время датировались широко: с конца II до середины V вв. н.э. В качестве примера приведем амфоры данного типа в закрытых комплексах Танаиса первой половины – середины III вв. н.э. (подвале ЕК с монетами 234-238 гг., подвале ДФ с монетами 229 – 231 гг., 234 – 238 гг., подвале В, подвальном складе, подвале R2 постройки №9, подвале МВ усадьбы 20) [Арсеньева, Науменко, 1992, с.144-145, рис. 25; Арсеньева, Науменко, 1993, с. 66; Арсеньева, Науменко, 2001, с.67; Науменко, 2008, с. 283, рис. 8, 8; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2009, с. 45-46, рис. 23.4,5; Науменко, 2012, с. 71, рис. 11.3, 15.1].

В Херсонесе амфоры типа 72 обнаружены в комплексах середины III в. н.э. усадьбы «Близнецы» (с монетой Юлии Домны 212 – 217 гг.) [Кленина, 2004, с.19-21, рис. 3.4, 11-18. 8. 74, 75, 80].

На позднескифском памятнике-могильнике Балта-Чокрак амфоры данного типа обнаружены в комплексах середины III в. н.э. [Зайцев, Мордвинцева, Неневоля, Фирсов, Радочин, 2005, с. 175, рис.16, II.1.], в комплексах некрополя «Совхоз № 10» в качестве погребальных урн в могилах конца II – III вв. н.э., III в. н.э., первой половины III в., второй половины III в. н.э., IV в. н.э. [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2004, с. 67].

На поселении в Барабановской балке амфоры типа 72 по Зеест преобладают в слоях, датирующихся III – IV вв. н.э. [Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев, 2009, с. 13]. Фрагмент венчика происходит из могилы №20 Чатырдагского некрополя с

широкой датой в пределах 30-х гг. III – начала IV вв., целая амфора обнаружена в могиле № 1 с монетами Лициния I и датируется первой третью – первой половиной IV в. н.э. [Мыщ, 1987, с. 148].

На территории Европейского Боспора данные амфоры обнаружены в разрушенных в III в. н.э. рыбозасолочных цистернах Мирмекия, жилых домах Илурата II – III вв. н.э., постройках Киммерика, погибших в пожаре середины III в. н.э. [Зеест, 1951, с. 191], верхнем зольнике у подножия горы Митридат, который сформировался к середине III в. н.э. [Голофаст, 2010, с. 99].

В Горгииппии эти амфоры являются характерной формой тарных сосудов для IV строительного периода в истории городища (конец I/II – 238/239 гг.) [Алексеева, 1997, с. 255, 277]. Сосуды типа 72 также обнаружены в большом здании конца II – середины III вв. н.э. на Нагорном раскопе (раскопки 1973–1975 гг.), погибшем в пожаре около 252 г. Гермонассы [Коровина, 2002, с. 75]. В Ятрусе они выявлены в слоях периода A IV в. н.э. [Böttger, 1982, с. 44, 95-96, typ 1.5, taf. 21,5-9]. Амфоры обнаружены в Аэгиссусе, Муригьоле в слоях IV вв. н.э. [Opaît, 1991, p. 141, type B-1a; Opaît, 2004, p. 27–28, pl. 17.1,3].

Хронологии амфор этого типа посвящена отдельная публикация А.В. Сазанова, где он датирует тип 72 первой половиной III – сер. IV вв. н.э. [Сазанов, 2012, с.348-349]. Эти датировки наибольшим образом применимы к ситуации на Белинском городище. Амфоры типа 72 представлены на городище вытянутым валикообразным венчиком диаметром 8–12 см или слегка подтреугольным, цилиндрическим, слегка расширяющимся книзу горлом, желобчатым туловом, овальными в сечении ручками, профилированные ярко выраженными желобками на внешней поверхности и иногда ассиметричным желобком на внутренней, конусовидным дном с выступом. Глина оранжевая с небольшой примесью мелкого песка, единичных белых частиц и мелких бурых железистых включений. Поверхность покрыта светлым ангобом.

Амфоры обнаружены в заполнении помещений, хозяйственных ямах, слое пожара и в верхнем горизонте слоя серо коричневого (преобладают) и слое желто-коричневого суглинка (в меньшем количестве). Наиболее активный период использования типа этих амфор попадает на первую половину – середину III вв. н.э.

Нижняя граница амфор типа 72 объясняется их сочетанием в слое серо-коричневого суглинка со светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа C IV C, C IV D по С.Ю. Внукову, а также фрагментами краснолаковой посуды (тарелки и миски группы «Чандарли» III в. н.э.). Подобные хронологические рамки подтверждаются закрытыми комплексами Танаиса.

Сложность состоит в определении верхней границы бытования амфор этого типа. Следует иметь в виду, что рассматриваемые комплексы вписываются в достаточно узкие хронологические рамки. В этой связи интерес представляет помещение 8, помещение №55, №52, заполнение ямы №117 в восточной части Белинского городища с несколькими фрагментами амфор 72 по И.Б. Зеест вместе с развалами амфор C Snr I («Делакеу») и монетой Рескупорида VI (324/325 гг.) [Зубарев, Шапцев, 2016,

с. 88]. В представленных комплексах тип 72 заходит в первые десятилетия IV в. н.э.

На раскопе «Северный» помещение 8 представляло собой прямоугольную в плане постройку, фундамент которой был возведён на начальном этапе существования городища (II в. н.э.). Само помещение было частично разрушено в третьей четверти III в. н. э., а затем восстановлено, но уже в виде полуподвального (на это указывают ступени, ведущие от прохода вниз помещения). Помещение было отапливаемое (двухъярусная печь располагалась в западном углу) с частично вымощенным плоскими плитами полом. Характер материала из слоя заполнения помещения (развалы амфор в районе загородки внутри помещения) позволяет предположить, что, по крайней мере, на этом этапе помещение 8 использовалось как склад или хранилище. Наличие в помещении 8 загоронок и амфорных развалов *in situ* позволяет предположить, что оно не было жилым. На складские функции косвенно указывает и обилие амфорных крышек, найденных в слое желто-коричневого суглинка в непосредственной близости от стен 19 и 20.

Грунт заполнения помещения 8 аналогичен структуре слоя второго периода и отличается большим количеством присутствующих в нем камней, в том числе, со следами обработки. Пол помещения 8 в юго-восточной части вымощен плоскими плитами.

В этом помещении обнаружены крупные фрагменты амфор C Snp I («Делакеу») с дипинто красной краской: MIΘENIOY (имя торговца в родительном падеже, развал светлоглиняной узкогорлой амфоры типа F по Шелову и развал амфоры типа 72 по И.Б. Зеест.

В целом комплекс находок не выходит за пределы второй четверти IV в. н.э. При этом следует отметить, скорее всего, комплекс связанных с гибелью городища, т.е. отражают финальный момент второго периода в истории поселения (конец первой четверти IV в. н. э.).

При зачистке и прокопке пола помещения №55 в его западной части обнаружены фрагменты амфор типа 72 и C Snp I («Делакеу»). Время формирования слоя засыпи помещения 55 датируется первой – второй четверти IV в. н.э. определяется находкой на полу статера Рескупорида VI (320/321 гг.). Время формирования слоя засыпи помещения датируется первой – второй четверти IV в. н.э. Находка статером 320/321 Рескупорида VI подтверждает это. Рескупорид VI, годы правления которого можно определить как 323–341 гг., считается последним точно датированным правителем Боспорского царства. В то же время, на рубеже 1-2 четвертей IV в. н.э. Белинское городище подвергается разгрому. После этих разрушений количество амфор этого типа резко сокращается. Скорее всего, эти амфоры попали в комплекс в последней четверти III – начало IV в. н.э. на которую приходится фаза строительных работ на городище после разгрома в ходе варварских походов середины III в. н.э.

Среди ям, синхронных помещению № 52, особый интерес представляет яма №117, в заполнении которой были найдены развалы 8 амфор типа C Snp I

(«Делакеу») и несколько фрагментов амфор типа 72 и 77 по И.Б. Зеест, а также статов Рескупорида VI (324/325 гг. н.э.).

Здесь чётко выделяются три уровня. Самый нижний представлял собой сформированный на основе суглинка сброс мусора с большим содержанием золы и мелких обломков раковин мидий. В нём помимо двух развалов синопских амфор присутствовало большое количество фрагментов тарной посуды (среди которых отметим профилированные части амфор типа 72 и 77 по И.Б. Зеест) и фрагмент лепной корчаги.

Мусорный сброс был перекрыт небольшой (0,1 м) прослойкой того же суглинка с примесью золы, мелких кусочков древесного угля и обломков раковин мидий, но без какого-либо керамического материала. По верхнему горизонту прослойка была хорошо выровнена и утрамбована, т. е., скорее всего, использовалась в качестве дна верхней части ямы. На этом дне были найдены *in situ* развалы трёх амфор C Snp I («Делакеу»). В грунте заполнения верхней части ямы (жёлто-коричневый суглинок) были обнаружены горло и фрагмент венчика этого же типа амфор и монета Рескупорида VI, датируемая 324/325 гг.

Привязка, найденных в яме № 117, амфор C Snp I («Делакеу») к стратиграфическому разрезу грунта её заполнения, позволяет сделать вывод о том, что часть амфор из этой партии уже была выведена из обращения и утилизирована вместе с прочим мусором. Другая часть продолжала функционировать и храниться внутри хозяйственных построек, а также в хозяйственных ямах в восточной и северной частях городища. Остатки этой партии зафиксированы на момент гибели поселения, т. е. на конец первой четверти IV в. н.э.

Таким образом, амфоры 72 продолжили свое бытование в последней четверти III в. н.э., вероятно, в первой четверти IV вв. н.э. После события рубежа 1-2 четвертей IV в. н.э. амфоры этого типа редки.

В конце IV – начале V вв. н.э. отмечается нормализация как политической, так и экономической обстановки в регионе Северного Причерноморья. Торговые отношения с Подунавьем, Южным Причерноморьем, Средиземноморьем продолжали развиваться. Непострадавший от гуннского нашествия, Пантикапей сохранил за собой значение ремесленного и торгового центра. Однако нет никаких сомнений, что производство вина покрывало внутренние нужды, приводят к той мысли, что в конце IV в. н.э. Боспорское царство уделяло пристальное внимание виноделию, как локальной торговли. Лидирующие позиции по процентному соотношению в комплексах конца IV – V вв. н.э. составляют амфоры боспорского производства 96-97 по И.Б. Зеест.

Амфоры типа 96-97 по И.Б. Зеест (рис. 5). Крупные красноглиняные пантикапейские амфоры датируются в пределах второй половины / конца III – IV/VI вв. н.э. А.П. Абрамов второй половиной III/IV – VI вв. н.э. [Абрамов, 1993, с. 51], В.В.Крапивина датирует данные амфоры концом III – IV вв. н.э. [Крапивина, 1993, с. 100], А.В. Сазанов относит их ко второй половине/концу IV – третьей четверти/

концу VI в. н.э. [Сазанов, Иващенко, 1989, с. 47], А.В. Смокотина отмечает, что данные амфоры во второй половине/конце IV и V вв. н.э. являются одним из наиболее массовых типов в комплексах боспорских городов и использовались они, предположительно, стационарно для хранения воды (возможно для ритуального омовения), зерна и других домашних припасов [Смокотина, 2020, с. 520].

На Белинском городище амфор 96/97 обнаружены в большом количестве (33,2%) в слоях первой половины/ середины V – рубежа первой и второй четверти VI вв. н.э. Следует отметить, что если в предшествующий период (слой жёлто-коричневого суглинка) до сих пор не было найдено ни одного обломка таких сосудов, то на заключительном этапе существования античного поселения они представлены повсеместно, где есть слой этого времени.

Крупные развалы амфор на городище дают представление о внешних характеристиках этого типа: амфоры с высоким плоским венцом, подтреугольным в сечении воронкообразным горлом, округлым туловом, которое заканчивается цилиндрической или конусовидной ножкой. Широкие, массивные ручки (5–7 см), овальные в сечении, профилированные продолговатой выемкой посередине или четырьмя валиками, укреплены под самым венцом и опускаются на плечи сосуда почти без изгиба. Черепок сосудов светло-коричневый с розоватым оттенком, иногда серого или темного тона. Поверхность реберчатая. Поверхность ручек профилирована четырьмя валиками.

На Белинском городище эти амфорами представлены двумя разными видами. Такая же ситуация наблюдается и на Тиритаке. По форме горла они подразделяются на два основных варианта, которые отмечала А.В. Смокотина [Смокотина, 2020, с.251]. Вероятно, производились одновременно в производственных центрах на территории Боспорского царства.

Первый вариант представлен с воронковидным, близким к усечено-конической форме, желобчатым в верхней части горлом, с клювовидным венчиком, иногда с западиной на внешней стороне. Второй вариант отличается S-видным горлом, «пухлым» и желобчатым в верхней части, с вытянутым венчиком. В амфорах этого типа чёткая профилировка венчика отсутствует, различия в глине также присутствует. Судить о нескольких производственных центрах на территории Боспорского царства по материалам Белинского городища на данном этапе сложно. Наиболее вероятным временем бытования этих боспорских амфор на Белинском городище, на мой взгляд, следует считать вторую половину IV – первую половину V в. н. э. особенно учитывая их сочетание в комплексах с узкогорлыми амфорами типа С IV Е. Ниже остановимся на наиболее показательных комплексах, характерных для этих периодов.

Помещение 17 образовано стенами 6, 44 (ограничивает помещение с юго-запада), 45 (ограничивает помещение с северо-востока). Стена, ограничивающая помещение с юго-востока, уничтожена во время прокладки грунтовой дороги через городище. Площадь помещения 17,35 кв.м. Пол помещения 17 в части, примыкающей к обо-

ронительной стене, вымощен плоскими плитами белого известняка. На остальной площади – плотный темного цвета с примесью золы и мелкого боя раковин мидий. Площадь вымостки – 6,7 кв. м

Вблизи стены 44 расположена печь (алтарь?) из плит ракушечника, поставленных вертикально. Рядом с печью в небольшом «отсеке» найдены однорожковый закрытый лепной светильник на ножке, узкогорлая светлоглиняная амфора типа C IV E по С.Ю. Внукову лежавшая на боку и два развала амфор типа 96-97. Предметы найдены *in situ*. Аналогичный комплекс найден в помещении 60.

Амфора типа C IV E в помещении 17 и 60 представлена в раннем варианте тонким горлом и менее массивными ручками, характерными для Белинского городища первой половиной V в. н.э. [Зубарев, Маркова, 2023, с. 202]. Сочетание раннего варианта C IV E, позднего C IV F и амфор типа 96-97 можно наблюдать в комплексах Киммерика [Голенко, 2007, с. 334], Зенонова Херсонеса [Масленников, 1992, с. 167], Тиритаки [Гайдукевич, 1958], Батарейки 1 [Сазанов, 1999, с. 225].

Отдельно отметим керамический материал, обнаруженный при выборке ямы № 60 на раскопе «Северный». Яма вырыта в материковом грунте, диаметр горловины – 1,30 м, диаметр дна – 2,5 м, глубина – 2,33 м. Грунт заполнения рыхлый, серый с примесью золы. В заполнении ямы четко выделяются два этапа. Нижний уровень, по-видимому, связанный с бытовым мусором. Среди находок в нём можно отметить фрагмент медной пластины, сильно коррозированный железный гвоздь, костяной остроконечник и ещё одно изделие из кости с просверленным отверстием. Верхний уровень содержал большое количество крупных фрагментов амфор типа 96 по И.Б.Зеест, C IV E по С.Ю. Внукову, C IV F по С.Ю. Внукову, попавших в яму в результате единовременного сброса.

На Белинском городище боспорские амфоры прекращают появляться в середине V в. н.э. Нельзя сказать, что во второй половине V в. н.э. производство прекратилось, но отметим меньшее количество хорошо стратифицированных археологических контекстов, в которых зафиксированы сосуды. В начале VI в. н.э. Боспор переходит под покровительство Восточной Римской империи. Об этом упоминает Прокопий Кесарийский (Прок. В. Pers. I.12.8), относя это событие ко времени Юстина. Происходит переориентация торгово-экономических связей и прекращается производство местной тары. В этот период видное место занимают киликийские амфоры LRA 1, изготовление которых в Элеуссе Себаств (видимо, ведущем центре их производства) продолжалось до VII в. включительно, амфоры типа Антонова V из пока еще точно не локализованного понтийского центра, а также из регионов Крита (TRC).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. Вып. 3. М., 1993. С. 4 – 135.
Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. 560 с.
Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. 181 с.

- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. №4. 2001. С. 56 – 124.
- Власов В.П., Смокотина А.В., Храпунов И.Н. Культурный слой на могильнике Нейзац. Сборник научных статей. Симферополь: Доля. 2011. 274 с.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. МИА 1958. №85. С. 89 – 91.
- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007. 407 с.
- Голофаст Л.А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. Вып. XVI. Симферополь, 2010. С. 82 – 139.
- Деоник Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3. С. 100 – 115.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К. Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистого Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 169 – 197.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 179 с.
- Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // БИ. X, 2005. С.80 – 89.
- Зубарев В.Г., Маркова К.О. Амфоры C Snr I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» (1996–2022 гг.) // ДБ. 28. 2023. С. 159 – 177.
- Зубарев В.Г., Маркова К.О. Амфоры типа Е по Д.Б. Шелову с ассиметрично расположенными ручками с городища «Белинское» (раскопки 1996-2022 гг.) // БЧ. Вып. XXIV. 2023. С.202 – 210.
- Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища «Белинское» // БИ. XXXII, 88. 2016. С. 86 – 106.
- Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Вып. XVII. 2011. С. 266 – 327.
- Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III в. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Poznan, 2004. 113 с.
- Коровина А.К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. М., 2002. 144 с.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. Киев, 1993. 182 с.
- Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992. С. 120 – 173.
- Мыц В.Л. Могильник III – V вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 144 – 164.
- Науменко С.А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // Novensia. 2008. С. 261 – 267.
- Науменко С.А. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н.э. // Вестник Танаиса. Вып. 3. 2012. С. 63 – 85.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84 – 102.
- Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины. IV–V вв. ПИФК VII, 1999. С. 224 – 293.
- Сазанов А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест- 72 – Bottger I.5) римского времени // ДБ. 16. 2012. С. 321 – 347.

- Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III (БИ. Supplementum??). 2020. С. 509 – 618.
- Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспор // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103 – 144.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27 – 227.
- Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009. 132 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в I – III вв. н. э. М., 1972. 351 с.
- Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Jatrus // *Jatrus-Krivina*. Bd. Berlin, 1982. S. 33 – 148.
- Opaiț A. Ceramica din așezarea și cetatea de la Independența (Muighiol), sec. V î. e. n. – VII e. n. // *Peuce*. 1991. Vol. 10. 216 p.
- Opaiț A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia. BAR International Series 1274. Oxford, 2004. 165 p.

REFERENCES

- Abramov A.P. Antique amphorae. Periodization and chronology. *Bosporan collection*. M. 1993. Issue 3. P. 4 – 135.
- Alekseeva E.M. The ancient city of Gorgippia. M., 1997. 560 p.
- Arsenyeva T. M., Naumenko S. A. The Estates of Tanais. M., 1992. 181 p.
- Arsenyeva T.M., Naumenko S.A. Excavations of Tanais in the center of the eastern part of the city. *Antiquities of the Bosporus*. M., 2001 Issue 4. P. 56 – 124.
- Vlasov V.P., Smokotina A.V., Khrapunov I.N. The cultural layer on the Neyzats burial ground. *Studies of the Neyzats burial ground*. Simferopol: Dolya, 2011. P. 179 – 249.
- Vnukov S.Yu. Black Sea amphorae of the I century BC – II century AD. Part II: Petrography, chronology, problems of trade. St. Petersburg: Alethea. 2006. 320 p.
- Gajdukevich V.F. Raskopki Tiritaki and myrmecia in 1946–1952 MIA. 1958. № 85. *Bosporan cities I. The results of archaeological research of Tiritaki and Myrmekia in 1935–1940*. P. 89–91.
- Golenko V.K. Ancient Cimmerian and its districts. Simferopol, 2007. 407 p.
- Holofast L.A. An amphorite container from the Roman-era ashtray excavations at the foot of Mount Mithridates in Kerch. Issue XVI. Simferopol, 2010. 3. 82–139.
- Deopik D.V., Krug O.Yu. Evolution of narrow-necked light-clay amphorae with profiled handles. *SA*. 1972. No. 3. P. 100 – 115.
- Zeest I.B. Ceramic container of Bosporus. *MIA*. 1960. No. 83. 180 p.
- Zubarev V.G. The possibilities of using amphoric innovations in dating layers and settlement complexes (from the practice of excavations of the Belinskoye settlement). *BI*. X, 2005. P. 80 – 89.
- Zubarev V.G., Markova K.O. E-type amphorae according to D.B. Shelov with asymmetrically arranged handles from the Belinskoye settlement (excavations 1996–2022) // *Bosporan Readings*. XXIV. 2023. P. 202 – 210.
- Zubarev V.G., Markova K.O. Amphorae C Snp I («Delaceu») from the excavations of the Belinskoye settlement (1996–2022). *Antiquities of the Bosporus*. 28. 2023. P. 159 – 177.

- Zubarev V.G., Shaptsev M.S. Complexes with amphorae of the late Roman period from the excavations of the settlement «Belinskoe». BI. 2016. XXXII. P. 86 – 106.
- Ivanova O.S. Narrow-necked light-clay amphorae from the excavations of Mangup. *MAIET*. 2011. Issue XVII. P. 266 – 327.
- Klenina E.Y. Ceramic vessels of the II-III century A.D. from the estate «Gemini» (Tauride Chersonese Choir). Poznan, 2004. 113 p.
- Korovina A.K. Hermonassa: The ancient city on the Taman Peninsula. M., 2002. 144 p.
- Krapivina V.V. Olvia. Material culture of the I – IV centuries A.D. Kiev, 1993. 182 p.
- Maslennikov A.A. Zenonov, Chersonesos – a small town on the Meotis // Essays on archeology and history of the Bosphorus. Moscow: Nauka, 1992. P. 120 – 173.
- Myts V.L. Burial ground of the III – V centuries A.D. on the slope of Chatyrdag. Materials for the ethnic history of the Crimea. Kiev, 1987. P. 144 – 164.
- Sazanov A.V. On the chronology of the Bosphorus of the Early Byzantine period. *SA*. 1989. No. P.41 – 64.
- Sazanov A.V. Ceramic complexes of the Northern Black Sea region of the second half of the IV – V centuries. *PIFK*. M.: Magnitogorsk, 1999. Issue VII. P. 224 – 293.
- Sazanov, A.V. Chronology of Myrmecian type amphorae (Zeest-72 – Vottg) I.5) Roman times. *The antiquities of the Bosphorus*. 16. 2012. P. 321 – 347.
- Smokotina A.V. Amphorae of Late Roman and Early Byzantine times. Zinko V N., Zinko A.V., Ponomarev L.Y. Tiritaka. Excavation XXVI. Archaeological complexes of the second half of the III–VII centuries, vol. III (BI. Supplementum??), 2020. P. 509 – 702.
- Smokotina A.V. Ceramic complex of the second half of the VI century from the excavations of the city of Bosphorus // *MAIET*. 2008. Issue XIV. P. 103 – 144.
- Strzheletsky S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. The population of the district of Chersonesos in the first half of the I millennium of the new era (based on the materials of the necropolis «Sovkhoz 10»). *Stratum plus. Cultural anthropology. Archaeology 2003-2004*. «Between the Pevkins and the Fenns». St. Petersburg.; Chisinau; Odessa; Bucharest, 2005. №4. 278 p.
- Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Smokotina A.V., Shaptsev M.S. Settlement in the Barabanovskaya gully (based on the results of excavations in 2007 and 2008). Simferopol, 2009. 132 p.
- Shelov D.B. Tanais and the Lower Don in the I – III centuries A.D. M., 1972. 351 p.
- Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Jatrus. *Jatrus-Krivina. Bd*. Berlin, 1982. P. 33 – 148.
- Opait A. Ceramica di asezarea si cetatea de la Independencia (Murighiol), sec. V î. e. n. – VII e. n. Peuce. 1991. Vol. 10. 216 p.
- Opait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia. BAR International Series 1274. Oxford, 2004. 165 p.

Резюме

В статье рассматриваются боспорские амфоры (типы 83-84, 72, 96-97 по И.Б. Зеест) из раскопок городища «Белинское» 1996 – 2024 годов. Анализ сочетаемости их с другими амфорами в комплексах городища «Белинское» показал, что для первой половины III века характерно явное доминирование амфор типа 83-89 по И.Б. Зеест. Амфоры типа 83 и 84 по И.Б.Зеест обнаружены на городище в комплексах насыпи ям, зачистки стен и на полу в последней четверти III в. н.э. Именно в это время начинаются восстановительные работы.

Какой-то один вариант типа 83 и 84 по И.Б. Зеест продолжил свое бытование после разрушений середины III в. н.э., но уже в меньшем количестве (10,6%). Верхнюю границу амфор типа 72 по И.Б. Зеест следует искать в первой четверти IV вв. н.э., что обусловлено сочетанием их с развалами амфорами типа C Snp I («Делакеу») и C IV F по С.Ю. Внукову.

Ключевые слова: городище Белинское, хронология, боспорские амфоры, комплексы.

Summary

The article examines Bosporan amphorae (types 83-89, 72, 96-97 according to I.B. Zeest) from the excavations of the Belinskoye settlement in 1996-2024. An analysis of their compatibility with other amphorae in the complexes of the Belinskoye settlement showed that the first half of the 3rd century was characterized by the clear dominance of amphorae of type 83-89 according to I.B. Zeest. Amphorae of type 83 and 84 according to I.B. Zeest were discovered at the settlement in the complexes of filling pits, stripping walls and on the floor in the last quarter of the III century A.D. It was at this time that restoration work began on the settlement. Some variant of type 83 and 84 according to I.B. Zeest continued its existence after the destruction of the middle of the third century AD, but in smaller numbers (10.6%). The upper boundary of type 72 amphorae according to I.B. Zeest should be sought in the first quarter of the 4th century A.D., which is due to their combination with large ruins of amphorae of type C Snp I («Delakeu») and C IV F according to S.Y. Vnukov. The large ruins of amphorae 96-97 according to I.B. Zeest at the settlement give an idea of two variants of this type.

Key words: Belinskoye settlement, chronology, Bosporan amphorae, complexes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Кристина Олеговна,
документовед Центра археологических
исследований «Киммерий»,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область,
г. Тула, проспект Ленина, 125.
Markova.Kristina.25@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Kristina Olegovna,
documentologist of the Center
for archaeological research «Cimmeria»
Federal State Budget Education Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region,
Tula, Lenin Avenue, 125.
Markova.Kristina.25@yandex.ru

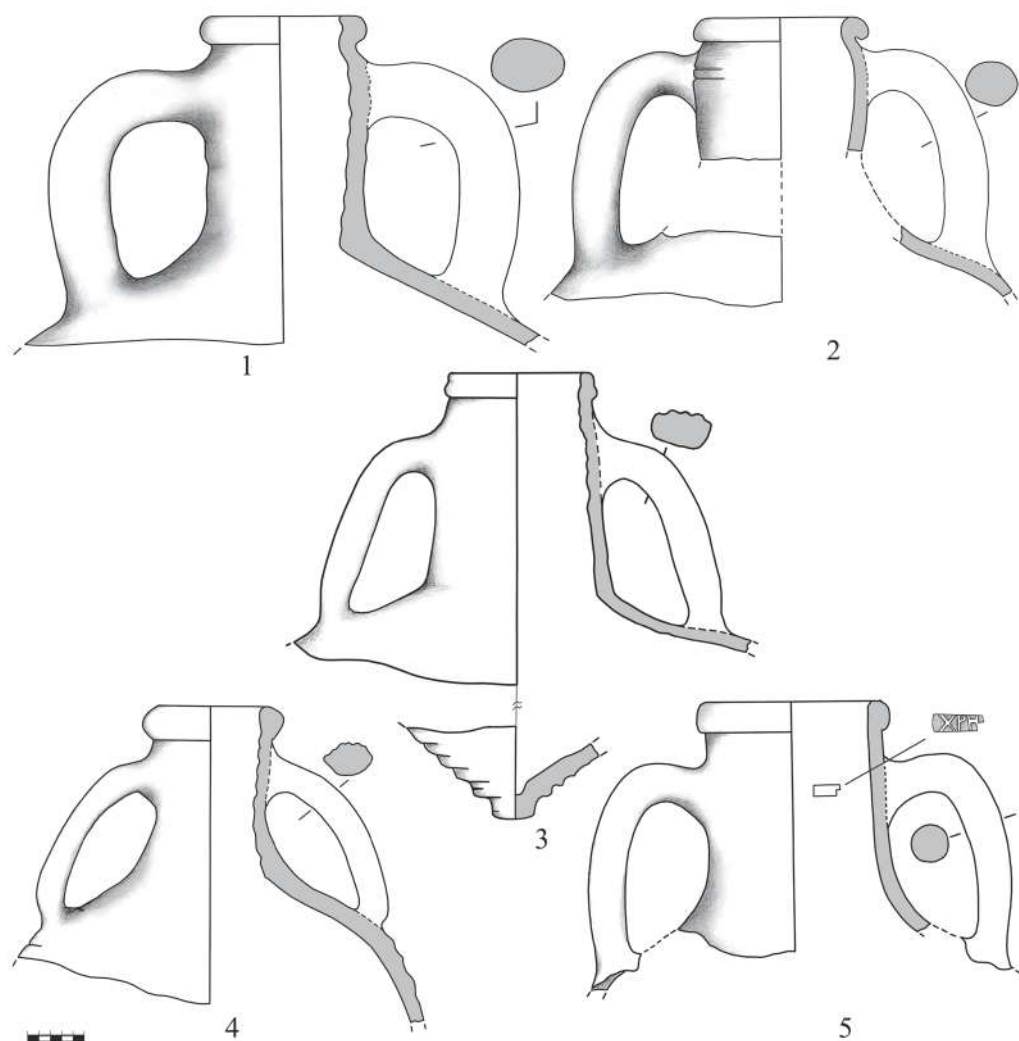

Рис. 1. Фрагменты амфор из раскопок городища «Белинское»: 1 – тип 83/84 по Зеест; 2 – тип 84 по Зеест; 3, 4 – тип 72 по Зеест; 5 – тип 85 по Зеест.

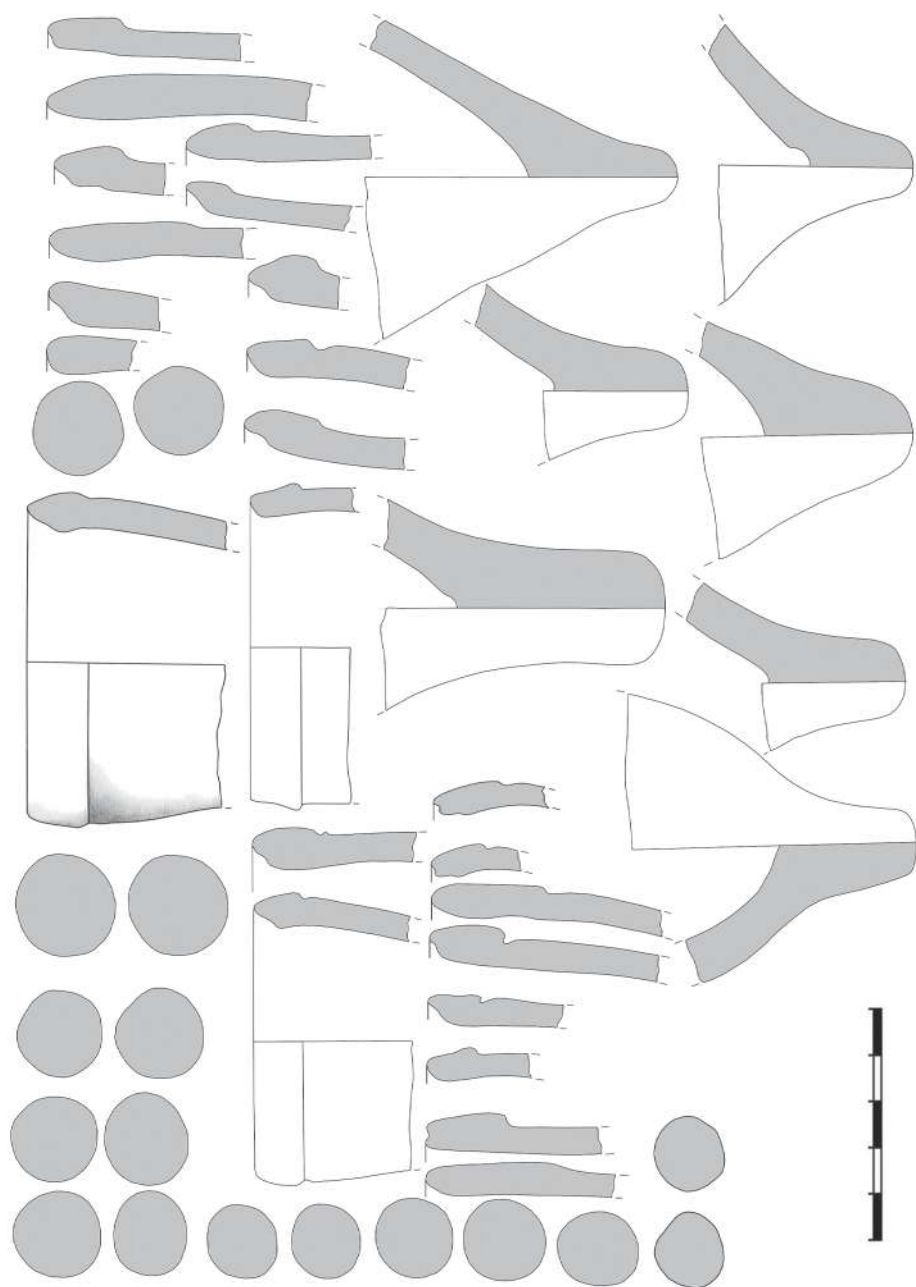

Рис. 2. Амфоры типа 83 по И.Б. Зеест из раскопок городища «Белинское».

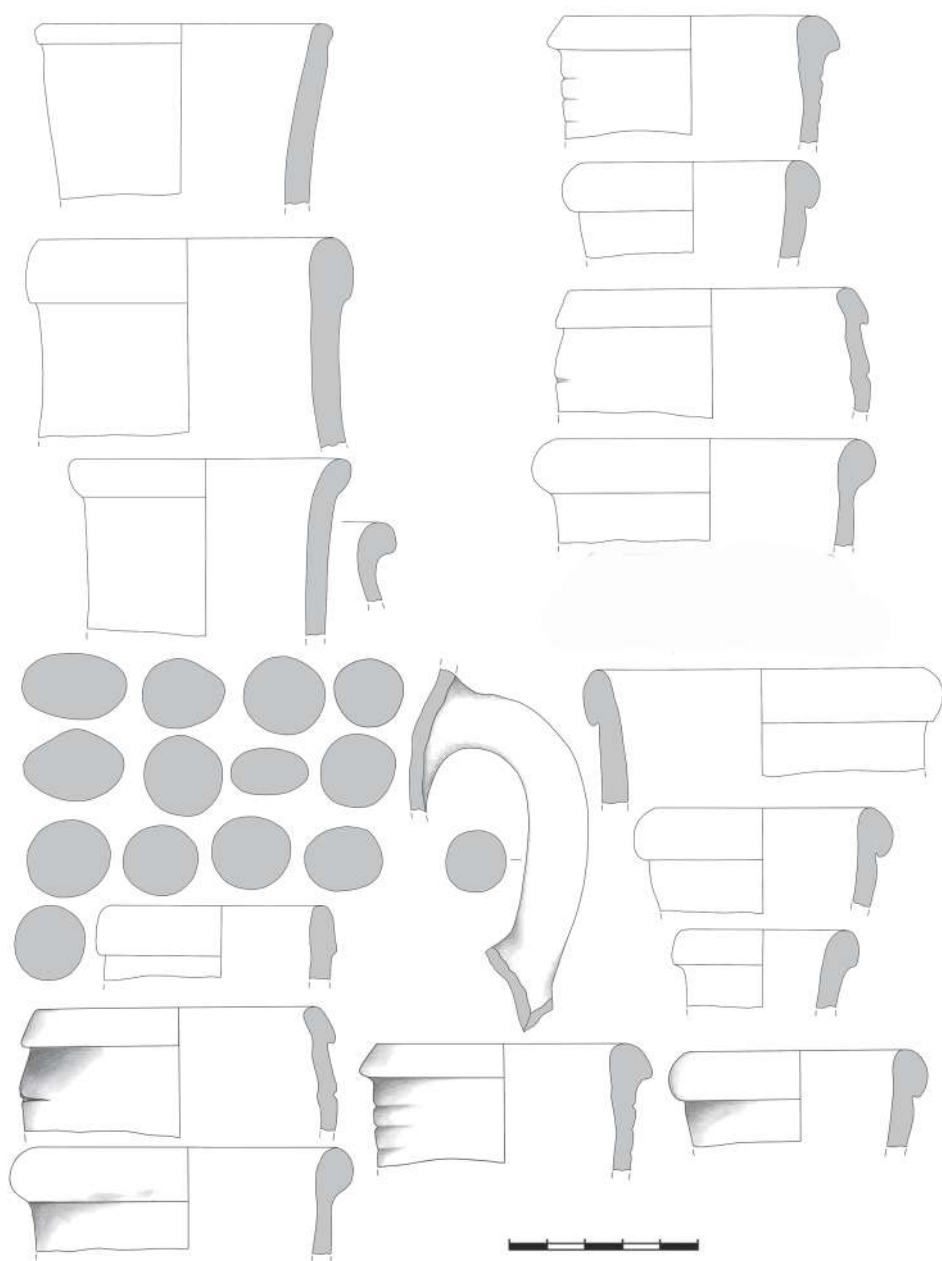

Рис. 3. Амфоры типа 84 по И.Б. Зеест из раскопок городища «Белинское».

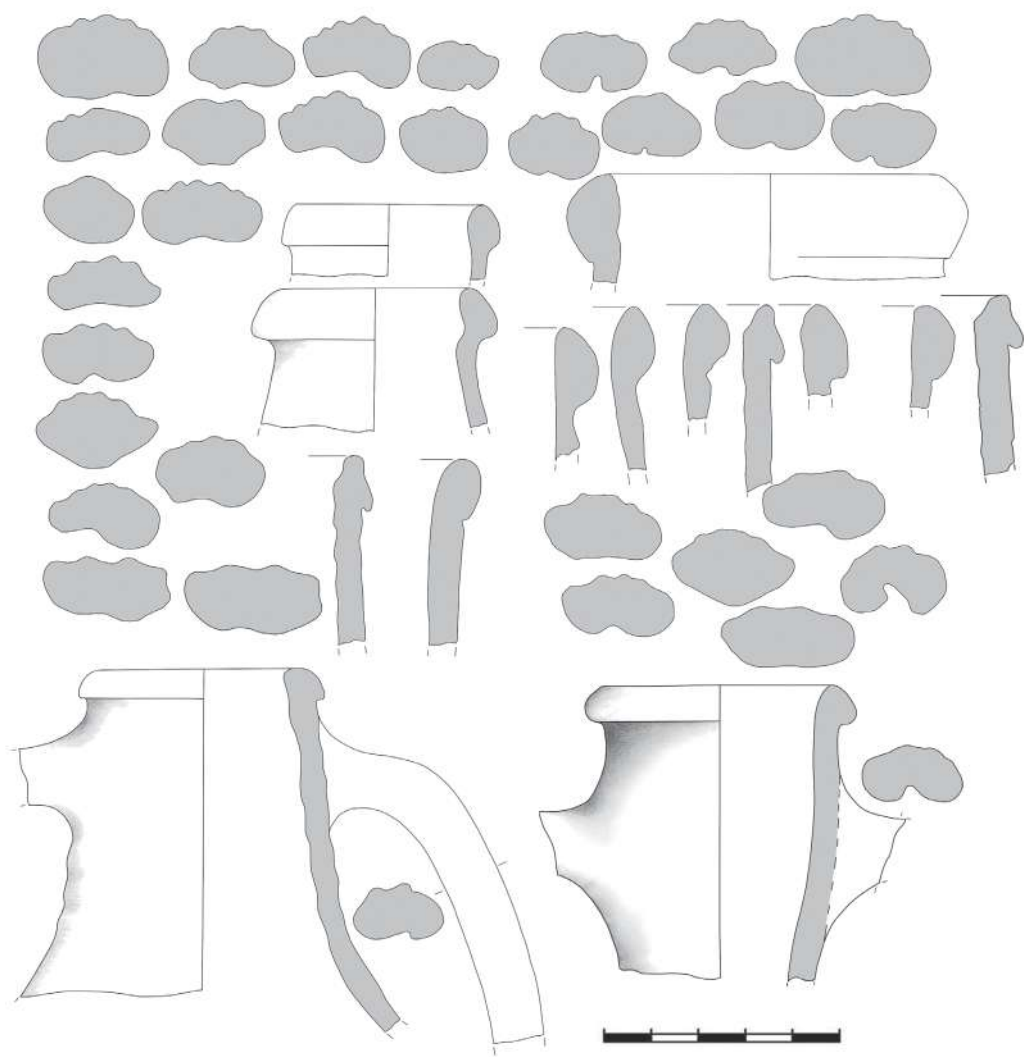

Рис. 4. Амфоры типа 72 – 73 по И.Б. Зеест из раскопок городища «Белинское».

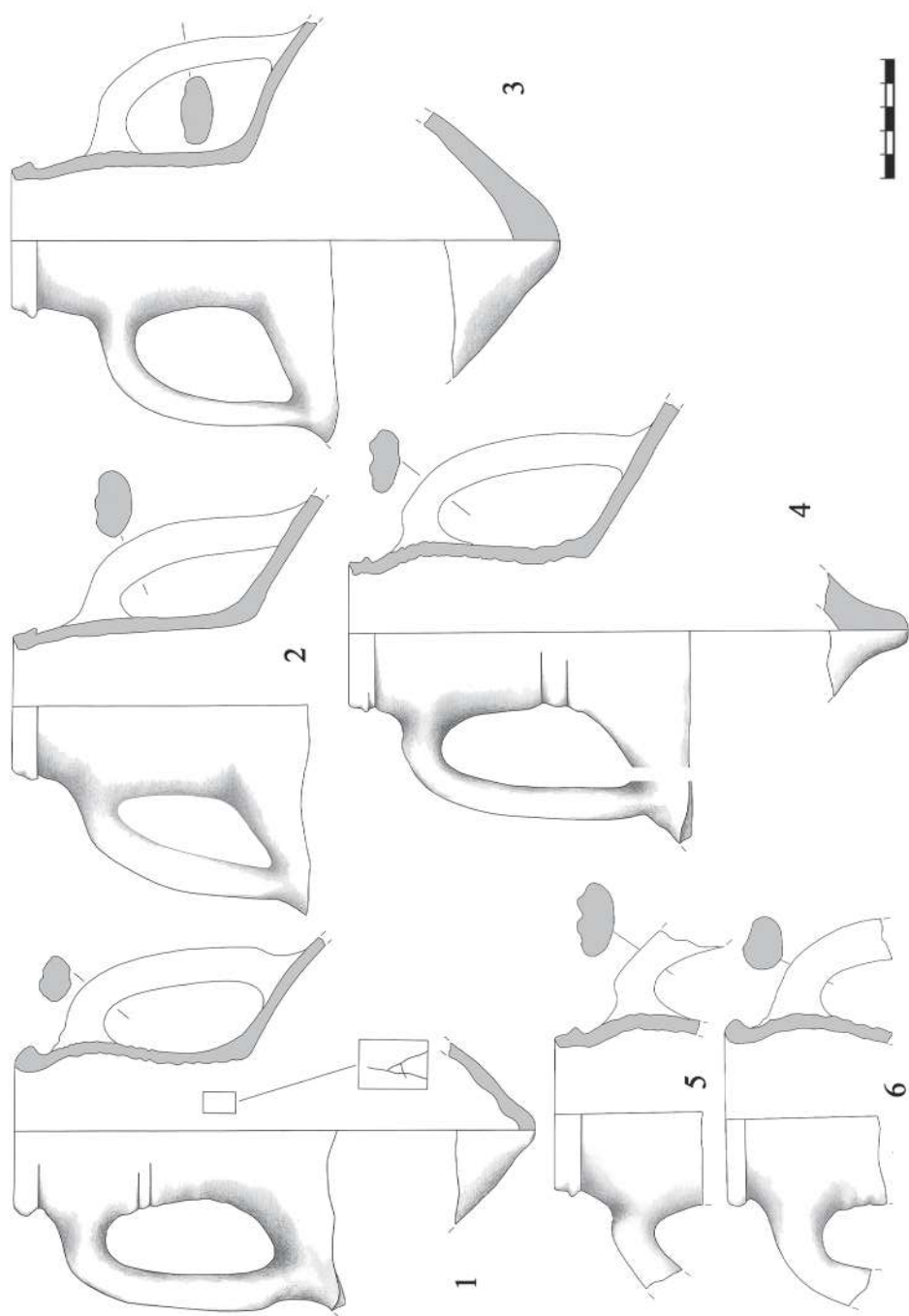

Рис. 5. Амфоры типа 96-97 по И.Б. Зеест из раскопок городища «Белинское».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАХОДКИ ФРАГМЕНТА УЛЬЯ НА ПАМЯТНИКЕ «АДЖИЭЛЬ I» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

INTERPRETATION OF THE DISCOVERY OF A BEEHIVE FRAGMENT AT THE MONUMENT «ADZHIEL I» IN EASTERN CRIMEA

В ходе проведения археологических разведок 2023 г. на памятнике археологического наследия «Аджиэль I», был обнаружен фрагмент довольно редкого керамического изделия, на первый взгляд, напоминающий кусок обмазки жилища со следами деревянного каркаса размером 8,5х4,5 см (Рис. 1). Он был выявлен на глубине 0,5 м в шурфе №22 в слое суглинка с большим содержанием золы, раковин мидий и камней I в. до н.э. – I в. н.э. С его внутренней стороны хорошо сохранились следы насечек-каналов проведенных узким предметом по сырой глине с целью создания сетки, похожей на квадраты на шахматной доске. Глина фрагмента темно-серая с примесью шамота, битой ракушки, в коричневой обмазке с внутренней стороны. С внешней стороны фрагмент был хорошо обожжен.

В ходе проведенного исследования¹, выяснилось, что фрагмент относится к особому типу сосудов с внутренними насечками-надрезами, большинством ученых интерпретируемых в качестве ульев. Мнение о том, что «внутренняя насечка» – единственная важнейшая особенность, отличающая черепки ульев от других подобных керамических лепных изделий, до сих пор является догмой для большинства историков и археологов [Anderson-Stojanovic, Jones, 2002, p. 349, №14; Harissis, 2017, p. 20]. Действительно без ульев развитие такой важной отрасли сельского хозяйства, как пчеловодство, просто невозможно. Ведь именно улья защищают пчел и соты от ветра, дождя, чрезмерной жары и других неблагоприятных природных явлений. С другой стороны, они должны быть удобными и иметь отверстия, как для пчел, так и для пчеловода, чтобы последний смог легко достать главные продукты урожая – мед и воск [Крейн, 1969, с. 16]. При этом пчеловод, получая урожай меда из улья, должен заботиться о том, чтобы оставлять пчелам достаточно пищи в течение всего года [Crane, 1999, p. 197].

В античности ближе к римскому периоду, по технологии производства, наиболее популярными стали три главных типа ульев: из обожженной глины, плетенные и обмазанные глиной и тесовые [Иванков, 2023, с. 18]. По словам Варрона «кто-то

¹ Мы выражаем огромную и искреннюю благодарность за помощь в интерпретации данного предмета директору ГБУ Республики Крым «Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», к.и.н. Юрию Павловичу Зайцеву.

делает ульи круглые из лозы, кто-то из дерева и коры, кто из дупла дерева, кто из глины» (Varr., *De re rustica*, III, 15). Исходя из формы ульи различаются на горизонтальные трубчатые и более редкие вертикальные корзиночно-ведерного типа. Горизонтальные ульи представляют собой трубу, открытую с обеих сторон, с изогнутыми – почти горизонтальными бортиками на концах. На их внутренних поверхностях имеются системы в основном горизонтальных, вертикальных и поперечных насечек-канавок, которые часто сливаются друг с другом. Диаметр обода варьируется от 0,24 м до 0,41 м. Трубчатые корпуса ульев, немного более узкие, чем вертикальные, имеют разный диаметр от 0,23 до 0,32 м, что в среднем составляет 0,28–0,30 м. По некоторым древнегреческим горизонтальным типам этих предметов, мы можем сделать вывод, что насечки-канавки у них, как правило, были нанесены параллельными линиями и чаще имели горизонтальное направление [Giannas, 2017, p. 80–81, fig. 4]. Однако главной их особенностью было то, что сделанные с внутренней стороны еще до обжига по сырой глине надрезы-канавки, несмотря на то, что простирались на всю высоту/длину улья, как правило, охватывали только половину внутренней окружности. При этом такие канавки нередко были довольно прерывистыми, а их направление различным. Борозды могли тянуться как по длине улья, так и под прямым углом к ней, иногда демонстрируя и то и другое [Crane, 1999, p. 198–199, tab. 23.2 A]. Это доказывает, что такие изделия были изготовлены специально для использования в качестве горизонтальных ульев и устанавливались надрезанной поверхностью в нужную сторону. Такое положение обеспечивало пчелам шероховатую поверхность прорезанную насечками-канавками, к которой они могли бы надежно прикреплять свои соты. Идентификация таких изделий с насечками-канавками на внутренних стенках в качестве ульев для пчел была подтверждена при исследовании фрагментов с помощью газовой хроматографии и рентгенографии, которые показали следы пчелиного воска на стенках [Crane, 1999, p. 199–200].

Отверстия для пчел в таких ульях делались как с двух сторон, так и с одной. Другими словами, иногда они располагались даже в центре дна ульев, но чаще всего эти отверстия были встроены в их крышки [Harissis, 2017, p. 22]. Все это может помочь в решении одной проблемы, связанной со вторым типом ульев – вертикальным. Эти ульи представляли собой особый тип своеобразных сосудов с ручками, нередко напоминающими ведро или горшок, наверху которого устанавливались планки или палочки (верхние планки), помещенные поперек открытого отверстия. Они служили точкой крепления сот, которые свисали прямо в контейнер изделия, не прикрепляясь к его стенкам. Затем горло сосуда-улья закрывали грязью, керамической крышкой или плоским камнем, чтобы защитить пчел от дождя и жары. Более того, такая установка значительно упрощала удаление сотов и облегчила пчеловоду непрерывную замену полных решеток на пустые, тем самым увеличивая производство меда [Harissis H., Mavrofridis, 2012, p. 56–58; Harissis, 2017, p. 22]. Но в этой связи, непонятной выглядит ситуация с некоторыми древнегреческими подобными изделиями с вертикальными ручками-петлями, известными еще с минойского периода. Дело в

том, что у них также, как и в горизонтальных ульях, есть глубокие поперечные надрезы, которые покрывают их внутреннюю поверхность [Melas, 1999, p. 488, pl. CVIII c, d]. Однако эти насечки не имеют никакого сходства с тем, что встречается в большей части горизонтальных греко-римских ульев. Здесь они напоминают квадраты шахматной доски с диагональными отклонениями, а не мелкую гребенку, как в горизонтальных изделиях. Проблемой здесь является также то, что такого рода внутренние насечки, да тем более, еще и в нижней части изделия, способствуют конструкции сотов только в случае горизонтальных ульев, в то время как в вертикальных ульях внутренняя насечка не играет никакой полезной роли для пчел [Mavrofridis, 2014, p. 17–21; Harissis, 2017, p. 24].

Попытка объяснить нанесение внутренних насечек-канавок на таких вертикальных ульях с ручками, обычно сводится к предположению, что люди делали их по привычке. Однако это не решает проблему расположения насечек именно в нижней части корпуса. Исходя из этого, было даже предложено, что такой вертикальный улей мог использоваться в перевернутом виде [Harissis, 2017, p. 22, fig. 5a, 24]. Однако не исключено, что на дне такого улья, могло располагаться еще одно нижнее отверстие для пчел. Возможно, именно для обеспечения доступа к нему, изделие могло быть установлено на камни. Следовательно, насечки нижней части такого изделия, были также предназначены для пчел, ведь до этого места не доходили свисающие сверху в полость контейнера соты [Mavrofridis, 2006, p. 268–272].

Применительно к нашей находке из «Аджиэль I», обращает на себя внимание ее схожесть именно с вертикальным типом греко-римских ульев. Конечно, по такому незначительному фрагменту, сложно утверждать что-то конкретное, ведь установить точную площадь охвата насечками-канавками изделия, невозможно. Однако слегка выраженный изгиб найденного нами черепка, вполне может означать, что речь здесь идет именно о нижней части предполагаемого улья. Кроме того, указанные насечки-канавки были выполнены по известной в греко-римском мире системе, напоминающей квадраты шахматной доски с диагональным отклонением. Сочетание этих двух особенностей, более характерно именно для вертикальных типов ульев [Harissis, 2017, p. 22, fig. 5a, 1st row].

Но если мы допускаем, что предмет нашего исследования это фрагмент вертикального типа улья с ручками, то может ли это означать о его принадлежности, не к стационарным, а к переносным подобным изделиям? Ведь такие улья было куда легче переносить, осторожно подымая за ручки, чем горизонтальные. Хорошо известно, что портативные ульи римские пчеловоды в Италии с целью увеличения количества меда и воска, грузили в лодки для путешествия по реке По, чтобы пчелы могли с пользой использовать богатое цветение по ее берегам. При этом пчеловоды специально замедляли движение лодок, позволяя пчелам покидать улья и свободно летать на цветущих берегах. То обстоятельство, что лодки почти неподвижно стояли на воде и ожидали их, легко позволяло пчелам найти лодки и вернуться в ульи (Plin. NH., XXI, 43) [Harissis, 2017, p. 25].

Однако существует и другая сфера деятельности, в которой активно использовались переносные ульи с медоносными пчелами и даже продуктами их жизнедеятельности. Речь идет о войнах, в которых указанные высокоорганизованные насекомые, уже более двух тысяч лет на просторах Европы, Африки, Америки и Азии, выступают в роли одного из самых страшных оружия [Crane, 2003, p. 96–99]. Фактически ульи с пчелами с залепленными грязью входными отверстиями, являлись самыми настоящими «бомбами» или как, в свое время выразился Эдуард Нойфельд первыми природными боевыми ракетами [Neufeld, 1980, p. 30–57]. Видимо люди давно поняли, что использование пчел, ос, или даже скорпионов в боевых действиях, может причинить реальный урон противнику. Не случайно в древности господствовало убеждение, что большое количество укусов тех же пчел обычный человек вынести не способен, его смерть в этом случае неизбежна (Plin. NH., XI, 24). Предубеждение сохранялось и по поводу самих пчёл, которые якобы сознательно заимствуют яд некоторых ядовитых растений для создания дополнительного оружия для защиты ульев от человеческой жадности (Plin. NH., XXI, 74–78) [Мэйор, 2023, с. 201]. Все это хорошо сочеталось с убежденностью римлян, что пчелы служат предзнаменованиями, предсказывающими исход военных конфликтов, а появление роя предвещает несчастье [Ambrose, 1974, p. 33; Delaney, 2011, p. 2].

Известно, что в древности пчел эффективно использовали во время войны, как нападающие, так и защитники крепостей. Особенно, в этой связи, исследователи выделяют римлян, которые как истинные знатоки пчеловодства, значительно преуспели в этом деле. Именно римляне обычно катапультировали ульи через крепостные стены или стреляли ими прямо в ряды противника. Надо сказать, что такая тактика была настолько широко распространена, что, как полагают, к позднеантичному периоду она нанесла серьезный урон развитию пчеловодства в римском мире [Ambrose, 1974, p. 34; Delaney, 2011, p. 2]. Позднее она использовалась византийцами, которые при помощи камнеметательных боевых машин нередко бросали не только камни и другие предметы, но и ульи полные пчел [Hoffmeyer, 1966, p. 131]. Что же касается тех, кто держал оборону крепостей и использовал при этом улья с пчелами, то в средние века эта тактика также не ушла в прошлое, а получила свое дальнейшее развитие. Раньше, как известно, просто кидали подготовленные заранее улья вниз на головы штурмующих, рискуя самими быть укушенными насекомыми. Позднее в стенах фортов с наружной стороны стали делать специальные углубления, своеобразные пчелиные ниши, где специально прикрепляли пчелиные ульи. При этом доступ к пчелам обеспечивало специальное проходное отверстие, через которое, даже протянув руку, можно было добраться до улья. Благодаря такой конструкции, ниши защищали насекомых от непогоды, пчелы были легко доступны, а ульи можно было легко сбросить вниз на противника в случае штурма крепости [Lockwood, Six-Legged, 2009, p. 23]. Иногда даже сам пчелиный мед использовался в качестве оружия. Здесь уместно вспомнить известный случай гибели трех когорт отступающего из Колхиды в Армению Помпея,

из-за употребления отравленного меда, который римлянам был фактически подложен местными племенами – союзниками Митридата VI Евпатора (Strabo, XII, 3, 18). Действительно, как пишет А. Мэйор, мед это всего лишь одна из привлекательных приманок, которые в античности могли служить тайным биологическим оружием для ослабления или убийства врагов [Мэйор, 2023, с. 202].

Исходя из всего вышесказанного, решить проблему появления улья, фрагмент которого был обнаружен в ходе раскопок на территории укрепленного форта «Аджиэль I», контролировавшего важный участок дороги через один из северных проходов Узунларской оборонительной линии, чрезвычайно трудно. Это вполне могла быть совершенно случайная находка, оказавшаяся на территории форта еще на стадии ее производства или вообще не имеющая никакого отношения ни к пчелам, ни к ульям. Существует же подозрение, что в подобных сосудах с внутренними насечками-канавками могли производить не только мед, но и молочные продукты [Morris, 2014, p. 209, 218; Harissis, 2017, p. 20]. Однако, то обстоятельство, что характер насечек нашего фрагмента аналогичен именно ульям вертикального типа, позволяет склониться к мнению, что перед нами все же пчелиный улей, который исходя из всех сопутствующих обстоятельств, находится в указанном месте, в обычной ситуации просто не мог. Дело в том, что обустройство пасеки внутри или даже вблизи укрепленного форта, грозит проблемами для людей, проживающих в нем. Тем более что рядом проходила одна из основных дорог из районов Центрального Крыма в сторону столицы Боспора. Организация пасеки именно здесь, на участке скального мыса, который был укреплен стенами форта, как и в непосредственной близости от него, на территории занятой дорогой, полностью исключена. Да, в ряде случаев в древности улья находят непосредственно за оборонительными стенами на территории города, где они размещаются в специальных нишах стенах внутренних дворов, в специально построенных для этого стенах или даже возможно на крышах. Однако, даже в этом случае, особенно на территории военных фортов и крепостей, присутствие таких специфических предметов, позволяет, в первую очередь, думать о военных практиках, когда ульи использовались в качестве оружия в виде метательного снаряда против врагов [Mavrofridis, 2018, p. 56–59].

При этом если даже местному гарнизону доставляли мед из других районов полуострова, то вряд ли это могло происходить в ульях. Например, известно, что римским военнотружущим, которым практически всегда организовывалась поставка этого продукта, так как мед для них являлся единственным источником сахара [Дандо-Коллинз, 2013, с. 36], он доставлялся исключительно в амфорах, нередко с надписью «мед» [Tomas, 2020, p. 137]. В этой связи мы не можем исключить и того, что улей попал на территорию форта «Аджиэль I» в результате военных действий, например, в ходе тотальных разрушений Полемоном I укреплений Узунларской оборонительной линии или же, что более вероятней, в результате одного из сражений римских легионеров в период римско-боспорского военного конфликта 45–49 гг. В последнем случае, римские войска, поддерживающие Котиса I, именно таким обра-

зом, могли использовать улей, то есть по своему профессиональному военному назначению, и тем самым быстро занять небольшое укрепление, стоявшее на их пути. Считается, что в период развития эффективных средств доставки любых снарядов (катапульты, требушеты), древняя, по сути, стратегия метания во врагов ульев насекомых не была забыта. Более того, катапультирование пчелиных ульев на вражеские войска стало любимой тактикой римлян [Мэйор, 2023, с. 236–237].

Конечно, подтвердить или опровергнуть такую версию событий могут лишь результаты будущих полномасштабных раскопок данного памятника. Однако уже сейчас необходимо отметить следующее. Дело в том, что употребление меда, также как и использование ульев с вышеназванными целями на территории полуострова в указанное время, подразумевает достаточно развитое в Крыму пчеловодство. Однако для определения характера и степени развития в античный период этой важнейшей отрасли сельскохозяйственной деятельности в регионе, требуется проведение отдельных исследований с опорой на археологический материал, накопление которого является делом будущего. Тем не менее, пчеловодство в Крыму, причем довольно масштабное, фиксируется сообщениями письменных источников. Так, исходя из текста древнегреческого историка и государственного деятеля II в. до н.э. Полибия, мы знаем, что из стран окружающих Понт в метрополию, доставляли не только скот и рабов, но и мед, воск и соленую рыбу (Polyb., IV, 38, 5). Несмотря на то, что здесь прямо не упоминается Северное Причерноморье, ученые традиционно относят эти сведения также и к северной периферии античного мира [Блаватский, 1961, с.64]. То, что это вполне оправдано, свидетельствует уже автор II–III вв. н.э. Клавдий Элиан, который позволяет нам уточнить не только регион развитого пчеловодства на Понте, но и конкретно народ, который развивал эту отрасль сельскохозяйственной деятельности. По словам римского писателя и философа именно «скифы привозят к мисийцам [римские провинции Нижняя и Верхняя Мёзии] не привозной, а добываемый у них самих мед и туземный воск» (Claud. Ael. De Nat. Anim., II, 53). По словам Т.Н. Высотской, это сообщение, безусловно, расширяет представление об ассортименте товаров, экспортируемых поздними скифами [Высотская, 1989, с. 55]. Однако, масштаб подобной деятельности скифов Крыма, еще предстоит исследовать, так как необходимого археологического материала для его анализа, явно недостаточно. Существуют только отдельные артефакты, которые позволяют лишь делать предварительные выводы.

Одна из наиболее ярких таких находок была сделана в 2015 г. при исследовании кургана IV–III вв. до н.э. у с. Брянское Бахчисарайского района. Курган расположен на левом берегу р. Альма, в 0,7–0,9 км северо-западнее варварского городища Заячьё (I в. до н.э. – III в. н.э.) и в 0,5 км к северу от грунтового могильника Брянское (I–III вв. н.э.).

При осмотре южного борта грабительского котлована, под каменной наброской насыпи, рядом с кистью руки, сохранившейся *in situ*, был найден бронзовый перстень с гравированным изображением в виде летящей пчелы и улья под ней

[Волошинов, 2018, с. 25, рис. 28–30; 53, п.о. 3; 54, п.о. 3; 56] (Рис. 2)². Учитывая, что большая часть подобных перстней в скифских погребениях является античным импортом [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 129], на первый взгляд представляется, что связь данного предмета с греческой мифологией и культурой, бесспорна. Тем более что хорошо известна роль, которую играли представления о медоносных пчелах в античной религиозной традиции. Действительно, эллины нередко изображали пчелой Артемиду Эфесскую, награждали эпитетом «медовая» Персефону, а в Элевсинских мистериях называли жриц – пчелами, жрецов – трутнями, а верховного жреца пчелиной маткой [Лиховид, Берберян, Терешкина, Сахно, 2022, с. 3]. Однако существует также мнение, что перстни с подобным изображением, как у найденного у с. Брянское, могут отражать не только высокий уровень пчеловодства в регионе и его связь с религией, но еще и профессиональную значимость человека носившего такой предмет. В этой связи, не исключено, что перстни со сценами пчеловодства (большими медоносными пчелами, ульями, деревьями и т.д.), имели отношения не к религиозным верованиям, а в большей степени к отличительным маркерам их владельцев – «чиновников» или богатых купцов, отвечающих за организацию, поставку и контроль торговли медом [Harissis, 2017, p. 20–21, fig. 3].

Таким образом, крымские скифы, похоже, действительно занимались торговлей собственным медом, которая даже исходя из наших скудных данных, не просто существовала у варваров, но и выходила далеко за пределы полуострова. Следовательно, фрагмент улья, обнаруженного на «Аджиэль I» вполне мог иметь и варварское происхождение и происходить из районов Центрального Крыма. Однако нам ничего доподлинно не известно о масштабе производства такого меда, особенностях этого процесса, и других нюансах развития пчеловодства на полуострове в античный период. Тем не менее, если действительно такое производство было в достаточной степени развито, то те же римляне, попадая в Крым, вполне могли заказывать для себя не только продукты пчеловодства, но и собственно сами улья, в случае необходимости применяя их по «другому» – военному назначению, успешно решая задачи, поставленные перед ними командованием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Блаватский В.Д. 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Изд-во Академии наук СССР. 230 с.
- Волошинов А.А. 2018. Отчет о раскопках на территории объекта археологического наследия «Городище Заячье и его курганный могильник (II в. до н.э. – III в. н.э.)» у с. Брянское Плодовского сельского поселения Бахчисарайского района Республики Крым в 2015 г. Бахчисарай. Перстень хранится в ГБУ РК БИКАМЗ, Инв. № КП13299/2, АЕ45494.
- Высотская Т.Н. 1989. Скифские городища. Симферополь: Таврия. 96 с.

²Мы выражаем искреннюю благодарность за предоставленный материал из раскопок скифского кургана у с. Брянское м.н.с. Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН Алексею Александровичу Волошину.

- Дандо-Коллинз С. 2013. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / Пер. с англ. Н.Ю. Живловой. М.: Центрполиграф. 639 с.
- Иванков В.А. 2023. Теоретические аспекты зарождения и становления профессионального пчеловодства // Вестник Российского Аграрного заочного университета. № 45(50). С. 16–20.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровско-Голостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова Думка. 336 с.
- Крейн Е. 1969. Пчеловодство мира в прошлом и настоящем // Пчела и улей / Перевод с англ. А.А. Вороновича, Т.А. Минакиной, Я.О. Ронинсона / Под ред. Т.И.Губиной. М.: Колос. С. 15–30.
- Лиховид А.А., Берберян А.О., Терешкина Т.А., Сахно Р.А. 2022. Зарождение знаний и представлений о медоносных пчелах // Международный научно-исследовательский журнал. № 8 (122). С. 1–4. Режим доступа: <https://research-journal.org/media/articles/670.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).
- Мэйор А. 2023. Яды, микробы, животные, адский огонь: История биологического и химического оружия Древнего мира. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 432 с.
- Ambrose J. 1974. Insects in Warfare // Army. December. P. 33–38.
- Anderson-Stojanovic V.R., Jones J.E. 2002. Ancient beehives from Isthmia // Hesperia. № 71. P.345–376.
- Crane E. 2003. Retrospect: The use of bees and their products in warfare // Bee World. Vol. 84. Is.2. P. 96–99.
- Crane E. 1999. The world history of beekeeping and honey hunting. New York London: Routledge Taylor and Francis Group. 682 p.
- Delaney L. 2011. Military Applications of Apiculture: The (other) Nature of War / Master of military studies. United States Marine Corps Command and Staff, College Marine Corps University South Street Marine Corps Combat Development Command Quantico. Virginia, 2011. 33 p.
- Giannas C. 2017. Beekeeping practices in Agathonisi during antiquity // Beekeeping in the Mediterranean from antiquity to the present / Edited by: Fani Hatjina, Georgios Mavrofridis, Richard Jones. Nea Moudania: Chamber of Cyclades. P. 79–84.
- Harissis H.V. 2017. Beekeeping in prehistoric Greece // Beekeeping in the Mediterranean from antiquity to the present / Edited by: Fani Hatjina, Georgios Mavrofridis, Richard Jones. Nea Moudania: Chamber of Cyclades. P. 18–39.
- Harissis H., Mavrofridis G. 2012. A 17th century testimony on the use of ceramic top bar hives // Bee World. № 89(3). P. 56–58.
- Hoffmeyer A. 1966. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid // Gladius. №5. P. 1–194.
- Lockwood J. A. 2009. Six-Legged Soldiers: Using Insects as Weapons of War. New York: Oxford University Press. 377 p.
- Mavrofridis G. 2006. Η μελισσοκομία στον Μινωικό-Μυκηναϊκό κόσμο // Μελισσοκομική Επιθεώρηση. № 20(5). P. 268–272.
- Mavrofridis G. 2014. Πήλινες κυψέλες και εσωτερικές εγχαράξεις // Μελισσοκομική Επιθεώρηση. № 28(1). P. 17–21.
- Mavrofridis G. 2018. Urban beekeeping in Antiquity Grądsko pčelarstvo v antičnosti // Ethnoentomology. №2. P. 52–61.
- Melas M. 1999. The Ethnography of Minoan and Mycenaean Beekeeping // Meletemata: Studies in Aegean Archaeology Presented to Malcolm H. Wiener as He Enters His 65th Year. Vol. II.

- Université de Liege: Histoire de l'art et archéologie de la Grèce antique / Betancourt Philip P., Vassos Karageorghis, Robert Laffineur, and Wolf-Dietrich Niemeier (eds). University of Texas at Austin: Programs in Aegean Scripts and Prehistory. *Aegaeum*. № 20. P. 485–491.
- Morris P. S. 2014. Dairy Queen. Churns and milk products in the Aegean Bronze Age // *Opuscula*. № 7. P. 205–222.
- Neufeld E. 1980. Insects as Warfare Agents in the Ancient Near East // *Orientalia*. № 49. P. 30–57.
- Tomas A. 2020. What's for dinner today? What's for dinner today? Remarks on the provisions and diet of Roman soldiers during the Principate. *Studia Antiquitatis et Medii Aevi Incohantis*. № 5. P. 128–154.

REFERENCES

- Blavatskij V.D. 1961. *Antichnaya arheologiya Severnogo Prichernomor'ya*. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 230 s.
- Voloshinov A.A. 2018. Otchet o raskopkah na territorii ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Gorodishche Zayach'e i ego kurgannyj mogil'nik (II v. do n.e. – III v. n.e.)» u s. Bryanskoe Plodovskogo sel'skogo poseleniya Bahchisarajskogo rajona Respubliki Krym v 2015 g. Bahchisaraj. Persten' hranitsya v GBU RK BIKAMZ, Inv. № KP13299/2, AE45494.
- Vysotskaya T.N. 1989. *Skifskie gorodishcha*. Simferopol': Tavriya. 96 s.
- Dando-Kollinz S. 2013. Legiony Rima. Polnaya istoriya vsekh legionov Rimskoj imperii / Per. s angl. N.Yu. Zhivlovoj. M.: Centrpoligraf. 639 s.
- Ivankov V.A. 2023. Teoreticheskie aspekty zarozhdeniya i stanovleniya professional'nogo pchelovodstva // *Vestnik Rossijskogo Agrarnogo zaochnogo universiteta*. № 45(50). S. 16–20.
- Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryj S.A. 1989. Pamyatniki skifskoj epohi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskij region). Kiev: Naukova Dumka. 336 s.
- Krejn E. 1969. Pchelovodstvo mira v proshlom i nastoyashchem // *Pchela i ulej* / Perevod s angl. A.A. Voronovicha, T.A. Minakinoj, Ya.O. Roninsona / Pod red. T.I. Gubinoj. M.: Kolos. S. 15–30.
- Lihovid A.A., Berberyan A.O., Tereshkina T.A., Sahno R.A. 2022. Zarozhdenie znaniy i predstavlenij o medonosnyh pchelah // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. № 8 (122). S. 1–4. Rezhim dostupa: <https://research-journal.org/media/articles/670.pdf> (data obrashcheniya: 26.02.2024).
- Mejor A. 2023. Yady, mikroby, zhivotnye, adskij ogon': Istoriya biologicheskogo i himicheskogo oruzhiya Drevnego mira. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus. 432 s.
- Ambrose J. 1974. Insects in Warfare // *Army*. December. P. 33–38.
- Anderson-Stojanovic V.R., Jones J.E. 2002. Ancient beehives from Isthmia // *Hesperia*. № 71. P. 345–376.
- Crane E. 2003. Retrospect: The use of bees and their products in warfare // *Bee World*. Vol. 84. Is. 2. P. 96–99.
- Crane E. 1999. *The world history of beekeeping and honey hunting*. New York London: Routledge Taylor and Francis Group. 682 p.
- Delaney L. 2011. *Military Applications of Apiculture: The (other) Nature of War* / Master of military studies. United States Marine Corpsi Command and Staff, College Marine Corps University South Street Marine Corps Combat Development Command Quantico. Virginia, 2011. 33 p.
- Giannas C. 2017. Beekeeping practices in Agathonisi during antiquity // *Beekeeping in the Mediterranean from antiquity to the present* / Edited by: Fani Hatjina, Georgios Mavrofridis, Richard Jones. Nea Moudania: Chamber of Cyclades. P. 79–84.
- Harissis H.V. 2017. Beekeeping in prehistoric Greece // *Beekeeping in the Mediterranean from*

- antiquity to the present / Edited by: Fani Hatjina, Georgios Mavrofridis, Richard Jones. Nea Moudania: Chamber of Cyclades. P. 18–39.
- Harissis H., Mavrofridis G. 2012. A 17th century testimony on the use of ceramic top bar hives // Bee World. № 89(3). P. 56–58.
- Hoffmeyer A. 1966. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid // Gladius. №5. P. 1–194.
- Lockwood J. A. 2009. Six-Legged Soldiers: Using Insects as Weapons of War. New York: Oxford University Press. 377 p.
- Mavrofridis G. 2006. Η μελισσοκομία στον Μινωικό-Μυκηναϊκό κόσμο // Μελισσοκομική Επιθεώρηση. № 20(5). P. 268–272.
- Mavrofridis G. 2014. Πήλινες κυψέλες και εσωτερικές εγχαραξείς // Μελισσοκομική Επιθεώρηση. № 28(1). P. 17–21.
- Mavrofridis G. 2018. Urban beekeeping in Antiquity Grądsko pčelarstvo v antičnosti // Ethnoentomology. №2. P. 52–61.
- Melas M. 1999. The Ethnography of Minoan and Mycenaean Beekeeping // Meletemata: Studies in Aegean Archaeology Presented to Malcolm H. Wiener as He Enters His 65th Year. Vol. II. Université de Liege: Histoire de l'art et archéologie de la Grèce antique / Betancourt Philip P., Vassos Karageorghis, Robert Laffineur, and Wolf-Dietrich Niemeier (eds). University of Texas at Austin: Programs in Aegean Scripts and Prehistory. Aegaeum. № 20. P. 485–491.
- Morris P. S. 2014. Dairy Queen. Churns and milk products in the Aegean Bronze Age // Opuscula. № 7. P. 205–222.
- Neufeld E. 1980. Insects as Warfare Agents in the Ancient Near East // Orientalia. № 49. P. 30–57.
- Tomas A. 2020. What's for dinner today? What's for dinner today? Remarks on the provisions and diet of Roman soldiers during the Principate. Studia Antiquitatis et Medii Aevi Incohantis. №5. P. 128–154.

Резюме

Статья посвящена интерпретации находки фрагмента улья на территории памятника «Аджиэль I» в Восточном Крыму. Памятник, похоже, представляет собой укрепленный форт, контролировавший в I в. до н.э. – I в. н.э. участок дороги вблизи Узунларской оборонительной линии. Проведенный анализ найденного фрагмента, позволил отождествить его с вертикальным типом греко-римских ульев. Скорее всего, улей имел позднескифское происхождение и происходил из районов Центрального Крыма. Поздние скифы в указанное время, действительно занимались торговлей собственным медом, которая даже исходя из наших скудных данных, не просто существовала у варваров, но и выходила далеко за пределы полуострова. Попастъ в Восточный Крым данный улей мог вместе с римлянами во время боспоро-римской войны 45–49 гг. Римляне, появляясь в Крыму, вполне могли заказывать для себя не только продукты пчеловодства, но и собственно сами улья, в случае необходимости применяя их по «другому» – военному назначению, успешно решая задачи, поставленные перед ними командованием.

Ключевые слова: Боспорское царство, Римская империя, Поздние скифы, «Аджиэль I», пчеловодство, улей, боспоро-римская война 45–49 гг.

Summary

The article is devoted to the interpretation of the discovery of a beehive fragment in the territory of the monument «Adzhiel I» in Eastern Crimea. The monument seems to be a fortified fort that controlled in the I st century BC. - I century AD a road section near the Uzunlar defence line.

Analyses of the fragment found allowed us to identify it with a vertical type of Greco-Roman beehives. Most likely, the beehive was of Late Scythian origin and came from the areas of the Central Crimea. The Late Scythians at the mentioned time were really engaged in trade with their own honey, which, even based on our scanty data, not only existed among the barbarians, but also went far beyond the peninsula. This beehive could get to the Eastern Crimea together with the Romans during the Bosporo-Roman war of 45-49. The Romans, appearing in the Crimea, could order for themselves not only beekeeping products, but also the beehives themselves, if necessary using them for 'other' - military purposes, successfully solving the tasks assigned to them by the command.

Key words: Bosporan Kingdom, Roman Empire, Late Scythians, «Adzhiel I», beekeeping, hive, Bosporan-Roman war of 45–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
доцент, профессор кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125;
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
исторической антропологии ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
s-yartsev@yandex.ru

Шушунова Елена Валерьевна, к. и. н.,
доцент кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125
schuschunova.elena@yandex.ru

Юркова Дарья Сергеевна,
секретарь ректора
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125
yurkovadariya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Yartsev, Doctor of Historical Sciences
(Advanced Doctor),
Associate Professor, Professor of the
Chair of History and Archeology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt Tula, 300026, Russia;
leading researcher research laboratory
Historical anthropology FGAOU VO
«Belgorod State national research university»,
85 Pobedy str. Belgorod, 308015, Russia
s-yartsev@yandex.ru

Elena V. Shushunova,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of History and Archaeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt Tula, 300026, Russia
schuschunova.elena@yandex.ru

Daria S. Yurkova,
rector's secretary,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt Tula, 300026, Russia
vnukovartemy@yandex.ru
+79101611894

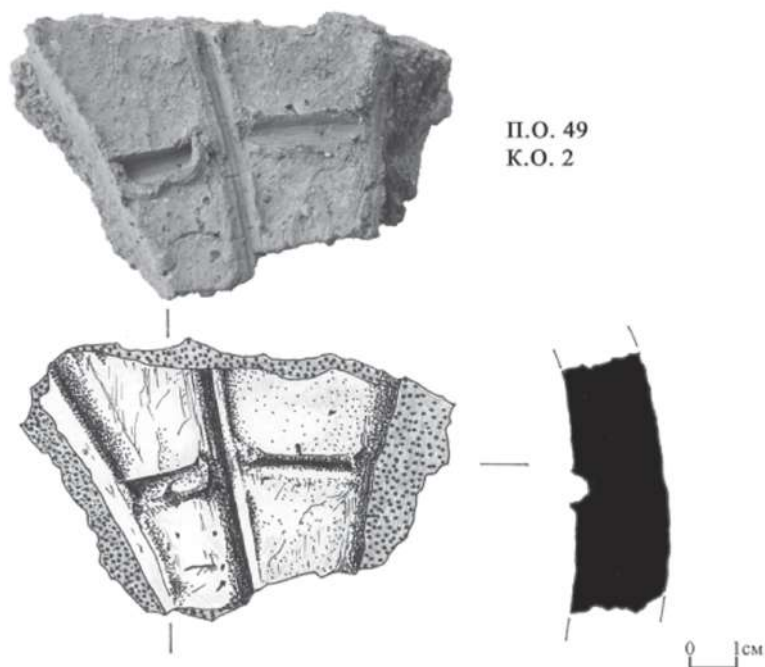

Рис. 1. «Аджиэль I». Фрагмент лепного керамического изделия с насечками-канавками с его внутренней стороны (фото и чертеж В.В.Симонова).

Рис. 2. Курган IV–III вв. до н.э. у с. Брянское Бахчисарайского района. Бронзовый перстень с гравированным изображением в виде летящей пчелы и улья под ней (раскопки А.А.Волошинова).

A.A. ВНУКОВ, Л.Х. АЛИЕВА, К.О. МАРКОВА
A.A. VNUKOV, L.KH. ALIEVA, K.O. MARKOVA

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ ГУННОВ ХРИСТИАН НА РУБЕЖЕ IV-V ВЕКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ON THE PRESENCE OF CHRISTIAN HUNS AT THE TURN OF THE 4TH-5TH CENTURIES IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Письменные источники V-VI вв., в которых имеется информация о гуннах, в некоторой степени противоречивы, и не всегда содержат достоверные данные об этих кочевниках. В большинстве своем позднеантичные авторы не предпринимали основательных попыток охарактеризовать варварские центры власти, и сводили, чаще всего, все этнические движения в барбарикуме к единому знаменателю. На такое положение дел неоднократно указывали как зарубежные, так и отечественные исследователи. Именно по этой причине в тексте одного из самых обстоятельных и скрупулёзных историков древности Аммиана Марцеллина возникают логические нестыковки и противоречия, которые либо существенно разнятся с данными его современников, либо имеются в единичном варианте. Подобные разночтения имеются и у Иордана, человека жившего спустя век, описываемых им событий. В сочинении этого автора реальная история европейских гуннов и их утверждения в Европе сплелась с готскими легендами, которые, если судить по целому пласту, дошедших до современности германо-скандинавских литературных памятников, мало что имеют общего с действительностью. В целом же в письменных источниках конца IV – середины V веков этноним «гунны» выступает как полиэтноним.

Основательнее всех к изложению событий, связанных с нашествием гуннов в Европу, подошел Приск Панийский. О гуннах он писал не по слухам и данным неизвестных информаторов, Приск сам бывал при дворе Атиллы в конце 440-х годов (Prisc. Fr. 8) и собственными глазами видел жизнь и быт европейских кочевников. Он общался со многими высокопоставленными представителями кочевой администрации, включая жен Бледы и Атиллы. Приска, стоит благодарить уже только за то, что он своим сочинением внёс ясность в межплеменную организацию гуннов, а также указал на существование «других» племен гуннских, вождества которых развивались в Восточной Европе параллельно с кочевниками Атиллы.

Текст Приска фрагментарен, многие оставленные им данные не сохранились в последующих редакциях, однако при написании своего сочинения текстом константинопольского дипломата пользовался Иордан, чем и примечателен труд готского историка. Иордан не только воспроизвел текст предшественника, но и описал этническую ситуацию в барбарикуме своего времени. В результате этого получилась динамическая карта движения народов последней четверти IV – середины VI века.

Следовательно, если опираться на эти данные, можно уверенно разделить европейские гуннские племенные объединения на три основных вождества: ранних гуннов (амилзуры (альпидзуры), итимары и тоносуры), акациров и «царских» гуннов. По всей видимости, с 376 до 412 года в Северном Причерноморье начали формироваться, без сомнений, два вождеских центра. Исходя из всего этого, при изучении военно-политической истории кочевников южнорусских степей конца IV – середины V столетия возникает необходимость в уточнении некоторых дошедших до современников данных, и группировки их по этнической, в том числе и племенной принадлежности варваров, выступающих в письменных источниках под полиэтнонимом «гунны».

Подобные данные по своему характеру можно разделить на две основные группы: первая – свидетельства о военных и дипломатических событиях; вторая – свидетельства о внутренней жизни номадов, их обычаях, религии и т. д. Свидетельства первой группы, из-за их объемности и масштабности охвата событий, неоднократно анализировались как в зарубежной, так и отечественной историографии. Данные второй группы чаще всего становятся объектом исследований лишь специалистов, занимающихся культурой кочевников. В числе второй группы данных имеются свидетельства позднеантичных авторов о распространении христианства среди гуннов.

Например, в идеализированной, по своей сути, «*Historiae adversum paganos*», Павел Орозий пишет: «... ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада Церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами, милосердие Божье оказывается достойным похвалы и прославления, так как, пусть даже с потрясением для нас, эти племена получили знание об истине, каковое не смогли бы открыть, если бы не случилось все таким образом» (P. Oros. VII, 41, 8). Труд западноримского деятеля христианской церкви был написан в 417 году и отражает историческую действительность на начало пятого столетия. Безусловно, при анализе источника можно сослаться на конъюнктурность этого сочинения, ведь события в произведениях подобного жанра чаще всего представлены как вечная борьба язычества и христианства, и окончательно отказаться от утверждения о раннем распространении апостольского учения у гуннов. Однако эта информация, почти в то же самое время, появляется в эпистолярном источнике, в письме Блаженного Иеронима Стридонского к Лете. Между 400 и 402 годом он пишет: «Для язычества и Рим становится пустыней. Боги, некогда боги народов, остаются с одними филинами и совами на кровлях. Знамение креста стало военным знаменем. Багряницы и горящие драгоценными камнями диадемы царей украшаются изображением спасительного орудия казни. Уже египетский Серапис сделался христианином. Мерна, запертый в Газе, плачет и в ужасе ждет со дня на день разорение храма. Каждый день приходят к нам толпы монахов из Индии, Персии, Эфиопии. Армянин сложил с себя колчан. Гунны изучают Псалтирь, скифские морозы пылают огнем веры; рыжее и белокурое войско гетов носит всюду с собой шатры, служащие церквями, и, может

быть, потому они сражаются против нас с равным нашему искусством, что равно исповедуют ту же религию» (Ieron. Ep. 87). Письмо Иеронима не только подтверждает информацию Орозия о христианизации кочевников, но и дополняет его данные относительно локализации обращенных гуннов. Небольшой отрывок о том, что «скифские морозы пылают огнем веры» недвусмысленно указывает на Скифию, т.е. на Северное Причерноморье. Следовательно, по нашему мнению, гуннов-христиан следует искать в области, ограниченной на востоке устьем Танаиса и Меотидой, на западе устьем Истра.

Детально вопрос о религиозных предпочтениях гуннов рассмотрел американский историк и археолог О. Менхен-Хелфен. В отношении фрагмента текста Орозия и ряда других сообщений христианских авторов древности, он высказывался крайне критически. Исследователь считал, что гунны на протяжении всей своей истории оставались язычниками, хотя и предполагал возможность религиозного обращения гуннов в арианство, если бы протогосударственное объединение Аттилы не рухнуло в середине V века [Maenchen-Helfen 2004 p. 260-267]. Безусловно, стоит согласиться с мнением О. Менхен-Хелфена о том, что он сказал о гуннах Аттилы, даже те, казалось бы, свидетельства, которые хоть как-то указывают на возможную христианизацию части «царских» гуннов, при детальном рассмотрении оказываются лишь свидетельством иных менее значимых процессов.

К примеру, отметим воспоминание Олимпиодора Фиванского о его путешествии к гуннам в Северное Причерноморье (Olimp., 18). Ранее мы разбирали этот текст в контексте военно-политической истории и взаимодействия кочевников с константинопольской администрацией в начале V века. Олимпиодор в своих заметках упоминает некого Доната, который, во многом благодаря, исследователям XVIII-XIX вв. начал представляться как вождь гуннов. Однако по справедливым замечаниям Ф. Альтгейма этот человек не принадлежал к гуннским риксам. В выписках Фотия ничего не говорится на этот счёт, а напротив, видно, что Донат был отделён от вождей кочевников [Altheim 1963, p. 363]. Скорее всего, он являлся беглым или отправленным в плен к гуннам римлянином, который должен был, если учесть пример Ореста, служить вождям кочевников в качестве «нотария» или же «magister officiorum», т.е. фактически руководителем внешней политики варваров. Возможно, Донат как и Орест контролировал саму процедуру переговоров между константинопольскими чиновниками и гуннскими вождями, стараясь привнести римские традиции приема послов на варварскую почву [Пикин 2015, с. 111-113; Внуков 2022, с. 21-33].

В целом же относительно «царских» гуннов в нашем распоряжении отсутствуют какие-либо достоверные источники о крещении вождей этой группы варваров. Напротив, если обращать внимание на характер ведения ими военных кампаний, можно однозначно утверждать, что гуннами командует вождь-язычник. В качестве примера отметим все противоречивые сведения о гибели Руа, которые в большей степени свидетельствуют о распространении в среде «царских» гуннов культа Тенгри (Неба).

Сущность Неба-Тенгри по представлениям людей того времени проявлялась в природных феноменах: громе, молнии, грозе и т.п. Общеизвестно, что монголы боялись громовых раскатов и молний, и в случае грозы прятались, а потом проводили защитные и очистительные ритуалы. Кочевники и их шаманы никогда не оставляли стихийное событие без внимания [Бичеев, Кукеев 2011, с. 75-77]. Поэтому все те сведения о гибели Ругаса-Роила от удара молнии (Theod., V. 37; Soc., VII. 43) отражают лишь отступления кочевников от своих планов из-за недобрых предзнаменований. Возможно, заметив в небе тучи, согласно тюркским и монгольским традициям, номады лишь развернули свою армию и поспешили в укрытие, чтобы избежать оскорбления духов [Внуков 2020, 100-104].

Возвращаясь к выводам О. Менхен-Хелфена, можно сказать, что исследователь в отношении гуннов Аттилы высказался верно, но в остальном его выводы представляются несколько сомнительными. Речь идет о скифах из письма Иоанна Златоуста к епископу Леонтию, которых Менхен-Хелфен отождествляет с кельтским племенем бастарнов, проживающих на границе Восточной Римской империи [Maenchen-Helfen 2004 p. 267]. Представляется, будто ученый забыл о других скифских племенах гуннского круга, которые в первой четверти V века не входили в конфедерацию Руа и Аттилы.

Согласно сообщению Приска и использовавшего его труд для написания «Деяния Гетов» Иордана, восточнее гуннов Аттилы жили скифские племена альпидзуров, итимаров, тоносуров, войсков и других народов (далее первая племенная группа). Приск область их расселения называет берега Истра (Prisc. Fr. 1). Согласно анализу археологических памятников, связанных с вождеской культурой эпохи Великого переселения народов, М.М. Казанский и А.В. Мاستыкова считают, что этой группе кочевников соответствуют захоронения номадов, обнаруженные в Южной Румынии [Казанский, Мастыкова 2009, с. 123]. В источниках, написанных в первой четверти V века, относительно места обитания акациров (второй племенной группы) точных сведений нет. Хотя позже Приск, а затем и Иордан локализуют их в припонтийской Скифии (Prisc. Fr. 1; Iord. Get., 37). Если судить по аналитическим публикациям археологического материала современных исследователей, то ойкумена акациров хорошо прослеживается в области, ограничиваемой на западе-востоке р. Молочной и бассейном р. Дон, на севере-юге – лесостепной зоной России и внешней грядой крымских гор [Казанский, Мастыкова 2009, с. 124-126; Фурасев 2013, с. 185-196; Обломский 2015, с. 296-308; Айбабин 2019, с. 47-61]. К примеру, к акацирским памятникам Крыма А.И. Айбабин отнес комплексы и материалы, найденные на городищах Беляус, Усть-Альма, у с. Калинина и на склоне г. Коклюк. Последние, по его мнению, синхронизированы с комплексами первой половины V в. из Керчи [Айбабин 2019, с.47-61]. Возможно, именно с акацирами стоит связывать возрождение жизни на городище Танаис в гуннское время, и функционирования ряда поселений на Острой Луке Дона [Обломский 2015, с. 296-308]. Неоднозначность же письменных свидетельств о месте кочевания акациров обуславливается этническими движениями и военными конфликтами в степи в пост-гуннское время [Казанский, Мастыкова 2022, с. 221-240].

Интересно, что оба племенных объединения входили до покорения их Бледой и Аттилой в сферу влияния Восточной империи (Prisc., Fr. 1, 8). Следовательно, мы не отклонимся от истины, если отождествим именно группы этих кочевников с теми гуннами, которые «получили знание об истине» (P. Oros. VII, 41, 8) или «изучают Псалтырь» (Ieron. Ep. 87). Эту возможность не исключает и сообщения о утригурском вожде Гроде, который предпринял попытку обратить в христианство своих соплеменников, кочующих в VI веке в Крыму. Правда, надо отметить, миссия этого вождя закончилась для него гибелью (Mal., XVIII, 14; Theoph., AM. 6020). Однако вряд ли до этого римляне не предпринимали подобных попыток в отношении кочевников полуострова. Известно, что в начале пятого столетия епископ Томийский Феотим неоднократно бывал у гуннов и проповедовал у них (Soz., VII, 26). Хотя, по мнению И. Стоянова этими гуннами-христианами могли быть номады, кочующие в районе р. Дунай, т.е. уже упомянутая нами первая группа номадов [Стоянов 2015, с. 16-45]. Тем не менее, если учитывать деятельность последователей Иоанна Златоуста в Крыму [Ярцев 2023, с. 45-57], можно не без оснований полагать, что в начале V века некоторые кочевники Скифии оказались под пристальным вниманием константинопольских миссионеров.

К сожалению, из-за недостаточности данных реконструировать раннюю историю этих варварских объединений невозможно. Ряд исследователей полагают, что гунны из первой племенной группы соответствуют гуннам Ульдина / Ульдиса [Засецкая 1994, с. 145; Казанский, Мастыкова 2009, с. 114-126; Казанский 2014, с. 28-51], сведения о котором имеются в сочинениях Созомена, Зосима и Иордана (Soz., IX, 5; Zos. Zos., V, 22; Iord. Rom., 321). Ульдин был из тех гуннских вождей, которые неоднократно участвовали в военных кампаниях Римской империи. С 405 по 408 год он сотрудничал со Стилихоном. По нашему мнению, основанному на высказанных замечаниях Э.А. Томпсона об этом вожде, записках Приска и исследованиях А.М.Хазанова [Thompson 2004, p. 66-67, Хазанов 2008, с. 252], Ульдин скорее всего не имеет никакого отношения к альпидурам. Вероятно, он являлся «царским» гунном, который бежал в римские провинции в результате междоусобной борьбы. Тем не менее, биография Ульдина не дает право считать, что среди его войска были гунны-христиане. В какой-то степени можно согласиться, что среди западных гуннов, расселенных при Феодосии I в Паннонии были христиане, однако это касается в большей степени тех кочевников, которые вместе с готами приняли участие в восстании 378 года.

Что же касается второй племенной группы, то в отношении их известно, что один из их вождей Куридах в середине 40-х годов V века напрямую обратился к Аттиле с жалобой на восточных римлян, которые одарили его не по достоинству. В ответ Аттила организовал поход на акациров, собрав «многочисленное войско». Приск пишет: «одни из князей акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться» (Prisc., Fr. 8).

Нам трудно представить, что имперская политика в отношении акациров была настолько недальновидная. Вряд ли аристократические верхи Константинополя пытались таким путем рассорить вождей своих союзников в Северном Причерноморье.

В сложившейся внешнеполитической обстановке на границах империи это было бы нецелесообразно. Вероятнее всего, на количество распределения подарков повлияла лояльность конкретных вождей к администрации Римской империи и проводимой ей политики демонстрации, которая выражалась в христианизации как самих вождей, так и подчиненных им кочевников. Возможно, именно с этим показателем стоит связывать ряд керченских находок из грунтовых склепов, относящихся к концу IV – первой половины V в [Засецкая 1994; Зинько 2013; Казанский 2021]. Косвенным доказательством такого хода событий может выступать и надпись КБН 67 о царе Дуптуне, датировка которой имеет хронологический разброс в сто лет.

Напомним, что из-за сложившихся обстоятельств, связанных с сохранностью плиты, мнения исследователей о дате правления Дуптуна на Боспоре разделились на две группы. Одни ученые считают, что надпись следует датировать концом IV – началом V века, другие – концом V – началом VI века. На современном этапе более обстоятельно к рассмотрению и интерпретации этой надписи подошли Ю.Г.Виноградов [Виноградов 1998], В.П. Яйленко [Яйленко 2002], Н.Н. Болгов и И.В. Зайцева [Болгов, Зайцева 2019], С.В. Ярцев [Ярцев 2020, 2020б]. Каждый из названных исследователей внес значительный вклад в решение этого вопроса и предложил собственную интерпретацию истории Европейского Боспора в эпоху Великого переселения народов. Не вдаваясь в существенные подробности их выводов, мы все же вынуждены согласиться, что о раннем происхождении текста КБН 67 свидетельствует позднеантичный характер надписи, привычно начинавшейся с формулы «В добрый час» и построенной по формуляру подобных текстов предшествующих царей IV в. н.э. Также трудно представить, что константинопольская администрация решила через 150 лет после смерти Рескупорида VI (303-341/342 гг.) реставрировать династию Тибериев Юлиев в лице пришедшей варварской аристократии. Целесообразность данной реставрации слишком сомнительная, и вряд ли носила хоть сколько-то оправдательный характер, с учетом смены нескольких поколений боспорян и усиленной варваризации населения государства, связанной с движением народов последней четверти IV века.

Таким образом, может быть прав С.В. Ярцев, который согласует текст данной надписи с политикой Феодосия I по восстановлению буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье, в которой особое внимание уделялось культурной экспансии [Ярцев 2020, 2020б].

В данной связи примечательно, что среди крымских древностей рубежа IV–V вв. существуют ранехристианские погребения, так в 2005–2006 гг. на некрополе Херсонеса в непосредственной близости от Загородного храма был открыт и исследован погребальный комплекс указанного времени, принадлежавших раннехристианской общины города. Среди погребенных индивидов антропологами были обнаружены останки жителей города с искусственно деформированными черепами – всего 7 черепов. Первый череп происходил из склепа №1, второй – из склепа №2, пять последующих были обнаружены в склепе №3. Однако эти находки на некрополе Херсонеса не являются первыми. По мнению А.В. Иванова исследуемые им

останки 2005-2006 г. и прежние деформированные черепа в раннехристианских погребальных комплексах показательны для истории формирования общины в раннесредневековом Херсонесе, в которой присутствовали не только греки, но и обращенные представители варварского населения полуострова. Это была немногочисленная группа горожан, связанная по происхождению, согласно краниологическому анализу, с сарматами и аланами [Иванов 2016, с. 71-76].

Действительно, опубликованные образцы искусственно деформированных черепов жителей раннесредневекового Херсонеса [Иванов 2016, с. 59-76] заметно отличаются от антропологического материала Венгрии гуннского времени. Особенность деформации венгерских черепов известна давно. Искусственная деформация кочевников Венгрии осуществлялась с помощью наложения двух повязок. Первая наложенная повязка шла ото лба к затылку через висок, а вторая повязка – от макушки к подбородку. Описанный метод позволял уменьшить высоту черепа и высоту нижней челюсти. Вероятнее всего «царские» гунны подобной деформацией продвигали собственную идентичность, тем самым стандартизируя технику модификации в качестве маркера «свой-чужой» [Mayall, Pibrow, Bitadze 2017]. Отсутствие в христианских погребений Херсонеса черепов венгерской модификации свидетельствует о принадлежности варваров общины города к совершенно иной группе кочевников, которые могли быть представителями первой группы или же сармато-аланским населением входивших во вторую кочевую группу, т.е. акациров.

В пользу последнего предположения, хотя и косвенно, свидетельствует уже упомянутое сообщение Олимпиодора о визите константинопольских послов к вождю «царских» гуннов Харатону, дошедшее до современников в законспектированном варианте патриарха Фотия. Согласно этому тексту, римляне в 412 году предприняли попытку устранить вождя «царских» гуннов (Olimp., Fr. 18). Зачем римлянам нужно было организовывать столь сложную экспедицию в то время, когда гунны Северного Причерноморья не представляли особой угрозы на границах их государства? Возможно, ответ кроется в организации известного покушения на Атиллу, на которое в середине V века пошло правительство Феодосия II из-за притязаний варварского вождя на единоличную власть над всей Скифией.

Напомним, что в отличие от земледельческих народов, воюющих ради расширения своих земель, цели ведения войн кочевниками – это увеличение подвластного кочевого населения, усиление своих воинских сил и политического могущества. Проигравшие войну должны были признать себя вассалами и покориться победителям, или погибнуть, или бежать, переселившись в отдельные земли [Худяков 2019, С. 39]. Поэтому политическая элита Константинополя прекрасно отдавала себе отчет о последствиях возможного усиления «царских» гуннов в барбарикуме. В 448 г. еще были живы те люди, которые стали свидетелями нападения Ульдина на Фракию и разорения Рима Аларихом. Более того, многие помнили кровопролитную войну 441 года с «царскими» гуннами, которые разорили Иллирик, разрушив множество городов и крепостей (Marc. Com., 441). Однако все это касается времени правления Атилы.

Насчет деятельности Харатона в нашем распоряжении информации нет. Наши источники молчат, а труд Олимпиодора утрачен. Внимание других греко-латинских авторов начала V века сосредоточено на западе империи. Следовательно, мы можем лишь полагать, что причиной дипломатической экспедиции Олимпиодора в Северное Причерноморье мог быть незафиксированный конфликт между набирающими силу «царскими» гуннами и союзниками Константинополя – акацирами, которые в ту пору обосновались в Северном Приазовье [Внуков, Ярцев, Брынза 2023, с. 607-614].

Что же касается самого боспорского правителя Дуптуна, он явно не был греком по происхождению. Об этом в первую очередь свидетельствует имя царя (на плите Δουπτουνο). В.П. Яйленко полагает, что это имя хорошо объясняется с тюркского, а отсюда возможное содержание имени Δουπτουν = Jaba attun = имеющий (дикую) лошадку [Яйленко 2002, с. 324]. К тюркской линии почти наверняка можно отнести имена гуннов, принадлежащих к аристократической верхушке европейских номадов, к примеру: Харатон = Qarátón = мужчина, одетый в черное; Улдин = Öldin = счастливчик; Басих = Basig = правитель; Курсих = Kürsig = храбрый, благородный и т.д. [Bóna 1991] О. Менхен-Хелфен относил имя «первого из царей гуннов» Харатона к именам неустановленного происхождения, отмечая что окончание – он могло искусственно приписываться носителями греческого языка. К примеру, Олимпиодор, как и все греческие авторы, писал Στελίχων вместо Stilika [Maenchen-Helfen 1973, p.412, 416]. Таким образом, если исключить явно греческое окончание, то имя боспорского царя вполне могло звучать как Dup или же Du'a. Последнее значение имеет аналогии в древнетюркском языке и переводится как «молитва» [Древнетюркский словарь 2016, с. 172], что согласуется с христианским характером керченской надписи. Также тюркская этимология предполагает окончание имя на – tun, значение которого может объясняться как «первый» или же, как в случае с Харатоном – ton = платье, накидка [Древнетюркский словарь 2016, с. 621, 672]. Однако, стоит отметить, что эта смелая интерпретация не окончательная и возможно наши дальнейшие исследования в этой области приведут нас к иным результатам.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что гунны-христиане, о которых сообщают ряд христианских авторов, были акациры или те гунны, которые нанимались на службу в римскую армию в качестве федератов, не желающие возвращаться к привычной жизни в Скифии или под контроль «царских» гуннов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. №2. 2019. С. 47-61.
- Бичеев Б.А., Кукеев А.Г. О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник КИГИ РАН. №2. 2011. С. 75-77.
- Болгов Н.Н., Зайцева И.В. Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия // МАИАСП. № 11. 2019. С. 517-526.
- Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и Ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. № 1 (224). 1998. С. 233-247.
- Внуков А.А. Роила или Руа. К вопросу об идентификации личности вождя гуннов // ИРЕСИОНА.

- Античный мир и его наследие. Выпуск VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китайской археологической экспедиции. Белгород, 2020. С. 100-104.
- Внуков А.А., Ярцев С.В., Брынза Т.В. К вопросу о взаимоотношениях «царских» гуннов и акациров в Северном Причерноморье в начале V в. // МАИАСП. №15. 2023. С. 607-614.
- Внуков А.А. К вопросу о причинах смерти гуннского вождя Доната в 412 году // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Т. 9 (1). 2022. С.21-33.
- Древнетюркский словарь / под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина и др.; сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин и др. Астана: «Гылым» баспасы, 2016.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.: АО «Эллипс Лтд». 1994.
- Зинько А.В. Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов // МАИЭТ. Вып. XVIII. 2013. С. 415-436.
- Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus Aevorum. Т. 1. № 1. 2014. С. 28-51.
- Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // БИ. Вып. XLII. 2021. С. 108-131.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 114-126.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В. Акациры: северная окраина кочевой степи после Аттилы // КСИА. Вып. 267. 2022. С. 221-240.
- Обломский А.М. Этнокультурное и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 16. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV-V вв.). М.: ИА РАН. 2015. С. 296-308.
- Пикин А.В. Римские интеллектуалы середины – конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения // Интеллигенция и мир. №4. 2015. С. 108-118.
- Стоянов И. За разпространението на християнството сред долнодунавските хуни в светлината на римо-варварските съюзни отношения от края на IV – нач. на V в. // Журнал за исторически и археологически изследвания. 3 Брой. 2015. С. 16-45.
- Фурасьев А.Г. Акациры – соседи эстиев // АС. Вып. 39. 2013. С. 185-196.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 2008.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки и енисейские кыргызы в войнах в Центральной Азии. СПб.: Евразия. 2019.
- Яйленко В.П. Гунно-болгары II-V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропониимики // ДБ. 5. 2002. С. 303-333.
- Ярцев С.В. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. № 9. 2020. С. 61-67.
- Ярцев С.В. Иоанн Златоуст и особенности распространения христианства в Северном Причерноморье в условиях особого этнокультурного взаимодействия в регионе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 4-2. – С. 45-57. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.4-2.42
- Ярцев С.В., Лебединец Н.В. Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна // Власть истории – История власти. Т. 6. Ч. 5 (№23). 20206. С. 774-783.

- Иванов А.В.* Население античного Херсонеса Таврического – византийского Херсона по данным антропологии. – Севастополь: Альбатрос, 2016.
- Altheim F.* Geschichte der Hunnen: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. Berlin. 1963.
- Bóna I.* Das Hunnen-Reich. Budapest: Corvina; Konrad Theiss Verlag. 1991.
- Maenchen-Helfen O. J.* Huns: Studies in Their History and Culture. Los Andgeles – London: University of California Press – Berkeley. 1973.
- Mayall P., Pilbrow V., Bitadze L.* Migrating Huns and modified heads: Eigenshape analysis comparing intentionally modified crania from Hungary and Georgia in the Migration Period of Europe // PLoS ONE 12 (20).2017.
- Thompson E.A.* The Huns. Malden – Oxford: Blackwell Publishing. 2004.

REFERENCES

- Aibabin A.I.* Gunny v ravninnom Krymu // Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. T. 18. №2. 2019. S. 47-61.
- Bicheev B.A., Kukeev A.G.* O religioznykh predstavleniyakh drevnikh tyurkov i mongolov // Vestnik KIGI RAN. №2. 2011. C. 75-77.
- Bolgov N.N., Zaitseva I.V.* Tiberii Yulii Duptun – poslednii tsar' Bospora i politika imperatora Anastasiya // MAIASP. № 11. 2019. S. 517-526.
- Vinogradov YU.G.* Pozdneantichnyi Bospor i Rannyaya Vizantiya (V svete datirovannykh bosporskikh nadpisei V veka) // VDI. № 1 (224). 1998. S. 233-247.
- Vnukov A.A.* Roila ili Rua. K voprosu ob identifikaiii lichnosti vozhdya gunnov // IRESIONA. Antichnyi mir i ego nasledie. Vypusk VII. Materialy Kruglogo stola k 50-letiyu Kiteiskoi arkheologicheskoi ehkspeditsii. Belgorod, 2020. S. 100-104.
- Vnukov A.A., Yartsev S.V., Brynza T.V.* K voprosu o vzaimootnosheniyakh «tsarskiKH» gunnov i akatsirov v Severnom Prichernomor'e v nachale V v. // MAIASP. №15. 2023. S. 607-614.
- Vnukov A.A.* K voprosu o prichinakh smerti gunnskogo vozhdya Donata v 412 godu // Tractus Aevorum: ehvolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv. T. 9 (1). 2022. S. 21-33.
- Drevnetyurkskii slovar' / pod red. D.M. Nasilova, I.V. Kormushina i dr.; sost. T.A. Borovkova, L.V.Dmitrieva, A.A. Zyrin, I.V. Kormushin i dr.* Astana: «FylyM» baspasy, 2016.
- Zasetskaya I.P.* Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepei v gunnskuyu ehpokhu (konets IV-Vvv.). SPb.: AO «Ehllips LtD». 1994.
- Zin'ko A.V.* Vostochnaya Tavrika v ehpokhu Velikogo pereseleniya narodov // MAIEHT. Vyp.XVIII. 2013. C. 415-436.
- Kazanskii M.M.* Vozhdeskoe zakhoronenie gunnskogo vremeni v Kontseshtakh i ego kul'turno-istoricheskii kontekst // Tractus Aevorum. T. 1. № 1. 2014. S. 28-51.
- Kazanskii M.M.* Gunny na Bospore Kimmeriiskom // BI. Vyp. XLII. 2021. S. 108-131.
- Kazanskii M.M., Mastykova A.V.* «TsarskiE» gunny i akatsiry // Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. S. 114-126.
- Kazanskii M.M., Mastykova A.V.* Akatsiry: severnaya okraina kochevoi stepi posle Attily // KSIA. Vyp. 267. 2022. S. 221-240.
- Oblomskii A.M.* Ehtnokul'turnoe i sotsial'nye komponenty naseleniya Ostroi Luki Dona v gunnskoe vremya // Ranneslavyanskii mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei. Vyp. 16. Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV-V vv.). M.: IA RAN. 2015. S. 296-308.

- Pikin A.V.* Rimskie intellektualy serediny – kontsa V veka na sluzhbe varvarov: sokhranyaya traditsii vneshnepoliticheskogo obshcheniya // *Intelligentsiya i mir.* №4. 2015. S. 108-118.
- Stoyanov I.* Za razprostraneniето na khristiyanstvoto sred dolnodunavskite khuni v svetlinata na rimo-varvarskite s"yuzni otnosheniya ot kraya na IV – nach. na V v. // *Zhurnal za istoricheski i arkheologicheski izsledovaniya.* 3 Broi. 2015. S. 16-45.
- Furas'ev A.G.* Akatsiry – sosedi ehstiev // *AS. Vyp.* 39. 2013. S. 185-196.
- Khazanov A.M.* Kochevniki i vneshnii mir. SPb.: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008.
- Khudyakov YU.S.* Drevnie tyurki i eniseiskie kyrgyzy v voynakh v Tsentral'noi Azii. SPb.: Evraziya. 2019.
- Yailenko V.P.* Gunno-bolgary II-V vv. n.eh. na Bospore po dannym ehpiigrafiki i antroponomiki // *DB.* 5. 2002. S. 303-333.
- Yartsev S.V.* Voенно-politicheskaya strategiya imperatora Feodosiya I v Severnom Prichernomor'e // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki.* Seriya: GUMANITARNYE NAUKI. № 9. 2020. S. 61-67.
- Yartsev S.V.* Ioann Zlatoust i osobennosti rasprostraneniya khristianstva v Severnom Prichernomor'e v usloviyakh osobogo ehtnokul'turnogo vzaimodeistviya v regione // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki.* Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2023. – № 4-2. – S. 45-57. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.4-2.42
- Yartsev S.V., Lebedinets N.V.* Eshche raz o datirovke stroitel'noi nadpisi bosporskogo tsarya Duptuna // *Vlast' istorii – Istoriya vlasti.* T. 6. CH. 5 (№23). 2020b. S. 774-783.
- Ivanov A.V.* Naselenie antichnogo Khersonesa Tavricheskogo – vizantiiskogo Khersona po dannym antropologii. – Sevastopol': Al'batros, 2016.
- Altheim F.* Geschichte der Hunnen: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. Berlin. 1963.
- Bóna I.* Das Hunnen-Reich. Budapest: Corvina; Konrad Theiss Verlag. 1991.
- Maenchen-Helfen O. J.* Huns: Studies in Their History and Culture. Los Andgeles – London: University of California Press – Berkeley. 1973.
- Mayall P., Pilbrow V., Bitadze L.* Migrating Huns and modified heads: Eigenshape analysis comparing intentionally modified crania from Hungary and Georgia in the Migration Period of Europe // *PLoS ONE* 12 (20).2017.
- Thompson E.A.* The Huns. Malden – Oxford: Blackwell Publishing. 2004.

Резюме

Статья посвящена проблеме выявления и локализации кочевников-христиан гуннского круга в Северном Причерноморье на рубеже IV-V вв. н.э., о которых сообщают ряд греко-латинских авторов того времени. На основе анализа письменных и археологических источников авторы пришли к выводу, что в сообщениях Иеронима Блаженного и Созомена о деятельности епископа Феотима речь идет об акацирах или же о гуннах первой группы. Последние соответствуют Присковым и Иордановским альпидзурам. Номады этого круга после событий 376-381 гг. активно нанимались на службу в римскую армию в качестве федератов, не желая возвращаться к привычной жизни в Скифии; попытки уйти из-под контроля «царских» гуннов подводили их к союзу с Константинополем. В статье авторы также ставят под сомнение христианизацию «царских» гуннов, соглашаясь с мнением О. Менхен-Хелфена, так как согласно письменным источникам нет оснований говорить о таком положении дел. Напротив, гуннские вожди в сочинениях как церковных, так и светских историков V века представлены язычниками со своими этнокультурными представлениями об окружающем их мире, предрассудками и стереотипами поведения.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, гунны, акациры, христианство, Восточная Римская империя, сарматы, альпидзуры, Боспорское царство, Херсонес.

Summary

The article is devoted to the problem of identifying and localizing Christian nomads of the Hunnic circle in the Northern Black Sea region at the turn of the 4th-5th centuries AD, who are mentioned by several Greek and Latin authors of that time. Based on the analysis of written and archaeological sources, the authors concluded that the reports of St. Jerome and Sozomen about the activities of Bishop Theotimus refer to the Acatzirorum or the Huns of the first group. The latter correspond to Priscus' and Jordanes' Alpsidzuri. Nomads of this circle, after the events of 376-381, actively enlisted in the Roman army as federates, not wanting to return to their usual life in Scythia; attempts to escape from under the control of the "royal" Huns led them to an alliance with Constantinople. In the article, the authors also cast doubt on the Christianization of the "royal" Huns, agreeing with the opinion of O. Menchen-Helfen, as there is no basis for such a statement according to written sources. On the contrary, Hunnic leaders in the works of both church and secular historians of the 5th century are presented as pagans with their own ethnocultural perceptions of the world around them, prejudices, and stereotypes of behavior.

Key words: Northern Black Sea region, Huns, Acatzirorum, Christianity, Eastern Roman Empire, Sarmatians, Alpidzurs, Bosporan kingdom, Chersonesos.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Внуков Артем Андреевич,
Ассистент кафедры истории и археологии,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
vnukovartemy@ya.ru
+7(910)161-18-94

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem A. Vnukov,
Lecturer-assistant of the
Chair of History and Archeology,
Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.
vnukovartemy@ya.ru
+7(910)161-18-94

Алиева Лейла Хафизовна,
Учитель истории, МБОУ «Лицей №1»,
301248, Тульская область, г. Щекино,
ул. Л.Толстого, д.49.
lejla.alieva.2002@bk.ru
+7(953)183-09-30

Leyla Kh. Alieva,
History teacher, Lyceum No. 1,
301248, Tula region, Shchekino,
L.Tolstogo str., 49, Russia.
lejla.alieva.2002@bk.ru
+7(953)183-09-30

Маркова Кристина Олеговна,
документовед Центра археологических
исследований «Киммерия»,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
Markova.Kristina.25@ya.ru
+7(915)787-27-79

Kristina O. Markova,
Documentary researcher at the Cimmeria
Archaeological Research Center,
Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.
Markova.Kristina.25@ya.ru
+7(915)787-27-79

А. В. ПИСЬМАРОВА
A. V. PISMAROVA

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУСЫ ИЗ КУРИЛОВСКОГО
«АНТСКОГО» КЛАДА (СУДЖАНСКИЙ РАЙОН, КУРСКАЯ
ОБЛАСТЬ)**

**EARLY MEDIEVAL BEADS FROM THE KURILOVKA «ANTES»
HOARD (SUDZHANSKY DISTRICT, KURSK REGION)**

Куриловский клад был обнаружен в 400 м к северо-востоку от окраины деревни Куриловка Суджанского района Курской области местными жителями в октябре 2007 г. Клад хранится в Курчатовском государственном областном краеведческом музее¹. Находка относится к кругу днепровских раннесредневековых кладов I группы или типа Мартыновского [Щеглова, 1990, с. 173]. Впервые этот вещевой комплекс был выделен А. А. Спицыным и обозначен как «древности антов» [Спицын, 1928, с. 492]. Данный термин продолжает использоваться исследователями, но только в качестве историографического. Культурная принадлежность этих кладов неоднократно становилась предметом дискуссий. Открытие колочинской и пеньковской археологических культур, на памятниках которой были обнаружены вещи упомянутых кладов, обусловили возможность решения этого вопроса, вероятно, в пользу славян [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 145]. Ареал распространения кладов охватывает широкую территорию: Среднее и Нижнее Поднепровье, Среднее Подесенье, бассейны рек Псёл и Ворскла, Посеймье, Поосколье, Правобережье Дона и Левобережье реки Воронеж [Обломский, Родинкова, 2014, с. 388]. Хронологическая характеристика днепровских раннесредневековых кладов является предметом дискуссий: согласно первой точке зрения I группа кладов «древностей антов» датируется рубежом VI–VII/началом VII – серединой/третьей четвертью VII в. [Гавритухин, 1996, с. 95], согласно второй позиции, эти клады были сокрыты не позднее первой половины VII в. [Казанский, 2014а, с. 71–72].

Клад состоит из 119 целых и фрагментированных металлических изделий и 32 бусин (Рис. 1). Вещи клада делятся на элементы женского и мужского наряда и металлические слитки. Женские предметы представлены местными приднепровскими формами, часть из которых является специфическими местными вариантами [Родинкова, 2010, с. 84].

В коллекции стеклянных бус представлено 20 монохромных мелких бусин и 4

¹ Выражаю глубокую благодарность за возможность работать с материалом автору раскопок В. Е. Родинковой (ИА РАН, г. Москва) и главному хранителю Курчатовского государственного краеведческого музея Н. В. Воронцовой.

бусины миллефиори. Все мелкие бусины изготовлены из стеклянной трубочки, которая была вытянута и разрезана на отдельные изделия. Изделия имеют округлую форму ($d - 0,3-0,4$ см), пара бусин является многочастными, одна представляет собой пронизь ($l - 1,5$ см). Одна бусина молочного цвета, все остальные – зеленые, двух оттенков. Доли сдвоенных/строенных бус повторяют форму остальных монохромных изделий, что вполне логично, так как такие мелкие бусины могли быть изначально многочастными, доли которых между собой имеют, так называемые, «шейки». Такие перемиčky формировались мастером с помощью формовочных щипцов. Затем в готовом виде доли бус отламывались, что подтверждается неровными шейками на бусинах. Изделия такого типа являются предметами массового производства и были широко распространены в течение долгого периода, как минимум с Античности до Средневековья. Так, например, тянутый бисер известен на памятниках Северного Причерноморья [Алексеева, 1978, с. 62], Прикамья [Голдина, 2010, с. 26], а также древнерусских памятников [Kuzina, 2016, p. 219].

Бусы-миллефиори представлены двумя типами. Первый тип – небольшие ($d - 1$ см, $h - 1,1$ см) округлые бусины, изготовленные посредством сварки 3 видов заготовок: красно-оранжевой монохромной палочки, отрезков полихромной палочки, которая представляет собой концентрический красно-желто-синий (начиная от центра) глазок и отрезков полихромных желто-зеленых палочек, имеющих вид зеленой основы с четырьмя желтоватыми точками. Такие бусы известны и в другихкладах типа «древности антов»: клад из Козиевки / Новой Одессы [Корзухина, 1996, с. 637, табл. 47: 5], Гапоновский клад [Мастыкова, 1996, с. 43–44], клад из Суджи-Замостья [Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018, с. 135, рис. 4, 70], которые можно датировать временем от второй половины VI в. до середины VII в. Такие бусы известны в материалах погребения у с. Мохнач VI–VII вв. [Аксенов, Бабенко, 1998, с. 116, рис. 4, 4].

Аналогии встречаются на средневековых памятниках Юго-Западного Крыма: в нескольких погребениях на могильнике Лучистое, принадлежащем крымским готам. Например, в погребении 5 склепа 35 (600–700 гг.) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 99], погребении 9 и 12 склепа 38 (600–650 гг.) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 112, 114], в погребениях 1, 2 (650–700 гг.) [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 97–98], 3 (600–625 гг.) [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 100], 13–15 (625–650 гг.) [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 105–106] склепа 65. На могильниках Адым-Чокрак (погребения 7, 26, 32) [Bermann et al., 2013, Taf. 4:10.1; 14:5; 20:4.1], Южный I (погребение 12), Южный II (погребение 8) [Bermann et al., 2013, Taf. 41, 9; 52, 2], расположенных у южных склонов Мангула (600–680 гг.) [Мастыкова, 2023, с. 197].

Подобные бусины известны в материалах некрополя Дюрсо, принадлежавшего готам-тетракситам, расположенного под Новороссийском: погребение 135 второй половины V – второй половины VII в. [Могильник Дюрсо, 2021, с. 232].

Аналогии представлены у лангобардов: могильник Чивидале-дель-Фриули (Cividale del Friuli) (последняя треть VII в.) [Лангобарды, 2018, с. 94, II.1], Имола

(Imola) (VI – первая половина VII вв.) [Cavallari, 2014, Fig. 4, 5-7]; Боргомазино (Borgomasino) (примерно первая половина VII вв.) [Ceretti, 2019/2020, Taf. XXIX, fig. 70].

Бусы миллефиори такого типа широко известны на аламаннских памятниках в Германии: могильник Вайнгартэн (Weingarten) погребение 790 (570–650 гг.) [Theune-Vogt, 1990, S. 48], некрополь Шрэтцхайм (Schretzheim) погребения 40, 426 (545/50 – 565/70 гг.) и 206, 250, 513 (565 – 590/600 гг.) [Koch, 1977, Farbtafel 6, M.27-30, M.48-52]; а также в Швейцарии на памятнике Хюнэнберг-Мариачен (Hünenberg-Mariachen) второй половины VI–VII вв. [Bolliger, Hochuli, 1996, S. 95].

Кроме того, такие бусы широко известны на памятниках меровингского круга в Центральной и Западной Европе. Например, на памятниках Либенану и Дёрфердэн (Liebenau, Dörverden) [Siegmann, 2004, S. 326, PE3.3-01], некрополях Нижнего Рейна (Дюссельдорф, Хайнесберг, Юнкерсдорф и Мунгерсдорф (Dusseldorf, Heinsberg, Junkersdorf and Mungersdorf)) [Siegmond, 1995, typ 2.13], Хольцхайм и Окарбэн (Holzheim, Okarben) [Tiedmann, 2008, S. 246]. Согласно абсолютной хронологии древностей западной части меровингского королевства, разработанной на основе изучения 192 закрытых комплексов [Legoux, Périn, Vallet, 2016, p. 43], рассматриваемые бусы в большей степени относятся к фазе 2 раннемеровингского периода (520/530 – 560/570 гг.), хотя появляются несколько ранее и продолжают существовать позднее, до 600/610 гг. [Мастыкова, 2023, с. 197–198].

Подобные бусы имеются в коллекции ранневизантийского периода поселения Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé) в Ливане [Мастыкова, 2023, с. 197], а также на скандинавских памятниках эпохи викингов: погребение 16(2) памятника Борнхольм (Bornholm) (650–700 гг.) [Jorgensen L., Nørgård Jorgensen A., 1997, Pl. 29, 2. P. 220], памятник Вёря-Капаркуллен (Vörä-Kaparkullen) [Koch, 1974, S. 498, Abb. 1].

В целом, общим периодом распространения бус-миллефиори этого типа является временной промежуток со второй половины VI в. по первую половину VII в. (Табл. 1), хотя они также известны среди более ранних и поздних материалов.

Второй тип бус миллефиори выделяется большим размером (d-3 см, h-3 см) и нестандартным сочетанием полихромных заготовок. Похожий тип бус известен на античных памятниках Северного Причерноморья [Алексеева, 1982, с. 44, табл. 49, 35-36], в раннесредневековых материалах Юго-Восточной Европы [Ковалевская, 2000, с. 83, МЕР 283], и в скандинавских памятниках эпохи викингов [Devlaux, 2017, S. 15; Callmer, 1977, color plate IV: G010-G012, G030-G032; Maixner, 2021, s. 175, fig.9.5.].

Названные типы бус имеют аналогичную технику изготовления (сварка в шахматном порядке отрезков полихромных палочек) и цветовую палитру (синий, красный, зелёный, жёлтый цвета), что определяют морфологическое сходство этих бус с экземпляром из Куриловского клада. Особенно похожа рассматриваемая бусина на изделия, широко распространенные на скандинавских памятниках «голубого периода» (VIII в.) [Maixner, 2021, s. 171], производство которых было обнаружено в Южной Швеции (Охус) и Юго-Западной Ютландии (Риббе) Maixner, 2021, S. 173].

Однако бусина из клада изготовлена из двух видов заготовок, сочетание которых не характерно для бус миллефиори скандинавских памятников (Maixner, 2021, fig. 9.3, S. 172). Первый тип заготовок представляет собой концентрические глазки, красно-жёлто-синего цвета (начиная от центра). Орнамент в виде таких глазков широко известен и не является уникальным. Отрезки второго типа полихромных заготовок имеют вид четырёх желтоватых крупных точек (кружков) нечеткой формы на зеленом фоне. Такие заготовки часто используются в качестве части бус миллефиори с красно-оранжевыми полосами по краям, что имеются в Куриловском кладе и описаны выше. В результате исследования бус-миллефиори Восточной Европы было выяснено, что данный тип декора не встречается на изделиях памятников Меровингского королевства [Письмарова, в печ.].

Вероятно, все бусы миллефиори из Куриловского клада могут иметь один центр изготовления, на что указывает единообразие их составных элементов. Широкое распространение бус миллефиори, подобных тем, что известны в Куриловском кладе, по всей видимости, отражает единые традиции их изготовления, либо общий центр производства. Кроме того, вероятно, могли существовать мастерские, занимающиеся изготовлением бус одного типа (например, миллефиори), на значительном расстоянии друг от друга, за пределами основного источника производства [Koch, 1974, S. 501]. Мастера-стеклоделы передавали знания либо мигрировали и самостоятельно создавали бусы на новых территориях. Такая модель распространения стеклоделательного ремесла и существование бус с отличным орнаментом на территории Восточной Европы может быть свидетельством функционирования отдельной мастерской, продукция которой поставлялась непосредственно в Восточную Европу.

Региональные особенности бус из стекла иллюстрирует также их цветовая палитра. Цвета стеклянных бус из Куриловского клада, типичны для изделий раннесредневековых днепровских кладов и несколько отличаются от цветовой палитры бус других раннесредневековых памятников. Так для меровингских и лангобардских памятников характерно преобладание оранжевого, красного (красно-коричневого) и белого цвета [Koch, 2001, S. 162; Liebertau, 2017, S. 80], а среди скандинавских бус особенно популярно использование желтого и синего цвета (Giostra, 2014. S. 165). Монохромные бусы из раннесредневековых днепровских кладов чаще всего зеленого цвета. Зеленый цвет почти всегда присутствует и на полихромных бусах разного типа из этих комплексов. Кроме того, для бус из комплексов типа «древности антов» типичными цветами являются синий, черный и красно-коричневый. Таким образом, очевидным является тот факт, что цветовая палитра стеклянных бус из Куриловского клада является отличительной особенностью изделий раннесредневековых днепровских кладов.

Кроме стеклянных бус в составе клада присутствуют 8 бусин из янтаря (Рис. 1), которые отличаются характерными признаками: красно-бурый цвет, трещиноватая поверхность и нечеткая форма. Эти характеристики указывают на возможную термическую обработку янтаря, что делает их менее устойчивыми и подверженными

образованию белесой корки. Такие бусины были распространены в различных регионах (Кавказ, Причерноморье, Верхнее Прикамье), и свидетельствуют о широком использовании янтаря в раннем Средневековье. При этом, с уверенностью определить источник сырья, на данный момент не представляется возможным. Большинство исследователей связывают происхождение янтаря, используемого для раннесредневековых украшений, с Прибалтикой, однако также известно, что в этот период были известны месторождения янтаря в Поднепровье. В. Б. Ковалевская на основе изучения бус Крыма и Кавказа выделила северное направление поступления янтаря на территорию Восточной Европы, объединяющее приднепровско-донецко-донские бассейны рек южной Европы через Западный Кавказ и Причерноморье [Ковалевская, 1998, с. 31].

Представляет определенный интерес попытка определить место бус в женском костюме (Рис. 2). Стоит учитывать, что в Куриловском кладе имеется несколько видов фибул, которые не составляют единый убор, однако можно предложить один из возможных вариантов костюма с использованием вещей раннесредневекового клада. Вопросу реконструкции костюма населения, оставившего клады типа «древности антов» посвящена работа О. А. Щегловой [Щеглова, 1999]. Учитывая факт существования связей днепровских племен с населением Юго-Западного Крыма, большое значение при рассмотрении наряда имеют исследования Э. А. Хайрединовой по реконструкции костюма варваров Юго-Западного Крыма [Хайрединова, 2000; 2002; Chajredinova, 2017]. Предложенные ей варианты костюма основаны на расположении вещей, зафиксированных *in situ* в могильниках Юго-Западного Крыма, а также сравнении с археологическими материалами германских племен на других территориях [Хайрединова, 2002, с. 53]. Учитывая результаты этих исследований и морфологию украшений, можно представить их вероятный способ использования. В составе Куриловского клада были обнаружены бусы из стекла и янтаря. Одна стеклянная бусина выделяется большим размером, что позволяет ее отнести к центральной фигуре ожерелья. Подобные крупные бусы интерпретируются в зарубежных исследованиях в качестве пряслиц, которые могли также выполнять роль амулета [Als Kleidung...[электронный ресурс]]. Кроме того, известны такие изделия, изготовленные в технике миллефиори, бытовавшие в меровингский период [Walter, 2008, S. 223–224]. Интерпретация функционального назначения этих украшений основывается на их расположении в погребении: если такое изделие располагалось в руке, у руки на уровне груди, справа или слева от тела, ниже бедра, или между ступнями, то, вероятно, оно использовалось в качестве рабочего инструмента, собственно пряслица. Расположение на уровне пояса, между бедер и на груди интерпретируется как использование таких крупных бус в качестве украшения (крепилось на пояс или украшало его) или амулета [Fundstück für den Monat... [электронный ресурс]].

Среди янтарных бус также имеется одно изделие, отличающееся большим размером и иной формой, что аналогичным образом создает вероятность его использования в качестве центральной бусины. Исходя из этого можно предположить, что

набор бус из Куриловского клада мог составлять два ожерелья. Причем бусы могли использоваться как в качестве шейного украшения, так и нагрудного, соединяя фибулы (Рис. 2).

*

*

*

Приведенные выше внешние параллели свидетельствуют о вовлеченности населения Среднего Поднепровья в экономические процессы раннего Средневековья. Распространение аналогий на значительных расстояниях может быть связано с существованием общего, возможно, средиземноморского источника, откуда поставлялись как отдельные изделия, так и готовые комплекты ожерелий, формирующие моду на женские украшения.

Особенности цветовой палитры и однородность заготовок бус-миллефиори позволяют предположить их производство в одной мастерской либо следование общим технологическим традициям. Относительно центров изготовления бус миллефиори существует несколько точек зрения: одни исследователи связывают такие изделия с традиционными территориями – Египтом [Kisa, 1908; Trowbridge 1930; Fremersdorf, 1955; Andrae, 1973] или Сирией [Zhouidi, 1958; Haevernick, 1968], согласно другой позиции, в римский период стеклоделие начинает распространяться далеко за пределы названных территорий, У. Кох связывает локализацию производства миллефиори в этот период с Северной Италией [Koch, 1974, S. 503]. В таком случае, согласно археологическим данным, бусы миллефиори имели два основных вектора распространения – на север, в Меровингское королевство и далее на территорию англо-саксов, скандинавов и на юго-восток, в Юго-Западный Крым, откуда они поступали на Кавказ и в Среднее Поднепровье [Письмарова, в печ.]. Среди материалов крымского могильника у с. Лучистое присутствуют аналогии всем известным бусам из «антских древностей» и Куриловского клада в частности (кроме крупной бусины с шахматным узором, которой не известно точных аналогий нигде).

О существовании взаимных связей между населением Юго-Западного Крыма и Поднепровья свидетельствует присутствие фибул днепровских типов в крымских могильниках [Щеглова, 1999, с. 295; Мастыкова, 2020, с. 285.], а также восточногерманское влияние (готское и гепидское) на формирование убора Среднего Поднепровья [Щеглова, 1999, с. 297; Гавритухин, 2004, с. 209; Казанский, 2014б, с. 186–193]. Вопрос о первоначальном источнике стеклянных бус Поднепровья остается открытым. Можно предположить, что бусы были средиземноморским импортом, так как факт существования ранневизантийского влияния на женский убор из днепровских раннесредневековых кладов подтверждается рядом вещей (например, антропо- и зооморфные фигурки, антропоморфные фибулы с изображениями павлинов) [см. Мастыкова, 2021]. Однако в силу того, что на сегодняшний день не обнаружено археологических данных, подтверждающих производство бус миллефиори (наиболее информативного типа из Куриловского клада) на какой-либо территории, попытка реконструкции путей их распростра-

нения является довольно условной. При этом факт поступления стеклянных бус в Поднепровье из Юго-Западного Крыма представляется наиболее вероятным.

Относительно источника янтарных бус также нет единого мнения. Наряду с традиционной точкой зрения о прибалтийском происхождении янтаря, проникающего на территорию Восточной Европы [Фурасев, 2010, с. 82; Голдина, 2010, с. 43; Ковалевская, 1998, с. 31], существует гипотеза о возможном использовании янтаря из месторождений Правобережной Украины [Володарец-Урбанович, Нестеровский, 2022, с. 51]. В этом случае поступление сырья в Юго-Западный Крым могло осуществляться с территории Поднепровья как водным путем по Днепру, так и сухопутными маршрутами через посредничество степных народов Северного Причерноморья [Мастыкова, 2020, с. 285].

Следует также учитывать возможность попадания бус в Поднепровье в составе готовых ожерелий вместе с их обладательницами в результате экзогамных браков (вероятное их существование отмечает М. М. Казанский, основываясь на анализе археологического материала [Казанский, 2014а, с. 48]).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 Том I. Симферополь — Керчь, 2008. 334 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 Том II. Симферополь — Керчь, 2014. 400 с.
- Аксенов В. С., Бабенко Л. И.* Погребение VI–VII века н. э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3. С. 111–122.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ; Вып. Г1-12). М.: Наука. 1978. 104 с.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья (САИ; Вып. Г1-12/3). М.: Наука. 1982. 95 с.
- Володарец-Урбанович Я. В., Нестеровский В. А.* Бурштинові намистини із слов'янських ранньосередньовічних пам'яток: аналіз джерельної бази // Археологія. 2022. №3. С. 32–57.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М: ИА РАН. 1996. С. 140–148.
- Гавритухин И. О.* Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М: ИА РАН. 1996. С. 58–89.
- Голдина Е. В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск. 2010. 264 с.
- Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровья в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. (PCM, 15). М., 2014а. С. 45–137.
- Казанский М. М.* Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные. // Штрихи к портретам минувших эпох.

- Археология, история, этнография. Кн. (ММХIV) I / Отв. ред. Е. П. Токарева, В. Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. 20146. С. 175–200.
- Ковалевская В. Б. Хронология восточно–европейских древностей V–IX веков / В. Б. Ковалевская // Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: Наука. 1998. Вып. 1. 84 с.
- Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 2000. 364 с.
- Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «Древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ, вып. V. 1996. С. 352–425, 526–705.
- Лангобарды. Народ, изменивший историю: каталог выставки / Под ред. А. А. Иконникова-Галицкого. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2018. 464 с.
- Могильник Дюрсо. Каталог. Часть 1. Коллективная монография (Дмитриев А. В., Клемешов А. С., Малышев А. А., Мاستыкова А. В., Медникова М. Б.) / Под ред. А. А. Малышева. М.: ИА РАН. 2021. 448 с.
- Мастыкова А. В. Бусы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. 1996. С. 42–46.
- Мастыкова А. В. Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 272–288.
- Мастыкова А. В. Славяне Среднего Поднепровья, Крым и Византия в VI–VII вв. // Словени и njihovi суседи у 1. миленијуму н. е.: тезиси доклада. 2021. С. 83–84.
- Мастыкова А. В. Ранневизантийские бусы поселения Эж-Жаузе в Ливане // ΧΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.): материалы научной конференции, ИТ «АРИАЛ». 2023. С. 195–202.
- Обломский А. М., Родинкова В. Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. 2014. № 235. С. 381–404.
- Письмарова А. В. Раннесредневековые бусы миллефиори в Восточной Европе – в печ.
- Родинкова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА (4). 2010. С. 78–87.
- Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации // РА (2). 2018. С. 130–147.
- Спицын А. А. Древности антов // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л. С. 1928. С. 492–495.
- Фурасев А. Г. Янтарь в эпоху Великого переселения народов. Конец IV–IX веков // Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа: каталог выставки. / Под общ. научн. ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 2010. С. 86–91.
- Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
- Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров юго-западного Крыма в V — первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. / О. А. Щеглова // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.
- Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. No 5. СПб.; Кишинев; Одесса. 1999. С. 287–312

- Als Kleidung noch wertvoll war – die Spinnwirtel aus Warendorf [электронный ресурс] // Blog des LWL-Museums für Archäologie und Kultur. URL: <https://www.lwl-landesmuseum-herne.de/de/blog/als-kleidung-noch-wertvoll-war-die-spinnwirtel-aus-warendorf/> (дата обращения: 20.01.25)
- Andrae R.* Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolin-gerzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa // *Acta Praehist. et Arch.* 1973. № 4. S. 101-198.
- Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černýš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U.* Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. Mainz. 2013. 100 S.
- Bolliger S., Hochuli S.* «Vil Thotten Bein» und «Houptschüdelen»: Grabfunde des 6. und 7. Jahrhunderts n. Chr. aus dem Kanton Zug // *Archäologie der Schweiz: Mitteilungsblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte* (19). 1996. S. 94–98.
- Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. // *Acta archaeologica Lundensia. Series in 4.* №11. Bonn–Lund. 1977. P. 208–217.
- Cavallari C.* Precenze longobarde in Emilia Romagna orientale: il punto sulla questione // *Necropoli longobarde in Italia. Castello del Buonconsiglio monumenti e collezione provinciali.* 2014. P. 380–401.
- Ceretti K.* Scavi archeologici a Testona di Moncalieri: storia, aggiornamenti, approfondimenti e confronti: dissertazione finale. 2019/2020. 186 p.
- Chajredinova E. A.* Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim // *Mitteilungen zur christlichen Archäologie.* Wien: österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. Band 23. S. 63–91.
- Delvaux M. C.* Patterns of Scandinavian Bead Use between the Iron Age and the Viking Age, ca. 600–1000 C.E. // *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* (29). 2017. P. 3–30.
- Fremersdorf F.* Das fränkische Reihengräberfeld Köln-Müngersdorf. Berlin. 1955. 167 s.
- Fundstück für den Monat Juli: Ein Wirtel aus Millefioriglas [электронный ресурс] // *Aschheim* (Seite von der Gemeinde). URL: <https://www.aschheim.de/kultur-freizeit/aschheimmuseum/fundstuecke-des-monats> (дата обращения: 20.01.25).
- Giostra C.* Il ducato longobardo di Ivrea: la grande Necropoli di Borgomasino // *La sezione archeologica del Museo Civico P.A. Garda.* 2014. P. 155-258
- Haevernick T. E.* Assyrisches Millefioriglas // *Staatliche Museen zu Berlin. Forschung und Berichte.* 1968. № 10. S. 63-70.
- Kisa A.* Das Glas im Altertume. Bd. 2. Leipzig. 1908. 692 s.
- Ttrowbridge M.* Philological Studies in Ancient Glass. Univ. Illinois, Stud. In Language and Literature 1930. Volume 13. Number 3-4. 239 p.
- Koch U.* Mediterrane und fränkische Glasperlen des 6. und 7. Jahrhunderts aus Finnland // *Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift J. Werner.* München. 1974. S. 495-520.
- Koch U.* Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit Ser. A. Vol. 13. Gehr. Mann: Berlin. 1977. 262 s.
- Koch U.* Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pledelsheim // *Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg.* Band 60. Landesamt für Denkmalpflege im Regierungspräsidium Stuttgart. 2001. 647 s.
- Kuzina I.* Glass beads in the northern regions of Rus': issues of trade routes and chronology // *Archeologia Polski, LXI.* 2016. P. 219–240.

- Jorgensen L., Nørgård Jorgensen A. Norre Sandegard Vest. A Cemetery from the 6th-8th Centuries on Bornholm. København. 1997. 243 p.
- Legoux R., Perin P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germainen Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne. 2016. 71 p.
- Liebetrau S. Modeschmuck der Merowingerzeit: Perlen aus dem Mömlinger Gräberfeld // 1200 Jahre Mömlingen. 2017. S. 75–85.
- Maixner B. Urban Market Production and Coastal Trade in the Early Viking Age // Journal of Urban Archaeology. Volume 4. 2021. P.167–191
- Siegmann M. Bunte Pracht - Die Perlen der frühmittelalterlichen Gräberfelder von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser und Dörverden, Kr. Verden/Aller: Chronologie der Gäber, Entwicklung und Trageweise des Perlenschmucks, Technik ser Perlen. Teil 4. Beier & Beran. 2004. 907 s.
- Siegmund F. Merovingian Beads on the Lower Rhine // BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers (7). 1995. P. 37–53.
- Theune-Vögt C. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamannischen Graberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg // Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg 33. Universitat Marburg: Marburg. 1990. 54 s.
- Thiedmann A. Die merowingerzeitlichen Grabfunde in der Wetterau // Materialien zur Vor- und Frühgeschichte von Hessen (24). 2008. 372 s.
- Walter S. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Mengen (Kr. Breisgau-Hochschwarzwald): Inaugural-Dissertation...2008. 792 S.
- Zouhdi B. Les verres mosaïques et millefiori. Du Musée National de Damas // Ann. du 3. congrès des journées internationales du verre. 1958. P. 47–58.

REFERENCES

- Aibabin A. I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sala Luchistoe. Raskopki 1977, 1982–1984* [The Cemetery near Luchistoe Village. Excavations of 1977, 1982-1984]. Vol. 1. Simferopol, Kerch, 2008, 334 p.
- Aibabin A. I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sala Luchistoe. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995* [The Cemetery near Luchistoe Village. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993-1995]. Vol. 2. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
- Aksenov V. S., Babenko L.I. Pogrebenie VI–VII veka n. e. u sela Mokhnach [Burial of the 6th-7th centuries AD near Mokhnach village]. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 1998, no. 3, pp. 111-122.
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient Beads of the Northern Black Sea Region]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 104 p.
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient Beads of the Northern Black Sea Region]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 95 p.
- Volodarets-Urbanovich Ya. V., Nesterovskiy V.A. Burshtynovi namystyny iz slov'ianskykh rann'oseredn'ovichnykh pam'iatok: analiz dzherel'noi bazy [Amber beads from Slavic early medieval sites: analysis of the source base]. *Arkheolohiia* [Archaeology], 2022, no. 3, pp. 32-57.
- Gavritukhin I. O., Oblomskii A.M. Dneprovskoe Levoberezh'e na zare srednevekov'ia: dinamika istoriko-kul'turnykh protsessov i klady [The Dnieper Left Bank at the Dawn of the Middle Ages: Dynamics of Historical and Cultural Processes and Hoards]. In: *Gaponovskii klad*

- i ego kul'turno-istoricheskii kontekst* [Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context]. Moscow, IA RAN Publ., 1996, pp. 140-148.
- Gavritukhin I. O. Datirovka dneprovskikh kladov pervoi gruppy metodom sinkhronizatsii s drevnostiami drugikh territorii [Dating of the Dnieper hoards of the first group by synchronization method with antiquities of other territories]. In: *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst* [Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context]. Moscow, IA RAN Publ., 1996, pp. 58-89.
- Goldina E. V. *Busy mogil'nikov nevolinsko kul'tury (konets IV–IX vv.)* [Beads from the Cemeteries of Nevolino Culture (late 4th-9th centuries)]. Izhevsk, 2010, 264 p.
- Kazanskii M. M. Arkheologicheskaiia situatsiia v Srednem Podneprov'ia v VII v. [Archaeological situation in the Middle Dnieper region in the 7th century]. In: *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov* [Problems of Interaction between the Population of Eastern Europe during the Great Migration Period]. Moscow, 2014a, pp. 45-137.
- Kazanskii M. M. Slaviane i dunaiskie germantsy v VI veke: svidetel'stva pis'mennykh istochnikov i nekotorye arkheologicheskie dannye [Slavs and Danubian Germans in the 6th century: evidence from written sources and some archaeological data]. In: *Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiiia, istoriia, etnografiia* [Touches to the Portraits of Past Epochs. Archaeology, History, Ethnography]. Zimovniki, 2014b, pp. 175-200.
- Kovalevskaia V. B. *Khronologiia vostochno-evropeiskikh drevnostei V–IX vekov. Kamennye busy Kavkaza i Kryma* [Chronology of East European Antiquities of the 5th-9th Centuries. Stone Beads of the Caucasus and Crimea]. Moscow, Nauka Publ., 1998, vol. 1, 84 p.
- Kovalevskaia V. B. *Komp'yuternaia obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamiatnikov Evrazii* [Computer Processing of Mass Archaeological Material from Early Medieval Sites of Eurasia]. Pushchino, ONTI PNTs RAN Publ., 2000, 364 p.
- Korzukhina G. F. Klady i sluchainye nakhodki veshchei kruga «Drevnostei antov» v Srednem Podneprov'e. Katalog pamiatnikov [Hoards and random finds of items from the circle of «Antes antiquities» in the Middle Dnieper region. Catalogue of sites]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1996, vol. 5, pp. 352-425, 526-705.
- Ikonnikov-Galitskii A. A. (Ed.). *Langobardy. Narod, izmenivshii istoriiu: katalog vystavki* [The Lombards. People Who Changed History: Exhibition Catalog]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2018, 464 p.
- Malyshev A. A. (Ed.). *Mogil'nik Diurso. Katalog* [Durso Cemetery. Catalog]. Part 1. Moscow, IA RAN Publ., 2021, 448 p.
- Mastykova A. V. Busy [Beads]. In: *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst* [Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context]. Moscow, IA RAN Publ., 1996, pp. 42-46.
- Mastykova A. V. Khrustal'naia mnogogrannaia busina s poseleniia Kartamyshevo-3 i kontakty Srednego Podneprov'ia s Severnym Prichernomor'em v VI–VII vv. [Crystal polyhedral bead from the Kartamyshevo-3 settlement and contacts of the Middle Dnieper region with the Northern Black Sea region in the 6th-7th centuries]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2020, vol. 28, pp. 272-288.
- Mastykova A. V. Slaviane Srednego Podneprov'ia, Krym i Vizantiia v VI–VII vv. [Slavs of the

- Middle Dnieper region, Crimea and Byzantium in the 6th-7th centuries]. *Sloveni i njihovi susedi u 1. milenijumu n. e.: tezisy dokladov* [Slovenes and Their Neighbors in the 1st Millennium AD: Abstracts], 2021, pp. 83-84.
- Mastykova A. V. Rannevizantijskie busy poseleniia Ezh-Zhauze v Livane [Early Byzantine beads from the Ej-Jaouzé settlement in Lebanon]. *ΧΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [ΧΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis. XV International Byzantine Seminar], Sevastopol, Balaklava, 2023, pp. 195-202.
- Oblomskii A. M., Rodinkova V.E. Etnokul'turnyi perelom v Podneprov'e v VII v. n. e. Khronologiiia sobytii [Ethnocultural break in the Dnieper region in the 7th century AD. Chronology of events]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2014, no. 235, pp. 381-404.
- Pismarova A. V. Rannesrednevekove busy millefiori v Vostochnoi Evrope [Early medieval millefiori beads in Eastern Europe]. In press.
- Rodinkova V. E. Kurilovskii klad rannesrednevekovogo vremeni [Kurilovka hoard of the early medieval period]. *Rossiiskaia arkheologiiia* [Russian Archaeology], 2010, no. 4, pp. 78-87.
- Rodinkova V. E., Saprykina I. A., Sycheva S. A. Klad iz Sudzhi-Zamost'ia i problema sotsiokul'turnoi interpretatsii [The hoard from Sudzha-Zamostye and the problem of sociocultural interpretation]. *Rossiiskaia arkheologiiia* [Russian Archaeology], 2018, no. 2, pp. 130-147.
- Spitsyn A. A. Drevnosti antov [Antiquities of the Antes]. In: *Sbornik statei v chest' akademika A.I. Sobolevskogo* [Collection of Articles in Honor of Academician A.I. Sobolevsky]. Leningrad, 1928, pp. 492-495.
- Furas'ev A. G. Iantar' v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. Konets IV–IX vek [Amber in the Great Migration Period. Late 4th-9th century]. In: *Iantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniia iz sobraniia Ermitazha: katalog vystavki* [Amber in Ancient Cultures. Art Works from the Hermitage Collection: Exhibition Catalog]. St. Petersburg, 2010, pp. 86-91.
- Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami [Female costume with South Crimean eagle-headed buckles]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 91-133.
- Khairedinova E. A. Zhenskii kostium varvarov iugo-zapadnogo Kryma v V — pervoi polovine VI vv. [Female costume of barbarians in southwestern Crimea in the 5th — first half of the 6th century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 53-118.
- Shcheglova O. A. O dvukh gruppakh «drevnostei antov» v Srednem Podneprov'e [About two groups of «Antes antiquities» in the Middle Dnieper region]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia* [Materials and Research on the Archaeology of the Dnieper Left Bank]. Kursk, 1990, pp. 162-204.
- Shcheglova O. A. Zhenskii ubor iz kladov «drevnostei antov»: got'skoe vliianie ili got'skoe nasledie? [Female attire from the hoards of «Antes antiquities»: Gothic influence or Gothic heritage?]. *Stratum plus*, 1999, no. 5, pp. 287-312.
- Als Kleidung noch wertvoll war – die Spinnwirtel aus Warendorf. *Blog des LWL-Museums für Archäologie und Kultur*. Available at: <https://www.lwl-landesmuseum-herne.de/de/blog/als-kleidung-noch-wertvoll-war-die-spinnwirtel-aus-warendorf/> (accessed: 20.01.2025).
- Andrae R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingerzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 1973, no. 4, pp. 101-198.

- Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. *Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup*. Mainz, 2013, 100 p.
- Bolliger S., Hochuli S. «Vil Thotten Bein» und «Houptschüdelen»: Grabfunde des 6. und 7. Jahrhunderts n. Chr. aus dem Kanton Zug. *Archäologie der Schweiz: Mitteilungsblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*, 1996, no. 19, pp. 94-98.
- Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800-1000 A.D. *Acta archaeologica Lundensia*, Series 4, 1977, no. 11, pp. 208-217.
- Cavallari C. Precenze longobarde in Emilia Romagna orientale: il punto sulla questione. In: *Necropoli longobarde in Italia*. Castello del Buonconsiglio monumenti e collezione provinciali, 2014, pp.380-401.
- Ceretti K. *Scavi archeologici a Testona di Moncalieri: storia, aggiornamenti, approfondimenti e confronti*. Dissertazione finale, 2019/2020, 186 p.
- Chajredinova E.A. Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim. *Mitteilungen zur christlichen Archäologie*, 2017, Band 23, pp. 63-91.
- Delvaux M.C. Patterns of Scandinavian Bead Use between the Iron Age and the Viking Age, ca. 600-1000 C.E. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers*, 2017, no. 29, pp. 3-30.
- Fremsdorf F. *Das fränkische Reihengräberfeld Köln-Müngersdorf*. Berlin, 1955, 167 p.
- Fundstück für den Monat Juli: Ein Wirtel aus Millefioriglas. *Aschheim (Seite von der Gemeinde)*. Available at: <https://www.aschheim.de/kultur-freizeit/aschheimuseum/fundstuecke-des-monats> (accessed: 20.01.2025).
- Giostra C. Il ducato longobardo di Ivrea: la grande Necropoli di Borgomasino. In: *La sezione archeologica del Museo Civico P.A. Garda*, 2014, pp. 155-258.
- Haevernich T.E. Assyrisches Millefioriglas. *Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte*, 1968, no. 10, pp. 63-70.
- Kisa A. *Das Glas im Altertume*. Bd. 2. Leipzig, 1908, 692 p.
- Koch U. Mediterrane und fränkische Glasperlen des 6. und 7. Jahrhunderts aus Finnland. In: *Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift J. Werner*. München, 1974, pp. 495-520.
- Koch U. *Das Reihengraberfeld bei Schretzheim. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit*. Ser. A. Vol. 13. Berlin, Gehr. Mann Publ., 1977, 262 p.
- Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pledelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Band 60. Stuttgart, Landesamt für Denkmalpflege im Regierungspräsidium, 2001, 647 p.
- Kuzina I. Glass beads in the northern regions of Rus': issues of trade routes and chronology. *Archeologia Polski*, 2016, vol. 61, pp. 219-240.
- Jorgensen L., Nørgård Jorgensen A. *Norre Sandegard Vest. A Cemetery from the 6th-8th Centuries on Bornholm*. København, 1997, 243 p.
- Legoux R., Perin P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germainen Laye, Association française d'Archéologie mérovingienne, 2016, 71 p.
- Liebetrau S. Modeschmuck der Merowingerzeit: Perlen aus dem Mömlinger Gräberfeld. In: *1200 Jahre Mömlingen*, 2017, pp. 75-85.
- Maixner B. Urban Market Production and Coastal Trade in the Early Viking Age. *Journal of Urban Archaeology*, 2021, vol. 4, pp. 167-191.

- Siegmann M. *Bunte Pracht - Die Perlen der frühmittelalterlichen Gräberfelder von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser und Dörverden, Kr. Verden/Aller: Chronologie der Gäber, Entwicklung und Trageweise des Perlenschmucks, Technik der Perlen*. Teil 4. Beier & Beran, 2004, 907 p.
- Siegmund F. Merovingian Beads on the Lower Rhine. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers*, 1995, no. 7, pp. 37-53.
- Theune-Vogt C. *Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamannischen Graberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg*. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg 33. Marburg, Universität Marburg, 1990, 54 p.
- Thiedmann A. Die merowingerzeitlichen Grabfunde in der Wetterau. *Materialien zur Vor- und Frühgeschichte von Hessen*, 2008, no. 24, 372 p.
- Trowbridge M. *Philological Studies in Ancient Glass*. University of Illinois Studies in Language and Literature, 1930, vol. 13, no. 3-4, 239 p.
- Walter S. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Mengen (Kr. Breisgau-Hochschwarzwald)*. Inaugural-Dissertation, 2008, 792 p.
- Zouhdi B. Les verres mosaïques et millefiori. Du Musée National de Damas. *Annales du 3. congrès des journées internationales du verre*, 1958, pp. 47-58.

Резюме

Стеклянные бусы из раннесредневекового Куриловского клада представлены двумя группами: серийно изготовленными мелкими зелеными бусинами и двумя типами бус-миллефиори. Первый тип миллефиори имеет широкие аналогии в древностях германских племен и меровингского королевства. Второй тип отличается нестандартным сочетанием полихромных заготовок, характерных для «древностей антов», что может указывать на единый источник их производства.

Ключевые слова: Раннее Средневековье, Поднепровье, клады типа Мартыновского, стеклянные бусы, янтарь, миллефиори.

Summary

Glass beads from the Early Medieval Kurilovka hoard are represented by two groups: mass-produced small green beads and two types of millefiori beads. The first type of millefiori has broad analogies in the antiquities of Germanic tribes and the Merovingian kingdom. The second type is distinguished by a non-standard combination of polychrome blanks typical for the «antiquities of the Antes», which may indicate a common source of their production.

Key words: Early Middle Ages, Dnieper region, hoards of Martynovka type, glass beads, amber, millefiori.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Письмарова Анастасия Витальевна
аспирант Института археологии РАН, Москва, Россия
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Pismarova1407@gmail.com
8(937)5496662

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiia V. Pismarova
Phd student, Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292,
Pismarova1407@gmail.com
8(937)5496662

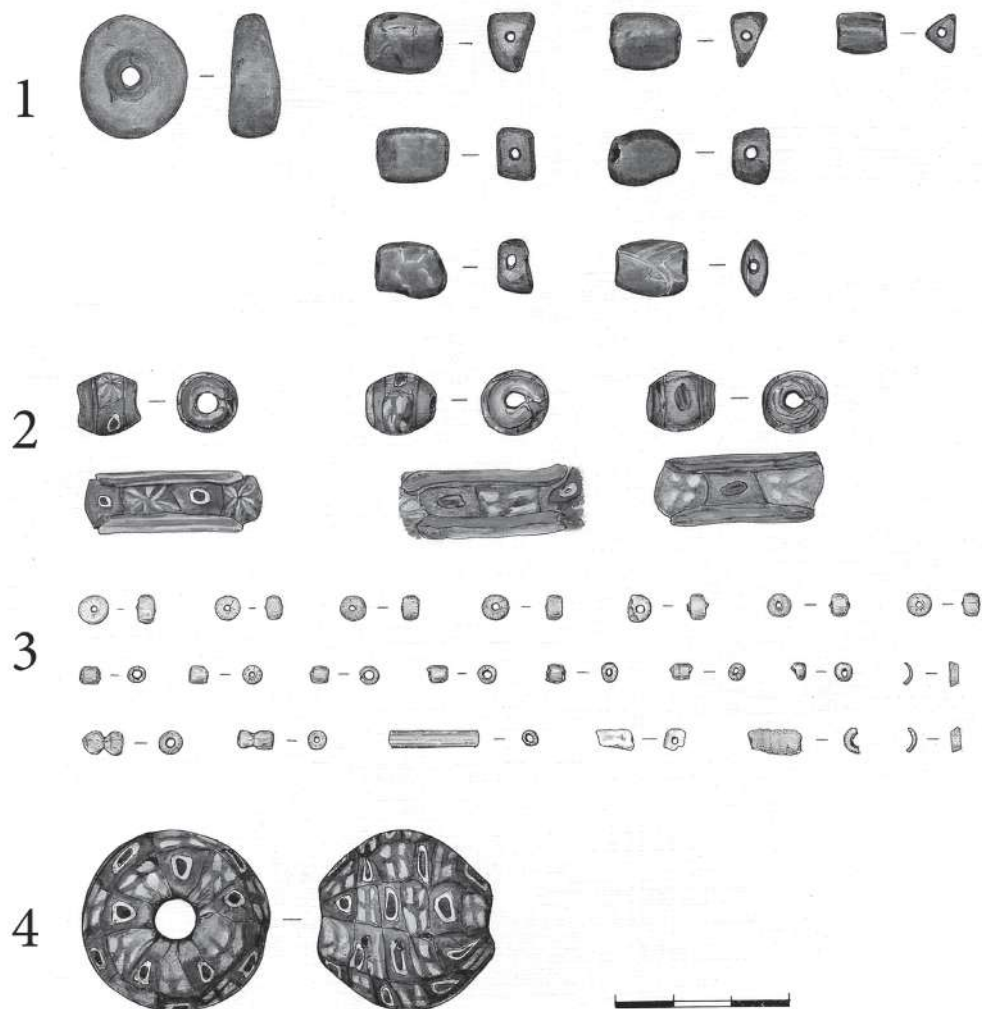

Рис 1. Бусы из Куриловского клада. Рисунок С. Л. Богаченко.

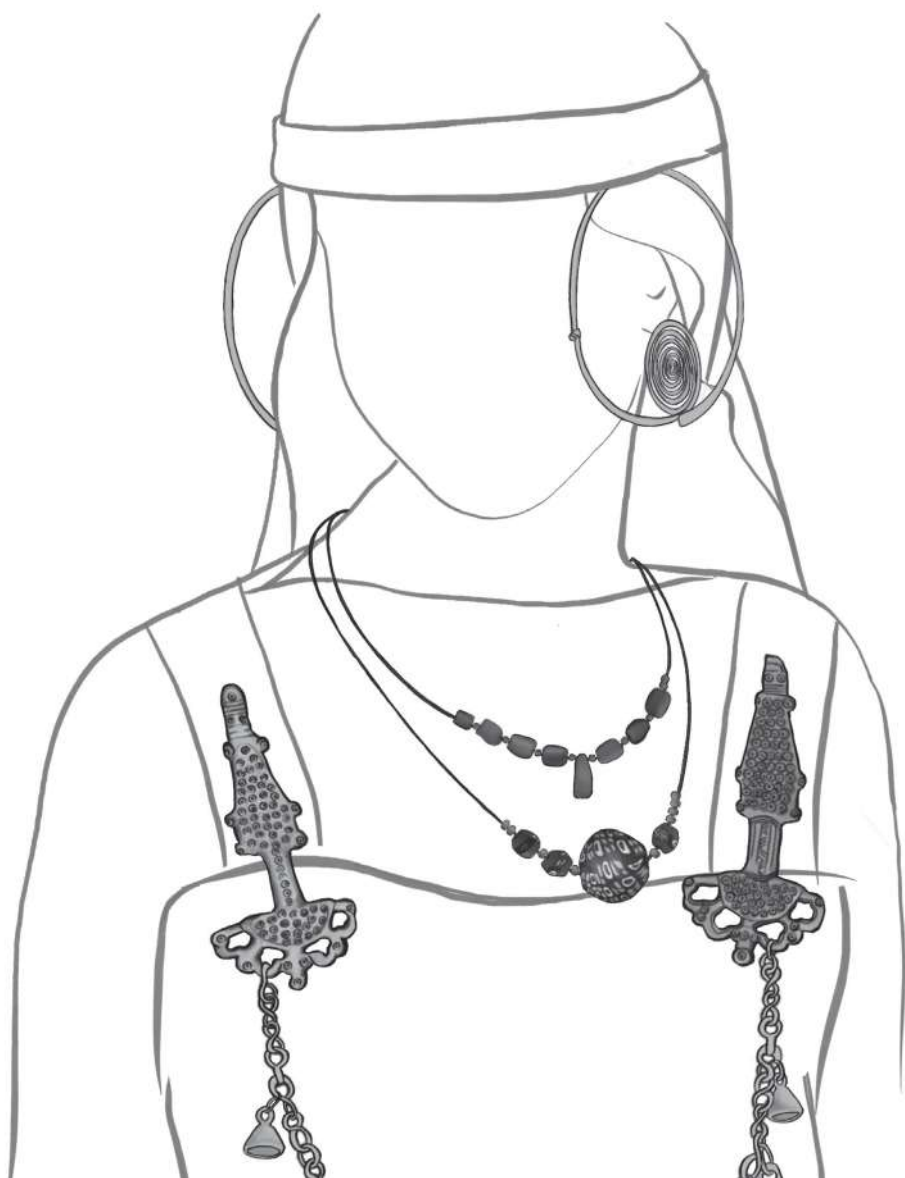

Рис 2. Вариант реконструкции женского убора из Куриловского клада (реконструкция подготовлена с использованием рисунков В. Е. Родинковой [Родинкова, 2010, с.79–80, рис. 1–2]).

Таблица 1. Распространение бус-миллефиори, аналогичных изделиям из Куриловского клада.

	V в.	VI в.	VII в.	VIII в.
Крымские готы ¹				
Готы-тетракситы ²				
Меровинги ³				
Алламаны ⁴				
Лангобарды ⁵				
Викинги ⁶				

1. Могильник Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2008; 2014); Могильник Адым-Чокрак (Bermann, Schneider, Gercen, Černyš, Mączyńska, Urbaniak, von Freeden, 2013).

2. Некрополь Дюрсо (Могильник Дюрсо. Каталог, 2021).

3. Либенау, Дёрферден / Liebenau, Dörverden (Siegmann, 2003); Хольцхайм / Holzheim; погребения на Нижнем Рейне (Siegmond, 1995); западная часть Меровингского королевства (Legoux, Périn, Vallet, 2016).

4. Вайнгартэн / Weingarten (Theune-Vogt, 1990); Шрэтцхайм / Schretzheim (Koch, 2001); Hünenberg-Mariachen (Bolliger, Hochuli, 1996).

5. Чивидале-дель-Фриули / Cividale del Friuli (The Lombards. A People who Changed History: Catalog, 2018); Имола / Imola (Cavallari, 2014); Боргомазино / Borgomasino (Caterina Giostra, 2014).

6. Борнхольм / Bornholm (Jørgensen, Nørgård Jørgensen, 1997).

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО
N. A. ALEKSEIENKO

**ПОДДЕЛЬНЫЙ ГУЛЬДЕН ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ГРАФА
АНТОНА ГЮНТЕРА ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА**

**A COUNTERFEIT GULDEN
OF THE COUNT ANTHONY GÜNTHER OF OLDENBURG
FROM THE SOUTH-EASTERN CRIMEA**

Крымская земля издавна славится находками удивительных археологических артефактов самых разных времён и народов. Среди бесценных древностей юга России и в настоящее время ещё нередко встречаются и весьма интересные нумизматические раритеты, порой открывающие новые, неизвестные ранее страницы в истории денежного обращения региона.

Пестрота и толерантность нумизматического рынка Таврики в эпоху классического Средневековья и начала Нового времени уже не раз отмечалась специалистами [Гурулёва, 2006; 2018; Алексеенко, 2013; 2014; 2016; 2018; 2020; 2023(1); 2024(1); Коршенко, 2014; Алексеенко, Дергачева, Цепков, 2014; Букатов, Алексеенко, 2019; Алексеенко, Дергачева, 2019; и др.]. Также при публикации соответствующих находок неоднократно шла речь и о проблеме обращения иноземной монеты на рынках полуострова при крымских ханах [Фролова, 2005, Майко, Алексеенко, 2018; Алексеенко, 2021; 2024(2); 2024(4); Алексеенко, Староверов, 2021]

В то же время вопрос об участии в товарно-денежных отношениях Крыма в XVI–XVII вв. иностранных денег, в том числе и о роли и значении русской монеты на территории Крымского ханства, всё ещё остаётся достаточно дискуссионным [см.: Опимах, 2004; Зверев, 2014; Алексеенко, 2019; Майко, Гаврилов, 2021; Алексеенко, Зверев, 2020, 2021, 2022, 2023]. В прочем, в последнее время появились материалы в пользу очевидного подтверждения данного тезиса. Рассматриваемый ниже артефакт из новых находок очередное тому свидетельство. Следует также отметить, что аналогичная и весьма близкая по характеру нумизматическая картина наблюдается и в соседнем с Крымом регионе – на Таманском полуострове [Гончаров, Чхаидзе, 2005; 2019; 2021; Мальцев, 2022; Чхаидзе, 2023(1); 2023(2); 2024], в связи с чем невольно напрашивается вывод не только о схожести монетного состава в денежном обращении обоих регионов, но и об очевидном обращении здесь вместе с местными выпусками разнообразной иноземной валюты.

В этой связи, стоит обратить внимание ещё на один весьма показательный, с нашей точки зрения, фактор, который, как представляется, всё-таки склоняет чашу весов в сторону очевидного участия иностранной монеты в денежном обращении полуострова. Речь идёт о находках на территории Крыма фальшивых монет нача-

ла Нового времени, имитирующих чеканку ряда западноевропейских эмитентов.

В качестве примеров сегодня можно назвать медную подделку литовского трояка Стефана Батория (1576–1586) с датой 1583 г., имитации коронных гроша (1608), трояка (1600–1607) и шостака (1625, 1627) Сигизмунда III Вазы из Юго-Западного Крыма [Алексеевко, 2024(2), с. 129–134, цветная вклейка XLIII, I–4], фальсификаты гданьских ортов последнего 1623 г. из района г. Ялты [Бойко-Гагарин, Шаталин, 2013, с. 36, рис. 9, прим. 14] и 1624 г., недавно обнаруженного в окрестностях с. Красный Мак в Юго-Западном Крыму [Алексеевко, Антипенко, 2020, с. 440, 441, № 2, рис. 2], а также фальшивый тирольский талер австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595) современной ему эпохи, найденный в окрестностях с. Грушевка в Юго-Восточном Крыму [Алексеевко, 2023(2), с. 129–131; 2024(5), с. 254–270¹].

С нашей точки зрения сам факт появления подделок в Таврике, скорее всего, является очевидным свидетельством не только их обращения на полуострове, но и соответствующего участия аутентичных выпусков монет европейских эмитентов в торговых сделках на рынках Крыма [Алексеевко, 2024(2), с. 134].

Сегодня крымскую группу европейских нумизматических фальсификатов можно дополнить новым весьма редким среди находок подобного рода экземпляром – фальшивым германским гульденом, обнаруженным в Судакском регионе Юго-Восточного Крыма. Монета также как и фальшивый тирольский талер австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595) найдена в окрестностях села Грушевка в 2021–2022 гг. (Рис. 1)².

Технические характеристики монеты-подделки:

диаметр – ок. 40,5 мм; вес – 17,08 г; соотношение осей – 2 час.

Аверс. Изображение четырёхчастного геральдического щита с двойными диагонально расположенными гербами графства Ольденбурга (две полосы на поле) и Дельменхорста (крест с расширяющимися ветвями и заострённой нижней частью); по центру расположен герб Йевера (лев, нападающий влево), который совпадает с династическим символом Габсбургов. По сторонам щит украшен декоративными виньетками; сверху графская корона. По кругу, между двух ободков латинская надпись *без даты*, разделённая в нижней части знаком номинала (28), помещённом в квадратную рамку: FLOR·AN·GVN·(28) [C·O]E·D·D·[I·IE·E K (знак минцмейстера в виде килилической литеры «Ж»)] – *Flor(ent) An(ton) Gun(ter) C(omes) (in) O(ldenburg) e(t) D(elmenhorst) D(ominus) i(n) Ie(ver) e(t) K(niphausen)* – Процветающий Антон Гюнтер, граф Ольденбурга и Делменхорста, господин Йевера и Книпахузена.

Реверс. Имперский двуглавый орёл под имперской короной; на груди держава, увенчанная длинным крестом. В центре сферы знак номинала (28 штюберов/сту-

¹ В 2024 г. талер поступил в нумизматическое собрание Центрального музея Тавриды (инв. №Н-11244; ГК – 51083504).

² В настоящее время этот нумизматический артефакт находится в частной коллекции; после публикации он будет передан в собрание Центрального музея Тавриды.

беров). По кругу, между двух ободков (линейных ?) латинская надпись *без даты*: FERD·[I]II·D·G·ROM·IMP·SE[MP·AV] – *Ferd(inandus) III D(ei) g(ratia) Rom(anorum) imp(erator) semp(er) au(gustus)* – Фердинанд III, божьей милостью римский император, священный август.

Сомнения в аутентичности рассматриваемого нумизматического артефакта возникли изначально, поскольку в оригинале монета должна быть отчеканена в серебре на монетном дворе Йевера, однако даже визуально наличие здесь драгоценного металла даже не наблюдалось. В результате, находка подверглась рентгенофлуоресцентному анализу (РФЛА), который и подтвердил, что данная монета является подделкой. Первоначально изучение элементного состава выполнялось на портативном рентгенофлуоресцентном анализаторе (ПРФЛА) «МетЭксперт» с полупроводниковым кремниевым детектором высокого разрешения (напряжение 45 кВ, мощность 40 Вт). Полученные результаты были представлены в материалах Юбилейных XXV Боспорских чтений [Алексеев, 2024(3), с. 13]. Однако, некоторые компоненты монетного сплава вызвали определённые вопросы. В связи с чем были проведены дополнительные исследования при помощи спектрометра M1 MISTRAL (Bruker), существенно скорректировавшие элементный состав монетного сплава объекта. Итоговые результаты РФЛА представлены в таблице 1³.

Таблица 1

Результаты РФЛА элементного состава монетного сплава поддельного гульдена г. Ольденбурга, обнаруженного в окрестностях с. Грушевки в Юго-Восточном Крыму

	Cu	Ni	Zn	Mn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
<i>Аверс</i>	68,71	0,00	0,63	0,00	0,00	0,39	3,18	4,71	0,69	21,70
<i>Реверс</i>	54,13	0,00	0,59	0,00	0,00	0,41	3,28	5,53	0,80	35,27

Характерные раковины на поверхности поля артефакта и несколько оплывшие изображения, скорее всего, свидетельствуют, что данная копия изготовлена методом отливки из недрагоценного материала и впоследствии была покрыта специальным составом, имитирующим серебро.

Анализ состава монетного сплава показал, что отливка фальшивого гульдена изготовлена из кассической оловянистой бронзы (медь – 61,42%, олово – 28,49%). В лигатуре выявлены незначительные примеси свинца (5,12%) и мышьяка (3,23%), а также зафиксировано присутствие сурьмы (0,75%), цинка (0,61%) и серебра (0,40%) практически в следовых концентрациях. Отсутствие следов ртути и лишь незначи-

³ Благодарю сотрудника лаборатории НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского к. и. н. А. В. Антипенко за постоянную помощь и проведение анализа элементного состава монетного сплава исследуемого объекта.

тельное присутствие серебра свидетельствует о том, что монета, очевидно, не подвергалась традиционному способу серебрения при помощи ртутной амальгамы. Напротив, значительный процент олова (21,70–35,27%) скорее свидетельствует о покрытии поверхности посредством лужения тонкой плёнкой жидкого олова, по внешнему виду весьма похожему на серебро.

По свидетельству средневекового трактата Теофила Пресвитера «О различных искусствах» (Германия, XII в.), обработанные таким образом заготовки монет употребляли в качестве дешёвого заменителя, как серебра, так и золота [Теофил Пресвитер, 1963, кн. 1, гл. 25–26]. В качестве примера подобной работы «фальшивых дел мастеров» можно привести, раскопанную в Киеве мастерскую стрельцов-фальшивомонетчиков XVII в., где активно использовался метод лужения медных копеек Алексея Михайловича [Климовский, 2000, с. 33–42].

Примечательно, что аналогичная техника изготовления подделок путём лужения оловом выявлена как на упомянутом выше фальсификате гданьского орта Сигизмунда III Вазы 1624 г. из окрестностей Красного Мака [Алексеевко, Антипенко, 2020, с. 440, 441, № 2, рис. 2], так и на других поддельных польских монетах более мелких номиналов [Алексеевко, 2024(2), с. 129–134, №№ 1–4].

Судя по всему, образцом для изготовления новой, обнаруженной в Крыму, фальшивки послужил редкий германский гульден (2/3 талера) ландграфа Антона Гюнтера, правившего в Ольденбурге в 1603–1667 гг.

Практически точную аналогию (имеются лишь некоторые незначительные отличия в расстановке и количестве литер в легенде реверса монеты) удалось обнаружить лишь среди лотов Чикагского аукциона 2018 г. [Heritage sale 3064 (Chicago, April 2018), lot 32892]. При этом в каталоге аукциона отмечалось, что «этот редкий выпуск, выпущен от имени датского короля Фридриха III во владениях Йевера, за 15 лет до того, как датская корона вернула себе владение графством Ольденбург». Тем не менее на монете стоит имя императора Священной Римской империи Фердинанда III (1637–1657), занявшего имперский престол после смерти своего отца Фердинанда II (1619–1637). В то же время отметим, что недатированные гульдены Антона Гюнтера такого типа хорошо известны, например, с именем и титулатурой Леопольда I (1658–1705) [Kunker 363, 2022, p. 223, nr. 3037].

По наблюдениям А. С. Бойко-Гагарина гульден (флорины) – монеты номиналом в 28 нидерландских штюверов – были одними из самых популярных монет в денежном обращении Европы XVII в., которые чеканились не только в Голландии, но и в Италии, и в немецком герцогстве Ольденбург [Бойко-Гагарин, 2015, с. 18]. Автор особо отмечает выпуск государственных имитаций флоринов именно от имени Антона Гюнтера (1603–1667), приводя при этом фальсификат, изготовленный методом пайки пластин, оригинальный прототип которого был отчеканен на монетном дворе Йевера около 1640 г. [Бойко-Гагарин, 2015, с. 19, рис. 8].

Учитывая отсутствие дат выпуск на флоринах Ольденбурга и сопоставляя годы правления Антона Гюнтера и Фердинанда III не вызывает сомнения, что аутентич-

ные гульден с их именами и следует датировать в пределах периода правления последнего, т. е. 1637–1657 гг. Известно, что монетным мастером при Фердинанде III в 1649–1651 гг. работал Юрген Детлефф [Miller, 2010, S. 17]. Если предположить, что в легенде аверса крымской находки также присутствует минцмейстерский знак Ю. Детлеффа в виде кириллической литеры «Ж» (к сожалению, из-за плохой сохранности монеты-имитации у нас нет в этом полной уверенности), то рассматриваемая подделка была изготовлена тогда же и, вероятно, где-то около середины или в начале второй половины XVII столетия она попала на территорию Крыма.

Заметим, что подобные фальсификаты достаточно хорошо известны и в нумизматической библиографии [Scarfe, 1975, p. 383, nr. 944], в своё время один из них был обнаружен даже далеко на севере – на территории г. Москвы [Зверев, Стукалова, 1997, с. 50–56].

В то же время, по находкам в Крыму кроме вводимого в научный оборот фальшивого гульдена-флорина (по данным интернет портала Violity.com) известен лишь ещё один подобный экземпляр: флорин Эмбдена, найденный в Старом Крыму [Зверев, Стукалова, 1997с. 202, 474 (рис. 490), 545 (табл. 2)] По предположению А. С. Бойко-Гагарина попадание поддельных флоринов в Крым происходило через территорию Османской империи. Автор не исключает, что последние могли изготавливаться вместе с фальшивыми левендаальдерами для выплаты дани [Бойко-Гагарин, 2017, с. 202].

Весьма примечательно, что за последнее время это уже вторая находка нумизматического фальсификата крупного номинала из окрестностей Судака. Напомним, что из того же региона происходит фальшивый тирольский талер австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595) современной ему эпохи, найденный в Юго-восточном Крыму (происходит также из окрестностей с. Грушевка [Алексеев, 2023, с. 129–131; 2024 (5), с. 264–270]. Как представляется, это лишний раз подтверждает тезис об очевидном участии в обращении иностранных монет.

Как известно, насыщение денежного рынка дорогостоящими подделками было достаточно распространено во многих европейских регионах. Судя по находкам одним из процветающих рынков сбыта такой продукции являлась территория Восточной Европы (Польша, Литва, Белорусия, Украина). Не вызывает сомнения, что население при заключении сделок всегда было более бдительным именно к крупным монетам, в этой связи фальшивки талеров и других крупных номиналов требовали более качественной работы от фальшивомонетчиков. Как правило, подделки такого рода отличаются достаточно высоким профессиональным мастерством, хотя методы изготовления монет-имитаций достаточно разнообразны. Очевидно определённую роль в проникновении на рынок фальсификатов играла и степень редкости оригинальных выпусков, в известной мере позволяющая скрыть те или иные огрехи мастеров контрафактной продукции и тем самым снизить возможности для выявления подделки. Рассматриваемая сегодня находка относится к категории кустарных частных подделок и принадлежит ко второй группе таковых, изготовленных путём

нанесения покрытия из драгоценного слоя или его имитации (в нашем случае очевидно второе!) на ядро из не драгоценного металла [Бойко-Гагарин, Шаталин, 2013, с. 34]. Весьма маловероятно, что она была изготовлена в Крыму. Скорее всего, фальсификат попал на местный рынок вместе с другими европейскими (вне всякого сомнения, в большинстве своём аутентичными) выпусками и в последствии «выпал» из обращения. Была ли монета изобличена или просто потеряна не ясно. На этот счёт никаких специальных меток на ней не обнаружено.

Таким образом, фиксация в Крыму нумизматических фальсификатов самых разнообразных номиналов – от шиллингов до талеров [Алексеевко, 2024(2), с. 129–134], вместе с находками аутентичных западноевропейских монет, на наш взгляд, даёт все основания полагать, что иноземная монета из самых разнообразных регионов Европы, по крайней мере в первой половине XVII столетия, попадая на крымские рынки, как и на территории Оттоманской Порты, имела вполне официальный статус и хождение. В противном случае, поставка на территорию полуострова европейских монет-подделок, в том числе и крупных номиналов, не имела бы никакого смысла, поскольку эти монеты не были бы востребованы местным населением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТРАТУРЫ

- Алексеевко Н. А.* Комплекс позднесредневековых монет из окрестностей Севастополя, как индикатор широких контактов населения юго-западного Крыма // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X. С. 28–38.
- Алексеевко Н. А.* К вопросу о составе денежного рынка Балаклавы в оттоманский период (1475–1783 гг.) (по данным раскопок крепости Чембало) // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2014 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 29–33.
- Алексеевко Н.А.* Заморские деньги на рынках средневековой Таврики // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». IV Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, 4–8 сентября 2016 г.). Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 11–15.
- Алексеевко Н. А.* Молдавские акче в Крыму в период османского завоевания // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». V Международный нумизматический симпозиум (Москва, 20–21 сентября 2018 г.). Материалы научной конференции. Симферополь; Москва, 2018. С. 17–20.
- Алексеевко Н.А.* Иноземная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // «Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования» Сборник материалов Второй Международной научной конференции. СПб., 2019. Вып. II. С. 44–50.
- Алексеевко Н. А.* Крым и Русь в нумизматических находках XV–XVI вв. // Нумизматические чтения ГИМ 2019 года. К 90-летию А. С. Мельникова и 100-летию В. В. Узденикова. Материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 169–174.
- Алексеевко Н. А.* Мадыарская стамена и валашский дукат из Крыма // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. Памяти В. А. Дурова (Москва 25–26 ноября 2020 г.). Материалы докладов и сообщений. М., 2020. С. 142–144.

- Алексеевко Н. А. Вторая жизнь некоторых иноземных монет в средневековом Крыму // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2021 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2021. С. 56–61.
- Алексеевко Н. А. О денежном обращении юго-западной Таврики поздневизантийской эпохи: несколько новых нумизматических раритетов // АДСВ. Екатеринбург, 2023(1). Т. 51. С.267–282.
- Алексеевко Н. А. Новый нумизматический фальсификат из Крыма // Двадцать вторая Всероссийская нумизматическая конференция (Смоленск, 22–26 мая 2023 г.). Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023(2). С. 129–131.
- Алексеевко Н. А. Пестрота и толерантность крымского денежного рынка в эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени // «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании». XXXVI Всероссийская научная конференция с международным участием (Москва, 4–5 апреля 2024 г.). Материалы конференции / Отв. ред. И. Г. Коновалова, Е. В. Пчелов. М: ИВИ РАН., 2024(1). С. 29–32.
- Алексеевко Н. А. Фальшивая монета как фактор участия иноземных монет в денежном обращении Крыма в начале Нового времени // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования» Сборник материалов Второй Международной научной конференции (23–25 октября 2024 г., Санкт-Петербург) / Под ред. А. А. Богданова. Вып. VII. СПб.: АО «Гознак», 2024(2). С. 129–134, цветная наклейка XLIII, 1-4.
- Алексеевко Н. А. Фальшивый западноевропейский гульден из Юго-восточного Крыма // «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России». XXV Боспорские чтения. Материалы научной археологической конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь; Керчь, 2024(3). С. 12–16.
- Алексеевко Н. А. «Звучат» даже фрагменты: ещё раз о монетном многообразии на рынках Тавриды в конце XVI – начале XVII в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2024 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2024(4). (в печати).
- Алексеевко Н. А. Фальшивый тирольский талер конца XVI в. из юго-восточного Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2024(5). Вып. XXIX. С. 264–270.
- Алексеевко Н. А., Антипенко А. В. Находка субэратного гданьского орта Сигизмунда III в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2020. Вып. XXV. С. 438–448.
- Алексеевко Н. А., Дергачева Л. В. Молдавская монета в средневековой Таврике (краткий обзор находок) // «В поисках сущности» (Библиотека STRATUM). Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинёв, 2019. С. 97–106.
- Алексеевко Н. А., Дергачева Л. В., Цепков Ю. А. Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 6. Время войны. Победители и побежденные. С. 347–353.
- Алексеевко Н. А., Зверев С. В. Новые находки русских монет XVI – начала XVIII в. Юго-Западном и Центральном Крыму // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». VII Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2020. С. 35–42.
- Алексеевко Н. А., Зверев С. В. Два клада русских монет первой половины XVII в. с Перекопского перешейка в Крыму // «Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования». Сборник материалов Четвёртой международной научной конференции. СПб.: Гознак, 2021. Вып. IV. С. 354–356, цв. наклейка XLVII.

- Алексеевко Н. А., Зверев С. В. Клад русских копеек конца XVII – начала XVIII в. из окрестностей Тихорецка на Кубани. К вопросу о находках русских монет на территории Крымского ханства // «Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования». Сборник материалов Пятой Международной научной конференции. СПб.: Гознак, 2022. Вып. V. С. 454–462.
- Алексеевко Н. А., Зверев С. В. Русские монеты XV – начала XVIII в. на территории Крыма: ретроспектива и перспективы находок // «Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования». Сборник материалов Шестой Международной научной конференции (18–20 октября 2023 г., Санкт-Петербург) / Под ред. А. А. Богданова. СПб.: Гознак, 2023. Вып. VI. С. 265–270, цветные вкладки XL–XLI.
- Алексеевко Н. А., Староверов Д. А. Клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. из Феодосии // История и археология Крыма. – Симферополь: АРИАЛ, 2021. Вып. XIV. С. 293–374.
- Бойко-Гагарин А. С. Новые данные о фальсификатах монет, изготовленных методом пайки пластин // Нумизматика и Фалеристика. Киев, 2015. № 2. С. 18–19.
- Бойко-Гагарин А. С. Фальшивомонетничество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев, 2017. 550 с.
- Бойко-Гагарин А. С., Шаталин И. С. Подделки ортов Сигизмунда III Вазы // Шаталин И. С. Орты Сигизмунда III Вазы. Киев, 2013. С. 31–39.
- Букатов А. А., Алексеевко Н. А. Несколько новых находок в Крыму средневековых западноевропейских монет XII – начала XV вв. // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». VI Международный нумизматический симпозиум (16–20 сентября 2019 г.) Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 23–28.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 343–347.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Новые находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». VI Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, 16–20 сентября 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 37–40.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Новые находки средневековых монет на территории Таманского полуострова. Часть III // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». VIII Международный нумизматический симпозиум (Керчь, 2–6 октября 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2021. С. 81–84.
- Гурулёва В. В. Монеты Византии, Трапезунда и Западной Европы XIII–XV вв. в Крыму // «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Материалы III Судакской Международной научной конференции (Судак, 18–21 сентября 2006 г.). Киев; Судак, 2006. Том II. С. 96–97.
- Гурулёва В. В. Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // ТГЭ. СПб.: ГЭ, 2018. Т. ХСIV. Материалы и исследования Отдела нумизматики (По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма»). С. 61–82.
- Зверев С. В. Находки русских монет XV–XVII вв. в Крыму // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». III Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, 29 августа – 2 сентября 2014 г.). Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 21–22.

- Зверев С. В., Стукалова Т. Ю. К атрибуции поддельного гульдена XVII в. из раскопок в Москве // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 2004. Вып. 11. С. 50–56.
- Климовский С. И. Лужение копеек в Киеве XVII в. // МОНЕТА. Международный нумизматический альманах. Вологда. Вып. 7. К 80-летию В. В. Узденикова. С. 33–42.
- Коршенико А. Н. Монета деспота Иоанна Тертера из Крыма // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». IV Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, 4–8 сентября 2016 г.) Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 55–58.
- Майко В. В., Алексеевко Н. А. Нумизматический комплекс из раскопок храма у горы Килисак-Кая близ Судак // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». V Международный нумизматический симпозиум (Москва, 20–21 сентября 2018 г.) Материалы научной конференции. Симферополь; М., 2018. С. 81–86.
- Майко В. В., Гаврилов А. В. Нумизматические находки поселений юго-восточного Крыма позднесредневекового и Нового времени (по материалам раскопок 2016 г.) // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». VIII Международный нумизматический симпозиум (Керчь, 2–6 октября 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2021. С. 131–138.
- Мальцев М. С. Таманский клад испанских монет конца XVI – начала XVII в. // Историческое обозрение. М., 2022. Вып. 23. С. 54–87.
- Опимах О. Г. Монети із розкопок Судак в фондах Національного заповідника «Софія Київська» // «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Материалы II Судакской международной конференции. Киев; Судак, 2004. Часть II. С. 148–151.
- Теофил Пресвитер. О различных искусствах / Пер. А. А. Морозова, редакция и примеч. А.В.Виннера // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей. М., 1963. Вып. 7. С. 66–184.
- Фролова Н. В. Севастопольский клад XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В. М. Потина. Сборник научных статей / Отв. ред. Т. И. Слепова. СПб.: ГЭ, 2005. С. 111–116.
- Чахидзе В. Н. Об обращении испанских монет конца XVI – первой половины XVII в. на территории Таманского полуострова // Двадцать вторая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023(1). С. 131–134.
- Чахидзе В. Н. Европейские монеты первой половины XVII в. на Таманском полуострове // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Десятый Международный нумизматический симпозиум (Судак, 2–6 октября 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь: АРИАЛ, 2023(2). С. 255–262.
- Чахидзе В. Н. Европейские монеты 1570–1680-х гг. на Таманском полуострове // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Одиннадцатый Международный нумизматический симпозиум (Феодосия, 16–20 сентября 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 221–232.
- Heritage sale 3064 – Auktion Heritage CCE Signature Sale 3064. Chicago, 2018.
- Kunker 363 – Goldprägungen aus aller Welt. U. a. die Sammlung Dr. Albrecht Ullrich (gotische Goldmünzen). Münzen und Medaillen aus Mittelalter und Neuzeit. Deutsche Münzen ab 1871. // KÜNKER. Auction 363 (23./24. März 2022 in Osnabrück). Osnabrück: F. R. Kunker GmbH & Co KG, 2022. – 272 S.

- Miller M. Münzen und Medaillen aus Deutschland und angrenzenden Gebieten (Heiliges Römisches Reich und Deutscher Bund) – kleine und mittlere Herrschaftsgebiete des Adels. Wien, 2010. Band 2. – 410 S.
- Scarfea C. G. Le imitazioni e le contraffazioni monetarie nel Mondo. Bologna, 1975. Parte V.

REFERENCES

- Alekseienko N. A. Kompleks pozdnesrednevekovykh monet iz okrestnostei Sevastopolia, kak indikator shirokikh kontaktov naseleniia iugo-zapadnogo Kryma. *Drevnee Prichernomor'e*, Odessa, 2013, vol. 10, pp. 28–38.
- Alekseienko N. A. K voprosu o sostave denezhnogo rynka Balaklavy v ottomanskii period (1475–1783 gg.) (po dannym raskopok kreposti Chembalo). *Numizmaticheskie chtenija GIM 2014 goda. Materialy dokladov i soobshheniy*, Moscow, 2014, pp. 29–33.
- Alekseienko N. A. Zamorskie den'gi na rynkakh srednevekovoi Tavriki. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IV Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Sevastopol, 2016, pp. 11–15.
- Alekseienko N. A. Moldavskie akche v Krymu v period osmanskogo zavoevaniia.
- N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IV Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol; Moscow, 2018, pp. 17–20.
- Alekseienko N. A. Inozemnaia moneta (XIV–XVII vv.) v denezhnom obrashchenii iugo-zapadnoi Tavriki. Emitenty Rechi Pospolitoi. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, 2019, pp. 44–50.
- Alekseienko N. A. Krym i Rus' v numizmaticheskikh nakhodkakh XV–XVI vv. *Numizmaticheskie chtenija GIM 2019 goda. Materialy dokladov i soobshheniy*, Moscow, 2019, pp. 169–174.
- Alekseienko N. A. Mad'iarskaia stamena i valashskii dukat iz Kryma. *Numizmaticheskie chtenija GIM 2020 goda. Materialy dokladov i soobshheniy*, Moscow, 2020, pp. 142–144.
- Alekseienko N. A. Vtoraia zhizn' nekotorykh inozemnykh monet v srednevekovom Krymu. *Numizmaticheskie chtenija GIM 2021 goda. Materialy dokladov i soobshheniy*, Moscow, 2021, pp. 56–61.
- Alekseienko N. A. O denezhnom obrashchenii iugo-zapadnoi Tavriki pozdnevizantiiskoi epokhi: neskol'ko novykh numizmaticheskikh raritetov. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, 2023(1), vol. 51, pp. 267–282.
- Alekseienko N. A. Novyi numizmaticheskii fal'sifikat iz Kryma. *XXII Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia: tezisy dokladov i soobshchenii*, Smolensk, 2023(2), pp. 129–131.
- Alekseienko N. A. Pestrota i tolerantnost' krymskogo denezhnogo rynka v epokhu pozdnego Srednevekov'ia i nachala Novogo vremeni. I. G. Konovalova, E. V. Pchelov (Eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. XXXVI Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia s mezhdunarodnym uchastiem*, Moscow, 2024(1). pp. 29–32.
- Alekseienko N. A. Fal'shivaia moneta kak faktor uchastiia inozemnykh monet v denezhnom obrashchenii Kryma v nachale Novogo vremeni. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, 2024, pp. 129–134.
- Alekseienko N. A. Fal'shivyi zapadnoevropeiskii gul'den iz Iugo-Vostochnogo Kryma. V. N.

- Zin'ko, A. V. Zin'ko (Eds.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy issledovaniia drevnostei iuga Rossii. XXV Bosporskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Simferopol; Kerch', 2024(3), pp. 12–15.
- Alekseienko N. A. «Zvuchat» dazhe fragmenty: eshche raz o monetnom mnogoobrazii na rynkakh Tavridy v kontse XVI – nachale XVII v. *Numizmaticheskie chteniia GIM 2024 goda. Materialy dokladov i soobshchenii*, Moscow, 2024(4), (in print).
- Alekseienko N. A. Fal'shivyi tirol'skii taler kontsa XVI v. iz iugo-vostochnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, Simferopol, 2024(5), vol. XXIX, pp. 264–270.
- Alekseienko N. A., Antipenko F. V. Nakhodka suberatnogo gdan'skogo orta Sigizmunda III v Iugo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, Simferopol, 2020, vol. XXV, pp. 438–448.
- Alekseienko N. A., Dergacheva L. V. Moldavskaia moneta v srednevekovoi Tavrike (kratkii obzor nakhodok). V poiskakh sushchnosti (*Biblioteka STRATUM*). *Sbornik statei v chest' 60-letia N.D. Russeva*, Kishinev, 2019, pp. 97–106.
- Alekseienko N. A., Dergacheva L. V., Tsepkov Yu. A. Novye nakhodki moldavskikh monet v iugo-zapadnom Krymu, *STRATUM plus*, Kishinev, 2014, № 6, pp. 347–353.
- Alekseienko N. A., Zverev S. V. Novye nakhodki russkikh monet XVI – nachala XVIII v. Iugo-Zapadnom i Tsentral'nom Krymu. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2020, pp.35–42.
- Alekseienko N. A., Zverev S. V. Dva klada russkikh monet pervoi poloviny XVII v. s Perekopskogo peresheika v Krymu. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, 2021, vol. IV, pp. 354–356, pl. XLVII.
- Alekseienko N. A., Zverev S. V. Klad russkikh kopeek kontsa XVII – nachala XVIII v. iz okrestnostei Tikhoretska na Kubani. K voprosu o nakhodkakh russkikh monet na territorii Krymskogo khanstva. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, 2022, vol. V, pp.454–462.
- Alekseienko N. A., Zverev S. V. Russkie monety XV – nachala XVIII v. na territorii Kryma: retrospektiva i perspektivy nakhodok *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, St. Petersburg, 2023, vol. VI, pp. 265–270, pl. XL–XLI.
- Alekseienko N. A., Staroverov D. A. Klad evropeiskikh monet kontsa XVI – pervoi poloviny XVIIv. iz Feodosii. *Istoriya i Arkheologiya Kryma*, Simferopol', 2020, pp. 293–374.
- Boiko-Gagarin A. S. Novye dannye o fal'sifikatakh monet, izgotovlennykh metodom paiki plastin/ *Numizmatika i Faleristika*, Kiev, 2015b, no. 2, pp. 18–19.
- Boiko-Gagarin A. S. *Fal'shivomonetnichestvo v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope v epokhu Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni*, Kiev, 2017. 550 p.
- Boyko-Gagarin A. S., Shatalin I. S. Poddelki ortov Sigizmunda III Vazy. I. S. Shatalin. *Orts of Sigismund III Vasa*, Kiev, 2013, pp. 31–39.
- Alekseienko N. A., Bukatov A. A. Neskol'ko novykh nakhodok v Krymu srednevekovykh zapadnoevropeiskikh monet XII – nachala XV vv. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VI Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2019, pp. 23–28.
- Chkhaidze V. N. Ob obrashchenii ispanskikh monet kontsa XVI – pervoi poloviny XVII v. na

- territorii Tamanskogo poluostrova. XXII Vserossiiskaia numizmaticheskaja konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii. Smolensk, 2023(1), pp. 131–134.
- Chkhaidze V. N. Evropeiskie monety pervoi poloviny XVII v. na Tamanskom poluostrove. N.A.Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. X Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2023(2), pp. 255–262.
- Chkhaidze V. N. Evropeiskie monety 1570–1680-kh gg. na Tamanskom poluostrove. N.A.Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. XI Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2024, pp. 221–232.
- Frolova N. V. Sevastopol'skii klad XVI–XVII vekov iz sobraniia Ermitazha. T. I. Alepova (Ed.). *Khranitel'. Issledovatel'. Uchitel'. Sbornik nauchnykh statei k 85-letiiu V. M. Potina*, St. Peterburg, 2005, pp. 111–116.
- Goncharov E. Iu., Chkhaidze V.N. Nakhodki srednevekovykh monet na territorii Tamanskogo poluostrova. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*, Krasnodar, 2005, vol. 5, pp.343–347.
- Goncharov E. Iu., Chkhaidze V.N. Novye nakhodki srednevekovykh monet na territorii Tamanskogo poluostrova. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VI Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2019, pp. 37–40.
- Goncharov E. Iu., Chkhaidze V.N. Novye nakhodki srednevekovykh monet na territorii Tamanskogo poluostrova. Chast' III. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VI Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2021, pp. 81–84.
- Guruleva V. V. Monety Vizantii, Trapezunda i Zapadnoi Evropy XIII–XV vv. v Krymu. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture*. *Materialy III Sudakskoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Kiev; Sudak, 2006, vol. II, pp. 96–97.
- Guruleva V. V. Osnovnye problemy numizmatiki Kryma vizantiiskoi epokhi. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Peterburg, 2018, vol. XCIV: *Materialy i issledovaniia Otdela numizmatiki (po materialam konferentsii «Sfragistika, numizmatika, geral'dika srednevekovogo Kryma»)*, pp.61–82.
- Heritage sale 3064 – Auktion Heritage CCE Signature Sale 3064. Chicago, 2018.
- Klimovskii S. I. Luzhenie kopeek v Kieve XVII v. MONETA. *Mezhdunarodnyi numizmaticheskii al'manakh*, Vologda, vol. 7, pp. 33–42.
- Korshenko A. N. Moneta despota Ioanna Tertera iz Kryma. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IV Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2016, pp. 55–58.
- Kunker 363 – Goldprägungen aus aller Welt. U. a. die Sammlung Dr. Albrecht Ullrich (gotische Goldmünzen). Münzen und Medaillen aus Mittelalter und Neuzeit. Deutsche Münzen ab 1871. KÜNKER. Auction 363 (23./24. März 2022 in Osnabrück). Osnabrück: F. R. Kunker GmbH & Co KG, 2022. 272 S.
- Maiko V. V., Alekseenko N. A. Numizmaticheskii kompleks iz raskopok khrama u gory Kilisa-Kaia bliz Cudaka. N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. V Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol; Simferopol; Moscow, 2018, pp. 81–86.
- Maiko V. V., Gavrilov A. V. Numizmaticheskie nakhodki poselenii iugo-vostochnogo Kryma pozdnesrednevekovogo i Novogo vremeni (po materialam raskopok 2016 g.). N. A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. III Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2021, pp. 131–138.

- Mal'tsev M. S. Tamanskii klad ispanskikh monet kontsa XVI – nachala XVII v. *Istoricheskoie obozrenie*, Moscow, 2022, vol. 23, pp. 54–87.
- Miller M. *Münzen und Medaillen aus Deutschland und angrenzenden Gebieten (Heiliges Römisches Reich und Deutscher Bund) – kleine und mittlere Herrschaftsgebiete des Adels*. Wien, 2010. Band 2. 410 S.
- Opimakh O. G. Moneti iz rozkopok Sudaka v fondakh Natsional'nogo zapovidnika «Sofia Kiivs'ka». *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II Sudakskoi mezhdunarodnoi konferentsii*, Kiev; Sudak, 2004 (II), pp. 148–151.
- Scarfea (di) C. G. *Le imitazioni e le contraffazioni monetarie nel Mondo*. Bologna, 1975. Parte V.
- Teofil Presviter. O razlichnykh iskusstvakh / Perevod. A. A. Morozova, redaktsiia i primechaniia A. V. Vinnera. *Soobshcheniia Tsentral'noi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii po konservirovaniu i restavratsii muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei*, Moscow, 1963, vol.7, pp. 66–184.
- Zverev S. V. Nakhodki russkikh monet XV–XVII vv. v Krymu. N. A. Alekseienco (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. III Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium*, Simferopol, 2014, pp. 21–22.
- Zverev S. V., Stukalova T. Iu. K atributsii poddel'nogo gul'dena XVII v. iz raskopok v Moskve. *Numizmaticheskii sbornik Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva*, Moscow, 2004, vol.11, pp. 50–56.

Резюме

В статье рассматривается находка в окрестностях с. Грушевка, (Судакский район) фальшивого гульдена (флорина) немецкого графства Ольденбург, относящегося к периоду правления Антона Гюнтера (1603–1667). Фальсификат изготовлен методом отливки копии монеты из недрагоценного металла с последующим нанесением специального покрытия. Анализ элементного состава сплава свидетельствует о применении метода лужения поверхности оловом, по внешнему виду весьма похожему на серебро. Выявление в Крыму нумизматических фальсификатов самых разнообразных номиналов – от шиллингов до талеров, вместе с находками аутентичных западноевропейских монет, даёт основания полагать, что, судя по всему, иноземная монета в XVI–XVII вв., попадая на крымские рынки, имела здесь вполне официальный статус и хождение.

Ключевые слова: Таврика, нумизматика, денежное обращение, графство Ольденбург, Антон Гюнтер, гульден, фальсификат.

Summary

This article discusses the find from the vicinity of the modern village of Grushevka (Sudak district) of a counterfeit gulden (florin) minted in the German County of Oldenburg and dated from the reign of Anthony Günter (1603–1667). This counterfeit piece is made by casting a copy of the real coin with non-precious metal and later plating with special covering. The analysis of elemental composition of the alloy uncovers the whitening the surface with tin, which appearance is very similar to silver. From the finds in the Crimea of counterfeit numismatics of various nominal

values, from shillings to thalers, along with the authentic Western European money, there are good reasons to suppose that foreign currency that appeared in the Crimean markets from the sixteenth to eighteenth century acquired official status and circulation.

Key words: Taurica, numismatics, coin circulation, County of Oldenburg, Anthony Günter, gulden, counterfeit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Николай Александрович
Dr. Etudes médiévales (Paris IV–Sorbonne),
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН
просп. Академика И. И. Вернадского, 2,
295007, Симферополь, Российская Федерация
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseienko, Nikolai Aleksandrovich
Dr. Etudes médiévales (Paris IV–Sorbonne),
PhD (History), Leader Researcher
Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy Science,
2, avenue Vernadsky,
295007 Simferopol, Russian Federation
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Рис. 1. Поддельный гульден ольденбургского графа Антона Гюнтера (1603–1667) из Юго-Восточного Крыма (фото автора).

Д.А. ПРОХОРОВ
D.A. PROKHOROV

**«ВЕСЬМА ВАЖНУЮ ПРИОБРЕТЕТ ЧРЕЗ ТО ПОЛЬЗУ
КАЗНА ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА...»:
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФЕОДОСИЙСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

**“YOUR IMPERIAL MAJESTY’S TREASURY WILL BE
ACQUIRE OF VERY IMPORTANT BENEFIT...”: ON THE HISTORY
OF THE FOUNDATION AND FUNCTIONING OF THE THEODOSIA
MINT AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING
OF THE 19TH CENTURY**

История создания и деятельности Феодосийского монетного двора, учрежденного вскоре после присоединения Крыма к России в 1783 г., является одним из популярных сюжетов в академической литературе. Существует ряд публикаций, в которых данный вопрос рассматривается преимущественно с позиций нумизматической эстетики и анализа технологии монетного производства. В частности, их авторы уделили внимание количеству и качеству монет различного достоинства, выпущенных Феодосийским монетным двором [Абкаиров, 2024, с. 5–11; Алексеев, 2004, с. 166–175; Винклер, 1899; Зандер, 1994, с. 85–102; Зверев, 2023, с. 149–158; Калинин, 2017, с. 23–28; Смирнов, 1892, с. 300–459; Уздеников, 2001, с. 109–117]. Тем не менее, весь комплекс мероприятий российской администрации по созданию в Феодосии монетного двора, организации на нем производства, формированию штата сотрудников ранее детально не рассматривался. Помимо этого, в предпринятых исследованиях на данную тему не акцентировалось внимание на нормативно-правовой документации, придававшей работе Феодосийского монетного двора необходимую легитимность, и соответствии с которой регулировалась его деятельность.

В предлагаемой статье проанализированы правительственные указы, постановления, рескрипты и ордера главы администрации Таврической области и правителя Новороссийского края, изданные в связи с процессом организации в Феодосии монетного производства, сведения о начале работы там монетного двора, о его финансировании и о региональной специфике. Одним из наиболее информативных видов источников в контексте заявленной темы является массив архивных материалов, при этом особенный интерес представляют ранее не публиковавшиеся документы. Среди материалов фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь), Российского государственного архива древних актов (РГАДА,

г.Москва) были выявлены ценные сведения о создании Феодосийского монетного двора, о составе его сотрудников и о распределении между ними должностных обязанностей, а также переписка представителей высшей российской администрации по указанному вопросу. Введение в научный оборот данных, обнаруженных в архивных делах фондов региональных и федеральных архивохранилищ РФ, относящихся к периоду после присоединения Крыма к России, составляет одну из приоритетных задач в заявленной тематике исследования.

При последнем крымском хане Шагин-Гирее осуществлялись попытки поднять монетное дело в Крымском ханстве на новый, более современный уровень. Эмином (управляющим) монетного двора в Кефе состоял караим Юсуф (Йосеф) Ага-Нейман (в 1778 г.) [События, 1856, с. 102; Фиркович, 1890, с. 104–105], которого затем сменил на этом посту откупщик Абдуль-Хамит ага, ставший его кьягзией (директором)¹. Организованный по европейским стандартам, с опытными специалистами, выписанными для этой цели из-за границы и с новым, современным оборудованием ханский монетный двор в период с 1780 по 1783 гг. отчеканил монет на общую сумму 98 211 рублей, а за вычетом издержек на металл и машины чистая прибыль составила 53 211 ханских рублей (или 17 737 русских рублей, т.е. ежегодно по 5912 руб. 50 коп.) [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3. Л. 50; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 2. Л. 81–82 об.; Лашков, 1897а, с. 28–29; Лашков, 1897б, с. 54; Скальковский, 1841, с. 30]. Абдуль-Хамит ага в свою очередь сообщал, что монетный двор в Кефе начал свою работу по чеканке монеты «с 1195-го года по татарскому счислению, а по российскому с 1780 года и сумма денег, показанная в регистре, та самая есть, какая во все время вышла, а не более». В регистре, составленном в ноябре 1783 г. для русских властей, со слов Абдуль-Хамит аги было записано, что «покупаема была медь на зделание денег по 24 и по 26 пар турецких око², а когда переделана она медь в деньги, то обошлось по 33 пары³ око; деньгами же выпускалось из монетного двора по рублю око, из чего бывало половинное число барышу, выделанной же меди в деньги 84470 ок, из 17060 ок меди переделано в пятаки по 15 драхмов⁴ в каждой пятак и с 67414 ок переделано в пятаки же по 20 драхмов в каждой. Итого выпущено денег 92113 р. Пятой пробы денег сделано из покупаемых старых башлыков, на новые ханские деньги по 2 руб.

¹ В 1780 г. ханский откупщик Абдуль Хамит ага и его помощники Аджи Мегмет, Мулла Омер и Мулла Ресул были наделены особыми привилегиями в соответствии с ярлыком, выданным им ханом Шагин-Гиреем: «ильтизамой» (правом на откуп сроком на один год), позволяющим собирать «ушуры-шерьи» (особый налог, которым облагались «райи») с иудеев, жителей деревень Судакского, Мангупского и частично Кефинского кадылыков, с обитателей Чуфут-Кале [Лашков, 1896, с. 49].

² Окка – мера веса в Крымском ханстве (1 окка – 1,2828 кг).

Пара – турецкая серебряная монета, бывшая в денежном обращении в Крымском ханстве в XVII–XVIII вв.

³ Драхма – мера веса, равная 1,5 золотника (ок. 6,39 граммов).

⁴ Акче – мелкая серебряная монета весом около 0,68 граммов, имевшая хождение в Крымском ханстве в XVI–XVIII вв.

по 40 коп. око, а когда оне переделаны были на ханские деньги, то с каждого ока было барыша 60 копеек. Итого сделано сих пятипробных денег 91136 руб. Осми-десятой пробы сделано денег с 99 ок из 230-ти драхмов серебра, каждая драхма обходилась покупкою по 11 пар и выходило в рубле 6 драхмов с половиною, а по выделке каждой рубль ценою состоит по 60 пар и по 2 акчи турецких, в каждом рубле было барыша 6 пар, а всех осьми-десятой пробы серебряных денег выпущено 5853 руб. Пяти-десятой пробы сделано денег с 154-х ок серебра, каждая драхма куплена по 11 пар, примешавши половинное число меди приведено в пяти-десятую пробу, и когда из оного серебра сделаны были деньги по 5-ти драхмов полтинники ценою по 33 пары и по 1-й акче, то на каждой рубль было барыша по 6 пар и по 2 акчи турецких, а всех денег пятидесятой пробы выпущено 37480 руб.» [Лашков, 1897б, с. 54–55]. Француз Шарль Жильбер Ромм, посетивший Крымский полуостров в конце XVIII в., сообщал, что медь для монетного двора, устроенного в Кефе, приобреталась у турок: «...при обмене ее на соль из феодосийских озер медь эта обходится России по 3 руб. 30 коп. за пуд, дешевле чем в Сибири, где она стоит казне по 9 руб. Соль туркам продают по 29 коп. за 3 пуда» [Ромм, 1941, с. 41].

Переселение крымских христиан за пределы полуострова, осуществленное по приказу русских властей А.В. Суворовым и длившееся с мая по ноябрь 1778 г. (общее число переселенцев составило 31 тыс. 386 человек), внесло серьезные коррективы в политическую и экономическую жизнь региона. В связи с этими событиями многие населенные пункты Крыма опустели: сократилось число жителей таких городов, как Кефе, Бахчисарай, Карасубазар, Гезлев, Ак-Мечеть, Старый Крым, Балаклава. Полностью или частично обезлюдели 67 горных селений. Массовые эмиграции крымских татар в Турцию в 1783 г. и в последующие годы привели к тому, что заброшенными также оказались многие сады, виноградники и пахотные земли Крыма [Водарский и др., 2003, с. 86, 87, 120, 122; Маркевич, 1910, с. 442–543].

В середине 80-х гг. XIX в. некогда многолюдная Кефе представляла собой фактически заброшенный город, где по сведениям, представленным военным комендантом города, генерал-майором бароном В.И. Розеном, насчитывалось 514 домов, из которых 24 были признаны обветшавшими. В ведомости В.И. Розена указывалось, что 358 домов заняты русскими войсками, в 14 обитали греки, а 211 – пустовали (однако на тот момент данные о точном количестве зданий феодосийский каймакан Осман ага главе Крымского правительства, графу Осипу Андреевичу Игельстрому еще не предоставил)⁶. В «Камеральном описании Крыма» сообщалось, что в городе 62 дома были заняты «жидами крымскими» (из них – 148 мужчин и 145 женщин), и 22 – армянами. Академик Петр Симон Паллас, побывавший в Кефе в 1794 г., также упомянул, что оставленные ранее хозяевами жилища заселяются караимами и армянами – к слову, по замечанию Н.Н. Мурзакевича, «не заботившимися об их наруж-

⁶ Вместе с тем приведенные В.И. Розеном цифры не согласуются с общим количеством домов (514), так как в этом случае их должно было быть не менее 667.

ности, поддержке водопроводов и фонтанов, но спешившими разрушить генуэзские стены, мусульманские мечети, крепостные рвы, предотвращавшие дождевые горные потоки» [Лашков, 1888, с. 25–45; Паллас, 1883, с. 48, прим. 12; РГАДА. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 79]. Одним из малоизвестных источников по статистике населения Крыма является «Рапорт о состоянии города Кефы жителей мужеского и женского пола душ», составленный по поручению Таврического областного правления. По состоянию на январь 1784 г., в городе числился 871 житель (479 мужчин и 392 женщины), при этом из них было: 87 греков (60 мужчин и 27 женщин), 143 армянина (68 мужчин и 75 женщин), 26 крымских татар (все мужчины), 14 турок (все мужчины), «жидов» (караимов и евреев) – 262 человека (122 мужчины и 140 женщин). Крымских татар, проживавших на феодосийском Форштадте, насчитывалось 339 (189 мужчин и 150 женщин). Помимо этого, в начале 1784 г. здесь находилось «прибывших из разных мест Российских торгующих разного звания людей» 63 человека (в мае 1784 г. их количество возросло почти в 1,5 раза и составило 103 человека) [ГАРК. Ф. 802. Д. 10. Л. 11, 64].

Наместник Новороссийского края светлейший князь Г.А. Потемкин, заинтересованный в скорейшей реорганизации и возобновлении в Феодосии монетного производства, в своем донесении императрице Екатерине II 5 августа 1783 г. сообщал, что лично произвел осмотр помещения монетного двора последнего крымского хана, после чего пришел к выводу, что «построенный ханом Шагин-Гиреем близ Кефы монетный двор нашел я во всей исправности и в таком состоянии, что монетное дело с успехом может быть во оном производимо». Новороссийский генерал-губернатор предложил для чеканки монеты использовать медь из Анатолии: «Весьма важную приобретет чрез то пользу казна Вашего императорского величества, ибо медь анатольская будет во оную приходить даром за отпускаемую из крымских озер соль. Я должностью поставляю всеподданнейше о том представить Вашему императорскому величеству и просить высочайшего на сие повеления» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 1. Л. 222–222 об.].

По всей видимости, план по использованию анатолийской меди с целью модернизации монетного двора в Таврической области Г.А. Потемкин разрабатывал лично, поскольку 8 и 19 апреля 1784 г. он дважды обращался к обер-директору крымских таможен Константину Ивановичу Мавроени с предложением о том, что «для делания монеты в Феодосии-Кефе потребно меди на тамошний монетный двор», вследствие чего предписывал ему «известными способами достаточное оной количество туда выписать и об успехе в сей комиссии рапортовать» [Мурзакевич, 1881, с. 297; ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208. Л. 27].

В свою очередь, К.И. Мавроени предложил покупать медь либо выменивать ее на соль и пшеницу в Анатолии (поскольку соль и пшеница в России стоили дешевле, чем в Турции, а анатолийская медь в Крыму по стоимости была дешевле привозной российской меди). 19 января 1786 г. последовал ордер правителя Новороссии, где он сообщал правителю Таврической области Василию Васильевичу Каховскому о

том, что «требуемое Господином Обер Директором Мавроеном количество соли, а именно: за выменянную в минувшем году для Феодосийского монетного двора медь в число двадцати тысяч килей⁷ недонятых две тысячи пять сот семьдесят пять килей с половиною, да на такой же вымен меди в отпуск извольте куда требуется ассигновать: за море же и вольным в России промышленникам по причине малой прошедшего года, как вы уведомляете, садки соли впредь до будущей изобильнейшей более оныя не отпускать» [Киреенко, 1897, с. 6]. В.В. Каховский, исполняя это распоряжение Г.А. Потемкина, в 1784–1786 гг. закупал необходимое количество меди, привозимой в крымские порты, для нужд монетного производства [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 4. Л. 339–339 об.].

29 мая 1787 г. Г.А. Потемкин направил К.И. Мавроени ордер, которым предписывалось, чтобы отпущенные обер-директору крымских таможен на приобретение для Феодосийского монетного двора 16 тыс. руб. серебром «за непривозом сюда означенного металла употребить на закупку меди, которую доставить в монетный двор, получа после от оного уплату медными деньгами» [ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208. Л.28, 101].

Медь для монетного двора приобретали также в Евпатории, Феодосии, Балаклаве по цене 4 руб. 6 коп. за 1 пуд (например, в 1787 г. Таврической областной казенной палатой для закупки меди для Феодосийского монетного двора была отпущена сумма 9316 руб.) [ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–5]. 19 июня 1786 г. Г.А. Потемкин вновь писал В.В. Каховскому: «По случаю донесения вашего о приторгованной господином надворным советником Мавроеном у поручика Шепинса в казну меди в Балаклаве до двух сот и более пудов по четыре рубли по шести копеек с заплатою вместо денег казенною солью, нахожу за нужное требовать от вас обстоятельнейшей ведомости, сколько всей меди в казну куплено, и где именно она налицо состоит, каковую ведомость и не оставьте прислать ко мне немедленно» [Киреенко, 1897, с.33]. Помимо всего прочего, вторичным сырьем для битья монеты стали пятаки-крестовики образца 1723–1750 гг. (на общую сумму в 3–4 тыс. руб.), невостребованные в казначействах Новороссийского края [Рзаев, 2010, с. 51; Зандер, 1994, с. 85–90].

Интерес к начинаемому Г.А. Потемкиным проекту проявляли и другие высшие сановники империи. Так, например, в письме правителю Новороссии генерал-прокурор Правительствующего Сената князь Александр Алексеевич Вяземский 23 августа 1783 г. сообщал, что сделал обстоятельный доклад Екатерине II о возможности чеканки медной российской монеты на заведенном в Кефе монетном дворе, и что на это предприятие было получено высочайшее соизволение императрицы. «Вследствие чего не премину, – продолжал А.А. Вяземский, – выбрав здесь надежных и знающих в монетном деле людей, прислать к Вашей светлости как для заготовления стемпелей, так и для установления всего потребного к оному производства. Равным об-

⁷ Киле – единица измерения сыпучих тел. Размер киле отличался в разных областях. 1 крымский киле составлял 2 пуда 10 фунтов.

разом я докладывал всемилостивейшей государыне и о том, что в Кавказских горах и их окрестностях по прежним еще доходившим до меня сведениям должны быть серебряные руды богаче тех, какие мы в Сибири разрабатываем, для чего отправлю также к Вашей светлости знающего человека, который по приказанию Вашему в удобных местах сделает прииски без дальнего разглашения, и по вынятии некоторого количества руд, узнав по опытам настоящее содержание руд, можно будет принять соответствующие тому средства для заведения заводов, соображаясь во всем с замечаниями Вашей светлости относительно тамошних обстоятельств, единственно Вам совершенно известных» [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 271. Л. 86–87].

В соответствии с повелением императрицы, А.А. Вяземский сделал распоряжение Департаменту по монетным делам при Берг-коллегии (с 1 мая 1784 г. – Монетный департамент Берг-коллегии), в котором объявлял, что «что по дошедшему до Ее Императорского Величества сведению о находящемся на вновь приобретенном под Всероссийскую державу полуострове Крым, в городе Кафе, Монетном дворе, Ее Величество Всевысочайше повелеть соизволила для приведения оного в такое состояние, дабы впредь до дальнейшего предписания начать передел на оном медной российской монеты, отправить туда в точное ведомство его светлости князя Григория Александровича Потемкина потребных из низших людей, снабдя их нужными инструментами для сказанного дела» [Винклер, 1899, с. 111]. А уже в письме 12 сентября 1783 г. А.А. Вяземский извещал Г.А. Потемкина, что он приказал отправить «потребных и знающих людей как для устрояемого в Кефе монетного двора, так и для отыскания могущих быть руд на самом полуострове и в Кавказских горах»; то же касалось и рабочих, направленных им на горные прииски [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 869. Л. 136].

Вскоре управляющим (правителем) монетного двора назначили коллежского асессора Санкт-Петербургского монетного двора минцмейстера Ивана Карловича Затлера, а минцмейстером – минцпробирера того же двора Ивана Юрьевича Гинца. 6 марта 1784 г. Г.А. Потемкин подписал ордер на имя И.К. Затлера (вскоре получившего чин надворного советника), в соответствии с которым должны были начаться подготовительные работы. «По получении сего предписываю вам со всею вашею командою, инструментами и материалами отправится немедленно в Москву, и тамо забрав достальную команду и прочие принадлежности продолжать путь с возможным поспешением в область Таврическую. По прибытии туда, явясь к г.[осподину] ген.[ерал]-пор.[учику] и к.[авалеру] барону Игельштрому и вруча ему мой ордер, получить от него изволите в ваше ведение Монетный дом, что при городе Кафе или Феодосии со всем к оному принадлежащим. Тут будет долг ваш привести оный в исправное состояние и устроить в совершенный порядок все потребное к деланию монеты. Г.[осподин] ген.[ерал]-пор.[учик] и к.[авалер] барон Игельштром преподаст вам все нужные в сем случае пособствия; а прилагаемые здесь для вас и г.[осподина] минцмейстера правила, будут достаточным для вас руководством, как при первом приступлении к сему делу, так и в самом продолжении оного. Я надеюсь, что к при-

езду в Крым, приобретши все нужные сведения по должности вашей, о тамошних обстоятельствах, представите мне подробные о всем сведения» [Мурзакевич, 1881, с. 296–297].

Монетный департамент разрешил К.И. Затлеру выбрать на Петербургском или Московском монетном дворах мастеровых. В их числе были: пробирных учеников – 2, писарь – 1, резчик штемпелей – 1, резного дела ученик – 1, кузнечного дела мастер – 1, расковочный мастер – 1, монетчиков – 4 (всего 11 человек) [Винклер, 1899, с.111]. Необходимые на поездку деньги, а также третное жалованье служащим нового монетного двора, на общую сумму 3395 руб. 47 $\frac{1}{4}$ коп., были отпущены из «экстраординарной суммы, в счет крымских доходов» [Мурзакевич, 1881, с. 296].

3 мая 1784 г. К.И. Затлер представил О.А. Игельстрому доклад о состоянии монетного двора, а также опись имущества и оборудования, принятого им 29 апреля 1784 г. от секунд-майора Христофора Туманова. К.И. Затлер сообщал, что для организации работ ему потребуется «человека два из бывших прежде сего при здешнем монетном дворе у плавки меди и прочих работах цыган, а как оные жительство свое имеют в Бахчисарае, то не благоволит ли Ваше Превосходительство приказать оттуда тех цыган отрядить сюда» [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10. Л. 52]. В описи оборудования, инструментов и сырья, представленной Х. Тумановым, значились 74 наименования, причем напротив большинства из указанных позиций стояла отметка о непригодности дальнейшего использования оборудования (Приложение 2) [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10. Л. 53–56 об., 60–62 об.]. Осенью 1784 г. К.И. Затлер просил В.В. Каховского истребовать с Сестрорецкого или Екатеринбургского монетных дворов двух гармахеров⁸ и нанять слесаря, искусного в выделке и закалке штемпелей, в точке валов и других инструментов, а также ходатайствовал об отпуске на нужды строительства кирпича, глины, извести, балок и леса [Винклер, 1899, с. 114].

4 июня 1784 г. на имя Г.А. Потемкина поступило прошение от медальера Садогурского монетного двора Федора Комстаднуса (автора медали в память побед при Дунае 20 и 24 октября 1771 г.) о приеме его на службу. «Как уже мне безызвестно, – сообщал проситель Новороссийскому генерал-губернатору, – что по воле Вашей светлости учреждается в Таврической области монетный двор, а практическое мое упражнение Вам, светлейший князь, стало знаемо. В таком случае и чувствуя при том все Ваши ко мне доныне простиравшиеся милости и благоволения, осмеливаюсь всепокорнейшее просить о определении меня ко оному в должность медальера с прибавлением, однако, как Вашей светлости угодно будет, жалованья против медальера монетного Санкт-Петербургского двора, приняв во уважение новость места, а чрез то многих для содержания себя со всею моею фамилиею издержек. Я ж со своей стороны по сведению моему, как и Вашей светлости, безызвестно, прежде производившегося при хане еще крымском монетного двора в возможном не оставлю по усердию моему дать полезный совет» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 1. Л. 252].

⁸ Гармахер – очиститель меди, переплавщик.

В октябре 1784 г. Г.А. Потемкин вновь указал В.В. Каховскому на то, что «монетный Кафинский двор нужно привести в действие. Я рекомендую вам подать все зависящее от вас в сем деле способствование, надворному советнику Затлеру, и об успехе оного дела меня уведомить. А как ему и находящимся при нем чинам следует производить жалованье, по положенным им окладам, то ассигновал я получать им его от надвор.[ного] советн.[ика] Свербеева из соляной суммы, из которой и прикажите ему требовать» [Мурзакевич, 1881, с. 310]. По состоянию на июнь 1784 г. Санкт-Петербургский монетный двор выделил сумму 725 руб. 14 $\frac{3}{4}$ коп. на инструменты, а на жалованье К.И. Затлеру и И.Ю. Гинцу (с 7 сентября 1783 г.) и остальным служащим с 15 сентября по 1 января 1784 г. всего 174 руб. 45 коп. [Винклер, 1899, с. 113].

Трехэтажное здание ханского монетного двора располагалось в Кефе, в урочище Ташлык, вблизи недостроенного ханского дворца (или дома), в двух верстах от городской стены [Мурзакевич, 1881, с. 295]. Однако внешнее и внутреннее состояние помещений не позволяло их использовать для возобновления монетного производства (Приложение 1). Строительство здания для нового монетного двора поручили лейтенанту-полковнику Деррингу [Рзаев, 2010, с. 132]. Но сырья, ресурсов и инструментов катастрофически не хватало: практически весь транспорт задействовали для нужд русской армии, наблюдался дефицит древесины для строительства, не хватало дров и для кузнечных работ. Так, И.Ю. Гинц докладывал В.В. Каховскому, что «машины на оном дворе исправлены, вместе с внутренним строением и работать на оных можно; но к надлежащему началу и производству монетного дела недостает инструментов, нужных к починке некоторых в машине частей, какие иногда в самом продолжении работ могут портиться, равно и к деланию новых в запас, и тогда от неимения таковых и великий убыток, и остановка неминуемы, если оные в то время должно доставать; также материалов, господином надворным советником Затлером требуемых, как то: дров, угля, пожигательных сковород и прочих вещей нет, притом гармахеров, слесаря, совершенно разумеющего калку и делание употребляемых при монетном деле инструментов, монетчика в сводке монет и такого же в установщики, и других монетчиков, и каждому стану особых и мастеров» [Винклер, 1899, с. 121].

Уже 30 марта 1786 г. в своем письме Г.А. Потемкину правитель Таврической области В.В. Каховский рапортовал, что К.И. Затлер обратился к нему с требованием выдать подорожный паспорт для проезда через Белоруссию для последующей аудиенции у светлейшего князя. «Я, слыша от него о многих недостатках и препятствиях к продолжению безостановочного производства монетного дела, – резюмировал В.В. Каховский, – приступил к исполнению его требования». Однако при этом чиновник заметил, что во время его весеннего визита в Феодосию все машины на монетном дворе были «приготовленными к начатию делания монеты, которой первые опыты везет он, г[осподи]н Затлер, с собою для предоставления Вашей светлости», и особенно подчеркнул, что «строение монетного двора отделано и прочно и порядочно» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 4. Л. 336–336 об.].

Несмотря на все сложности, сопровождавшие работу предприятия, процесс чеканки монеты все же удалось наладить, и в период с 1787 по 1788 гг. переоснащенный монетный двор уже выпускал 5- и 2-копеечники с обозначением «ТМ» («Таврическая Монета»). В целом производительность двора была невысокой, еженедельный тираж пятаков не превышал 40 тыс. штук, поэтому их выпуск не был достаточным даже для покрытия расходов на саму чеканку. В сентябре 1787 г. К.И. Затлер даже был вынужден распорядиться использовать новые пятаки на сумму 8 тыс. руб. для оплаты расходов [Рзаев, 2010, с. 50–52; Зандер, 1994, с. 92]. В рапорте Г.А. Потемкину 19 апреля 1786 г. В.В. Каховский представил первые, отпечатанные на Феодосийском монетном дворе монеты, а также записку о необходимом числе мастеров и количестве денежных средств для обеспечения производства монет и заготовления материалов [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 4. Л. 341–342].

В 1787 г. Екатерина II пожелала осмотреть вновь приобретенные Россией территории. Подготовка к путешествию началась в 1784 г. с укрепления Черноморского флота; активно возводились города и военные укрепления, модернизировалась их инфраструктура. Вояж предпринимался императрицей с несколькими целями: во-первых, она решила лично ознакомиться с Новороссией и Крымом, а также с созданным Г.А. Потемкиным Черноморским флотом и Южной армией, дислоцировавшимися на полуострове. Визит носил и явный политический подтекст – Екатерина II собиралась продемонстрировать европейским монархам масштаб и силу русского влияния в регионе. В ходе путешествия государыня также планировала обсудить с императором Священной Римской империи и королем Германии Иосифом II (инкогнито сопровождавшим ее в этой поездке под именем графа Фалькенштейна) дальнейшие планы совместных действий, направленных против Османской империи.

Предполагаемый маршрут поездки разработали с учетом наибольшего охвата территорий, которые собиралась посетить императрица. Он пролегал по следующим городам: Луга – Великие Луки – Смоленск – Новгород-Северский – Чернигов – Киев – Екатеринослав – Херсон – Перекоп – Бахчисарай – Севастополь – Ак-Мечеть – Карасубазар – Судак – Старый Крым – Феодосия – Геничи – Мариуполь – Таганрог – Нахичевань-на-Дону – Черкасск – Азов – Бахмут – Белгород – Обоянь – Курск – Орел – Мценск – Тула – Серпухов – Москва – Клин – Торжок – Вышний Волочек – Новгород – Санкт-Петербург [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 25. Л. 25, 25 об., 27–31 об.]. Общая протяженность пути составляла 5657 верст, из них 446 – по воде. Императорский поезд состоял из 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 запасных саней, а сопровождавшая Екатерину II свита – из более чем трех тысяч человек. Сама императрица ехала в карете на 12 персон, запряженной 40 лошадьми, а ее сопровождали придворные, прислуга, а также представители иностранных дипломатических миссий. Принять участие в инспекции по южным провинциям были приглашены зарубежные гости. Кроме австрийского фельдмаршала и дипломата, принца Шарля-Жозефа де Линя и французского историка и дипломата, посла Франции при дворе российской императрицы графа Луи-Филиппа Сегюра, с Екатериной II следо-

вали иностранные министры: посол австрийского императора в России (в 1784–1797 и в 1798–1800 гг.) граф Людвиг фон Кобенцель, и английского – Аллен Фиц-Герберт. Наиболее известные описания путешествия водным путем по Днепру и далее по Крыму оставили сопровождавшие императрицу иностранцы принц де Линь и граф Сегюр. На все расходы, связанные с путешествием, российской казной была отпущена огромная по тем временам сумма – 15 млн руб. [Брикнер, 1872, с. 8, 11]. Частично финансовые расходы на затраты, связанные с путешествием в Крым императрицы, осуществлялось из средств Таврической соляной экспедиции.

После пятидневного пребывания в Херсоне кортеж императрицы направился в Крым, дорога в который пролегла через Кизикерман и Перекоп. Князь Г.А.Потемкин в своем предписании нижестоящим инстанциям распорядился: «Дорогу от Кизикермана до Перекопа сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским; я назову ее: Екатерининский путь». Стремление губернатора Новороссии продемонстрировать Екатерине II свои успехи на поприще освоения Крыма обуславливались также желанием опровергнуть слухи, которые распускали его недоброжелатели при дворе. Многие из них утверждали, что все финансовые вложения, которые использовал светлейший князь для организации Таврической области и управления краем, потрачены впустую, а «громадные суммы, истраченные Потемкиным, не приносят никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоило огромных пожертвований, требуемых князем» [Брикнер, 1872, с. 4; Брикнер, 1891, с. 80].

27 мая 1787 г. Екатерина II выехала из Карасубазара и вечером прибыла в Старый Крым, где для ночлега императрицы построили небольшой дворец. Августейшую монархиню, которую встречал конный Таврический полк, приветствовали многочисленные депутации от крымских татар, кабардинцев и других жителей Крымского полуострова. Феодосия стала конечной точкой крымского вояжа Екатерины II. Еще 29 апреля 1786 г. В.В. Каховский докладывал Г.А. Потемкину, что «от Бахчисарая к Севастополю и от Бахчисарая к Симферополю, а оттуда чрез Биели, Карасубазар, Кишлау, Судак, Старый Крым к Феодосии все дороги совершенно отделаны, мили же и версты от Севастополя чрез Бахчисарай, Симферополь, Карасубазар к Феодосии поставлены» [РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 141–144 об.]. Правитель Таврической области также разослал своим подчиненным инструкцию, в которой подробно описал порядок действий по встрече кортежа императрицы. «При шествии Ее Императорского Величества в г. Феодосии, – указывалось в документе, – за три версты от оного встретят штаб- и обер-офицеры расположенного в оном полка, а от области, комендант города, Монетного двора директор, таможенный советник, карантинный начальник и карантинный и таможенный смотрители, и городской магистрат. Пред крепостными воротами поставятся по обеим сторонам дороги живущие на предместье и обыватели и близлежащих деревень жители. Присутствующие того уезда судов дворянских, мещанских и сельских, и все обыватели городские поставятся на улице в городе. Для гостеприимства назначается советник таможенный Мавроен и карантинный начальник Нотара» [Винклер, 1899, с. 129].

Прибыв в Феодосию, императрица со свитой посетила монетный двор, где специально были изготовлены полные серии монет от 1/4 до пяти копеек, а также серебряные: двугривенные, гривенники, пятаки и гроши. На аверсе серебряной монеты отчеканили вензель императрицы с круговой надписью: «Царица Херсонеса Таврического» [Винклер, 1899, с. 131; Калинин, 2017, с. 24]. Здесь же, в память о царственном путешествии Екатерины II, мастерами-медальерами были изготовлены две золотые медали «Путь на пользу» – их князь Г.А. Потемкин преподнес Екатерине II и австрийскому императору Иосифу II. «Екатерининский дворец», в котором во время своего визита в Крым 27 мая 1787 г. останавливалась монархиня, в конце XVIII – начале XIX в. принадлежал одному из самых состоятельных купцов Феодосии, караиму И.И. Хаджи. Именно в этом здании, по некоторым сведениям, «Великая императрица изволила переименовать Кефе в “Богом данную”» (то есть в Феодосию) [Записки, 1865, с. 220–221; Брикнер, 1872, с. 47; Колли, 1907, с. 16–17]. Польщенная оказанным ей приемом, Екатерина II распорядилась представить некоторых чиновников Таврической области к наградам. В мае 1787 г. Г.А. Потемкин довел до сведения В.В. Каховскому, что «Высочайшими именными Ея Императорского Величества указами за собственноручным Ея Величества подписанием кавалерской думе ордена святого благоверного Князя Владимира данными сего Мая 30 дня Всемилощивейшее пожалованы кавалерами сего ордена во второй класс, ваше превосходительство, в третий полковник Попов, в четвертый генерального штаба обер-квартирмейстер Афанасий Федоров, барон Иоган Тизенгаузен, барон Карл Мериловский, Андрей Шостак, артиллерии капитан Аполлон Дашков и секунд майор Эммануил Дерибас да состоящие в области Таврической директор домоводства Карл Габлиц, советник таможенных дел Константин Мавроен[и], начальник карантин Евстафий Нотара, директор монетного двора Иван Затлер, и верхней расправы прокурор Александр Таранов» [Киреевский, 1888, с. 13].

31 мая 1787 г. царский кортеж покинул Крым – 28 июня Екатерина II прибыла в Москву, а 11 июля вернулась в Петербург. Грандиозное по затратам и числу участвовавших в нем людей путешествие продолжалось почти полгода. За день до своего отъезда, 30 мая 1787 г., Екатерина II подписала указ о начале хождения в государстве монеты, чеканенной на феодосийской монетном дворе: «Как делаемая на учрежденном от нас области Таврической в городе Феодосии Монетном дворе, медная монета есть указного веса и во всем сходственная с монетой обще в государстве нашем ходящей, то, прилагая при сем оные монеты, повелеваем обнародовать от нашего Сената, дабы сия монета имела во всей империи нашей надлежащее хождение» [ПСЗРИ, 1830, с. 858; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798. Л. 111]. А в конце 1787 г. штат служащих чинов и рабочих Феодосийского монетного двора увеличили до 140 человек, в числе которых были: машинист, гармахер, меховой мастер, столяр, плотники, резчики, монетчики, а также кузнецы, слесари, «отставных прапорщиков у разных должностей», переводчик, «письменных дел полковой хорунжий», конюхи, подсобные рабочие и др. [Винклер, 1899, с. 139].

Однако переоборудованному и модернизированному монетному двору в Феодосии суждено было существовать недолго. 13 августа 1787 г. Османская империя объявила России войну, в которой основной целью Стамбула стало возвращение земель, отошедших к Российской империи в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В ультиматуме, выдвинутом российскому правительству, выдвигалось требование восстановить вассалитет Крымского ханства. По этой причине многие экономические проекты на полуострове российские власти вынужденно свернули. Так, например, в августе 1787 г. у прибывших в Крым из Анатолии турецких купцов было приобретено для нужд Феодосийского монетного двора меди на сумму 3309 руб., причем ее половину по условиям договора необходимо было заплатить крымской солью. Частично с купцами расплатился директор Евпаторийской таможни коллежский асессор Димитрий Иванович Врето, который выдал туркам «заимообразно» 500 руб., рассчитывая на то, что эти деньги впоследствии ему возместят из казны. Однако с началом военных действий и приобретенная медь, и уплаченная за нее соль, хранившиеся в крымских портах, подлежали немедленному аресту. Поэтому Г.А. Потемкин дал В.В. Каховскому распоряжение: возместить Д.И. Врето указанную сумму из средств Феодосийского монетного двора [Киреевко, 1890, с. 2–3].

10 января 1788 г. правитель Новороссии, находившийся в то время в Елизаветграде, в ордере на имя В.В. Каховского приказывал: «Не находя удобным быть производству монетного дела больше в Феодосии по дороговизне угля, сим предписываю при первом удобном случае всю медь и серебро, какое находится тамо, перевезти в Берислав» [Киреевко, 1890, с. 1]. А в октябре 1788 г. по распоряжению Г.А.Потемкина вице-губернатор Таврической области и глава Таврической областной казенной палаты Карл Иванович Габлиц уплатил из суммы таможенных доходов по Таврической области полнерам Еникальской таможенной заставы М. Лотошнину и П. Деденкову 145 руб. 84 коп. за транспортировку в Таганрог 1823 пудов 17 фунтов меди из Феодосийского монетного двора [ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208. Л. 57].

По некоторым сведениям, изготовление и чеканка монет на Феодосийском монетном дворе продолжалась до 17 апреля 1788 г., после чего, в связи с отсутствием необходимых средств, недостаточным числом рабочих (многие из нанятых на работу солдат, цыган, каторжников, беспаспортных людей попросту разбежались), а также в связи с утратой интереса у российских властей к его деятельности, мастерские монетного двора были закрыты, а оборудование – вывезено в центральные губернии страны. Вскоре помещения и мастерские монетного двора были сданы инженерному ведомству с целью устройства в них казарм для размещения пехотного полка [Винклер, 1899, с. 139, 146, 150–151]. В 1793 г. П.С. Паллас сообщал, что «за городом, у бухты, находились монетный двор, превращенный теперь в казармы, и дворец хана Шагин Гирея, не оконченный постройкою» [Паллас, 1883, с. 49].

Сохранилась ведомость, составленная служащими Таврической областной казенной палаты, где приведены подробные сведения о суммах, выделенных Таможенной экспедицией на приобретение сырья для Феодосийского монетного двора с 1784 по

1787 г. Так, за указанный период в крымские порты было доставлено 28 059 пудов, 11 фунтов, 30 золотников меди (при этом за каждый пуд полагалось заплатить по 5 руб. 57 4/8 коп.) общей стоимостью 156 249 руб. 4 1/2 коп. В расходной ведомости уточнялось, что по распоряжению светлейшего князя Г.А. Потемкина от шефа Таврического егерского полка, генерал-поручика от инфантерии Андрея Григорьевича Розенберга принято в счет оплаты меди «серебряною турецкою монетою с променом» 16 059 руб. 77 1/2 коп. Из средств Таврической соляной экспедиции за доставленную медь было заплачено наличными деньгами и крымской солью на общую сумму 8379 руб. 62 1/2 коп. Из средств, предназначенных для обеспечения так называемого албанского войска⁹ (из «албанской суммы») выделялось 6691 руб. 69 1/2 коп.; наличными из казны самого монетного двора поступило 3500 руб. Таврическая областная казенная палата также уведомляла, что за доставленную в Феодосийский монетный двор медь следовало произвести следующие выплаты: евпаторийским жителям армянским купцам Ага Бабе Симеонову, Кеворку Цицеранову и греку Дмитрию Георгиеву – солью и наличными деньгами 2668 руб. 96 3/4 коп. (за вычетом уже ранее выплаченных им 500руб. и отпущенных 1 тыс. киле соли общей стоимостью 140руб.); турецкоподанным купцам Мулле Паре, Хаджи оглу Мемет Султану, Мустафе Мегмету, Осману Языджи и феодосийскому купцу Симеону за доставленную, но с началом войны арестованную в порту медь – 19775 руб. 28 3/4 коп.; за медь, привезенную в Керчь на судне «Нептун» (по сообщению находившегося в Стамбуле российского дипломата Якова Ивановича Булгакова) – 10 028 руб. 79 1/2коп. Помимо этого, «в действительном употреблении на счет монетного двора таможенных сборов» в крымских портах было собрано 94 370 руб. 27 коп. (из них 5225 руб. использовали на ремонтные работы). В Таврической областной палате были учтены и 3444 руб. 45 коп., которые из средств пограничной Ногайской татарской экспедиции ее председатель полковник Иван Михайлович Лешкевич передал командующему Кубанским корпусом генерал-поручику Михаилу Николаевичу Леонтьеву «на счет экстраординарной суммы» [ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208. Л. 98–99].

После смерти императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 г. в Царском Селе российский трон перешел к ее сыну, 42-хлетнему Павлу I. Большинство указов и законов, принятых при его августейшей матери, упразднялись. Одним из первых законодательных актов, изданных от имени нового российского самодержца, стал документ об административных преобразованиях. 12 декабря 1796 г. Павел I подписал указ «О новом разделении государства на губернии»: в документе сообщалось, что отныне вместо 50-ти губерний в России решено было оставить лишь 41 губернию. Все преобразования Екатерины II в Прибалтике, Выборгской губернии и на Малороссии отменялись. Один из пунктов указа вступившего на трон императора гласил: «Таврическую Область и Вознесенскую Губернию равным образом уничтожить, а

⁹ Албанское войско – полк, сформированный в 1769 г. из греков и албанцев, служивших в русском флоте.

Новороссийскую Губернию составить из всего того, что за возвращением из Малой России отделенных уездов и от бывшей Вознесенской приписанных к ней из приобретенных от Польши земель; також возвращаемых ныне к Слободской Украинской Губернии останется, присоединяя тут и Область Таврическую, разделенную просто на уезды сообразно количеству жителей и обширности местной» [ПСЗРИ, 1830б, с.229–230].

Таврическая область как административная единица в составе Российской империи упразднялась, наряду с ликвидацией должности генерал-губернатора Екатеринославского и Новороссийского наместничества. Областной центр Симферополь переименовали в уездный; саму область разделили на два уезда (Мелитопольский и Ак-Мечетский) в составе Крымского округа. Симферополю возвращалось прежнее имя – Ак-Мечеть, Севастополю – Ахтиар. Большинство государственных и административно-финансовых учреждений, функционировавших на территории Крымского полуострова в течение почти десяти лет, были закрыты, а штаты этих организаций – подвергнуты расформированию. Возрождение Тавриды началось лишь со вступления на российский престол Александра I. Указом от 8 октября 1802 г. Новороссийское наместничество было разделено на три губернии – Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, а Симферополю было возвращено его прежнее название и статус губернского города.

Таким образом, деятельность Феодосийского монетного двора, учрежденного после присоединения Крыма к России, была сравнительно непродолжительной в силу ряда объективных и субъективных причин. Отсутствие необходимого количества сырья и материалов для производства продукции, неоптимальная логистика в их приобретении и доставке на полуостров, сложности технического характера при осуществлении работ по чеканке монет, недостаток квалифицированных рабочих и оборудования, а также начавшаяся Русско-турецкая война 1787–1791 гг., негативно повлиявшая на общую экономическую ситуацию в регионе – совокупность всех этих факторов не могла не отразиться негативно на работе монетного двора. Тем не менее, несмотря на сопутствовавшие проблемы, региональная администрация в лице чиновников Таврической области под руководством главы Новороссийского края светлейшего князя Г.А. Потемкина осуществляла комплекс мероприятий по нормализации деятельности монетного двора, результатом чего стал первый выпуск российской монеты во вновь присоединенном крае. Указом Екатерины II от 30 мая 1787 г. таврические монеты, отчеканенные на Феодосийском монетном дворе, были допущены к обращению на территории всей Российской империи. Однако все вышеперечисленные сложности при их производстве вскоре привели к падению интереса у властей к деятельности самого предприятия, его мастерские были закрыты, а оборудование – вывезено. Тем не менее, история Феодосийского монетного двора стала ярким эпизодом в истории освоения Россией «благоприобретенного края», при этом власти получили ценный опыт по налаживанию в Крыму системы государственно-административного управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абкаилов В.Р. Таврический монетный двор // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 2. С.5–11.
- Алексеев А.Н. «Греческий проект» императрицы Екатерины II и русское медальерное искусство // Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 166–175.
- Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1872, июль. Ч. 162, отд. 2. С. 1–51.
- Брикнер А.Г. Потемкин. СПб.: изд-ие К.Л. Риккера, 1891. 276, [4] с.
- Винклер фон П. Из истории монетного дела в России. Таврическая монета (1783–1788). (с портретом кн.[язя] Гр.[игория] Ал.[ександровича] Потемкина-Таврического и 12 рисунками в тексте). СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1899. 462 с.
- Водарский Я.Е., Елисеєва О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М.: Институт российской истории РАН, 2003. 159 с.
- Записки графа [Л.-Ф.] Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789) Пер. с франц. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1865. 386, III с.
- Зандер Р. Феодосийский (Таврический) монетный двор: Загадки и открытия // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник № 3. М., 1994. С. 85–102.
- Зверев С.В. Причины бытующего мнения о перчеканке медных монет на феодосийском монетном дворе в 1787–1788 гг. // ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка. Материалы научной конференции. X Международный Нумизматический Симпозиум. Симферополь, 2023. С. 149–158.
- Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 792. Оп. 1. Д. 8.
- ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208.
- ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 25.
- ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3.
- ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10.
- Калинин В.А. Серия монет Екатерины II 1787 г. с загадочной легендой «Царица Херсониса Таврического» // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «Феодосийские научные чтения». 2017. № 4. С. 23–28.
- [Киреенко Г.К.] Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТУАК. 2-е изд. 1897. № 3. С. 1–35.
- [Киреенко Г.К.] Ордера князя Потемкина. 1787 год; Сообщ. Киреенко // ИТУАК. 1888. № 7. С. 1–24.
- [Киреенко Г.К.] Ордера князя Потемкина. 1788 год; Сообщ. Киреенко // ИТУАК. 1890. № 10. С. 1–8.
- Колли Л. О судьбах некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35. С. 10–17.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // ИТУАК. 1888. № 7. С. 25–45.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
- Лашков Ф.Ф. О Камеральном описании Крыма // ИТУАК. 2-е изд. 1897а. № 2. С. 20–33.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года. Сообщение Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. 2-е изд. 1897б. № 3. С. 36–64.

- Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. Симферополь, 1910. № 11. С. 442–543.
- Мурзакевич Н.Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 249–329.
- Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и острова Тамань // ЗООИД. 1883. № 13. С. 35–92.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830а. Т. 22. 1175 с.
- ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830б. Т. 24. 870 с.
- Рзаев В.П. Загадки российской нумизматики. Факты. Исследования. Версии. М.: Хобби Пресс, 2010. Т. 1. 307 с.
- Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г.; пер. с фр. К.И. Раткевич. Л.: Издание Ленинградского государственного университета, 1941. 79 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 110.
- РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 869.
- РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798.
- РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 1.
- РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 2.
- РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 1.
- РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 962. Ч. 4.
- РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 271.
- Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1841. Ч. 30. Отд. 2. С. 1–44.
- События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии); пер. караим Авр.[аам] Сам. [уилович] Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. М.: Университетская тип., 1856. Кн. 24: Материалы. С. 100–134.
- Смирнов В.Д. Таврическая монета (Очерк истории Феодосийского монетного двора) // Горный журнал, издаваемый Горным Ученым Комитетом. Т. II. Апрель.-Май.-Июнь. СПб., 1892. С. 300–459.
- [Фиркович З.А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. С. 104–105.
- Уздеников В.В. «Таврические монеты» // Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. М., 2001. С. 109–117.

REFERENCES

- Abkairov V.R. Tavricheskij monetnyj dvor. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2024, No. 2, pp. 5–11.
- Alekseev A.N. «Grecheskij proekt» imperatricy Ekateriny II i russkoe medal'ernoje iskusstvo Hranitel' Jermitazha. *Sbornik vospominanij i nauchnyh statej k 100-letiju so dnja rozhdenija I.G. Spasskogo (1904–1990)*. St. Petersburg, 2004, pp. 166–175.
- Brikner A.G. Puteshestvie imperatricy Ekateriny II v poludennyj kraj Rossii v 1787 godu. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1872, july. Ch. 162, part 2, pp. 1–51.

- Brikner A.G. *Potemkin*. St. Petersburg: izd-ie K.L. Rikera, 1891, 276, [4] p.
- Vodarskij Ja.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v konce XVIII – konce XX vekov (chislennost', razmeshhenie jetnicheskij sostav)*. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 2003. 159 p.
- Vinkler fon P. *Iz istorii monetnogo dela v Rossii. Tavrisheskaja moneta (1783–1788). (s portretom kn.[jazja] Gr.[igorija] Al.[eksandrovicha] Potemkina-Tavrisheskogo i 12 risunkami v tekste)*. St. Petersburg: tip. P.P. Sojkina, 1899, 462 p.
- Zapiski grafa [L.-F.] Segjura o prebyvanii ego v Rossii v carstvovanie Ekateriny II (1785–1789)*. St. Petersburg: tip. V.N. Majkova, 1865, 386, III p.
- Zander R. Feodosijskij (Tavrisheskij) monetnyj dvor: Zagadki i otkrytija. *Moskovskoe numizmaticheskoe obshhestvo. Numizmaticheskij sbornik*, No. 3. Moscow, 1994, pp. 85–102.
- Zverev S.V. Prichiny bytjushhego mnenija o perechekanke mednyh monet na feodosijskom monetnom dvore v 1787–1788 gg. *PriPONTijskij menjala: den'gi mestnogo rynka. Materialy nauchnoj konferencii. X Mezhdunarodnyj Numizmaticheskij Simpozium*. Simferopol', 2023, pp. 149–158.
- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. 792. Op. 1. D. 8.
- GARK. F. 792. Op. 1. D. 208.
- GARK. F. 799. Op. 1. D. 25.
- GARK. F. 802. Op. 1. D. 3.
- GARK. F. 802. Op. 1. D. 10.
- Kalinin V.A. Serija monet Ekateriny II 1787 g. s zagadochnoj legendoj «Carica Hersonisa Tavrisheskogo». *Trudy mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskaj konferencii “Feodosijskie nauchnye chtenija”*, 2017, No. 4, pp. 23–28.
- [Kireenko G.K.] Ob orderah knjazja Potemkina i grafa Zubova, hranjashhihsja v arhive Tavrisheskogo gubernskogo pravlenija (1784–1796) *ITUAK*. 2nd ed., 1897, No. 3, pp. 1–35.
- [Kireenko G.K.] Ordera knjazja Potemkina. 1787 god; Soobshh. Kireenko. *ITUAK*, 1888, No. 7, pp. 1–24.
- [Kireenko G.K.] Ordera knjazja Potemkina. 1788 god; Soobshh. Kireenko. *ITUAK*, 1890, No. 10, pp. 1–8.
- Kolli L. O sud'bah nekotoryh istoricheskikh zdanij v Starom Krymu i Feodosii. *ITUAK*, 1903, No. 35, pp. 10–17.
- [Lashkov F.F.] Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda (prodolzhenie). *ITUAK*, 1888, No. 7, pp. 25–45.
- Lashkov F.F. Istoricheskij ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladienija. *ITUAK*, 1896, No. 24, pp. 35–71.
- Lashkov F.F. O Kameral'nom opisanii Kryma. *ITUAK*. 2nd ed., 1897a, No. 2, pp. 20–33.
- [Lashkov F.F.] Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda. Soobshhenie F.F. Lashkova. *ITUAK*. 2nd ed, 1897b, No. 3, pp. 36–64.
- Markevich A.I. K voprosu o polozenii hristian v Krymu vo vremja tatarskogo vladychestva (istoricheskaja spravka) *Tavrisheskij cerkovno-obshhestvennyj vestnik*. Simferopol', 1910. No. 11. pp. 442–543.
- Murzakevich N.N. Rasporjazhenija svetlejshego knjazja Grigorija Aleksandrovicha Potemkina-Tavrisheskogo kasatel'no ustroenija Tavrisheskoj oblasti s 1781 po 1786 god. *ZOOID*, 1881, Vol. 12, pp. 249–329.
- Pallas P.S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i ostrova Taman'. *ZOOID*, 1883, No. 13, pp. 35–92.

- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Coll. 1. St. Petersburg: Tip. II Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830a, Vol. 22, 1175 p.
- PSZRI. Coll. 1. St. Petersburg: Tip. II Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830b, Vol. 24, 870 p.
- Rzaev V.P. *Zagadki rossijskoj numizmatiki. Fakty. Issledovanija. Versii*. Moscow: Hobbi Press, 2010, Vol. 1, 307 p.
- Romm Zh. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.*; transl. by K.I. Ratkevich. Leningrad: Izdanie Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1941, 79 p.
- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 2. Op. 1. D. 110.
- RGADA. F. 11. Op. 1. D. 869.
- RGADA. F. 16. Op. 1. D. 798.
- RGADA. F. 16. Op. 1. D. 799. Ch. 1.
- RGADA. F. 16. Op. 1. D. 799. Ch. 2.
- RGADA. F. 16. Op. 1. D. 962. Ch. 1.
- RGADA. F. 16. Op. 1. D. 962. Ch. 4.
- RGADA. F. 20. Op. 1. D. 271.
- Skal'kovskij A.A. Zanjatie Kryma v 1783 g. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*. St. Petersburg, 1841, Ch. 30, Part 2. S. 100–134.
- Sobytiya, sluchivshiesja v Krymu v carstvovanie Shagin-Girej-hana (Perevod s evrejskoj rukopisi sochinenoj karaimom Rabbi-Azar'ja synom Ilii); per. karaim Avr.[aam] Sam.[uilovich] Firkovich. *Vremennik imperatorskogo Obshhestva Istorii i Drevnostej Rossijskih*. Moscow: Universitetskaja tip., 1856, Book 24: Materialy, pp. 100–134.
- Smirnov V.D. Tavricheskaja moneta (Ocherk istorii Feodosijskogo monetnogo dvora). *Gornyj zhurnal, izdavaemyj Gornym Uchenym Komitetom*, Vol. 2. Aprel'.-Maj.-Ijun'. St. Petersburg, 1892, pp. 300–459.
- [Firkovich Z.A.] Sbornik starinnyh gramot i uzakonenij Rossijskoj imperii kasatel'no prav i sostojanija russko-poddannyh karaimov. St. Petersburg: Leshtukovskaja Parovaja Skoropechatnja P.O.Jablonskogo, 1890, pp. 104–105.
- Uzdenikov V.V. «Tavricheskie monety». *Monety Rossii XVIII – nachala XX veka. Oчерki po numizmatike*. Moscow, 2001, pp. 109–117.

Приложение № 1

ОПИСЬ СОСТОЯЩЕМУ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИГОРОДЕ ФЕОДОСИИ МОНЕТНОМУ ДВОРУ, ИМЕВШИМСЯ В НЕМ МАШИНАМ, ИНСТРУМЕНТАМ И ПРИПАСАМ, А ИМЕННО:

Строения

1. Связи об одном жилье

В ней 7 покоев, 2 кухни с двумя печами и одним очагом, окон без рам и стекол 19, в них деревянных затворов 13, сеней 2, 11 дверей, в числе оных покоев 1 покой без потолков и полов.

2. Связи о двух жильях

В нижнем 1 покой с комельком, одни сени, 3 окна без рам и стекол, 2 деревянных затвора, 2 малых шкафа, одни двери, одна для входу в верхний покой лестница.

В верхнем 1 покой с комельком, окон без рам и стекол 6, затворов деревянных 6, шкафов деревянных 2, дверь одна.

3. Связи о двух жильях

В нижнем мастерских палат 6, окон без рам и стекол 20, одна домна, одна печь, и один комелек, железных решеток 20, затворов деревянных 15, дверей 7, и снаружи для входу вверху два крыльца без перил.

В верхнем мастерских палат 2, дверей 2.

4. Связи о двух жильях

В нижнем мастерских палат 5, сени 1, дверей 6, окон без рам и стекол 14, затворов деревянных 3, решеток железных 13, дверей 3, один горн и для выходу в двух две лестницы.

5. Связи об одном жильье

В ней 3 покоя и одни сени без полов, окон без рам и стекол 6, две двери.

6. Связи о двух жильях

В нижнем 5 покоев, двое сеней, 5 комельков, окон без рам и стекол 15, затворов деревянных 9, дверей 7, одна для входу верх лестница, полов нет.

В верхнем 5 покоев, две сени, комелек 1, окон без рам и стекол 10, затворов деревянных 8, дверей 6.

7. Связи об одном жильье

Сеней <...> кузница с горном, одна большая взломанная печь, окон без рам и стекол 6, дверей 3, полов нет.

В 8 связи конюшен, и сараев 4 с одними воротами.

Да за двором одна небольшая конюшня.

Дворец недостроенный о трех жильях

В нижнем 9, в среднем 12, в верхнем 10 покоев.

Все вышепоказанные строения в рассуждении ветхости требуют большого поправления.

Приложение № 2

[ОПИСЬ] МАШИНАМ, ИНСТРУМЕНТАМ И ПРИПАСАМ:

		число	пудов	фунтов
1.	Плащиленных станов (оные станы по употреблению вперед негодны)	6		

2.	Обрезных станов (в оных станах нутры и приборы негодны)	13		
3.	Гуртиленных станов (в употреблении вперед негодны)	6		
4.	Печатных станов (в том числе один взломанный, а в прочих нутры и приборы негодны)	5		
5.	Разных печатных станов (к употреблению негодны)	3		
6.	Токарных станов (один негоден, другой требует починки)	2		
7.	Плащиленных валов (ко употреблению негодны)	40		
8.	Обрезных железных досок (к употреблению негодны)	10		
9.	Шестерней деревянных (ко употреблению негодны)	4		
10.	Мишеней железных (ко употреблению негодны)	8		
11.	Цепей железных (ко употреблению негодны)	23		
12.	Ключей железных к разным машинам	14		
13.	Накладок пружинных (ко употреблению негодны)	2		
14.	Молотов железных (все ветхи)	58		
15.	Пестиков обрезных (ко употреблению негодны)	14		
16.	Винтов железных (ко употреблению негодны)	55		
17.	Подставка чеканная (ко употреблению негодна)	1		
18.	Наковален железных (в том числе ломаная одна)	2		
19.	Жетон железный (ко употреблению негоден)	1		
20.	<...> ¹⁰ железный (ко употреблению негоден)	1		
21.	Резцов железных (ко употреблению негодны)	18		
22.	Линейка железная (ко употреблению негодна)	1		
23.	Буравцов железных	4		
24.	Лопат железных (оние ветхи)	2		
25.	Кочерег железных (ко употреблению негодны)	7		
26.	Клещей железных (оние все ветхи)	17		
27.	Корыт железных (ко употреблению негодны)	3		
28.	Обушница железная (ко употреблению негодна)	1		
29.	Гвоздильня железная	1		
30.	Зубильев молотовых (ко употреблению ветхи)	2		
31.	Машинный винт железный	1		
32.	Досок медных (годны употребить в плавку)	5		
33.	Сверл литейных (оние все ветхи)	16		
34.	Тисок железных (оние ветхи)	2		

¹⁰ Неразборчиво

35.	Пил разных (ко употреблению негодны)	26		
36.	Гаск железных (ко употреблению негодны)	2		
37.	Винтопильных досок	2		
38.	Пружин машинных (в том числе ломанная одна)	9		
39.	Форм гуртильных (ко употреблению негодны)	47		
40.	Мехов разных (в том числе негодных 9, требующих починки и приделии 3)	13		
41.	Решето железное (ко употреблению негодно)	1		
42.	Уполовников железных (ко употреблению негодны)	33		
43.	Опора деревянная (ко употреблению негодна)	1		
44.	Винт большой ломаный (ко употреблению негоден)	1		
45.	Коромысло без чашек (ко употреблению негодно)	1		
46.	Пробирные весы с медными чашами в корпусе (ветхи)	1		
47.	Гирь свинцовых (годны в сплавку)	14		
48.	Чашек, кувшинов и тазов медных (годны в сплавку)	13		
49.	Гайка машинная медная с винтом железным (ко употреблению негодна)	1		
50.	Труб медных б[ез] мехов (ко употреблению негодны)	6		
51.	Винтов деревянных (ко употреблению негодны)	2		
52.	Заслонок железных (все ветхие)	3		
53.	Чеканов больших и малых (ко употреблению негодны)	114		
54.	Штемпелей оручных печатных станов (ко употреблению негодны)	4		
55.	Прессов железных (ко употреблению негодны)	4		
56.	Маленькие весы (ветхи)	1		
57.	Ящик деревянный (оний ветх)	1		
58.	Большое железное коромысло с медными цепями и чашами (требует починки)	1		
59.	Кадушек с малым числом соли (ко употреблению негодны)	4		
60.	Бочка с малым числом пороху (оная негодна)	1		
61.	Шишка медная дутая (оная негодна)	1		
62.	Бочка железом окованная <...> (оная негодна)	1		
63.	Подплащенными машинами деревянное с зубьями колесо (оное ветхо)	1		
64.	Кадок деревянных негодных	2		
65.	Таган с четырьмя кочергами железными	1		
66.	Железо в лому		62	

67.	Меди зеленой		5	30
68.	Железных полос	4		
69.	Меди красной		4	28
70.	Свинцу	49		
71.	Стали в прутиках		7	30
72.	Медных обрезных кружков			3 ½
73.	Ханских печатанных копеек	22		
74.	Сундук деревянный ветхий	1		

Писал описи <...>¹¹ Вятского пехотного полку прапорщик Губа Прядской.

Показанные в сей описи строения машины и инструменты принял Кефинского монетного дворе правитель надворный советник Иван Затлер.

При сдаче оных вещей был секунд-майор Христофор Туманов.

Сия опись потом не [была] послана к Его Светлости, [потому] что он сам го-сподин правитель Затлер просил [...] отправлена [...] прислано от г-на генерал-майора барона Розена [...] представлена за общих подписей.

ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10. Л. 53–56 об., 60–62 об. Подлинник.

Резюме

Важной задачей российских властей после присоединения Крыма к России в 1783 г. стала организация административного управления новыми территориями. Одним из первоочередных шагов по обеспечению хозяйственного освоения региона, направленному на скорейшее его встраивание в систему финансово-экономических отношений в Российской империи, являлась реорганизация монетного двора последнего крымского хана Шагин-Гирея и создание на его основе Феодосийского монетного двора, предназначенного для выпуска российской монеты. В публикации рассмотрены процесс создания и этапы деятельности Феодосийского монетного двора, проанализированы указы, распоряжения и постановления, изданные в связи с мероприятиями по обеспечению его работы. В материалах фондов Государственного архива Республики Крым и Российского государственного архива древних актов (часть из которых вводится в научный оборот впервые) содержатся ценные сведения о нормативно-правовой документации, придававшей работе Феодосийского монетного двора необходимую легитимность и регулировавшей его деятельность. Также проанализированы сведения, отражающие специфику бюрократического управления, приведены данные о составе служащих монетного двора и о его руководстве. В сохранившихся материалах были выявлены сведения о функциях, возложенных на управляющего монетным двором, а также о шагах, которые предпринимались для оптимизации выпуска продукции.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, Таврическая область, Феодосийский монетный двор, нормативно-правовая документация, монетное производство, таврическая монета.

¹¹ Неразборчиво

Summary

An important task of the Russian authorities after the annexation of Crimea to Russia in 1783 was the organization of administrative management of the new territories. One of the steps to ensure the economic development of the region, aimed at its rapid integration into the system of financial and economic relations in the Russian Empire, was the reorganization of the mint of the last Crimean Khan Shagin-Girey and the creation on its basis of the Theodosia Mint, intended for the issue of Russian coins. The publication examines the process of creation and stages of the Theodosia Mint, analyzes decrees, orders and regulations issued in connection with measures to ensure its operation. The materials of the funds of the State Archive of the Republic of Crimea and the Russian State Archive of Ancient Acts (some of which are introduced into scientific circulation for the first time) contain valuable information on the regulatory and legal documentation that gave the work of the Theodosia Mint the necessary legitimacy and regulated its activities. The data reflecting the specifics of bureaucratic management were analyzed also, data on the composition of the mint employees and its management were provided. The surviving materials revealed information on the functions assigned to the mint manager, as well as on the steps taken to normalize production output.

Key words: Russian Empire, Crimea, Taurida region, Theodosia mint, legal documentation, coin production, Taurida coin.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д.и.н.
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, "
институт «Таврическая академия»,
исторический факультет,
кафедра управления документами, архивами
и организации работы с молодежью,
профессор
prohorov1da@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Prokhorov, DSc
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute "Taurida Academy",
Faculty of History, Department of Document Management,
Archives and Organization of Work with Youth,
Professor
prohorov1da@yandex.ru

ПУБЛИКАЦИИ

В.Н. ЗИНЬКО, А.В. ЗИНЬКО

V.N. ZIN'KO, A.V. ZIN'KO

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ НИМФЕЯ

NEW RESEARCH ON THE NYMPHAEUM NECROPOLIS

В 2022 г. проводились охранные археологические раскопки на двух больших участках курганно-грунтового некрополя боспорского города Нимфей. Один из них располагался на северной окраине некрополя, а другой на восточной [Зинько и др., 2023]. Археологические исследования в северной части некрополя ранее не проводились, лишь в 1975-1976 гг. наблюдения и зачистки разрушенных могил производил сотрудник Керченского историко-археологического музея С.А. Шестаков. Он вел работы на практически полностью уничтоженном участке, попавшем в пределы строительства коллектора очистных сооружений на северной окраине некрополя. Общая площадь участка в пределах котлована под коллектор составила около 3 тыс. кв. м. Здесь было выявлено 13 грунтовых могил, вырубленных в известняковой скале. Все погребения были частично разрушены котлованом или ограблены в древности и относились к двум хронологическим периодам – IV в. до н.э. и III-IV вв. н.э. [Шестаков, 2011, с. 287-290]. Наши работы проводились на полосе исследования длиной 608 м и шириной 4 м. На момент начала археологических раскопок эта часть некрополя Нимфея поросла сорными травами и отдельными кустарниками. С юга исследуемый участок ограничен грунтовой дорогой, а с севера – обрывистым берегом не действующего нижнего Чурбашского отстойника технической воды. В античную эпоху на территории отстойника располагалась дельта реки Чурубашки, впадавшей здесь в древний морской залив [Зинько и др., 2011; Поротов, Зинько, 2013]. Перед началом исследований участок, попадающий под строительство водовода, был расчищен от травы и мелкого кустарника. На исследуемой территории было заложено 152 археологических квадратов размерами 4 x 4 м (рис.1), ширина разделяющих их стратиграфических бровок – 0,40 м. Нумерация квадратов цифровая, ввелась с запада на восток. За нулевую отметку был принят кол в юго-западном углу квадрата № 1 с GPS-координатами 45°14'22.28"C / 36°24'52.64"В.

Стратиграфия на всем участке проведения раскопок была представлена следующим образом. Сверху располагался слой подсыпки грунтовой дороги, который состоял из щебеночно-глинистых и тырсовых привозных подсыпок, мощностью, в зависимости от рельефа, до 0,10 – 0,20 м. Его подстилал гумусный слой, который сформировался до сооружения грунтовой дороги. Мощность этого слоя, в зависимости от рельефа, составляет 0,10 – 0,15 м. Ниже располагался слой светло-коричневого

суглинка, мощность которого колеблется в пределах 0,35 – 0,70 м. Ниже располагались пласты материкового рыхлого известняка, зачищенного на различных участках на глубине от 1,05 м до 1,25 м. Такая стратиграфия в целом была характерна для всех раскопанных квадратов.

Могила № М-01/2022 была обнаружена в центральной части квадрата № 98 на глубине 1,20 м по темному пятну заполнения. Могильная яма вырублена в рыхлой белой известняковой скале на глубину до 0,25 м, имеет прямоугольную форму, размерами 0,91 x 0,43 м и вытянута с В-СВ на З-ЮЗ (рис.2; рис.3). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы неровные. На дне могилы № М-01/2022 расчищены очень плохой сохранности кости одного погребенного *in situ*. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп грацильный, полностью разрушенный. Плечевые кости, пара, грацильные. Локтевые и лучевые кости грацильные, размеры утрачены. Бедренные кости умеренно массивные. Подросток 10-12 лет, пол не определен¹.

В могиле М-01/2022 был выявлен немногочисленный погребальный инвентарь (рис.4). Возле черепа костяка в юго-восточном углу могилы найден раздавленный красноглиняный кувшин высотой 10,6 см с утраченной ручкой, датируемый IV в. до н.э. (рис.4,1). Под кувшином были найдены фрагмент бронзовой витой серьги (рис.4,2), бронзовая подвеска в виде амфорки высота – 3,7 см (рис.4,3) и бронзовое кольцо (рис.4,4).

Судя по инвентарю погребение девушки в могиле М-01/2022 может быть датировано IV-III вв. до н.э.

В центре квадрата № 96 в известняковой скале на глубине 1,10-1,15 м было выявлено большое темного пятно заполнения погребального сооружения, вытянутое с запада на восток более чем на 3 м. Первоначально было предположено, что здесь располагается три могилы. Однако, в ходе раскопок было обнаружено два погребальных сооружения: М-02/2022 и М-03/2022.

Могила М-02/2022 представляла собой вырубленный в известняковой скале склеп, состоящий из дромоса и погребальной камеры (рис.5-6). Дромос располагался с западной стороны и был ориентирован по оси восток – запад (рис.7-8). Его длина составляла 1,32 м, а ширина – 0,58 м. На дне дромоса было вырублено две ступени, с понижением в сторону погребальной камеры. Вход в погребальную камеру был вырублен в западной стенке и был закрыт большой под прямоугольной известняковой плитой размерами 0,57 x 0,63 x 0,15 м, которая сохранилась *in situ*. Пол погребальной камеры был на 0,44-0,48 м ниже пола дромоса. Погребальная камера была перекрыта четырьмя большими необработанными известняковыми плитами размерами до 1,34 x 0,67 x 0,18 м, которые провалились во внутрь камеры и лежали на разных уровнях. Прямоугольная погребальная камера, со слегка закругленными углами, была ориен-

¹ Определение антропологического материала из погребений проведены В.Ю. Радочным, которого авторы искренне благодарят.

тирована по линии запад – восток и имела размеры 1,91 x 1,05 м. Высота вырубленных в скале стенок составляла 0,75 – 0,83 м. Возле юго-западного угла камеры часть южной стенки в скале отсутствовало, т.к. ранее здесь была вырублена погребальная яма могилы М-03/2022. В образовавшуюся дыру в стене была поставлена большая необработанная известняковая плита размерами 0,61 x 0,49 x 0,14 м, расклиненная возле западной стенки двумя камнями. На дне расчищены плохой сохранности кости двух погребенных.

Вдоль северной стены камеры сохранился в плохом состоянии костяк 1 (рис.6-7). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп грацильный, разрушенный. Ключицы грацильные, изгиб выражен умеренно, костный рельеф слабый. Плечевые кости грацильные, разрушенные. Локтевые кости грацильные, разрушенные, костный рельеф выражен умеренно. Тазовые кости женские, разрушенные. Бедренные кости грацильные. По определению В.Ю. Радочина - погребение женщины в возрасте 23-25 лет.

Вдоль южной стены камеры сохранился в плохом состоянии костяк 2 (рис.6-7). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп массивный, разрушенный, нижняя челюсть массивная, округлая. Плечевые кости массивные, хорошо выражена дельтовидная бугристость. Тазовые кости массивные, мужские. Большеберцовые кости массивные, линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Малоберцовые кости, массивные, разрушенные. По определению В.Ю. Радочина - погребение мужчины в возрасте 25-30 лет.

В могиле М-02 был выявлен немногочисленный погребальный инвентарь (рис.9). Возле черепа костяка 2 в юго-восточном углу погребальной камеры склепа найден красноглиняный кувшин высотой 13,3 см, датируемый IV в. до н.э. (рис.9:5). Также возле черепа костяка 2, но уже в северо-восточном углу погребальной камеры найдены две однотипные бронзовые монеты Пантикапея около 314-310 гг. до н.э., на лицевой стороне – голова безбородого сатира, на оборотной стороне – надпись ПАН и протома грифона вправо (рис.9:6,8) [Анохин, 1986, № 112]. Третья бронзовая монета Пантикапея 314-310 гг. до н.э. (рис.9:7), аналогичная первым двум, найдена возле тазовых костей костяка 2, а в ногах – многочисленные мелкие фрагменты красноглиняного алабастра IV в. до н.э.

Парное погребение в склепе М-02 может быть датировано последними десятилетиями IV вв. до н.э.

Могилы М-03/2022 была частично разрушена при сооружении склепа М-03/2022 (рис.5). Могильная яма вырублена в рыхлой белой известняковой скале на глубину до 0,63 м, вытянута с севера на юг и имела прямоугольную форму, шириной до 0,67 м и (рис.7). В длину в южной части сохранилась до 0,73 м, а северная часть могильной ямы уничтожена при сооружении погребальной камеры склепа М-02/2022. Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы неровные. Кости и погребальный инвентарь в могиле М-03/2022 отсутствуют.

Могила М-04/2022 была выявлена возле южного борта квадрата № 93 по темному пятну заполнения на глубине 1,15 м. Могильная яма вырублена в рыхлом известняке на глубину до 0,46 м, имеет прямоугольную форму, размерами 2,07 x 0,91 м и вытянута с востока на запад (рис.10-11). Юго-восточный угол могильной ямы частично заходит в южный борт квадрата № 93. Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. Следов костных остатков не выявлено. Погребальный инвентарь отсутствовал, лишь в заполнении встречены 12 фрагментов стенок эллинистических амфор и 1 небольшой фрагмент венчика красноглиняного кувшина. Могила М-04/2022 следует датировать эллинистическим временем.

Могила М-05/2022 была выявлена возле южного борта квадрата № 90 по темному пятну заполнения на глубине 1,15 м². Могильная яма глубиной 0,65 м, вырублена в известняке, имеет прямоугольную форму размерами 2,38 x 1,12 м, и вытянута с востока на запад с небольшим отклонением к югу (рис.12; рис.13). Юго-восточный угол могилы частично заходит за южный борт квадрата. Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в известняке стенки и дно могильной ямы ровные и тщательно обработаны.

Костные остатки многочисленных погребенных были расположены вперемешку в юго-восточном углу могилы М-05/2022. Лишь в центральной части могилы in situ лежали кости ног двух человек: взрослого и к северу от него подростка. По определению антрополога в могиле М-05/2022 выявлено: 9 черепов, из которых четыре – мужские, три – женские и два – детские, в также фрагменты ключиц, лопаток, плечевых, локтевых и лучевых костей, тазовые и крестцовые кости, а также кости ног.

В могиле М-05/2022 был найден немногочисленный погребальный инвентарь (рис.9:1-4). Возле костей ног в центральной части могилы найдены фрагменты металлического стригеля IV в. до н.э. (рис.9:3) и бронзовый браслет диаметром 14,5 см (рис.9:1). В восточной части могилы – бронзовая лучковая фибула IV-III вв. до н.э. (рис.9:2) и нечитаемая бронзовая монета Пантикапея (рис.9:4). Предварительно М-05/2022 может быть датирована IV-III в. до н.э.

Могила М-06/2022 было обнаружена возле северного борта квадрата № 117 по темному пятну заполнения на глубине 1,38 м от современной дневной поверхности. Могильная яма вырублена в рыхлом известняке на глубину 0,24 м и имеет под прямоугольную форму, размерами 2,87 x 1.26 м, вытянута с востока на запад (рис.14; рис.15). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. В заполнении встречены небольшие фрагменты стенок эллинистических амфор в количестве 43 шт.

² Зачистки в квадратах №№ 91-105 были проведены раньше, чем в кв.№ 90, и в результате в этих квадратах были открыты погребальные сооружения, получившие порядковые №№ М-01, М-02, М-03, М-04. Поэтому, открытый несколько позднее в квадрате №90 погребальный комплекс получил наименование М-05/2022.

На каменном дне могилы расчищены плохой сохранности *in situ* кости двух погребенных. Вдоль северной стены могилы сохранился в плохом состоянии костяк 1. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп разрушенный. Ключицы грацильные, изгиб слабый. Плечевые кости грацильные. Очень хорошо выражена дельтовидная бугристость и латеральный край. Локтевые кости разрушенные, костный рельеф выражен умеренно. Тазовые кости женские. По определению В.Ю. Радочина - погребение женское в возрасте 30-35 лет.

Вдоль южной стены могилы сохранился в плохом состоянии костяк 2. Погребение совершено в вытянутом положении, головой на восток. Череп массивный, разрушенный, нижняя челюсть массивная, округлая. Плечевые кости очень массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость и латеральный край. Тазовые кости массивные, мужские. Большеберцовые кости массивные, линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Малоберцовые кости, массивные, разрушенные. По определению антрополога - погребение мужское в возрасте 35-40 лет.

В могиле М-06/2022 был найден немногочисленный погребальный инвентарь. Возле тазовых костей костяка 1 найден сероглиняный кувшин высотой 15,8 см, датируемый второй половиной IV в. до н.э. (рис.16), а возле черепа - бронзовая монета Пантикапея около 314-310 гг. до н.э., с изображением на лицевой стороне – голова безбородого сатира, на оборотной стороне – надпись ПАН и протома грифона вправо (рис.17:2) [Анохин, 1986, № 112]. Возле тазовых костей костяка 2 найден раздавленный красноглиняный кувшин высотой 18 см, датируемый IV в. до н.э. (рис.17:1), а возле черепа – еще одна бронзовая монета Пантикапея около 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 112] (рис.17:4). Парное погребение в могиле М-06/2022 можно датировать последними десятилетиями IV в. до н.э.

Могила М-07/202 была выявлена в северо-западном углу квадрата № 122 по темному пятну заполнения в материковой скале на глубине 1,10 м. Могильная яма, представляющая собой «яму с заплечиками», вырублена в рыхлом известняке на глубину до 0,87 м и имеет прямоугольную форму. Размеры по верхнему обводу 2,21 x 1,18 м, а по нижнему – 1,52 x 0,47 м (рис.18, рис.19). Она ориентирована по линии ЗСЗ - ВЮВ. Северо-западный угол могилы частично заходит в северный борт квадрата № 122, поэтому здесь была сделана прирезка. Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. Следов костных остатков не выявлено. Погребальный инвентарь отсутствовал, лишь в заполнении встречены 7 фрагментов стенок эллинистических амфор. Могила № М-07/2022 предварительно можно датировать эллинистическим временем.

Могила М-08/2022 была обнаружена в северо-западном углу квадрата № 124 по темному пятну заполнения на глубине 1,02 м. Могильная яма вырублена в рыхлом известняке на глубину 0,34 м и имеет под прямоугольную форму, размерами 2,26 x 0,88 м, вытянута с северо-востока на юго-запад (рис.20; рис.21). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не

ровные. в заполнении встречены 19 фрагментов стенок эллинистических амфор. На каменном дне могилы расчищены плохой сохранности *in situ* кости одного погребенного.

Погребение совершено в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп грацильный, нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Ключицы массивные, плечевые кости умеренно массивные. Тазовые кости массивные, разрушенные. Бедренные кости массивные, хорошо выражены пиластр, большой и малый вертелы. Погребение, по определению В.Ю. Радочина, мужское.

В могиле М-08/2022 был выявлен немногочисленный погребальный инвентарь. Возле черепа найдена в плохом состоянии бронзовая монета Пантикапея около 314-310 гг. до н.э., с изображением на лицевой стороне – голова безбородого сатира, на оборотной стороне – надпись ПАН и протома грифона вправо [Анохин, 1986, № 112] (рис.17:5), а возле левой ступни сильно коррозированная бронзовая пластина длиной 17 см и шириной до 4 см. Погребение в могиле М-08/2022 может быть датировано последними десятилетиями IV в. до н.э.

Могила М-09/2022 была обнаружена при зачистке уровня известняковой скалы возле южного борта квадрата № 130 на глубине 1,05 м от современной дневной поверхности, по темному пятну заполнения. Могильная яма вырублена в рыхлой известняковой скале и имеет прямоугольную форму, размерами 2,87 x 1,23 м и глубиной 0,80-0,65 м, вытянута с востока-северо-востока на запад-юго-запад (рис.22). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. В заполнении могильной ямы встречены 17 небольших фрагментов стенок эллинистических амфор. На каменном дне могилы расчищены плохой сохранности *in situ* кости одного погребенного.

Погребение совершено в вытянутом положении, головой на восток-северо-восток. Череп массивный, полностью разрушенный. Нижняя челюсть массивная, разрушенная, треугольной формы. По определению В.Ю. Радочина, состояние зубной системы соотносится с возрастом в 20-25 лет. Плечевые кости массивные, хорошо выражены дельтовидная бугристость. Тазовые кости массивные, мужские, разрушенные. Бедренные кости массивные, костный рельеф выражен умеренно. В области локтевой вырезки левой лучевой кости отмечено проникающее ранение тонким острым предметом, на глубину до 3 мм. Наконечник железного предмета остался в кости. Следов облитерации не отмечено. Судя по всему, это фрагмент железного наконечника стрелы.

В могиле М-09/2022 был выявлен немногочисленный погребальный инвентарь. Возле черепа погребенного найдена одна бронзовая монета Пантикапея, на лицевой стороне которой изображена голова безбородого сатира, повернутая вправо, а на оборотной стороне – надпись «ΠΑΝΤΙ» и горит (рис.17:3). На другой монете на лицевой стороне сохранилось аналогичное изображение головы безбородого сатира,

а на оборотной – протома пегаса вправо и надпись «ΠΑΝ» (рис.17:6). Согласно В.А.Анохину обе пантикапейские монеты мелкого номинала: первая – халк, а вторая – дихалк и датируются временем около 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с.140, №112, №113; табл.3] Судя по «оболам Харона» погребение в могиле М-09/2022 можно датировать последним десятилетием IV в. до н.э. [Зинько А., Петин, 2024].

Могила М-10/2022 была выявлена возле северо-восточной бровки квадрата №144 по темному пятну заполнения на глубине 1,18 м. Могильная яма вырублена в рыхлом известняке на глубину 0,30 м, имеет под прямоугольную форму, размерами 1,48 x 0,62 м, и вытянута с востока на запад (рис.23). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. На каменном дне могилы расчищена *in situ* лишь один фрагмент бедренной кости погребенного, судя по нему погребение было ориентировано головой на восток.

В могиле М-10/2022 погребальный инвентарь отсутствовал, лишь в заполнении выявлено 12 фрагментов стенок эллинистических амфор, а также по одному фрагменту ручек амфор Фасоса, Хиоса и Менды. Судя по этим фрагментам керамики могилу М-10/2022 можно датировать IV в. до н.э.

Могила М-11/2022 была обнаружена возле северо-западного борта квадрата №146 на глубине 1,25 м. Могильная яма вырублена в рыхлом известняке на глубину 0,07 м, имеет под прямоугольную форму, размерами 1,76 x 0,61 м, и вытянута с северо-востока на юго-запад (рис.24). Следов перекрытия не выявлено. Вырубленные в рыхлом известняке стенки и дно могильной ямы не ровные. На каменном дне могилы расчищены плохой сохранности *in situ* кости одного погребенного.

Погребение совершено в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп грацильный, полностью разрушенный. Нижняя челюсть треугольной формы. По определению В.Ю. Радочина, состояние зубной системы соотносится с 25-30 годами. Крестец женский, разрушенный. Тазовые кости женские, разрушенные.

Погребальный инвентарь отсутствовал. Предварительно погребение в могиле М-11/2022 может быть датировано IV-III вв. до н.э.

Могила М-012/2022 была обнаружена в квадрате № 152 в самом конце исследуемой линии квадратов. Здесь в верхнем горизонте суглинка было зачищено каменное перекрытие погребального сооружения, вытянутого с востока на запад. Перекрытие располагалось на глубине 0,30-0,35 м и состояло из большой раздавленной на три части прямоугольной плиты размерами 1,25 x 1,08 м, толщиной 0,25. В центральной части перекрытия камни отсутствовали и лишь возле западной стенки сохранилось четыре небольших фрагментов известняковых плит. После снятия перекрытия был расчищен каменный ящик, размерами 2,38 x 1,17 м и ориентированный по линии восток – запад. Он был сооруженный из 6-ти хорошо обработанных известняковых плит (рис.25). Каждая из боковых стенок каменного ящика состояли из двух прямоугольных известняковых плит размерами: северная – 1,18 x 0,80 x 0,25 м и 1,12 x 0,78 x 0,25 м; южная – 1,38 x 0,80 x 0,23 м и 0,78 x 0,75 x 0,23 м. Восточная поперечная стенка каменного

ящика имела размеры 0,85 x 0,72 x 0,18 м, а западная – 0,81 x 0,70 x 0,17 м. Дном для каменного ящика на глубине 1,38 м служила материковая известняковая скала.

Костных остатков в каменном ящике не выявлено. Погребальный инвентарь отсутствовал. Судя по конструкции и стратиграфии могилу М-012/2022 можно датировать раннесредневековым временем.

Второй участок, на котором проводились археологические раскопки на полосе исследований длиной 588 м, располагался вдоль восточной окраины нимфейского некрополя (рис.26). На момент начала полевых работ эта часть территории памятника – некрополя Нимфея поросла сорными травами, а до 1990-х гг. здесь находились поля для посева зерновых культур рыбколхоза «Жемчужина моря». С востока исследуемый участок ограничен грунтовой дорогой и приусадебными участками частных домовладений по ул.Рубежной.

Перед началом полевых работ участок, попадающий под отвод строительства газопровода, был расчищен от травы и бытового мусора. На исследуемой территории было заложено 147 археологических квадратов размерами 4 x 4 м, ширина разделяющих их стратиграфических бровок – 0,40 м. Нумерация квадратов цифровая, велась с юга на север. Квадрат № 1 был заложен в южной части, в непосредственной близости от площадки с газгольдером. В ходе раскопок были исследованы следующие археологические объекты: 55 хозяйственных ям, небольшой ров, 3 зольника и 5 грунтовых могил. Хозяйственные ямы сосредоточены в южных и центральных раскопанных квадратах, в некоторых из которых были выявлены участки культурного слоя. Группа из трех зольников, диаметром до 6 м, была исследована в квадратах №№ 22-25, ограниченных с юга небольшим рвом. Все эти объекты, судя по многочисленным находкам, датируются концом VI – первой половиной III вв. до н.э.³ Их следует относить к поселению Эльтиген-Западное, являющегося юго-западным пригородом Нимфея, и занимающего значительную территорию. В северной части раскопанной линии квадратов были выявлены пять грунтовых могил нимфейского некрополя.

Могила М-013/2022 была выявлена в северном углу квадрата № 110 по темному пятну заполнения в материковой глине «белоглазке» на глубине 0,50 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 1,79 x 0,49 м и глубиной 0,20-0,26 м, и вытянута с В-ЮВ на З-СЗ (рис.27). Южный борт могильной ямы разрушен современной траншеей, пересекающей квадрат № 110 по линии В-ЮВ – З-СЗ. Погребенный ориентирован головой ВЮВ, а остальные кости не в анатомическом порядке и сосредоточены в восточной части дна могилы. Вероятно, они были передвинуты при прокладке траншеи. Полученный материал соотносится В.Ю. Радочиным с одним погребенным взрослым индивидом женского пола в возрасте 25-35 лет. Погребение безинвентарное, однако, суда по стратиграфии, может быть датировано античным временем.

Могила М-014/2022 была обнаружена в соседнем квадрате № 111, в его цен-

³ Эти материалы будут рассмотрены в отдельной публикации.

тральной части, по темному пятну заполнения в материковой глине «белоглазке» на глубине 0,62-0,68 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 1,21 x 0,69 м и глубиной 0,21-0,24 м, вытянута с В-ЮВ на З-СЗ (рис.28). Погребенный ориентирован головой на В-ЮВ, кости скелета в анатомическом порядке. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, правая рука погребенного была слегка согнута в правых плечевом и локтевом суставах. По определению В.Ю. Радочина - погребение девочки в возрасте 7-8 лет. Погребение безинвентарное, однако, суда по стратиграфии, может быть датировано античным временем.

Могила М-015/2022 была выявлена в центральной части квадрата № 117 по темному пятну заполнения в материковой глине «белоглазке» на глубине 0,62 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 1,84 x 0,62 м и глубиной 0,14-0,19 м, вытянута с северо-востока на юго-запад (рис.29). Погребенный ориентирован головой на северо-восток, кости скелета в анатомическом порядке. Руки погребенного были слегка согнуты в плечевом и локтевом суставах. Левая рука была вытянута по продольной оси погребения. Правая кисть была уложена ладонной поверхностью вниз. Левая, ладонная поверхность кисти, была обращена к левому тазобедренному суставу. По определению антрополога - погребение мужчины в возрасте 35-45 лет. В восточном углу могильной ямы выявлен лежащая на боку ионийская ольпа с отбитым горлом и полосами черного лака (рис.33), датируемый V в. до н.э. Этим же временем можно датировать и само погребение.

Могила М-016/2022 была исследована в западном углу квадрата № 121 в материковой глине «белоглазке» на глубине 0,80 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 1,69 x 0,52 м и глубиной 0,19 м, вытянута с северо-запада на юго-восток (рис.30). Погребенный ориентирован головой на юго-восток, кости скелета в анатомическом порядке. Погребение совершено в вытянутом положении на спине. Положение костей рук вытянутое, по продольной оси погребения. Правая кисть погребенного была обращена ладонной поверхностью вниз. Левая кисть была обращена ладонной поверхностью к тазобедренному суставу. Череп массивный, разрушенный. По определению антрополога - погребение мужчины в возрасте 20-25 лет. Погребение безинвентарное. Предположительно может быть датировано эллинистическим временем.

Могила М-017/2022 была выявлена в южном углу квадрата № 122 по темному пятну заполнения в материковой глине «белоглазке» на глубине 0,76 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 1,78 x 0,63 м и глубиной 0,15 м, вытянута с северо-запада на юго-восток (рис.31). Дно ровное и зачищено в материке на уровне – 822. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе. Кости правой кисти находились в области правого плечевого сустава и перекрывают правую ключицу. Левая рука погребенного была согнута в плечевом и локтевом суставах. Кости левой кисти находились в области переднего подбородочного края. Череп повернут и виден левой боковой поверхностью. Правая нога была вытянута по про-

дольной оси погребения. Левая нога погребенного была слегка согнута в тазобедренном и коленном суставах, касаясь правого коленного сустава. По определению В.Ю.Радочина - погребение мужчины в возрасте 30-40 лет. Погребение безинвентарное. Предположительно может быть датировано эллинистическим временем.

Исследованные в 2022 г. античные погребальные сооружения представлены в основном грунтовыми ямами подпрямоугольной формы. Нижняя часть могильных ям в ряде случаев вырублена в скале, которая на северной части некрополя Нимфея расположена близко к дневной поверхности. Плитовые перекрытия над могилами не выявлены, лишь над погребальной камерой склепа М-02/2022 сохранилось четыре большие необработанные известняковые плиты, которые провалились во внутрь камеры и лежали на разных уровнях. Все захоронения совершены без гробов. Положение погребенных вытянутое, на спине, руки вдоль туловища, головой на восток или северо-восток. Характерна плохая сохранность костяков, которая для этого некрополя ранее уже отмечалась исследователями [Грач,1999, с.30]. Особо следует отметить парные захоронения М-02/2022 и М-06/2022. В тех случаях, когда погребения не потревожены, выявлен скромный сопровождающий инвентарь: один-два небольших сосуда, единичные бронзовые украшения, а также монеты - «оболы Харона» возле черепа.

Проведенные археологические исследования дали новые материалы, которые позволяют уточнить топографию и хронологию некрополя, а также и юго-западного пригорода Нимфея. Изученные погребальные комплексы позволят представить более широкие реконструкции по социальному составу и материальной культуре населения этого приморского боспорского города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. - Киев, 1986. - 182 с.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. - 328 с.
- Зинько А.В., Петин А.А.* Погребальный комплекс М-09/2022 из раскопок некрополя Нимфея // БИ. - Вып. XLIX. - С.210-217.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Котина А.В., Петин А.А. Симонов В.В.* Охранно-спасательные раскопки в окрестностях боспорского города Нимфей в 2022 г. // ИАК - Вып. XIX - Симферополь, 2023, с.107-113.
- Зинько В.Н., Поротов А.В., Мысливец В.И.* Развитие рельефа западного побережья Керченского пролива в позднем голоцене (приморская полоса античных городов Нимфея и Тиритаки) // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон и комплексное использование ресурсов шельфа. - Вып. 25. - Т. 1. - Севастополь, 2011. - С. 83-95.
- Поротов А.В., Зинько В.Н.* Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (западное побережье Керченского пролива) // БИ. - Вып. XXVIII. - С.-Керчь, 2013. - С.3-20.
- Шестаков С.А.* Охранные раскопки и наблюдения в Эльтигене // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. III. С. 287-301.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986, 182 p.
- Grach N.L. *Nekropol' Nimfeya*. SPb., 1999, 328 p.
- Porotov A.V., Zin'ko V.N. Izmenenie urovnya moray i rel'ef primorskoj polosy khory Tiritaki i Nimfeya v antichnoe vremya (zapadnoe poberezh'e Kerchenskogo proliva). *Bl.XXVIII*. Simferopol'-Kerch', 2013, pp.3-20.
- Shestakov S.A. Okhrannye raskopki i nablyudeniya v Eltigene. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. III*. Simferopol', 2011, pp. 287-301.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Kotina A.V., Petin A.A., Simonov V.V. Okhranno-spasatel'nye Raskopki v okrestnostyakh bosporskogo goroda Nimfei v 2022 g. *IAK. XIX*. Simferopol', 2023.
- Zin'ko V.N., Porotov A.V., Myslivets V.I. Razvitie rel'efa zapadnogo poberezh'ya Kerchenskogo proliva v pozdnem golotsene (primorskaya polosa antichnykh gorodov Nimfeya i Tiritaki). *Ekologicheskaya bezopasnost' pribrezhnoi i shel'fovoi zon i kompleksnoe ispol'zovanie resursov shel'f. Vyp. 25. T.I*. Sevastopol', 2011, pp. 83–95.

Резюме

Публикуются материалы раскопок, проведенных в северной и восточной частях некрополя боспорского города Нимфей в 2022 г. Исследованные античные погребальные сооружения представлены в основном грунтовыми ямами подпрямоугольной формы. Нижняя часть могильных ям в ряде случаев вырублена в скале. Плитовые перекрытия над могилами не выявлены, лишь над погребальной камерой склепа М-02/2022 сохранилось четыре большие необработанные известняковые плиты. Все захоронения совершены без гробов. Положение погребенных вытянутое, на спине, руки вдоль туловища, головой на восток или северо-восток. Особо следует отметить парные захоронения. В тех случаях, когда погребения не потревожены, выявлен скромный сопровождающий инвентарь: один-два небольших сосуда, единичные бронзовые украшения, а также монеты - «обола Харона» возле черепа. Проведенные археологические исследования дали новые материалы, которые позволяют уточнить топографию и хронологию некрополя, а позволят представить более широкие реконструкции о социальном составе и материальной культуре населения этого боспорского города.

Ключевые слова: Боспорский город Нимфей, грунтовой некрополь, погребальные сооружения, погребальный инвентарь, монеты Пантикапея.

Summary

The materials of excavations conducted in the northern and eastern parts of the necropolis of the Bosporan city of Nymphaeum in 2022 are published. The studied ancient burial structures are represented mainly by rectangular partially sunken ground pits. The lower part of the burial pits in some cases is cut into the rock. Slab ceilings over the graves have not been found, only four large unprocessed limestone slabs are preserved above the burial chamber of the crypt M-02/2022. All burials were made without coffins. Dead bodies were placed lying on their backs, with their arms along the body, head to the east or northeast. Paired burials should be noted particularly. In cases where the burials were intact, they had poor grave inventory: one or two small vessels, isolated bronze jewelry, and coins - «Charon's obols» near the skull. The archaeological research conducted provided new materials that allow us to

clarify the topography and chronology of the necropolis, and will allow us to present broader reconstructions of the social composition and material culture of the population of this city of the Cimmerian Bosphorus.

Key words: Bosporan city of Nymphaeum, ground necropolis, burial structures, grave inventory, Panticapaeum coins.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Алексей Викторович, к.и.н.
старший научный сотрудник
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма.
г. Симферополь, проспект Академика
Вернадского, 4
a.zinko@mail.ru

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.
ведущий научный сотрудник
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь, проспект Академика
Вернадского, 4
elena-zinko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey V. Zin'ko, CSc
Senior research associate
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea
Prospekt Vernadskogo, 4, Simferopol,
Russian Federation,
a.zinko@mail.ru

Viktor N. Zin'ko, DSc
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea
Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol, Russian Federation,
Leading Researcher
elena-zinko@mail.ru

Рис.1. Вид сверху с северо-запада на северный участок некрополя.

Рис.2. Могила М-01/2022 после расчистки. Вид сверху.

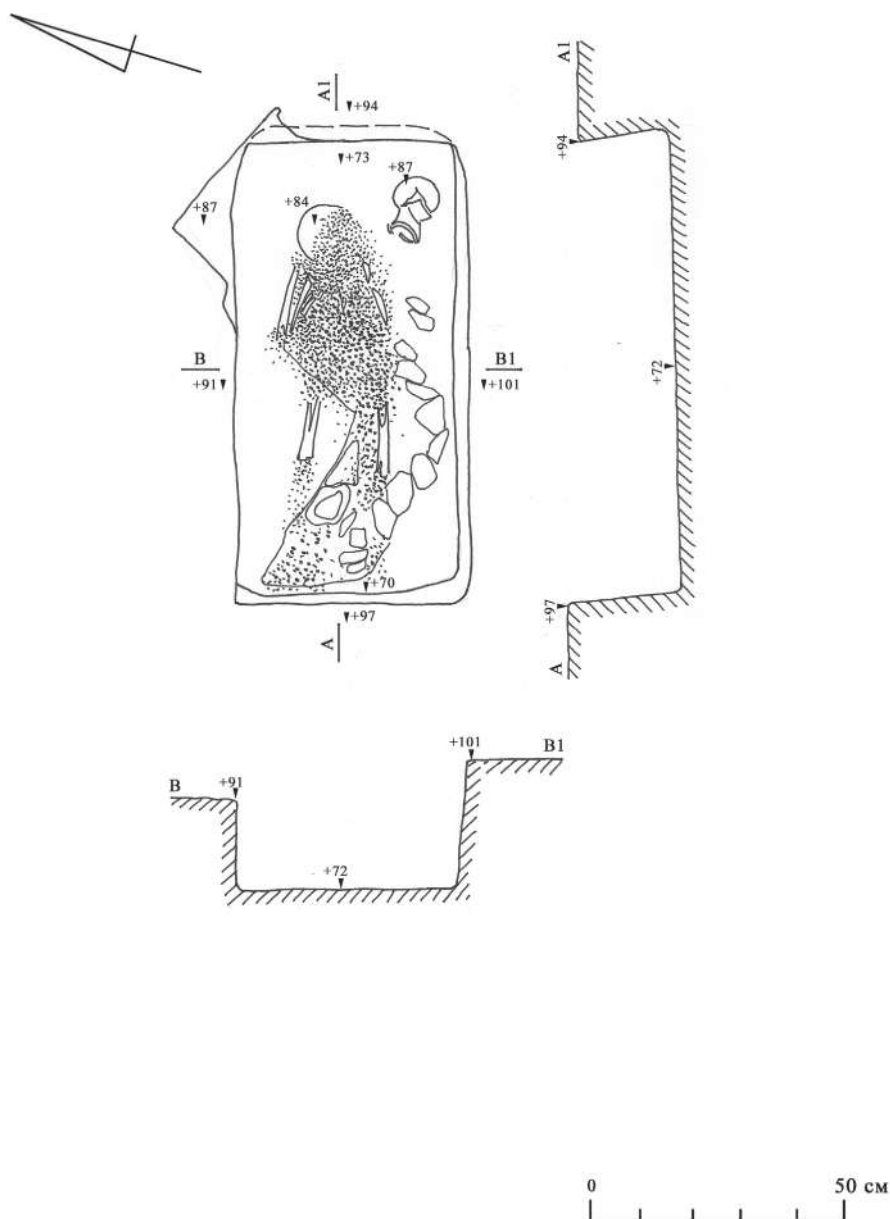

Рис.3. План и разрезы могилы М-01/2022.

1

2

3

4

0 1 cm

Рис.4. Погребальный инвентарь из М-01/2022: 1 – кувшин; 2- серьга; 3 – подвеска; 4 – кольцо.

Рис.5. Могила М-02/2022 (склеп) и М-03/2022 после расчистки. Вид с запада.

Рис.6. Могила М-02/2022 (склеп) после расчистки. Вид сверху.

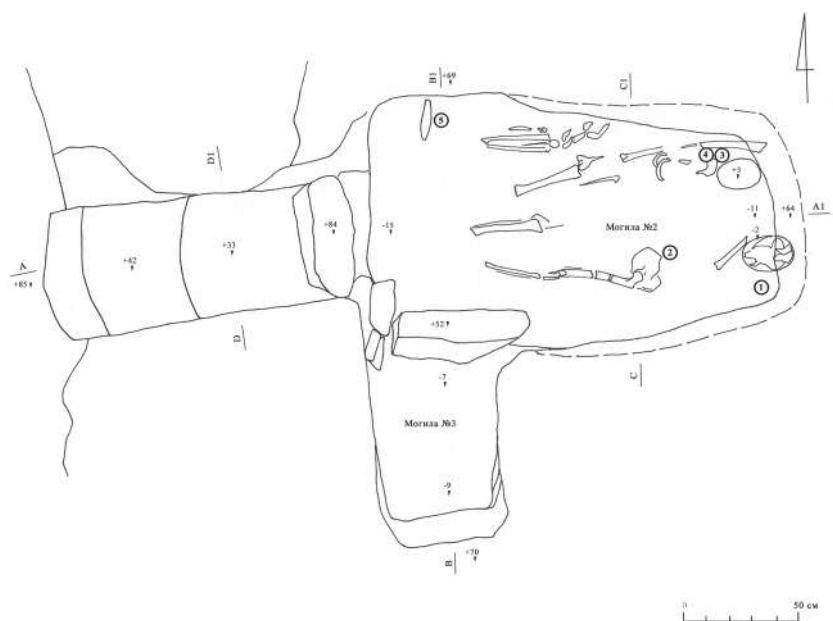

Рис.7. План могил М-02/2022 (склеп) и М-03/2022: 1- кувшин; 2,3, 4 – бронзовые монеты; 5 – алабаст.

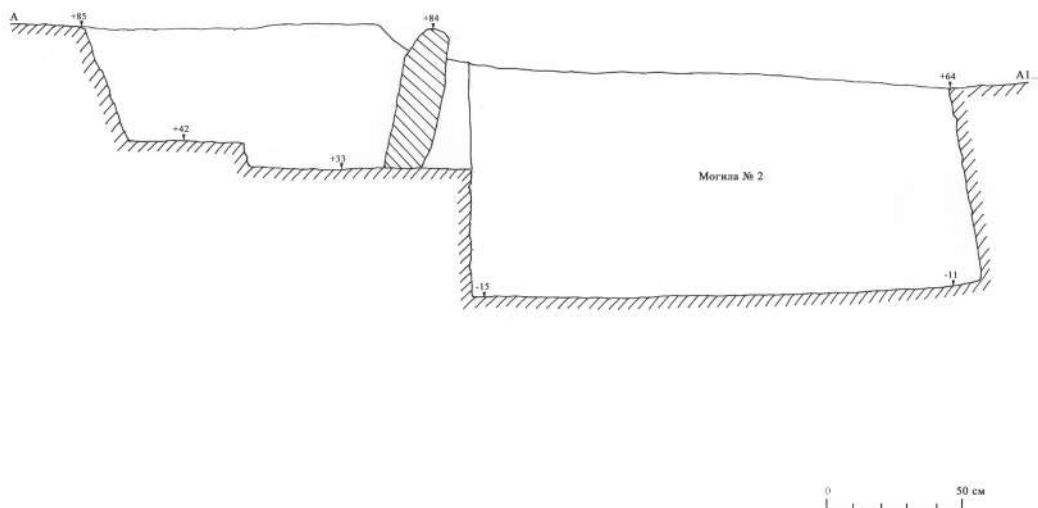

Рис.8. Разрез А-А1 могилы М-02/2022 (склеп).

Рис.9. Погребальный инвентарь из М-09/2022 и М-02/2022: 1 – бронзовый браслет; 2 – фибула; 3- фрагменты стригеля; 4 – бронзовая монета; 5 – кувшин; 6-8 – монеты.

Рис.10. Могила М-04/2022 после расчистки. Вид с севера.

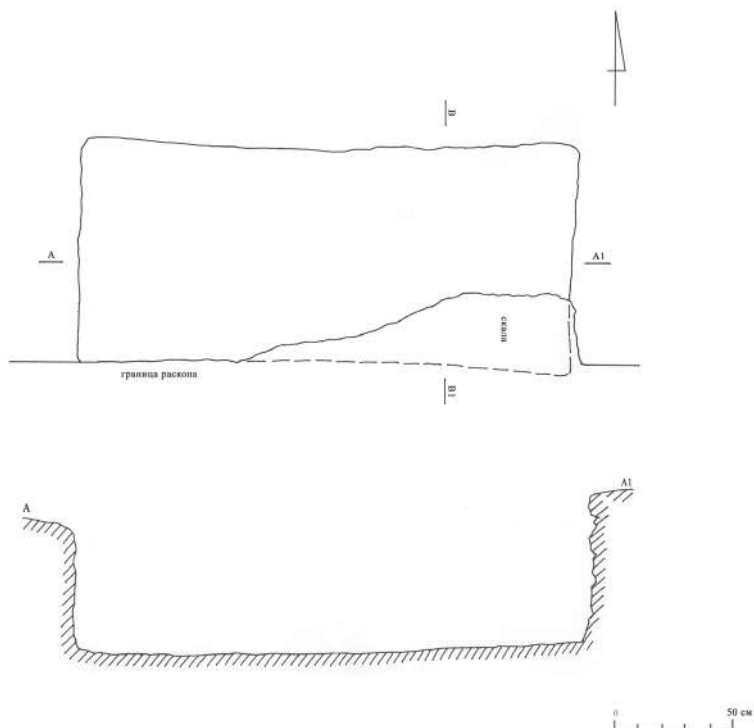

Рис.11. План и разрез могилы М-04/2022.

Рис.12. Могила М-05/2022 после расчистки. Вид сверху.

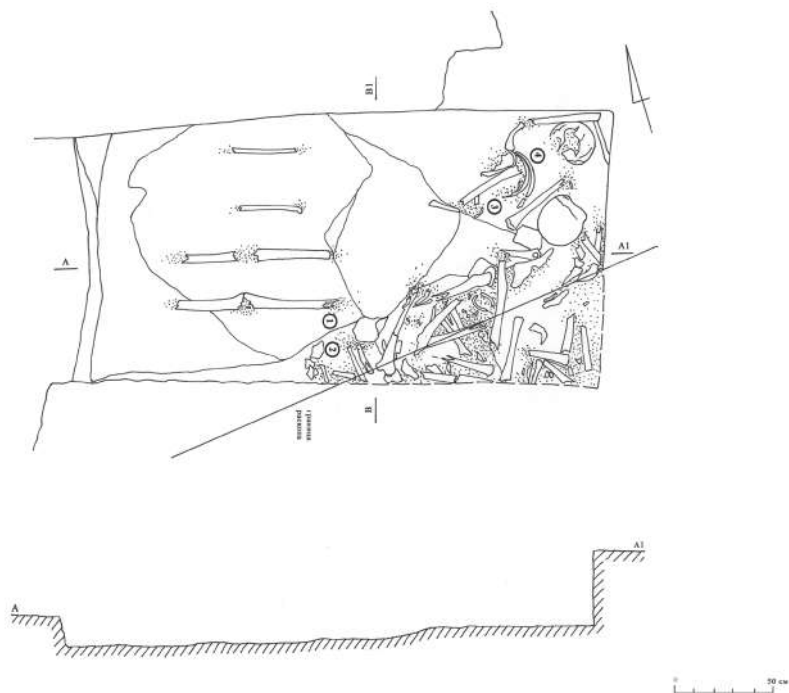

Рис.13. План и разрез могилы М-05/2022.

Рис.14. Могила М-06/2022 после расчистки. Вид сверху.

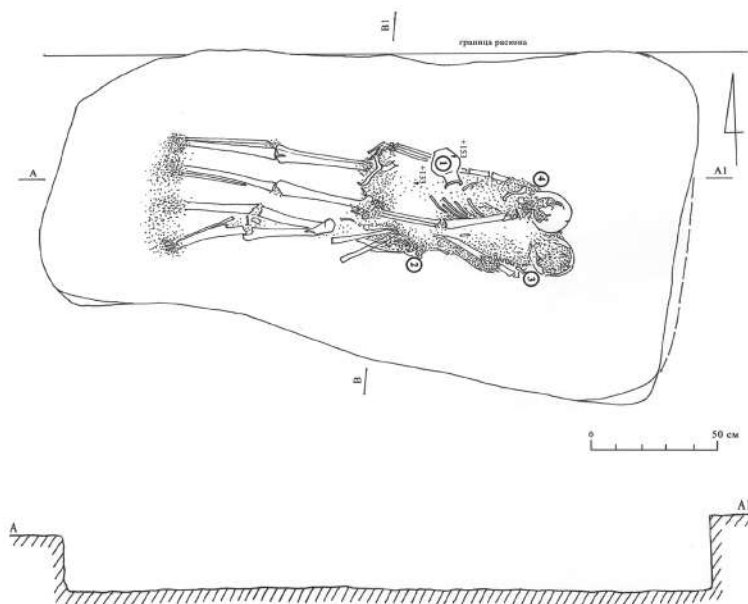

Рис.15. План и разрез могилы М-06/2022: 1 – сероглиняный кувшин; 2- фрагменты красноглиняного кувшина; 3-4 – бронзовые монеты.

Рис.16. Сероглиняный кувшин из М-06/2022.

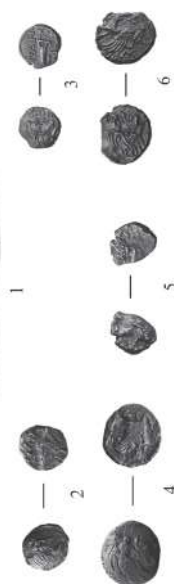

Рис.17. Погребальный инвентарь из М-06/2022, М-08/2022 и М-09/2022: 1 – красоглиняный кувшин; 2-6 – бронзовые монеты.

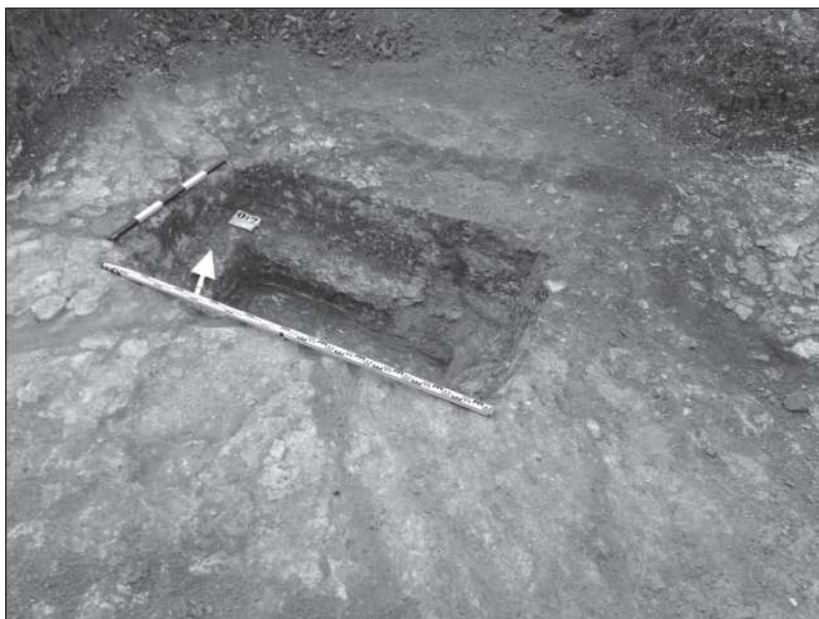

Рис.18. Могила М-07/2022 после расчистки. Вид с юга.

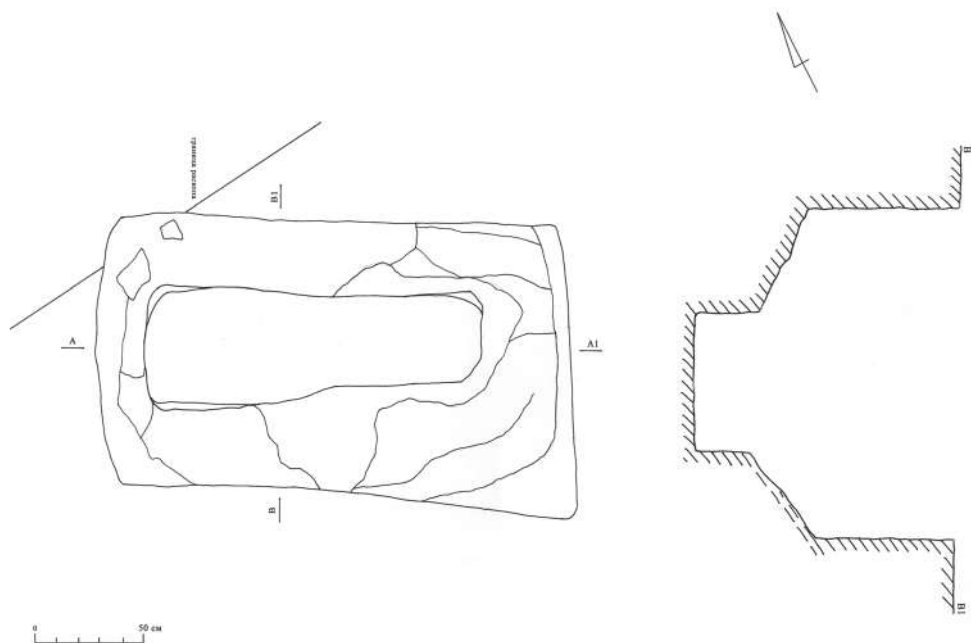

Рис.19. План и разрез могилы М-07/2022.

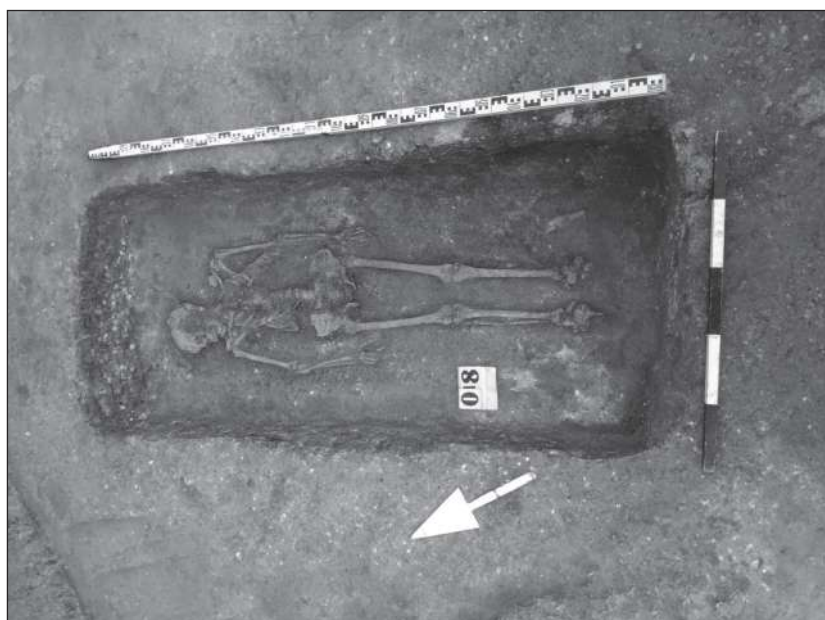

Рис.20. Могила М-08/2022 после расчистки. Вид сверху.

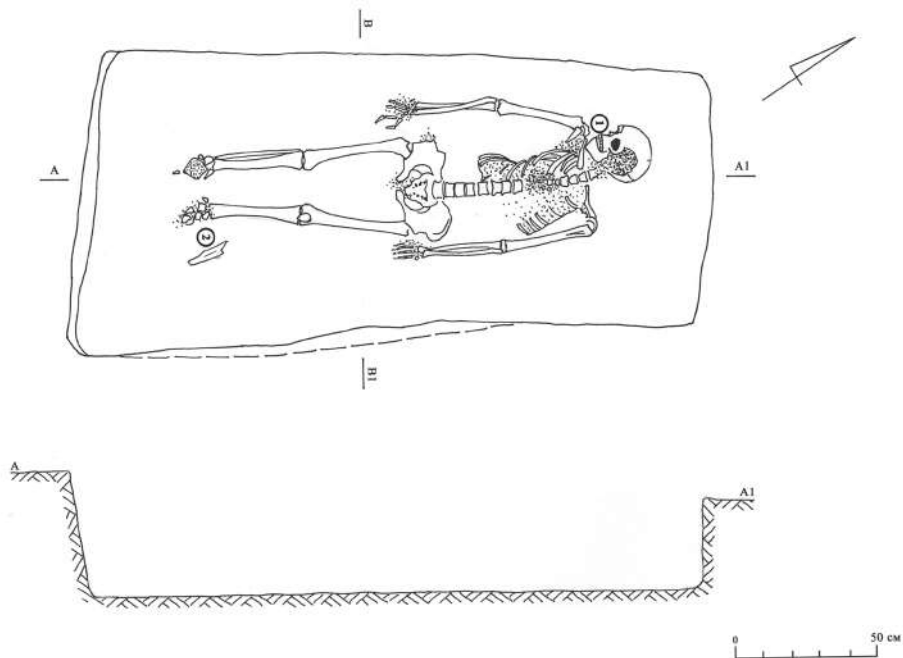

Рис.21. План и разрез могилы М-08/2022: 1 – бронзовая монета; 2- бронзовая пластина.

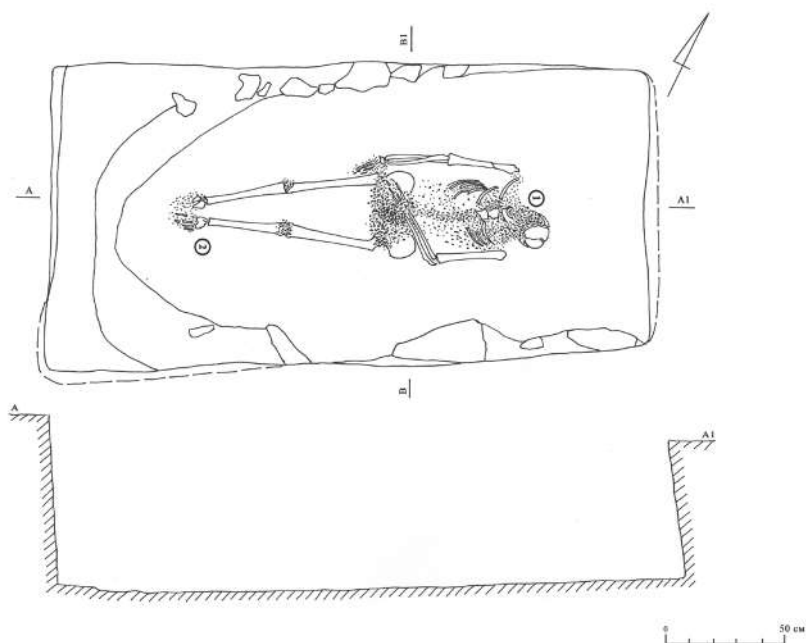

Рис.22. План и разрез могилы М-09/2022: 1-2 – бронзовые монеты.

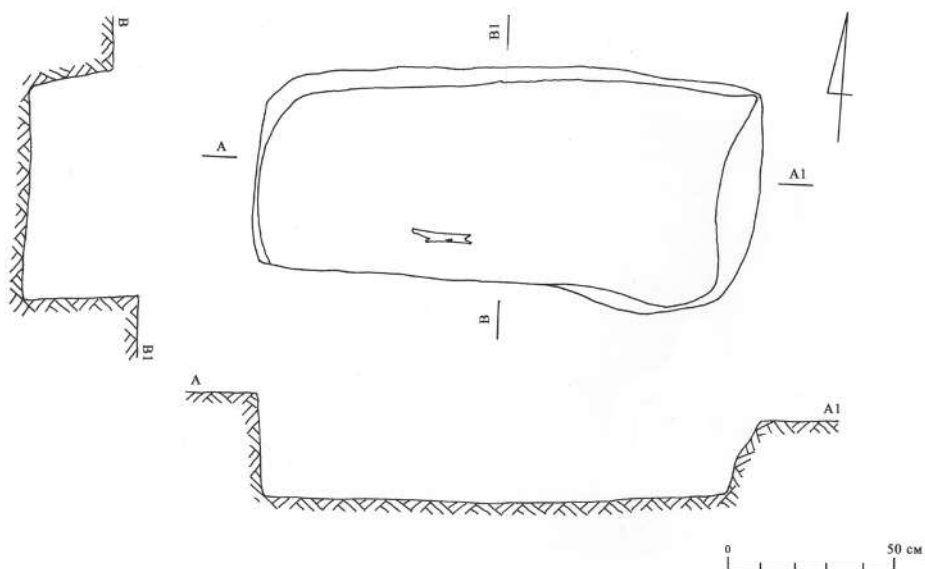

Рис.23. План и разрезы могилы М-010/2022.

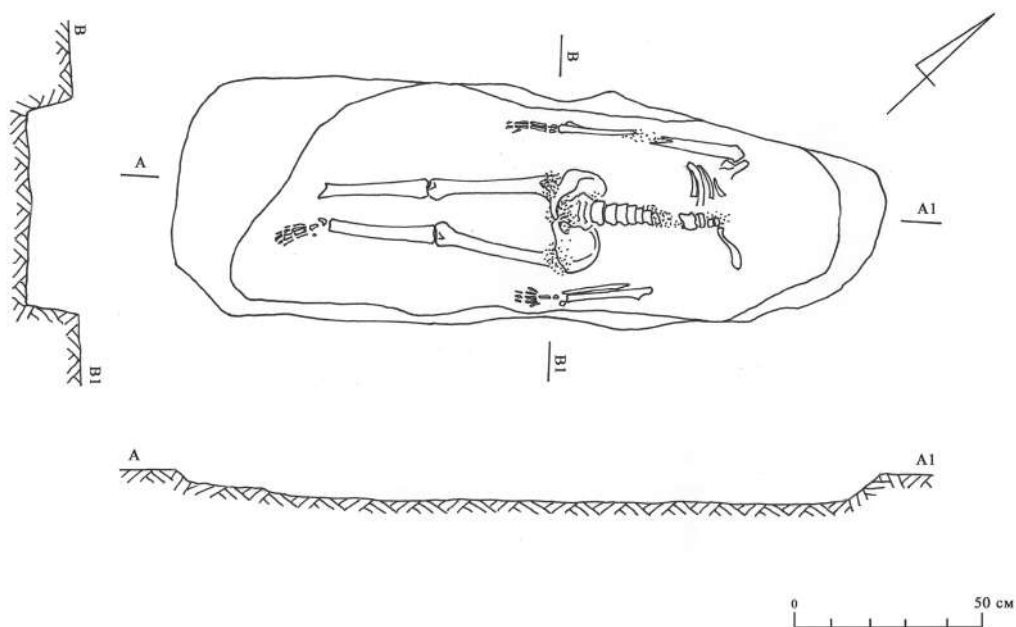

Рис.24. План и разрезы могилы М-011/2022.

Рис.25. Могила М-12/2022 после расчистки. Вид сверху.

Рис.26. Вид сверху с северо-запада на восточный участок некрополя.

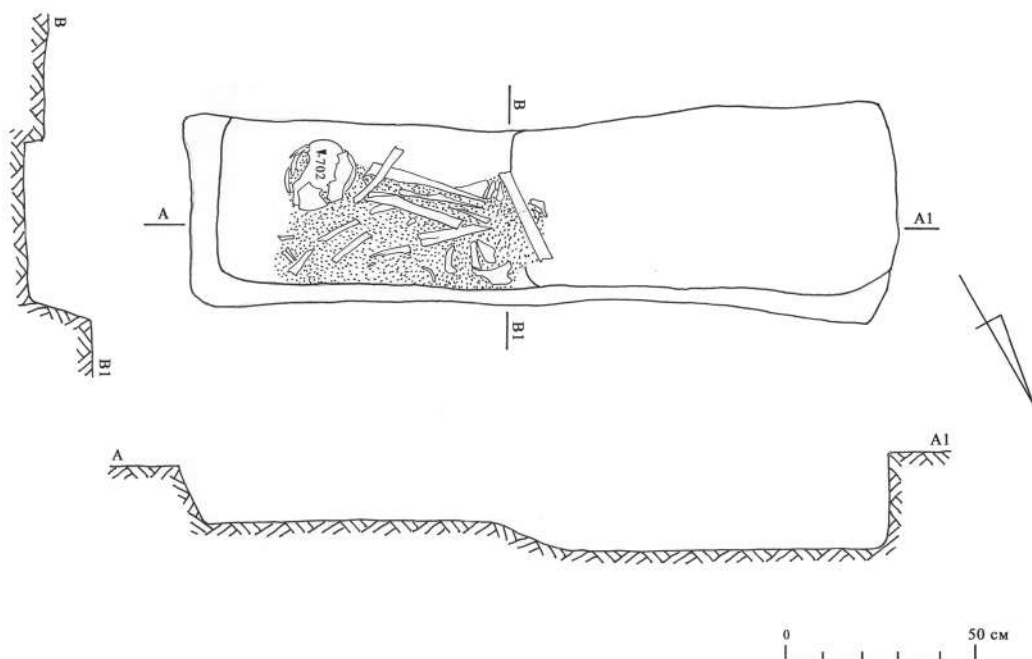

Рис.27. План и разрезы могилы М-013/2022.

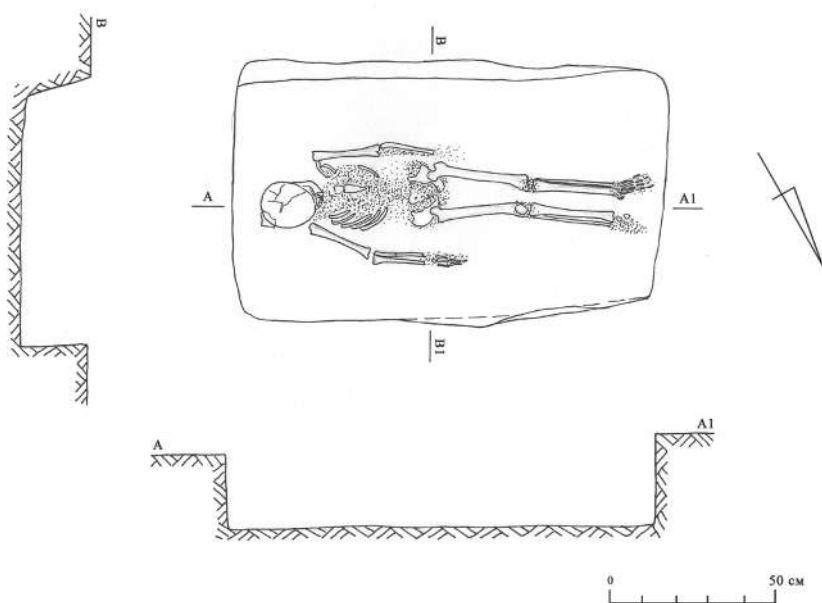

Рис.28. План и разрезы могилы М-014/2022.

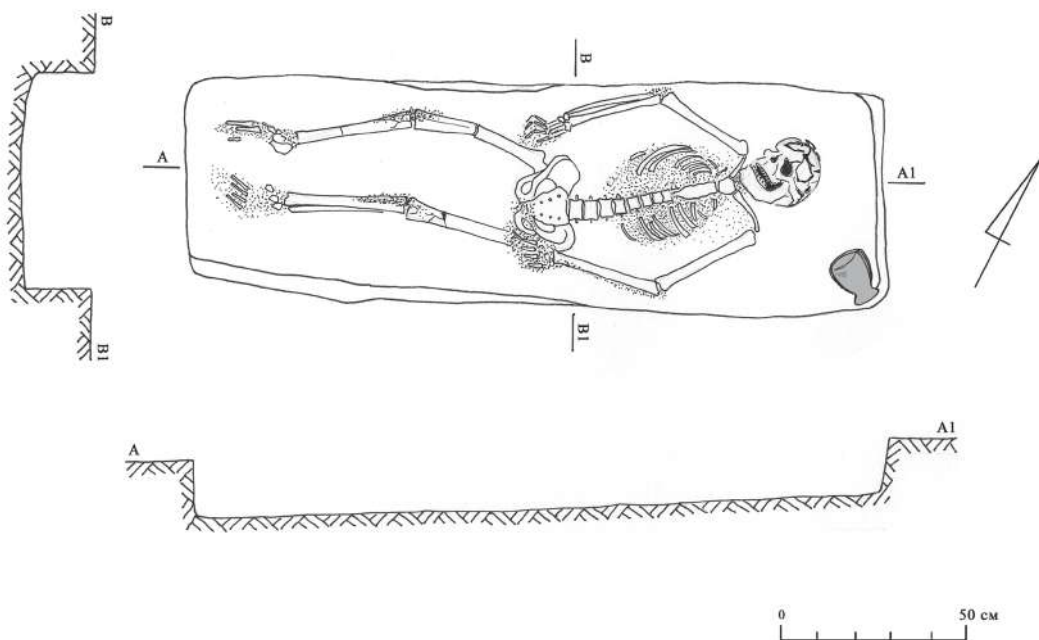

Рис.29. План и разрезы могилы М-015/2022.

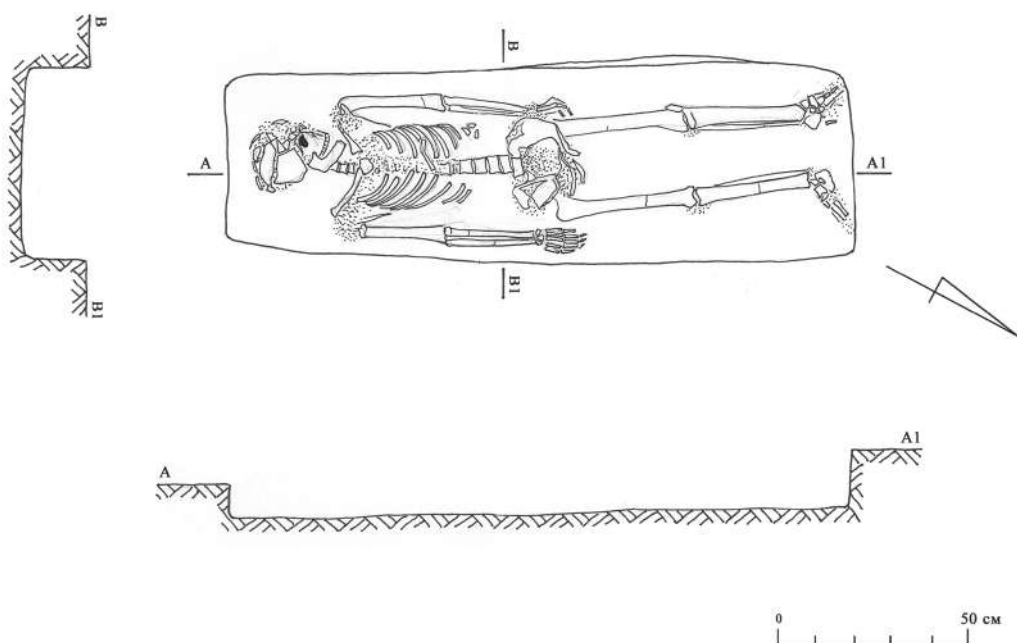

Рис.30. План и разрезы могилы М-016/2022.

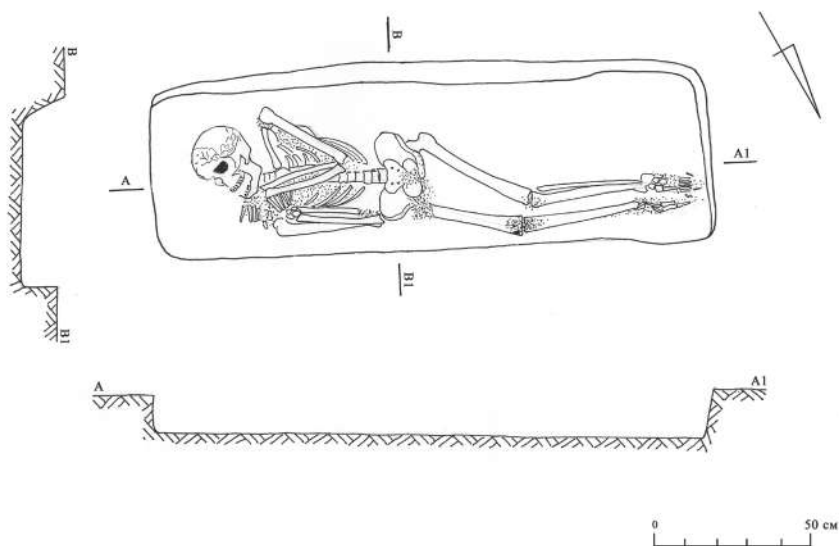

Рис.31. План и разрезы могилы М-017/2022.

С.В. КАШАЕВ

S.V. KASHAEV

ГРУНТОВЫЙ СКЛЕП 2023 ГОДА ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2¹

GROUND CRIPT FROM THE EXCAVATIONS OF ARTJUSCHENKO-2 NECROPOLIS IN 2023

При раскопках некрополей Боспора встречаются погребальные сооружения, конструктивно состоящие из дромоса со ступенями и погребальной камеры. Относятся они к типу VII по типологии Сударева Н.И. [Сударев, 2005, с. 15]. На Таманском полуострове, например, на некрополе Тирамбы в 1960-е годы была исследована серия грунтовых склепов [Коровина, 1987, с. 18; 30; 31]. Датируются подобные склепы концом IV – началом III вв. до н.э. и до первых веков н.э. [Коровина, 1984, с.87; Коровина, 1987, с. 28]. В Кепях они появляются с III в. до н.э. [Усачева, Сорокина, 1984, с. 85]. В 2015-2016 гг. при раскопках некрополя Виноградный-7 обнаружено несколько таких склепов II-I вв. до н.э. [Сударев, 2016, с. 333; Сударев, 2017, с. 182; Сударев, Кашаев, 2020, с. 173].

В Керчи и ее ближайшей округе близкие по конструкции и конфигурации погребальные сооружения, но характерные уже для более позднего периода, найдены при раскопках Пантикапея [Зинько, 2017, с. 97; 139] и Нимфея [Грач, 1999, с. 303, табл.170, 171]. Встречаются они и в других районах Крыма [Пуздровский, 2007, с.5; Пуздровский, Труфанов, 2016, рис.1]. В отличие от Тамани, в Крыму, в силу естественных причин, склепы такой конструкции нередко выбиты в скальной породе.

Распространены были грунтовые склепы и на остальных территориях Северного Причерноморья, например в Ольвии и ее округе [Парович-Пешикан, 1974, с. 19]. Открытые в Ольвии сходные склепы, датируются, начиная с конца IV – начала III вв. до н.э. Продолжалось их сооружение длительное время – до первых веков н.э.

В ходе полевого сезона 2023 г. на некрополе Артющенко-2 был открыт новый для данного памятника тип погребальных сооружений. При раскопках в кв. И5'-И6' было обнаружено и исследовано Погребение 209, представляющее собой грунтовый склеп, вся конструкция которого была вырыта в материковом суглинке. На глубине около 1,8 м от дневной поверхности было прослежено пятно дромоса. Границы пятна читались довольно четко. После этого началась расчистка дромоса и неболь-

¹ Кашаев С. В. – Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований по теме государственного задания: «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

шого прохода от него к погребальной камере. После того как дромос и проход были расчищены, начались поиски самой погребальной камеры. Для того, чтобы выявить ее контуры, над камерой был размечен прямоугольник размером 2,6 x 2,5 м. В его границах был сделан прокоп глубиной 0,45 м, после чего началась расчистка погребальной камеры. Всего в процессе расчистки была проведена фиксация на трех условных уровнях, четвертый уровень фиксировал пол склепа и полностью расчищенные земляные конструкции (Рис.1-5).

Склеп ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Дромос находится с юго-запада, камера склепа - с северо-востока. Заполнен дромос темно-коричневым суглинком, имеет размеры в плане 1,2 x 1,3 м, его максимальная зафиксированная глубина 0,46 м. С юго-западной стороны дромоса сохранились остатки двух ступеней, выкопанных в материковом суглинке. Высота ступеней 0,20-0,25 м, ширина 0,3-0,65 м, длина 1,0-1,2 м. Глубина от современной поверхности до дна дромоса 2,50 м.

С северо-восточной стороны дромоса находился проход в камеру склепа, он имеет размеры в плане 1,0 x 1,4 м. Заполнен проход светло-коричневым суглинком, представляющим собой рухнувший материковый свод.

Камера склепа имеет подпрямоугольную форму, ее размер 1,4 x 1,7 м. По центру камеры, на всю ее длину, в материковом суглинке выкопан проход глубиной 0,15-0,17 м и шириной 0,3 м. Слева и справа от прохода устроены две лежанки, на которые помещали тела умерших. Ширина лежанок 0,50-0,55 м. Заполнение камеры склепа – материковый светло-коричневый суглинок, представляющий собой обрушившийся материковый свод. Глубина от современной поверхности до дна камеры 2,90 м. Зафиксированная высота камеры склепа не менее 0,6 м, реконструируемая высота могла составлять до 1,2 м. Общая длина склепа, камеры и дромоса 4,1 м (Рис.1).

По всей видимости, захоронения в склепе совершались многократно, при этом кости ранее погребенных сдвигались к южной стене. В результате на правой (южной) лежанке и у южной стенки образовалось хаотичное скопление множества различных костей, в основном ног и рук. При этом обращает на себя внимание отсутствие костей сохранивших анатомический порядок. Скорее всего, склеп неоднократно грабили в древности.

Всего здесь обнаружены останки не менее 6-7 человек. Точное количество погребенных, установить не удалось. Можно лишь констатировать, что среди них были взрослые (30-50 лет) мужчины и женщины, а также дети (5-6 лет). Сохранность всех костей плохая – они слоятся, крошатся и распадаются.

В погребальной камере склепа, на лежанках и в проходе обнаружены различные предметы погребального инвентаря (Рис.6-9). Большинство из них были перемещены вместе с останками тел в момент подзахоронения и грабежа, вследствие чего сложно определить, какому именно захороненному они принадлежали. Инвентарь:

Первый уровень расчистки и фиксации (Рис.2):

- 1- Фрагмент плоской черепицы с ребром; 2- Фрагмент бронзового гвоздя;
- 3- Браслет бронзовый (Рис.9.1) [Аналогии: Пуздровский, 2007, с. 283, рис.10. II.18]; 4- Монета бронзовая. Тетрахалк (?), медь. D - 11 мм. Вес 1,53 гр.

Состояние: плохое, испорчена коррозией. *Л.с.* – голова бородатого сатира вправо. *О.с.* – лук и стрела вправо, ниже – ФА. Датировка: 250-200 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 246, таб. XLII,13]; Начало – первая половина III в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 221, №112]; 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, №147]; 195-185 гг. до н.э. [Анохин, 2011, с. 168, №1166]; 107-96 гг. до н.э. [Мельников, 2004, с. 250].

5- Бусины разные, пастовые и сердоликовые 38 шт.; 6- Кувшин с черной обмазкой (Рис.6.2; 7.6), (внутри кувшина находился фрагмент железного ножа (Рис.9.7)); 7- Фрагмент железного шила; 8- Тарелка с черной обмазкой (Рис.6.11; 7.5); [Аналогии: Коровина, 1987, с. 28, рис. 24; Пуздровский, 2007, с. 300, рис. 27.П.9]. 9- Монета бронзовая. Тетрахалк (?), медь. D - 12 мм. Вес 1,68 гр. Состояние: плохое, потёрта и испорчена коррозией. *Л.с.* – голова Аполлона вправо. *О.с.* – лук, ниже – ПАН. Датировка: 150-140 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, №170]. Ок. 155-145 гг. до н.э. [Анохин, 2011, с. 154, №1075]. Ок. 114-112 гг. до н.э. [Мельников, 2010, с. 147, 153, таб. I, №48].

Второй уровень расчистки и фиксации (Рис.3):

10- Унгвентарий без горла (Рис.6.6; 8.1) [Аналогии: Парович-Пешикан, 1974, с.95.4]. 11- Оселок каменный (Рис.9.5) [Аналогии: Пуздровский, 2007, с. 283, рис.10.I.1]. 12- Монета бронзовая, тетрахалк (?), медь. D - 12 мм. Вес 1,85 гр. Состояние: плохое, аверс уничтожен коррозией. *Л.с.* – голова Аполлона вправо. *О.с.* – горит влево, ниже – ПАН. Датировка: Первая половина и середина II в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 95]. 200-110 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, таб. XLII, 9]. 150-140 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, № 169]. Ок. 215-205 гг. до н.э. [Анохин, 2011, с. 154, №1059]. 195-140 гг. до н.э. [Мельников, 2010, с. 153, таб. I, 16,28]. 13- Бусины пастовые в лекане, 10 шт. 14- Лекана красноглиняная (Рис.6.10; 7.4). 15- Крышка леканы (Рис.6.9; 7.3). 16- Пелика красноглиняная (Рис.6.3; 8.5). 17- Монета бронзовая. тетрахалк (?), медь. D – 11,5 мм. Вес 1,34 гр. Состояние: плохое, потёрта и испорчена коррозией. *Л.с.* – голова бородатого сатира в плущевом венке, влево. *О.с.* – в центре рог изобилия, по бокам шапки Диоскуров. ПАН-П. Конец III - начало II вв. до н. э. [Зограф, 1951, с. 245, таб. XLI,20]. Последняя четверть II в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 220, №100]. 130-125 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, №175]. 122-114 гг. до н.э. [Мельников, 2010, с.153, таб. I,43]. 18- Горло унгвентария во фрагментах. 19- Солонка краснолаковая (Рис.6.8; 7.1).

Третий уровень расчистки и фиксации (Рис.4):

20- Унгвентарий целый (Рис.6.5; 8.3) [Аналогии: Парович-Пешикан, 1974, с.95.5,6]. 21- Подвеска каменная (Рис.9.1). 22- Унгвентарий без ножки (Рис.6.4; 8.2) [Аналогии: Парович-Пешикан, 1974, с. 95.5,6]. 23- Унгвентарий во фрагментах (Рис.6.7; 8.4) [Аналогии: Коровина, 1987, с. 32, рис.28; Пуздровский, 2007, с. 284, рис. 11.16; с. 295, рис. 22.П.19]. 24- Фрагмент бронзового кольца. 25- Фрагмент железного ножа (Рис.9.8). 26- Фрагмент железного ножа (Рис. 9.9). 27- Фрагмент бронзовой серьги (Рис. 9.2).

28- Фрагмент железного наконечника стрелы. 29- Фрагмент фибулы (пряжки) железной (Рис.9.6) [Аналогии: Коровина, 1987, с. 33, рис. 29]. 30- Фрагмент фибулы

(пряжки) железной [Аналогии: Коровина, 1987, с. 33, рис. 29]. 31- Фрагмент бронзой серьги. 32- Фрагмент бронзового кольца. 33- Фрагмент бронзового кольца.

При расчистке дромоса была одна находка:

1- Лекиф краснолаковый (Рис.6.1; 7.2).

Склеп (Погребение 209) прост по конструкции и по своим размерам относительно небольшой. Скорее всего, он относится к первому периоду сооружения грунтовых склепов III-II вв. до н.э. Как отмечала А.К. Коровина, появление склепов большого размера характерно уже для следующего периода I в. до н.э. – I в. н.э. [Коровина, 1987, с. 42].

Определение монет обнаруженных в склепе проведено к.и.н. А.Е. Терещенко². По его мнению, все медные монеты из Погребения 209 можно отнести к последнему десятилетию II в. до н.э. По обнаруженному инвентарю и количеству захороненных людей, можно сказать, что склеп использовался длительное время на протяжении II в. до н.э. Скорее всего, это был семейных склеп, где погребены представители разных поколений одной семьи.

С северо-восточной стороны от погребальной камеры, на древней дневной поверхности находилась ритуальная площадка, представляющая собой место горения. Площадка имеет округлую форму диаметром около 1,0 м, является скоплением пропеченных в огне кусков материкового суглинка. В заполнении, кроме кусков печины, других находок нет, большого количества золы тоже нет. Предположительно площадка может быть связана с погребением 209, так как находится фактически в районе голов захороненных. Площадка могла использоваться для совершения каких-либо ритуалов, связанных с огнем или жертвоприношением, при захоронении или поминании умерших. Ранее ничего подобного на данном некрополе не встречалось. Точная датировка комплекса затруднительна, предположительно, его можно датировать в пределах II вв. до н.э., как и погребение 209.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986. Наукова думка.
 Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев. 2011. 326 с.
 Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб. 1999.
 Зинько Е.А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея - Боспора (исследования 1996-2009 гг.). Симферополь-Керчь. 2017. 210 с.
 Зограф А.Н. Античные монеты. МИА 16. М. 1951.
 Коровина А.К. Тирамба // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984.
 Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М. 1987. Вып.8. с.3-70.
 Мельников О.Н. К хронологии монетных выпусков Боспора конца III – начала I вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь. 2004. С. 248–258.

² Выражаю благодарность А.Е. Терещенко за определение монет

- Мельников О.Н. К нумизматике Боспора Киммерийского этапа среднего эллинизма (ок. 215 - 108 гг. до н.э.) // Сугдейский сборник. Киев – Судак. 2010. IV. С. 137–165.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. 1974.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь. 2007.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя 2008-2014 гг. Симферополь-Москва. 2016.
- Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VII-II вв. до н.э. как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М. 2005. 26 с.
- Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2015-2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. с. 333-340.
- Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. Сер. «Материалы спасательных археологических исследований» Москва, 2017. С. 182-189.
- Сударев Н.И., Кашаев С.В. Результаты исследования поселения Виноградный-7 в 2015-2016 гг. // Боспорские исследования. Симферополь - Керчь. 2020. Вып.41. С.173-207.
- Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н. э. Москва. 1956. 220 с.

REFERENCES

- Anoxin V. A. Monetnoe delo Bospora. Kiev. 1986. Naukova dumka.
- Anoxin V.A. Antichny'e monety' Severnogo Prichernomor'ya. Kiev. 2011. 326 s.
- Grach N.L. Nekropol' Nimfeya. SPb. 1999.
- Zin'ko E.A. Gruntovy'e sklepy' nekropolya Pantikapeya - Bospora (issledovaniya 1996-2009 gg.). Simferopol'-Kerch'. 2017. 210 s.
- Zograf A.N. Antichny'e monety'. MIA 16. M. 1951.
- Korovina A.K. Tiramba // Antichny'e gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya. M. 1984.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolya Tiramby' // Soobshheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'ny'x iskusstv im. A.S. Pushkina. M. 1987. Vy'p.8. s.3-70.
- Mel'nikov O.H. K khronologii monetny'x vy'puskov Bospora konca III – nachala I vv. do n.e'. // Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. E'tnicheskie processy'. Sbornik nauchny'x materialov V Bosporskix chtenij. Kerch'. 2004. S. 248–258.
- Mel'nikov O.H. K numizmatike Bospora Kimmerijskogo e'tapa srednego e'llinizma (ok. 215 - 108 gg. do n.e'.) // Sugdejskij sbornik. Kiev – Sudak. 2010. IV. S. 137–165.
- Parovich-Peshikan M. Nekropol' Ol'vii e'llinisticheskogo vremeni. Kiev. 1974.
- Puzdrovskij A.E. Kry'mskaya Skifiya II v. do n.e'. – III v. n.e'. Pogrebal'ny'e pamyatniki. Simferopol'. 2007.
- Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. Polevy'e issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya 2008-2014 gg. Simferopol'-Moskva. 2016.
- Sudarev N.I. Gruntovy'e nekropoli bosporskix gorodov VII-II vv. do n.e'. kak istoricheskij istochnik. Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskix nauk. M. 2005. 26 s.
- Sudarev N.I. Pogrebeniya nekropolya Vinogradny'j-7 (raskopki 2015-2016 gg.) // E'lita

- Bospora i bosporskaya e`litarnaya kul`tura. Materialy` mezhdunarodnogo kruglogo stola. SPb. 2016. s. 333-340.
- Sudarev N.I. Pogrebeniya nekropolya Vinogradny`j-7 (Krasnodarskij kraj, Temryukskij rajon) // Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 g. Ser. «Materialy` spasatel`ny`x arxeologicheskix issledovanij» Moskva, 2017. S. 182-189.
- Sudarev N.I., Kashaev S.V. Rezul`taty` issledovaniya poseleniya Vinogradny`j-7 v 2015-2016 gg. // Bosporskije issledovaniya. Simferopol` - Kerch`. 2020. Vy`p.41. S.173-207.
- Usacheva O.N., Sorokina N.P. Kepy` // Antichny`e gosudarstva Severnogo Prichernomor`ya. M. 1984.
- Shelov D.B. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e`. Moskva. 1956. 220 s.

Резюме

В 2023 г. на некрополе Артющенко-2 был открыт новый для данного памятника тип погребальных сооружений. При раскопках было исследовано Погребение 209, представляющее собой грунтовый склеп. Он состоял из дромоса со ступенями, небольшого прохода и погребальной камеры. Дромос находился с юго-запада, камера склепа с северо-востока. Камера склепа имеет подпрямоугольную форму, ее размер 1,4 x 1,7 м, по центру выкопана канавка проход. Слева и справа от прохода устроены две лежанки, на которые помещали тела умерших. Захоронения в склепе совершались многократно, были обнаружены кости мужчин и женщин (30-50 лет), а так же детей (5-6 лет). В погребальной камере склепа, на лежанках и в проходе обнаружены различные предметы погребального инвентаря. Скорее всего, это был семейный склеп, который использовался на протяжении II в. до н.э.

Ключевые слова: некрополь Артющенко-2 на Таманском полуострове, исследования некрополя, погребальный инвентарь, монеты Пантикапея.

Summary

In 2023 at the necropolis Artjuschenko-2 the new type of burial structure unknown for this site was discovered. During the excavations the Burial no. 209 represented a ground crypt was unearthed. It consisted of a dromos with steps, a small-scale passage and a funeral chamber. The dromos was situated to the south-west, the chamber of the crypt - to the north-west. The chamber has a rectangle shape, its scales 1.4 x 1.7 m; there is a flute-passage, dug out in the center. To the right and to the left of the passage two beds to put the bodies of deceased were made. Burials in the crypt were made multiply: the bones belonged to men and women (of 30-50 years old), as well as children (of 5-6 years old) were found there. In the chamber, on the beds and in the passage different objects of the funeral equipment were revealed. Most likely it was a family vault, which used during the 2nd cent. BC.

Key words: necropolis Artjuschenko-2 on the Taman peninsula, research of the necropolis, burial inventory, coins of Panticapaeum.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кашаев Сергей Владимирович
младший научный сотрудник
Отдел истории античной культуры
Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18
8-(812)-764-85-71
kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kashaev Sergey
Institute of History of Material Culture RAS
Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab. 18
8-(812)-764-85-71
kashaevs@mail.ru

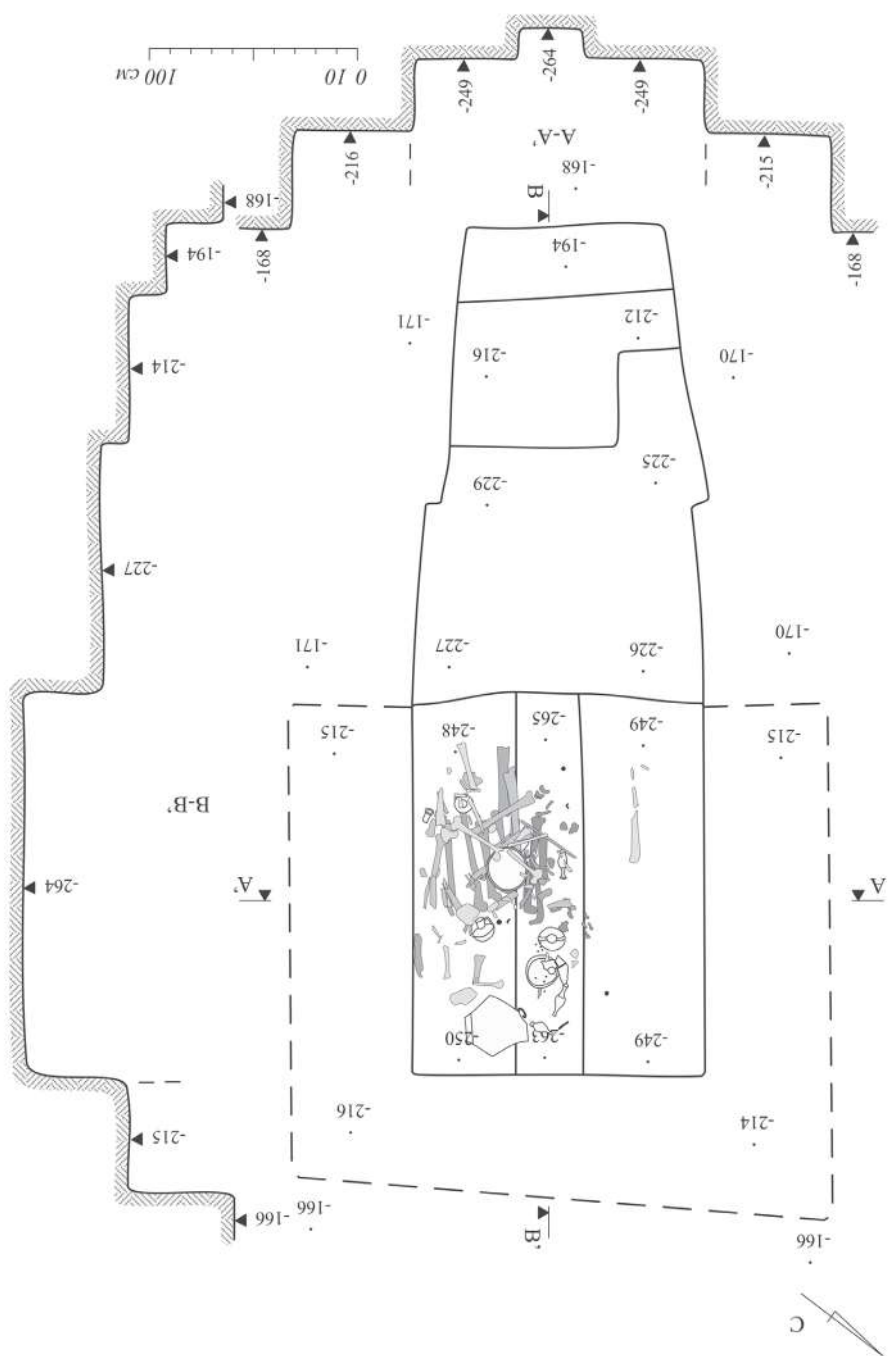

Рис.1. Некрополь Артюшенко-2. Погребение 209. Общий план.

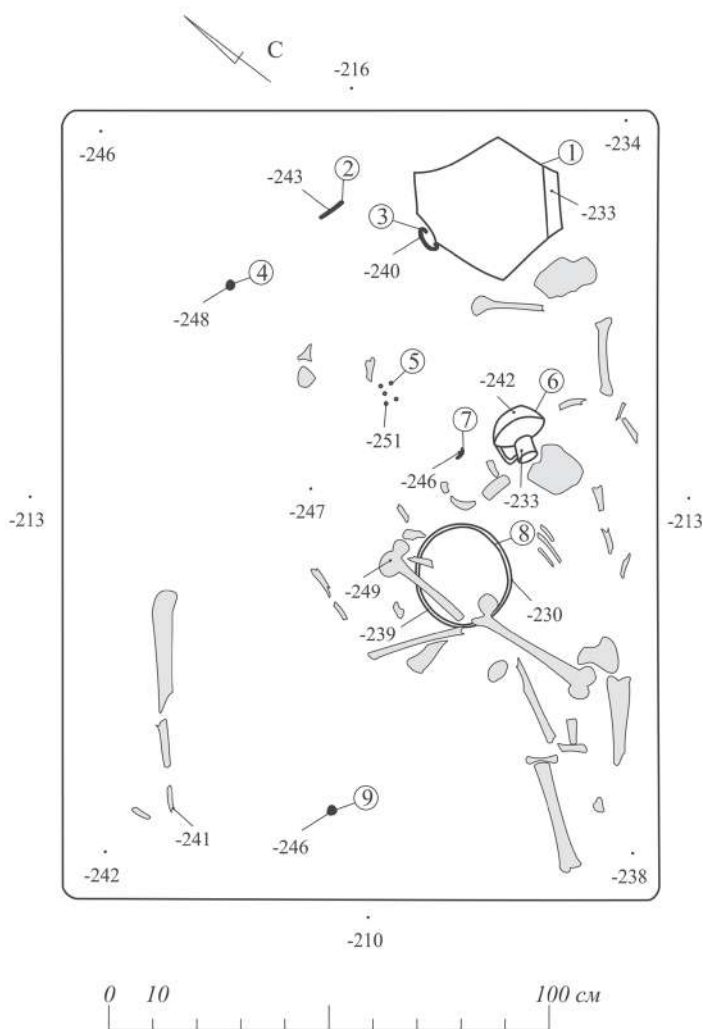

Рис.2. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209.
План погребальной камеры, первый уровень фиксации.
1- Фрагмент плоской черепицы.
2- Фрагмент бронзового гвоздя.
3- Браслет бронзовый.
4- Монета бронзовая.
5- Бусины пастовые.
6- Кувшин с черной обмазкой.
7- Фрагмент железного шила.
8- Тарелка с черной обмазкой.
9- Монета бронзовая.

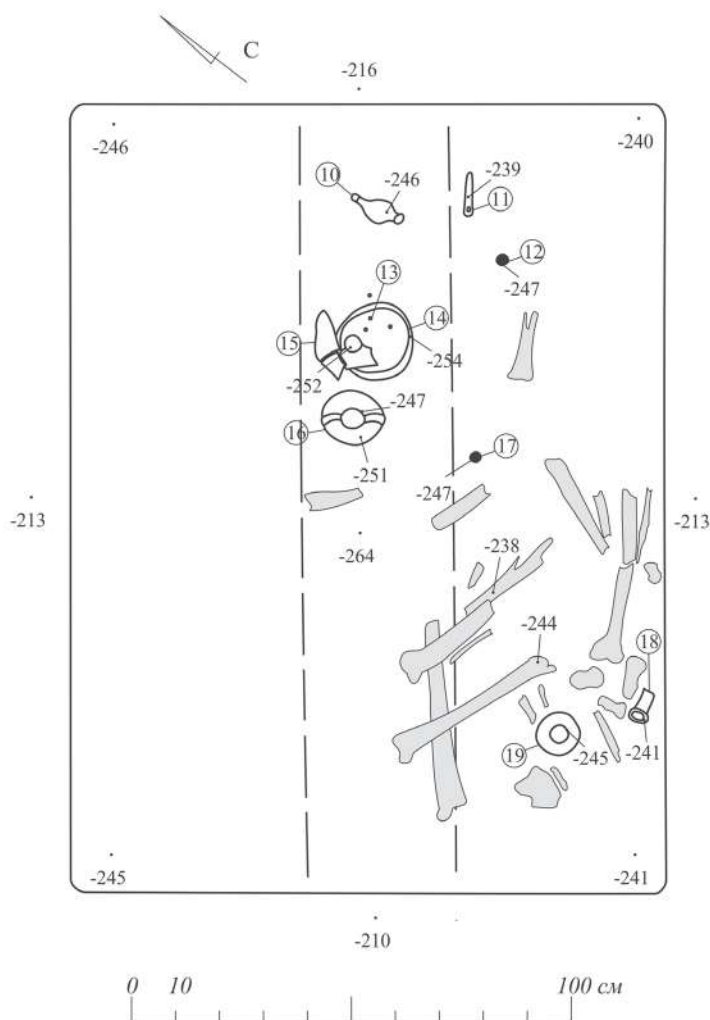

Рис.3. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209.

План погребальной камеры, второй уровень фиксации.

10- Унгвентарий без горла.

11- Оселок каменный.

12- Монета бронзовая.

13- Бусины пастовые в лекане.

14- Лекана красноглиняная.

15- Крышка леканы.

16- Пелика красноглиняная.

17- Монета бронзовая.

18- Горло унгвентария во фрагментах.

19- Солонка краснолаковая.

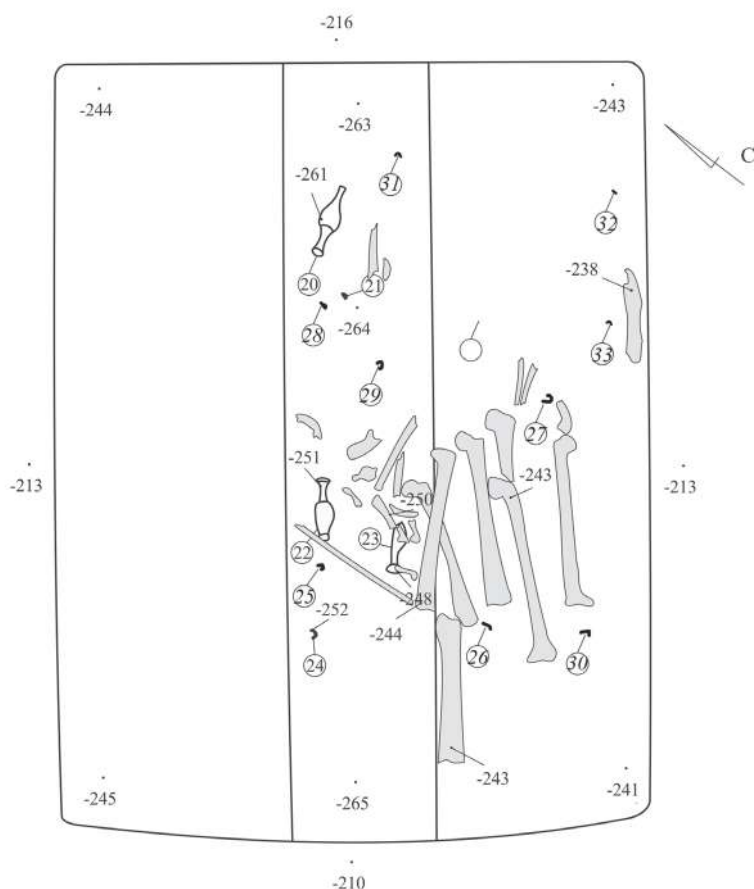

Рис.4. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209.
План погребальной камеры, третий уровень фиксации.

- 20- Унгвентарий целый.
- 21- Подвеска каменная.
- 22- Унгвентарий без ножи.
- 23- Унгвентарий во фрагментах.
- 24- Фрагмент бронзового кольца.
- 25- Фрагмент железного ножа.
- 26- Фрагмент железного ножа.
- 27- Фрагмент бронзовой серьги.
- 28- Фрагмент железного наконечника стрелы.
- 29- Фрагмент фибулы железной.
- 30- Фрагмент железной фибулы.
- 31- Фрагмент бронзовой серьги.
- 32- Фрагмент бронзового кольца.
- 33- Фрагмент бронзового кольца.

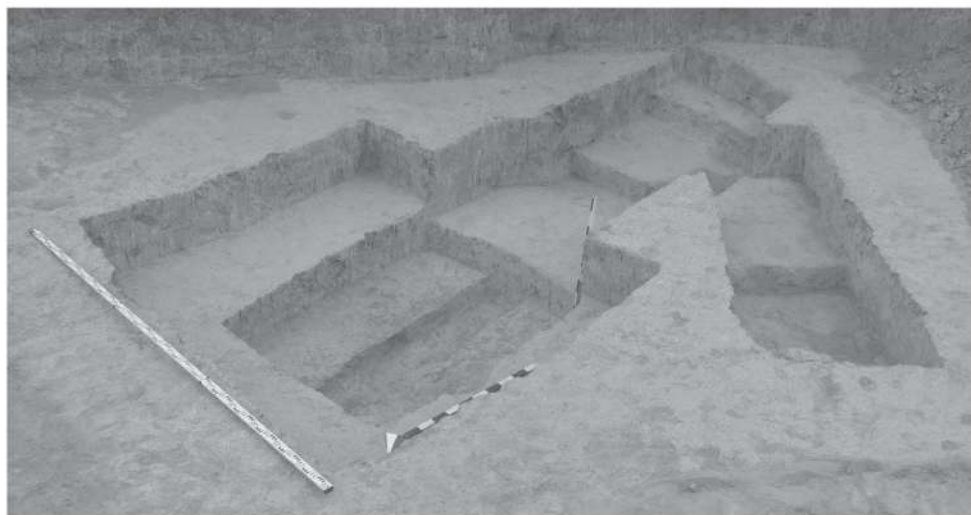

Рис.5. Некрополь Артющенко-2. Погребение № 209.

1- Склеп после расчистки. Вид с севера.

2- Склеп после расчистки. Вид с северо-запада.

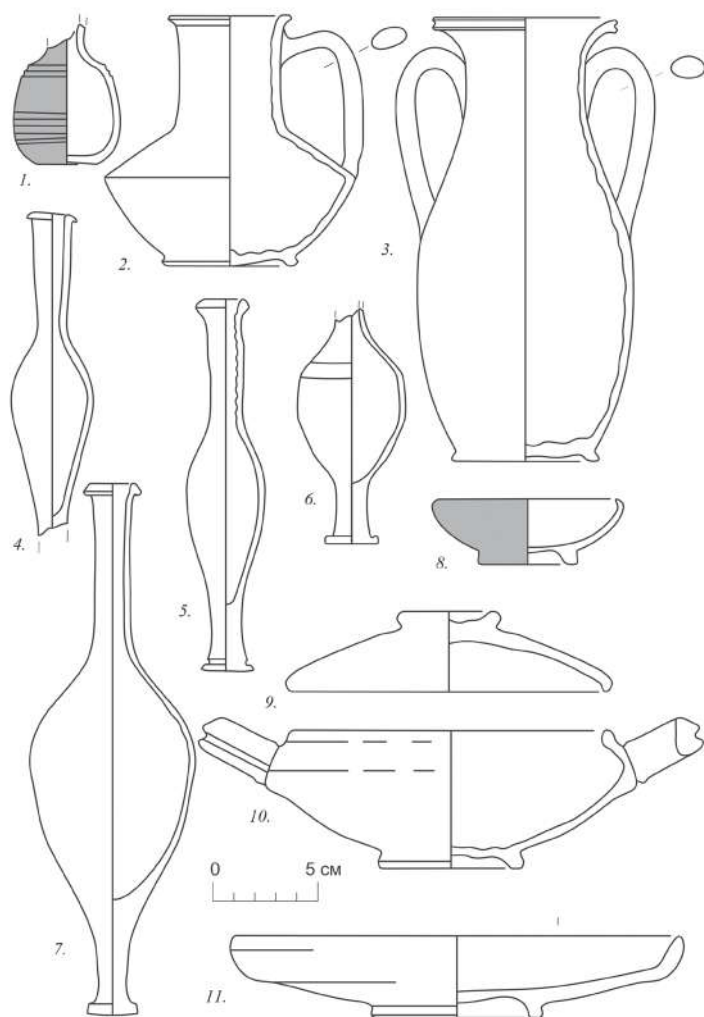

Рис.6. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209. Находки.

- 1- Лекиф краснолаковый.
- 2- Кувшин с черной обмазкой.
- 3- Пелика красноглиняная.
- 4- Унгвентарий без ножки.
- 5- Унгвентарий целый.
- 6- Унгвентарий без горла.
- 7- Унгвентарий во фрагментах.
- 8- Солонка краснолаковая.
- 9- Крышка леканы.
- 10- Лекана красноглиняная.
- 11- Тарелка с черной обмазкой.

Рис.7. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209. Находки.

- 1- Солонка краснолаковая.
- 2- Лекиф краснолаковый.
- 3- Крышка леканы.
- 4- Лекана красноглиняная.
- 5- Тарелка с черной обмазкой.
- 6- Кувшин с черной обмазкой.

Рис.8. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209. Находки.

1- Унгвентарий без горла.

2- Унгвентарий без ножки.

3- Унгвентарий целый.

4- Унгвентарий во фрагментах.

5- Пелика красноглиняная.

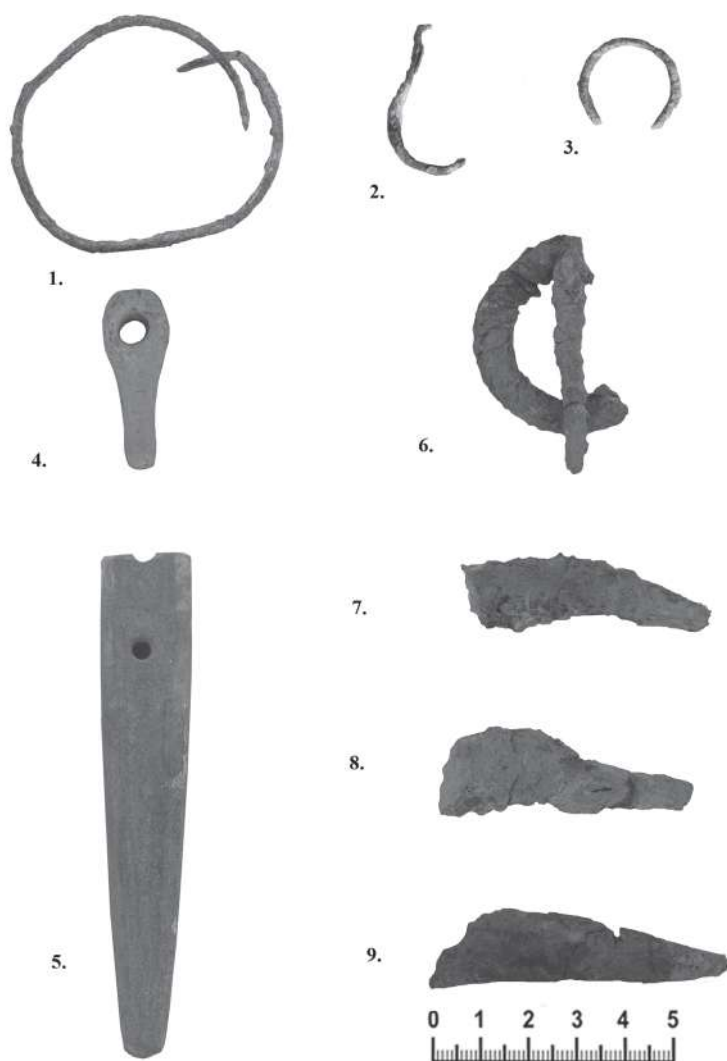

Рис. 9. Некрополь Артющенко-2. Погребение 209. Находки.

1- Бронзовый браслет.

2- Бронзовая серьга.

3- Бронзовое колечко.

4- Подвеска каменная.

5- Оселок.

6- Железная пряжка.

7-9- Железные ножи.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

Н.П. КОНДАКОВ И АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ¹

N.P. KONDAKOV AND CLASSICAL ARCHAEOLOGY OF RUSSIA

Никодим Павлович Кондаков, 180-летие со дня рождения которого в 2024 г. отметила научная общественность нашей страны, давно признан подлинным корифеем, вклад которого в археологическую науку общепризнан [см. Кызласова, 1985. С. 5; Скифский роман, 1997. С. 431–432; Цамутали, 2001; Хрушкова, 2018]. В особенности это относится к изучению памятников византийского и древнерусского искусства [Маркевич, 1890. С. 302–305; Редин, 1897; Покровский, Глубоковский, 1911. С. 749; Белов, 1916; Жебелёв, 1923. С. 133–134, 159; 1938. С. 15; Успенский, 1926. С. 567; Мусин и др., 2019. С. 102; Кашеев, 2021. С. 371]. Знаменитый критик В.В.Стасов в письме к Н.П. Кондакову от 8 декабря 1905 г. назвал его «архистратигом русской археологии» [Стасов, 1962. С. 303]², и ему так или иначе вторили (да и до сих пор вторят) многие исследователи, считающие, что в 90-х гг. XIX в. Н.П.Кондаков по существу встал во главе всех исследователей, занимавшихся русской археологией [Кызласова, 1985. С. 118; Нидерле, 2002. С. 199]. Л.С. Клейн в своей «Истории российской археологии» посвятил Н.П. Кондакову специальный очерк, озаглавив его «Византиец Н.П. Кондаков» [Клейн, 2014. С. 541–565]. Стремясь создать психологический портрет Никодима Павловича, он, скорее всего, имел в виду не только его увлечение византийским искусством, но и общий склад характера, особенности мировоззрения, присущие ему симпатии и антипатии.

В мемуарах «Воспоминания и думы» Н.П. Кондаков назвал себя ученым археологом [Кондаков, 1927. С. 9; 2002. С. 31]. А вот В.И. Кац признал, что он вообще археологом не являлся [Кац, 2023. С. 180], что, конечно, неверно, и даже трудно

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отношение Н. П. Кондакова к деятельности В.В. Стасова не было однозначным [см. Кондаков, 1907а. С. 6–14; 1907б]. Признавая его заслуги в области художественной критики, Никодим Павлович резко возражал против некоторых концепций В.В. Стасова в области «археологии искусства». В частности, Н.П. Кондаков высоко оценил его исследование расписной катакомбы, открытой в Керчи в 1872г. и вошедшей в науку под названием Стасовской [Кондаков, 1907а. С. 11; 1907б. С. 63–64]. С другой стороны, он считал своего рода манией искания В.В. Стасова восточных влияний в русском быте, костюмах, вооружении и обычаях. По этому поводу исследователь писал: «Можно искренне сожалеть, что его замечательное усердие, обнаруженное в подборании самых мелочных деталей, не нашло себе надлежащего применения в крупной научной работе» [Кондаков, 1907а. С. 12].

понять, каким образом у уважаемого исследователя сложилось такое превратное представление. Археологом Никодим Павлович, конечно, являлся, при этом даже по современным критериям, сильно отличающимся от реалий второй половины XIX в.

Целью данной статьи, однако, является не описание жизненного пути ученого и даже не общая характеристика его деятельности в научной сфере (тем более, что все это уже неоднократно сделано), а вклад Н.П. Кондакова в отечественную античную археологию³, а также тесно связанную с ней археологию скифо-сарматскую. Ставя такую задачу, вполне естественно обратить внимание на обстоятельства, повлиявшие на формирование у будущего корифея интереса к изучению древностей.

Становление ученого. Любопытно, что в названной выше книге мемуаров «Воспоминания и думы», многие страницы которой посвящены описанию детских и юношеских лет, Никодим Павлович ничего не сказал о пробуждении у него интереса к памятникам старины. Москва с ее кремлем и знаменитыми соборами, как будто, не пробудила в нем «отрадного мечтанья». Посещение областей южной России тоже не отмечено суждениями об остатках древних поселений или курганах, хотя не может быть сомнения, что молодой человек видел их и, разумеется, слышал байки о спрятанных в них сокровищах.

Поступив во Вторую московскую гимназию Н.П. Кондаков поначалу увлекся математикой и лишь позднее проявил интерес к изучению греческого и латинского языков. По его словам, только после этого в семье решили, что он непременно станет ученым [Кондаков, 1927. С. 19; 2002. С. 55]. Никодим Павлович признавал также, что древнегреческий язык в гимназические годы был освоен им очень хорошо, так что любой текст он мог читать без подготовки. Правда, исследователь признал и то, что в университете эта способность была утрачена [Кондаков, 1927. С. 19; 2002. С. 55].

В те же годы Н.П. Кондаков пристрастился к чтению исторической литературы. Для основательного знакомства с сочинениями знаменитых историков ему пришлось выучить немецкий язык. Вскоре, однако, старший приятель Н.П. Кондакова студент Семёнов посоветовал ему сосредоточиться на изучении истории искусств – предмете в России новом и обещавшем в будущем карьерный рост. Молодой человек прислушался к этому совету, в чем никогда не раскаивался [Кондаков, 1927. С. 24; 2002. С. 63]. Такой выбор свидетельствует, что в круг его интересов вошла и археология, поскольку в те годы она была не просто связана с историей искусств, а по существу являлась частью этой научной дисциплины.

Годы обучения на историко-филологическом факультете Московского университета (1861–1865) – особый и в высшей степени важный период в судьбе ученого. Историю искусств в университете тогда преподавал известный археолог К.К. Гёргц [о нем см. Малеин, 1912; Басаргина, Застрожнова, 2010; Виноградов, 2023]. Он, как

³ В этом отношении стоит обратить внимание, что В.И. Кашеев посвятил Никодиму Павловичу весьма содержательную статью в «Словаре петербургских антиковедов» [Кашеев, 2021].

известно, в 1859 г. провел раскопки Фанагории, а также составил сочинения об археологической топографии Таманского полуострова и истории его археологического изучения [Гёргс, 1898а; 1898б]. В своих кратких автобиографиях Н.П. Кондаков непременно отмечал, что слушал лекции по истории искусства у этого преподавателя, но главным направлением специальных занятий был обязан не ему, а Ф.И. Буслаеву [(Кондаков), 1896а. С. 338; 1915. С. 338], читавшему лекции по русской и иностранной литературе [о нем см. Раренко, 2019]. Стоит отметить, что о К.К. Гёргсе его ученик оставил весьма нелестную характеристику: «Это был человек глубоко бездарный, но трудолюбивый и добросовестный, и хотя был своего рода посмешищем в профессорском кругу, но при всей своей наивности искренно любил науку и знал много больше, чем его насмешники» [Кондаков, 1927. С. 35–36; 2002. С. 90]⁴. Тем не менее, между ними сложились довольно близкие отношения. Не случайно именно К.К. Гёргсу были адресованы два письма Н.П. Кондакова об его археологической поездке 1874 г., опубликованные в «Московских ведомостях» [Кондаков, 1874а; 1874б], о которых речь пойдет чуть ниже. Трудно сказать, знал ли Никодим Павлович о письмах, которые Карл Карлович писал в 1859 г. с берегов Боспора Киммерийскому председателю Императорской археологической комиссии С.Г. Строганову [см. Виноградов, 2023], но очень может быть, что знал и даже в какой-то степени подражал им.

Тем не менее, еще раз повторю, что не К.К. Гёргс, а Ф.И. Буслаев сильно повлиял на становление научных интересов молодого человека. Именно ему Н.П. Кондаков обязан пониманием важности сравнительно-исторического метода в археологических исследованиях, а также особым вниманием к изучению христианского искусства [Белов, 1916. С. 457; Кыласова, 1985. С. 7]. В отношении своего учителя Никодим Павлович не жалел похвальных слов [Кондаков, 1927. С. 27; 1929. С. 165; 2002. С. 70], в частности называя его основателем науки «русской народной словесности», положившим своими трудами «по символике и мифологии древнего русского искусства» прочное основание «его историческому исследованию» [Кондаков, 1885. С. 110–111].

После окончания университета, Н.П. Кондаков некоторое время преподавал русскую словесность во Второй московской гимназии и военном Александровском училище, а также русскую историю и археологию в Московской школе живописи и ваяния [Редин, 1897. С. 1]. В 1867 г. он совершил первое заграничное путешествие с целью изучения памятников искусства. В то время главной для себя он считал науку классической археологии, теснейшим образом связанную с историей искусства [Кондаков, 1927. С. 75; 2002. С. 181]. Такие поездки потом совершались неоднократно, и, по правильному замечанию А.М. Белова, в Западной Европе вряд ли найдется музей, который бы не был им изучен [Белов, 1916. С. 457].

⁴ С.А. Жебелёв считал, что К.К. Гёргс получил прекрасную научную подготовку по своей специальности, но никогда не был самостоятельным исследователем, а потому и не оставил после себя школы [Жебелёв, 1923. С. 133].

В 1870 г. Н.П. Кондаков получил приглашение поступить на кафедру теории и истории искусств Новороссийского университета. Это приглашение было принято, и 9 сентября 1871 г. 27-летний ученый выступил с вступительной лекцией «Наука классической археологии и теория искусства» [Кондаков, 1872]. В ней он, в частности, отметил возрастание интереса к археологическим и художественным исследованиям, при этом в центре всех теоретических изысканий, по его мнению, находилось классическое искусство. Исследователь указал на массу археологического материала, полученного в результате раскопок последних лет, и констатировал, что в развитии греческого искусства не было полной изолированности. «Для науки, – как считал Н.П. Кондаков, – наступает время, когда каждый памятник, хотя бы и мелкий, не может уже казаться новой, нередко лишней мелочью, без которой можно было бы и обойтись: он, как и новая строка в летописи, освещает особую сторону в монументальной деятельности народа и находит себе место в обозрении, дополняя новое звено исторической последовательности или выясняя принятый принцип» [Кондаков, 1872. С. 90]. Из сказанного вполне очевидно, что классическую археологию молодой исследователь понимал в духе И.И. Винкельмана – как связанную, прежде всего, с историей искусства [Клейн, 2014. С. 544].

В автобиографии, подготовленной для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук, Н.П. Кондаков отметил, что в 1873 г. выступал с заметками археологического содержания в газете «Московские ведомости» [(Кондаков), 1915. С. 339]. Действительно, на ее страницах за этот год среди корреспонденций из Парижа, Рима, Константинополя и т.д., судебной и театральной хроники, информации о самарском голоде и пр. имеются публикации, связанные с описанием раскопок и находок древних артефактов, но все эти публикации анонимны. Тем не менее, учитывая научные интересы Никодима Павловича, можно предполагать, что им была написана статья о находках в Керчи трех замечательных терракотовых статуэток [Московские ведомости. 1873. № 202. С. 3]. Скорей всего, его перу принадлежит заметка об открытии в 1872 г. расписной катакомбы, изученной В.В. Стасовым и названной по его имени (Стасовская). Автор статьи при этом согласился с мнением исследователя, что представленные там изображения пеших и конных воинов принадлежат какому-то восточному народу [Там же. № 206. С. 5]. Наконец, весьма вероятно, что именно Н.П. Кондаков проинформировал читателей газеты о кургане «Черная могила», раскопанном Д.Я. Самоквасовым как раз в это время под Черниговом [Там же. № 240. С. 3].

В названной выше краткой автобиографии Н.П. Кондаков упомянул об археологической поездке 1874 г. в Ольвию, Херсонес, Керчь и Тамань, а затем через Сухуми и Потю – в Кутаиси и Тифлис [(Кондаков), 1915. С. 339]. В научной литературе этой поездке до недавнего времени не было уделено никакого внимания [см. Виноградов, 2024б], но для Никодима Павловича она, скорее всего, имела очень большое значение. Впечатления от знакомства с археологическими памятниками исследователь изложил в виде двух писем к профессору К.К. Гёргу,

опубликованных в газете «Московские ведомости». В первом из них автор рассказывал о посещении Керчи [Кондаков, 1874а]. В нем он кратко описал основные типы тамошних древних гробниц, а также выразил восторг по поводу двух расписных «катакомб», открытых в 1872 г. (Стасовская) и 1873 г. (двойной склеп). Н.П. Кондаков посчитал, что сцены битв, изображенные на стенах этих гробниц, имеют историческое значение, он даже сопоставил их с рельефами колонны Траяна. А вот состояние Керченского музея древностей, ютившегося в съемных помещениях, произвело на исследователя тяжелое впечатление. Другой негативный момент, отмеченный автором, – спекуляция боспорскими древностями; ее размах просто потряс его.

Второе письмо Н.П. Кондакова посвящено описанию Тамани и Кавказского побережья, куда он прибыл вместе с профессором Ф.К. Бруном [Кондаков, 1874б]. Путешественники с большим вниманием осмотрели городище у станции Сенной, правильно отождествив его с Фанагорией. По заключению Н.П. Кондакова, столь грандиозных руин на Тамани он больше не заметил. Особенно сильное впечатление на него произвели курганы, «которые в одной местности идут целую аллеей или улицей». Затем путешественники перебрались в Анапу и признали, что в древности на этом месте существовал Синдик, порт народа синдов, позднее названный Горгиппией. В окрестностях Анапы Н.П. Кондаков обратил внимание на большое количество курганов, в том числе на группу «Три сестры». Однако в особенности его заинтересовало место, где в 1871 г. были обнаружены две мраморные статуи, затем перевезенные в Новороссийск. Исследователь посетил этот город, осмотрел скульптуры и сделал довольно подробное их описание. «Статуи эти, – по его заключению, – произведение классического искусства на почве древней Скифии или Сарматии», но искусства вырождающегося, характерного для II в. до н.э. – II–III вв. н.э. Н.П. Кондаков полагал при этом, что статуи, скорее всего, были изготовлены во II–I вв. до н.э. Одна из них изображала спокойно стоящую женщину, другая – мужчину в плаще с меховой оторочкой, кинжалом около правой руки и длинным мечом в левой. Последняя статуя привлекла особое внимание Никодима Павловича. Он предположил, что она являлась портретной и изображала либо римского правителя на берегах Понта, либо туземца в римском военном плаще. Даже краткого описания, сделанного Н.П. Кондаковым, достаточно, чтобы признать, что эти скульптуры имеют большое значение для боспорской археологии. Остается лишь сожалеть, что в наши дни об их судьбе ничего не известно.

Выше было сказано, что во время поездки 1874 г. Н.П. Кондаков посетил Ольвию и Херсонес. О том, какое впечатление на него произвели эти памятники античной культуры, мы не знаем. Можно предполагать, однако, что тогда же он посетил Аккерман (совр. Белгород Днестровский) и осмотрел археологические находки, сделанные во время строительных работ 1867–68 гг. на окраине города. Исследователь правильно предположил, что на этом месте существовала древняя Тира. Скромность находок не обескуражила Никодима Павловича. По этому поводу он заключил, что «действительность, хотя и жалкая, лучше роскошных, но праздных мечтаний и толков, под-

держиваемых притом зачастую мотивами, чуждыми науке» [Кондаков, 1876. С. 24].

Годом раньше этой археологической поездки Н.П. Кондаков в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства» [Кондаков, 1873]. Этот удивительный памятник был возведен в древней Ликии (совр. Турция) на рубеже VI–V вв. до н.э. В 1841 г. его замечательные рельефы были перевезены в Британский музей и сейчас находятся в его экспозиции [Фрэнсис, 1984. С. 121, 137, № 169; A Guide, 1912. Р. 8–10; Pryce, 1928. Р. 122–129, pl. XXI–XXIV; Burn, 1991. Р. 114–115]. Изначально памятник представлял собой каменную башню, наверху которой была устроена гробница со всех четырех сторон украшенная рельефами. Среди изображений, представленных на них, имеются фигуры дев-птиц, которых считали гарпиями, что и стало причиной закрепившегося в литературе названия всего монумента. По замечанию Н.П.Кондакова, этот памятник кажется «какой-то странной загадкой, брошенной рукой неизвестного творца в темном углу древнего мира» [Кондаков, 1873. С. 3]. Эту загадку пытались решить многие западные ученые, взгляды которых исследователь подверг самой серьезной критике. Не касаясь авторской интерпретации отдельных фигур или целых композиций, запечатленных на рельефах, необходимо обратить внимание на две важнейшие методические установки, сделанные исследователем: во-первых, это погребальный памятник и представленные на нем рельефы демонстрируют различные детали погребального культа, а, во-вторых, эти изображения надо изучать не по отдельности, но комплексно, во всей их совокупности.

Н.П. Кондаков отнес Памятник гарпий к тем произведениям античного искусства, «которые, не блещя изяществом совершенной формы, отличались глубоким религиозным содержанием» [Там же. С. 13]. Автор при этом был абсолютно убежден в зависимости древнейшего греческого искусства от восточного, указывая на связь изображений на рельефах с ликийскими мифологическими представлениями. Он подчеркивал также, что «до тех пор, пока все археологические выводы будут исключительно основываться на данных, почерпнутых у классических писателей, пока метод исследования памятников будет чисто филологический с примесью эстетической оценки, ранняя эпоха греческого искусства будет всегда представлять много положительных затруднений» [Там же. С. 191]. Наконец, следует отметить, что исследователь считал, что символика надгробных сюжетов черпает свое содержание «в глубокой традиции верований народных», не имеющей ничего общего со схематическими ритуалами, предписываемыми жречеством. Простота и бесхитростность этой традиции, по его мнению, была к тому же весьма далекой от «всяких философско-мистических умозрений времен Платона и Элевсинских таинств» [Там же. С. 194]. Свежесть и смелость этих суждений надо признать и в наши дни.

После защиты диссертации Н.П. Кондаков совершил длительную заграничную командировку (март 1875 – август 1876 гг.) с целью дальнейшего изучения памятников искусства [Кондаков, 1876а; 1876б; 1877а]. Есть все основания считать, что к середине 70-х гг., когда Никодим Павлович переступил черту 30-летнего возраста,

он уже достаточно громко заявил о себе как о талантливом исследователе, серьезно интересующемся археологией. Не удивительно, что на него обратили внимание в Императорской археологической комиссии, нуждавшейся в специалистах такого профиля. Официальное приглашение стать сотрудником ИАК было направлено в Новороссийский университет 23 марта 1876 г. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876г. Д. 15. Л. 1–2]. Из этого документа вполне понятно, что Н.П. Кондаков в Петербурге был известен не очень хорошо, во всяком случае, по ошибке его называли Николаем. Более того, в Комиссии не имели представления, где в это время находился адресат, а он тогда, как было сказано выше, находился в заграничной командировке и пребывал в городе Палермо. Там до него дошло приглашение, в ответе на которое 12 апреля 1876 г. Никодим Павлович писал: «По своей должности я вполне свободен для занятий раскопками в Южной России в летние месяцы, равно и для исполнения других поручений в остальное время года. Возвратившись из заграничной командировки в Россию в начале нынешнего лета <...>, я могу затем немедленно отправиться на раскопки по распоряжению Комиссии» [Там же. Л. 4 об.]. Руководство Новороссийского университета «не нашло препятствий» к определению доцента Н.П. Кондакова младшим членом ИАК [Там же. Л. 8]. Так началось его сотрудничество с Императорской комиссией которое продолжалось немногим меньше 15 лет [Длужневская, 2001; Виноградов, 2024a].

Археологические работы Н.П. Кондакова. Императорская археологическая комиссия, как известно, была создана в 1859 г., и здесь важно уяснить, какие задачи были поставлены перед этой организацией. Ее первый председатель С.Г. Строганов писал по этому поводу: «Археологическая комиссия с самого начала своего существования обратила главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами» [см. Виноградов, 2012. С. 32; 2019. С. 354]. Вполне понятно при этом, что основным районом исследований для Комиссии стал Боспор Киммерийский, берега которого просто усеяны древнегреческими поселениями и, самое главное, огромным количеством курганов. Раскопки больших боспорских курганов быстро обогатили Императорский Эрмитаж массой произведений античного прикладного искусства. Н.П. Кондаков, конечно, должен был трудиться в обозначенном направлении. И действительно, уже в июле – августе 1876 г. он предпринял археологические работы в окрестностях Нимфея и получил, на мой взгляд, весьма любопытные результаты. Для Никодима Павловича это был первый опыт проведения раскопок. Понятно, что о полевой археологии он имел самое общее представление, и методика его раскопок была очень далека от совершенства [Клейн, 2014. С. 544]. Справедливости ради стоит отметить, что в то время этим грешили почти все исследователи Боспора Киммерийского, за исключением разве что А.Е. Люценко.

О полевых работах Н.П. Кондакова 1876 г. под Нимфеем стоит сказать поподробней не только потому, что это был его первый опыт такого рода, но и по той причине,

что в опубликованном отчете [ОАК за 1876 г. С. IX–X, XXIII–XXX] упущены некоторые важные детали, отмеченные в рукописном документе, хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20]. Исследования были предприняты на трех территориях: 1) в западной части имения Эльтиген, 2) к западу от озера Чурубаш, 3) около моря, где располагались непонятные валообразные насыпи.

На первом участке были раскопаны 4 большие насыпи [ОАК за 1876 г. С. XXIII–XXV]. В двух из них (№№ 1 и 3) были обнаружены погребения, содержавшие скорченные окрашенные костяки. В первом, по словам археолога, кости имели цвет красного вина [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 16]. Один курган (№ 2) содержал земляную гробницу с погребением, в котором находились три остродонные амфоры с бронзовым киафом, широкий меч, бронзовые и железные наконечники стрел, железные наконечники копий и т.д. Весьма любопытен четвертый курган, в центре которого под каменным завалом была обнаружена гробница, содержавшая три костяка взрослых людей и один детский, лежавший в стороне. Покойные были уложены на слой морской травы, в головы им были положены травяные подушки. В могиле был найден лук и рогатниковые стрелы.

Исследователь посчитал, что все эти погребения принадлежали скифским кочевникам [Там же. Л. 17 об.], но с ним в полной мере можно согласиться лишь в одном случае – погребение воина из кургана № 2. Гробница с коллективным захоронением из кургана № 4 весьма любопытна, но ее невозможно датировать сколь-либо точно, но, скорее всего, к скифской культуре она не имеет отношения. Обнаруженные исследователем могилы со скорченными и окрашенными костяками, безусловно, относятся к бронзовому веку. Весьма вероятно, что именно Н.П. Кондакову принадлежит честь открытия таких комплексов в Восточном Крыму, но у археологов того времени они не вызывали никакого интереса.

К западу от озера Чурубаш Н.П. Кондаков предпринял раскопки курганов, в основном имевших небольшие размеры [ОАК за 1876 г. С. XXV–XXVI]. Почти все они были либо ограблены, либо не содержали находок, но любопытные объекты встречались и здесь. К примеру, под одной из насыпей была обнаружена каменная гробница «прекрасной конструкции», но совершенно разоренная; в ней был найден лишь человеческий череп, окрашенный зеленью, что произошло, по предположению археолога, «от исчезнувшего шлема» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 18].

Большое внимание Н.П. Кондакова привлек большой курган, носивший название «Иван Бий». В центре его под завалом камней была открыта каменная гробница, в которой находились два костяка с согнутыми ногами, кости которых были окрашены в коричнево-красный цвет. По словам автора, этот комплекс имел все черты скифского [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 18 об.], но здесь он, конечно, заблуждался, как и в случае с другими подобными могилами. По этому поводу закономерно возникает вопрос – неужели Никодим Павлович ничего не слышал о системе трех веков К.Ю. Томсена? Вероятнее всего знал, но не стал связывать с ней открытые

им погребальные памятники, хотя теперь уже вполне понятно, что некоторые из них принадлежат к бронзовому веку. Для Н.П. Кондакова, как и для его соавтора по изданию «Русских древностей в памятниках искусства» И.И. Толстого, эта система была «пустой схемой». Научные исследования следовало сосредоточить на предметах, происходящих из курганов и кладов, со стороны стиля их отделки, формы и исторических изменений [Толстой, 1898. С. 227], но об этом будет сказано ниже.

Раскопки на двух обозначенных территориях были признаны очень неудачными, и Н.П. Кондаков решил перенести исследования к городищу Нимфей [ОАК за 1876 г. С. XXVII–XXIX], «где самая близость к морю заставляла рассчитывать на находки» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 19]. К западу от городища были заметны небольшие плоские «бугры», а также валообразные насыпи, идущие параллельно. Предпринятые раскопки показали, что здесь находилось «сплошное народное кладбище» [ОАК за 1876 г. С. XXVII; НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 19]. Такой результат, разумеется, никак не мог удовлетворить исследователя, поскольку произведений античного прикладного искусства и здесь найти не удалось. Огорченный этим Н.П. Кондаков предпринял ограниченные работы на площади городища, но и они не дали ярких находок [ОАК за 1876 г. С. XXIX–XXX].

Для начинающего археолога результат был тем более огорчительным, что в 1876 г. под Нимфеем рядом с ним трудился директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко. В имении Эльтиген ему удалось открыть несколько очень богатых элитарных погребений, ставших хрестоматийными для боспорской археологии [см. Силантьева, 1959. С. 99, № 23, 104–105, № 113, 105–106, № 114, 106, № 115]. Александр Ефимович, по всей видимости, наблюдал за действиями коллеги с долей иронии. По его словам, в раскопанных Н.П. Кондаковым курганах «оказались уцелевшими только одни большие каменные, какого-то неизвестного народа гробницы и притом чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 59].

В 1878 г. Императорская комиссия поручила Н.П. Кондакову провести раскопки в Керчи и на Таманском полуострове совместно с новым директором Керченского музея С.И. Веребрюсовым. Никодим Павлович предпринял исследования на склонах горы Митридат, где были обнаружены древние гробницы различных типов [ОАК за 1878 и 1879 гг. С. XIII–XIX]. Традиционно здесь большое внимание уделялось изучению так называемых «катакомб». Археолог обратил внимание, «что катакомбы всей этой местности расположены двояко: группами в курганах, идущих по низу покато-сти параллельно городскому предместью, и порознь, но поясами, держащимися параллели хребта, в верхней части его склонов; таких поясов насчитано было до пяти, и местами пояса были правильны и непрерывны» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1878 г. Д. 11. Л. 3]. Не удивительно, что исследователь попытался найти среди этих сооружений знаменитую расписную катакомбу – «царицу камер», открытую А.Б.Ашиком в 1841 г. и, к сожалению, утерянную [Там же. Л. 4–4 об.]. Замечательные росписи, покрывающие ее стены, по сложности композиции не имеют равных на Боспоре [Ашик,

1845; Ростовцев, 1913–14. С. 346–375]. Увы, ни ему, ни другим археологам найти «цапицу камер» так и не удалось. Более того, Н.П. Кондакову в 1878г. вообще не удалось обнаружить ни единой гробницы, украшенной хотя бы самым простым орнаментом.

Большие надежды исследователя были связаны с раскопками курганов на Таманском полуострове. Работы здесь, в основном, были сосредоточены в «аллее курганов» около Сенной и в цепи курганов, идущей до горы Цымбалы [ОАК за 1878 и 1879 гг. С. IX–XII]. Ни в одном из них не было обнаружено богатых захоронений.

В 1880 г. под руководством Н.П. Кондакова были предприняты серьезные работы в окрестностях станицы Курчанской Кубанской области [ОАК за 1880 г. С. V–IX]. Несколько десятков насыпей были сосредоточены здесь на достаточно большой площади, при этом они располагались как на равнине, так и на прилегающем к станице хребте. В одном из них, расположенном на равнине, была обнаружена конская могила, наряду с прочим содержащая железные удила и стремена. Под ней была расположена главная могила, в которой был зафиксирован гроб в виде большой колоды. При прахе покойного был найден весьма показательный инвентарь: железный шлем, кольчуга, сабля, копье, 4 дротика и пр. [Там же. С. V–VI]. Нет сомнения, что это было погребение знатного средневекового воина. С современной точки зрения его следовало бы отнести к категории важных археологических открытий, но это с современной точки зрения. Археологи XIX в. придерживались другого мнения, и Н.П.Кондаков не уделил этому погребальному комплексу особого внимания.

Курганы, расположенные на хребте у Курчанской станицы, имели небольшие размеры и содержали небогатые находки [Там же. С. VI–IX]. Н.П. Кондаков заключил, что они имели «явные признаки <культуры> кочевников мзотийского побережья» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1880 г. Д. 11. Л. 11 об.]. Исследователь вновь не придавал значения тому факту, что некоторые из обнаруженных им костяков были окрашены красной краской, т.е., как мы понимаем сейчас, к меотам не имели никакого отношения.

Почти нет сомнения, что перед сознанием Н.П. Кондакова, так сказать, возникли несметные сокровища, обнаруженные ранее в других курганах Тамани, в частности, в Большой Близнице. Вероятно, надеясь на новые открытия такого рода, он сделал попытку раскопать курган, расположенный в одной версте к северу от этого ставшего знаменитым памятника, но обнаруженные здесь гробницы оказались ограбленными в древности [ОАК за 1880 г. С. IX–X].

Новый председатель ИАК А.А. Васильчиков, назначенный на этот пост в марте 1882 г., обратился к Н.П. Кондакову с просьбой: «Имея в виду, что Вы уже имели случай сами производить археологические исследования в окрестностях Керчи, и что весьма желательно было бы насколько возможно выяснить вопрос, на какие именно пункты следует обратить преимущественно внимание при дальнейших археологических раскопках в тамошней местности, я покорнейше прошу Вас заняться в нынешнем году подробным осмотром означенных окрестностей, произведя в местах, где Вы признаете полезным, более или менее обширные расследования» [НА

ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 1]. Н.П. Кондаков в ответе на это послание, в частности, отметил: «Я лично с своей стороны сознаю вполне, как мало удалось мне принести пользы делу Комиссии, несмотря на все мое желание. Быть может, местности, выпавшие на мою долю, а также моя собственная нерешительность были причиной моих первых неудач» [Там же. Л. 6]. Как видим, исследователь по-прежнему питал большие надежды на яркие археологические открытия в районе Боспора Киммерийского.

Для раскопок 1882 г. он выбрал большой курган, находящийся около селения Баксы в окрестностях Керчи, его исследования были продолжены и на следующий год [ОАК за 1882–88 гг. С. IV–VIII, XXX–XXXI]. После нелегких трудов здесь была обнаружена монументальная каменная гробница с уступчатым перекрытием, в которой находился богато украшенный деревянный саркофаг, погребения трех коней, несколько не очень эффектных золотых предметов, краснофигурная ваза и пр. Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, что это было замечательное открытие – самая ранняя на Боспоре гробница такого рода. Исследователь, обратив внимание на разнотипность найденных в ней вещей, посчитал, что здесь были сделаны два разновременных погребения [ОАК за 1882–88 гг. С. VII, VIII]. На самом же деле погребение, скорее всего, было одно, и оно, как можно считать, принадлежало создателю Боспорского государства Сатиру I [Shefton, 1982. Р. 155; 1992. Р. 249; Виноградов, 2014а; 2014б; 2017. С. 148–153]. В конце XIX в. значение этого открытия не было оценено по достоинству, да и вряд ли этого стоило ожидать.

С большим огорчением надо признать, что Н.П. Кондаков не придал никакого значения деревянной пластине, украшавшей саркофаг [Виноградов, 2014а. С. 513, 520–521; 2017. С. 149], и не присоединил ее к коллекции находок, происходящих из кургана. О пластине мы знаем только из рукописного отчета археолога, в котором записано, что, «вероятно, на акротерии фронтона лицевой стороны <саркофага> находилось изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 22], а между тем этот предмет мог бы стать важным свидетельством совсем не египетского, а ахеменидского влияния на культуру элиты Боспорского государства при ранних Спартокидах [Vinogradov, 2023. Р. 109]. Сейчас же об этом можно только предполагать.

Помимо раскопок этого важнейшего памятника, в 1882 г. Н.П. Кондаков вновь предпринял поиски знаменитой «царицы камер» на горе Митридат, но эти поиски опять оказались безрезультатными – шесть обнаруженных им катакомб оказались разоренными и засыпанными землей [ОАК за 1882–88 гг. С. IX]. «Царица камер» так и осталась неуловимой. Затем исследователь провел работы на продолжениях горы Митридат, известных под названиями «Сахарной головы» и «Долгой скалы» [ОАК за 1882–88 гг. С. IX–XI]. Эти раскопки не дали желаемого результата – обнаруженные гробницы не содержали ничего драгоценного. Все это заставило Н.П. Кондакова сделать два серьезных вывода в отношении дальнейших раскопок в Керчи [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 26 об.]:

Во-первых, он заявил о бесполезности поисков на горе Митридат и ее продолжении и, напротив, о необходимости систематических сплошных раскопок по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, «ввиду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи».

Во-вторых, Никодим Павлович указал на необходимость «полного расследования всех больших курганов в наиболее отдаленных местностях Керчь-Еникальского градоначальства, на север от г. Керчи, около Еникале и близ селений Баксы и Булганак, так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломен и затруднявшим не только расхищение, но и самые раскопки, могли еще сохраниться древности важного исторического и художественного значения».

Как видим, исследователь твердо придерживался точки зрения, что задача боспорской археологии заключается в раскопках больших курганов и поисках расписных катакомб. Изучение некрополей рядового населения представлялось ему напрасной тратой времени и казенных денег, а вопрос о раскопках древних поселений вообще никак не ставился. Для археологии, нацеленной на поиск художественных ценностей, иного быть просто не могло! Несмотря на все старания, богатых погребений, сравнимых с Куль-Обой или комплексами Большой Близницы, Н.П.Кондакову открыть не удавалось. Тем не менее, он не терял надежды и даже обращался к А.А.Васильчикову с конкретными предложениями по продолжению работ в обозначенном направлении. Так в письме из Керчи от 20 июля 1882 г. он сообщал ему, что «решился сам принять на себя заведование⁵ Золотым курганом, в котором каменоломщики добывали свободно камень. Ныне Управа уже сделала распоряжение о запрещении им добывать там камень. Между тем, если Комиссии угодно будет согласиться на мое предложение, мы можем расследовать его без всяких затрат, так как зимою артели возьмутся за один камень работать в нем, причем надзор может быть поручен здешнему надсмотрщику Василию Памфилову» [НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 16 об.] К сожалению, это предложение Никодима Павловича не нашло поддержки в Петербурге, и важнейший памятник боспорской археологии продолжал разрушаться. В том же письме он сообщал: «Равно также я завел переговоры с здешним помещиком Львом Абазали о раскопках курганов на его земле, и он соглашается на условиях, выгодных для Комиссии – именно из доли вознаграждения за находки, без плат предварительных» [Там же. Л. 16 об.].

Наконец, стоит отметить, что ученого продолжала волновать судьба Керченского музея. В уже процитированном письме А.А. Васильчикову он сообщал по этому вопросу: «Весьма желал бы слышать Ваше мнение по вопросу о том, следует ли Комиссии хлопотать по устройству здесь здания для Музея Древностей – вопро-

⁵ В данном случае «заведование курганом» означало не организацию в нем хранилища древностей или чего-нибудь подобного, а проведение новых раскопок.

су очень важному и интересующему всю здешнюю интеллигенцию. Уже и теперь все свободные места в городе разобраны, а после отвод места под музей будет еще труднее. Граф Строганов поручал мне когда-то разузнать почву по этому вопросу. Впрочем, когда Вы сами изволите посетить Керчь и увидите, что представляет собою теперешний Музей, Вы решите, как должно направить вопрос. В разговорах с Головою и Гласными я, однако же, очень нужным <считаю> указать на необходимость заранее оставить место для Музея» [Там же. Л. 16 об.]. Однако и в этом вопросе никакого прогресса не происходило.

В 1883 г. Н.П. Кондаков продолжил раскопки курганов, расположенных на Керченском полуострове, но не на землях помещика Льва Абазали, как предполагал ранее. Закончив исследования кургана у села Баксы, он обратился к погребальным памятникам некрополя боспорской знати Юз-Оба, проведя работы на двух из них – Остром (Десятом) и Змеином. Первый из них занимал центральное место в некрополе и был в нем одним из самых крупных. В 1861–1862 гг. этот памятник раскапывал А.Е. Люценко; ему удалось обнаружить здесь каменную крепиду в виде лестницы, а также огромную, хорошо отделанную, но, к сожалению, ограбленную катакомбу [Виноградов и др., 2012. С. 72–83]. Раскопки Н.П. Кондакова, предпринятые в 1883 и продолженные в 1885 г., конечно, были направлены на поиск царского склепа, но они не дали никакого результата. Исследователю пришлось предполагать, что такой склеп был устроен в верхней части курганной насыпи и, соответственно, давно был разрушен [Там же. С. 78, 79]. Такое расположение царской гробницы представляется крайне маловероятным. Скорее всего, единственной гробницей Острого кургана была катакомба, открытая А.Е. Люценко. Можно даже предположить, что в ней был погребен знаменитый боспорский царь Левкон I [Виноградов и др., 2012. С. 83; Виноградов, 2017. С. 154–155], но Никодим Павлович не задумывался по поводу принадлежности больших курганов Боспора тому или иному правителю, возможно, считая рассуждения по этому вопросу чисто схоластическими.

Раскопки Змеиног кургана оказались более успешными [ОАК за 1882–1888 гг. С. XXXI–XXXII, LXXXIII–LXXXIV; см. также Виноградов и др., 2012. С. 93–97; Виноградов, 2017. С. 165–166]. Под насыпью кургана между двумя выступами природной скалы удалось обнаружить два человеческих костяка, лежавших один на другом. При них была найдена чашечка из грубой глины и обломок железного ножа. Н.П. Кондаков посчитал это погребение рабским, что вполне допустимо. Под насыпью был исследован также «жженный точек», т.е. место тризны, на котором было найдено большое количество костей животных, разбитых остродонных амфор и небольших чернолаковых сосудов. В специально вырытых ямках были размещены краснофигурные вазы, а между камнями, поставленными вертикально, – небольшой лекиф афинского мастера Ксенофанта [о нем см. Передольская, 1945. С. 56 сл., табл. V–VI; Виноградов, 2007, с. 8, фото; Petrakova, 2012. P. 158, fig. 9a]. Два костяка, открытые под насыпью кургана, привлекают особое внимание. Соглашаясь с Никодимом Павловичем, их можно определить как человеческие жертвоприношения, совершен-

ные перед сооружением курганный насыпи, а это придает всему памятнику очень необычный, уникальный для Боспора колорит, который вряд ли допустимо считать эллинским [Виноградов, 2017. С. 165–166].

В 1885 г. исследователь продолжил раскопки двух курганов некрополя Юз-Оба – Острого и Змеинового, начатые в 1883 г., но они не дали желаемого результата [ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXIII–LXXXIV]. В этом полевом сезоне более масштабные работы были предприняты на Таманском полуострове [ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXI–LXXXIII]. На сей раз раскопки были проведены в окрестностях станицы Старотитаровской. В расположенных там курганах были открыты погребения, в основном, принадлежавшие эпохе бронзы, к изучению которых боспорские археологи того времени, как уже частично говорилось, не проявляли никакого интереса.

Считая такой результат очень неудачным, Никодим Павлович перенес раскопки на курган Буерова могила, в котором в 1870 г. замечательные находки были сделаны И.Е. Забелиным – меч с золотой обкладкой ножен, золотые гривны, другие украшения [ОАК за 1870–1871 гг. С. IX–XII; Виноградов, 2017. С. 214–215]. Исследователь надеялся обнаружить здесь сохранившуюся боковую гробницу, но его работы по существу оказались напрасными⁶. Наконец, археолог решил доследовать курган на горе Блевака, напротив станции Сенной, но и здесь обнаружил лишь грабительскую мину, разбросанные кости и древесные угли от разоренной кремации [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 23. Л. 8].

Раскопки Н.П. Кондакова в Керчи и на Таманском полуострове, как видим, не дали желаемого им и, конечно, руководством ИАК результата. Складывается впечатление, что уже в это время исследователь в известной мере потерял к ним интерес и больше не рвался, как это было ранее, проявить себя в писках древних сокровищ. Однако вскоре для этого представилась одна неожиданная возможность. В 1886 г. ему было поручено провести исследование курганов у дер. Кара-Меркит в Западном Крыму, в одном из которых годом раньше при случайных обстоятельствах было обнаружено богатое скифское погребение, содержавшее четыре золотые пластины с оттиснутыми на них изображениями, 250 бронзовых наконечников стрел, ручку от бронзового кияфа, железные пластинки от панциря и пр. [ОАК за 1882–1888 гг. С. ХСІ–ХСІІ]. Н.П. Кондаков провел раскопки на месте находки, но ожидаемого результата они не дали. Выяснилось, что все эти вещи происходят из впускного погребения, устроенного в насыпи более раннего кургана. Обнаруженное в нем женское погребение было совершено в скорченном положении; рядом с костяком находился большой горшок из темной глины, украшенный «ромбовидными зигзагообразными орнаментами» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп.1. 1885 г. Д. 32. Л. 41 об.]. Во втором кургане была открыта гробница, сложенная из необработанных каменных плит. В

⁶ Исследования Буеровой могилы (Боюр-Горы), предпринятые в недавнее время, дали любопытные результаты, но они не привели к открытию новой царской гробницы [Ворошилов и др., 2016; Кузнецов и др., 2016].

ней находился человеческий костяк, «положенный боком с подогнутыми ногами и руками, вытянутыми к голове; под остоном замечена травяная подстилка с<о> следами извести и изголовье из потлевшего лубка. У рук покойника находился глиняный черный горшок, сделанный грубо, без кружала и лишенный всякой орнаментации» [Там же. Л. 42]. Еще в двух курганах были обнаружены остатки столь же примитивных погребальных сооружений.

Нет сомнения, что раскопки Н.П. Кондакова привели к открытию погребений бронзового века. Может быть, это было первое открытие памятников такого рода в Западном Крыму, но тогда это не нашло никакого отклика. Что касается золотых вещей, обнаруженных в 1885 г., то они, по заключению исследователя, демонстрируют «сравнительно поздний греко-античный стиль варварского типа» [Там же. Л. 42]. Упоминания о находках из Кара-Меркитского (Ак-Мечетского) кургана вошли во все классические труды по скифской археологии [см. Толстой, Кондаков, 1889б. С. 126–127; Ростовцев, 1925. С. 400; Артамонов, 1966. С. 29–30; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 110]. Их связывают с погребением представителя скифской знати и относят к второй – третьей четверти V в. до н.э. [Сенаторов, 2019. С. 38].

В 1887 г. руководство ИАК решило привлечь Н.П. Кондакова к раскопкам Херсонеса Таврического [Романчук, 2004. С. 254]. Археологические исследования на памятнике в этом году были поручены военному инженеру А.Л. Бертье-Делагарду; Н. П. Кондакову следовало обсудить с ним на месте подробный план работ [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 6]. Обсуждение, однако, не удалось провести, поскольку уважаемый профессор отправился в очередную заграничную поездку, и раскопки были отложены до будущего года [Там же. Л. 34].

К тому времени в жизни Н.П. Кондакова произошли важные перемены. Он переехал в С-Петербург и с 1 января 1888 г. был назначен ординарным профессором С-Петербургского университета по кафедре теории и истории искусства, а с 15 января его еще назначили старшим хранителем Императорского Эрмитажа. Эти назначения, на мой взгляд, не могли не отразиться на деятельности исследователя как полевого археолога.

Третий (последний!) председатель ИАК граф А.А. Бобринский вынужден был торопить Н.П. Кондакова с проведением исследований в Херсонесе. Он телеграфировал в Севастополь: «Организуите немедленно раскопку Херсонесского городища под начальством Делагарди при содействии Костюшко. <...> Необходимо спешить. Особые причины» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 67]. Особые причины заключались, конечно, во вмешательстве в дело раскопок этого важнейшего памятника со стороны председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой, что, естественно, угрожало планам ИАК [Романчук, 2004. С. 254; Стоянов, 2019. С. 748–750]. Претензии МАО на исследование Херсонеса, как известно, не были поддержаны монархом, и в 1888 г. раскопки на городище были проведены под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича. Они оказались в высшей степени удачными – под средневековыми руинами были обнаружены остатки

античного города [ОАК за 1882–1888 гг. С. ССVII–ССXII], о чем Н.П. Кондаков с радостью телеграфировал в Петербург [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1888 г. Д. 22. Л. 76]. В высшей степени важно отметить, что тогда была открыта целая античная мастерская по производству терракотовых статуэток [Мальмберг, 1892. С. 4–23]. Кстати, опасения А.А. Бобринского по поводу приезда П.С. Уваровой оказались напрасными. Она посетила Херсонес, и К.К. Косцюшко-Валюжинич писал об этом Н.П. Кондакову 22 июня 1888 г.: «На графиню Уварову раскопки произвели весьма хорошее впечатление, и она провела около двух часов в Херсонесе» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 88–88 об.].

В общем, успех раскопок 1888 г. был бесспорен [Романчук, 2008. С. 77], но Н.П. Кондаков к тому времени, как представляется, все больше и больше терял интерес к полевой археологии. Он писал в ИАК 13 мая 1888 г., что был бы готов продолжать раскопки лишь в крайнем случае, предлагая поручить это дело К.К. Косцюшко-Валюжиничу [о нем см. Романчук, 2008. С. 69–71; 2018]. Тем не менее, в 1889 г. Никодим Павлович продолжил осуществлять общий надзор за раскопками в Херсонесе [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 46; 1889 г. Д. 52. Л. 5, 7, 11]. В 1890 г. Н. П. Кондаков вновь определял лишь общее направление работ на городище [НА ИИМК РА РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890 г. Д. 26, Л. 31, 34]. А.А. Бобринский надеялся, что и на следующий год исследования памятника будут развиваться в обозначенном русле [Там же. Л. 210–211], но все вышло совсем по-другому.

Н.П. Кондаков, конечно, признавал огромное значение Херсонеса Таврического в русской политической и особенно церковной истории. Он высоко оценил монографию А.Л. Бертье-Делагарда, увидевшую свет в «Материалах по археологии России» [Бертье-Делагард, 1893]. Любопытно, что в своей рецензии на это сочинение Никодим Павлович не преминул отметить, что «русская археология есть только поле для занятий, приемы же и методы научного исследования находятся в области истории искусства» [Кондаков, 1893. С. 396].

Можно предполагать, однако, что профессиональные интересы Н.П. Кондакова, все дальше расходились с его служебными обязанностями как члена ИАК. В конце концов, как известно, он принял решение прекратить свое участие в раскопках Херсонеса. А.И. Романчук правильно отмечает, что мы не имеем архивных материалов, позволяющих с точностью назвать причину этого решения [Романчук, 2004. С. 259, прим. 1], но здесь не следует упускать из вида того важного обстоятельства, что тогда же он покинул Археологическую комиссию. Есть основания считать, что у Н.П. Кондакова, как и у близкого ему И.И. Толстого, не сложились отношения с председателем ИАК А.А. Бобринским [Мусин и др., 2019. С. 245–248]. В послании к нему Н.П. Кондаков просил уволить его с занимаемой должности с 11 января 1891 г. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 15. Л. 44]. А.А. Бобринский в письме в Министерство императорского двора от 18 января 1891 г. заявил, что не встречает «со своей стороны препятствия к увольнению г. профессора Кондакова от упомя-

нутой должности» [Там же. Л. 45]. Просьба ученого была удовлетворена 21 января [Там же. Л. 46, 47]. И.И. Толстой, кстати, был уволен из ИАК 19 января 1891 г. [Мусин и др., 2019. С. 245].

Сотрудничество Н.П. Кондакова с Императорской археологической комиссией продолжалось 15 лет. За это время он провел раскопки на Боспоре (его европейской и азиатской стороне), в Западном Крыму и даже принял активное участие в организации систематических исследований Херсонеса Таврического. Руководство Комиссии оценило усердие своего младшего члена, – 24 апреля 1889 г. он был переведен в члены ИАК [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1866 г. Д. 37. Л. 11 об.], но, как было сказано, пробыл на этой должности совсем недолго. Несмотря на это, следует признать, что объем археологических работ, произведенных Никодимом Павловичем, был чрезвычайно велик. Другое дело – привели ли эти работы к серьезным археологическим открытиям? Сам исследователь, скорее всего, ответил бы на этот вопрос отрицательно. Дело в том, что выдающихся памятников античного искусства не было обнаружено ни в одном из раскопанных им курганов. Правда, именно Н.П. Кондакову посчастливилось открыть уступчатый склеп кургана у села Баксы – одну из самых ранних и принципиально важных боспорских гробниц такого рода, – но ни он, ни последующие поколения археологов не смогли оценить это открытие по достоинству. Краткие отчеты исследователя позволяют считать, что порой он находил показательные погребения, относящиеся к эпохе бронзы или времени средневековья. С современной точки зрения эти комплексы имеют безусловное культурно-историческое значение, но во второй половине XIX в. их рассматривали скорее как досадные обстоятельства, сопровождающие поиски элитарных античных гробниц. Искусствоведческая направленность археологических поисков Н.П. Кондакова (да и других наших исследователей!), как видим, имела очевидные и весьма существенные негативные стороны. Разумеется, все сказанное относится к его деятельности при раскопках курганов, в Херсонесе же исследования были поставлены иначе, правда, и работы на городище проводил не Никодим Павлович, а Карл Казимирович. Стоит отметить и то, что Н.П. Кондаков не присутствовал на раскопках городища на протяжении всего полевого сезона, он появлялся там, так сказать, наездами. К примеру, в 1889 г. Никодим Павлович приезжал в Севастополь лишь в июле [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 44], понятно, что для постоянного присутствия у него просто не было времени. Да и Императорская комиссия совсем не настаивала на этом, в своих посланиях Н.П. Кондакову она просила его «дать указания», «определить на месте направление работ» и т.п. Никто уже не требовал от него провести раскопки в том или ином месте.

Выше неоднократно говорилось, что Н.П. Кондаков пытался исправить неприглядное положение Керченского музея древностей, но, к сожалению, безрезультатно. В Херсонесе вопрос хранения археологических находок стоял тогда чрезвычайно остро. Никодим Павлович в донесении в ИАК от 23 июня 1889 г. писал, что древности были рассредоточены в различных местах: в здании и саду монастыря, в строя-

щемся храме, в сторожке Комиссии и т.д. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 17 об. – 18]. Этот порядок хранения он считал временным и подчеркивал, что «чем скорее он заменится иным, тем будет лучше для дела» [Там же. Л. 18]. По его мнению, одна из имеющихся построек могла бы пригодиться, «если не для настоящего Музея, то хотя <бы> для склада древностей» [Там же. Л. 18 об.]. Необходимо отметить, что в Херсонесе мечта исследователя о создании музея была реализована [Романчук, 2004. С. 257; 2008. С. 79; см. также Гриненко, 2018].

Печатные труды Н.П. Кондакова по античной проблематике. Выше были названы некоторые публикации Н.П. Кондакова, имеющие отношение к этой области знания – это и лекция о классической археологии и теории искусств, с которой он выступил при поступлении в Новороссийский университет, и газетные заметки об археологической поездке 1874 г. и результаты изучения находок в древней Тире. Конечно, особое значение, имеет его магистерская диссертация о Памятнике гарпий, сохранившая актуальность до наших дней. Однако следует кратко охарактеризовать и другие труды исследователя пусть не столь масштабные, но не менее ценные для нас.

Будучи преподавателем Новороссийского университета, Н.П. Кондаков активно сотрудничал с Одесским обществом истории и древностей. В «Записках», издаваемых этим обществом, были опубликованы два его сочинения. В первом дана характеристика мраморного рельефа, найденного в Керчи в 1840 г. и находящегося в собрании Одесского музея [Кондаков, 1877б]. На мраморной плите, по заключению автора, представлено собрание олимпийских божеств, главными участниками которого были Аполлон и Гермес, их фигуры ориентированы в разные стороны. Изображения всех персонажей представлены в иератических позах, напоминающих архаический стиль. Исследователь правильно отметил, что художник здесь повторил некоторые детали, сложившиеся в архаическую эпоху (одежда, бороды, прически). Такую манеру он назвал «архаистической» и датировал памятник III или II в. до н.э. По его мнению, плита происходит из храма Аполлона, стоявшего на месте церкви Иоанна Предтечи в Керчи [Там же. С. 24]. В отношении датировки этого рельефа Н.П. Кондаков, конечно, ошибался. Современные исследователи относят его к V в. до н.э. и допускают, что на мраморной плите представлена сцена ссоры богов [Одесский археологический музей, 1983. С. 46, 172, кат. 79].

Важной задачей для преподавателя истории и теории искусства Н.П. Кондаков считал знание не только отдельных показательных памятников, но и целых музейных собраний. Совершая заграничные путешествия и осматривая европейские музеи, он, в частности, обращал внимание на терракотовые статуэтки. По его мнению, эти скромные произведения античного искусства вместе с вазовыми рисунками дают основание для более глубокого понимания греческой религии «в ее общенародном содержании и в историческом ее развитии» [Кондаков, 1876а. С. 178]. Эту идею исследователь развил в большой работе, опубликованной в «Записках Одесского общества истории и древностей» [Кондаков, 1879]. В ней он, в частности, отметил, что связь терракот «с жизнью, бытом и религией греков несравненно живей, чем

монументальных произведений пластики» [Там же. С. 77], и в этом автор, конечно, был прав. Стоит обратить внимание, что в то время наибольшее количество находок такого рода происходило из раскопок некрополей и древних святилищ, что объясняет некоторую односторонность интерпретаций Н.П. Кондакова, но это никак нельзя ставить ему в вину. Дав общую характеристику статуэток, техники их изготовления и стилистического разнообразия, автор большое внимание уделил, так сказать, содержательной стороне образов, представленных в изделиях коропластов. В частности, он подчеркнул, что в терракотах представлены не все олимпийские божества, здесь не встречаются Посейдон, Афина, Арес, Гермес, Гефест, Гелиос и др., а статуэтки Геры так близки изображениям Деметры и Афродиты, что их вряд ли когда-нибудь можно будет выделить наверняка [Там же. С. 121]. Напротив, в их массе широко представлены божества судьбы, земной жизни, рождения и смерти, спасения от бед и пр. [Там же. С. 124]. Статуэтки, происходящие из могил, демонстрируют идею воскресения к новой жизни – гибель Ниобид, умирающий Адонис, Нереиды, переправляющиеся через океан, Эрот на лебеде или дельфине, крылатые гении и пр. В образе Геракла, по мнению Н.П. Кондакова, запечатлен идеал близкий и дорогой для человека, при этом в терракотах нет изображений подвигов героя, но широко представлен тип отдыхающего Геракла, и это в высшей степени показательно. Автор неоднократно повторяет, что терракотовые статуэтки так или иначе выражают круг религиозных идей, связанных с Деметрой и Корой, Дионисом, Афродитой.

В своей публикации Н.П. Кондаков не обошел вниманием так называемые жанровые статуэтки, сюжеты для которых были преимущественно взяты из области женского быта [Там же. С. 171], связанного с игровой народной культурой. Для исследователя осталось непонятным, почему для помещения в могилы выбирались фигурки писателей, философов, воинов, всадников, торговцев, пекарей, цирюльников и т.д. [Там же. С. 176]. Наличие изображений рабов и варваров, по его мнению, следует объяснить их безобразностью; такие статуэтки были апотропеями.

Завершая рассуждения о терракотовых фигурках, Н.П. Кондаков указал, что они украшали жилище бедняка, а потом и его могилу. Археологическая наука, по мнению исследователя, должна вскрыть связь этих изображений с народным бытом и наиболее интимной, так сказать, домашней стороной религии древних греков, и на этом отношении утвердить их значение, как явления оригинального и самобытного [Там же. С. 178–179]. С таким заключением следует согласиться, хотя терракотовые фигурки, как известно, встречаются не только в могилах бедняков, – к примеру, целые их наборы обнаружены в богатейших жреческих погребениях Большой Близницы [Передольская, 1962]. Несмотря на имеющиеся недочеты, эта публикация не потеряла научного значения, и не будет большим преувеличением считать, что современные исследователи могут почерпнуть из нее немало важного и полезного.

Выше говорилось, что в 1878 и 1880 гг. Н.П. Кондаков предпринял масштабные работы на Таманском полуострове. Напомню, что находки, сделанные при раскопках курганов около станицы Курчанской, он связал с культурой «кочевников мэотийско-

го побережья» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1880 г. Д. 11. Л. 11 об.]. Изучение этого района и шире – Кавказа исследователь признавал одной из важнейших задач российской археологии, и не удивительно, что его имя называют среди пионеров изучения кавказских древностей [Рысин, Стёганцева, 2019. С. 931]. В статье «Мелкие древности Кубанской и Терской областей», Н.П. Кондаков отмечал, что археология в названных областях – «не часть, не младшая сестра истории, а мать ее» [Кондаков, 1878. С. 139]. Исследователь выразил свои впечатления от посещения Кавказского музея в Тифлисе, в котором находились некоторые предметы, происходящие из прикубанских курганов: оружие, конская сбруя, кувшины, украшения, бусы и т.д. Наибольший его интерес вызвали художественные находки, дающие возможность для определения «стиля, а, следовательно, и времени происхождения древностей» [Там же. С. 141]⁷. По его заключению, древности Прикубанья оставлены разноплеменным населением (синды, керкеты, гениохи и пр.). Большое культурное влияние на эти племена оказывало Боспорское царство, отчасти подчинившее их. С другой стороны, мир этих варваров постоянно теснили «громadные орды диких кочевников, передвигавшихся к Меотиде»; в их числе автор назвал аорсов и сираков [Там же. С. 145].

Возвращаясь к рассуждениям о художественных предметах, происходящих из Прикубанья, Н.П. Кондаков задавался принципиально важным вопросом – к какой варварской цивилизации следует их отнести? И дал на него вполне определенный ответ – к скифской цивилизации. Это название, по его мнению, «хотя <...> и должно было относиться к известному племени, однако с полным правом может быть, по крайней мере, в области культуры и искусства, выдаваемо за термин общий, географический, а не частный, этнографический» [Там же. С. 146]. Итак, по его мнению, древнюю культуру Прикубанья надо считать скифской, хотя этот район был заселен нескифскими народами. Наконец, по его заключению, варварское искусство этих народов находилось «в полной зависимости от искусства классических народов», и «мы должны пользоваться этой связью, как руководящим началом, которое дало нам первое обобщение и почти единственный научный термин» [Там же]. Вот в таких мудреных выражениях автор заявил о необходимости изучения предметов античного художественного импорта из варварских контекстов.

С 1889 г. начинают выходить книги серии «Русские древности в памятниках искусства», на обложке которых обозначены имена двух авторов – Н.П. Кондакова и И.И. Толстого, хотя, безусловно, основную работу по подготовке этого издания выполнил Никодим Павлович. Для нашей темы по понятным причинам наибольшее значение имеют два первых тома – о классических древностях [Толстой,

⁷ Изучение стиля исполнения древних художественных произведений было одним из краеугольных камней концепции Н.П. Кондакова. Не удивительно, что в своей рецензии на исследование В.К. Мальмберга о метопах древнегреческих храмов он упрекал автора в невнимании к вопросам стиля [Кондаков, 1892. С. 342, 251].

Кондаков, 1889а] и древностях скифо-сарматских [Толстой, Кондаков, 1889б]. Главный вывод о сути происходивших культурных процессов был сделан уже в первом томе серии. Авторы заключили, что многолетние археологические работы привели «к полной ясности существо связи разнообразного и характерного быта населения Южной России с греческим искусством, иначе говоря, его художественное выражение в господствовавших с IV-го столетия до Р. Х. по II-й век по Р. Х. формах греческого стиля» [Толстой, Кондаков, 1889а. С. 113].

В плане понимания подхода Н.П. Кондакова к изучению развития культурных взаимодействий в Северном Причерноморье определенный интерес для нас представляют также тома, посвященные памятникам времени переселения народов [Толстой, Кондаков, 1890] и домонгольской Руси [Толстой, Кондаков, 1897]. То же самое можно сказать и о его книге «Русские клады» [Кондаков, 1896], хотя в хронологическом отношении она весьма далека от рассматриваемых нами сюжетов. Наконец, принципиально важной представляется работа, опубликованная в Праге уже после смерти автора. Имеются в виду «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры» [Кондаков, 1929], точнее введение к этой монографии, названное «Древности восточных кочевников в Южной России (скифо-сарматские)», но речь об этом подробнее пойдет в заключительном разделе моей работы.

Все перечисленные публикации базируются исключительно на изучении известных к тому времени произведений древнего искусства. На их основании автор сделал попытку реконструировать цельную картину многовекового культурного развития на юге России [Тункина, 2004. С. 651]. Что касается «Русских древностей в памятниках искусства», то эти тома и сейчас производят большое впечатление, а современниками они, как представляется, воспринимались с полным восторгом. Мне думается, что в наши дни каждый исследователь, открывающий любое из этих изданий, невольно проникается чувством почти благоговейного уважения к грандиозной работе, проделанной авторами. Это чувство, однако, не мешает видеть все недостатки научных построений, основанных только на изучении памятников искусства. И.Л. Тихонов правильно указывает на то, что в этих публикациях напрочь отсутствует библиография и справочный аппарат, не проведен анализ археологических комплексов, из которых происходят отдельные художественные предметы, абсолютно не разработана их хронология и т.д. [Тихонов, 2001. С. 28–29]. Этнической атрибуции памятников Н.П. Кондаков и И.И. Толстой тоже не уделяли особого внимания, точнее – даже не попытались выделить критериев, позволяющих судить об этом важном аспекте более или менее обосновано. К примеру, соавторы считали сарматским погребение в кургане Ак-Бурун, раскопанном под Керчью в 1875 г. [Толстой, Кондаков, 1889а. С. 47], что, в целом, вполне возможно [Бутягин, Виноградов, 2014. С. 99–110; Виноградов, 2017. С. 176–182], но они признавали сарматскими и царские погребения в Куль-Обе и Чертомлыке [Толстой, Кондаков, 1889б. С. 113–114], что, на мой взгляд, недопустимо. Искусствоведческого подхода к решению столь сложных вопросов, конечно, недостаточно. Тем не менее, исследовательские труды Никодима

Павловича в области античной археологии важны не только для понимания своеобразия развития отечественной науки о классических древностях того времени. Они содержат немало ценных наблюдений и суждений автора по затронутым вопросам.

Розы и тернии научных поисков. Нет спору, Н.П. Кондаков достиг больших высот в российской, да и в мировой археологии, при этом его заслуги перед наукой были весьма высоко оценены. Из «Послужного списка» исследователя, хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН, можно узнать, что к моменту окончания сотрудничества с ИАК (1891 г.) ученый был награжден несколькими орденами: Св. Владимира 3 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 3 ст. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1866 г. Д. 37. Л. 2 об.]. Чин действительного статского советника Никодим Павлович получил 29 декабря 1882 г. [Там же. Л. 1 об.], а по «Табели о рангах» он соответствовал генерал-майору. Стоит отметить, что в 1900 г. Н.П. Кондаков стал тайным советником, выше которого расположены лишь чины действительного тайного советника и канцлера. Членом-корреспондентом Академии Наук он был избран в 1892 г., а академиком – в 1898 г. Послужной список, безусловно, производит большое впечатление, при этом я не упомянул многие другие его награды и регалии.

Однако здесь следует вновь обратиться к печатным трудам Н.П. Кондакова и, на сей раз, более критично. Выше говорилось о важности многотомного исследования И.И. Толстого и Н.П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства». Не секрет, что в том же самом ключе была выдержана монография «Русские клады» [Кондаков, 1896б]. И хотя она посвящена памятникам более позднего времени, но методические установки исследователя обозначены в ней не менее четко, да и отношение к ней русской научной общественности не было однозначным. В этом сочинении Н.П. Кондаков резко высказался против «досужего остроумия археологов», трактующих вопросы развития звериного стиля в искусстве различных народов. Он признал излишними «всякого рода рассудочные объяснения мифов, языка и художественных форм, тогда как истинно научный метод заключается в анализе исторического развития звериной формы от цельной формы до позднейшего вырождения в бессмысленный орнаментальный придаток» [Кондаков, 1896б. С. 5]. Несколько забегаю вперед, стоит сказать, что этот непростой путь познания чреват немалыми опасностями.

Сначала отмечу некоторые похвальные суждения. Не удивительно, что И.И. Толстой отозвался об этом сочинении с очень большой похвалой [Толстой, 1998]. Иного и быть не могло! Ученик Н.П. Кондакова Д.В. Айналов вслед за учителем с воодушевлением повторил, что лишь история искусства должна быть общей наукой о древности, и лишь археологический материал, введенный в систему общей истории искусства, является показателем исчезнувших столетий культурного развития [Айналов, 1897. С. 160]. В.В. Стасов в письме к Н.П. Кондакову от 21 апреля 1897 г. отметил, что на этом его сочинении «оснуется (т.е. будет основана – Ю. В.) потом новая наука» [Стасов, 1962. С. 298]. «Русские клады» действительно получили высокую оценку в ученых кругах, по ходатайству ИАК книга даже получила посвящение памяти императора Александра III [Васильева, 2001. С. 44].

В «Русских кладах» Н.П. Кондаков, в частности, высказал одну важную идею в отношении оценки культурного развития кочевых народов евразийских степей. «Быт кочевников, – по его мнению, – в известную эпоху шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм, хотя эти формы касались исключительно среды личных украшений, уборов, что называется доселе богатством в народе» [Кондаков, 1896. С. 29]. Это выражение было дословно повторено в одном из томов «Русских древностей» [Толстой, Кондаков, 1897. С. 25]. И.В. Тункина считает, что впоследствии эта идея была разработана в трудах других ученых и, в первую очередь М.И. Ростовцева [Тункна, 2004. С. 651–652; ср. Клейн, 2014. С. 550–551]. Надо признать, что отечественные исследователи смотрели на культуру кочевников и их историческую роль несколько иначе. К примеру, В.В. Латышев на 10 лет раньше Н.П.Кондакова трактовал проблему взаимоотношений Ольвии и других греческих центров Северного Причерноморья с миром варваров и, прежде всего, номадами совсем в другом ключе. Он справедливо отмечал, что периодически возникавшая враждебность варваров по отношению к греческим колониям обыкновенно была следствием передвижений народных масс, пришельцы оттесняли дружественных соседей греков и либо совершали хищнические набеги на эллинские поселения, либо, «под страхом таких нападений, вымогали с них ежегодную дань» [Латышев, 1887. С. 15]. Соответственно, богатство степных курганов в известной мере можно объяснять не только «усвоением культурных форм» кочевниками, но и результатом их агрессивной политики по отношению к земледельческим государствам. Что касается М.И. Ростовцева, то этот ученик Н.П. Кондакова действительно многое взял у своего учителя. По затронутому вопросу он писал, что степные государства могли создавать «очаги оригинальной и интересной культуры, где, по необходимости, смешивались культурные достижения востока, эллинизма и запада» [Ростовцев, 1918. С. 5]. Эти государства, однако, одно за другим сходили с исторической арены «под напором могучих волн движущихся с востока народных масс» [Там же. С. 6]. М.И. Ростовцев, как видим, по-своему соединил концепции В.В. Латышева и Н.П. Кондакова, нарисовав значительно более историчную картину взаимоотношений номадов Северного Причерноморья с цивилизованным миром.

Несмотря на отмеченные выше восторженные отклики о «Русских кладах», эта публикация встретила серьезную критику со стороны Д.Н. Анучина. По этому поводу он опубликовал большую статью в газете «Русские ведомости» [Анучин, 1897а]. В ней Дмитрий Николаевич правильно указал, что имеющиеся археологические материалы слишком скудны, чтобы уверенно судить, какие древности принадлежат славянам, а какие неславянским племенам. Д.Н. Анучин, естественно, подчеркнул, что у Н.П. Кондакова основой авторской концепции является признание факта, что лишь история искусства может придать научный характер изучению древностей. Подготовленное им исследование, соответственно, базируется на изучении художественных типов (здесь и далее курсив мой – Ю.В.), при этом все наиболее яркие, хорошо исполненные предметы Н.П. Кондаков признавал славянскими, а грубые и

нескладные – финскими и др. По его мнению, именно славяне побудили соседние народы к прогрессивному развитию. Такие выводы Д.Н. Анучин признал преждевременными.

Автор публикации отметил также недостатки других исследований Н.П. Кондакова. В частности, он резко возражал относительно трактовки изображения на одной из бронзовых сибирских (точнее, пермских) блях, на которой Н.П. Кондаков видел хищную птицу, уносящую человека, и понимал ее как сцену вознесения Александра Македонского [Толстой, Кондаков, 1897. С. 18, 100, рис. 17]. По его мнению, этот предмет связан с религиозными представлениями сибирских народов (шаманским культом), с легендой об Александре он не имеет ничего общего.

Несмотря на серьезную критику, Д.Н. Анучин в заключение своего сочинения указал, что рецензируемый труд «представляет важный вклад в науку о русской старине и вносит много новых мыслей и соображений в ту разрозненную грудку русского археологического сырья, которая известна под общим названием курганных древностей и кладов <...>». С такой оценкой, на мой взгляд, можно в полной мере согласиться.

Тем не менее, Н.П. Кондаков воспринял критику, содержащуюся в этой статье, весьма болезненно. В одном из своих писем того времени он даже поставил вопрос – «что вообще понимает <в этом предмете> Анучин и все господа, именующие себя русскими археологами?» [см. Тункина. 2004. С. 648]. На этот вопрос стоит ответить вполне определенно – довольно многое понимали, и Д.Н. Анучин в своих критических суждениях был во многом прав. Во всяком случае, И.В. Тункина напрасно признала эту рецензию предвзятой [Тункина, 2004. С. 647]⁸.

Выше уже говорилось, сколь большое значение в концепции Н.П. Кондакова имел сравнительно-исторический метод. В рецензии на сочинение своего учителя Ф.И. Буслаева он писал, что только такой подход следует считать научным в археологических вопросах [Кондаков, 1895. С. 111]. Его ученики называли этот метод *иконографическим*, распространив его на археологию [Тихонов, 2001. С. 29], но сам Никодим Павлович такого термина не использовал [Клейн, 2014. С. 546–547]. По убеждению исследователя, с помощью этого метода следует изучать все крупные художественно-исторические типы, которые он называл также иконографическими типами [Кондаков, 1895. С. 115–116]. *Иконографический тип*, понимаемый как стандарт изображения того или иного художественного образа, стал главным понятием в научной системе Н.П. Кондакова [Клейн, 2014. С. 547]. Исследователь призывал изучать движение форм от их зарождения и максимального развития до упадка, вы-

⁸ Д.Н. Анучин весьма критично отнесся также к концепции Н.П. Кондакова о происхождении «шапки Мономаха» [Анучин, 1897б], но и эту его публикацию нельзя назвать предвзятой. Стоит отметить, что автор мог обрушиться на оппонента почти с откровенной бранью, как это имело место в полемике с Д.Я. Самоквасовым [см. Виноградов, 2022. С. 446–447], но в ситуации, связанной с трудами Н.П. Кондакова, ничего подобного нет.

являя при этом различные культурные влияния. Свою концепцию он пояснял с помощью следующего примера: «Археология должна со временем встать на такую научную ногу, чтобы, сравнивая между собою афонскую икону с фрескою катакомб, быть в состоянии, если потребовалось, проследить все движение сюжета и таким образом объяснить их тысячелетнюю разницу» [Кондаков, 1885. С. 126]. После такого пояснения, однако, не становится понятней, каким образом автор сумел усмотреть на сибирской бронзовой пластине изображение вознесения Александра Македонского.

На страницах публикаций Н.П. Кондакова имеется выражение, которое современными исследователями может быть понято, совсем не так, как это считал автор. В «Памятнике гарпий» он упомянул о *художественной мифологии*, понимая под этим термином многовековую путь развития культа божества [Кондаков, 1873. С. 4–5]. Между тем, его можно понять как намек на возможность изучения изобразительных сюжетов, представленных прежде всего вазовыми росписями, которые не укладываются в привычную систему греческих мифологических сказаний. Они явно повествуют о каких-то других историях и других мирах. К примеру, таким надо считать сюжет, представленный на большом лекифе Ксенофанта [Виноградов, 2006; 2007]. М.В. Скржинская предположила, что изображения на этом сосуде имеют отношение к какому-то несохранившемуся мифу [Скржинская, 1999. С. 129; Skrzhinskaya, 2000. Р. 294]. Однако трактовка подобных сцен, представленных на вазовых росписях, с помощью концепции «утраченного звена» в высшей степени сомнительна [Hoffmann, 1985/86. Р. 62]. Смысл древних изображений продуктивней искать в самих этих изображениях, и для таких поисков очень подходит термин *художественная мифология*. Пассаж из другого сочинения Н.П. Кондакова, однако, не позволяет считать его основоположником этого перспективного, на мой взгляд, научного направления. Исследователь пояснил, что *художественная мифология* имеет целью показать, как создавалось, развивалось и видоизменялось изображение какого-нибудь божества или другого мифологического персонажа [Кондаков, 1872. С. 61]. И.Л. Кызласова считает этот подход особым направлением научных поисков, соответствующим «разделу иконографии в изучении “христианского” искусства» [Кызласова, 1985. С. 94].

Н.П. Кондаков даже после критик Д.Н. Анучина продолжал настаивать на том, что область так называемой археологии является областью сосредоточения материала сколь необозримого, столь и крайне неопределенного по составу. В среду этого «сырого материала вещественных древностей» надо ввести «научный метод, принадлежащий истории искусства» [Кондаков, 1899. С. 46]. На этом пути следует изучать художественные и бытовые типы, но, по мнению исследователя, ими богата археология одного скифо-сарматского периода, другие эпохи не отличаются таким разнообразием. В более поздней публикации, Н.П. Кондаков писал то же самое, но другими словами – «археология, как статистическая наука древностей, переходит в историю искусств как науку развития форм» [Кондаков, 1906. С. 456]. В общем, Никодим Павлович был тверд в своих убеждениях, хотя в начале XX в. его концепция уже стала архаичной [Тихонов, 2001. С. 29].

Подводя итог. Как известно, в 1920 г. Н.П. Кондаков покинул Россию, и в его жизни изменилось очень многое [Тункина, 2004; Басаргина, 2004]. Но изменилось ли хоть что-то во взгляде исследователя на археологию южной России? Признал ли он некоторые недостатки своего метода? Внес ли коррективы в свою научную концепцию? Для ответа на эти вопросы можно обратиться к упоминавшейся выше монографии «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры», увидевшей свет в Праге после смерти автора [Кондаков, 1929]. Введение к ней как раз и посвящено скифо-сарматским древностям. На первой же его странице автор констатировал, что историческим анализом памятников древних культур должна заниматься археология искусства, а наиболее показательные памятники такого рода сосредоточены на Боспоре или же относятся к культурам скифо-сарматских народов [Там же. С. 3]. Сразу можно понять, что Н.П. Кондаков не внес в свою концепцию никаких существенных изменений.

Исследователь вновь большое внимание уделил образу жизни степняков, указав на связь кочевников Азии и Восточной Европы. Стоит напомнить, что в более ранних своих трудах Н.П. Кондаков писал: «Быт кочевников в известную эпоху шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм, хотя эти формы касались исключительно среды личных украшений, уборов, что называется доселе богатством в народе» [Кондаков, 1896. С. 29]. Такая формулировка, как отмечалось выше, нашла понимание у некоторых современных исследователей, но в последней своей публикации автор несколько изменил ее и, указав, что «культура приходила к кочевникам раньше, чем к земледельцам» [Кондаков, 1929. С. 7]. В наши дни с этим заключением вряд ли согласится хоть кто-нибудь из исследователей номадизма. Чтобы понять его нелогичность, достаточно задать всего один вопрос – откуда культура приходила к кочевникам? Станным выглядит и другое авторское утверждение, что кочевники ближе знали Китай, Индию и Персию, чем люди и правители этих стран знали кочевников [Там же. С. 10].

Н.П. Кондаков немалое внимание уделил характеристике хозяйства, быта и религии номадов. Он обратил внимание на некоторые религиозные символы, представленные на произведениях искусства из степных курганов: древо жизни, олени, птицы, рыбы и др. Особенно его привлекал образ оленя, мирно улегшегося на пастбище. Этот образ, по мнению исследователя, мог служить и свидетельством повседневного быта кочевников, и их тотемом, и магической формулой, сопровождающей дух усопшего в будущую вечную жизнь среди благих небесных богов [Там же. С.11]. После таких слов несколько странно читать описание хрестоматийно известной куль-обской золотой бляхи в форме оленя, «скорчившегося от смертельной раны и как бы прикрытого собакою, львом, грифоном, даже зайцем, которые вырезаны <...> на его теле» [Там же. С. 54–55]. А вот религиозное почитание рыбы автор, по всей видимости, правильно связывал с представлением о посмертном плавании на отдаленные острова блаженных, т.е. переселением души усопшего по реке на место вечного упокоения [Там же. С. 25–27].

Н.П. Кондакова по-прежнему волновал вопрос античных влияний на варварское население Северного Причерноморья, при этом он указывал, что «усвоение символов чужой культуры является часто лишь заменой своих туземных на основании родственной их близости» [Там же. С. 30]. «Пестрое богатство скифских похорон», по его мнению, хорошо представлено в Куль-Обе, где можно проследить и изящество греческого вкуса, и «столь определенный варварский характер, который не только не ослабел от соприкосновения с античною культурою, но выразился *как бы на показ и усиленно*, отчасти благодаря услугам греческих мастеров, сумевших найти в чуждом мире варваров жизненные черты простого быта, *создать образ скифа, в условных эмблемах и символах выразить любовь кочевника к своему быту*» [Там же. С.33–35; везде курсив мой – Ю.В.]. Под греческим влиянием произведения скифского искусства «приобрели тот условный греческий облик, который с конца IV в. до Р. Хр. охватил все варварские мастерские» [Там же. С. 53–54]. Искусство потеряло, по выражению исследователя, реализм, который был восстановлен «разве только в керченских катакомбах» [Там же. Л. 54]. Удивительно, но любому человеку, хотя бы поверхностно знакомому с керченскими расписными катакомбами, вполне понятно, что представленные в них изображения очень далеки от реализма в привычном понимании этого слова. Их можно считать безыскусными, схематическими, даже грубыми, но никак не реалистическими, и что Никодим Павлович имел здесь в виду, понять очень сложно, – м.б. отсутствие всякой идеализации образов.

В заключение своих рассуждений Н.П. Кондаков обратился к древностям Пермского края, произведениям так называемого пермского звериного стиля. Напомню, что на одной бронзовой пластине из этого круга древностей он видел изображение вознесения Александра Македонского, что вызвало серьезную критику со стороны Д.Н. Анучина. Отвечая оппоненту, исследователь призвал его не предаваться глубокомысленным рассуждениям об отвлеченных предметах, а обратиться к древним образцам, тогда, по его мнению, и изображение сцены вознесения Александра Македонского станет более понятной. По заключению Никодима Павловича, эти предметы были амулетами, связанными с религиозными представлениями и суевериями древнего населения Пермского края. Они имитировали какие-то восточные формы; с сибирскими предметами их роднит «та же страстная напряженность летящих птиц, извивающихся гадов, бросающихся хищников» [Там же. С.60]. Однако, вопрос о том, как в этот круг проник образ Александра Македонского, для читателя так и остался неясным. Во всяком случае, современные исследователи пермского звериного стиля таких сближений не допускают [см. Грибова, 1975; Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988; Балакин, 1998; Игнатьева, 2009].

Надо признать, что в последней работе Н.П. Кондакова содержится немало ценных мыслей и наблюдений, но и всякого рода неточностей, связанных с этнической атрибуцией отдельных погребальных памятников, их датировкой и пр., в ней тоже хватает. Главное, однако, заключается в другом – автор не вышел из круга представлений, что только история искусств делает археологию научной дисциплиной.

Конечно, было бы большой ошибкой требовать от 70-летнего человека кардинально-го пересмотра своей концепции, принесшей ему столь большой успех. В этом отношении стоит напомнить во многом справедливое мнение академика С.А. Жебелёва, что 70 лет «является предельным возрастом для ученого» [см. Виноградов, 2013. С. 167]. Не стоит забывать при этом, что моя статья посвящена вкладу исследователя в античную археологию, а ведь многие ученые до сих пор считают (и, увы, не безосновательно), что эта область знания сохранила слишком много «родимых пятен» прошлого, в ней слишком много внимания уделяется изучению памятников искусства, а собственно археологические данные чаще всего используются как сугубо иллюстративные или, в лучшем случае, дополнительные к сведениям, известным из письменной традиции [см. Геннинг, 1982. С.65; ср. Cunliffe, 1988. P.1]. По этой причине не будем судить Н.П. Кондакова слишком строго, а воздадим ему благодарность за тот огомный вклад, который он внес в археологию, в том числе античную и скифо-сарматскую. Наконец, следует особо подчеркнуть, что Никодим Павлович был учителем группы выдающихся исследователей, составивших кружок «фактопоклонников», – С.А. Жебелёва, Я.И. Смирнова, М.И. Ростовцева и др. [Тихонов, 2001. С. 28]. Л.С. Клейн по этому поводу писал: «Если бы Н.П. Кондаков только и сделал, что подготовил эту могучую плеяду учеников, этого было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в науке» [Клейн, 2014. С. 553]. И эти слова ни в коей мере не являются преувеличением!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айналов Д.В.* Русские клады. Исследование древностей велико-княжеского периода Н. Кондакова. Т. 1. СПб, 1896 // ЖМНП. 1897. Июль. С. 159–172.
- Анучин Д.* Крупный новый труд по истории русского искусства и древностям // Русские ведомости. 1897а. № 105. С. 2–3.
- Анучин Д.Н.* Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н.П. Кондакова // Археологические известия и заметки. 1897б. № 5–6. С. 163–165.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.: Советский художник; Прага: Артия, 1966. 120 с., 331 табл.
- Ашик А.Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса: Типография А. Брауна, 1845. 50 с.
- Балакин Ю.В.* Урало-сибирское культовое литьё в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.
- Басаргина Е.Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 766–811.
- Басаргина Е.Ю., Засрожнова Е.Г.* Премии имени К.К. Гёрца // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.И. Сорокина. М.: Гриф и К., 2010. С. 642–653.
- Белов А.* Академик Никодим Павлович Кондаков (К пятидесятилетию его учёной деятельности) // Исторический вестник. 1916. № 11. С. 454–462.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. 64 с., VII табл.

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь: Тов. «Майстер Книг», 2014. 184 с.
- Васильева Р.В. Документы Н.П. Кондакова в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (краткий обзор) // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 43–50.
- Виноградов Ю.А. О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. 2006. Вып. 13. С. 134–161.
- Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.
- Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 2012. 368 с. (БИ. Вып. 27).
- Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 160–190.
- Виноградов Ю.А. Курганы у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014а. Вып. 30. С. 510–528.
- Виноградов Ю.А. Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014б. Вып. 30. С. 529–534.
- Виноградов Ю.А. Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. 2017. Вып. 34. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А. Дмитрий Николаевич Анучин (1843 – 1923) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / научный редактор-составитель В.А. Горончаровский. СПб: ИИМК РАН, 2022. С. 434–460.
- Виноградов Ю.А. К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского // БИ. 2023. Вып. 47. С. 292–331.
- Виноградов Ю.А. Н.П. Кондаков и Императорская археологическая комиссия // Сохраняя российское и мировое культурное наследие. 165 лет Императорской археологической комиссии / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб: ИИМК РАН, 2024а. С. 15–25.
- Виноградов Ю.А. Археологическое путешествие Н.П. Кондакова 1874 г. // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского / Отв. ред. В.П. Никоноров, Е.О. Стоянов. СПб: Институт истории материальной культуры, 2024б. С. 251–255.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2012. 288 с. (БИ. Supplementum 9).
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курганы Бююр-Гора (Бурова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного круглого стола / Отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 147–164.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев: Накова думка, 1982. 223 с.

- Гёргс К.К. Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук. Вып. 1. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб: Типография Императорской АН, 1898а. 163 с.
- Гёргс К.К. Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук. Вып. 2. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. СПб: Типография Императорской АН, 1898а. 151 с.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 146 с.
- Гриненко Л.О. Херсонес: рождение музея. Обзор идей и воплощений в XIX в. // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 66–83.
- Длужневская Г.В. Материалы Н.П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 35–42.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. I. История археологических знаний. Петроград: Наука и школа, 1923. 196 с.
- Жебелёв С.А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 13–22.
- Игнатъева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучение. Пермь: Издательско-полиграфический комплекс ОТ и ДО, 2009. 160 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 378 с.
- Кац В.И. Археологические детективы и заметки на полях в качестве гарнира. Саратов: Изд-во «Кузница рекламы», 2023. 268 с.
- Кащеев В.И. Кондаков Никодим Павлович // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века. Т. I. СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. С. 365–372.
- Клейн Л.С. История русской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и до-революционное время. СПб: Евразия, 2014. 704 с.
- Кондаков Н. Наука классической археологии и теория искусства // Записки Императорского новороссийского университета. 1872. Т. 8. С. 51–90.
- Кондаков Н. Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1873. 231 с.
- Кондаков Н.П. Из Керчи (письмо к профессору К.К. Гёргсу) // Московские ведомости. 1874а. № 202. С. 3–4.
- Кондаков Н.П. С Кавказского побережья. Письмо к профессору К.К. Гёргсу) // Московские ведомости. 1874б. № 208. С. 5.
- Кондаков Н.П. О некоторых мелких предметах древности, найденных в Аккермане в 1867 году // Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб: Типография ИАН, 1876. С. 20–24.
- (Кондаков Н.П.) Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1-го марта по 1-е сентября 1875 г. // ЗИНУ. 1876а. Т. 18. С. 177–183.
- (Кондаков Н.П.) Отчет о занятиях за границей с 1 сентября 1875 г. по 1 марта 1876 г. // ЗИНУ. 1876б. Т. 20. С. 175–179.
- (Кондаков Н.П.) Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1-го марта по 1-е августа 1875 г. // ЗИНУ. 1877а. Т. 21. С. 277–286.
- Кондаков Н. Мраморный рельеф из Пантикапея // ЗООИД. 1877б. Т. 10. С. 16–25.
- Кондаков Н.П. Мелкие древности Кубанской и Терской областей // Труды Третьего

- археологического съезда. Т. I. Киев: Типография Императорского университета им. Св. Владимира, 1878. С. 139–146.
- Кондаков Н. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 75–179.
- Кондаков Н. Русский лицевой Апокалипсис. Ф. Буслаев. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. 1884. (Издание Императорского Общества любителей древней письменности) // ЖМНП. 1885. Июль. С. 110–142.
- Кондаков Н. Рец. на книгу: «Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры» Владимира Мальмберга. Дерпт, 1892 // ЖМНП. 1892. Июнь. С. 339–353.
- Кондаков Н. Рец. на книгу: А. Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. СПб, 1893 (12-й выпуск «Материалов по археологии России», издаваемых Императорскою Археологическою Комиссиею) // ЖМНП. 1893. Декабрь. С. 388–396.
- (Кондаков Н. П.) Кондаков Никодим Павлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. 1896–1894. СПб: Типография и литография Б. М. Вольфа, 1896а. С. 337–340.
- Кондаков Н. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб: Типография Главного управления уделов, 1896б. 214 с.
- Кондаков Н. П. О научных задачах истории древне-русского искусства // Памятники древней письменности и искусства. 1899. [Вып.] 132. С. 1–47.
- Кондаков Н. П. Рец. на книгу: Гампель. Древности Венгрии. 1905. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-й Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. n. 2 Taf. 853 pf. 2-й Band. Fundbeschreibung. Mit. viel Abb. 1006 p. 3-й Band. Atlas 539 Tafeln // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 446–466.
- Кондаков Н. П. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук за 1906 год, составленный к торжественному заседанию Императорской Академии Наук 29 декабря 1906 года // Сборник Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1907а. Т. 82. С. 1–26.
- Кондаков Н. П. В. В. Стасов (Некролог) // ЖМНП. 1907б. Январь. С. 51–72.
- [Кондаков Н. П.] Кондаков Никодим Павлович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915. 440 с.
- Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. Prague: Seminarium Kondakivianum, 1927. 79 с.
- Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Издание Чешской Академии наук и искусств, 1929. 455 с.
- Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М.: Индрик, 2002. С. 17–190.
- Кузнецов В. Д., Ворошилов А. Н., Жуковский М. О. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4 / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 279–324.
- Кызласова И. А. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во МГУ, 1985. 184 с.
- Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб: Типография В. С. Балашева, 1887. 314 с.
- Малеин А. Карл Карлович Гёрц (1820 – 1883). Биографический очерк. СПб: Императорская АН, 1912. 244 с.

- Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // МАР. 1892. № 7. С. 1–31.
- Маркевич А.В. Двадцатилетие Императорского Новороссийского Университета (Историческая записка) // ЗИНУ. 1890. Т. 53. С. 1–734.
- Мусин А.Е., Медведева М.В., Платонова Н.И., Всевиов Л.М., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 62–353.
- Нидерле Л. Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии. Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М.: Индрик, 2002. 199–204.
- Одесский археологический музей АН УССР /ред. Л.Л. Ващенко. Киев: Наукова думка, 1983. 193 с.
- Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 190 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 178 с.
- Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. 1945. [Вып.] I. С. 47–67.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 46–92.
- Покровский Ф.И., Глубоковский Н.Н. Академик Никодим Павлович Кондаков // Богословская энциклопедия. 1911. Т. 12. С. 743–758.
- Раденко М.Б. Фёдор Иванович Буслаев: к 200-летию со дня рождения // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 116–154.
- Редин Е.К. Профессор Никодим Павлович Кондаков. К тридцатилетней годовщине педагогической деятельности // ЗИРАО. 1897. Т. IX. Вып. 3–4. С. 1–40.
- Романчук А.И. Н.П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / Составитель И.Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 253–260.
- Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона . Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2008. 720 с.
- Романчук А. И. К.К. Косцюшко-Валюжинич: биография и некоторые аспекты деятельности // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 205–216.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб: Изд-во Императорской АН, 1913 (атлас), 300 табл., 1914 (текст). 456 с.
- Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград: Огни, 1918. 190 с.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии. (Л.): Ленинградский Гублит, 1925. 621 с.
- Рысин М.Б., Стёганцева В.Я. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 921–1055.

- Сенаторов С.Н. Скифское погребение кургана Кара-Меркит середины V в. до н. э. в Северо-Западном Крыму. По маьериалам Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 21–40.
- Силянтъева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–197.
- Скифский роман /Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. 624 с.
- Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121–130.
- Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 349 с.
- Стоянов Р.В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 743–782.
- Тихонов И.Л. Становление классической археологии в Санкт-Петербургском университете: школа Н.П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 27–34.
- Толстой И. Два капитальных труда по византийской и византийско-русской археологии // Космополис. 1898. Т. 10. № 6. С. 225–234.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности Южной России. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1889а. 118 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. Древности скифо-сарматские. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1889б. 160 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности переселения народов. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1890. 158 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб: Типография А. Бонке, 1897б. 163 с.
- Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–765.
- Успенский Ф.И. Памяти Никодима Павловича Кондакова // Извкстия АН СССР. 1926. Серия VI. № 9. С. 567–576.
- Фрэнсис Ф. Сокровища Британского музея. М: Планета, 1984. 316 с.
- Хрушкова Л.Г. Никодим Павлович Кондаков в зарубежной научной литературе // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 260–295.
- Цамутали А.Н. Н.П. Кондаков и русская историография конца XIX – начала XX века // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва, 2001. С. 24–26.
- Burn L. The British Museum Book of Greek and Roman Art. London: British Museum Press, 1991. 223 p.
- Cunliffe B. Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions. London: Methuen Publishing Company, 1988. 243 p.
- A Guide to the Department of Greek and Roman Antiquities in the British Museum. London: William Clowes and Sons Limited, 1912. 256 p.
- Hoffmann H. Iconography and iconology // Hephaistos. 1985/86. No. 7/8. P. 61–67.

- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerch Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // *Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum* / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. München: Verlag C.H. Beck, 2012. P. 151–164.
- Pryce F. N.* Catalogue of the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum. Vol. I. Part I. Prehellenistic and Early Greek. London: British Museum, 1928. 214 p.
- Shefton B.* The krater from Baksy // *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens* / Eds. D. Kurtz and B. Spakers. Cambridge, London, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 149–182.
- Shefton B.* The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // *Kotinos. Festschrift für Erika Simon* / Hrsg. H. Froning, T. Hölscher, H. Mielsch. Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 1992. P. 241–250.
- Skrzinskaya M. V.* Xenophantos, an Artisan of Athens // *Ancient Civilizations from Skythia to Siberia*. 2000. Vol. 6. No. 3–4. P. 281–295.
- Shefton B.* The krater from Baksy // *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens* / Eds. D. Kurtz and B. Spakers. Cambridge, London, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 149–182.
- Vinogradov Yu. A.* Achaemenid Elements in the Elite Culture of the Cimmerian Bosphorus // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond. New Evidence and Studies. A volume to the memory of Prof. Alexandru Avram* / ed. Gocha R. Tsitsikhladze (†) with J. Hargrave. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2023. P. 99–115 (*Colloquia Antiqua*. 40).

REFERENCES

- Aynalov D. V. Russkiye klady. Issledovaniye drevnostey veliko-knyazheskogo perioda N. Kondakova. T. 1. St. Petersburg, 1896. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1897. 7. P. 159–172.
- Anuchin D. Krupnyy novyy trud po istorii russkogo iskusstva i drevnostyam. *Russkiye vedomosti*. 1897a. № 105. P. 2–3.
- Anuchin D. N. Arkheologicheskoye znachenie «Monomakhovoy shapki» po mneniyu N. P. Kondakova. *Arkheologicheskiye izvestiya i zametki*. 1897b. № 5–6. P. 163–165.
- Artamonov M. I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, Praga, 1966. 120 p., 331 tabl.
- Ashik A. B. *Kerchenskiye drevnosti. O pantikapeyskoy katakombe, ukrashennoy freskami*. Odessa, 1845. 50 p.
- Balakin Yu. V. Uralo-sibirskoye kul'tovoye lit'e v mife i rituale. Novosibirsk, 1998. 288 p.
- Basargina Ye. Yu. Arkheologicheskiy institut im. N. P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum). Po materialam arkhivov Pragi. *Mir russkoy vizantinistiki. Materialy arkhivov Sankt-Peterburga*. St. Petersburg, 2004. P. 766–811.
- Basargina E. Yu., Zasrozhnova E. G. Premii imeni K. K. Gertsya. *Chelovek i drevnosti. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)*. Moscow, 2010. P. 642–653.
- Belov A. Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov (K pyatidesyatiletuyu yego uchonoy deyatel'nosti). *Istoricheskiy vestnik*. 1916. № 11. P. 454–462.
- Bert'e-Delagard A. L. Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii*. 1893. № 12. 64 s., VII tabl.
- Burn L. *The British Museum Book of Greek and Roman Art*. London, 1991. 223 p.

- Butyagin A.M., Vinogradov Yu.A. Yuz-Oba. *Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. T. II. Kurgany na myse Ak-Burun*. Simferopol'; Kerch'', 2014. 184 p.
- Cunliffe B. *Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions*. London, 1988. 243 p.
- Dluzhnevskaya G.V. Materialy N.P. Kondakova v sobranii Instituta istorii material'noy kul'tury. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye nasledie, arkhiv*. St. Petersburg, 2001. P. 35–42.
- A Guide to the Department of Greek and Roman Antiquities in the British Museum*. London, 1912. 256 p.
- Gening V.F. *Ocherki po istorii sovetskoy arkheologii*. Kiyev, 1982. 223 p.
- Gerts K.K. *Sobraniye sochineniy, izdannoe Imperatorskoyu Akademiyu Nauk*. Vyp. 1. *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrorva*. St. Petersburg, 1898a. 163 p.
- Gerts K. K. *Sobraniye sochineniy, izdannoe Imperatorskoyu Akademiyu Nauk*. Vyp. 2. *Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrrove*. St. Petersburg, 1898a. 151 p.
- Gribova L.S. *Permskiy zverinyi stil' (problemy semantiki)*. Moscow, 1975. 146 p.
- Grinenko L.O. Khersones: rozhdeniye muzeya. *Obzor idey i voploshcheniy v XIX v. Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 66–83.
- Ignat'eva O.V. *Permskiy zverinyi stil': istoriya kollektsiy i ikh izucheniye*. Perm', 2009. 160 p.
- Hoffmann H. Iconography and iconology. *Hephaistos*. 1985/86. No. 7/8. P. 61–67.
- Il'inskiya V.A., Terenozhkin A.I. *Skifiya VII–IV vv. do n.e.* Kiyev, 1983. 378 p.
- Kats V.I. *Arkheologicheskiye detektivy i zametki na polyakh v kachestve garnira*. Saratov, 2023. 268 p.
- Kashcheyev V.I. Kondakov Nikodim Pavlovich. *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka*. T. I. St. Petersburg, 2021. P. 365–372.
- Khrushkova L.G. Nikodim Pavlovich Kondakov v zarubezhnoy nauchnoy literature. *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 260–295.
- Kleyn L.S. *Istoriya russkoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchiy obzor i dorevolutsionnoe vremya*. St. Petersburg, 2014. 704 p.
- Kondakov N. *Nauka klassicheskoy arkheologii i teoriya iskusstva. Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1872. T. 8. P. 51–90.
- Kondakov N. *Pamyatnik Garpiy iz Maloy Azii i simbolika grecheskogo iskusstva*. Odessa, 1873. 231 p.
- Kondakov N.P. Iz Kerchi (pis'mo k professoru K.K. Gertsu). *Moskovskiy vedomosti*. 1874a. №202. P. 3–4.
- Kondakov N.P. S Kavkazskogo poberezh'ya. Pis'mo k professoru K.K. Gertsu. *Moskovskiy vedomosti*. 1874b. № 208. P. 5.
- Kondakov N.P. O nekotorykh melkikh predmetakh drevnosti, naydennykh v Akkermane v 1867 godu. *Trudy Vtorogo Arkheologicheskogo s'ezda v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, 1876. P. 20–24.
- (Kondakov N.P.) Otchet dotsenta N. Kondakova o ego zanyatiyakh za granitsey s 1-go marta po 1-ye sentyabrya 1875 g. // *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1876a. T. 18. P. 177–183.
- (Kondakov N.P.) Otchet o zanyatiyakh za granitsey s 1 sentyabrya 1875 g. po 1 marta 1876 g. *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1876b. T. 20. P. 175–179.
- (Kondakov N.P.) Otchet dotsenta N. Kondakova o yego zanyatiyakh za granitsey s 1-go marta po 1-ye

- avgusta 1875 g. *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1877a. T. 21. P. 277–286.
- Kondakov N. Mramornyy rel'yef iz Pantikapeya. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii I drevnostey*. 1877b. T. 10. P. 16–25.
- Kondakov N.P. Melkiye drevnosti Kubanskoj i Terskoj oblastey. *Trudy Tret'yego arkheologicheskogo s'yezda*. T. I. Kiyev, 1878. P. 139–146.
- Kondakov N. Grecheskie terrakotovye statuetki v ikh otnoshenii k iskusstvu, religii i bytu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii I drevnostey*. 1879. T. 11. P. 75–179.
- Kondakov N. Russkiy litsevoy Apokalipsis. F. Buslayev. Svod izobrazheniy iz litsevykh Apokalipsisov po russkim rukopisyam s XVI-go veka po XIX-y. 1884. (Izdaniye Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1885. 7. P. 110–142.
- Kondakov N. Rets. na knigu: «Metopy drevnegrecheskikh khramov. Issledovaniye v oblasti dekorativnoy skul'ptury» Vladimira Mal'mberga. Derpt, 1892. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1892. 6. P. 339–353.
- Kondakov N. Rets. na knigu: A. L. Bert'ye-Delagard. Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa. St. Petersburg, 1893 (12-y vypusk «Materialov po arkheologii Rossii», izdavayemykh Imperatorskoyu Arkheologicheskoyu Komissiyeyu). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1893. 12. P. 388–396.
- (Kondakov N.P.) Kondakov Nikodim Pavlovich. *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta*. 1896–1894. St. Petersburg, 1896a. P. 337–340.
- Kondakov N. Russkie klady. Issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda. T. 1. St. Petersburg, 1896b. 214 p.
- Kondakov N.P. O nauchnykh zadachakh istorii drevne-russkogo iskusstva. *Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva*. 1899. [Vol.] 132. P. 1–47.
- Kondakov N.P. Rets. na knigu: Gampel'. Drevnosti Vengrii. 1905. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-r Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. n. 2 Taf. 853 pf. 2-r Band. Fundbeschreibung. Mit. viel Abb. 1006 p. 3-r Band. Atlas 539 Tafeln. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 1906. T. 11. Kn. 3. P. 446–466.
- Kondakov N. P. Otchet o deyatelnosti Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk za 1906 god, sostavlennyy k torzhestvennomu zasedaniyu Imperatorskoy Akademii Nauk 29 dekabrya 1906 goda. *Sbornik Otdeleniya Russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 1907a. T. 82. P. 1–26.
- Kondakov N. P. V. V. Stasov (Nekrolog). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1907b. 1. P. 51–72.
- [Kondakov N.P.] Kondakov Nikodim Pavlovich. *Materialy dlya biograficheskogo slovarya deystvitel'nykh chlenov Imperatorskoy Akademii Nauk*. Vol. 1. Petrograd, 1915. 440 p.
- Kondakov N.P. *Vospominaniya i dумы*. Prague, 1927. 79 p.
- Kondakov N.P. *Ocherki i zametki po istorii srednevekovogo iskusstva i kul'tury*. Praga, 1929. 455 p.
- Kondakov N.P. *Vospominaniya i dумы*. Moscow, 2002. P. 17–190.
- Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., Zhukovskiy M.O. Kurgan Boyur-Gora (predvaritel'naya publikatsiya). *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. 4. Moscow, 2016. P. 279–324.

- Kyzlasova I.A. *Istoriya izucheniya vizantiyskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (F.I. Buslayev, N.P. Kondakov: metody, idei, teorii)*. Moscow, 1985. 184 p.
- Latyshev V.V. *Issledovaniya ob istorii i gosudarstvennom stroye goroda Ol'viya*. St. Petersburg, 1887. 314 p.
- Malein A. Karl Karlovich Gerts (1820 – 1883). *Biograficheskiy ocherk*. St. Petersburg, 1912. 244 p.
- Mal'mberg V.K. *Opisanie klassicheskikh drevnostey, naydennykh v Khersonese v 1888 i 1889 godakh. Materialy po arkheologii Rossii*. 1892. № 7. P. 1–31.
- Markevich A.V. *Dvadtsatiletie Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta (Istoricheskaya zapiska). Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetcheniya*. 1890. T. 53. P. 1–734.
- Musin A.Ye., Medvedeva M.V., Platonova N.I., Vseviov L.M., Tikhonov I.L. *Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii v 1859–1917 gg. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 62–353.
- Niderle L. *Znachenie N.P. Kondakova v slavyanskoy arkheologii. Kondakov N.P. Vospominaniya i dumy*. Moscow, 2002. P. 199–204.
- Odesskiy arkheologicheskiy muzey AN USSR*. Kiyev, 1983. 193 p.
- Oborin V. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskiy zverinyy stil'*. Perm', 1976. 190 p.
- Oborin V.A., Chagin G.N. *Chudskiye drevnosti Rifeya. Permskiy zverinyy stil'*. Perm', 1988. 178 p.
- Peredol'skaya A.A. *Vazy Ksenofanta. Trudy Otdela anyichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1945. [Vol.] I. P. 47–67.
- Peredol'skaya A.A. *Terrakoty iz kurgana Bol'shaya Bliznitsa i gomerovskiy gimn Demetre. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1962. T. VII. P. 46–92.
- Petrakova A. *Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerch Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts. Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum*. München, 2012. P. 151–164.
- Pokrovskiy F.I., Glubokovskiy N.N. *Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov. Bogoslovskaya entsiklopediya*. 1911. T. 12. P. 743–758.
- Pryce F.N. *Catalogue of the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum*. Vol. I. Part I. Prehellenistic and Early Greek. London, 1928. 214 p.
- Radenko M.B. *Fedor Ivanovich Buslayev: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya. Literaturovedcheskiy zhurnal*. 2019. No. 45. P. 116–154.
- Redin E.K. *Professor Nikodim Pavlovich Kondakov. K tridtsatiletiyushchinicheskoy pedagogicheskoy deyatelnosti. Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1897. T. IX. No. 3–4. P. 1–40.
- Romanchuk A.I. *N.P. Kondakov i nachalo sistemnykh raskopok v Khersonese. Mir Kondakova. Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavok*. Moscow, 2004. P. 253–260.
- Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa–Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy*. T. 1. Antichnyy polis. Tyumen', 2008. 720 p.
- Romanchuk A.I. *K.K. Kostyushko-Valyuzhinich: biografiya i nekotorye aspekty deyatel'nosti. Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 205–216.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii*. St. Petersburg, 1913 (atlas), 300 tabl., 1914 (tekst). 456 p.
- Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii*. Petrograd, 1918. 190 p.

- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literatury i arkheologii.* (Leningrad), 1925. 621 p.
- Rysin M.B., Stegantseva V.Ya. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i issledovaniye pamyatnikov Kavkaza i Predkavkaz'ya. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy.* T. 2. St. Petersburg, 2019. P. 921–1055.
- Senatory S.N. Skifskoe pogrebenie kurgana Kara-Merkit s V v. do n.e. v Severo-Zapadnom Krymu. Po ma'yerialam Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha.* 2019. Vol. 42. P. 21–40.
- Shefton B. The krater from Baksy. *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens.* Cambridge; London; New York, 1982. P. 149–182.
- Shefton B. The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon. *Kotinos. Festschrift für Erika Simon.* Mainz/Rhein, 1992. P. 241–250.
- Silant'yeva L.F. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 1959. № 69. P. 5–197.
- Skifskiy roman.* Moscow, 1997. 624 p.
- Skrzhinskaya M.V. Afinskiy master Ksenofant, *Vestnik drevney istorii.* 1999. № 3. P. 121–130.
- Skrzhinskaya M.V. Xenophantos, an Artisan of Athens. *Ancient Civilizations from Skythia to Siberia.* 2000. Vol. 6. No. 3–4. P. 281–295.
- Stasov V.V. *Pis'ma k deyatelyam russkoy kul'tury.* T. 1. Moscow, 1962. 349 p.
- Stoyanov R.V. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy.* T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 743–782.
- Tikhonov I.L. Stanovleniye klassicheskoy arkheologii v Sankt-Peterburgskom universitete: shkola N.P. Kondakova. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoe nasledie, arkhiv.* St. Petersburg, 2001. S. 27–34.
- Tolstoy I. Dva kapital'nykh truda po vizantiyskoy i vizantiysko-russkoy arkheologii. *Kosmopolis.* 1898. T. 10. № 6. P. 225–234.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 1. Klassicheskie drevnosti Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg, 1889a. 118 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 2. Drevnosti skifo-sarmatskie. St. Petersburg, 1889b. 160 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 3. Drevnosti pereseleniya narodov. St. Petersburg, 1890. 158 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 5. Kurgannye drevnosti i klady domongol'skogo perioda. St. Petersburg, 1897b. 163 p.
- Tsamutali A.N. N.P. Kondakov i russkaya istoriografiya kontsa XIX – nachala XX veka. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye nasledie, arkhiv.* St. Petersburg, 2001. S. 24–26.
- Tunkina I.V. Akademik N.P. Kondakov: poslednie gody zhizni (po materialam epistolyarnogo naslediya). *Mir russkoy vizantinistiki. Materialy arkhivov Sankt-Peterburga.* St. Petersburg, 2004. P. 641–765.
- Uspenskiy F.I. Pamyati Nikodima Pavlovicha Kondakova. *Izvkstiya Akademii Nauk SSSR.* 1926. Seriya VI. № 9. P. 567–576.
- Vasil'yeva R.V. Dokumenty N.P. Kondakova v Rukopisnom arkhive Instituta istorii material'noy

- kul'tury RAN (kratkiy obzor). *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye nasledie, arkhiv*. St. Petersburg, 2001. P. 43–50.
- Vinogradov Yu.A. O smysle izobrazheniy na bol'shom lekife Ksenofanta. *Bosporskie issledovaniya*. 2006. Vol. 13. P. 134–161.
- Vinogradov Yu.A. *Bol'shoy lekif Ksenofanta*. St. Petersburg, 2007. 63 p.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859 – 1917)*. Kerch', 2012. 368p. (*Bosporskie issledovaniya*. Vol. 27).
- Vinogradov Yu.A. Otdel istorii antichnoy kul'tury. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)*. St. Petersburg, 2013. P. 160–190.
- Vinogradov Yu.A. Kurgan u sela Baksy v Vostochnom Krymu. *Bosporskie issledovaniya*. 2014a. Vol. 30. P. 510–528.
- Vinogradov Yu.A. Yeshche raz o kurgane u sela Baksy v Vostochnom Krymu // *Bosporskie issledovaniya*. 2014b. Vol. 30. P. 529–534.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovaniya*. 2017. Vol. 34. P. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 354–536.
- Vinogradov Yu.A. Dmitriy Nikolayevich Anuchin (1843 – 1923). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyy put' i vklad v nauku*. St. Petersburg, 2022. P. 434–460.
- Vinogradov Yu.A. K. K. Gerts. Pis'ma s Bospora Kimmeriyskogo. *Bosporskie issledovaniya*. 2023. Vol. 47. P. 292–331.
- Vinogradov Yu.A. Achaemenid Elements in the Elite Culture of the Cimmerian Bosporus. *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond. New Evidence and Studies. A volume to the memory of Prof. Alexandru Avram*. Leuven; Paris; Bristol, 2023. P. 99–115 (Colloquia Antiqua. 40).
- Vinogradov Yu.A. N.P. Kondakov i Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya. *Sokhranyaya rossiyskoe i mirovoe kul'turnoye nasledie. 165 let Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. St. Petersburg, 2024a. P. 15–25.
- Vinogradov Yu.A. Arkheologicheskoe puteshestvie N.P. Kondakova 1874 g. *Kul'tury i tsivilizatsii Tsentral'noy Azii ot neolita srednevekov'ya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 120-letiyu A.M. Belenitskogo, 95-letiyu V.M. Massona i 100-letiyu Yu.A. Zadneprovskogo*. St. Petersburg, 2024b. P. 251–255.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora. T. I. *Istoriya izucheniya i topografiya. Simferopol'; Kerch', 2012. 288 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 9)*.
- Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskiy M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boyur-Gora (Buyerova mogila) – usypal'nitsa elity stolitsy Aziatskogo Bospora. *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola*. St. Petersburg, 2016. P. 147–164.
- Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiyu*. Vol. I. *Istoriya arkheologicheskikh znaniy*. Petrograd, 1923. 196 p.
- Zhebelev S.A. Russkoe vizantinovedenie, ego proshloe, ego zadachi v sovetskoj nauke. *Vestnik drevney istorii*. 1938. № 4. P. 13–22.

Резюме

Н.П. Кондаков (1844 – 1925) сделал много для археологической науки. С 1870 г. он трудился на кафедре теории и истории искусств в Новороссийском университете (Одесса). В 1873 г. Н.П. Кондаков защитил магистерскую диссертацию о Памятнике гарпий в Малой Азии. В 1876 г. исследователь был приглашен в Императорскую археологическую комиссию. С этого времени Н.П. Кондаков проводил раскопки курганов Боспора Киммерийского. С 1888г. он принимал активное участие в организации систематических исследований Херсонеса Таврического. Его научные публикации основаны на понимании археологии как части истории искусств. Этой идее Н.П. Кондаков был верен до конца своих дней.

Ключевые слова: история науки, античная археология, Боспор Киммерийский, Херсонес Таврический, Императорская археологическая комиссия.

Summary

N.P. Kondakov (1844 – 1925) has done a lot for archaeological science. Since 1870, he worked at the Department of Theory and History of Art at Novorossiysk University (Odessa). In 1873 N.P.Kondakov supported his master's thesis on the Harpy Tomb in Asia Minor. In 1876, the researcher was invited to the Imperial Archaeological Commission. Since that time, N.P. Kondakov has been excavating the tumuli of the Cimmerian Bosphorus. Since 1888, he took an active part in the organization of systematic research of Tauric Chersonesos. His scientific publications are based on an understanding of archaeology as part of art history. N.P. Kondakov was faithful to this idea until the end of his days.

Key words: history of science, classical archaeology, Cimmerian Bosphorus, Tauric Chersonesos, Imperial Archaeological Commission.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Истории материальной культуры РАН
(С-Петербург)
8 981 748-65-60
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinogradov Yurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg)
8 981 748-65-60
vincat2008@yandex.ru

А.В. КУЛИКОВ, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
A.V. KULIKOV, L.YU. PONOMAREV

КЕРЧЕНСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР ДРЕВНОСТЕЙ А. В. НОВИКОВ: БИОГРАФИЯ, СЕМЬЯ И РОДСТВЕННИКИ¹

KERCH ANTIQUITIES COLLECTOR A.V. NOVIKOV: BIOGRAPHY, FAMILY AND RELATIVES

Особое место в историографии археологического изучения античного и средневекового Боспора занимают керченские коллекционеры, торговцы древностями и, конечно, грабители, т. н. «счастливики», находившиеся на низшей ступени этой своеобразной «пищевой цепочки». Торговлей антиками, добытых, в основном, из ограбленных могил, жители Керчи и Еникале, включая «низшие сословия», стали заниматься уже в конце XVIII – начале XIX вв. По словам английского путешественника Э.-Д. Кларка, посетившего Керчь в 1800 г.: «Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краев» [Кларк, 1999, с. 27]. Насколько дешево оценивались «рядовые», на взгляд местных жителей, находки, свидетельствует тот факт, что иногда путешественники могли получить их совершенно бесплатно. Об одном из таких случаев упоминает в 1802 г. П. И. Сумароков. Грек из Керчи подарил ему, «вырытую недавно», глиняную урну с прахом, в которой находилась еще одна, меньших размеров урна [Сумароков, 1805, с. 123, рис. 19]. К 30-м – 40-м гг. XIX в., в период «строительного бума» в городе, сопровождавшегося массовым уничтожением древних памятников, как в его черте, так и при обустройстве Карантинного шоссе, это явление приняло массовый характер. Со слов А. Б. Ашика (первая половина 1840-х гг.): «Керченские жители большие охотники до древностей; но охотники, как купцы до товара, который можно легко и выгодно сбыть при случае» [Ашик, 1849, III, с. 60, прим. 10]. Покупателями, в первую очередь, выступали, посещавшие город русские и европейские ученые и путешественники, часть находок купцы сбывали в Одессе и на ярмарках в Новороссии². Э. Д. Кларк, к примеру, вознамерился купить три «очень интересных античных мраморных квадрата» (постамент с посвянительной надписью и надгробия) для Кембриджского музея, но сделка сорвалась из-за спора между их владельцами, не поделившими деньги [Кларк, 1999, с. 27–28].

В первой четверти XIX в. в Керчи появились и местные коллекционеры, из среды которых выделился П. А. Дюбрюкс, ставший первым директором Керченского

¹ Следующая статья будет посвящена его коллекции древностей и сотрудничеству с историко-архивными и археологическими учреждениями.

² Немало керченских древностей оседало в Одессе. В частности, французский археолог и нумизмат Франсуа Ленорман упомянул в середине 1860-х гг. о двух камнях, найденных в Керчи и принадлежавших врачу Одесского института благородных девиц Д.К. Далласу [Две античные..., 1868, с. 43–44].

музея древностей. До этого он выступал посредником в приобретении антиков для «вельможных» столичных коллекционеров, в т. ч. графа С. О. Потоцкого, имевшего в Керчи «десять порученцев», скупавших для него монеты [Тункина, 2010, с. 39–40]. Во второй половине XIX – начале XX вв. собирательство древностей охватило в городе не только местную интеллектуальную элиту, но и многих других любознательных и интересовавшихся историей горожан, а также, служивших в Керчи чиновников и офицеров. Небольшие коллекции имели даже некоторые из гимназистов, в частности будущий известный геолог Н. И. Андрусов, но пополняли их они по скудости средств, в основном, за счет собственных находок, чаще всего, собранных после дождей на г. Митридат. К сожалению, далеко не у всех из них были бескорыстные побуждения, порою богатейшие собрания антиков в первую очередь служили источником получения прибыли и пополнялись благодаря тесному сотрудничеству их владельцев с торговцами древностями и личными контактами с грабителями могил – «счастливчиками».

В 1868 г. генерал-майор А. И. фон дер Ховен, побывав в Керчи, упомянул по правой (северной) стороне Воронцовской улицы «несколько магазинов местных ювелиров; они же и часовых дел мастера и владельцы коллекций археологических редкостей, монет и резных камней. На окнах магазинов лежат глиняные и стеклянные сосуды, слезницы и флаконы, с ними перемешиваются редкие монеты и вырытые древние металлические украшения. Конечно все это ценится очень дорого, а потому и не находит многих покупателей». В этих же магазинах «милые подруги» их владельцев «чаще всего еврейского происхождения, помогают мужьям в коммерции, устраивая в том же помещении магазины шляпок, чепцов и наколок» [Ховен фон дер, 1871, с. 277–278]. Примерно в таком же духе о местных торговцах древностями в 1870 г. высказался Е. Е. Люценко: «Относительно древности предметов замечу, что им в Керчи цену знает даже простой народ, а на все падкие евреи уже завели ими торговлю открыто; на базаре, в лавочках, у менял тоже всегда найдется много древних монет». В заключении он не преминул заметить о многочисленных подделках, от которых любого нумизмата «бросает в жар и бред» [Люценко, 1873, с. 190]. И позднее наиболее крупными среди керченских торговцев древностями оставались владельцы престижных магазинов (включая пассаж) на центральной улице города – ул. Воронцовской – купцы Б.И. Букзиль (может быть и его сын Копель Борисович) [Боровкова, 1999, с. 125–128], И. А. Тульман (он же Госет Цоцилошвили) и его жена Кейля Гершовна [Боровкова, 1999, с. 129–131], Л. Ш. Надель (арендовал площадь под свой магазин в пассаже Б. Букзиля), Адольф Гольде, часовых дел мастер, владелец магазина, в котором продавались золотые и серебряные изделия, часы и оптика. Широкую известность приобрел мещанин Е.Р. Запорожский, совладелец в 1880-е – 1890-е гг. с женой – Аграфеной Дмитриевной трактира на углу ул. Константиновской и ул. Госпитальной, дом № 18/29 (бывший № 376) [Боровкова, 1999, с. 120–124; Федосеев, 2017, с. 136–137]. На втором этаже дома № 15/27 по ул. Константиновской (напротив трактира), принадлежащем Аграфене Дмитриевне, находился магазин древностей

Е.Р. Запорожского, корректно именовавшийся в рекламе, помещенной в путеводителе Г.Г. Москвича, «частным археологическим музеем». Самого же Е. Р. Запорожского автор охарактеризовал не только как «торговца редкостями и древностями», но и как «археолога-любителя и знатока», который «любит» свой музей «до обожания и знает каждой вещи название и место в истории. ... Его музей открыт для каждого и каждый найдет здесь что-либо для себя любопытное. Еще недавно он отправил богатую партию находок в Петербург, откуда получил вскоре весьма солидное вознаграждение». Далее Г.Г. Москвич упомянул о высоком мастерстве керченских фальсификаторов древностей, изделия которых даже Е.Р. Запорожский иногда не мог отличить от настоящих антиков. Они продавались у него отдельно «баснословно дешево», начиная от 25 до 30 коп. за «сосудик» [Москвич, 1896, с. 149–150; Москвич, 1904, с. 130; Федосеев, 2017, с. 136]. В одном из повторных изданий путеводителя Г. Г. Москвича была помещена реклама ялтинского отделения магазина-«музея» (на набережной около парка графа Мордвинова) Е.Р. Запорожского, помпезно названного «известным археологом-промышленником». В нем можно было купить настоящие «археологические редкости», подделки под них и старинные монеты [Москвич, 1908]. Об антикварном рынке в Керчи и Е.Р. Запорожском упомянул редактор журнала «Русская мысль» Митрофан Нилович Ремезов, посетивший Керчь в 1892 г.: «За посредниками между любителями (древностей – авт.) и «босьяками» тут дело не встанет. Евреи в городе открыто торгуют расхищенными древностями. В их магазинах отведены для этой коммерции целые отделения, а дома у них – настоящие музейчики. У выезда из города на гору «Митридата» ... существует кабачок Ермолая Романовича Запорожского. Кабак в нижнем этаже, а над ним целый антикварный магазин, в котором можно купить вещи ценой от 20 коп. до нескольких сот рублей – за вазу, например, с хорошо сохранившимися рисунками. Ермолай Запорожский своего рода знаменитость, его знает вся Керчь, его знают любители и настоящие археологи в Москве и Петербурге, куда он возит свои редкости на продажу. Ермолай Романович знает лично всех титулованных и нетитулованных ученых и неученых археологов, знает кто чем интересуется и кому что предложить. В числе клиентов этого кабаччика-антиквария есть такие лица, которые, по своему положению обязаны были бы заботиться об охране наших древностей, а они...покупают у него приобретаемое им за бесценку у хищников-босьяков, которых здесь называют «счастливицами»» [Ремезов, 1892, с. 111–112]. К. Е. Думберг в рапорте руководству ИАК от 11 ноября 1891 г. написал: «Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского», а в рапорте от 19 декабря 1891 г. упомянул: «Городовые, а их в Керчи 60 человек, скорее, сочувствуют «счастливицам», чем заведующему Музеем; (да) и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и даже живущего у последнего» [Императорская..., 2009, с. 326, 330]. В 1891 г., в связи с покупкой древностей, «Ермолая», в письме к Ф. И. Гроссу, упоминает Ф.Ф.Тизенгаузен [Императорская..., 2009, с. 323]. В декабре 1903 г. Е. Р. Запорожский, писал А. А. Бобринскому: «Смею Вас уверить, Ваше

Сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо все почти перекопано; и (поскольку – ред.) по весне в Керчи начнется устройство порта, то цены на древности поднимутся по-прежнему» [Императорская..., 2009, с. 365].

Помимо крупных торговцев были и мелкие – золотых дел мастер М. Файн, мещане С. Головлев [Боровкова, 1999, с. 131–132] и В. Шереметьев, Н. Ключковский, часовых дел мастер Иосиф (Ион, Иван) Пекерев (Пекеров, Пекарев), [Боровкова, 1999, с. 134–138; Федосеев, 2017, с. 138], турецкий подданный Моисей Зильберштейн, И. Понеделка. Но, как заметил М. Н. Ремезов, в борьбе и с ними у директора Керченского музея К. Е. Думберга «руки коротки», поскольку за местными «посредниками грабительской коммерции» стоят «солидно-влиятельные постоянные покупатели» [Ремезов, 1892, с. 111–112]. Среди последних были и иностранцы. Об одном из них – англичанине – в изданном в 1889 г. «Практическом путеводителе по Крыму» упомянула Анна Москвич. Он «два года тому назад» скупил в Керчи «до 2000 разных «безделушек» и отправил их в Лондонский музей» [Москвич, 1889, с. 75]. Подобного рода практика, со слов автора заметки, опубликованной в 1901 г. в газете «Крымский вестник», приняла к началу XX в. массовый характер [Археологическая..., 1901, с.6]. Из русских коллекционеров, покупавших антики у керченских торговцев, можно упомянуть купца 1-й гильдии, владельца мануфактурной фабрики в г. Иваново Д. И. Бурылина [Боровкова, 1999, с. 80–82], а также киевлян – И. А. Хойновского [Хойновский, 1896, с. 39–40, 44, 51–59] и Т. В. Кибальчича, почетного вольного общника Императорской Академии художеств, действительного члена Императорского Русского археологического общества и Таврической ученой архивной комиссии, открывшего в 1877 г. в Киеве археологический музей [Археологические..., 1874, с.346–347, 356; Кибальчич, 1876; Кибальчич, 1896а; Кибальчич, 1896б; Кибальчич, 1910]. Тесные контакты с торговцами древностями и «счастливчиками» поддерживал владелец крупнейшей в Керчи на начало XX в. коллекции античных монет, старший врач лазарета Особого Керченского отдела корпуса пограничной стражи И.А.Терлецкий [Боровкова, 1999, с. 83–94]. Среди же «счастливчиков» были, даже, и иностранцы, в частности, Франц Биллер, прусско-подданный, «вольнопромышленник», копавший в Керчи курганы и могилы в 1867–1870-е гг.³

³ Его деятельности положили начало временно-обязанные крестьяне, ограбившие, со слов М.И.Падрен-де-Карнэ (директора Керченской мужской гимназии), в ноябре или декабре 1866 г. гробницу одного из курганов Нимфейского некрополя, в которой нашли несколько золотых украшений, в т. ч. серьги с подвесками в виде богини Дианы на олене. Вскоре находки оказались «в руках частного лица, совершенно равнодушного к их археологическому и художественному значению, но далеко не равнодушного к материальной их ценности» [Новооткрытые..., 1868, с. 93–94; А. Л., 1869, с. 54–55]. В 1867г. ИАК и А. Е. Люценко начали переговоры с Е. Ц. Гурьевой (вдовой А. В. Гурьева), владелицей земли рядом с дер. Эльтиген, на которой находился Нимфейский некрополь. За право производить раскопки она потребовала 3000 руб., ввиду отсутствия таковых у ИАК, переговоры затянулись. В итоге, в 1868 г. Е. Ц. Гурьева подписала соглашение о раскопках с Францем Биллером. В 1868–1869 гг. он вскрыл в курганах шесть богатых гробниц V в. до н. э. В 1880-е гг. Вильгельм Сименс, курировавший в свое время работы по прокладке участка линии «Индо-Европейского» телеграфа через Керченский пролив,

Однако были и другие коллекционеры, которые, хотя, как и все остальные, пополняли свои собрания находками, поступающими, в основном, из ограбленных погребальных памятников, понимали, не только их материальную ценность, но и научную значимость, поэтому охотно и порою плодотворно сотрудничали с археологическими и историческими научными учреждениями, оказывая посильную помощь приезжавшим в Керчь ученым. Среди таких коллекционеров выделялся известный не только в городе и Феодосийском уезде, но и в Таврической губернии, общественный и земской деятель, личный дворянин Александр Васильевич Новиков (рис. 1, 1–2)⁴.

Биография А. В. Новикова

К сожалению, в его биографии пока еще очень много пробелов, тем не менее, уже и та информация, которую удалось найти, характеризует его как неординарную и многогранную личность. Родился он 11 мая 1843 г. в семье керченского купца Василия Новикова, о котором нам практически ничего не известно, собственно, как и о его жене и других детях, если такие и были. К 1852 г. семья переехала в Симферополь, во всяком случае, именно в этом году А. В. Новиков поступил в Симферопольскую гимназию, в которой проучился два года. В 1854 г., с началом Крымской войны, когда он перешел в 3-й класс, гимназистов распустили по домам, и вскоре семья Новиковых переехала в Харьков [Первая..., 1906, с. 101]. В 1860 г. Александр Васильевич окончил 2-ю Харьковскую мужскую гимназию и поступил в Московский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета, с которого вскоре перевелся на юридический факультет [Государственная..., 1906, с. 39]. Однако связь с родным городом он все же не терял. 21 июля 1861 г., видимо, будучи в Керчи во время летних вакаций, А. В. Новиков вместе с А.И. Гинкуловой стал восприемником при крещении в Александро-Невской церкви Бориса – сына керченского мещанина, владельца сада в пос. Старый Карантин, И. К. Левенко и его жены.

В Москве молодой студент был вовлечен в деятельность нелегального студенческого кружка и типографии П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло⁵, занимавшихся переводами, литографированием и распространением запрещенной литературы. Их

купил у него некоторые из находок и передал Ашмолианскому музею в Оксфорде [Силантьева, 1959, с. 9–10; Императорская, 2009, с. 291–292; Императорская..., 2019, с. 404]. В 1872 г. на «даче Гурьева (в Старом Карантине)» (возможно, на некрополе Нимфея) он нашел маску из дерева, покрытую позолотой, изображающую погрудно женщину с глазами и бровями из цветного камня. В 1890 г. она уже принадлежала торговцу древностями И. А. Тульману. В 1891 г. о ней упомянул Х. П. Яшуржинский [Яшуржинский, 1891, с. 99].

⁴ Среди других можно упомянуть инженера, помещика и земского деятеля Б.П. Антоновича, Н.А. Савицкого, ротмистра Особого Керченского отдела Особого корпуса пограничной стражи В.П. Цехановского [Боровкова, 1999, с. 37–39], старшего врача лазарета Особого Керченского отдела корпуса пограничной стражи И. А. Терлецкого [Боровкова, 1999, с. 83–94; Избаш-Гоцкан, 2016, с. 216–219], помещиков и земских деятелей Вивиана Вильямовича и Андрея Вивиановича Олив и А.А. Дирина (рис. 2, 3) [Боровкова, 1999, с. 58–61].

⁵ Его отец, переводчик русской миссии в Стамбуле, грек, турецкий подданный, в 1850 г. принял русское подданство. Не являлся ли он родственником нескольким семействам Аргиропуло, проживавшим в XIX в. в Керчи и Еникале, предки которых, также, наверняка могли быть из малоазийских греков.

революционная деятельность ограничилась печатанием воззваний других организаций, своей прокламации «Молодая Россия» и единичными публичными выступлениями А. Г. Заичневского. 22 июля 1861 г. руководители кружка были арестованы и 25 июля доставлены в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, занимавшейся охраной государственного строя. 18 августа, курировавший это дело, жандармский подполковник Житков послал управляющему Третьим Отделением графу П. А. Шувалову донос «безупречного, бескорыстного, тихого, скромного» молодого (19 лет от роду) человека – Николая Костомарова, в котором были приведены имена «заговорщиков», в т. ч. и А. В. Новикова. Московская полиция не смогла найти его (21 июля 1861 г. он еще был в Керчи, крестил сына И.К. Левенко), в комиссию Третьего Отделения (видимо, по прибытию в Москву) он явился сам. При обыске у него ничего подозрительного не нашли. На допросах А. В.Новиков подтвердил, что брал у П. Э. Аргиропуло запрещенные издания, который, в свою очередь, купил их у неизвестных лиц, при этом в Московском университете они продавались открыто. 27 декабря 1861 г. комиссия по делу кружка П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло представила доклад об окончании следствия государю, прося соизволения на его передачу в министерство юстиции «для поступления с виновными по закону, согласно объявленному 29 августа 1861 года... Высочайшему повелению, а следовательно для предания их суду сената». 28 декабря император изволил согласиться. 5 февраля 1862 г. дело («процесс 27-ми») перешло в Первое отделение шестого (Московского) департамента Сената⁶, и надо отдать должное, приговоры не оказались слишком суровыми, а некоторые подследственные ввиду смягчающих обстоятельств и вовсе были освобождены от наказания, поскольку несмотря на антиправительственный и антирелигиозный характер распространявшейся ими литературы, «политической цели» в их действиях, по заключению Сената, «можно положительно сказать, не было; вся цель литографирования и распространения /заклучалась/ в выручке денег, в том предположении, что сочинения эти, как запрещенные, могли расходиться в продаже в большом количестве и тем действительно, как объяснил Аргиропуло, заведующий студенческой кассой, предоставлять средства к вспомоществованию бедным студентам» [Алексеев, 1922, с. 127]. Однако А.В.Новикову наказания избежать не удалось. Сенат, рассмотрев следственные материалы, разделил обвиняемых по составу преступления и степени виновности на семь категорий. А. В. Новикова, вместе с П. Г. Заичневским, П.Э. Аргиропуло и Л.Яценко, включили в 1-ю категорию, обвинив в «распространении литографических сочинений Герцена, Огарева, Фейербаха, Лорана, Бюхнера, а равно фотографических портретов Герцена, Огарева, польских эмигрантов, декабристов и других по-

⁶Московский генерал-губернатор П. А. Тучков на основании отзыва правления Московского университета, донес Сенату, что согласно последней ведомости о поведении студентов Заичневский очень хорошего поведения, Аргиропуло – отличного, Новиков – хорошего. О домашнем образе жизни студентов положительными сведениями правления университета не располагало, поскольку вне его стен они не были «подчинены наблюдению инспекции» [О минувшем, 1909, с. 148–149].

добных им деятелей» [Алексеев, 1922, с. 122]. В отношении него Правительствующий Сенат постановил: «студента московского университета Александра Новикова за распространение запрещенных литографированных и печатных сочинений, заключающих в себе недозволенное суждение о постановлениях и действиях правительства⁷, заключить в смиренный дом на три месяца». 2 января 1863 г. приговор был объявлен в Сенате. При этом все обвиняемые, кроме П. Г. Заичневского, оставались на свободе до 20 февраля 1863 г. По истечению срока наказания А. В. Новиков был отправлен в административную ссылку в г. Алатырь Симбирской губернии с учреждением за ним полицейского надзора. Об этом министра внутренних дел П. А. Валуева лично попросил Московский генерал-губернатор П. А. Тучков, сообщивший, что ввиду «достоверной ему известности... заключенные в смиренном доме Яценко, Перовский, Сулин, Новиков, Гольц-Миллер и Сварчевский весьма неблагонамеренны и опасны по своему дурному направлению для столицы» [Лемке, 1923, с. 3–54; Глинский, 1913, с. 119–120; О минувшем, 1909, с. 122–178; Деятели..., 1928, с. 20–21, 132–133].

В 1863 г. он вновь оказался под следствием, на этот раз по делу московского отделения тайного общества «Земля и Воля» (т. н. дело И. А. Андрущенко)⁸, которое было начато Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 28 сентября 1863 г. он был заключен в Невскую куртину Петропавловской крепости и лишь 9 мая 1864 г. освобожден на поруки. Кто выступил поручителем, осталось загадкой. В этом же году, по постановлению комиссии Третьего отделения, А. В. Новиков был предан суду Сената. 6 апреля 1866 г. его приговорили к заключению в крепости, на какой срок, выяснить пока не удалось. Но в 1869 г. он был уже освобожден и проживал в Санкт-Петербурге, за ним был установлен строгий гласный надзор, отмененный лишь в 1881 г. [За сто лет..., 1897, с. 66; Деятели..., 1928, стлб. 279–280].

Спустя десятилетия, когда А. В. Новиков уже давно «остепенился» и был избран членом Первой Государственной думы, автор изданной в 1906 г. книги «Биографии г.г. членов Государственной думы» Г. В. Малаховский не мог по вполне понятным причинам упомянуть этот бурный эпизод из жизни А. В. Новикова, поэтому ограни-

⁷ Судя из письма А. В. Новикова к П. Э. Аргиропуло, изъятого при обыске полицией, он распространял в Харькове сочинения Лорана, Фейербаха, Бюхнера, Огарева, Герцена и Шевченко [О минувшем, 1909 с. 129; Алексеев, 1922, с. 122].

⁸ И. А. Андрущенко (ок. 1840–1864), из дворян Херсонской губернии, окончил Константиновский межевой институт в Москве, служил землемером в Киевской и Черниговской губерниях. Арестован за принадлежность к обществу «Земля и Воля» в июле 1863 г. и заключен 2 августа в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где находился до 4 декабря. Вторично туда же заключен 15 апреля 1864 г. В ходе следствия выразил полное раскаяние и выдал сообщников. Умер 4 сентября 1864 г. во 2-м военно-сухопутном госпитале. Его брат Е. А. Андрущенко (род. ок. 1842), учился в Московском университете, но курс не закончил, служил частным землемером в Новгородской губернии. Арестован за принадлежность к обществу «Земля и Воля» и находился в Петропавловской крепости с 7 сентября по 14 октября 1863 г. 6 апреля 1866 г. судом Сената освобожден от ответственности [Деятели..., 1928, стлб. 18–19].

чился одним обтекаемым и политически корректным на тот период пассажем: «поступил в Московский университет, но вынужден был по «независящим» обстоятельствам покинуть его» [Малаховский, 1906, с. 69]. Примерно в таком же духе эти годы его жизни описал автор алфавитного справочника «Первая Государственная дума»: «Могучее общественное движение на заре нашей гражданственности, полное идеалистических стремлений, захватило с собой и А. В. и, в числе многих студентов того времени, он вынужден был оставить университет. Только в 70 году после долгих мытарств, которые суждено пережить всем честным, любящим свою родину россиянам, А. В. удалось вернуться в столицу» [Первая..., 1906, с. 101]. Спустя 10 лет в сборнике статей бывших членов 1-й Государственной думы, изданной в 1916 г., умерший на момент его издания А. В. Новиков был назван «человеком закала и идеалов 60-х годов» [К 10-ти летию..., 1916, с. 209].

В 1870 г. он вольнослушателем сдал экзамены в Санкт-Петербургском университете на кандидата прав [Государственная..., 1906, с. 39; Малаховский, 1906, с. 69], но адвокатской практикой не стал заниматься и в 1872 г. в возрасте 29 лет возвратился в Керчь. Чем он занимался эти два года и почему из столицы переехал в родной город, который покинул в возрасте девяти лет 20 лет назад, еще предстоит установить, но вполне возможно, что виной всему были «дела сердечные».

Известный геолог Н. И. Андрусов, описывая свои детские и юношеские годы, проведенные в Керчи (с 1872 по 1880 гг.), упоминает в начале 1870-х гг. А.В.Новикова, в связи с летними развлечениями на берегу залива в районе пристаней у «соляных дворов» против ул. Херхеулидзеvской: «Позже место раздевания была Куцовская купальня, пристроенная к их пристани. ...Тут уж были приятели: и Егор Куц⁹ и Александр Васильевич Новиков, и воспитанники Куцовской семьи: Притуленки¹⁰ и Митя Грамматикаки¹¹. Нам – мальчикам – было здесь по горло; и Ал. Вас. Новиков нас принудительно учил плавать. Попросту он нас выбрасывал немножко поглубже, и нам приходилось так или иначе выплывать на «мель»» [Андрусов, 1925, с. 17].

⁹ Куц Егор (Георгий) Герасимович, сын керченского купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Г. В. Куца вскоре стал шурином А. В. Новикова. Дом семейства Куц находился на ул. Херхеулидзеvская, № 8. Об их семье подробнее см. ниже.

¹⁰ Сироты – брат и сестра Притуленко. О судьбе сестры выяснить ничего не удалось. Н. И. Андрусов упоминает ее на начало 1870-х гг. как образованную девушку, «хозяйничавшую по кухне и по хозяйству» в доме Куц [Андрусов, 1925, с. 18]. Ее младшего брата Петра Притуленко Н. И. Андрусов вспоминал как «прекрасного плотника», отданного во второй половине 1870-х гг. на обучение за городской счет в училище садоводства и виноделия при Никитском Императорском ботаническом саде [Андрусов, 1925, с. 19]. В 1906 г. он упоминается в должности городского садовода в Керчи.

¹¹ Грамматикаки Дмитрий Николаевич, сын Н. И. Грамматикаки – священника Александро-Невской церкви в Керчи. После смерти отца 30 ноября 1870 г. остался сиротой и воспитывался в семье Е. П. Куц, вдовы купца Г. В. Куц. В 1885 г. жил в Петербурге на одной съемной квартире с Ю. И. Андрусовой (в замужестве Фаусек), сестрой Н. И. Андрусова, учившейся в то время на Высших (Бестужевских) женских курсах. Вместе с ним в семье Куц воспитывалась его сестра Леля, вышедшая впоследствии замуж за «моряка Псиола» и жившая в Севастополе. Остальные дети Н. И. Грамматикаки воспитывались в других керченских семьях [Андрусов, 1925, с. 19–20, 108].

Отказался ли он от своих убеждений и взглядов по приезду в Керчь, если это, конечно, не было «порывом и ошибкой молодости», мы не знаем, но служить обществу, во всяком случае, видимо, желал и сразу же активно включился в общественно-политическую и культурную жизнь города и Феодосийского уезда. В 1872 г., будучи еще под гласным строгим надзором¹², новоиспеченный юрист А. В. Новиков избирается по списку первого избирательного собрания гласным Феодосийского уездного земского собрания и принял участие в заседаниях его VII сессии. С тех пор в работе уездного земства он участвовал ежегодно, вплоть до смерти [Постановления..., 1913, с. 44]. Именно земская (уездная и губернская) деятельность снискала ему в первую очередь всеобщее признание и уважение.

С 1 декабря 1878 г. А. В. Новиков состоял на службе исполнительных органов Феодосийского земства [Постановления..., 1899, с. 50–51]. В частности, с 1878 по 1884 гг. избирался членом от Керчи Феодосийского уездного училищного совета – органа, контролировавшего средние и низшие учебные заведения. В 1885 г., после того как А. В. Новиков был избран Керчь-Еникальским городским головой, вместо него на эту должность избрали гласного, потомственного почетного гражданина Николая Федоровича Сазонова¹³ [Протоколы..., 1886, с. 319]. 29 октября 1887 г. он был избран баллотировкой большинством голосов (27 – за, 4 – против) членом Феодосийской уездной земской управы без жалования [Протоколы..., 1888, с. 30, 69]. В каком году его впервые избрали на эту должность неизвестно, но оставался

¹² Надзирали за ним начальник жандармской команды в Керчи капитан И. М. Поливанов и Керчь-Еникальский полицмейстер – майор И. М. Трушевский.

¹³ Его отец – Ф. Я. Сазонов, керченский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, избравшийся членом Керчь-Еникальского Строительного комитета и членом от купечества Керченского карантина, попутно промышлял торговлей древностями. В частности, А. Б. Ашик упомянул, что в 1840-е гг. граф С. А. Уваров и известный нумизмат П. Ж. Сабатье, «бывшие недавно в Керчи, приобрели покупкою от купца Созонова много древних золотых монет и вещей» [Ашик, 1849, III, с. 60, прим. 10]. Впрочем, в одном случае его интерес к древностям оказался совершенно бескорыстным. Так, в 1842 г. он уведомил ООИД об иконе Распятия Господня с древней греческой надписью из керченской церкви Иоанна Предтечи [Отчет..., 1843, с. 10]. Торговлей древностями занимался, видимо, и его сын Николай, владевший в конце 1850-х гг. несколькими лавками на Магистратской площади. В 1866 г. керченский скупщик древностей Арон Обершмуклер (отец Герши и Юды (Генриха и Адольфа) Обершмуклеров – керченских купцов, совладельцев одной из крупнейших в Керчи паровых мельниц и флотилии перегрузочных барж) приобрел у Сазонова золотые вещи из кургана, ограбленного крестьянами на Нимфейском некрополе. В 1867 г. у Обершмуклера эти вещи выкупила ИАК и передала в Эрмитаж [Силантьева, 1959, с. 7]. Не исключено, что отношение к этой семье имел ротмистр Керчь-Еникальской полубригады пограничной стражи Михаил Федорович Сазонов, возможно, еще один сын Ф. Я. Сазонова [Манаев, Пономарев, 2024, с. 317, прим. 41], получивший известность как талантливый фальсификатор античных монет. В 1876 г. он рассказал о способах их подделки Е. Е. Люценко [Шкорпил, 1907, с. 61–63; Зверев, 2022, с. 99–106]. Впрочем, его интерес к антикам этим не ограничивался. Известны две, сделанные им в 1862 г. фотографии экспонатов Керченского музея древностей, причем А. Е. Люценко отметил, что бесплатно «на добровольных началах» [Медведева, 2017, с. 58, рис. 196–197]. В 1869 г. капитан Сазонов подарил Новороссийскому университету надгробие, найденное в Татарской слободке [КБН, 1965, с. 161–162, № 180].

на ней он до конца жизни. 27 сентября 1891 г., уже будучи на тот момент надворным советником и личным дворянином, А. В. Новиков вновь избирается на трехлетие членом от земства Феодосийского училищного совета, сменив на этой должности преподавателя латинского языка Керченской мужской гимназии П. В. Фрейберга [Протоколы..., 1892, с. 56, 400, прилож. 69]. В 1892 г. он посетил в уезде 9 народных училищ, в 5-ти из них произвел испытания ученикам [Постановления..., 1894, с. 398, 400, прилож. 65]. В 1893 г. осмотрел 5 училищ и в 13-ти провел испытания [Постановления..., 1895, с. 390, 392, прилож. 77]. В 1894 г. вновь избирается на эту должность [Постановления..., 1895, с. 63]. В 1895 г. как член училищного совета осмотрел 11 народных училищ, в 14-ти провел испытания [Постановления..., 1897, с. 68–69, прилож. 69]. В 1896 г. провел испытания в 8 училищах [Постановления..., 1898, с. 78]. 17 октября 1897 г. вместо него членом Феодосийского училищного совета избран Илья Лазаревич Шушак [Постановления..., 1899, приложения, с. 160]. В апреле 1906 г. у члена управы А. В. Новикова можно было узнать кондиции на постройку здания больницы в с. Даут-Эли (Марфовка) Петровской волости площадью 126,09 кв. саж. [Накануне, 1906, № 3. 8 апреля]¹⁴.

Во время работы сессий Феодосийского земского собрания А. В. Новиков постоянно брал слово, читал перед гласными журналы предыдущих собраний, вносил разнообразные, и зачастую принимаемые, предложения по многим обсуждаемым злободневным вопросам, инициировал собственные предложения и дискутировал по ним, контролировал в случае принятия их исполнение, руководил работами по сооружению или ремонту различных земских инфраструктурных объектов, неоднократно избирался секретарем заседаний, а также членом разных комиссий. Яркое представление о его земской работе дают ежегодно публиковавшиеся «Протоколы» и «Постановления» сессий Феодосийского земского собрания, на страницах которых фамилия А. В. Новикова упоминалась с завидной регулярностью. Так, 26 ноября 1882 г. на первом заседании 17 сессии его избрали секретарем. На 7-м заседании 1 декабря, выступая по оросительному вопросу, он отметил, что сооружаемые за счет казны на частных и общественных землях запруды, следует устраивать возле дорог, чтобы использовать и для водопоя животных. С его мнением гласные согласились и постановили просить Таврического губернатора учесть такую возможность при выборе мест новых гидротехнических сооружений. На 8-м заседании 2 декабря он был включен в состав комиссии для оценки земель и угодий Феодосийского уезда с целью более правильного обложения их налогами. Ему и помещику В. В. Олив поручили курировать Сарайминскую волость [Протоколы..., 1885, с. 3, 34, 36]. На 1-м заседании 18-й сессии 15 октября 1883 г. А. В. Новиков избран в комиссию, которая должна была установить, для Высочайше утвержденной 19 мая 1883 г. таблицы, точно ли определена стоимость для исчисления пошлин не заложенных в кредитных уч-

¹⁴ «Накануне» – ежедневная, издававшаяся непродолжительный период, керченская газета, первый номер которой вышел 6 апреля 1906 г.

реждениях земель. На 5-м заседании 19 октября ему поручили «взять на себя труд по сношению с инженерами и заинтересованными лицами» при составлении технической сметы и чертежей моста в балке у западной оконечности Тобечикского озера между деревнями Коп-Кочегень, Ортель и Джанкой. На этом же заседании он выступал по вопросу обводнения Феодосийского уезда и был избран распорядителем по 2-му участку (Керчь и Сарайминская волость), выделенному в составе уезда на основании обязательных правил истребления саранчи в Таврической губернии, утвержденных 3 марта этого же года министром МВД. Выступил он и по вопросу о дороге, идущей из Керчи по крепостной эспланаде к «городской скале» а оттуда к пос. Старый Карантин и Воронову спуску на мысе Ак-Бурун – единственному месту, благодаря которому зимой, когда пролив замерзал, пассажиры могли попасть на корабли, а грузы доставлены в Керчь. С учетом того, что эта дорога связывала Керчь с южной частью Керченского полуострова и по ней доставлялась соль с Тобечикского и Камыш-Бурунского (Чурубашского) озер (до 1 млн пудов в год), А. В. Новиков предложил признать ее транзитной и расширить до 30 саженей. Собрание единогласно приняло это решение и постановило войти по этому вопросу в переписку с надлежащим начальством, поскольку дорога проходит по казенной земле, принадлежащей керченской крепости [Протоколы..., 1885, с. 4, 21, 25–26, 28–29]. На 1-м заседании 20-й сессии 1885 г. А. В. Новиков избран секретарем и членом комиссии по раскладке земских сборов и предварительного рассмотрения ходатайств по их сложению. На 3-м заседании 18 октября включен в комиссию по рассмотрению проекта правил для земских станций и сделал от имени председателя Керченского съезда мировых судей заявление о необходимости увеличения средств на наем, занимаемого им помещения. Собрание выделило съезду 100 руб. По его же представлению собрание постановило не облагать земским сбором кузнецов [Протоколы..., 1886, с. 11, 28, 31–33]. На 1-м заседании 21-й сессии 17 августа 1886 г. А. В. Новикова избрали в члены комиссии по врачебной части, комиссии по раскладке земских сборов и предварительного рассмотрения ходатайств по их сложению, а также комиссии, которая должна была предоставить сведения и заключение по вопросу о предоставлении земству права определять высшие размеры платы за места под торговлю на ярмарочных и базарных площадях. На этом же заседании собрание постановило по его предложению, ходатайствовать о том, чтобы те облегчения выполнения карантинных и таможенных правил, которые допускаются в Керчи для кораблей РОПиТ, были распространены и на другие пароходные компании. На 3-м заседании 19 августа А. В. Новикова избрали в члены комиссии по «выработке точных оснований ссуд... из капитала сельской промышленности южной России» [Протоколы..., 1887, с. 12, 14–15, 24]. На 1-м заседании 22-й сессии 26 октября 1887 г. А. В. Новиков избран в члены больничной комиссии и комиссии по раскладке земского налога. На этом же заседании, выслушав заявление Б. П. Антоновича и А. В. Новикова, собрание постановило приступить к сооружению Ортель-Джанкойского моста при дер. Джанкой (к северо-западу от Тобечикского озера). Средства на его строительство

ранее пожертвовали Бейтла Караманов и жители дер. Коп-Кочегень, еще 200 руб. изъявил желание выделить гласный А. И. Франческо, а Б. П. Антонович принял на себя заботы по заготовке материала и надзору за его строительством. На 3-м заседании 28 октября А. В. Новиков участвовал в прениях по вопросу о способах погашения уездом долга перед казной в размере 10 тыс. руб., занятых в 1877 г. на «военные потребности» в период войны с Турцией. В итоге, его точка зрения была принята. На этом же заседании А. В. Новиков при поддержке В. В. Олив предложил собранию уполномочить управу возбудить ходатайство о восстановлении в Керчи 3-го судебного мирового участка, вместо учрежденной должности добавочного мирового судьи, но на этот раз его предложение не приняли [Протоколы..., 1888, с. 4–5, 8, 16–18]. На 3-м заседании 26-й сессии 26 сентября 1891 г. при рассмотрении вопроса о желательности введения в сельских школах уезда преподавания огородничества А. В. Новиков заявил, что хорошо было бы ввести еще и преподавание виноградарства, в чем мог бы оказать помощь Императорский Никитский ботанический сад. На 4-м заседании 27 сентября он выступил по вопросу об оказании помощи земством в деле открытия ремесленной школы в Старом Крыму. Собрание согласилось и постановило выделять ей на устройство ежегодно по 500 руб. с условием, что губернское земство «признает эту школу имени Александра II». На 5-м заседании 27 сентября А.В.Новиков выступал в прениях по вопросу о передаче земству водохранилищ (запруд), сооруженных в уезде на средства казны. Он, как и некоторые другие гласные, выступал против такого решения, поскольку запруды находились на частных землях и от их владельцев зависело, как распределять воду. Тем не менее, собрание большинством голосов решило принять их на баланс земства. А. В. Новиков остался при своем мнении. В рамках этого же вопроса было оговорено, что при передаче каждой запруды земству в присутствии техника и одного из гласных, включая А. В. Новикова, будет измеряться ее глубина. На этом же заседании, по его заявлению, собрание удовлетворило ходатайство Керченской городской управы о выдаче ей 3 тыс. руб. из обводнительного капитала под гарантию земства. На последнем заседании сессии 1891 года А. В. Новиков и Д. Д. Посполитаки были избраны участковыми распорядителями по истреблению саранчи в Сарайминской волости [Протоколы..., 1892, с.31, 39–40, 49–51, 57]. На 1-м заседании 27-й сессии 23 октября 1892 г. А. В. Новиков выступал в прениях по вопросу о смете на содержание мест заключения в Феодосии и Керчи и, в частности, заметил, что упразднение в этих городах мировых судей и их съездов, особенно «тяжело и обременительно сказалось на бедных людях Керчи». Он предложил возбудить ходатайство о назначении сюда отделения уездного съезда судей. Собрание постановило ходатайствовать об этом перед губернским земским собранием, а А.В. Новикову составить мотивированное предложение по этому вопросу. На этом же заседании рассматривались предполагаемые управой расходы на содержание дорог и мостов в уезде. В комиссию по изучению этого вопроса включили и А.В. Новикова, на него же возложили надзор за работами по устройству Султановского спуска. На втором заседании 24 октября он поддержал Б. П. Антоновича

в вопросе о награждении крестьян, которые несли натуральную повинность подводами во время устройства на период эпидемии холеры летом 1892 г. карантинной цепи вдоль границ Керчь-Еникальского градоначальства. На третьем заседании 25 октября он брал слово в связи с вопросом о борьбе с готтентотским клопом, нанесшим урон посевам зерновых в Цюрихтальской и Владиславовской волостях. Для изучения этого вредителя А. В. Новиков предложил пригласить профессора П. А. Костычева. На 4-м заседании 26 октября собрание согласилось с его предложением, каким образом выдавать денежное вознаграждение священникам, преподающим Закон Божий в сельских школах уезда. По его же ходатайству, вдове земского врача Родионова, умершего от сыпного тифа, собрание назначило субсидию по 400 руб. в год на протяжении 5 лет [Постановления..., 1893, с. 23–25, 28–29, 34, 39, 42]. На 1-м заседании 28-й сессии 20 сентября 1893 г. А. В. Новиков избран в члены больничной комиссии и комиссии, на которую возложили задачу выработать заключение относительно циркулярного предложения Таврического губернатора о правилах выдачи конторами и отделениями Государственного банка мелким землевладельцам и крестьянским обществам ссуд под хлеб через посредничество земских учреждений. Участвовал он и в прениях о расходах земства на 1894 г. по 30-й статье сметы (холера и другие эпидемические заболевания). Выслушав мнение А. В. Новикова по вопросу о стипендиях земства (56 статья сметы), собрание 20 сентября постановило увеличить их число с трех до пяти, соответственно увеличить отпускаемую на это сумму – с 900 до 1020 руб. В этот же день А. В. Новиков вошел в состав комиссии по изучению, поднятого гласным Д.-А. М. Булгаковым вопроса об открытии в уезде центрального земского училища с общежитием, в котором могут обучаться «грамоте и сельскохозяйственному ремеслу» все желающие без различия национальностей. На третьем заседании 22 сентября он предложил собранию ходатайствовать перед губернским земским собранием о допущении в качестве гласных Феодосийского собрания городских голов Керчи и Старого Крыма. Его предложение приняли и поручили ему составить мотивированное ходатайство. На 5-м заседании 24 сентября он был избран в больничную комиссию при управе и оценочную комиссию для обложения земскими сборами недвижимого имущества [Постановления..., 1894, с. 20–21, 25, 27–28, 36, 48–49, 55]. На 1-м заседании 29-й сессии 21 сентября 1894 г. А. В. Новиков был избран членом больничной комиссии и комиссии по рассмотрению ходатайств. На нем же он заявил, что правильному ведению сельского хозяйства в уезде мешает невозможность раздела земель, находящихся в общем владении. На утреннем заседании 24 сентября, по прочтению доклада об издании обязательных постановлений относительно урегулирования хлебной торговли, А. В. Новиков отметил, что они не отражают специфики Феодосийского уезда, а потому предложил их отклонить. На послеобеденном заседании представил собранию отчет больничной комиссии об осмотре Феодосийской земской больницы, которую, при всей ветхости здания, ее члены нашли в образцовом порядке. В этот же день А. В. Новиков был избран в члены оценочной комиссии и вместе с Д. Д. Посполитаки распорядителем по истреблению

саранчи в Сарайминской волости [Постановления..., 1895, с. 18, 23, 50, 53, 58, 61–62]. На 3-м заседании 31-й сессии Феодосийского уездного собрания 18 октября 1896 г. А. В. Новикова избрали членом комиссии по народному образованию. [Постановления..., 1897, с. 31, 33]. 3 октября 1897 г. на 1-м заседании 32-й сессии он был избран в члены ревизионной комиссии. На втором заседании 4 октября выступил от имени больничной комиссии, которая осмотрела Феодосийскую земскую больницу, нашла ее в полном порядке, но здание признало несоответствующим назначению. На этом же заседании он выступил по вопросам учреждения в земской ремесленной школе должности кузнеца-подмастерья, ходатайства Ново-Николаевского сельского общества о сложении недоимки в 350 руб. на содержание сельской школы и строительстве в Керчи нового земского арестного дома. По последнему вопросу он отметил, что размеры его помещений придется увеличить, поскольку в городе, в связи с начавшейся разработкой железной руды, «ожидается громадный прилив рабочих»¹⁵. На 3-м заседании 5 октября А. В. Новиков выступил по вопросу об устройстве библиотек-читален при народных школах в дер. Изюмовке, Андреевке, Катерлезе и Судаке. На 4-м заседании 6 октября он участвовал в прениях по вопросу о передаче Феодосийской земской больницы на баланс городу Феодосии. На 5-м заседании 7 октября с его подачи сессия постановила возобновить ходатайство об ускорении издания закона, регулирующего рыбный промысел в Черном и Азовском морях и ходатайствовать перед правительством о понижении тарифа на перевозку керченской руды через Мариуполь до 1,15 коп. за пуд и версту, об отмене для керченской руды в Мариупольском порту полукопеечного портового сбора [Постановления..., 1898, с. 18, 23–29, 34, 39–40, 44–47]. 24 октября 1898 г. на 3-м заседании 33-й сессии «в силу заявлений» гласных Б. П. Антоновича и А. В. Новикова, была создана комиссия, которой поручили «изыскать более лучшее направление» Керчь-Феодосийского шоссе «с выяснением экономического положения местностей к нему прилегающих». За его керченский участок ответственным назначили

¹⁵ Поскольку этот вопросом от начала и до конца лично занимался А. В. Новиков, остановимся на нем подробнее. Изначально под арестный дом предполагалось купить участок А.А. Крыма на «Приютинской улице» (пер. Кооперативный) площадью 1100 кв. саженей, с двумя жилыми зданиями. Феодосийское земство временно арендовало его под места заключения. На предложение Земской управы от 9 сентября 1896 г. А.А. Крым согласился его продать за 6 тыс. руб. [Постановления..., 1897, с. 101–103]. 18 сентября 1896 г. на заседании Феодосийского земского собрания был заслушан доклад комиссии «о постройке новых и переделке старых помещений для арестуемых». Комиссия одобрила доклад управы по этому вопросу, кроме покупки домовладения А. А. Крыма из-за высокой цены. Собрание постановило купить землю в другом месте города [Постановления..., 1897, с. 27]. При содействии А. В. Новикова участок мерой 605,47 кв. саж. для арестного дома был куплен по ул. Институтская № 6 с обязательством в течении 6 месяцев оформить купчую крепость [Постановления..., 1898, прилож. 39]. Отношением от 29 января 1898 г. Таврическому губернатору были представлены план участка, здания, смета постройки, но разрешения на строительство здания не было получено. В 1898 г. здание не было построено, поскольку, не была получена смета из губернского правления [Постановления..., 1899, с. 24, 43–46 прилож. 14]. Строительство началось в 1899 г. Раскопки могильника первых вв. н. э. на территории участка провел К. Е. Думберг.

Б.П.Антоновича. На этом же заседании, в связи с вопросом о передаче в введение земства, построенных на Керченском полуострове правительством гидротехнических сооружений, к вескому заключению А. В. Новикова о состоянии запруд в районе Керчи обратился С. С. Крым. Тогда же, в рамках обсуждения вопроса о необходимом количестве народных школ в уезде для введения всеобщего начального обучения, А. В. Новиков был включен в состав комиссии, которой поручили разработать вопрос об участии крупных землевладельцев в их финансировании. На 4-м заседании 25 октября А. В. Новиков выступил от имени больничной комиссии, проверившей состояние Феодосийской земской больницы. Он отметил, что содержится она, как и прежде, в образцовом порядке, но нужно думать о постройке нового здания и «укреплении земли» под него. На 5-м заседании 25 октября он брал слово в связи с вопросом о положении дел по заведыванию землей при деревнях Ойсул, Чегерчи и Каралар, принесенной в дар земству на благотворительные цели Абдудь-Меджитом Абдудль Кадыр Оглу [Постановления..., 1899, с. 33–34, 36, 41–42, 44–45, 51–52, 54, 56]. 23 сентября 1900 г. на первом заседании 35-й сессии уездного земского собрания гласным А. В. Новикову и Н. В. Олив поручили выразить соболезнование жене А. О. Бок, по случаю кончины ее дяди – одного из старейших гласных Феодосийского уезда Б.П. Антоновича. На 3-м заседании он выступил по вопросу исправления на средства земства садовых переулков в Судакской долине. На 4-м заседании по его предложению собрание постановило надстроить часть забора вокруг земского арестного дома в Керчи, на участке, где он межуется со склоном горы Митридат, а также построить на территории двора ретирадное место. На этом же заседании гласные постановили выделить 700 руб. на ремонт одной из плотин – Коп-Кочененской или Джапар-Бердынской. В этот же день А. В. Новиков был избран в члены комиссии по сооружению Керчь-Феодосийского шоссе. Вместе с гласными А. О. Бок, Н. В. Олив и К.С.Гурьевым ему поручили контролировать ход работ на его Керченском участке. [Протоколы..., 1901, с. 16, 22, 31–32, 34, 46]. В сентябре 1901 г. на 36-й сессии уездного земского собрания А. В. Новиков выступал по вопросам о безвозмездном предоставлении в земском здании помещений для Военского присутствия, об устройстве в «селениях летних яслей-приютов», об эффективной эксплуатации земской земли у дер. Ойсул, при этом предлагал способы их решения. На этой же сессии по предложению гласных А. В. Новикова и А. О. Бока было постановлено просить Таврического губернатора возбудить ходатайство «об ускорении разрешения на взимание платы за проезд по вновь строящемуся» Керчь-Феодосийскому шоссе и о «скорейшем утверждении таксы», в случае же отказа «проезд по шоссе не открывать». По его же ходатайству собрание выделило дополнительные 300 руб. на «улучшение Старо-Карантинного спуска» и удовлетворило просьбу инспектора народных училищ Школьников «о выдаче ему открытого бесплатного листа на каждый выезд» [Протоколы..., 1902, с. 15, 18, 28, 38–39, 44, 49]. На 37-й сессии в 1902 г. А.В.Новиков дискутировал по вопросам передачи в введение земства и Сельскохозяйственного общества школы виноградарства в Отузах, открытии между-

ездного медицинского участка в Карасубазаре и его финансировании. При обсуждении вопроса о шоссейных и подъездных дорогах он предложил собранию озаботиться «составлением запасного капитала» на их ремонт с ежегодным отчислением необходимых сумм [Постановления..., 1903, с. 25–26, 30, 32, 34, 46, 48, 52]. На 5-м заседании 27 сентября сессии 1904 г. он выступал в прениях по вопросу о передаче в ведение земства водохранилищ, построенных в уезде на средства казны, посчитав это невыгодным, поскольку они находились на частных землях, от владельцев которых зависели условия пользования ими. [Протоколы..., 1905, с. 49–51]. На третьем заседании 29 сессии Феодосийского уездного земского собрания 19 сентября 1904 г. был рассмотрен доклад управы о воспреещении езды на автомобилях по Керченско-Феодосийскому шоссе. А.В. Новиков неожиданно оказался противником нового вида транспорта, указав на большие неудобства и опасность для проезжающих на лошадях при встрече с автомобилями и предложил запретить езду на них по шоссе [Постановления..., 1905, с. 46–47]. На этой же сессии Феодосийская земская управа, поручила ему как ее члену и проживающему в Керчи, надзор за местами заключения по приговорам судей в г. Керчи и за дорожными сооружениями в Сарайминской и Петровской волостях [Постановления..., 1905, приложение № 3, с. 4]. На первом заседании 47-й сессии уездного земского собрания (19–22 октября 1912 г.). А. В.Новиков указал на необходимость понижения земельного ценза (475 десятин), дающего право на участие в выборах гласных, поскольку стоимость земли за последние 50 лет выросла в несколько раз. Поднял он также вопрос о сохранении субсидий земством поселковым школам Керчь-Еникальского градоначальства. На втором заседании ходатайствовал об увеличении ежегодной субсидии, выдаваемой земством Керченской городской больнице. На заседании 21 октября по его предложению собрание постановило поручить управе разработать вопрос о скорейшем окончании работ по постройке Керчь-Феодосийского шоссе [Постановления..., 1913, с. 15, 23, 42]. Последний раз гласным уездного земского собрания А. В. Новиков избирается на трехлетие в 1913 г. [Постановления..., 1913, с. 12]. Как уполномоченный от земства он иногда принимал участие в ежегодной выставке годовалых телят и жеребят в пос. Катерлез, проводившейся рядом с монастырем Св. Георгия на земле имения князей Трубецких «Тархан». В 1892 г. вместе с гласным А. Ш. Хаджи его избрали в ее жюри и распорядителем [Постановления..., 1893, с. 98, прилож. № 12].

С 1877 г. неоднократно и вплоть до смерти А. В. Новиков избирался на выборные должности судебных органов власти. В июне 1880 г. он упоминается как заведующий 4-го участка Феодосийского округа мировых судей и почетный мировой судья [Постановления..., 1893, прилож. 14, с. 109]. Избирался на трехлетний срок почетным мировым судьей Симферопольского окружного суда по Феодосийскому судебному округу он и в 1883, 1886, 1892, 1894, 1897, 1912 гг. [Протоколы..., 1885, с. 24; Протоколы..., 1887, с. 40; Постановления..., 1893, с. 52, 57; Постановления..., 1895, с. 63; Адрес-календарь..., 1905 с. 130; Постановления..., 1913, с. 43; Памятная..., 1914, с. 31].

С 1873 г. А. В. Новиков из раза в раз избирался от Феодосийского уездного зем-

ского собрания гласным Таврического губернского земского собрания [Первая..., 1906, с. 101; Постановления..., 1888, с. 31; с. 59; Постановления..., 1898, с. 52; Постановления..., 1901, с. 44]. О его работе в губернском собрании известно очень мало, но, скорее всего, и здесь он проявил себя как активный и разносторонний земской деятель, которому можно было поручить самые разнообразные дела. В частности, в январе 1893 г. в Таврическом губернном земском собрании А. Х. Стевен прочел доклад «О холере». Собрание постановило образовать комиссию из председателей уездных и губернских управ при участии А. В. Новикова, И. В. Дуранте, Е.В. Рыкова и поручило ей обсудить и рассмотреть его [ПЛКЕГ, 1893, № 1, 3 января]. Князь В. А. Оболенский, хорошо знавший А. В. Новикова по работе в Таврическом губернном собрании, и позднее избранный вместе с ним депутатом от Таврической губернии в Первую Государственную думу, назвал его одним из четырех губернских гласных – «влиятельных», «сдобородых стариков» (включая В. К. Винберга, Е.В. Рыкова и А. М. Колчакова) и добавил – «Для того, чтобы провести какой-либо вопрос в собрании, необходимо было заранее сговориться» с ними. Без их благословения всякое предложение было обречено на провал». Со слов князя, это был «широко образованный блестящий человек, убежденный либерал, он всегда любил хорошо пожить и отличался неумеренной склонностью к спиртным напиткам» [Оболенский, 2017].

Всесторонняя деятельность А.В. Новикова охватила и органы общественного самоуправления Керчи, в исполнительной сфере которого он достиг наивысшей должности. Осенью 1884 г. его избрали на четырехлетие городским головой. Сменил он на этой должности действительного статского советника Е.Д. Хаджопуло [Адрес-календарь..., 1887, с. 237; Адрес-календарь..., 1888, с. 237; Адрес-календарь..., 1889, с. 237; Памятная..., 1914, с. VII]. На выборах 19–21 сентября 1888 г., произведенных избирательным собранием 3-го разряда, А. В. Новиков вновь был избран в гласные Керчь-Еникальской городской думы [ПЛКЕГ, № 38, 25 сентября], а 3 ноября 1888 г. на заседании думы его избрали городским головой на следующее четырехлетие [ПЛКЕГ, 1888, № 44, 6 ноября]. Однако, по неизвестной нам причине, он оставил эту должность, в 1888–1889 гг. ее временно исправлял замещающий должность городского головы, инженер и помещик Б.П. Антонович, а в 1889 г. – член городской управы, потомственный почетный гражданин Н.И. Айваз-Оглу. И лишь в 1889 г. городским головой был избран председатель Керченского коммерческого суда, статский советник А.А. Красильников [Памятная..., 1914, с. VII]. В марте 1888 г., будучи городским головой, А.В. Новиков ездил в Петербург, где попытался урегулировать в пользу городского самоуправления конфликт с Керчь-Еникальским градоначальником М.Е. Колтовским, возникший из-за корабельного сбора. Из поездки он вернулся ни с чем, поскольку, как ни парадоксально, согласно закону, должен был сначала подать жалобу самому же М. Е. Колтовскому. Об этом конфликте вкратце сообщила Симферопольская газета «Крым» [Крым, 1888, № 12, 8 апреля]. Но были в период его пребывания в должности городского головы и крупные удачи.

Именно при нем Керчь-Еникальское градоначальство впервые с момента создания приросло новыми землями. В 1887 г. по его инициативе город приобрел у наследников бывшего Пармского и Испанского консула в Одессе Ф. Я. Багера-и-Рибаса земли при урочищах Курулу, Биели и Кушайреси площадью 5154 десятин и 100 кв. сажен за 305984 руб. 53 коп.¹⁶ [ПЛКЕГ, 1888, № 16, 17 апреля]. 10 мая 1888 г. мировой судья М.И.Кумпан совершил ввод во владение ею в здании экономии имения Курулу [ПЛКЕГ, 1888, № 18, 8 мая]. Ссуду для этого городское самоуправление взяло в Земском банке Херсонской губернии, для погашения которой из городского бюджета какое-то время ежегодно выделялось по 20910 руб. 50 коп.

На 1 июня 1892 г. в связи с перепиской с Феодосийской земской управой по вопросам обводнения, А.В. Новиков вновь упоминается как городской голова [Постановления..., 1893, с. 127]. Исправлял эту должность он временно после того, как А. А. Красильников преждевременно ушел с нее по причине тяжелой болезни, в то время как срок его полномочий истек лишь 29 ноября 1892 г. К 20 сентября 1892 г. А.А. Красильников официально отказался от должности, в исправление обязанностей городского головы вступил член городской управы и заведующий городской землей, керченский купец 2-й гильдии Ф. Ф. Белый [ПЛКЕГ, 1892, № 37, 20 сентября].

Оставив пост городского головы, А.В. Новиков продолжал избираться гласным городской думы, но на каждый ли срок, или как часто, еще предстоит выяснить. При этом, как и в бытность его городским головой, он вновь вступает в конфликт с градоначальником М. Е. Колтовским, который в октябре 1893 г. не утвердил его кандидатуру в должности члена попечительского совета Ремесленного училища и городской библиотеки [ПЛКЕГ, 1893, № 39, 3 октября]. В 1897 г. он вновь избран гласным на четырехлетний срок [ПЛКЕГ, 1897, № 21, 25 мая]. В конце сентября 1909 г. керченская газета «Местный вестник» сообщила – по уходу А. В. Новикова из гласных думы его место займет кандидат к нему керченский купец Д.И. Дицман [Местный вестник, 1909, № 9, 29 сентября]. Однако в октябре и ноябре 1909 г. это не помешало градоначальнику уведомить городского голову, что он не встречает препятствий к участию А. В. Новикова в заседаниях педсовета Керченской мужской гимназии в качестве представителя от городской думы, на период с 1909 по 1913 гг. и исполнению им на тот же срок обязанностей председателя комиссии по народному образованию [Местный вестник, 1909, № 37, 3 ноября]. В то же время, на заседании думы 17 декабря 1909 г. дума рассмотрела заявление попечителя Одесского учебного округа о недопущении А. В. Новикова, отказавшегося в сентябре этого года, от должности гласного, к участию в заседаниях педсовета Керченской женской гимназии [Местный вестник, 1909, № 74, 17 декабря]. Гласные постановили –

¹⁶ До 1840 г. эти земли, по крайней мере значительная их часть, принадлежала Аметше Мурзе Кекуватскому, имя которого хорошо знакомо археологам, благодаря одному из курганов в западной оконечности Юз-Обинской группы, находившемуся на его земле и раскопанному в 1838–1839, 1888–1889 гг. А. Б. Ашиком и А. А. Бобринским.

избрать на место другое лицо, из числа гласных, как и должно быть по закону [Местный вестник, 1909, № 76, 19 декабря].

15 сентября 1888 г., еще будучи городским головой, А. В. Новиков резолюцией епископа Мартиниана был утвержден одним из шести членов Керченского (9-го) отделения Таврического Епархиального училищного совета. На этой должности он оставался вплоть до смерти [Таврические..., 1888, с. 1030–1031, 1034; Таврические..., 1900, с. 6–7; Памятная..., 1914, с. 56].

В 1890 г. А. В. Новиков, продолжая работать в земских органах, был избран на должность директора Керченского городского общественного банка¹⁷, которую занимал около 27 лет, вплоть до смерти [Новороссийский..., 1890, с. 230; Государственная..., 1906, с. 39; Памятная..., 1914, с. 12; Быковская, 2017, с. 339, прим. 3]. Избирался на эту должность он каждое четырехлетие с неперменным утверждением градоначальником [Местный вестник, 1909, № 9, 29 сентября] и справлялся с ней, судя по всему, неплохо, хотя порою ему приходилось принимать непростые решения, в частности, когда на торги за неоплаченный заем у банка выставлялось недвижимое имущество многих, хорошо знакомых ему, горожан. В годы революционных волнений 1905–1906 гг. его деятельность как банкира вызвала недовольство некоторых гласных городской думы [Накануне, 1906, № 26, 6 мая].

Вершиной его карьеры заслуженно стало избрание членом Первой Государственной думы – первого в истории Российской империи, избранного населением представительного законосовещательного органа, проработавшего с 27 апреля по 9 июля 1906г., после чего распущенного императором Николаем II¹⁸. Подготовительный этап к краткому «думскому» периоду для А. В. Новикова начался 11 декабря 1905 г., когда согласно Высочайшему указу о составлении дополнительных списков избирателей в думу, в Керчь-Еникальском градоначальстве были сформированы 4 участковые избирательные комиссии. А.В. Новиков был назначен председателем III-й участковой избирательной комиссии, охватывавшей набережный полицейский участок [Южный курьер, 1906, № 19, 25 января]. 7 апреля 1906г. керченская газета «Накануне» сообщила, что в городской думе состоится партийное заседание Керченского отделения конституционно-демократической партии. Доклады будут сделаны ее членами – депутатом Государственной думы А. В.Новиковым, а также Э.А. Дубосарским и М.А.Зеленкевичем [Накануне, 1906, № 2, 7 апреля]¹⁹. 22 апреля

¹⁷ Находился на втором этаже дома № 8/1 (бывш. № 146) керченского купца А.Г. Лобырева на углу Строгановской ул. и Адмиралтейского пер. (рис. 3, 1), позднее дом перешел в собственность банка.

¹⁸ Вместе с А.В. Новиковым членами думы от Таврической губернии были избраны: гласный Феодосийского уездного и Таврического губернского собраний, крупный помещик С.С. Крым, крестьянин Мелитопольского уезда К.М. Нечипоренко, член Таврической губернской земской управы, князь В.А.Оболенский, преподаватель гимназии, высланный за пределы Таврической губернии А.Г. Сипягин и крестьянин Бердянского уезда С.П. Притула [Малаховский, 1906, с. 69–70].

¹⁹ В январе 1906 г. председателем Временного бюро Керченского отделения партии кадетов был Д. Д. Посполитаки, секретарем – Э. А. Дубосарский, казначеем – Ф. А. Ергин [Южный курьер,

1906 г. эта же газета в разделе «Хроника» сообщила, что член Государственной думы от Феодосийского уезда А.В. Новиков выезжает в Петербург, ввиду скорого ее открытия [Накануне, 1906, № 15, 22 апреля]. В думе А.В. Новиков входил во фракцию конституционно-демократической партии («Народной свободы») и примыкал к ее правому крылу и отчасти, отделившейся от партии кадетов, партии «Демократических реформ»²⁰ [Малаховский, 1906, с. 69–70; Государственная..., 1906, с. 39; Первая..., 1906, с. 102; К 10-летию..., 1916, с. 209]. В справочнике «Первая Государственная дума» он характеризуется как хороший оратор [Первая..., 1906, с. 102]. В мае 1906 г. священники-«крамольники» протоиерей П. И. Сербинов, священники Н. Зорин и С. Щукин послали А. В. Новикову, как члену думы, телеграмму, в которой сообщили, что на торжественном богослужении молились о нем, дабы Господь укрепил его «в борьбе за правду и благо Родины» [Накануне, 1906, № 25, 5 мая]²¹. К сожалению, реализовать свои идеи на государственном уровне он не смог, поскольку спустя 72 дня с момента торжественного открытия дума была распущена. В отличие от 180 своих коллег – депутатов, в т. ч. и многих соратников по фракции кадетов, подписавших 9 июля 1906 г. обращение к «Народу от народных представителей» (т. н. «Выборгское воззвание»), в котором они призывали к пассивному сопротивлению властям, А. В. Новиков

1906, № 19, 25 января]. 22 января 1906 г. в зале городской думы состоялось организационное собрание партии кадетов. Закрытой баллотировкой были избраны члены местного комитета – С. Н. Атманаки, А.Ф. Багенский, П. И. Балабаненко, И. П. Бучинский, Э. А. Дубосарский, Х. Д. Дульветов, К. Ф. Емельянов, М. А. Зеленкевич, З. А. Лемперт, Д. Д. Посполитаки, Ф. Л. Суловский, Х. Х. Франгопуло. Комитет избрал председателем – А. Ф. Багенского, товарищем председателя – П. И. Балабаненко, секретарем – Э. А. Дубосарского, казначеем – К. Ф. Емельянова [Южный курьер 1906, № 19, 25 января]. На январь 1906 г. был назначен губернский съезд конституционных демократов. От Керченского комитета представителями на него уполномочили Д. Д. Посполитаки и Э. А. Дубосарского [Южный курьер, 1906, №21, 27 января]. Таким образом, видно, что А. В. Новиков по какой-то причине не принимал активного участия в работе городского отделения партии, к думной фракции которой принадлежал.

²⁰ Основана в январе 1906 г. группой членов конституционно-демократической партии, считавших ее программой слишком «левой». В Первой Государственной думе она имела всего четырех представителей. В конце 1907 г. влилась в праволиберальную партию Мирного обновления, которая по своей программе заняла промежуточное положение между октябристами и кадетами.

²¹ На пастырском собрании местного духовенства ялтинский протоиерей П.И. Сербинов, ялтинский священник Сергей Щукин и алуштинский священник Николай Зорин при обсуждении вопроса о том, на какие нужды церковной жизни должно быть обращено внимание на предстоящем Всероссийском Поместном церковном соборе, высказали «крамольные» мысли о реформе церкви и ее истинном месте в обществе. За это Таврический епископ Алексей подверг их суровым наказаниям. С. Щукина и Н.Зорина отрешил от должности с запрещением священнослужения, а П. И. Сербинова перевел с понижением в Алушту [Розанов, 1906]. П. И. Сербинов и С. Щукин были лично знакомы с А.В. Новиковым. С. Щукин с 1900 по 1901 гг. служил в керченском Троицком соборе, был духовным следователем Керченского благочиния и исправляющим должность благочинного. В ноябре 1901 г. его перевели законоучителем в Ялтинскую прогимназию. П.И. Сербинов в декабре 1891 г. был назначен псаломщиком к церкви Марининского приюта в Керчи. В 1893 г. рукоположен в священники и определен к Афанасьевской кладбищенской церкви. С 4 апреля 1897 г. помощник Керченского благочинного. В октябре 1899 г. был перемещен к Ялтинской соборной Иоанно-Златоустовской церкви. В апреле 1904 г. как занимающий место ее настоятеля, возведен в сан протоиерея.

в этой политической акции участие не принял [Быковская, 2017, с. 340], видимо, со временем, он стал полностью лоялен к власти и придерживался умеренных взглядов.

Что касается чинов А. В. Новикова по Табели о рангах, ниже VII класса (чина надворного советника) упоминаний о нем найти не удалось. Не исключено, что получил он его, будучи городским головой. Надворным советником он оставался и 1900 г. [Памятная..., 1899, с.13; Календарь..., 1900 с.218]. В 1901 г., видимо, получил чин коллежского советника (VI класс). В 1902 г. А. В. Новиков уже статский советник (V класс) [ПЛКЕГ, 1902, № 16, 21 апреля], в 1911–1913 гг. упоминается как действительный статский советник (IV класс) [Постановления..., 1912, с.5; Постановления..., 1913, с.12; Памятная..., 1914, с.3, 12].

Работу в уездном и губернском земстве, городских органах самоуправления и Керченском Городском общественном банке А.В. Новиков успешно совмещал с плодотворной работой в общественных, благотворительных, культурных, религиозных, историко-архивных и историко-археологических обществах, советах, комиссиях, комитетах и учреждениях. С 1898 г. и вплоть до смерти он упоминается как действительный член Керчь-Еникальского Статистического комитета [Календарь..., 1899, с.202; Календарь..., 1900, с.209; Календарь..., 1901, с. 209; Календарь..., 1902, с.174; Памятная..., 1914, с. 3]. В 1899 г. надворный советник А. В. Новиков был попечителем мест заключения по приговорам мировых судей в Керчи [Памятная..., 1899, с.13]. В этой же должности состоял и в 1913–1914 гг. [Памятная..., 1914, с.31].

Как минимум с 1887 г. А. В. Новиков состоял председателем Попечительного совета Керченской общественной женской гимназии (с 1913 г. к 300-летию Дома Романовых названной «Романовской») и членом правления Попечительства о недостаточных учащихся Керченских гимназий [ПЛКЕГ, 1888, № 37, 18 сентября; ПЛКЕГ, 1890, № 12, 25 марта; Постановления..., 1898, с. 52; Постановления..., 1901, с. 44; Календарь..., 1896, с. 153; Календарь..., 1900, с. 218; Календарь..., 1901, с.218; Календарь..., 1902, с.181]. 14 сентября 1898 г. гимназия торжественно, но скромно отпраздновала 25-летний свой юбилей. А. В. Новиков от имени попечительного совета, поздравил ее начальницу – М. К. Хвостову [Двадцатипятилетие..., 1898, с. 2]. Во многом благодаря возглавляемому им совету, построенное в 1885 г. здание гимназии удалось расширить пристройкой с юго-востока новых помещений (рис. 4, 1). До этого же два приготовительных класса на 70 учениц приходилось размещать в соседнем с гимназией, купленном для нее на средства города за 35 тыс. руб. доме Кулисичей, на месте которого в марте 1905 г. под руководством производителя работ военного инженера Керченского крепостного инженерного управления, капитана Г. И. Лагорио (рис. 4, 2) было начато сооружение ее нового здания [ПЛКЕГ, 1898, № 37, 13 сентября]²².

²² Как председатель Попечительного совета женской гимназии он указан и на закладной доске, вмонтированной в стену новой части здания гимназии, строительство которой было начато в марте 1905 г. Ныне она хранится в фондах ВКИКМЗ [Боровкова, 1999, с. 78].

С 1887 по 1897 гг. А. В. Новиков упоминается как член Керченского окружного отделения Императорского Российского общества спасения на водах и ежегодно выплачивал членский взнос, составлявший в конце XIX в. немалую сумму – 5 руб. [ПЛКЕГ, 1888, № 12, 20 марта; ПЛКЕГ, 1898, № 30, 26 июля], а в 1898–1914 гг. как член и товарищ председателя его правления. В каком году его избрали членом общества мы пока не знаем, но числился в нем он до конца своей жизни [ПЛКЕГ, 1897, № 26, 29 июня; Календарь..., 1899, с.200; Календарь..., 1900, с.222; ПЛКЕГ, 1902, № 24, 16 июня; Памятная..., 1914, с. 67]. 28 февраля 1893 г. он был избран на год товарищем председателя правления Керченского Троицкого Православного Братства²³ [Таврические..., 1893, с. 507–509], но, судя из имеющихся в нашем распоряжении годовых отчетов, активного участия в его работе не предпринимал.

Как минимум с 1895 по 1902 гг. А. В. Новиков упоминается как председатель Керченского местного управления Российского общества Красного креста, в 1899–1902 гг. как его член [Календарь..., 1896, с. 161; 1897, с. 168; 1901, с. 221; 1902, с.184], а в 1913–1914 гг. занимал в нем должность товарища председателя [Памятная..., 1914, с. 65]. Зачастую свои собрания общество проводило в одном из помещений Городского общественного банка, которое в его распоряжение предоставлял А. В. Новиков.

30 ноября 1893 г. епископ Таврический и Симферопольский Мартиниан освятил в Керчи богадельню им. А. А. Золотарева и церковь Андрея Первозванного при ней (рис.5). По окончании богослужения во время завтрака по предложению А.В.Новикова была почтена память Ростовского купца 1-й гильдии А. А. Золотарева (1827 – 25 декабря 1879), и его двоюродного брата, покойного керченского купца, потомственного почетного гражданина К. И. Золотарева (1821 – 19 мая 1893) «исполнителя воли завещателя и неумоимого деятеля в деле создания богадельни» [ПЛКЕГ, 1893, №48, 5 декабря; Небожаева, 2014, с. 307–308]. Вошел ли он сразу в попечительский совет богадельни, неизвестно, но 7 октября 1904 г. городская дума утвердила новый состав ее попечительного совета, в который вошли городской голова М. И.Кумпан, А.В.Новиков, купец Ю. А. Золотарев, А. О. Бок и купец Н. Т. Ковалдин. На этом же заседании богадельню приняли в введение городского общественного самоуправления [Небожаева, 2014, с. 320]. В октябре 1909 г. градоначальник уведомил городского голову, что не встречает препятствий к исполнению своих обязанностей на срок полномочий нынешнего состава попечительного совета, включая: председателя – Г. Я. Цыбульского 1-го, заместителя председателя – И.А.Свиташева, членов

²³ Керченское Православное братство было основано 1 октября 1866 г. по инициативе керченского благочинного, протоиерея И. И. Кумпана в память чудесного спасения от смерти императора Александра II при покушении на него 4 апреля 1866 г. В 1884 г. его переименовали в Керченское Православное Троицкое Братство, а с 1902 г. стали называть Керченским Покровским Православным Братством. 22 октября 1872 г. И. И. Кумпан освятил братскую церковь во имя Покрова Богородицы. Братству принадлежали два домовладения и № 79/10 и 80/12 на углу Карантинной ул. и Братского пер., где находились церковь, детский приют, сад и виноградник (рис. 4, 3–4).

– А.В. Новикова, Ф. К. Емельянова, А. С. Федорова, Г.П.Фока и кандидата к ним – А.Р.Денисова [Местный вестник, 1909, № 26, 20 октября].

По приезду в Керчь в 1872 г. А. В. Новиков наверняка сразу же, как купеческий сын и новоиспеченный юрист с университетским образованием, был порекомендован в члены Английского клуба²⁴ – центра общественной жизни городской элиты с 1838 г., и уже спустя какое-то время его избрали одним из его старшин. Первое упоминание, которое удалось найти о нем, как о старшине, относится к 1 ноября 1893 г., при этом переизбран на эту должность в этот день он был в очередной раз [ПЛКЕГ, 1893, №44, 7 ноября]. Каждый год 1 января, как это было заведено среди его членов, он посещал Английский клуб и жертвовал при входе по подписному листу (находившему у швейцара) на благотворительные нужды 1 или 2 руб. Собранные деньги распределялись между городскими благотворительными организациями, в т. ч. Мариинским приютом, Керченским женским благотворительным обществом и дневным убежищем для детей общества «Ясли» [ПЛКЕГ, 1897, № 2, 12 января; ПЛКЕГ, 1898, № 3, 18 января; ПЛКЕГ, 1901, № 2, 14 января; ПЛКЕГ, 1902, № 1, 6 января]. В 1897 и 1898 гг. А. В. Новиков упоминается в числе распорядителей Товарищеских обедов бывших воспитанников российских и иностранных высших учебных заведений, устраивавшихся 12 января в зале Английского клуба [ПЛКЕГ, 1897, № 1, 5 января; ПЛКЕГ, 1898, № 1, 4 января]. В апреле 1897, 1898, 1901 гг. он являлся в «залы» клуба для взаимных пасхальных поздравлений вместо праздничных визитов и принимал участие в подписке на сбор средств в пользу местных благотворительных учреждений, жертвуя им от 1 руб. до 2 руб. Поступившие от сбора деньги распределялись чаще всего между Мариинским детским приютом, обществом «Ясли», Свято-Троицким братством, женским благотворительным обществом и Попечительным советом о недостаточных учащихся керченских гимназий [ПЛКЕГ, 1897, № 16, 20 апреля; ПЛКЕГ, 1898, № 16, 19 апреля; ПЛКЕГ, 1901, № 15, 15 апреля; ПЛКЕГ, 1902, № 16, 21 апреля]. 18 января 1906 г. в Английском клубе был проведен благотворительный вечер в пользу голодающих крестьян. Его устроители выразили А. В. Новикову через газету «Южный курьер» благодарность за продажу программ [Южный курьер, 1906, № 19, 25 января].

Как минимум с 1889 г. А. В. Новиков являлся действительным членом от мужчин «Керченского женского благотворительного общества, состоящего под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Павла Александровича»²⁵ [ПЛКЕГ, 1890, № 49, 16 декабря; ПЛКЕГ, 1898, № 10, 8

²⁴ До начала 1890-х гг. находился на 2-м этаже дома керченского купца А. Г. Лобырева (№ 8/1 на углу ул. Строгановской и Адмиралтейского пер.), позднее – на 2-м этаже дома Ф. С. Томазини, № 80/2 на углу ул. Воронцовской и Предтеченской площади. После смерти Ф. С. Томазини принадлежал его дочери – О. Ф. Паластрелли. Летнее помещение клуба находилось в павильоне «Лизина роща» на бульваре. Оба здания не сохранились, «Лизина роща» разрушена во время войны, дом Ф. С. Томазини разобран в 1965–1966 гг.

²⁵ Общество учреждено 18 июля 1871 г., «открыло свои действия» 22 октября этого же года. С 13 декабря 1890 г. император, по Всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, Высочайше соизволил

марта], в работе которого проявил себя не только щедрыми денежными пожертвованиями, но и реальными делами. 9 сентября 1892 г. состоялось экстренное собрание общества по поводу осиротевших детей, родители которых умерли в Керчи от холеры. Решено было создать комитет по их призрению и устроить сбор пожертвований. А. В. Новиков изъявил согласие на работу в этом комитете [ПЛКЕГ, 1892, № 36, 13 сентября]. 9 сентября 1892 г. комитет был создан. В него вошли: градоначальник М. Е. Колтовский, члены от мужчин женского благотворительного общества А.В.Новиков и Ю. И. Томазини, член городской управы Ф. Ф. Белый, благочинный И. М. Сербинов и полицмейстер М. Ф. Томпофольский [ПЛКЕГ, 1892, № 38, 27 сентября]. Комитет в кратчайшие сроки выполнил поставленную перед ним задачу, все осиротевшие дети были отданы на воспитание в другие семьи и 20 октября 1892 г. он прекратил работу. В опубликованном в газете отчете за 1892 г. Керченское женское благотворительное общество выразило его членам, в т. ч. и А. В. Новикову, благодарность [ПЛКЕГ, 1893, № 9, 28 февраля]. В отчете общества за 1896 г. он внесен в список лиц, которые жертвовали на протяжении года деньги в пользу него помимо членского взноса [ПЛКЕГ, 1897, № 11, 16 марта].

27 декабря 1900 г. на первом – учредительном собрании Керченского отдела Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства А. В. Новиков был избран членом его правления [ПЛКЕГ, 1901, № 1, 7 января]. На этой должности он числился и в 1914 г. [Памятная..., 1914, с. 76]. 24 сентября 1901 г. на третьем заседании 36-й сессии Феодосийского уездного земского собрания, гласные по ходатайству А. В. Новикова постановили ассигновать обществу из земских сумм единовременное пособие в размере 150 руб. [Постановления..., 1892, с. 31]. В октябре 1909 г. на заседании городской думы гласный Д. Д. Посполитаки предложил избрать А. В. Новикова делегатом от Керчи на Всероссийский съезд рыбопромышленников, вместо отказавшегося купца, владельца двух рыбных заводов в дер. Казантип и на Опасной косе Я. Н. Погорелова. Однако вопрос на заседании так и не был решен, и была ли в конце концов принята кандидатура А. В. Новикова, и изъявил ли он согласие на эту поездку, неизвестно [Местный вестник, 1909, № 23, 16 октября].

Стал он и одним из организаторов Керченского отделения Императорского музыкального общества. 15 ноября 1909 г. газета «Местный вестник» сообщила, что оно организуется небольшой группой местных меломанов. Первое собрание назначено на 15 ноября в зимнем помещении Английского клуба. Запись членов в городском общественном банке производит А. В. Новиков, а нотариус Ф. В. Фельдштейн в своей конторе. Разрешение на его организацию и устав были получены еще несколько лет назад [Местный вестник, 1909, № 47, 14 ноября]. В октябре 1909 г. он был избран членом от Феодосийского земства Общества попечения о паломниках-мусуль-

на принятие Керченского ЖБО под Августейшее покровительство Ее Императорского Высочества Великой княгини Александры Георгиевны. После ее смерти (12 сентября 1891 г.) в марте 1892 г. соизволил на принятие его под покровительство Великого князя Павла Александровича. Первыми его членами от мужчин в 1884 г. стали Н. А. Акимов и И. С. Безкровный.

манах [Местный вестник, 1909, № 15, 7 октября]. В 1912 г. стал членом Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Из керчан, кроме него, на год позднее членом этого же общества стал его друг Д. Д. Посполитаки [Список..., 1915, с. XXXVII]. К сожалению, об этой стороне досуга А. В. Новикова ничего не известно.

В 1901–1902 гг. А. В. Новиков принимал активное участие в работе литературной, политической, общественной и коммерческой газеты «Южный курьер», выходившей в Керчи ежедневно, кроме понедельника [Таврические..., 1902, с. 1418]. Д. Т. Овсенко (редактор-издатель)²⁶ и соиздатель Б. И. Харитон (в будущем известный публицист, издатель и общественный деятель) получили разрешение издавать ее в феврале 1901 г. [ПЛКЕГ, 1901, № 6, 11 февраля]. Главная контора газеты находилась на ул. Воронцовской в пассаже Б. И. Букзиля [Таврические..., 1902, с. 1418]. Выходила она с 20 марта 1901 г. по 14 февраля 1906 г. [ПЛКЕГ, 1901, № 12, 25 марта]. В 1902 г. по постановлению Судебной палаты за ряд злободневных публикаций была приостановлена на 2 месяца²⁷.

Как благотворитель А. В. Новиков неоднократно упоминается на страницах керченской газеты «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства». К сожалению, ее номера за все годы найти не удалось, но даже то небольшое, что обработано, иллюстрирует его щедрую натуру, жертвовавшего на различные нужды и зачастую значительные по тем временам суммы. Неоднократно в публиковавшихся списках благотворителей он, как правило, упоминался в числе первых.

В частности, в декабре 1887 г., в канун Рождества и Нового Года, он пожертвовал с женой 5 руб. в пользу бедных Керчь-Еникальского градоначальства [ПЛКЕГ, 1888, № 1, 3 января]. В январе 1888 г. пожертвовал 3 руб. на елку (праздничное мероприятие) для детей из бедных семей градоначальства [ПЛКЕГ, 1888, № 3, 17 января]. 9 января 1888 г. пожертвовал деньги во время благотворительного спектакля Общества русских драматических артистов, устроенного Керченским женским благотворительным обществом в пользу бедных жителей градоначальства [ПЛКЕГ, 1888, № 4, 24 января]. В апреле 1888 г. по подписным листам Керченского женского благотворительного общества пожертвовал вместе с женой 5 руб. на бедных градоначальства вместо визитов на Пасху [ПЛКЕГ, 1888, № 17, 1 мая]. В декабре 1889 г. пожертвовал 1 руб. на бедных градоначальства вместо визитов на Новый год [ПЛКЕГ, 1890, № 1, 7 января]. В октябре

²⁶ На тот момент городской секретарь, член городской управы, не имеющий чина и одновременно секретарь (делопроизводитель) Городового Сиротского суда.

²⁷ В 1903 г. (с № 323) ее издателем и редактором стал М. П. Кристи, в будущем революционер-большевик и видный советский деятель, проживавший в 1900–1905 гг. в Керчи на даче И. И. фон-Бернера рядом с городской тюрьмой и скотобойней. В августе 1902 г. он ходатайствовал о разрешении издавать ежедневную «Крымскую газету» [ПЛКЕГ, 1902, № 44, 3 ноября], 17 ноября 1903 г. вышел первый ее номер. Издавалась она до 1905 г. с перерывом между 14 декабря 1903 г. – 16 декабря 1904 г. С конца декабря 1905 г. и как минимум по май 1906 г. М. П. Кристи находился в керченской тюрьме [Местный вестник, 1909, № 72, 15 декабря]. В 1906 г., выйдя по залог, эмигрировал и до апреля 1917 г. в Россию не возвращался.

1893г. пожертвовал 10 руб. семьям моряков, погибших на броненосце «Русалка» во время шторма 7 сентября 1893 г. у берегов Финляндии [ПЛКЕГ, 1893, № 45, 14 ноября]. В январе 1897 г. надворный советник А. В. Новиков пожертвовал 50 коп. вместо визитов на Новый Год бедным, опекаемым Керченским женским благотворительным обществом [ПЛКЕГ, 1897, № 2, 12 января]. 17 февраля 1897 г. пожертвовал 10 руб. на благотворительном любительском спектакле, устроенном в пользу Керченской воскресной женской школы и дневного убежища общества «Ясли» [ПЛКЕГ, 1897, № 10, 9 марта]. В 1897 г. пожертвовал 5руб. на Керченскую Воскресную школу женского благотворительного общества [Постановления..., 1899, с. 165]. В этом же году пожертвовал 76 руб. 25 коп. в распоряжение Временного комитета по оказанию помощи жителям г. Керчи, пострадавшим от наводнения 13 июля 1897 г. [ПЛКЕГ, 1897, № 38, 21 сентября].

Без участия А. В. Новикова наверняка не была бы построена и церковь в пос. Старый Карантин (рис. 3, 2–3), жителям которого приходилось ездить по плохому шоссе за несколько верст в Александро-Невскую церковь, находившуюся в южной части города. В сентябре 1903 г. он подарил градоначальству под ее строительство участок земли площадью 10 десятин 2117 кв. саж. [Быковская, 2017, с. 341], спустя месяц градоначальник М. Д. Клокачев утвердил решение городской думы, согласно которому, на пожертвованном А. В. Новиковым участке была «предположена» церковь, а дарителю выражалась благодарность. 1 февраля 1904 г. ее проект и смета были направлены в Таврическую консисторию, 18 июня этого же года их одобрило строительное отделение Таврического губернского правления. 1 августа 1905 г. освятили место строительства церкви, 11 мая 1906 г. на купола водрузили кресты [Накануне, 1906, № 31, 13 мая; Небожаева, 2015а, с.234–235], а 15 февраля 1907 г. она была освящена керченским благочинным В.Г. Станиславским во имя Вознесения Господня [Таврические..., 1907а, с.217]. Первым ее старостой 15 марта 1907 г. утвердили А.В. Олив [Таврические..., 1907б, с. 245]. Возвели ее по проекту младшего архитектора Строительного отделения Таврического Губернского правления, коллежского асессора А. И. Карапетова, который до 28 октября 1903 г. состоял в должности епархиального архитектора. Производителем работ был назначен военный инженер, капитан (по другим данным уже подполковник) Г. И. Лагорио. 31 июля 1907 г., будучи в Керчи, церковь посетил преосвященный Таврической и Симферопольской епархии епископ Алексей. Его встретили председатель комитета по его постройке А. В.Новиков и его семья, а также бывший начальник Керченского карантинного округа, действительный статский советник А. И. Васильев с женой и церковный староста, помещик А.В.Олив²⁸. Выйдя из храма, владыка посетил дом А.В. Новикова (видимо,

²⁸ 29 июля А. В. Новиков был приглашен на совместную трапезу в Катерлезский монастырь, предложенную казначеей обители Евдокией. На ней помимо Алексия и священнослужителей присутствовали Керчь-Еникальский градоначальник с супругой, А. И. Васильев с супругой и местные землевладельцы – благотворители монастыря [Таврические..., 1907, с. 1029].

дачу в пос. Старый Карантин), где пробыл час, «отведав хлеб-соль» [Таврический..., 1907, с. 1035–1036]²⁹.

Затронув выше тему недвижимости семьи Новиковых, заметим, что в этом отношении, она была одной из самых состоятельных в градоначальстве и Феодосийском уезде, хотя большую ее часть получила по наследству жена А. В. Новикова – Мария Герасимовна. Самому Новикову принадлежал лишь одноэтажный дом на главной улице в городе – ул. Воронцовской, № 66 (бывш. № 4 и № 4а на углу с 1-м Воронцовским пер.) (рис. 6, 1; 7, 2; 8, 1–2). Соседнее с ним, по другую сторону 1-го Воронцовского пер., домовладение № 64 принадлежало наследникам Евстафия Лукича и Клеопатры Христофоровны Посполитаки. По другую сторону соседний с домом Новикова дом принадлежал греческой церкви Иоанна Предтечи (№ 68), следующий дом (№ 70) – табачному магнату К.И. Месаксуди, где до 1915 г. находилась табачная фабрика. С тыльной стороны дом № 1 по Дворянской улице, также, принадлежал К. И. Месаксуди. Как и все остальные дома в этой части Воронцовской ул., он сдавался в наем под лучшие в городе магазины. С начала 1897 г. и, как минимум, до 1902 г. в его доме находилась кондитерская и булочная Е. Н. Чеснокова [ПЛКЕГ, 1897, № 11, 16 марта; ПЛКЕГ, 1897, № 13, 30 марта; ПЛКЕГ, 1902, № 44, 3 ноября], с июня 1906 г. книжный магазин «Прогресс» Н. И. Анисимова [Накануне, 1906, № 57, 14 июня], а в 1909 г. лучший в городе рыбный магазин И.Н. Спаи и кондитерская турецкого подданного Д.Г. Псомиади [Местный вестник, 1909, № 8, 27 сентября], в которой к Рождеству и Новому Году продавались не только сладости и фигурные торты, но и заграничные елочные украшения. Дом А. В. Новикова не сохранился, в 1943–1944 гг. он был сильно поврежден (рис. 8, 3) и к 1951 г., как и все остальные дома 30-го квартала, в пределах которого он находился, был разобран (рис. 9, 1). К началу 1950-х гг. на месте квартала был разбит сквер, ныне сквер Мира перед городским домом культуры им. А. С. Пушкина (рис. 9, 2–3).

Этот дом обеспечивал А. В. Новикову избирательный ценз. В 1888 г. он был внесен в список лиц 2-го разряда, имеющих на основании 17 статьи Городового положения, право участвовать в городских выборах в Керчи. Оценочный сбор за дом составлял 31 руб. 25 коп. [ПЛКЕГ, 1888, № 28, 17 июля]. В 1890 г. внесен на основании 3 пункта 28 статьи положения о земских учреждениях в список лиц, имеющих право участвовать на Керченском городском избирательном съезде в выборе гласных в уездное земское собрание [ПЛКЕГ, 1890, № 13, 8 апреля]. В июле 1892 г. внесен в список лиц 2-го разряда, имеющих на основании 17 статьи Городового положения право участвовать в городских выборах. Оценочный сбор за дом составил 35 руб.

²⁹ 25 февраля 1930 г. церковь была закрыта и 24 марта ее здание передали сельсовету пос. Старый Карантин. До 1941 г. в ней находился клуб. В 1943–1944 гг. службы в церкви проводили румынские и русские священники. Тогда же, после того как в нее перенесли сохраненную прихожанами икону Божьей матери «Троеручицы» [Говоров, 1897, с. 1000] из закрытой в 1930 г. Успенской церкви Еникале, церковь в пос. Старый карантин была заново освящена во имя Успения Пресвятой богородицы и с этих пор уже не закрывалась [Небожаева, 2015а, с. 236–238].

63коп. [ПЛКЕГ, 1892, № 28, 19 июля]. В сентябре 1892 г. внесен в список лиц, имеющих право участия в выборах на основании 35-й статьи Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г. нового Городового положения [ПЛКЕГ, 1892, № 38, 27 сентября]. Внесен в список избирателей в гласные Керчь-Еникальской думы на 4-х летие с 1897 года [ПЛКЕГ, 1897, № 14, 4 апреля]. В 1901 г. на основании этой же статьи А.В.Новиков под № 208 включен в список избирателей в гласные городской думы на четырехлетие с 1901 г., владеющих в Керчи-Еникале недвижимым имуществом, оцененным для платежа оценочного сбора на сумму не менее 1 тыс. руб. [ПЛКЕГ, 1901, № 3, 21 января, прилож. 3, с. 6].

Кроме того, на заседании городской думы 12 ноября 1892 г. в повестку дня было включено ходатайство А. В. Новикова о совершении купчей на его садовый участок [ПЛКЕГ, 1892, № 44, 8 ноября]. Где он находился неизвестно, возможно, речь идет о даче Новиковых в пос. Старый Карантин. В мае 1906 г. в районе «Багеровки» (скорее всего, имеется ввиду Багеровская экономия), в связи с конфликтом жителей пос.Катерлез и поселковых надсмотрщиков управы из-за выпаса лошадей на городской земле, упоминается Новиковский хутор [Накануне, 1906, № 28, 9 мая]. Но принадлежал ли он А. В. Новикову или он арендовал его, еще предстоит выяснить.

Семья А. В. Новикова.

Семья А. В. Новикова состояла, как минимум, из 6 человек, включая жену и четырех детей – трех сыновей и дочери.

*Его жена – Мария Герасимовна, дочь керченского купца Герасима Васильевича и Елены Пантелеймоновны Куц*³⁰. О ней известно немного. В августе 1859 г. она закончила 1-й класс Кушниковского института благородных девиц в Керчи и была награждена похвальной грамотой [ПЛКЕГ, 1859, № 33, 16 августа]. Соответственно, в 1862 г. должна была закончить полный курс института. 26 декабря 1865 г. вместе с капитаном Керчь-Еникальского полубатальона пограничной стражи В.П. Шмитом (Шмитом) стала восприемницей при крещении в керченской Александро-Невской церкви Василия – сына керченского купца 2-й гильдии Д. Д. Юрьевского и законной жены его Анисии Евтихиевны. Н. И. Андрусов упоминает, что у Е. П. Куц (вдовы Г.В. Куц) было двое детей – Егор и Мария [Андрусов, 1925, с. 18].

Обвенчались Александр Васильевич и Мария Герасимовна не позднее 1874 г. О самой Марии известно очень мало, что вполне понятно, поскольку, в отличие от мужа, она практически все свое время, как и большинство обеспеченных женщин того времени, посвящала семье и дому. Лишь время от времени ее фамилия появлялась в списках городских выборщиков и членов общественных организаций, а также в местной газете, в связи с проведением в Керчи культурных и благотворительных мероприятий. В 1899–1900 гг. она упоминается как выборный член от городского общества

³⁰ Упомянутая в справочнике В. И. Чернопятава «Некрополь Крымского полуострова» Мария Куц, умершая в 1893 г. в возрасте 47 лет и погребенная на кладбище Массандры [Чернопятов, 1910, с. 216] не имеет к ней никакого отношения.

попечительного совета Керченской общественной женской гимназии [Календарь..., 1900, с. 218; 1901, с. 218). В «Календаре и памятной книжке Таврической губернии» на 1902 г. среди его членов она уже не указана, ее сменила жена Е. Г. Куц – Мария Федоровна [Календарь..., 1902, с. 181–182]. 17 ноября 1887г. избрана кандидатом в члены правления Керченского женского благотворительного общества. Из-за болезни жены градоначальника М. Н. Колтовской ее предложили ввести членом правления, но она отказалась по семейным обстоятельствам [ПЛКЕГ, 1888, № 19, 15 мая]. В конце 1888 г. в канун Рождества и Нового Года пожертвовала вместе с мужем 5 руб. в пользу бедных Керчь-Еникальского градоначальства [ПЛКЕГ, 1888, № 1, 3 января]. В апреле 1888 г. пожертвовала вместо взаимных визитов на Пасху вместе с мужем 5руб. на бедных градоначальства по подписным листам Керченского женского благотворительного общества [ПЛКЕГ, 1888, № 17, 1 мая]. В период между 1889–1898 гг. она упомянута как действительный член Керченского женского благотворительного общества [ПЛКЕГ, 1890, № 49, 16 декабря; ПЛКЕГ, 1893, № 9, 28 февраля; ПЛКЕГ, 1898, № 10, 8 марта]. В декабре 1893 г. пожертвовала с группой женщин 15 руб. на подарок мадемуазель Адан и на стипендию имени русских женщин в одном из женских учебных заведений Франции. Сбор средств на эти цели среди жителей градоначальства курировала М. Н. Колтовская [ПЛКЕГ, 1893, № 49, 12 декабря]. 1 января и в апреле каждого года посещала вместе с мужем Английский клуб для взаимных поздравлений вместо новогодних и пасхальных визитов и жертвовала по 1 руб. на благотворительные нужды [ПЛКЕГ, 1898, № 3, 18 января; ПЛКЕГ, 1898, № 16, 19 апреля; ПЛКЕГ, 1901, № 15, 15 апреля; ПЛКЕГ, 1902, № 1, 6 января; ПЛКЕГ, 1902, №16, 21 апреля]. В январе 1901 г. пожертвовала елку на новогодний праздник для детей, организованный обществом «Ясли» [ПЛКЕГ, 1901, № 2, 14 января]. 13 февраля 1902 г. пожертвовала 3 руб. 50 коп. во время благотворительного спектакля, данного в пользу общества «Ясли» и выкупила в театре ложу за 10 руб. [ПЛКЕГ, 1902, № 8, 24 февраля]. 29 января 1906 г. в женской гимназии состоялось собрание родителей учениц для избрания в педагогический совет своего представителя. Среди предложенных кандидатур оказались и Новиковы, однако Александр Васильевич отказался баллотироваться. Сроком на один год избрали Марию Герасимовну [Южный курьер, 1906, № 24, 31 января].

Как уже отмечалось выше, ей принадлежала большая часть семейной недвижимости (перешедшей по наследству от отца), благодаря чему, она неизменно вносилась в городские избирательные списки. В 1888 г. внесена в список лиц 1-го разряда, имеющих на основании 17-й статьи Городового положения, право участвовать в городских выборах в Керчи. Оценочный сбор за ее недвижимость составил 175руб. 64коп. [ПЛКЕГ, 1888, № 28, 17 июля]. В 1890 г. внесена в список лиц, имеющих на основании статьи 18 и пункта 4 статьи 28 Положения о земских учреждениях, право голоса на Керченском городском избирательном съезде для выбора гласных в уездное земское собрание [ПЛКЕГ, 1890, № 14, 15 апреля]. В июле 1892 г. жена надворного советника А. В. Новикова внесена в список лиц 1-го разряда, имеющих на

основании 17-й статьи Городового положения, право участвовать в городских выборах в Керчи. Оценочный сбор с ее недвижимости составил 178 руб. 15 коп. [ПЛКЕГ, 1892, № 28, 19 июля]. В сентябре 1892 г. она внесена в список лиц, имеющих на основании 35-й статьи Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г. нового Городового положения, право участия в выборах [ПЛКЕГ, 1892, № 38, 27 сентября]. Внесена в список избирателей в гласные Керчь-Еникальской думы на 4-х ление с 1897 года [ПЛКЕГ, 1897, № 14, 4 апреля]. В 1901 г. на основании этой же статьи включена в список избирателей в гласные городской думы на четырехлетие с 1901 г., владеющих в Керчи-Еникале недвижимым имуществом, оцененным для платежа оценочного сбора на сумму не менее 1 тыс. руб. При этом внесли ее в список дважды, как владелицу собственных домов (под № 209) и как одну из наследниц ее матери – Елены Пантелеймоновны Куц (№ 159) [ПЛКЕГ, 1901, № 3, 21 января, прилож. 3, с. 5–6].

В одной из самых престижных частей города, на Предтеченской площади, на ее имя было оформлено домовладение № 6 (бывш. № 166), включавшее 1/3 часть огромного дома с внутренним двором, занимавшего весь 23-й квартал (ограниченный Предтеченской и Таманской площадями, 1-м и 2-м Таманскими переулками) и поделенного между пятью владельцами (рис. 6, 2; 7, 3; 8, 1). Принадлежащая ей юго-западная и юго-восточная часть дома выходила фасадами на Предтеченскую площадь и 2-й Таманский переулок. Построен он был в 1861–1862 гг. на месте упраздненного, сгоревшего во время оккупации Керчи в 1855–1856 гг., войсками союзников, здания арестантской полуроты гражданского ведомства. Место под будущий дом было выставлено на торги 5 декабря 1860 г. Первыми его владельцами были иностранный подданный Л. Л. Аллиауди, потомственный почетный гражданин П.А.Беляев, купец Г. В. Куц, рыбопромышленник из торгового сословия Азовского казачьего войска, в 1860-е гг. почетный член Керчь-Еникальского статистического комитета И. С. Назаров и некий Зенченко. Поскольку дом находился на территории Нового городского базара, в самой многолюдной части города, первый его этаж сдавался под трактиры и магазины, второй – под гостиницы. За некоторые годы нам известны имена их содержателей. В 1888 г. в этом доме на 2-м этаже находилась гостиница Петра Степановича Назаренко [ПЛКЕГ, 1888, № 43, 30 октября]. На первом этаже в 1888–1892 гг. находились трактирные заведения Е. Г. Захарато и В. Я.Иванова, в 1888–1891 гг. – трактирное заведение Т.В. Рогожина, содержателем которого в 1892г. стал Г.Н. Хрисохиоиди [ПЛКЕГ, 1888, № 43, 30 октября; ПЛКЕГ, 1890, № 42, 28 октября; ПЛКЕГ, 1891, № 43, 3 ноября; ПЛКЕГ, 1892, № 44, 8 ноября]. В 1892 г. на 2-м этаже размещалась гостиница С. Н. Артемова [ПЛКЕГ, 1892, № 44, 8 ноября]. В 1897 г. на первом этаже ее дома со стороны Предтеченской площади упоминается ресторан Г.О. Сардарянца, в котором, помимо основных блюд, подавались крымские и кавказские шашлыки, «казенное вино», крымские и кахетинские вина, пиво, холодные закуски, чай и кофе [ПЛКЕГ, 1897, № 17, 27 апреля]. На начало 1898 г. в раскладке трактирного налога владельцами этого дома почему-то указаны Новиков и Новикова, при этом он был разделен на № 2 (со стороны Предтеченской площади) и

№ 6 (со стороны 2-го Таманского переулка). Судя по раскладке, на тот момент в нем размещались гостиница С.Н. Попова (дом № 2 Новикова), трактир В. Я. Иванова (№2, но владельцем уже указана Новикова), ресторан Г.О. Сардарьянца (№ 2 Новиковой) и трактир А. А. Паневина (№ 6 Новиковой) [ПЛКЕГ, 1898, № 13, 29 марта]. В 1898–1899 гг., согласно сведениям, поданным в справочник «Торгово-промышленная Россия», в доме М. Г. Новиковой находились гостиницы И. Е. Вальсамаки (со стороны Предтеченской площади и 2-го Таманского переулка), С. И. Губарева (со стороны Предтеченской площади) и В.Я.Иванова (со стороны Предтеченской площади) [Торгово-промышленная..., 1899, стлб. 771]. На нижнем этаже в 1898–1899 гг. находился магазин бакалейных и колониальных товаров Т. Ф.Овсенко [Торгово-промышленная..., 1899, стлб. 1944]³¹. В 1902г. на 1-м этаже дома Новиковой со стороны 2-го Таманского переулка трактир с правом продажи «хлебного вина» содержал А. А. Паневин, а со стороны Предтеченской площади трактир без права продажи «хлебного вина» – С. Н. Попов. Гостиницы на 2-м этаже в доме Новиковой в раскладке трактирного налога за этот год не указаны [ПЛКЕГ, 1902, № 44, 3 ноября]. В 1912г. владельцами других частей этого огромного дома-каре были потомственный почетный гражданин П.К. Константинов, сын Константина Кирилловича (№ 5 на углу Предтеченской площади и 1-го Таманского пер.), надворный советник И. Л.Шушак (№ 28 по Александровской набережной), жена М. И. Кумпана Елена Петровна и ее сестра Софья Петровна Серкова (№ 29 по Александровской набережной) и наследники Л. Л. Аллиауди (№ 30 по Александровской набережной). С 1920 по 1941 гг. в этом доме, как и прежде, размещались магазины и гостиницы (рис. 10, 1–2). В 1943–1944 гг. он был сильно поврежден (рис. 10, 3; 11, 2; 12, 1–2) и спустя год после освобождения города разобран (рис. 11, 1). Территория, на которой он находился, была включена в 1950-е – первую половину 1960-х гг. в границы автостанции (рис. 13, 1–2). Со второй половины 1960-х гг., после того как в 1963–1964 гг. бывшую рыночную площадь очистили от всех старых построек, она оказалась в пределах новой обширной площади Ленина (рис. 14, 1).

В Торговом переулке в 35 квартале, как минимум с 1890 г., М.Г. Новиковой принадлежало домовладение № 11 (№ 776) (рис. 6, 6; 7, 1), которое, также сдавалось в аренду. Во второй половине 1890-х гг. его часть или полностью, арендовал купец М.М. Слепой. В 1890 г. в ренсковом погребе³² при этом доме можно было приобрести «дистиллированное хлебное вино», которое изготовлялось на спирто-очистительном и водочном заводе М. М. Слепого, открытого 20 марта 1890 г. рядом с домом Новиковой. Заведовал заводом М.В. Слепой [ПЛКЕГ, 1890, № 12,

³¹ Содержатели трактирных заведений (с правом продажи спиртных напитков) и небольших, недорогих гостиниц в арендованных помещениях в Керчи в то время менялись, как правило, очень часто. По-видимому, этот род деятельности не приносил больших и стабильных доходов.

³² В отличие от других питейных заведений (корчмы, винные и ведерные лавки и т. п.) ренсковые погреба имели право на продажу не только русских, но и импортных спиртных напитков. Они могли продавать их в количестве не более трех ведер (около 37 литров), за исключением виноградных вин, на отпуск которых не было ограничений.

25 марта]. В 1896г. его обслуживал один паровой котел, работало 8 мужчин и 4 женщины, произведено спирта было на 40 тыс. руб. [Фабрично-заводская..., 1897, с. 906, №20733]. В мае 1897 г. этот дом был внесен в список домовладений Керчи-Еникале, с измененной в 1897 г. оценкой для платежа оценочного налога и земского сбора. В 1896 г. Мария Герасимовна оценила его в 5300 руб., в 1897 г. в 4000 руб. [ПЛИКЕГ, 1897, № 20, 18 мая]. Дом Новиковой в Торговом переулке не сохранился, когда он был разрушен неизвестно, ныне на его месте незастроенная территория с тыльной стороны здания бывшего горисполкома по ул. Кирова, № 5.

Еще два дома М. Г. Новиковой находились на Александровской набережной. Первый из них одноэтажный дом на Александровской набережной, № 6 (бывш. №180, он же дом № 7 по ул. Херхеулидзеvской) в 54 квартале на углу с 1-й Морской ул. (рис. 6, 4; 7, 4). С одной стороны он соседствовал с паровой мельницей Герши и Юды (Генриха и Адольфа) Обершмуклеров (№ 5, до 1898 г. мельница В. Ф. Иванова и Л. П. Войкова), с другой – с подворьем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря (№ 7) (рис.17, 1–2). Этот дом семья Новиковых, также, сдавала в наем, возможно, и под склады, поскольку находился он рядом с пристанями РОПиТ и Российского общества страхования и транспортировки кладей. Как его владелица она указана в списке домовладений за 1912 г. Дом был разрушен к концу 1920-х гг. или к 1930 г. [Панкратова, 2018, с. 90, рис. 46]. В южной части 54-го квартала, где он находился, было построено несколько трехэтажных жилых домов, хорошо видных на фотографиях 1943 г. (рис. 17, 3; 18, 1). В 1944 г. они, вероятно, были разрушены. С 1950-х гг. и поныне участок, где находился дом №6, расположен в юго-восточном углу парка Культуры и отдыха против 5-ти этажного жилого дома № 7 по ул.Айвазовского (перестроенная мельница Обершмуклеров) (рис.18, 2–3).

Другой одноэтажный дом на Александровской набережной № 13/1 в 53-м квартале (рис. 6, 3; 7, 4), в котором семья Новиковых проживала, принадлежал Марии Герасимовне, как минимум с 1897 г. [Постановления..., 1899, с. 43, прилож. 14]. Как его владелица она указана в списке домовладений и за 1912 г. Дом находился на месте, где Александровская набережная соединялась с ул. 1-й Босфорской и заканчивалась ул. Спицынская (рис. 6, 4; 7, 4). На фотографии 1860-х гг. (после 1865 г.) Е.Кирьякова он уже есть, находится едва ли не на самом берегу моря между частными купальнями и деревянной таможенной пристанью (рис. 14, 2; 15, 1–2)³³. После 1904 г., когда берег на этом участке набережной был расширен, их дом находился против южной – бесплатной части бульвара (т. н. «Собачьего» бульвара), рядом с летней эстрадой со сценой-«фракушкой» и рестораном (буфетом), построенном в эклектичном стиле между 1900–1903 гг. (рис. 15, 2) [Небожаева, 2015б, с. 249–251]. Владельцами соседнего дома № 12 по Александровской набережной были его хороший знакомец И.Л. Шушак с женой³⁴. С юга к 53-му кварталу

³³ Здание таможни построена в 1862–1863 гг.

³⁴ И. Л. Шушак до 1880 г. преподавал латинский язык в Керченской мужской гимназии, в последующие годы, неоднократно избирался почетным мировым судьей, гласным городской думы и Феодосийского уездного земского собрания. В начале XX в. был избран в комиссию по заведыванию Приморским городским бульваром [Небожаева, 2015б, с. 249].

примыкала Керченская портовая таможня (рис. 14, 3) с единственным в городе полукруглым переулком вокруг нее. Дом Новиковых пережил войну, на фотографиях 1945 г. и 1950-х гг. он еще в полной сохранности (рис. 16, 1). Ныне на его месте сквер против дома № 14 по ул. Свердлова и к северу от гостиницы «Море» (рис. 16, 2).

Помимо городской недвижимости на имя М. Г. Новиковой была оформлена земля при дер. Эльтиген и дер. Чурубаш Сарайминской волости Феодосийского уезда. В 1904 г. ее количество насчитывало 1168 десятин (1276,04 га)³⁵ [Постановления..., 1905, прилож. 23], включая большую часть участка, в пределах которого находился Нимфейский курганно-грунтовый некрополь. «Господский» дом Новиковых, бывший дом А.В. Гурьева³⁶, находился в северной части дер. Эльтиген, ныне на территории пансионата «Залив» [Небожаева, Санжаровец, 2016, с. 405, прим. 34]³⁷. Соседями их были семейства богатейших в округе помещиков Олив и Гурьевых³⁸. Дом Олив находился на территории городища Тиритака, а дом Гурьевых (имение «Нимфея») в деревне Эльтиген против дороги в нее – т.н. «Эльтигенского подъема». Краткие воспоминания о посещении имения Новиковых в 1909 г. оставил русский и советский зоолог И. И. Пузанов. В 1909 г. он принял вместе с Н. И. Андрусовым участие в морской экспедиции вдоль побережья Крыма, которую возглавил гидробиолог С. А. Зернов, с 1899 по 1902 гг. хранитель естественно-исторического музея Таврического губернского земства. В ночь с 24 на 25 августа они прибыли в Керчь и 25 августа отправились осматривать карантатские прибрежные отложения южнее дер. Эльтиген. На обратном пути Н. И. Андрусов, пригласил их заехать «на чай» к А.В. Новикову, у которого останавливался «четыре года тому назад» во время одной

³⁵Для сравнения приведем данные сколько земли принадлежало их соседям: Олив В. В. при дер. Чурубаш – 2095 десятин и 546 кв. саж., при дер. Кош-Кую – 818 дес. и 1192 кв. саж.; Олив С. В. – при дер. Джапар – 2279 дес.; при дер. Чокур, Кош-кую и Сеит-Эли – 2080 дес. и 2040 кв. саж.; Олив Е. Н. при дер. Камыш-Бурун 491 дес., 954 кв. саж. и 1876 дес., 1372 кв. саж.; К. С. Гурьеву при дер. Чурубаш – 1825 дес., 1931 кв. саж., при дер. Эльтиген (имение «Нимфея»), хутор «Нимфея» – 840 дес., 1565 кв. саж., К. И. Месаксуди при дер. Джанкой-Ортель 654 дес., 1967 кв. саж., семейству Бок при дер. Коп-Такиль и Яныш-Такиль – 3740 дес. [Постановления..., 1905, прилож. 23, с. 176–177, 194–197].

³⁶Подполковник корпуса Горных инженеров, умер 38 лет от роду от чахотки между 1847–1851 гг. Продать землю (не ранее конца 1860-х гг.) могла его вдова Екатерина Цезаревна (1818–1873) или дети – Дмитрий Алексеевич (1 октября 1845 или 1846 – 17 декабря 1880), Елена Алексеевна (умерла 23 мая 1874 г. в возрасте 40 лет), Софья Алексеевна (9 марта 1846 – 25 августа 1874). Еще один сын – Василий Алексеевич умер гораздо раньше – 2 апреля 1866 г. Годы жизни еще одной дочки – Екатерины Алексеевны неизвестны.

³⁷За предоставленные сведения приносим глубокую благодарность В. Ф. Санжаровцу.

³⁸Имение семьи С. В. Гурьева (1808 – 5 января 1877), брата А. В. Гурьева, которая сумела сохранить свои земли. В 1904 г. К. С. Гурьеву (12 июля 1851 – 1912), сыну С. В. Гурьева, при дер. Чурубаш принадлежало 1825 дес., 1931 кв. саж. земли, при дер. Эльтиген (имение «Нимфея»), – 840 дес., 1565 кв. саж. [Постановления..., 1905, с. 182–183]. В 1913–1914 гг. С. И. Гурьева, жена К. С. Гурьева (урожденная де-Нольте) указана как владелица Эльтигенского железного рудника, арендованного Таганрогским металлургическим обществом с 1896 г. [Список..., 1910, с. 952, № 30247; Адресная..., 1907, с. 594; Фабрично-заводские..., 1914, № 879].

из своих геологических экскурсий. Со слов И. И. Пузанова это был «пожилой, тучный, профессорского вида человек». Принял он их на «террасе своего дома, ярко освещенной керосино-калильным фонарем. Не помню точно, о чем шла беседа – вели ее «старшие»; утомленный богатыми впечатлениями дня, я буквально клевал носом, слушая разглагольствования словоохотливого хозяина» [Пузанов, 1960, с.31]. Во время ноябрьских боев 1943 г. (Эльтигенская десантная операция) он, скорее всего, как и дом Гурьевых, был сильно поврежден. Не исключено, что именно дом Новиковых (впрочем, может быть и дом Гурьевых) изображен на рисунке А. С. Китаева 1947 г. (рис. 21, 3).

Последней в списке недвижимости М. Г. Новиковой была дача по Приморской линии № 5 (бывш. № 2011) в пос. Старый Карантин. В 1912 г. она упоминается как единственная ее владелица. Однако в 1897 г. в списке домовладений Керчи-Еникале с измененной суммой оценки для платежа оценочного налога и земских сборов, владельцами трех домовладений в Старом Карантине показаны А. В. и М. Г. Новиковы. А. В. Новиков увеличил сумму налогообложения с домовладения № 134 с 250 до 500 руб., А. В. Новикова увеличила сумму налогообложения с домовладений № 120 с 300 до 500 руб. и с № 135 с 250 до 500 руб. [ПЛКЕГ, 1897, № 20, 18 мая]. Соседями семейства Новиковых в этом престижном дачном районе³⁹ были: их кум Е. Г. Куц (№4); действительный статский советник, с 1885 по 1906 гг. начальник Керченского карантинного округа А. И. Васильев (№ 2); городской голова (1893–1906 гг.), статский советник М. И. Кумпан, умерший в 1906 г. (№ 1) и вышедший в отставку действительный статский советник, бывший начальник отдела окружного интендантского управления Виленского военного округа А. П. Карпенко-Бережецкий (1833 – 14 марта 1913), дачу которого (домовладение № 3) после его смерти 20 июня 1914 г. купил потомственный дворянин, инженер-металлург А. И. Глазунов, служивший в Горном департаменте Министерства промышленности и торговли [Санжаровец, 2018, с. 141–142]. Наверняка на их даче бывал художник-пейзажист, родом из Керчи, выпускник Императорской Академии художеств Г. О. Калмыков (21 ноября 1873 – 1942). На одной из его картин изображен сад на даче Е. Г. Куц (рис. 19, 1), на другой – участок побережья у пос. Старый Карантин (рис. 19, 2). В 1920-е – 1930-е гг. его Прибрежная линия, как и прежде, служила местом отдыха, но бывшие дачи, наверняка, национализировали. В частности, на даче А. П. Карпенко-Бережецкого с конца 1920-х или начала 1930-х гг. разместился Дом отдыха Государственного (Керченского) металлургического завода. Во время войны бывшая дача Новиковых, как и все остальные в округе, пришла в окончательное запустение и со временем все они были разрушены. Точное ее местоположение не известно. На единственной, известной нам, дореволюционной фотографии этого дачного района, узнаваема лишь беседка и ротонда дачи

³⁹ Как минимум с 1901 г. и в последующие годы на одной из дач (в 1901 г. на даче Константинова) для девочек и мальчиков от 6 до 13 лет устраивалась «летняя детская колония» Керчь-Еникальского общества попечения о детях [ПЛКЕГ, 1901, № 25, 24 июня; Накануне, 1906, № 26, 6 мая].

А. П. Карпенко-Бережецкого (рис. 20, 1), общее представление о которой мы имеем благодаря нескольким любительским фотографиям 1930-х и 1950-х гг. (рис. 21, 2–3) и снимку, сделанным около 1935 г. профессиональным крымским фотографом А. Фишгойтом (рис. 20, 2).

Что касается детей А. В. и М. Г. Новиковых, их было, как минимум, четверо.

Старший сын – Александр Александрович. Родился в 1874 или 1875 гг. В 1892 г. закончил с золотой медалью Керченскую Александровскую гимназию [Федотов, 1914, с. 36]. По сведениям В. Ф. Санжаровца, он покончил жизнь самоубийством на даче, о чем есть воспоминания дочери М. И. Кумпана⁴⁰. Решился на этот поступок он, видимо, еще в молодые годы, не позднее 1901 г., поскольку 1 января 1902 г. А. В. и М. Г. Новиковы пришли в Английский клуб для взаимных новогодних поздравлений в сопровождении среднего сына Василия [ПЛКЕГ, 1902, № 1, 6 января], а 14 апреля для взаимных пасхальных поздравлений вместе с младшим сыном Евгением [ПЛКЕГ, 1902, № 16, 21 апреля].

Средний сын – Василий Александрович родился 1 января 1878 г. Восприемниками его на крещении в Александро-Невской церкви был кандидат естественных наук Е. Г. Куц и вдова титулярного советника П. Ф. Воинова, с 1871 г. смотрительница за бельем Кушниковского института благородных девиц, по какой год неизвестно [Новороссийский..., 1871, с. 73]. В 1895 г. он окончил Керченскую Александровскую гимназию с серебряной медалью [Федотов, 1914, с. 36], затем видимо, поступил в университет, какой неизвестно. 1 января 1902 г. В. А. Новиков вместе с отцом и матерью посетил Английский клуб и пожертвовал при входе по подписному листу на благотворительные нужды 1 руб. [ПЛКЕГ, 1902, № 1, 6 января]. С этого года и до 1927 г. о нем ничего неизвестно, но лихолетье революции и Гражданской войны пережил. Новая власть усмотрела в нем классового врага, в чем определенную роль, возможно, сыграло его происхождение. На момент ареста 25 мая 1927 г. он занимал должность старшего химика лабораторий треста «ТЭЖЭ» (Государственный союзный трест высшей парфюмерии, жировой, мыловаренной и синтетической промышленности; «Трест Жиркость»). В следственном деле, к которому приложена, единственная известная нам его фотография (рис. 2, 2), указано, что он имел высшее образование и был беспартийным. Проживал в Москве по адресу: 1-й Щипковский пер., № 26, в квартире при лаборатории. 3 октября 1927 г. В. А. Новиков был осужден коллегией ОГПУ и обвинен в участии в контрреволюционной террористической группе. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 7 октября 1927 г. в Москве, место захоронения – Ваганьковское кладбище. Реабилитирован 9 февраля 1994 г. прокуратурой РФ [Расстрельные списки: Ваганьковское кладбище, 1926–1936. М., 1995. <https://base.memo.ru/person/show/2650176>].

Младший сын – Евгений Александрович. Родился в 1881 или 1882 гг. В 1899 г. окончил с серебряной медалью Керченскую Александровскую гимназию [Федотов,

⁴⁰ За предоставленные сведения авторы приносят глубокую благодарность В. Ф. Санжаровцу.

1914, с. 36]. 14 апреля 1902 г. вместе с матерью и отцом посетил Английский клуб для взаимных пасхальных поздравлений, пожертвовав на благотворительные нужды 1 руб. [ПЛКЕГ, 1902, № 16, 21 апреля]. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Дочь – Софья Александровна. Годы ее жизни не известны. Окончила, видимо, Керченскую женскую гимназию, получила звание домашней наставницы. В 1890–1893 гг. упоминается в «Новороссийском календаре» как преподаватель русского языка и словесности в Керченской общественной женской гимназии [Новороссийский..., 1890, с. 311; Новороссийский..., 1892, с. 142]. Проживала вместе с родителями в доме по ул. Александровская набережная, № 13. Как и все остальные ее сверстницы из именитых семей города, принимала активное участие в общественных мероприятиях и благотворительных акциях. К сожалению, об этой стороне ее жизни сведений собрать удалось, пока немного. К примеру, в декабре 1893 г. она пожертвовала на подарок мадемуазель Адаи и на стипендию имени русских женщин в одном из женских учебных заведений Франции [ПЛКЕГ, 1893, № 49, 12 декабря].

Последние упоминания о ней связаны с ее отцом. На заседании Таврической ученой архивной комиссии 13 октября 1916 г. было доложено письмо Софьи Александровны на имя А. И. Маркевича с выражением готовности «составить» биографию покойного отца для «Известий» комиссии [Протокол..., 1919, с. 278]. Но прислала ли она ее, об этом протоколы ТУАК умалчивают, во всяком случае на страницах «Известий» комиссии издана биография, так и не была. 7 мая 1921 г. К.Э.Гриневиц, бывший в то время директором Керченского музея, сообщил в отчете о его деятельности с 1918 г. по 1 мая 1921 г., что приобрел наиболее ценную часть библиотеки С.А.Новиковой, доставшейся ей в наследство от отца [Виноградов, 2021, с.285]. Есть сведения, что в 1920 г. она работала помощником библиотекаря городского общественного Боспорского университета⁴¹, занятия на коммерческо-экономическом факультете которого начались 9 марта этого же года, а 3 июля официально разрешили открыть еще два факультета – историко-археологический и сельскохозяйственный. В январе 1921 г. на базе закрытого университета открыли Рабфак [Боровкова, 1999, с.75; Непомнящий, 2017, с. 117; Виноградов, 2021, с. 283; Лавров, Бобков, 2005, с.106–118; Непомнящий, 2020, с. 393–402]. Дальнейшая судьба Софьи Александровны неизвестна.

Родственники А. В. Новикова по линии жены (в девичестве Куц) и его родители.

Куц Герасим Васильевич (1815 – 8 декабря 1868), потомственный почетный гражданин, тесть А. В. Новикова, умер, когда будущему зятю еще не исполнилось и 6 лет. В 1854–1855 гг. упоминается как купец 3-й гильдии, бургомистр Керченского магистрата и член Сиротского суда [Новороссийский..., 1854, с. 242; Новороссийский..., 1855, с. 251]. С 4 июня 1862 г. по 1868 г. почетный член Керчь-Еникальского Статистического комитета и купец 1-й гильдии [ПЛКЕГ, 1862, № 25,

⁴¹ Не исключено, что она работала и библиотекарем в городской Толстовской библиотеке на ул. Дворянской. В ее помещениях находился ректорат университета и проводились занятия студентов.

24 июня; Новороссийский..., 1862, с. 268; Адрес-календарь..., 1869, с. 315]. В марте 1863 г. упоминается как член «особой комиссии для освидетельствования и изучения изобретенных горным инженером С. В. Гурьевым машин, нескораемых зданий и каменных цементированных крыш» [ГАРК, ф.162, п.2, д.182, л.1; Небожаева, Санжаровец, 2016, с. 398–399]. В его доме на ул. Воронцовской против скобяной лавки И. И. Ключерова в марте 1858 г. размещалась «Европейская» гостиница купца 3-й гильдии П. Я. Соколова [ПЛКЕГ, 1858, № 12, 23 марта]. Во втором его доме на «старом базаре» на углу ул. Магистратской и ул. Стемпковской, № 37/14 до 1862 г. находилась гостиница «Россия» купца П. Я. Соколова. В мае этого же года она была переименована в гостиницу «Москва» и переместилась в дом вдовы капитана Тумковского во 2-м Таманском переулке [ПЛКЕГ, 1862, № 21, 27 мая]. Третий его дом находился между Предтеченской и Таманской площадями (позднее № 6 по Предтеченской площади), о котором упоминалось выше. В июне или июле 1861 г. при рытье траншей под его фундаменты была найдена мраморная статуя вепря [ПЛКЕГ, 1861, № 37, 10 сентября]. 26 октября 1861 г. на 113-м заседании Одесского общества истории и древностей заслушали отношение Керчь-Еникальского градоначальника А. П. Спицына от 4 июля, в котором он сообщил об этой находке, подаренной Г. В. Куц музею общества [ПЛКЕГ, 1861, № 49, 3 декабря]. По воспоминаниям Н. И. Андрусова, еще два «параллельных дома» Г. В. Куц находились на ул. Херхеулидзеvской (дома №№ 8 и 7), а против нее на берегу моря – его пристань и купальня. К концу жизни он стал злоупотреблять алкоголем, спился и, со слов Н. И. Андрусова, «сошел с ума» [Андрусов, 1925, с. 16, 18]. 8 декабря 1868 г. в возрасте 53-х лет умер «от удара», о чем свидетельствует запись в метрической книге Александро-Невской церкви. Эту же дату смерти с его памятника привел В. И. Чернопятав в справочнике «Некрополь Крымского полуострова» и уточнил, что похоронен он был на Керченском старом кладбище [Чернопятав, 1910, с. 216].

Куц Елена Пантелеймоновна (? – не ранее 1912 г.) – жена, с 1868 г. вдова Г. В. Куц, теща А. В. Новикова. После смерти мужа стала главой семьи. На начало 1870-х гг. Н. И. Андрусов вспоминал о ней как о «видной крупной женщине, управлявшей всем имуществом» семьи [Андрусов, 1925, с. 18]. Сведений о ней удалось найти немного. До 1889 г. она арендовала участок площадью 20 десятин на Тобечикском соленом озере. В этом же году с нее была сложена недоимка в 721 руб. 56 коп. по совершенной его бездоходности на предмет добычи соли [Постановления..., 1899, с. с. 302–305, прилож. 51]. В 1888 г. вдова потомственного почетного гражданина Елена Куц внесена в список лиц 2-го разряда, имеющих на основании 17-й статьи Городового положения, право участвовать в городских выборах в Керчи [ПЛКЕГ, 1888, № 28, 17 июля]. В сентябре 1892 г. внесена в список лиц, имеющих право участия в выборах на основании нового Городового положения, утвержденного 11 июня 1892 г. [ПЛКЕГ, 1892, № 10, 8 марта]. В декабре 1893 г. пожертвовала на подарок мадемуазель Адан и на стипендию имени русских женщин в одном из женских учебных заведений Франции [ПЛКЕГ, 1893, № 49, 12 декабря]. 25 марта 1897 г.

на концерте духовной музыки в пользу церковно-приходских школ градоначальства пожертвовала 60 коп. [ПЛКЕГ, 1897, № 17, 27 апреля]. В 1901 г. на основании 35-й статьи Городового положения, Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г., включена под №159 (вместе с наследниками – сыном и дочерью) в список избирателей в гласные городской думы на четырехлетие с 1901 г., владеющих в Керчи-Еникале недвижимым имуществом, оцененным для платежа оценочного сбора на сумму не менее 1 тыс.руб. [ПЛКЕГ, 1901, № 3, 21 января, прилож. 3, с. 5]. В 1912 г. упоминается в «Списке домовладений Керчи-Еникале» как владелец дома № 8 (бывш. № 244) в 74-м квартале по ул.Херхеулидзеvская, в котором она и проживала (рис. 6, 8; 7, 4).

Куц Егор (Георгий) Герасимович (ок. 1852 – не ранее 1914 г.), сын Г. В. и Е. П. Куц, шурин А. В. Новикова. Первое упоминание о нем найдено в метрической книге Александро-Невской церкви, к которой была приписана семья Куц. 3 ноября 1868г. купеческий сын Е. Г. Куц был свидетелем со стороны жениха на бракосочетании, уволенного с высшего отделения Херсонской духовной семинарии, П. И. Иванова и дочери умершего священника С.В. Ламбровой. В 1869 г. он закончил Керченскую мужскую гимназию [Федотов, 1914, с. 29]. Получил высшее образование (где неизвестно), после чего в документах нередко именовался кандидатом естественных наук. На 1872–1873 гг. Н. И. Андрусов упоминает о нем, как о своем «богатом соседе и приятеле» [Андрусов, 1925, с. 16–17].

К 1876 г. состоял членом Троицкого Православного братства. На период с 9 октября 1876 г. по 1 октября 1877 г. купец Е. Г. Куц был избран на должность кандидата к члену по учебной части братства А. П. Савицкому [Отчет..., 1878, с.228]. В 1880-е гг. (до 1888 состоял членом учетного комитета Керченского городского общественного банка [ПЛКЕГ, 1888, № 27, 10 июля]. Неоднократно, как минимум, с 1888 г., избирался гласным Керчь-Еникальской городской думы [ПЛКЕГ, 1888, № 39, 2 октября; ПЛКЕГ, 1893, № 21, 30 мая; ПЛКЕГ, 1897, № 21, 25 мая], в последний раз указан в этом качестве в 1913–1914 гг. [Памятная..., 1914, с. 8]. В период между 1883–1885 гг. избирался гласным Феодосийского уездного земского собрания и почетным мировым судьей [Протоколы..., 1885, с. 24; Протоколы..., 1886, с. 8; Протоколы..., 1887, с. 9, 41], но на государственной службе не состоял и чинов по Табели о рангах не имел. К 1887 г. состоял членом Керченского отделения Императорского Российского общества спасания на водах [ПЛКЕГ, 1888, №12, 20 марта].

На городском плане 1883 г. к северу от Константиновской пощади обозначена паровая мукомольная мельница Куц (рис. 6, б), которую семья, вероятно, вскоре продала. В 1888 г. она уже принадлежала купцу, греческому подданному И.Г.Джорджу [ПЛКЕГ, 1888, № 39, 2 октября], рядом с ней неоднократно упоминалась Джорджинская пристань. В 1891 г. мельница названа «бывшей Джорджа» [ПЛКЕГ, 1891, № 45, 17 ноября], после какое-то время не упоминается, а в 1897 г. была вновь открыта и принадлежала уже А. И. Головину [ПЛКЕГ, 1897, № 39, 28 сентября]. В 1912 г. участок, на котором находилась мельница (ул. Карантинная, №2

в 18-м квартале), принадлежал К. И. Месаксуди, в 1915 г. в его границах была построена табачная фабрика Товарищества «Наследники К. И. Месаксуди».

Видимо, по наследству от отца Е. Г. Куц перешло имение при дер. Чурубаш. Как его владелец он упомянут в 1887 г. [Протоколы..., 1888, с. 4, приложения]. В 1904 г. владел при дер. Чурубаш 1168 десятинами земли [Постановления..., 1905, прилож. 23, с. 186–187].

Помимо имения от отца ему достался дом на углу ул. Магистратской и Стемпковской, № 38/14 (бывш. № 788) (рис. 6, 5; 7, 1), сдававшийся им в аренду. Еще один, тоже отцовский дом находился на ул. Воронцовской. В 1890 г. в нем находился магазин Бобовича [ПЛКЕГ, 1890, № 18, 13 мая]. В 1890–1892 гг. размещалась кондитерская Г. Н. Чеснокова [ПЛКЕГ, 1890, № 9, 4 марта; ПЛКЕГ, 1892, № 10, 8 марта]. 11 ноября 1893 г. в нем открылся мануфактурный магазин Торгового дома «М. Багдасаров и П. Мирошников», упоминавшийся по этому адресу, как минимум до 1899 г. [ПЛКЕГ, 1893, № 44, 7 ноября; Торгово-промышленная, 1899, стлб. 1241]. В 1912 г. домом на ул. Воронцовской Е. Г. Куц уже не владел.

Занимался Е. Г. Куц и семейной дачей в пос. Старый Карантин. В ее саду, запечатленном на одной из картин Г. О. Калмыкова, был свой питомник. В марте 1891 г. в нем продавались саженцы ясеня, клена, береста и акации [ПЛКЕГ, 1891, № 11, 17 марта]. На заседаниях городской думы 11 марта, 8, 15, 22, 29 апреля 1893 г. должна была рассматриваться жалоба Е. Г. Куц на управу за отказ в выдачи ему копии донесения архитектора о размерах его сада [ПЛКЕГ, 1893, № 16, 25 апреля]. Как домовладелец он постоянно вносился в списки избирателей. В 1888 г. внесен в список лиц, имеющих на основании 17-й статьи Городового положения, право участвовать в городских выборах в Керчи [ПЛКЕГ, 1888, № 28, 17 июля]. В 1890 г. внесен в список лиц, имеющих право участвовать на Керченском городском избирательном съезде для выбора гласных в Земское собрание [ПЛКЕГ, 1890, № 13, 8 апреля]. В 1901 г. на основании 35-й статьи Городового положения включен под № 159 (вместе матерью и сестрой) в список избирателей в гласные городской думы на четырехлетие с 1901 г., владеющих в Керчи-Еникале недвижимым имуществом, оцененным для платежа оценочного сбора на сумму не менее 1 тыс. руб. [ПЛКЕГ, 1901, № 3, 21 января, прилож. 3, с. 5].

Куц Мария Федоровна, жена Е. Г. Куц. Годы ее жизни неизвестны. На страницах справочных изданий и газеты «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» изредка упоминалась как член общественных и благотворительных организаций, а также в связи с проведением городских культурных и благотворительных мероприятий. На втором общем заседании Керченского общества «Ясли» между 21 января – 25 августа 1896 г. избрана членом его ревизионной комиссии [ПЛКЕГ, 1897, № 10, 9 марта]. В 1901 г. сменила М. Г. Новикову на должности члена попечительного Совета Керченской общественной женской гимназии [Календарь..., 1902, с. 182]. В марте 1897 г. ей была выражена благодарность от устроителей любительского спектакля, устроенного 17 февраля в пользу

Керченской Воскресной женской школы и дневного убежища «Ясли», за то, что продавала с благотворительной целью вино, фрукты, цветы и программы [ПЛКЕГ, 1897, № 10, 9 марта]. О детях Е. Г. и М.Ф. Куц сведений найти не удалось.

Что касается дальнейшей судьбы *родителей А. В. Новикова* после их отъезда в 1854 г. в Харьков, известно лишь, что его отец был похоронен в Керчи. 16 апреля 1901г. состоялось заседание Керченского кладбищенского комитета под председательством благочинного, протоиерея Д. Г. Говорова. В числе прочих вопросов его члены рассмотрели жалобу М. Г. Новиковой «о срытии ее фамильного склепа» на старом кладбище. По его осмотру оказалось, что у «памятника Василия Новикова» была снята ограда, у которой «одна сторона угрожала падением». Фамильный склеп Новиковых был не тронут и дороги рядом с ним никто не прокладывал, как о том в №20 сообщила газета «Южный курьер». Комиссия постановила: восстановить ограду из имеющегося камня и пригласить к участию в работах Новикову [ПЛКЕГ, 1901, № 18, 6 мая].

В завершении приведем краткий обзор последних лет жизни А. В. Новикова. Как и прежде они были очень насыщенными, при этом львиную долю его времени занимали земские дела на уездном и губернском уровне. Помимо них в 1913–1914гг. действительный статский советник, личный дворянин А. В. Новиков состоял директором Керченского Городского общественного банка, почетным мировым судьей, действительным членом Керчь-Еникальского Статистического комитета, членом Керченского комитета попечительства о народной трезвости, попечителем мест заключения по приговорам мировых судей в Керчи, членом Керченского отделения Епархиального училищного совета, товарищем председателя Керченского местного отделения Российского общества Красного креста, товарищем председателя Керченского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах, членом правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Керчь-Еникальской Торговой школы им. Цесаревича Алексея в Керчи и членом правления Керченского отдела Российского общества рыбоводства и рыболовства [Памятная..., 1914, с. 3, 12, 28, 30, 31, 56, 65, 67, 70, 76].

Его заслуги были высоко оценены к юбилею 40-летней работы в Феодосийском земстве. 22 октября 1912 г. на последнем заседании 47-й сессии Феодосийского земского уездного собрания с поздравительной речью выступил С. С. Крым. Поскольку предметом особых забот юбиляра было улучшение уездных земских шоссе-ных дорог, он предложил назвать вновь построенное Керчь-Феодосийское шоссе «Новиковским». Собрание единогласно приняло его предложение, поприветствовав А. В. Новикова продолжительными аплодисментами. В свою очередь, председатель собрания, предводитель феодосийского дворянства В. А. Княжевич предложил поместить портрет А. В. Новикова в зале заседаний, гласные единогласно поддержали его. В заключении председатель управы Ш. С. Крым предложил учредить в Старо-Крымской учительской семинарии три стипендии имени А. В. Новикова по 200 руб. каждая, для детей беднейших жителей уезда. Предложение опять же единогласно поддержали [Постановления..., 1913, с. 44–46].

В 1913 г. городская дума обратилась к Керчь-Еникальскому градоначальнику с ходатайством о «признании» его «Почетным Гражданином г. Керчи». В обращении говорилось, что «в глазах населения Новиков является примером неустанной деятельности... и светлой личностью, одухотворенной стремлением ко благу ближнего», а его деятельность на посту директора Общественного банка «вполне беспристрастна и весьма плодотворна для населения градоначальства и Городского Общественного Управления». В феврале 1915 г. Николай II присвоил ему Высочайшим указом это звание [Быковская, 2017, с. 341]⁴².

22 ноября 1913 г. он удостоился чести присутствовать на Высочайшем приеме городских голов Таврической губернии в Ливадии (рис. 2, 1). Каким образом он оказался среди них неизвестно, поскольку головой после 1888 г. больше не переизбирался. Возможно, его включили в делегацию вместо керченского головы В. В. Аверкиева, но, к сожалению, мы не знаем как он выглядел, поэтому опознать его на общем снимке городских голов вместе с Николаем II не представляется возможным.

На смерть А. В. Новикова, последовавшей 26 января 1916 г., некрологами и заметками, наверняка, отозвались многие керченские, феодосийские и губернские газеты, но таковые нам найти, пока не удалось. Нашла она отклик и на страницах «Известий» Таврической ученой архивной комиссии. На ее заседании 4 февраля 1916 г. А. И. Маркевич объявил о кончине А. В. Новикова и «охарактеризовал его заботливое участие к комиссии до самых последних дней». Собрание почтило его память вставанием [Протокол..., 1916, с. 226].

4 февраля и 9 февраля 1916 г. на заседаниях комиссии Керчь-Енкальской городской думы «О пользах и нуждах общественных» было предложено переименовать бывшую Баугеровскую экономию и железнодорожный полустанок «Баугерово» в «Новиково», а 1-ю Босфорскую улицу и Босфорскую начальную народную школу (ул. 1-я Босфорская, № 17) назвать его именем. 9 февраля 1916 г. городская дума постановила ходатайствовать о переименовании 1-й Босфорской улицы перед министром внутренних дел [ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 8582]⁴³, но чем закончились попытки городских властей увековечить его имя в урбанонимах, выяснить не удалось.

Похоронен он был, наверняка, на старом городском кладбище в семейном склепе Новиковых, о котором мы упоминали выше [ПЛКЕГ, 1901, № 18, 6 мая]. К началу 1920-х гг. число коренных жителей в Керчи значительно сократилось. Многие погибли во время Первой Мировой и Гражданской войн, другие умерли от «испанки» и других эпидемий периода послевоенного лихолетья и голода 1921–1923 гг., или эмигрировали, поэтому преемственность поколений большинства зажиточных и богатых семей в городе была утрачена. Пришло в запустение и старое кладбище, па-

⁴² При этом нам пока не удалось найти документальных свидетельств награждения А. В. Новикова орденами, медалями и знаками отличия за безупречную службу.

⁴³ За предоставленные сведения авторы приносят глубокую благодарность члену Керченского отделения Российского общества историков и архивистов А. В. Носкову.

мятники и склепы которого стали разрушаться. В 1926 г. оно было внесено в список археологических, архитектурных и музейных памятников, находящихся в введении КрымОХРИСА и «Главнауки» [Охрана..., 2008, с. 64, № 32]. Однако под охрану его так и не взяли и к 1929–1930 гг. оно уже выглядело заброшенным и представляло собой «обширный бугристый пустырь..., усеянный полуразрушенными могильными памятниками». Тогда же оно стало рассматриваться как «неприкосновенное» место, представляющее «несомненно большую ценность для будущих раскопок», хотя, за исключением небольших шурфовочных работ, проведенных в 1920-е гг. и в начале нынешнего столетия, территория кладбища так и осталась неисследованной археологами [Гайдукевич, 1934, с. 77–78]. Свою лепту в его дальнейшее разрушение внесла война, а в 1960-е гг. были демонтированы практически все уцелевшие памятники. Представление, о том, как оно выглядело, дают рисунок 1870 г. Ф. И. Гросса [Пономарев, 2023, с. 321, рис. 2, 2], несколько фотографий 1918 г. и военного периода (рис. 22, 1–2) [Пономарев, 2023, с. 321, рис. 2, 1], а также краткое описание кладбища Х. Х. Зенкевича на 1893 г. [Зенкевич, 1894, с. 51]. К сожалению, попавшие на фотографии памятники анонимны, не знаем мы где находился и как выглядел и семейный склеп Новиковых. Память об Александре Васильевиче сохранилась, во многом, благодаря его уникальной коллекции, уцелевшая часть которой находится ныне на хранении в Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, Государственном историческом музее, а также в музеях Керчи, Одессы, Симферополя, Ставрополя и Оксфорда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- А. Л. [Люценко А.Е.] Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1869. Т. II. Вып. 1. С. 54–55.
- Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1869 год. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1869. Ч. II. 618 стлб.
- Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1887 год. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. Ч. II. 416 стлб.
- Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1888 год. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. Ч. II. 414 стлб.
- Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1889 год. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. Ч. II. 414 стлб.
- Адрес-календарь* служащим в Таврической губернии. На 1904 год. Издание Таврического губернского правления. Симферополь: Б/и, 1904. 248 с.
- Адрес-календарь* служащим в Таврической губернии. На 1905 год. Издание Таврического губернского правления. Симферополь: Б/и, 1905. 250 с.
- Адресная книга* фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Издание

- второе (1907/8 г.) исправленное и значительно дополненное / под ред. А.В. Погожева. СПб.: Типография К. А. Четверикова, 1907. 1092 с.
- Алексеев В. Студенческий кружок Аргиропуло и Зайчневского // Голос минувшего. Петроград, 1922. № 1. Июнь. С. 102–128.
- Андрусов Н.И. Воспоминания, 1871–1890. Париж: Impr. d'Art Voltaire, 1925. 198 с.
- Археологическая хроника // Древности. Труды Императорского Русского археологического общества. М., 1901. Т. XIX. Вып. I. С. 1–18.
- Археологические находки г. Кибальчича в Керчи // Всемирная иллюстрация. СПб., 1874. Т. XI. № 22. 25 мая. С. 346–347, 356.
- Ашик А.Б. Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Типография Т. Неймана и К^о, 1849. Ч. III. 96 с.
- Благотворительные учреждения России. СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1912. 248 с.
- Боровкова В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: б/и, 1999. 160с. (Древности Керчи).
- Быковская Н.В. К вопросу о частных коллекциях как источнике формирования музейных собраний (На примере коллекции А. В. Новикова) // ТГЭ. СПб., 2017. Вып. LXXXVIII: Перипл: От Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. С. 339–357.
- Виноградов Ю.А. Этюд к истории Керченского музея на грани эпох (1918–1921) // Боспорские исследования. Керчь, 2021. Вып. XLIII. С. 277–305.
- Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. М.-Л.: ОГИЗ, 1934. 116 с. (ИГАИМК; вып. 80).
- Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. СПб.: Товарищество А. С. Суворина «Новое время», 1913. Ч. 1. 528 с.
- Говоров Д.[Г.] Празднование 100-летнего юбилея соборного храма Успения Пресвятой Богородицы в г. Ени-Кале 15 и 16 августа 1897 года // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1897. № 36. С. 998–1001.
- Государственная дума в портретах. 27/IV-1906-8/VII. М.: Издание К. А. Фишер, 1906. 60 с.
- Двадцатипятилетие Керченской городской общественной женской гимназии // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1898. № 38. 20 сентября. С. 2.
- Две античные камеи с портретами босфорских царей // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим институтом. М.: 1968. Т. I: Год 1867–68. С. 43–44.
- Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова; под ред. Ф. Кона, А. А. Шилова, Б. П. Козьмина, В.И. Невского. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. Т. I: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы. 496 стлб.
- За сто лет: (1800–1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России / Сост. В. Бурцев, под ред. С.М. Кравчинского (Степняка). London: Russian free press fund, 1897. Ч. 2. 163 с.
- Зверев С.В. М. Ф. Сазонов – подделыватель античных монет в Керчи в 60 – 70-е гг. XIX в. // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизм

- матический Симпозиум. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 99–106.
- Зенкевич Х.Х.* Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К^о (бывш. Холева), 1894. 162 с.
- Избаши-Гоцкан Т.А.* К вопросу о судьбе коллекции И. А. Терлецкого // Стародавние Причорномор'я. Одеса, 2016. Вип. XI. С. 216–219.
- Императорская* Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин; под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Императорская* археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Коллективная монография в 2-х томах / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е издание, перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 с.
- К 10-ти летию* 1-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г. Сборник статей перводумцев. Петроград: Изд-во «Огни», 1916. 231 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1896 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1896. 200 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1897 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1897. 206 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1899 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1899. 244 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1900 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1900. 223 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1901 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1901. 223 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1902 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1902. 184 с.
- КБН* – Корпус Боспорских надписей / под ред. В.В. Струве и др. М.–Л.: Наука, 1965. 950 с.
- Кибальчич Т.В.* Древности. Указатель к археологическим находкам 1875–76 года. Киев: Университетская типография, 1876. 45 с.
- [Кибальчич Т.В.]* Каталог гемм (драгоценных резных камней), собранных преимущественно в Южной России Т.В. Кибальчицем. Киев: Типография И. Крыжановского и В. Авдюшенко, 1896а. 32 с.
- Кибальчич Т.В.* Древние драгоценные амулеты, найденные в Южной России, и геммы нового времени (с XV по наст. вр.). Киев: Типография И. Крыжановского и В. Авдюшенко, 1896б. 20 с.
- Кибальчич Т.В.* Южно-русские геммы. Неизданные материалы для истории гравировального искус-

- ства древних народов, живших в Южной России. Берлин: Издание Н. Будковской, 1910. 67 с.
- Кларк М.Е.-Д.* Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III / Отв. ред. Н.Ф. Федосеев. С. 11–38.
- Лавров В.В., Бобков В.В.* Боспорский университет (1917–1920 гг.): к истории становления высшего образования в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. История. 2005. Т. 18 (57). № 1 (спец. вып.): История. Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий. Вопросы истории крымоведения и охраны памятников: сборник научных трудов в честь 150-летия со дня рождения Арсения Ивановича Маркевича. С. 106–118.
- Лемке М.[К.]* Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Издание 2-е. Москва-Петроград: Государственное изд-во, 1923. 684 с.
- [Люценко Е.Е.]* Заметка из Керчи // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1873. Т. III. С. 190–202.
- [Малаховский Г.В.]* Биографии г.г. членов Государственной думы. СПб.: «Товарищество художественной печати», 1906. 104 с.
- Манаев А.Ю., Пономарев Л.Ю.* Древности Керчи и Керченского полуострова как одно из направлений деятельности Таврической ученой архивной комиссии (по материалам протоколов заседаний и публикаций в «Известиях» ТУАК) // Боспорские исследования. Керчь, 2024. Вып. XLVIII. С. 294–361.
- Медведева М.В.* Светопись боспорской археологии в XIX – начале XX вв. (к истории формирования фотоколлекций по изучению античной живописи на юге России в собрании научного архива ИИМК РАН) // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб.: ИИМК РАН; «Лема», 2017. 246 с. (Труды ИИМК РАН; Т. LI). С. 56–65.
- Москвич А.* Практический путеводитель по Крыму. Ялта: Типография Н. Р. Петрова, 1889. 280 с.
- Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 5-е. Одесса: Центральная типография, 1896. 500 с.
- Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 13-е. Одесса: Типография Л. Нитче, 1904. 414 с.
- Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 17-е М.А.Москвич. Одесса: Типография Э. Шмида, бывш. Шульце, 1908. 304 с.
- Небожаева Н.В.* «Святое дело помощи ближнему»: Богадельня имени купца А. А. Золотарева в Керчи (1893–1919) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 307–331.
- Небожаева Н.В.* Успенский храм в поселке Старый карантин // Керченская старина / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015а. Вып. I. С. 234–238.
- Небожаева Н.В.* Керченская набережная сто лет тому назад // Керченская старина / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015б. Вып. I. С. 248–252.
- Небожаева Н.В., Санжаровец В.Ф.* Горный инженер С. В. Гурьев: жизнь во благо // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2016. Вып. V. С. 378–413.

- Непомнящий А. А.* «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К.Э.Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 3 (69). № 2. С.111–122.
- Непомнящий А.А.* Боспорский университет «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 391–404.
- Новооткрытые черноморские древности* // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим институтом. М.: 1968. Т. I: Год 1867–68. С. 93–94.
- Новороссийский календарь на 1855 год*, от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1854. 435 с.
- Новороссийский календарь на 1856 високосный год*, от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1855. 410 с.
- Новороссийский календарь на 1863 год*, от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1862. 396 с.
- Новороссийский календарь на 1872 високосный год*. Издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса: Типография П. Францова, 1871.
- Новороссийский календарь на 1891 г.* Издаваемый Одесским городским общественным управлением / под ред. А. С. Бориневича. Одесса: Типография В. В. Кирхнера, 1892. 211 с.
- Новороссийский календарь на 1893 г.* Издаваемый Одесским городским общественным управлением при городской публичной библиотеке. Одесса: Экономическая типография, 1892.
- О минувшем*. Исторический сборник. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1909. 480 с.
- Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники: воспоминания 1869–1920. М.: Куликово поле, 2017. Т. 1. Электронный доступ: <https://knigogid.ru/books/508053-moya-zhizn-i-moi-sovremenniki-vospominaniya-1869-1920-v-2-t/toread/page-179>.
- Отчет* Одесского общества истории и древностей. С 14 ноября 1842 по 14 ноября 1843 года. Одесса: Городская типография, 1843. 23 с.
- Охрана и изучение памятников истории и культуры Крымской АССР*. Исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 240 с. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 11).
- Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1900 год*. Издание Керченского Статистического комитета. Керчь: Типография Х. Н. Лаго, 1899. 82 с.
- Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства*. Издание Керченского Статистического комитета. Керчь: Типография Х. Н. Лаго, 1914. 128 с.; приложения.
- Панкратова Е.Г.* История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.: Изд-во ООО «Соло-Рич», 2018. (Боспорские исследования. Supplementum 18). 160 с.
- Первая Государственная Дума*: Алфавитный список и подробные биографии, и характеристики членов Государственной Думы. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1906. 158 с.
- Пономарев Л.Ю.* Забытое православное кладбище последней четверти XVIII(?) – первой трети XIX вв. на горе Митридат в Керчи // История и археология Крыма. Симферополь, 2023. Вып. XVIII. С. 298–342.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 12

- февраля и очередной сессии с 23 по 27 октября 1892 года. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1893. 406 с.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания 28-й очередной сессии с 20 по 24 сентября 1893 г. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1894. 404 с.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXIX очередной сессии с 21 по 25 сентября 1894 г. С приложениями. Типография И. М. Косенко, 1895. 394 с.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXI очередной сессии с 16 по 21 сентября 1896 г. С приложениями. Типография И. М. Косенко, 1897. 371 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXII очередной сессии с 3-го по 7-е октября 1897 года. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1898. 535 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXIII очередной сессии с 22 по 26 октября 1898 года. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1899. 180 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXV очередной сессии с 23 по 27 сентября 1900 года. С приложениями. Типография И. М. Косенко, 1901. 187 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии с 22 по 27 сентября 1901 года. С приложениями. Типография И. М. Косенко, 1897. 182 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии с 24 по 28 сентября 1902 года. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1903. 202 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания XXIX очередной сессии с 16-го по 21-е сентября 1904 года. С приложениями. Феодосия: Типография И. М. Косенко, 1905. 435 с.; приложения.
- Постановления* Феодосийского уездного земского собрания 47-й очередной сессии с 19-го по 22-е октября 1912 года. С приложениями. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1913. 173 с.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 4 февраля 1916 г. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 226–229.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 13 октября 1916 г. // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56. С. 276–281.
- Протоколы* Феодосийского уездного земского собрания за 1882 и 1883 годы. С приложением отчетов: Управы и медицинских врачебных участков. Феодосия: Типография Ф. И. Де-Лобель (бывш. Земства), 1885. 184 с.; приложения.
- Протоколы* Феодосийского уездного земского собрания XX созыва 1885 г. С приложением докладов и отчетов Управы, Уездного училищного совета и медицинских врачебных участков. Феодосия. Типография Ф. И. Де-Лобель (бывш. Земства), 1886. 412 с.
- Протоколы* Феодосийского очередного XXI уездного земского собрания созыва 1886 года. С приложением докладов и отчетов Управы и медицинских врачебных участков. Феодосия. Типография И. М. Косенко (бывш. Де-Лобель), 1887. 392 с.
- Протоколы* Феодосийского уездного XXII очередного земского собрания созыва 1887 года. С приложением докладов и отчетов Управы, Уездного училищного совета и медицинских

- врачебных участков. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1888. 83 с.; приложения.
- Протоколы* Феодосийского уездного XXVI-го очередного земского собрания созыва 1891 года. С приложением докладов и отчетов Управы, Уездного училищного совета и медицинских врачебных участков. Феодосия. Типография И. М. Косенко, 1892. 484 с.
- Пузанов И.И.* По нехоженому Крыму. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1960. 286 с.
- Ремезов М.Н.* По своим краям // Русская мысль. М., 1892. Кн. VIII. Август. С. 100–114.
- Розанов В.В.* Ялтинская история // Новое Время. 1906. 13 марта. № 10774.
- Санжаровец В.Ф.* Инженер-металлург из семейства Глазуновых // Вестник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Симферополь-Керчь, 2018. Вып. 1. С.140–144.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. М.-Л., 1959. № 69: Некрополи боспорских городов. С. 5–107.
- Список фабрик и заводов России. 1910 г.: по официальным данным фабричного податного и горного надзора / Сост. редакцией «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов». Москва-Санкт-Петербург-Варшава: Торговый дом Л. и Э. Метуль и К° «Центральная контора объявлений», 1910. 1034 с.*
- Список членов Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы на 1 января 1914 года // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Петроград, 1915. Т. IV (1914). С. XVII–XL.*
- Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1805. Ч. II. 244 с.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1888. № 22. 15 ноября. С. 1018–1065.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1893. № 11. 1 июня. С. 495–537.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1900. № 1. 1 января. С. 1–80.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1902. № 23. 1 декабря. С. 1357–1428.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1907а. № 8. 10 марта. С. 213–227.
- Таврические* епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1907б. № 10. 1 апреля. С. 243–258.
- Таврический* церковно-общественный вестник. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1907. № 24. 20 августа. С. 1013–1058.
- Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов / под ред. А.А. Блау. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. 2702 стлб.*
- Тункина И.В.* «Отец Боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. 1. С. 13–101.
- Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1897. 1047 с.*
- Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Издание 2-е / Ред. Ф.А. Шобер. Петроград: Типография Товарищества под фирмой «Электро-Типография Н. Я. Стойковой», 1914.*

- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.
- Федотов П.М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913). Историческая записка. Керчь: Типография Х. Н. Лаго, 1914. 117 с.
- Ховен А.И. фон-дер. Несколько дней в Керчи. Из путевых записок (1868 г.) // Русский вестник. М., 1871. Т. 94. № 7. С. 273–292.
- Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1896. Вып. 1. 223 с.
- Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. М.: Типография Л. В. Пожидаевой, 1910. 313 с.
- Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. I. Способ подделки древних боспорских монет М. Сазоновым, рассказанный им самим. II. Ашик и Карейша // ИТУАК. Симферополь, 1907. № 40. С. 61–73.
- Яциуржинский Х.П. Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1891. № 14. С. 98–101.

REFERENCES

- A. L. [Liutsenko A.E.] Raskopki v kurganakh, nakhodiashchikhsia na predpolagaemoi mestnosti drevnei Nimfei. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Moskva, 1869, vol. II, Vyp. 1, pp. 54–55.
- Adres-kalendar'. Obshchaia rospis' nachal'stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi imperii na 1869 god*. Sankt-Peterburg: Pravitel'stvuiushchego Senata Publ., 1869, vol. II, 618 p.
- Adres-kalendar'. Obshchaia rospis' nachal'stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi imperii na 1887 god*. Sankt-Peterburg: Pravitel'stvuiushchego Senata Publ., 1887, vol. II, 416 p.
- Adres-kalendar'. Obshchaia rospis' nachal'stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi imperii na 1888 god*. Sankt-Peterburg: Pravitel'stvuiushchego Senata Publ., 1887, vol. II, 414 p.
- Adres-kalendar'. Obshchaia rospis' nachal'stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi imperii na 1889 god*. Sankt-Peterburg: Pravitel'stvuiushchego Senata Publ., 1887, vol. II, 414 p.
- Adres-kalendar' sluzhashchim v Tavricheskoi gubernii. Na 1904 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo pravleniia*. Simferopol': B/i, 1904, 248 p.
- Adres-kalendar' sluzhashchim v Tavricheskoi gubernii. Na 1905 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo pravleniia*. Simferopol': B/i, 1905, 250 p.
- Pogozhev A.V. (Ed.). *Adresnaia kniga fabrichno-zavodskoi i remeslennoi promyshlennosti vsei Rossii. Izdanie vtoroe (1907/8 g.) ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe*. Sankt-Peterburg: K. A. Chetverikova Publ., 1907, 1092 p.
- Alekseev V. Studencheskii kruzhek Argiropulo i Zaichnevskogo. *Golos minuvshogo*. Petrograd, 1922, № 1, Iiun', pp. 102–128.
- Andrusov N.I. *Vospominaniia, 1871–1890*. Parizh: Impr. d'Art Voltaire, 1925, 198 p.
- Arkheologicheskaiia khronika. Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Moskva, 1901, vol. XIX, Vyp. I, pp. 1–18.

- Arkheologicheskie nakhodki g. Kibal'chicha v Kerchi. *Vsemirnaia illiustratsiia*. Sankt-Peterburg, 1874, vol. XI, № 22, 25 maia, pp. 346–347, 356.
- Ashik A.B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami*. Odessa: T. Neimana i K° Publ., 1849, vol. III, 96 p.
- Blagotvoritel'nye uchrezhdeniia Rossii*. Sankt-Peterburg: Imperatorskogo uchilishcha glukhonemykh Publ., 1912, 248 p.
- Borovkova V.N. *Kollektsionery i trgovtsy kerchenskimi drevnostiami*. Kerch': b/i, 1999, 160 p. (Drevnosti Kerchi).
- Bykovskaia N.V. K voprosu o chastnykh kollektsiakh kak istochnike formirovaniia muzeinykh sobranii (Na primere kollektsii A. V. Novikova). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Sankt-Peterburg, 2017, vol. LXXXVIII: Peripl: Ot Borisfena do Bospora. Materialy iubileinykh konferentsii, pp. 339–357.
- Vinogradov Iu.A. Etiud k istorii Kerchenskogo muzeia na grani epokh (1918–1921). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2021, vol. XLIII, pp. 277–305.
- Gaidukevich V.F. *Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929–1931 gg.* Moskva-Leningrad: OGIZ Publ., 1934, 116 p. (Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury, vol. 80).
- Glinskii B.B. *Revoliutsionnyi period russkoi istorii (1861–1881 gg.)*. *Istoricheskie ocherki*. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo A. S. Suvorina «Novoe vremia» Publ., 1913, vol. 1, 528 p.
- Govorov D.[G.] Prazdnovanie 100-letnego iubileia sobornogo khrama Uspeniia Presviatoi Bogoroditsy v g. Eni-Kale 15 i 16 avgusta 1897 goda. *Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1897, № 36, pp. 998–1001.
- Gosudarstvennaia duma v portretakh. 27/IV-1906-8/VII*. Moskva: Izdanie K. A. Fisher Publ., 1906, 60 p.
- Dvadsatipiatiletie Kerchenskoi gorodskoi obshchestvennoi zhenskoi gimnazii. *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1898, № 38, 20 sentiabria, p. 2.
- Dve antichnye kamei s portretami bosforskikh tsarei. *Drevnosti. Arkheologicheskii vestnik, izdavaemyi Moskovskim arkheologicheskim institutom*. Moskva: 1968, vol. I: God 1867–68, pp. 43–44.
- Kon F., Shilov A.A., Koz'min B.P., Nevskii V.I. (Edd.). *Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii. Bio-bibliograficheskii slovar'. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniia tsarizma*. Moskva: Vsesoiuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'noposelentsev Publ., 1928, vol. I: Ot predshestvennikov dekabristov do kontsa «Narodnoi voli», Ch. 2: Shestidesiatye gody, 496 p.
- Kravchinskii (Stepniak) S.M. (Ed.). *Za sto let: (1800–1896). Sbornik po istorii politicheskikh i obshchestvennykh dvizhenii v Rossii*. London: Russian free press fund Publ., 1897, vol. 2, 163 p.
- Zverev S.V. M. F. Sazonov – poddelyvatel' antichnykh monet v Kerchi v 60 – 70-e gg. XIX v. Alekseenko N.A. (Ed.). *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IX Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium. Materialy nauchnoi konferentsii*. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2022, pp. 99–106.
- Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatel'ia i statisticheskikh svedenii i s risunkami*. Kerch': Skoropechatnaia tipo-litografiia Kh. N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894, 162 p.
- Izbash-Gotskan T.A. K voprosu o sud'be kollektsii I. A. Terletskogo. *Starodavne Prichornomor'ia*. Odesa, 2016, vol. XI, pp. 216–219.

- Nosov E.N. (Ed.). *Imperatorskaia Arkheologicheskaiia komissiia (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledii*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ. 2009, 1192 p.
- Musin A.E., Medvedeva M.V. (Edd.). *Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkheologii ot osnovaniia do reformy. 2-e izdanie, pererab. i dop.* Sankt-Peterburg: IIMK RAN Publ., 2019, vol. 1, 888 p.
- K 10-ti letiiu 1-oi Gosudarstvennoi dумы. 27 apreliia 1906 g. – 27 apreliia 1916 g. *Sbornik statei pervodumtsev*. Petrograd: Izd-vo «Ogni» Publ., 1916, 231 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1896 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1896, 200 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1897 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1897, 206 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1899 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1899, 244 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1900 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1900, 223 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1901 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1901, 223 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1902 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1902, 184 p.
- KBN – Struve V.V. i dr. (Edd.). *Korpus Bosporskikh nadpisei*. Moskva-Leningrad: Nauka Publ., 1965. 950 p.
- Kibal'chich T.V. *Drevnosti. Ukazatel' k arkheologicheskim nakhodkam 1875–76 goda*. Kiev: Universitetskaia Publ., 1876, 45 p.
- [Kibal'chich T.V.] *Katalog gemm (dragotsennykh reznym kamnei), sobrannykh preimushchestvenno v Iuzhnoi Rossii T.V. Kibal'chichem*. Kiev: I. Kryzhanovskogo i V. Avdiushenko Publ., 1896a, 32 p.
- Kibal'chich T.V. *Drevnie dragotsennye amulety, naidennye v Iuzhnoi Rossii, i gemmy novogo vremeni (s XV po nast. vr.)*. Kiev: I. Kryzhanovskogo i V. Avdiushenko Publ., 1896b, 20 p.
- Kibal'chich T.V. *Iuzhno-russkie gemmy. Neizdannye materialy dlia istorii graviroval'nogo iskusstva drevnikh narodov, zhivshikh v Iuzhnoi Rossii*. Berlin: Izdanie N. Budkovskoi Publ., 1910, 67 p.
- Klark M.E.–D. *Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmeriiskogo do Kaffy. Fedoseev N.F. (Ed.). Arkheologiia i istoriia Bospora*. Kerch', 1999, vol. III, pp. 11–38.
- Lavrov V.V., Bobkov V.V. *Bosporskii universitet (1917–1920 gg.): k istorii stanovleniia vysshego obrazovaniia v Krymu. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo, Istoriia*, 2005, vol. 18 (57), № 1 (spets. vyp.): Istoriia. Istoricheskoe kraevedenie Kryma na rubezhe stoletii. Voprosy istorii krymovedeniia i okhrany pamiatnikov: sbornik nauchnykh trudov v chest' 150-letiiu so dnia rozhdeniia Arseniia Ivanovicha Markevicha, pp. 106–118.

- Lemke M.[K.] *Politicheskie protsessy v Rossii 1860-kh gg. (po arkhivnym dokumentam)*. Izdanie 2-e. Moskva-Petrograd: Gosudarstvennoe izd-vo Publ., 1923, 684 p.
- [Liutsenko E.E.] *Zametka iz Kerchi. Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Moskva, 1873, vol. III, pp. 190–202.
- [Malakhovskii G.V.] *Biografii g.g. chlenov Gosudarstvennoi dumy*. Sankt-Peterburg: «Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati» Publ., 1906, 104 p.
- Manaev A.Iu., Ponomarev L.Iu. Drevnosti Kerchi i Kerchenskogo poluoostrova kak odno iz napravlenii deiatel'nosti Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (po materialam protokolov zasedanii i publikatsii v «Izvestiakh» TUAK). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2024, vol. XLVIII, pp. 294–361.
- Medvedeva M.V. Svetopis' bosporskoii arkheologii v XIX – nachale XX vv. (k istorii formirovaniia fotokollektsii po izucheniiu antichnoi zhivopisi na iuge Rossii v sobranii nauchnogo arkhiva IIMK RAN). *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' Bospora Kimmeriiskogo: ot graficheskoi fiksatsii k fotografii*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN; «Lema» Publ., 2017, 246 p. (Trudy IIMK RAN; vol. LI), pp. 56–65.
- Moskvich A. *Prakticheskii putevoditel' po Krymu*. Ialta: N. R. Petrova Publ., 1889, 280 p.
- Moskvich G.G. Illiustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Krymu. Izdanie 5-e. Odessa: Tsentral'naia Publ., 1896, 500 p.
- Moskvich G.G. Illiustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Krymu. Izdanie 13-e. Odessa: L. Nitche Publ., 1904, 414 p.
- Moskvich G.G. Illiustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Krymu. Izdanie 17-e M.A. Moskvich. Odessa: E. Shmida, byvsh. Shul'tse Publ., 1908, 304 p.
- Nebozhaeva N.V. «Sviate delo pomoshchi blizhnemu»: Bogadel'nia imeni kuptsa A.A.Zolotareva v Kerchi (1893–1919). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol.IV, pp. 307–331.
- Nebozhaeva N.V. Uspenskii khram v poselke Staryi karantin. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva, N.V., Sanzharovets V.F. (Edd.). Kerchenskaia starina*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015a, vol.I, pp. 234–238.
- Nebozhaeva N.V. Kerchenskaia naberezhnaia sto let tomu nazad. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva, N.V., Sanzharovets V.F. (Edd.). Kerchenskaia starina*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015b, vol. I, pp. 248–252.
- Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. Gornyi inzhener S. V. Gur'ev: zhizn' vo blago. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika*. Simferopol', 2016, vol. V, pp. 378–413.
- Nepomniashchii A. A. «Ja sobiraius' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»*, 2017, vol. 3 (69), № 2, pp. 111–122.
- Nepomniashchii A.A. Bosporskii universitet «Neobkhodimost' sozdaniia takogo tsentra iavliaetsia seichas nasushchnoi potrebnost'iu». *Dialog so vremenem*. 2020, № 72, pp. 391–404.
- Novootkrytye chernomorskie drevnosti. *Drevnosti. Arkheologicheskii vestnik, izdavaemyi Moskovskim arkheologicheskim institutom*. Moskva: 1968, vol. I: God 1867–68, pp. 93–94.
- Novorossiiskii kalendar' na 1855 god, ot Rishel'evskogo litseia*. Odessa: Gorodskaiia Publ., 1854, 435 p.
- Novorossiiskii kalendar' na 1856 visokosnyi god, ot Rishel'evskogo litseia*. Odessa: Gorodskaiia Publ., 1855, 410 p.
- Novorossiiskii kalendar' na 1863 god, ot Rishel'evskogo litseia*. Odessa: Gorodskaiia Publ., 1862, 396 p.

- Novorossiiskii kalendar' na 1872 visokosnyi god. Izdavaemyi ot kantseliarii Novorossiiskogo i Bessarabskogo general-gubernatora.* Odessa: P. Frantsova Publ., 1871.
- Novorossiiskii kalendar' na 1891 g. Izdavaemyi Odesskim gorodskim obshchestvennym upravleniem.* Odessa: V. V. Kirkhnera Publ., 1892, 211 p.
- Novorossiiskii kalendar' na 1893 g. Izdavaemyi Odesskim gorodskim obshchestvennym upravleniem pri gorodskoi publichnoi biblioteke.* Odessa: Ekonomicheskaiia Publ., 1892.
- O minuvshem. Istoricheskii sbornik.* Sankt-Peterburg: B. M. Vol'fa Publ., 1909, 480 p.
- Obolenskii V.A. *Moia zhizn' i moi sovremenniki: vospominaniia 1869–1920.* Moskva: Kulikovo pole, 2017, vol. 1. Elektronnyi dostup: <https://knigogid.ru/books/508053-moya-zhizn-i-moi-sovremenniki-vospominaniya-1869-1920-v-2-t/toread/page-179>.
- Otchet Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. S 14 noiabria 1842 po 14 noiabria 1843 goda.* Odessa: Gorodskaiia Publ., 1843, 23 p.
- Nepomniashchii A.A. (Ed.). Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury Krymskoi ASSR. Issledovaniia i dokumenty.* Simferopol': OAO «Simferopol'skaia gorodskaiia tipografiia» Publ., 2008, 240 p. (Biobibliografiia krymovedeniia, vol. 11).
- Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva na 1900 god. Izdanie Kerchenskogo Statisticheskogo komiteta.* Kerch': Kh. N. Lago Publ., 1899, 82 p.
- Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. Izdanie Kerchenskogo Statisticheskogo komiteta.* Kerch': Kh. N. Lago Publ., 1914, 128 p.; prilozheniia.
- Pankratova E.G. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia antichnykh pamiatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktiabr'skoi revoliutsii do Velikoi Otechestvennoi voiny (1917–1941 gg.).* Sankt-Peterburg: Izd-vo OOO «Solo-Rich» Publ., 2018 (*Bosporskie issledovaniia. Supplementum* 18), 160 p.
- Pervaia Gosudarstvennaia Duma: Alfavitnyi spisok i podrobnnye biografii, i kharakteristiki chlenov Gosudarstvennoi Dumy.* Moskva: Tovarishestva I. D. Sytina Publ., 1906, 158 p.
- Ponomarev L.Iu. Zabytoe pravoslavnoe kladbishche poslednei chetverti XVIII(?) – pervoi treti XIX vv. na gore Mitridat v Kerchi. *Istoriia i arkheologiia Kryma.* Simferopol', 2023, vol. XVIII, pp. 298–342.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia chrezvychainogo sozyva 12 fevralia i ocherednoi sessii s 23 po 27 oktiabria 1892 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1893, 406 p.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 28-i ocherednoi sessii s 20 po 24 sentiabria 1893 g. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1894, 404 p.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXIX ocherednoi sessii s 21 po 25 sentiabria 1894 g. S prilozheniiami.* I. M. Kosenko Publ., 1895, 394 p.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXI ocherednoi sessii s 16 po 21 sentiabria 1896 g. S prilozheniiami.* I. M. Kosenko Publ., 1897, 371 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXII ocherednoi sessii s 3-go po 7-e oktiabria 1897 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1898, 535 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXIII ocherednoi sessii s 22 po 26 oktiabria 1898 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1899, 180 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXV ocherednoi sessii s 23 po 27 sentiabria 1900 goda. S prilozheniiami.* I. M. Kosenko Publ., 1901, 187 p.; prilozheniia.

- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXVI ocherednoi sessii s 22 po 27 sentiabria 1901 goda. S prilozheniiami.* I. M. Kosenko Publ., 1897, 182 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXXVII ocherednoi sessii s 24 po 28 sentiabria 1902 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1903, 202 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XXIX ocherednoi sessii s 16-go po 21-e sentiabria 1904 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia: I. M. Kosenko Publ., 1905, 435 p.; prilozheniia.
- Postanovleniia Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 47-i ocherednoi sessii s 19-go po 22-e oktiabria 1912 goda. S prilozheniiami.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1913, 173 p.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 4 fevralia 1916 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1916, vol. 53, pp. 226–229.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 13 oktiabria 1916 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1919, vol. 56, pp. 276–281.
- Protokoly Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia za 1882 i 1883 gody. S prilozheniem otchetov: Upravy i meditsinskikh vrachebnykh uchastkov.* Feodosiia: F. I. De-Lobel' (byvsh. Zemstva) Publ., 1885, 184 p.; prilozheniia.
- Protokoly Feodosiiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia XKh sozyva 1885 g. S prilozheniem dokladov i otchetov Upravy, Uezdnogo uchilishchnogo soveta i meditsinskikh vrachebnykh uchastkov.* Feodosiia. F. I. De-Lobel' (byvsh. Zemstva) Publ., 1886, 412 p.
- Protokoly Feodosiiskogo ocherednogo XXI uezdnogo zemskogo sobraniia sozyva 1886 goda. S prilozheniem dokladov i otchetov Upravy i meditsinskikh vrachebnykh uchastkov.* Feodosiia. I. M. Kosenko (byvsh. De-Lobel') Publ., 1887, 392 p.
- Protokoly Feodosiiskogo uezdnogo XXII ocherednogo zemskogo sobraniia sozyva 1887 goda. S prilozheniem dokladov i otchetov Upravy, Uezdnogo uchilishchnogo soveta i meditsinskikh vrachebnykh uchastkov.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1888, 83 p.; prilozheniia.
- Protokoly Feodosiiskogo uezdnogo XXVI-go ocherednogo zemskogo sobraniia sozyva 1891 goda. S prilozheniem dokladov i otchetov Upravy, Uezdnogo uchilishchnogo soveta i meditsinskikh vrachebnykh uchastkov.* Feodosiia. I. M. Kosenko Publ., 1892, 484 p.
- Puzanov I.I. *Po nekhozhenomu Krymu.* Moskva: Gos. izd-vo geograficheskoi literatury Publ., 1960, 286 p.
- Remezov M.N. Po svoim kraiam. *Russkaia mysl'.* Moskva, 1892, vol. VIII, Avgust, pp. 100–114.
- Rozanov V.V. Ialtinskaia istoriia. *Novoe Vremia*, 1906, 13 marta, № 10774.
- Sanzharovets V.F. Inzhener-metallurg iz semeistva Glazunovykh. *Vestnik Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika.* Simferopol'-Kerch', 2018, vol. 1, pp. 140–144.
- Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva-Leningrad, 1959, vol. 69: Nekropoli bosporskikh gorodov, pp. 5–107.
- Spisok fabrik i zavodov Rossii. 1910 g.: po ofitsial'nym dannym fabrichnogo podatnogo i gornogo nadzora. Sost. redaktsiei «Torgovo-promyshlennoi gazety» i «Vestnika finansov».* Moskva-Sankt-Peterburg-Varshava: Torgovyi dom L. i E. Metul' i K° «Tsentral'naia kontora ob»iavlennii» Publ., 1910, 1034 p.
- Spisok chlenov Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody na 1 ianvaria 1914 goda. Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody.* Petrograd, 1915, vol. IV (1914), pp. XVII–XL.
- Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe putesthestvie v Tavridu.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Publ., 1805, vol. II, 244 p.

- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1888, vol. 22, 15 noiabria, pp. 1018–1065.
- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1893, vol. 11, 1 iunia, pp. 495–537.
- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1900, vol. 1, 1 ianvaria, pp. 1–80.
- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1902, vol. 23, 1 dekabria, pp. 1357–1428.
- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1907a, vol. 8, 10 marta, pp. 213–227.
- Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1907b, vol. 10, 1 apreliia, pp. 243–258.
- Tavrisheskii tserkovno-obshchestvennyi vestnik*. Simferopol': Tavrisheskaia gubernskaia Publ., 1907, vol. 24, 20 avgusta, pp. 1013–1058.
- Blau A.A. (Ed.). *Torgovo-promyshlennaiia Rossiia. Spravochnaia kniga dlia kuptsov i fabrikantov*. Sankt-Peterburg: A. S. Suvorina Publ., 1899, 2702 p.
- Tunkina I.V. «Otets Bosporskoii arkheologii» Pol' Diubriuks. *Tunkina I.V. (Ed.). Diubriuks P. Sobranie sochinenii: v 2 t.* Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010, vol. 1, pp. 13–101.
- Fabrichno-zavodskaiia promyshlennost' Rossii. Perechen' fabrik i zavodov*. Sankt-Peterburg: I.A. Efrona Publ., 1897, 1047 h.
- Shober F.A. (Ed.). *Fabrichno-zavodskie predpriiatiia Rossiiskoi imperii (iskliuchaia Finliandiiu). Izdanie 2-e*. Petrograd: Tovarishchestva pod firmoi «Elektro-Tipografiia N. Ia. Stoikovoii» Publ., 1914.
- Fedoseev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovaniia*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2017, 320 p.
- Fedotov P.M. *Piatidesiatiletie Kerchenskoi Aleksandrovskaia gimnazii (1863–1913). Istoricheskaiia zapiska*. Kerch': Kh. N. Lago Publ., 1914, 117 p.
- Khoven A.I. fon-der. Neskol'ko dnei v Kerchi. Iz putevykh zapisok (1868 g.). *Russkii vestnik*. Moskva, 1871, vol. 94, № 7, pp. 273–292.
- Khoinovskii I.A. *Kratkie arkheologicheskie svedeniia o predkakh slavian i Rusi i opis' drevnostei, sobrannykh mnoiu, s obiasneniiami i XX tablitsami risunkov*. Kiev: Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira Publ., 1896, vol. 1, 223 p.
- Chernopiatov V.I. *Nekropol' Krymskogo poluostrova*. Moskva: L. V. PozhidaevoiPul., 1910, 313 p.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. I. Sposob poddelki drevnikh bosporskikh monet M. Sazonovym, rasskazannyi im samim. II. Ashik i Kareisha. *Izvestiia Tavrisheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1907, vol. 40, pp. 61–73.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenskie drevnosti. *Izvestiia Tavrisheskoi uchenoi arkhivnoi komissi*. Simferopol', 1891, vol. 14, pp. 98–101.

Резюме

Статья посвящена одному из наиболее крупных и известных керченских коллекционеров древностей Александру Васильевичу Новикову (1843–1916 гг.). В ней подробно рассмотрена его биография и приведены сведения о семье: жене – Марии Герасимовне и четырех детях – Александре, Василии, Евгении, Софье и родственниках со стороны жены – семье керченского купца Герасима Васильевича Куц, члены которой проживали в Керчи. В работе исполь-

зован широкий круг документальных и изобразительных источников, большая часть которых публикуется впервые. В частности, благодаря им удалось проследить весь жизненный путь А. В. Новикова и получить сведения об объектах недвижимости, которыми в Керчи и Феодосийском уезде владели он, его жена и родственники.

Ключевые слова: г. Керчь, А. В. Новиков, керченские коллекционеры древностей, торговцы древностями, семья Куц.

Summary.

The article is devoted to one of the largest and most famous Kerch collectors of antiquities, Alexander Vasilyevich Novikov (1843–1916). It examines his biography in detail and provides information about his family: his wife, Maria Gerasimovna, and four children, Alexander, Vasily, Evgenia, Sophia, and relatives on his wife's side, the family of Kerch merchant Gerasim Vasilyevich Kutz, whose members lived in Kerch. The work uses a wide range of documentary and pictorial sources, most of which are published for the first time. In particular, thanks to them, it was possible to trace the entire life path of A.V. Novikov and obtain information about real estate objects owned by him, his wife and relatives in Kerch and Feodosiysky district.

Key words: Kerch, A.V. Novikov, Kerch collectors of antiquities, dealers in antiquities, the Kutz family.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Алексей Владиславович.
научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН,
г. Симферополь
kulikov_akra@mail.ru

Пonomarev Леонид Юрьевич,
независимый исследователь,
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kulikov Alexey Vladislavovich.
Researcher
Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol
kulikov_akra@mail.ru

Leonid Yuryevich Ponomarev,
independent researcher,
l_ponomarev@mail.ru

1

2

Рис. 1. 1 – А. В. Новиков, 1860-е гг.; 2 – А. В. Новиков, 1906 г.

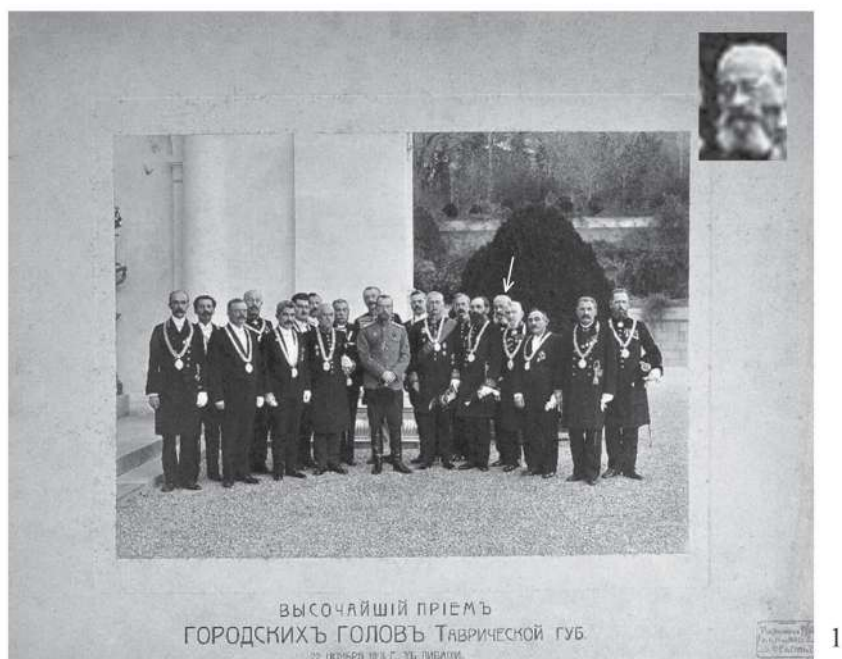

Рис. 2. 1 – Высочайший прием городских голов Таврической губернии 22 ноября 1913 г. в Ливадии (А. В. Новиков во втором ряду, крайний справа); 2 – Василий Александрович Новиков, фотография из следственного дела 1927 г. 3 – А. А. Дирин (опубл.: Благотворительные..., 1912).

1

2

3

Рис. 3. 1 – Керченский городской общественный банк в доме А. Г. Лобырева на углу Строгановской ул. и Адмиралтейского пер. (между 1905–1916 гг.); 2 – церковь Вознесения Господня в пос. Старый Карантин; 3 – церковь Успения Божией Матери в бывшем пос. Старый Карантин (бывш. церковь Вознесения Господня). Современная фотография.

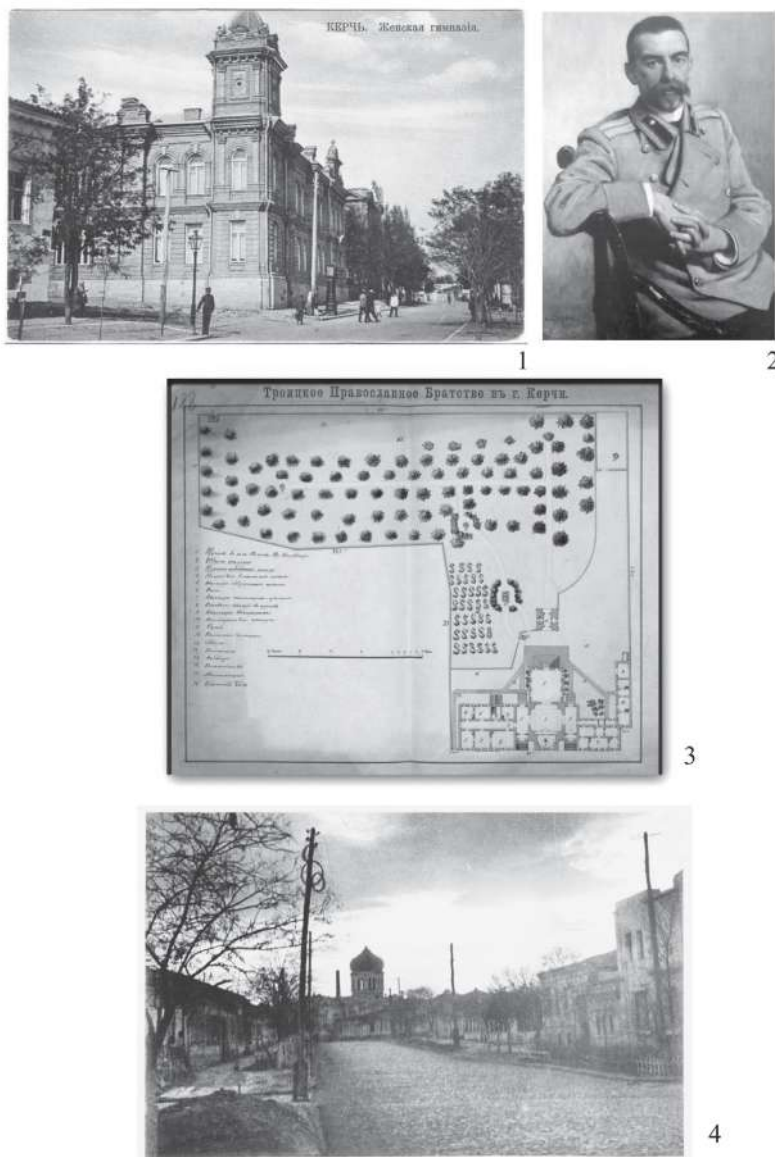

Рис. 4. 1 – здание Керченской общественной женской гимназии на Дворянской ул., между 1913–1916гг. На углу здания у дороги памятная часовня с иконой, сооруженная в 1913 г. к 300-летию Дома Романовых; 2 – С. С. Егорнов «Георгий Иванович Лагорио», 1907. Холст, масло. Новгородский музей-заповедник; 3 – план участка Троицкого православного братства по ул. Карантинная, № 79 (год неизвестен); 4 – ул. Карантинная, вид с востока на Покровскую церковь Троицкого православного братства, 1943 или 1944гг.

1

2

3

Рис. 5. 1 – богадельня им. А. А. Золотарева, начало XX в.; 2 – богадельня им. А. А. Золотарева, 1920-е гг.; 3 – богадельня им. А. А. Золотарева, вид со стороны Керченского залива, 1918 г.

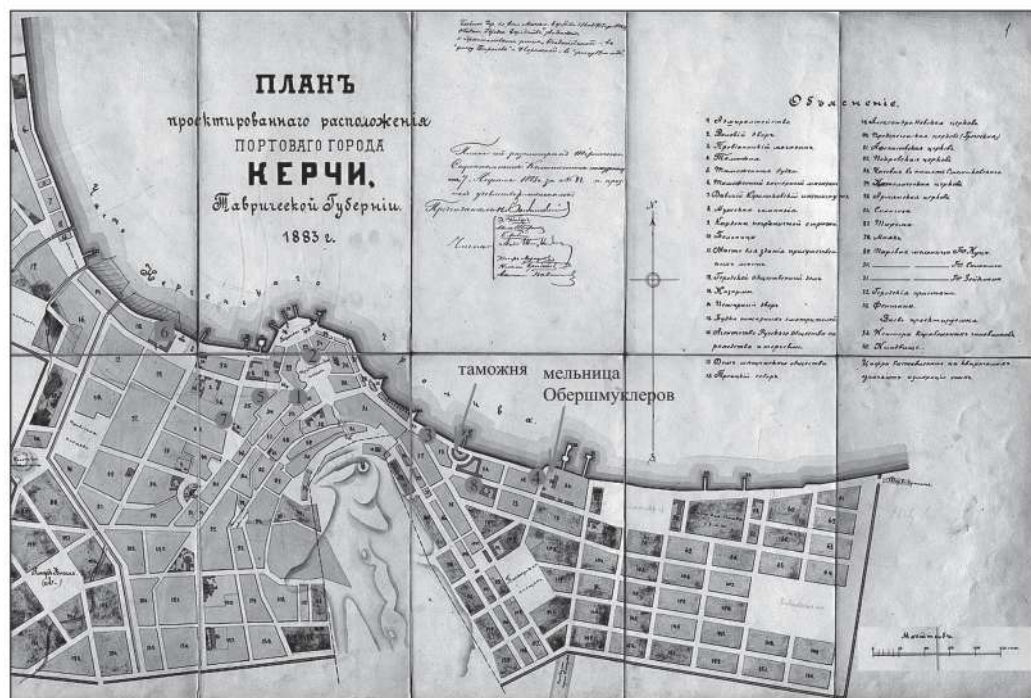

Рис. 6. План Керчи 1883 г. Недвижимые имущества семей Новиковых и Куц: 1 – А. В. Новикова, № 66 на ул. Воронцовской; 2 – М. Г. Новиковой, № 6 на Предтеченской площади; 3 – М. Г. Новиковой, № 13 на Александровской набережной; 4 – М. Г. Новиковой, № 6 на Александровской набережной; 5 – М. Г. Новиковой, № 11 в Торговом пер.; 6 – мельница Е. Г. Куц рядом с Константиновской площадью; 7 – Е. Г. Куц, № 37/14 на углу ул. Магистратской и Стемпковской; 8 – Е. П. Куц, № 8 на ул. Херхулидзевской.

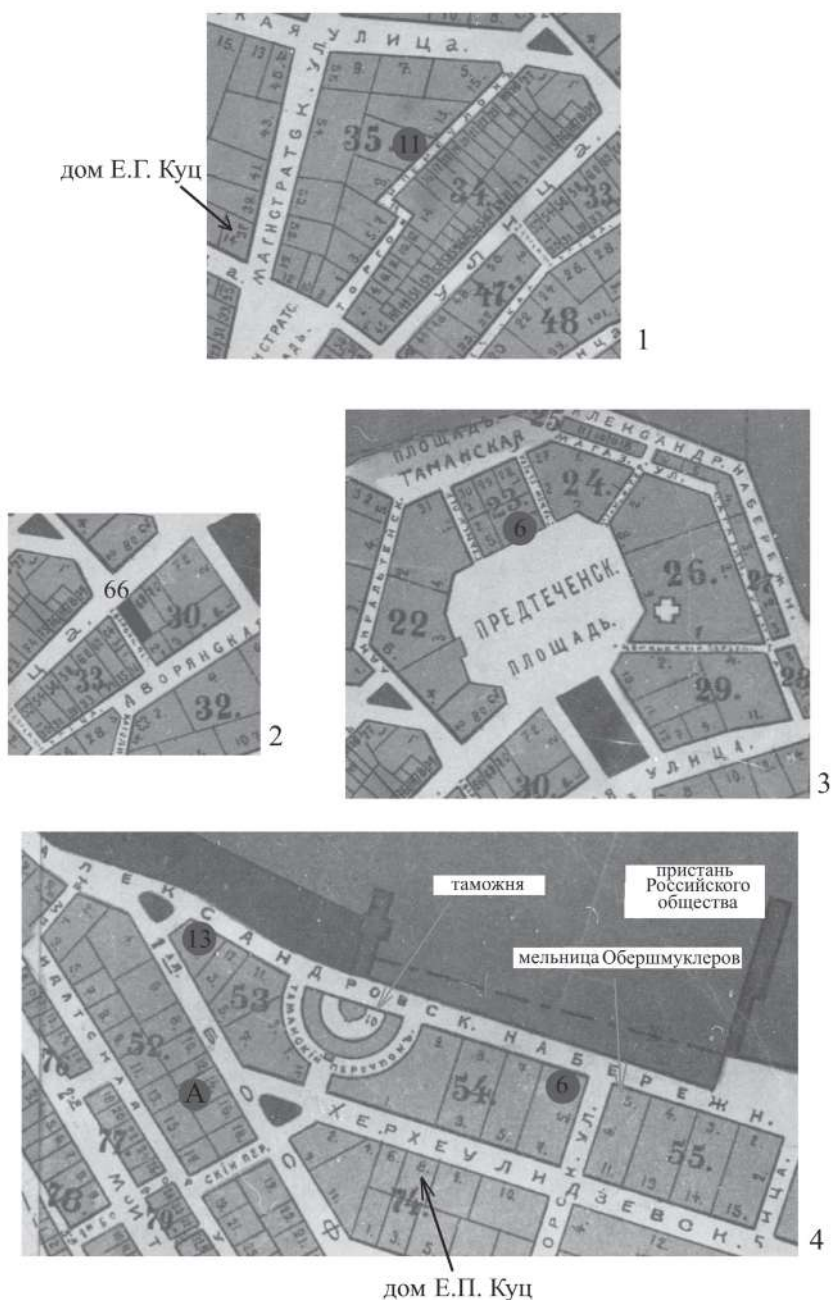

Рис. 7. Фрагменты плана Керчи 1895 г. с указанными на них домовладениями семей Новиковых и Куц. Буквой «А» обозначена Александро-Невская церковь, прихожанами которой были семейства Новиковых и Куц.

1

2

3

Рис. 8. 1 – центральная часть Керчи между 1895–1905 гг. Белым овалом показан дом А.В.Новикова № 66 на ул. Воронцовской, красным овалом – дом М. Г. Новиковой № 6 на Предгеченской площади; 2 – ул. Воронцовская, почтовая карточка (между 1907–1917 гг.), красной стрелкой показан дом № 66 А. В. Новикова; 3 – ул. Ленина (бывш. Воронцовская). Апрель 1944 г. Перезахоронение генерал-майора Б. Н. Аршинцева. Красной стрелкой показан бывший дом № 66 А. В. Новикова.

1

2

3

Рис. 9. 1 – участок квартала, где находился дом А. В. Новикова № 66, 1951 г. (фотография из фондов ВКИКМЗ); 2 – сквер на месте бывшего квартала, в котором находился дом № 66 А. В. Новикова (показан белым овалом). Траурный митинг в день смерти И. В. Сталина, 5 марта 1953 г.; 3 – сквер Мира у городского дома культуры им. А. С. Пушкина, 1970-е гг. Белым овалом показано место, где находился дом № 66 А. В. Новикова.

1

2

3

Рис. 10. 1 – бывший дом № 66 на Предтеченской площади М. Г. Новиковой. 1930-е гг. (фотография из фондов ЦМТ); 2 – бывший дом № 66 на Предтеченской площади М. Г. Новиковой. Вид со стороны внутреннего двора, 1930-е гг.; 3 – вид на бывший дом № 66 М. Г. Новиковой со стороны Митридатской лестницы, апрель 1944 г.

1

2

Рис. 11. 1 – вид со стороны Митридатской лестницы на участок, в пределах которого находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, 1945 г.; 2 – вид со стороны залива на 23-й квартал, в котором находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, 1943 г.

1

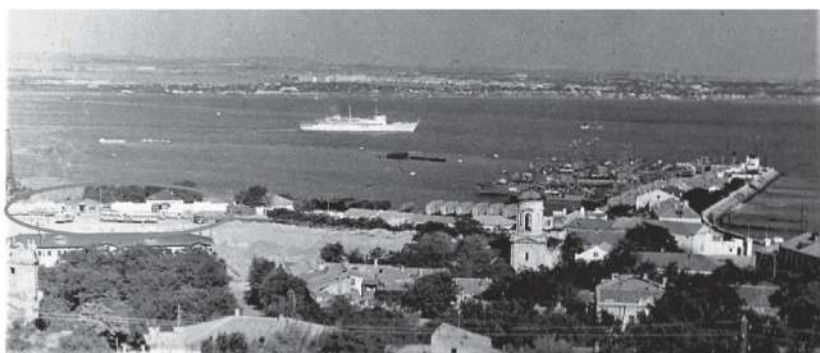

2

Рис. 12. 1 – вид со стороны Таманской площади на 23-й квартал, в котором находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, 1943 г.; 2 – вид со стороны залива на 23-й квартал, в котором находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, 1944 г.

1

2

Рис. 13. 1 – вид со стороны Митридатской лестницы на участок, в пределах которого находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, вторая половина 1950-х гг.; 2 – вид со стороны Митридатской лестницы на участок, в пределах которого находился бывший дом № 66 М. Г. Новиковой, 1963–1964 гг.

1

2

3

Рис. 14. 1 – площадь Ленина, 1967 г., вид с г. Митридат. Красным овалом показано место, где находился дом № 66 М. Г. Новиковой; 2 – дом М. Г. Новиковой № 13 по Александровской набережной, фотография Е. Кирьякова, вторая половина 1860-х гг.; 3 – здание Керченской таможни к югу от дома № 13 М. Г. Новиковой, построенной в 1862–1863 гг., фотография 1895 г.

1

2

Рис. 15. 1 – дом № 13 М. Г. Новиковой по Александровской набережной. Почтовая карточка, первое десятилетие XX в.; 2 – дом № 13 М. Г. Новиковой по Александровской набережной, после 1900 г.

1

2

Рис. 16. 1 – ул. Свердлова в г. Керчи. Красным овалом обведен бывший дом №13 М.Г.Новиковой. На переднем плане строится дом № 14, 1956 г.; 2 – г. Керчь. Городская набережная. Перед гостиницей «Море» белым овалом показано примерное место, на котором находился дом № 13 М. Г. Новиковой. Современная фотография.

1

2

3

Рис. 17. 1 – Александровская набережная. Красной стрелкой показан дом № 6 М. Г. Новиковой, слева от него 5-ти этажное здание мельницы братьев Обершмуклер, 1895 г.; 2 – Александровская набережная. Белой стрелкой показан дом № 6 М. Г. Новиковой, конец XIX в.; 3 – трехэтажный жилой дом на месте дома № 6 М. Г. Новиковой, 1943 г.

1

2

3

Рис. 18. 1 – трехэтажный жилой дом на месте дома № 6 М. Г. Новиковой, 1943 г.; 2 – Керчь, 1964 г. Слева парк культуры и отдыха на набережной. Красным кругом показано место, где находился дом № 6 М. Г. Новиковой; 3 – парк культуры и отдыха на набережной. Красным кругом показано место, где находился дом № 6 М. Г. Новиковой. Современная фотография.

1

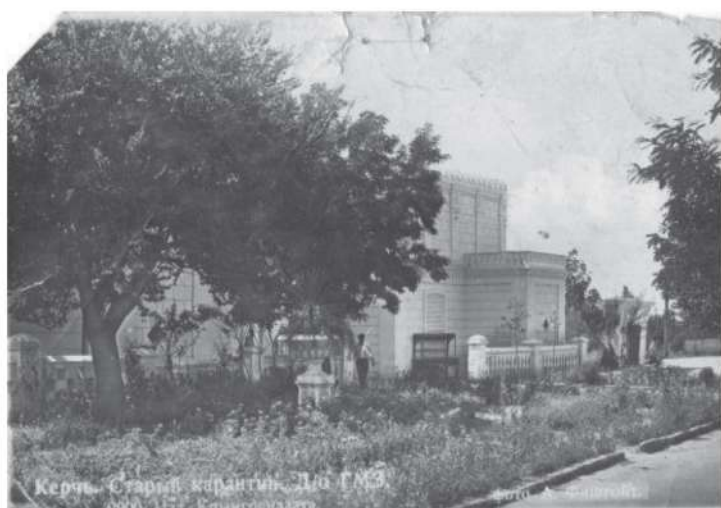

2

Рис. 19. 1 – Г. О. Калмыков «Южный сад. Имение Г. Куц близ Керчи». Репродукция картины на Открытом письме, начало XX в.; 2 – Г. О. Калмыков «Крымский берег», 1930 г. Холст, масло. Фотография с сайта Аукционного дома «Совком», г. Москва.

1

2

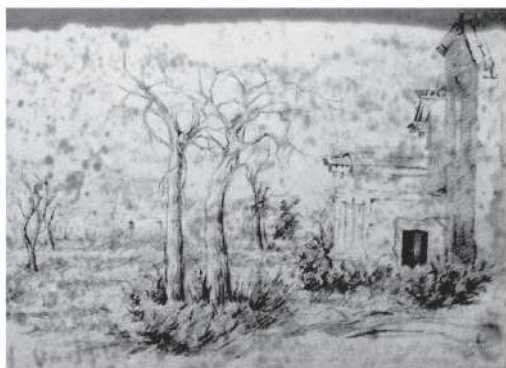
Рис. 20. 1 – дачи на берегу моря в пос. Старый Карантин, начало XX в. На переднем плане дача А. П. Карпенко-Бережецкого, с 1914 г. А. И. Глазунова (фотография из фондов ВКИКМЗ); 2 – дом отдыха Государственного металлургического завода на бывшей даче А. П. Карпенко-Бережецкого, фотография А. Фишгойт, 1935 г.

1

2

3

Рис. 21. 1 – беседка и лестница к морю в доме отдыха Государственного металлургического завода на бывшей даче А.П. Карпенко-Бережецкого, 3 октября 1933г.; 2 – одна из построек на бывшей даче А. П. Карпенко-Бережецкого, первая половина 1950-х гг.; 3 – А. С. Китаев «Поселок Эльтиген», 1947. Бумага, карандаш. Новороссийский исторический музей-заповедник. С правой стороны «господский» дом имения Новиковых или Гурьевых.

1

2

Рис. 22. 1 – старое кладбище на г. Митридат, 1943 г.; 2 – старое кладбище на г. Митридат, 1918 г.

В. С. ВАГАНОВ¹
V. S. VAGANOV

**«РЕОРГАНИЗОВАННЫЙ И ОБНОВЛЕННЫЙ»
КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ В 1920-Х ГОДАХ: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРА
ПРОПАГАНДЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА**

**“REORGANIZED AND RECLAIMED” KERCH STATE
ARCHAEOLOGICAL MUSEUM IN THE 1920S: FORMATION
OF A CENTER FOR PROPAGANDA OF THE CULTURAL
HERITAGE OF CRIMEA**

Первое десятилетие советской власти стало периодом масштабной реорганизации музейного дела в Крыму. В это время создавалась централизованная музейная сеть, включавшая в себя, как музеи, функционировавшие в досоветский период так и открывающиеся новые учреждения. По мере складывания организованной музейной сети на полуострове, формулировались новые задачи и методологические принципы работы. Новый советский музей должен был стать в первую очередь научно-просветительской организацией, направленной на работу с широкими массами населения и одновременно проводником государственной политики в области просвещения и культурной революции.

Ведущей организацией, взявшей на себя реализацию задач по сохранению и популяризации культурного наследия полуострова, стал КрымОХРИС (Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта). Под эгидой КрымОХРИСа оказались все существующие в Крыму музеи, в том числе и Керченский музей древностей, переименованный в Керченский государственный археологический музей [Ваганов, 2024, с. 3].

Становление Керченского музея, как просветительского центра началось в разгар революционного лихолетья и связано с личностью Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970), занявшего пост директора в ноябре 1919 года, чему поспособствовал Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), обратившись напрямую в управление народного просвещения при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России. На новой должности Гриневич развернул активную деятельность, направленную в первую очередь на сохранение вверенных ему памятников и музейных фондов от разрушения и разграбления. Тем не менее, значительная часть работы Гриневича была направлена на популяризацию керченских древностей. Многие идеи и методы, сформулированные Гриневичем, легли в основу дальней-

¹ Научный руководитель: д. и. н., профессор Андрей Анатольевич Непомнящий.

шей культурно-просветительской деятельности музея [Непомнящий, 2017, с. 112].

В октябре 1921 года К. Э. Гриневича на посту директора музея сменил известный археолог Юлий Юльевич Марти (1874–1959), занимавший этот пост до 1939 года. В первые годы Советской власти стали для музея периодом «тяжелый переживаний» [Марти, 1926, с. 45]. Музей был подвергнут вооруженному ограблению, что привело к утрате ряда артефактов, несколько ценных сотрудников музея погибли в результате голода, начавшегося в Крыму в 1921 году. Несмотря на трудности, музей продолжил развиваться. Был открыт художественный отдел, который возглавил известный живописец Домиан Васильевич Шибнев (1881–1930). Керченский революционный комитет передал в ведение музея здание бывшего особняка Месаксуди, одного из лучших зданий в городе, что позволило значительно расширить выставочное пространство и активизировать просветительскую работу [Марти, 1926, с. 46].

Одной из особенностей процесса реорганизации учреждений культуры Крыма, проводимой в первые годы советской власти стало создание новых и укрупнение старых музеев. Таким образом, в 1922 году в структуру Керченского ОХРИСа входили: Центральный музей древностей, Картинная галерея, Отделение Центрального музея на г. Митридате, Мелик-Чесменский курган, Царский курган, Склеп Деметры, Раскопки на г. Митридат [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 4].

Важным этапом становления Керченского музея, как центра пропаганды культурного наследия стал Первый Всекрымский съезд работников областных комитетов по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы с участием представителей Ученого совещания при КрымОХРИСе, академического центра и музейного отдела Главнауки РСФСР (5–9 октября 1922 года). Помимо главных вопросов организационной структуры музейной сети Крыма, поднимаемых на съезде, в итоговой резолюции были сформулированы основные задачи в сфере культурно-просветительской работы. Ключевые направлениями этой деятельности стали: учреждения при окружных ОХРИСах обществ друзей крымской старины, устройство передвижных музеев с отделами по краеведению и народному искусству, организация выставок, экскурсий и публичных лекций, издательство научно-популярной литературы [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 317. Л. 286]. В исполнении резолюций Первого съезда ОХРИСа в 1924 году при Керченском музее был открыт краеведческий отдел, на который были возложены задачи по организации просветительской работы и пропаганды культурного наследия. Как утверждает Ю. Ю. Марти «С этого момента Музей, реорганизованный и обновленный, развивает широкую культурно-просветительскую и научно-исследовательскую деятельность» [Марти, 1926, с. 46].

Одним из приоритетных направлений просветительской деятельности Керченского музея были историко-археологические экскурсии. Начиная с 1922 года в музее была налажена планомерная экскурсионная работа. Ценным источником, отражающим процесс становления Керченского музея, как центра пропаганды культурного наследия являются отчеты Керченского ОХРИСа, направляемые в Главнауку Наркомпроса РСФСР. Согласно отчетам за 1922–1925 годы количество экскурсий в

основном росло, становился более разнообразным социальный состав экскурсантов, в перечень посещаемых объектов добавлялись новые памятники керченского полуострова. В 1922 году в составе групп музеев посетило 717 человек. Среди экскурсантов: учащиеся местных школ, студенты рабочих факультетов из Симферополя и Севастополя, курсанты Командных курсов РККА, красноармейцы, работники Азовской научно-промысловой экспедиции. Участники экскурсий посещали: Царский и Мелек-Чесменский курганы, склеп Деметры, объекты на горе Митридат. По просьбе рабфаковцев были открыты Стасовская и Сараковская катакомбы [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 160б].

В 1922–1923 отчетном году количество посещающих музеев значительной выросло и составило 3993 человека, было организовано 53 экскурсии историко-археологической направленности и 27 искусствоведческих экскурсий, под руководством сотрудников художественного отдела. К категориям экскурсантов добавились военморы и учителя народной татарской школы в г. Керчь. Общая тематика и задача экскурсий – знакомство с природными и историческими богатствами Крыма. Наибольший интерес у экскурсантов вызывали «чернолаковая греческая посуда, древний царевеческий саркофаг; так называемый финикийский разноцвет, погребальные урны, содержащие прах покойника, готские деформированные черепа», а также «в историческом отделе грубая варварская посуда, представляющая контраст с изящной эллинской посудой, содержание надписи тмутараканского камня (гипсовый слепок) и коллекции денежных знаков 1917–1923 года». Многие участники экскурсий интересовались принципами организации музейной экспозиции и выставления предметов, вели дневники [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 33].

В 1923–1924 отчетном году количество экскурсантов так же возросло и достигло 6496, общее число экскурсий 232 (местных 172, приезжих 60). Преобладающими категориями участников экскурсий были учащиеся трудовых школ, фабрично-заводских училищ, детских домов, рабфаковы, красноармейцы, рабочие, ряд посещений было организован совместно с Бюро рабочих экскурсий при Крымском совете профсоюзов. Руководство экскурсиями в основном осуществлял директор Ю. Ю. Марти и сотрудники краеведческого отдела музея [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 50].

В 1924–1925 отчетном году количество экскурсий несколько уменьшилось и достигло 183, общее число организованных экскурсантов – 5788. Снижение числа экскурсантов объяснялось дождливым летом и плохим морским сообщением с Керчью (пароходы останавливались на рейде ночью). В летний период преобладающей категорией посетителей были советские работники, в период учебного года – школьники 1 и 2 ступени [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 100].

К середине 1920-х годов окончательно сформировалась тематическая направленность экскурсий, в отчете Керченского ОХРИСа впервые появляются названия экскурсий, среди них: «Прошлое Керчи» «Техника вазовой живописи», «Эволюция керамики», «Земледелие и рабство на Боспоре», «Торговые отношения Боспора с другими странами», «Старая и новая живопись», «Аджимушкайское восстание»,

«Природные богатства керченского полуострова». В отчете также представлены сведения об объектах вызывающих наибольших интерес посетителей «Больше всех посещаются экскурсантами: центральный музей, дающий эволюцию культуры местного края с древних времен до революции. В центральном музее, кроме античного отдела древностей посетители больше всех привлекает небольшое собрание картин и отдел местной революции» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 100]. Также интерес экскурсантов вызывали «Митридатский музей, дающий эволюцию культуры и общее представление о культуре Боспорского царства, Склеп Деметры с интересной стеной живописью, иллюстрирующей религиозные воззрения пантикапейцев, Царский курган с его грандиозными сводами в галерее и погребальной камере» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 100 об].

В 1924–1925 годах началось сотрудничество музея с Российским обществом по изучению Крыма (РОПИК) по экскурсионному направлению. Ю. Ю. Марти совместно с представителями керченского отделения РОПИК совершили ряд экскурсий в ближайшие окрестности керченского района с целью осмотра Царского и Золотого курганов, древнего оборонительного вала. А также, с целью собирания краеведческого материала посещали Булганакские сопки и жемчужные рудники [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 100об].

Ещё одним направлением просветительской деятельности музея, во многом дополнявшим экскурсионное было чтение научно-популярных лекций по истории, археологии и искусствоведению. В первые годы после открытия музея происходит развитие лекционного формата массовой работы. Всем посещающим музей читались лекции об истории Боспорского царства и давались соответствующие пояснения по отдельным археологическим объектам и артефактам из музейной экспозиции. В отчетах Керченского ОХРИСа поясняется, что систематическому чтению лекций мешает отсутствие подходящего помещения «В музее нет специального помещения для лекций за недостатком мебели. Необходимо оборудовать небольшую и тихую хотя бы человек на 40 аудитории, что возможно сделать в зале Исторического Отдела или в одной из комнат картинной галереи. Обыкновенно лекция ведется сотрудником при осмотре экспонатов» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 33].

В 1922–1923 отчетном году количество лекций возросло с 10 до 100. Основными темами были: «Прошлое Керчи», «Керченские древности» (с отклонением в область истории керамики и техники экспонатов). В художественном отделе читались лекции по русской и европейской живописи. В отчете утверждается, что «лекции подбираются согласно музейному обозреваемому материалы и задача лектора использовать материал, считаясь с составом слушателей и их развитием» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 34].

В 1923–1924 отчетном году продолжается увеличение числа лекций, их число составило 182 (161 по археологии, 61 по истории искусств), общее число слушателей достигло 6496 человек. Расширяется спектр тематик, директор и сотрудники музея читают лекции, посвященные торговым и дипломатическим отношениям Боспора

с другими античными полисами и народами северного Причерноморья («История Боспора и причины его расцвета», «Торговые отношения Боспора с другими странами», «Скифы и их культура») археологическим памятникам керченского полуострова («Боспорские курганы и их содержимое (Куль-Оба, Юз-Оба)», «Гробничная живопись в Керченских катакомбах», «Готские древности»), музейным артефактам и коллекциям («Греческая чернолаковая посуда: чернофигурная и краснофигурная», «Терракоты и их культурное значение»), топографии древнего Пантикапея, истории Тмутараканского княжества, событиям гражданской войны на керченском полуострове («Аджимушкайское восстание в 1919 году»). По истории искусств: «Русская живопись», «Возрождение на Западе (Рубенс, Рембрант)», «Восточное искусство», «Революционный плакат» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 56].

В 1924–1925 отчетном году на фоне общего уменьшения количества посещающих музей снижалось и число лекций, всего их было прочитано 145 (84 по археологии, 61 по истории искусств), общее число слушателей составило 4675 человек. По-прежнему существовала проблема отсутствия лекционных аудиторий, лекции проводились при обходе зала, при больших группах слушателей использовался двор музея и помещения научной библиотеки. Лекции по краеведению организовывались совместно с Российский обществом по изучению Крыма (РОПИК). Лекторами выступили заведующий ихтиологической лабораторией А. И. Александров, школьный работник и секретарь общества З. П. Филинов, заведующий картинной галерей Д. В. Шибнев, сын директора музея, студент сельскохозяйственного техникума в Ленинграде В. Ю. Марти [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 112об].

Таким образом, в первой половине 1920-х происходило становление и развитие экскурсионного и лекционного формата массовой просветительской деятельности, который стал занимать ключевое место в работе Керченского музея. Кроме задач по общему повышению образовательного уровня экскурсантов и слушателей лекций, выполнялись и идеологические задачи. В дополнительных ответах на вопросы к отчету о работе Керченского музея за 1923–1924 годы подчеркивается, что «Идеологическая основа всей деятельности – материалистические объяснения местной истории на экономической и производственной базе, с целью выяснения закономерности исторического процесса.» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004. Л. 54об].

Повышение интереса к памятникам истории керченского полуострова и расширение экскурсионной работы сподвигли сотрудников начать работу над путеводителем по Керченскому музею. Подобные попытки предпринимались предыдущим директором музея К. Э. Гриневичем в «керченский» период его деятельности до отъезда в Ленинград.

Так, в 1919 году из-под его пера вышел «Краткий археологический спутник по Керченскому музею». Издание содержало в себе сведения о начале греческой колонизации керченского полуострова, становлении Боспорского царства и развитии Пантикапея, как крупного политического и торгово-ремесленного центра Северного Причерноморья. Большое внимание уделяется репрезентации археологических

памятников Боспора, в первую находкам из эллинских погребений. Завершается брошюра перечнем экспонатов, выставленных в экспозиционном зале, а также описанием памятников музейного лапидария. В целом, археологический спутник носил популярный характер и было крайне лаконичным (16 страниц). Данное издание, должно было временно заменить, так и не вышедший общий каталог коллекций музея. В 1920 году путеводитель был дополнен историческим очерком о древнем Пантикапее и описанием экспозиции, посвященной Боспорскому царству и переведен на французский язык, выйдя под названием «L'Archéologie classique de Panticapée:(introduction aux études archéologiques de Kertch)» («Классическая пантикапейская археология (Введение в Керченские археологические исследования)») [Непомнящий, 2017, с. 118].

Эти издания, выходившие с большим трудом и небольшими тиражами не могли, в конечном итоге закрыть потребность в полноценном научно-популярном справочном издании. По этой причине К. Э. Гриневиц с начала 1920-х вел работу по созданию расширенного путеводителя по керченским древностям. Материалы, предполагаемого издания к середине десятилетия уже насчитывали 150 рукописных листов и содержали в себе ряд ценнейших сведений об исследовании памятников керченского полуострова в первой четверти XX века. Первое издание путеводителя планировалось к печати в 1926 году, к началу Конференции археологов СССР в Керчи, однако так и не увидело свет [Непомнящий, 2017, с. 119].

Таким образом, ниша единого, современного справочного издания по керченским древностям оставалась незаполненной. Эту ситуацию исправил вышедший в 1926 году «Путеводитель по керченским древностям» под авторством Ю. Ю. Марти. В предисловии к изданию среди причин, побудивших дирекцию музея начать его разработку, называются рост экскурсионного потока и необходимость «подготовить экскурсанта к пониманию керченских древностей» [Марти, 1926, с. 1]. Также указывалось, что текст путеводителя был готов еще 1924 году, однако издан он был только через два года, после получения от КрымОХРИСа советуемых денежных средств на печать тиража в 2000 экземпляров. Издание было приурочено к 100-летию Керченского музея и началу Конференции археологов СССР в Керчи. В создании путеводителя помимо сотрудников Керченского музея приняли участие: работник Феодосийского музея Петр Никифорович Заболоцкий и будущие известные советские археологи, тогда студенты Ленинградского университета Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966) и Александр Игнатьевич Семенов (1906–1974).

Первый раздел путеводителя «Прошлое Керчи» представляет собой краткий очерк по истории Боспорского царства, его мировом значении и связях с эллинской и варварским скифо-сарматским миром. Далее следуют разделы, посвященные археологическим памятникам керченского полуострова. Повествование в путеводителе выстроено в характерной для небольших путеводителей того времени форме экскурсионного рассказа. Первым объектом выступает археологический комплекс на восточном склоне и вершине горы Митридат, где экскурсантам предлагается познако-

мится с топографией древнего города. Затем следует описание Мелек-Чесменского кургана, его дромоса, погребальных сооружений, надгробных стел античного и средневекового периода. Далее следует описание фресок склепа Деметры, и комплекса Царского кургана. В завершающем разделе путеводителя представлено подробный рассказ о коллекциях и отдельных артефактах основного помещения музея. Издание снабжено иллюстративным материалом: планами археологических раскопок и картой Керчи, на которой для удобства экскурсантов указаны важнейшие памятники [Марти, 1926].

Ещё одним изданием, приуроченным к 100-летию музея и началу конференции стала брошюра «Сто лет Керченского музея» под автором Ю. Ю. Марти, выпущенная в 1926 году тиражом в 1000 экземпляров. В данном очерке Ю. Ю. Марти попытался раскрыть основные исторические этапы исследования археологическим памятников керченского полуострова и развития музея. Очерк состоит из двух больших разделов. Первый содержит в себе шесть глав: «Археология Керчи до открытия музея»; «Начало деятельности музея»; «Период широкой организации правительством курганных раскопок»; «Продолжение расследования курганов по обновленным методам»; «Период научной постановки археологического дела» и «Керченский музей в период 1917–1926 г.». Второй раздел содержит летопись раскопок и открытий на Керченском и Таманском полуостровах в период с 1792 по 1926 год, восстановленную на основе ныне утраченных документов из архива Керченского музея. Кроме основного текста разделов очерк содержит множество иллюстративного материалы: портреты директоров музея, коллективные фотографии сотрудников, изображение здания и помещений музея, наиболее примечательных экспонатов и памятников, фотолетопись раскопок и др. На популярный характер издания указывает библиографический список «Главнейшая литература по древностям Боспора», где помимо специализированных научных изданий представлена подборка популярной литературы для широкого читателя [Марти, 1926а].

Хоть и главной целью издания являлось донести до властей и научной общественности важность активизации научных исследований Боспора, важное место в издании занимает презентация просветительской работы музея: «Реорганизованный и обновленный Керченский музей приблизился к школе и широким массам, всемерно содействуя социалистическому просвещению» [Марти, 1926, с. 27].

Первая конференция археологов СССР в г. Керчи, приуроченная к 100-летию Керченского музея стала не только крупнейшим научным событием середины 1920-х годов, но и привлекла большое внимание и интерес широкой общественности к памятникам истории и археологии Крыма [Непомнящий, 2019]. Кроме упомянутых выше популярных изданий, вышедших в преддверии конференции большую роль в освещении событий научного собрания и популяризации культурного наследия полуострова, сыграли местные средства массовой информации, в первую очередь газеты: «Красный Крым» и «Красная Керчь». На страницах главной газеты Крымской АССР «Красный Крым» за 1926 год вышло 10 заметок и статей, посвященных древностям

Керчи. Авторами выступили, как крымские ученые и деятели культуры, так и представители государственных органов координации научных исследований (Главнаука СССР). Среди них наиболее выделяются: статья П. Бранцева «Древний город Пантикапей»; Ю. Ю. Марти «Столетний юбилей Керченского археологического музея»; К. Э. Гриневича «Музей древностей»; Н. Л. Эрнста «Значение Керчи в мировой археологической науке»; А. И. Полканова «Привет археологической конференции»; И. Н. Бороздина «Крым в беге столетий»; Ф. Н. Петрова «Значение Керченской археологической конференции» [Бранцев, 1926; Марти, 1926б; Гриневич, 1926; Эрнст, 1926; Полканов, 1926; Бороздин, 1926; Значение..., 1926].

Таким образом, в первой половине 1920-х годов происходило становление Керченского государственного археологического музея, как центра пропаганды и популяризации культурного наследия. В этот период окончательно формируются формы и методы просветительской работы: экскурсионная и лекционная деятельность, издательство научно-популярной литературы. Просветительская и массовая работа музея в этот период становится основной формой деятельности музея.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бороздин И. Н. Крым в беге столетий // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 174 (1691). 1 августа. С. 2.
- Бранцев П. Древний город Пантикапей // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 55(1572). 7 марта. С. 5.
- Ваганов В. С. Крымохрис – организатор пропаганды памятников истории // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2024. Т. 10, № 2. С. 3–17.
- Гриневич К. Э. Древний город Пантикапей // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 134 (1651). 15 июня. С. 2.
- Значение Керченской археологической конференции (из беседы с начальником Главнауки Ф.Н. Петровым) // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 214 (1731). 21 сентября. С. 2.
- Марти Ю. Ю. Путеводитель по керченским древностям / Гос. Керченский археол. музей. Керчь: Крымполиграфтрест, 1926. 60 с., 10 ил.
- Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея (Исторический очерк) / Гос. Керченский археол. музей. Керчь: Крымполиграфтрест, 1926а. 17 с.
- Марти Ю. Ю. Столетний юбилей Керченского археологического музея // Красный Крым. Симферополь, 1926б. № 133 (1650). 13 июня. С. 2.
- Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К.Э.Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3, № 2. С. 111–122.
- Непомнящий А. А. Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // Боспорские исследования. 2019. Вып. 39. С. 404–423.
- Полканов А. И. Привет археологической конференции // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 204 (1791). 5 сентября. С. 3.

Эрнст Н. Л. Значение Керчи в мировой археологической науке // Красный Крым. Симферополь, 1926. № 134 (1951). 15 июня. С. 2.

REFERENCES

- Borozdin I. N. Krym v bege stoletii. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 174 (1961), August 1, pp. 2.
- Brantsev P. «Drevnii gorod Pantikapei. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 55 (1952), March 7, pp. 5.
- Vaganov V. S. Krymokhris – organizator propagandy pamiatnikov istorii. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science]*, 2024, T. 10, No. 2, pp. 3–17.
- Grinevich K. E. Drevnii gorod Pantikapei. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 134 (1951), June 15, pp. 2.
- Znachenie Kerchenskoi arkheologicheskoi konferentsii (iz besedy s nachal'nikom Glavnauki F. N. Petrovym). *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 214 (1951), September 21, pp. 2.
- Marti Iu. Iu. *Putevoditel' po kerchenskim drevnostiam [Guide to the Kerch Antiquities]*. Kerch, Krympoligrafrest Publ., 1926, 60 p., 10 il.
- Marti Iu. Iu. *Sto let Kerchenskogo muzeia (Istoricheskii ocherk) [One Hundred Years of the Kerch Museum (Historical Essay)]*. Kerch, Krympoligrafrest Publ., 1926a, 17 p.
- Marti Iu. Iu. Stoletnii iubilei Kerchenskogo arkheologicheskogo muzeia. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926b, No. 133 (1950). June 13, pp. 2.
- Nepomniashchii A. A. «Ia sobiraius' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science]*, 2017, T. 3, No. 2, pp. 111–122.
- Nepomniashchii A. A. Kerchenskaia arkheologicheskaiia konferentsiia po vospominaniiam uchastnikov: krymovedcheskie kommunikatsii pervogo sovetskogo desiatiletiia. *Bosporiskie issledovaniia [Bosporos Studies]*, 2019, Vol. 39, pp. 404–423.
- Polkanov A. I. Privet arkheologicheskoi konferentsii. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 204 (1951), September 5, pp. 3.
- Ernst N. L. Znachenie Kerchi v mirovoi arkheologicheskoi nauke. *Krasnyi Krym [Red Crimea]*, Simferopol, 1926, No. 134 (1951), June 15, pp. 2.

Резюме

В статье представлен процесс становления Керченского государственного археологического музея, как центра пропаганды культурного наследия Крыма в 1920-е годы. На основе архивных материалов, газет и справочных краеведческих изданий показаны принципы и методы просветительской работы, место Керченского государственного археологического музея в системе музейных организаций Крымской АССР. Раскрыта роль директора музея Ю. Ю. Марти (1874–1959) в формировании практики пропаганды культурного наследия Крыма в деятельности музея.

Ключевые слова: музеи, культурное наследие, пропаганда, крымоведение, Керчь, археология, путеводитель.

Summary

The article demonstrates the process of formation of the Kerch State Archaeological Museum as a propaganda center of the cultural heritage of Crimea in the 1920s. Based on archival materials, newspapers and reference publications on local history, the principles and methods of educational work, the place of the Kerch State Archaeological Museum in the system of museum organizations of the Crimean ASSR are shown. The role of the director of the museum Yu. Yu. Marty (1874–1959) in the formation of the practice of propaganda of the cultural heritage of Crimea in the activities of the museum is revealed.

Key words: museums, cultural heritage, propaganda, Crimean studies, Kerch, archeology, guidebook.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Вячеслав Сергеевич
аспирант исторического факультета
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
преподаватель кафедры общеобразовательных
дисциплин Российского государственного
университета правосудия (Крымский филиал)
(г. Симферополь, ул. Павленко 5)
Vaganov.hist@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vaganov Vyacheslav Sergeevich
postgraduate student of the Faculty of History
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Lecturer at the Department of General Education
Russian State University of Justice (Crimean branch)
(Simferopol, Pavlenko str. 5)
Vaganov.hist@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века
БИ	– Боспорские исследования
ВДИ	– Вестник древней истории
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
МАР	– Материалы по археологии России
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ОНИ ПНЦ РАН	– Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской академии наук
РА	– Российская археология
САИ	– Свод археологических источников
СА	– Советская археология
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Лазаренко В.Г.

Семантика изображений сетки (решетки) на граффити,
найденных при исследовании античных памятников
Северного Причерноморья.....3

Петракова А.Е.

Фрагменты краснофигурных аттических чаш
из раскопок Пантикапея в 1867-68 и 1975 годов
в собрании Эрмитажа: мастерская Мастера Иены и Мастер Q 36

Анисимов К.А.

Политические и генеалогические связи одрисов
и скифов в V – IV вв. до н.э. в свете данных письменных
и археологических источников 79

Суворова Н.И.

К вопросу о преемственности культур
Елизаветовского и Недвиговского городищ (на примере
анализа предметов коропластики).....93

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л.

Надо ли искать античные дороги на Керченском полуострове? 107

Волошинов А.А.

О назначении варварских «баз» римского времени.....122

Панченко В.В.

Новые находки изображения Девы с ближней хоры Херсонеса
(по результатам полевых исследований конца XX – начала XXI вв.).....162

Маркова К.О.

К вопросу о времени бытования амфор боспорского производства
(по результатам раскопок городища «Белинское» в 1996-2024 гг.).....176

Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Юркова Д.С.

Интерпретация находки фрагмента улья на памятнике
«Аджизель I» в Восточном Крыму 193

<i>Внуков А.А., Алиева Л.Х., Маркова К.О.</i> К вопросу о присутствии гуннов христиан на рубеже IV-V веков в Северном Причерноморье.....	205

<i>Письмарова А.В.</i> Раннесредневековые бусы из Куриловского «антского» клада (Суджанский район, Курская область).....	217

<i>Алексеевко Н.А.</i> Поддельный гульден ольденбургского графа Антон Гюнтера из Юго-Восточного Крыма	234

<i>Прохоров Д.А.</i> «Весьма важную приобретет чрез то пользу казна Вашего Императорского Величества...»: к истории создания и функционирования феодосийского монетного двора в конце XVIII – начале XIX века	248

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Зинько В.Н., Зинько А.В.</i> Новые исследования некрополя Нимфея.....	271

<i>Кашаев С.В.</i> Грунтовой склеп 2023 года из раскопок некрополя Артющенко-2	300

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Виноградов Ю.А.</i> Н.П. Кондаков и античная археология России.....	315

<i>Куликов А.В., Пономарев Л.Ю.</i> Керченский коллекционер древностей А.В. Новиков: биография, семья и родственники.....	355

<i>Ваганов В.С.</i> «Реорганизованный и обновленный» Керченский Государственный археологический музей в 1920-х годах: становление центра пропаганды культурного наследия Крыма.....	433

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	443

CONTENTS

ARTICLES

Lazarenko V. G.

Semantics of grid images on graffiti found during the study
of ancient monuments of the northern black sea region 3

Petrakova A.E.

Fragments of red-figure athenian cups from the excavations
of Pantikapaion in 1867–68 and 1875 in the collection of the Hermitage:
the workshop of the Jena Painter and the Q Painter..... 36

Anisimov K.A.

Political and genealogical ties between the odrysians and scythians
in the 5th-4th centuries b.c. in the light of written and archaeological sources..... 79

Suvorova N. I.

To the question of continuity of culture of elizavetovskoye and nedvigovskoye
settlements (on the example of analysis of coroplastics objects) 93

Zubarev V.G., Smekalov S.L.

Is it necessary to look for ancient roads on the Kerch peninsula?..... 107

Voloshinov A.A.

About the appointment of the barbarian «bases» of roman time 122

Panchenko V.V.

New finds of parthenos' images from the near Chora of Chersonesos
(based on the results of field researches of the late 20th –
beginning of the 21st centuries) 162

Markova K.O.

On the question of the time of the existence of bosporan amphorae
(based on the results of excavations of the Belinskoye settlement in 1996-2024)..... 176

Yartsev C. V., Shushunova E. V., Yurkova D.S.

Interpretation of the discovery of a beehive fragment
at the monument «Adzhel I» in Eastern Crimea 193

<i>Vnukov A.A. , Alieva L.Kh. , Markova K.O.</i> On the presence of christian hunns at the turn of the 4th-5th centuries in the Northern Black sea region.....	205

<i>Pismarova A. V.</i> Early medieval beads from the Kurilovka «antes» hoard (Sudzhansky district, Kursk region)	217

<i>Alekseienko N. A.</i> A counterfeit gulden of the count Anthony Günther of oldenburg from the South-Eastern Crimea	234

<i>Prokhorov D.A.</i> “Your imperial majesty’s treasury will be acquire of Very Important Benefit...”: on the history of the foundation and functioning of the theodosia mint at the end of the 18th – beginning of the 19th century	248

PUBLICATION

<i>Zin'ko V.N., Zin'ko A.V.</i> New research on the nymphaeum Necropolis	271

<i>Kashaev S.V.</i> Ground cript from the excavations of Artjuschenko-2 necropolis in 2023.....	300

HYSTORY

<i>Vinogradov Yu.A.</i> N.P. Kondakov and classical archaeology of Russia.....	315

<i>Kulikov A.V., Ponomarev L.Yu.</i> Kerch antiquities collector A.V. Novikov: biography, family and relatives.....	355

<i>Vaganov V. S.</i> «Reorganized and reclaimed» Kerch State archaeological museum in the 1920s: formation of a center for propaganda of the cultural heritage of Crimea	433

LIST OF ABBREVIATIONS.....	443

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. I

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук:
5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 03.03.2025 г.
Дата выхода в свет 29.04.2025 г.
Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 36,4.
Тираж 300 экз. Заказ 128.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.